

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855312 4

159

*QCA
Moskvityanin

МОСКВИТЯНИНЪ,

7698

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погодинымъ.

1855.

ТОМЪ I.

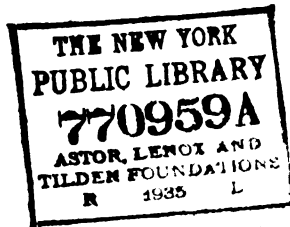

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ: В. ГОТЬЕ И СТЕПАНОВОЙ.

1855.

19

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 4 дня, 1855 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 1.

Я Н В А Р Ъ .

К н . 1 .

— 000 —

С Л О В А И Р Ъ Ч И ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ИННОКЕНТИЕМЪ,

АРХИЕПИСКОПОМЪ ХЕРСОНСКИМЪ И ТАВРИЧЕСКИМЪ,

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ НЫНѢШНЕЙ ВОЙНЫ.

—
С Л О В О ,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ ,

апрѣля 8, 1854 года,

*въ великій четвертокъ, при появленіи предъ Одессою флотовъ
непріятельскихъ.*

PERL, JAN 21 1895

—
Въ такой великій и святой день, какъ нынѣшній, и вездѣ,
гдѣ паче во храмѣ, не хотѣлось бы думать о чемъ-либо дру-
гомъ, какъ о возлюбленномъ Спасителѣ и Господѣ нашемъ, Ко-
торый, нашего ради спасенія, градеть на страсть вольную...
и, видво, такъ угодно было Его же всесвятой волѣ, чтобы

1*

мы, и въ этотъ день, и въ семь священномъ мѣстѣ, подумали нынѣ и побѣдодовали не столько о томъ, что было нѣкогда съ Нимъ, сколько о томъ, что происходитъ теперь съ нами.

Что же съ нами? Не что-либо совершенно новое и неожиданное, и однакоже всего менѣе желанное и пріятное: враги наши, столько времени угрожавшіе намъ своимъ нашествіемъ, наконецъ предъ нами, на водахъ нашихъ....

Въ такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, кои не постигали града нашего со времени его основанія, легко придти въ смущеніе и не малодушному. И вотъ, какъ бы прямо къ ободренію и утѣшенію нашему, мы въ нынѣшній же вечеръ услышимъ изъ устъ самаго Спасителя нашего слѣдующія утѣшительныя слова: *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Держайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (1). Возлюбленнымъ ученикамъ Христовымъ, во время страданій Его, предстояли опасности и искушенія гораздо большія, чѣмъ предстоятъ теперь намъ; и однакоже Божественный Наставникъ не позволяетъ имъ предаваться страху и унынію: *да не смущается сердце ваше; и въ то же время указываетъ имъ на самое вѣрное и дѣйствительное средство къ благодушію: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте!* То-есть, какъ бы такъ говорилъ Господь: имѣйте токмо вѣру живую и упованіе твердое на Меня, и отца Моего, и никакое зло не прикоснется къ вамъ и буря пройдетъ мимо васъ безвредно. Поелику же сей Всемогущій Спаситель есть единъ *вчера и днесъ и тойже во вѣки* (2), поелику Онъ всегда и вездѣ можетъ, какъ свидѣтельствуетъ св. Павелъ, *спасти всѣхъ приходящихъ чрезъ него къ Богу* (3), *живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ*, то мы, въ духѣ вѣры и упованія, не усомнимся обратиться нынѣ утѣшительныя слова Его ко всему граду нашему и сказать: не смущайся и ты, возлюбленный градъ, отъ лица враговъ твоихъ, кои страшны болѣе именемъ своимъ и нашимъ воображеніемъ о нихъ, нежели дѣйствительною воз-

(1) Іоан. XIV, 1. XVI, 33.

(2) Евр. XIII, 8.

(3) Евр. VII, 25.

возможностію вредить намъ! Не смущайся, а вѣруй твердо въ Бога и во Спасителя твоего, вѣруй и покажи вѣру твою отъ чувствъ и дѣлъ твоихъ! Тогда весь страхъ и смущеніе сами собою удалятся отъ тебя; ибо сила Всевышняго откроется въ тебѣ, и помощь Господня узрится на тебѣ. Отецъ Всемогущій не оставитъ и нынѣ возлюбленнаго Сына, какъ не оставилъ Его на Голгофѣ; а любвеобильный Сынъ не оставитъ насъ, кои вѣруемъ во имя Его, и готовы теперь терпѣть отъ враговъ не ради нашихъ выгодъ или приобрѣтеній, а единственно во славу животворящаго креста Его.

Въ самомъ дѣлѣ, за что воздвигаютъ на насъ брань эти гордые пришельцы? Мы не трогали и не думали трогать ни ихъ чести, ни ихъ собственности: мы желали токмо зацѣпить честь Вѣры Христіанской, обезопасить жизнь и собственность собратій нашихъ по Вѣрѣ отъ безумія и гордости мусульманской. Это ли наша неправда? За сіе ли возставать на насъ съ такою злобою? Ахъ, еслибы у враговъ нашихъ не угасла живая вѣра въ Спасителя и не оскудѣла Христіанская любовь къ ближнимъ; то, вмѣсто выпадепія на насъ, они сами, подобно намъ, должны бы давно стать противъ притѣснителей Христіанства на Востокъ и положить копецъ ихъ кровожадной свирѣпости. Сего самаго и ожидали отъ нихъ всѣ истинные послѣдователи Вѣры Христіанской; сего именно надѣялись всѣ, искренніе друзья челоуѣчества; для сего-то и съ нашей стороны было истощено столько терпѣнія, принесено столько жертвъ: не наша вина, если мы остались наконецъ одни подъ знаменемъ Креста, у подножія Гроба Господня!...

Поэтому-то смотрите и къ утѣшенію своему примѣйте, какъ Господь видимо начинаетъ принимать дѣло наше подъ Свое особенное, всемогущее руководство! Предстоящія намъ теперь искушенія открываются именно вмѣстѣ съ началомъ страданій Христовыхъ: мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнію креста Христова. Не утѣшеніе ли это для того, кто вѣруетъ въ Господа Іисуса и любитъ крестъ Его? — Самый день пышнѣйшій, въ который явились противу насъ враги, служитъ для насъ знаменіемъ во благо. Ибо, какъ именуется онъ издревле

отъ всѣхъ православныхъ чадъ Церкви?—днемъ чистымъ. И въ сей-то самый день, какъ бы въ знакъ и выраженіе чистоты и правости нашего дѣла, а слѣдовательно и въ побужденіе насъ къ вѣрѣ и благодущію, попущено свыше открыться нападенію на насъ !...

Но, братія мои, да не послужитъ сіе для насъ въ пищу гордости духовной и суетной праведности фарисейской, только противной Тому, Кто сказалъ о Себѣ, что Онъ *кротокъ и смиренъ сердцемъ* (4).—Если объ Апостолахъ Хрисговыхъ речено: *чисти есте, но не вси* (5); если и Первоверховный изъ Апостоловъ имѣлъ нужду въ омовеніи ногъ, дабы содѣлаться совершенно чистымъ: то тѣмъ паче намъ не возможно сказать, что мы чисты есмы вси, и чтобы кто-либо изъ насъ не имѣлъ уже никакой нужды въ очищеніи себя отъ страстей и грѣховъ. *Аще речемъ*, пишетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, *яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (6). Но грѣхи и страсти самое неблагоуспѣшное напутіе для тѣхъ, коимъ угрожаетъ нападеніе отъ враговъ: ибо ими привлекается гнѣвъ Божій. Посему не будьте праздными зрителями того священнаго обряда, который сейчасъ будетъ совершаться предъ вами: когда мы будемъ, по чину св. церкви, омыватъ нозѣ со-служителямъ пашимъ, вы омывайте въ то время души и сердца ваши.

Для сего помысли, возлюбленный, о грѣхахъ твоихъ и о томъ, какъ прогнѣвана ими благодать Божія, какъ осквернено ими собственное твое существо, какъ гнѣвъ Божій будетъ поражать тебя на судѣ всемірномъ, а можетъ быть, еще въ сей жизни—помысли, говорю, о всемъ этомъ; и если Господь подастъ тебѣ при семъ слезы умиленія сердечнаго, то омывайся сими драгоценными слезами какъ можно болѣе. Въ сей купѣли погружалась блудница, омывавшая ноги Спасителя своего слезами, и вышла изъ нея чистою и спасенною. Тоже будетъ и съ тобою! У кого не достанетъ слезъ, а есть блага вѣка сего—стяжанія и богатства, готъ спѣши омытъ жизнь и душу свою водами милосердія.

(4) Мар. XI, 29. (5) Іоан. XIII, 10. (6) 1 Іоан. 1, 8.

Потокъ милостыни цѣлебнъ и силенъ къ омовенію самыхъ черныхъ пятенъ совѣсти, какъ показываютъ многіе примѣры въ словѣ Божіемъ. Прекрасно также дѣйствуетъ къ очищенію грѣховъ нашихъ отложеніе ненависти и прощеніе обидъ бляжнимъ нашимъ; ибо самъ Спаситель сказалъ: *еще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (7).

Есть и другія средства къ очищенію себя отъ грѣховъ и къ принятію благодати Божіей, только бы мы захотѣли искренно разстаться съ тѣми нечистыми и богопротивными кумирами, коимъ доселѣ поклонялись безумно.

И на что лучше употребить слѣдующіе святые дни, какъ не на сіе великое дѣло спасенія душъ нашихъ? Особенно, когда съ этимъ дѣломъ соединилась теперь и внѣшняя наша безопасность отъ враговъ? Ибо все въ десницѣ Божіей, и все безпрекословно покорствуеетъ Его пресвятой волѣ. Вѣхоцетъ, — и само море возмутится противу враговъ нашихъ и размещетъ, яко хвастіе, плувучія твердыни ихъ. Восхоцетъ, — и громы онѣмбютъ въ рукахъ ихъ и праздно разсыпятся надъ нами по воздуху. Восхоцетъ, — и наши брега явятся неприступными, и единъ изъ защитниковъ нашихъ поженетъ тысящи, а десять — тѣмы.

Страшны по сему собственно не враги, а грѣхи наши, лишающіе насъ благодати Господней.

Дабы сего не послѣдовало съ нами, то, вмѣсто страховъ и смущенія, начнемъ, по примѣру древнихъ Ниневитянъ, дѣло искреннаго покаянія. На нихъ былъ уже взреченъ судъ Божій, однако же постъ и молитва, смиреніе и сокрушеніе сердца отвратили отъ нихъ гнѣвъ Божій. Тѣмъ паче мы можемъ улучшить жилосьть и заступленіе свыше, кои ратуемъ и подвизаемся не за себя, а за Крестъ и Гробъ Христовъ; — и улучимъ, коль скоро явимъ въ себѣ истинныхъ ратниковъ Христовъ, облеченныхъ не въ одно оружіе земное, а и въ *оружія Божія* (8), то-есть, въ вѣру живую, упованіе твердое, любовь нелицемѣрную къ правдѣ и смиреніе христіанское. — Аминь.

(7) Мат. VI, 14. (8) Есс. VI, 13.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАВЕДРАЛЬНОМЪ СОВОРЪ,

апрѣля 9, 1854 г.,

*въ великій пятокъ, во время обложенія Одессы флотомъ
непріятельскимъ.*

И такъ, великое дѣло Богочеловѣка кончено!... При всей Божественности Своего лица, при всей чистотѣ и благодости Своего ученія, при всемъ величїи и благотворности чудесъ своихъ, Онъ не узнавъ народомъ Иудейскимъ, преданъ невѣрнымъ ученикомъ, отвергнуть безумнымъ синадріономъ, осмѣянъ Иродомъ, не спасенъ Пилатомъ, посрамленъ и умученъ воинами, вознесенъ посреди злодѣевъ на крестъ; и се, яко жертва во спасеніе всего міра, предаетъ наконецъ духъ свой Богу Отцу! *Совершишася!*...

Что съ нашимъ дѣломъ, которое, хотя само по себѣ безконечно мало въ сравненїи съ чрезвычайнымъ событіемъ Голгоетскимъ, но тѣмъ не менѣе грозитъ намъ крестомъ и плащаницею?... Мы знаемъ несомнѣнно, что и о насъ сотворенъ уже врагами нашими совѣтъ, *да имутъ насъ и погубятъ*, если не жизнь, то достояніе и честь нашу. Найдены уже противу насъ и лжесвидѣтели, готовые утверждать, что нами нарушено всеобщее право народовъ, что мы хотѣли разорить и погубить ихъ мнимо мирную ладію. Если бы враги наши хотѣли искренно знать истину, то не было бы ничего легче намъ показать, а имъ увидѣть ее; но они, подобно Пилату, только вопрошаютъ объ истинѣ, а въ самомъ дѣлѣ желаютъ не истины, а предлога къ нападенію на насъ. И вотъ почему предложены ими такіа условія намъ, на кои, подобно Спасителю на судѣ Пилата, не остается отвѣчать намъ ничѣмъ другимъ, какъ только — молчаніемъ.... *Отвѣта не даде ему* (1). Пилать не оскорбился молчаніемъ Богочеловѣка, а напротивъ,

(1) Іоан. XIX, 9.

какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, *отъ сего искаше пустити Его* (2). Но наше молчаніе не можетъ произвести подобнаго дѣйствія; и намъ, послѣ него, предстоитъ, безъ сомнѣнія, отъ враговъ нашихъ не спокойствіе и безопасность, а жестокая буря — съ молніею и громами.

Если посему въ какомъ положеніи, то въ настоящемъ, — когда и мы всѣ находимся, можно сказать, предъ Крестомъ и Голгофою, — для насъ необходимъ вождь и утѣшитель. И се, онъ является намъ въ лицѣ самаго Господа и Спасителя нашего! Ибо, думаете ли, что случайно и безъ особеннаго Божія промысленія произошло то, что о насъ судятъ теперь и насъ осуждаютъ враги наши, именно въ то время, когда былъ судимъ и осужденъ Господь нашъ? — Нѣтъ! — это слѣдствіе тайнаго всеблагаго предраспоряженія *свыше*, которое враги наши, сами не зная того, хотятъ привести въ исполненіе, подобно тому, какъ невѣрныя Іудеи, дѣйствуя по единой своей злобѣ, тѣмъ не менше привели въ исполненіе всѣ предсказанія пророковъ о судьбѣ своего Мессіа и собственной.

И такъ, кто ищетъ себѣ теперь вразумленія и утѣшенія (а кому оно не пужно?), тотъ впери взоръ и мысль свою въ это священное изображеніе распятаго Спасителя, которое св. церковь представляетъ нынѣ предъ нами. Се нашъ вождь и наставникъ! Се нашъ утѣшитель!

Что могло сравниться съ злобою враговъ Иисусовыхъ? Что могло сравниться и съ Его страданіями и муками? — Но, что успѣли враги? Что произвели страданія? Произвели спасеніе всему міру и вознесли Божественнаго Страдальца на престолъ славы и всемогущества. Иначе не могло и быть, потому что Его дѣло было дѣломъ истины и правды, потому что Онъ творилъ волю Отца Своего, приносилъ Себя въ жертву за спасеніе всего міра, потому что враги Его шли и дѣйствовали противъ опредѣленной небесныхъ. Такъ будетъ и со всѣми, кто, подобно Спасителю своему, стоитъ за истину противъ неправды, кто приноситъ себя въ жертву не ради земныхъ выгодъ, а за спасеніе своихъ

(2) Іоан., XIX, 11.

собратій. Какъ бы ни были сильны и коварны враги, они не могутъ сдѣлать блага челоуѣка чернымъ, праваго неправымъ, не могутъ взять верха надъ невинностію. Почему? Потому что жребій сыновъ челоуѣческихъ не оставленъ на произволь случая и судьбы, а содержитсяъ въ десницѣ премудраго и всеблагаго Міроправителя, потому что есть Богъ, судяй всей земли; есть Всемогуцій Защитникъ истины и правды, Который готовъ сотрясти небомъ и землею, но не дастъ въ иоруганіе вѣрующихъ во имя Его и творящихъ святую волю Его.

И здѣсь-то, братія мои, обильный источникъ ободренія и утѣшенія для насъ въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ; ибо дѣло, за которое поднали на насъ оружіе враги наши, есть дѣло съ нашей стороны совершенно правое и святое, — дѣло, можно сказать, не наше, а Божіе и Христово. Ибо, за что ратуютъ на насъ? Не за что другое, какъ за то, что мы хотимъ свободы Вѣры и совѣсти для собратій нашихъ по Вѣрѣ, живущихъ подъ игомъ магометанскимъ, за то, что мы желаемъ спасти Крестъ Христовъ и Евангеліе отъ совершеннаго униженія предъ алкораномъ: вотъ наши желанія и требованія! — Другихъ мы не имѣли и не имѣемъ: это можемъ сказать мы въ служъ всего свѣта предъ сямъ крестомъ и гробомъ Спасителя нашего.

А враги наши что могутъ сказать предъ сею плацаницею въ оправданіе своего нечестиваго союза противу насъ съ поклонниками Магомета? — Что для спокойствія и благоденствія нашей части свѣта необходимо существованіе среди ея во всей силѣ прелести Магометовой?... Что взаимное отношеніе странъ и народовъ христіанскихъ поколеблется и превратится, если во градѣ Константина Великаго не будетъ ежедневно провозглашаемо на всѣхъ стогнахъ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога Магометова?... Что идола сей, — разумѣемъ магометанство съ его алкораномъ, — такъ нуженъ для равновѣсія (небывалаго никогда) державъ Европейскихъ, что, не смотря на всю его отвратительность, ему, какъ древле Молоху, должно приносить ежечасно въ жертву свободу, вѣру, честь, достоиніе и самую жизнь цѣлыхъ милліоновъ единовѣрныхъ братій нашихъ?... Подобное сему дѣйствительно не стыдятся утверждать враги наши: но, что значить это? Увы, сладчайшій

Иисусе! много слышалъ Ты хулевій со креста Твоего: надлежало наконецъ услышать Тебѣ и эту хулу, уже не со креста, а со престола славы Твоея на небеси, услышать не отъ враговъ, а отъ собственныхъ послѣдователей Твоихъ!... И такъ, Ты не совершилъ дѣла спасенія нашего, якоже подобало! Для благоденствія обществъ человѣческихъ мало Твоего креста и Евангелія: для сего въ помощь Тебѣ потребенъ еще Магометъ съ его алкораномъ!....

Какъ ни горько, братія мои, помышлять о такой измѣнѣ западныхъ Хрстіанъ Богу отцевъ своихъ, и какъ ни жалко въ семъ отношеніи ихъ духовное состояніе, какъ ни отвратителенъ ихъ противуестественный союзъ со врагами креста Христова; но съ другой стороны, сіе-то самое и должно служить къ ободренію нашему: ибо враги наши въ ослѣпленіи ума и совѣсти своея, возстали такимъ образомъ уже не противъ насъ, а, можно сказать, противъ самого Спасителя своего, безчестя Его всесвятое имя и унижая божественную вѣру въ Него предъ лжеученіемъ Магометовымъ. Не знаемъ, куда доведетъ враговъ нашихъ этотъ новый несчастный путь ихъ. Дай Богъ, чтобы—тѣмъ или другимъ образомъ—привелъ ихъ къ познанію истины и своего заблужденія, къ живой вѣрѣ въ Господа и Спасителя нашего, и къ убѣжденію въ томъ, что истинное *благочестіе* хрстіанское *на все полезно есть*, имѣя *облтованіе живота, не грядущаго* токмо, *вѣчнаго*, во и *настоящаго, временнаго* ⁽³⁾, и что его одного, безъ прелести Магометовой, достаточно къ утверженію благоденствія всѣхъ царствъ и всѣхъ народовъ. Но, что бы враги наши ни дѣлали, какими бы путями ни ходили, мы, послѣдуя примѣру *Благочестивѣйшаго Монарха* нашего и святому примѣру предковъ нашихъ, будемъ продолжать идти путемъ Христовымъ, хотя онъ покрытъ нивѣ предъ нами терніемъ, ибо это единственный путь, вводящій въ животь вѣчный.

Для сего, падши на землю предъ симъ изображеніемъ Господа нашего, рцемъ къ Нему вси изъ глубины души: никто, дражайшій Спасителю нашъ, никто и ничто не разлучитъ насъ отъ животворящаго Креста и живоноснаго Гроба Твоего! Гвоздіе,

(3) Тим. IV, 8.

копіе и вѣнецъ Твой терновый драгоцѣннѣе для насъ всѣхъ со-
кровищъ міра. Враги наши уповають на свою силу и искусство;
а мы уповаемъ на Тебя единого и Тебѣ ввѣряемъ животь нашу,
и другъ друга, и весь градъ, и всю страну нашу!... *Якоже
хощеши, о Всеблагій и Премудрый, устрой о насъ вещь,*
токмо да будетъ все во славу пресвятаго имени Твоего и въ
посрамленіе злочестивой прелести Магомета, и клеветовъ
его! — Аминь.

—
с л о в о ,

ПРОПЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАЕДЕРАЛЬНОМЪ СОВОРЬ,

апрѣля 10, 1854 года,

*въ Великую Субботу, во время бомбардированіи въ сей день г.
Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французскимъ.*

—

Итакъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и
въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятя надъ
собственными главами нашими!... Привѣтствуемъ васъ, возлюб-
ленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ
Мироносицъ, кои такъ же, среди немалыхъ страховъ и опасе-
ній отъ Іудеевъ, погребали Учителя и Господа своего. Вы не
оставили Его теперь: Онъ, преблагій, не забудетъ и не оста-
вить васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не
слабые перуны чловѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя
небеса мимо идутъ съ шумомъ, самыя стихіи, сжигаемы,
разорятся, а земля, и, яже на ней, дѣла сгорятъ ⁽¹⁾.

Тяжкая година падъ нами, братія! — О градъ нашемъ со всею
точностію можно сказать теперь словами св. Давида, яко врази
наши обышедше обидоша насъ, яко пчелы сотъ, и разго-
рѣшася, яко огнь въ терніи ⁽²⁾. То самое море, которое до-
селе обykle приноситъ намъ прохладу и всѣ выгоды жизни,
обратилось теперь въ бездну огнедыщуую, изъ коей несутся
на насъ молніи и громы.

(1) 2 Петр. III, 10. (2) Псал. СХVII, 12.

Но будемъ ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у живоноснаго гроба Спасителя для христіанина не страшень самый адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду, говоритъ Св. Давидъ, посредъ тьмы и сѣни смертныя, не убоюся зла.* Почему? *Яко ты, Господи, со мною еси* (3). Важно посему не то, что происходитъ теперь, а то, съ кѣмъ Господь: съ нами, или со врагами нашими. Но, можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брань противу насъ за враговъ Креста Христова? Можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами Христіанами, не усрамились сихъ великихъ и священныхъ дней и дерзнули возмущать столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробъ? — Нѣтъ, если есть кто со врагами нашими, то развѣ Веліарь (4) и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь Всеблагій съ нами, кои, аще нечисты и грѣшны есмы, но подвигаемся во славу пресвятаго имени Его, сражаемся не за наши какія-либо выгоды, а за вѣру православную, за Гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по Вѣрѣ.

И смотрите, какъ Господь видимо показалъ, что Онъ съ нами противъ враговъ нашихъ! — Они могли напасть на насъ когда угодно, но напали именно не въ другое какое-либо время, а въ самый день погребенія Господня, какъ бы во свидѣтельство того, что мы ратуемъ именно за Крестъ и Гробъ Господень. Враги наши, можетъ-быть, думали преогорчить этимъ для насъ свое нападеніе, а въ-самомъ-дѣлѣ они усладили симъ всю его горечь: ибо если уже необходимо страдать, то лучше пострадать вмѣстѣ съ Господомъ, у Его Животворящаго Креста и Живоноснаго Гроба. *Аще бо, говоритъ Апостоль, съ Нимъ умрехомъ, то съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (5). Въ такомъ случаѣ, хотя бы кто изъ насъ лишился нынѣ самой жизни, то, при живой вѣрѣ въ силу креста Христова, онъ ничего не потеряетъ; ибо и ему будетъ сказано: *днесъ со Мною будеши въ раи* (6)!

(3) Псал. XXII, 4. (4) Веліарь—начальникъ тьмы;—выраженіе библейское.

(5) 2 Тим. II, II. 12. (6) Лук. XXIII, 43.

А враги наши самымъ нападеніемъ на насъ въ сей день потеряли уже невозвратно многое. Всюду, гдѣ услышатъ о ихъ нечестіи (а гдѣ не услышатъ?), изумятся и скажутъ : несчастные, развѣ не могли они , изъ уваженія къ общему для Христіанъ знаменію спасенія, отложить на время свою злобу и алчность?— А что возглаголетъ и разсудитъ о нихъ Господь? О, *Онъ поругаемъ не бываетъ* (7)! Не желаемъ зла и врагамъ нашимъ; ибо слышали вчера, какъ Господь молился за самыхъ распинателей Своихъ : но памятуя судьбы Божіи въ подобныхъ случаяхъ, не можемъ не сказать , что тѣ , кои дерзнули возмутить покой Господа своего во гробъ, едва ли сами сойдутъ съ миромъ въ свои собственные гробы..

Если же Господь съ нами, то чего намъ страшиться? Онъ, Всемогущій, защититъ насъ отъ всякаго зла. И смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ уже оскудѣвать оружія: но много ли онъ успѣлъ сдѣлать зла намъ? О имени Господнемъ дерзаемъ увѣрить васъ, что не болѣе сдѣлаетъ намъ зла и до вечера. Ибо Кто съ нами, Тотъ сильнѣе того, кто съ ними : лунѣ не затмитъ солнца, Велиару и Магомету не побѣдитъ Христа.

И такъ, облобызавъ снова язвы Спасителя, идите съ миромъ, братія мои , въ дома свои , и ждите спасенія отъ Господа, всегда и вездѣ спасающаго правыя сердцемъ. За Великою Субботою всегда слѣдуетъ свѣтлый день Воскресенія: за настоящею, сугубо-великою для насъ, Субботою должно послѣдовать и сугубо-великое Воскресеніе , то-есть , вмѣстѣ съ Воскресеніемъ Господа, и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золь, и воскресеніе всего Православнаго Востока изъ гроба четырех-вѣковаго рабства мусульманскаго.

А вы, возлюбленные сослужители наши , столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у Креста Христа, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши , дабы къ вступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, *да не речеть врагъ града нашего: укрѣ-*

(7) Гал. VI, 7.

пихся на него ⁽⁸⁾! Пусть возлюбленный Женихъ душъ, имѣю-
щій въ полунощи изйти изъ гроба, яко отъ чертога, найдетъ
всѣхъ насъ бдящими, и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми
къ прославленію Его Воскресшаго и съ собою вся совоскресив-
шаго. Аминь.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ,

апрѣля 11, 1854 года,

*послѣ бомбардированія поутру гавани пароходомъ непріятель-
скимъ.*

Христосъ воскресъ!

Итакъ, врагъ нашъ не усумнился возмутить перунами своими
радость нашу о воскресеніи Господнемъ, подобно какъ вчера
не устыдился нарушить святое сѣтованіе наше при гробѣ Гос-
поднемъ!... Будь это день рожденія Магомета, или день по-
стыднаго бѣгства его изъ Мекки, враги наши, вѣроятно, изъ
одного приличія, не захотѣли бы нарушить спокойствія мусуль-
манъ, и дали бы имъ въ мирѣ окончить свое празднество; а
день погребенія Спасителя міра, день его преславнаго возстанія
изъ гроба, для нихъ ничего не значить!.. Въ сіи-то самые дни
они наипаче злобствуютъ и бѣснуются, какъ одержимые духомъ
тмы и злобы! Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ внушить имъ такое
ожесточеніе, не только противу насъ, но и противъ святыхъ
праздниковъ христіанскихъ, какъ не оный древній противникъ
Бога и челоуѣковъ, который дерзнулъ нѣкогда возмутить покой
и тишину самаго неба?

Да примѣтять сіе тѣ изъ насъ, кои привыкли безразсудно
брать въ образецъ нравовъ и обхожденія эти самые народы,
теперь противъ насъ такъ враждующіе: вотъ ихъ мудрость и
образованность! вотъ ихъ мягкость и утонченіе нравовъ! Сра-
жаться и полагать душу за нечестивыхъ поклонниковъ Маго-

(8) Псал. XII, 5.

мета ; ковать изъ угожденія имъ цѣпи для своихъ собратій — Христіанъ, ни во чтѣ ставить таинства св. Вѣры и праздники Господни , нападать нагло на мирные города и веси!.. Оставляйте послѣ сего легкомысленно родную страну свою , чтобы спѣшить къ нимъ на уроки ; наполняйте память и обогащайте свой умъ душевлѣнными произведеніями ихъ разстроеннаго воображенія ; препоручайте дѣтей вашихъ ихъ руководству : они научатъ ихъ , какъ любить Бога и ближняго , какъ почитать отца и мать , какъ быть вѣрнымъ Царю и отечеству!..

Но , чтѣ же сдѣлалъ и въ чемъ успѣлъ нынѣ врагъ нашъ ? О, онъ успѣлъ чрезвычайно-много!.. Вреда намъ онъ не сдѣлалъ почти никакого: но если кто еще сомнѣвался доселѣ въ томъ , что для него нѣтъ ничего священнаго, то теперь уже — не можетъ!.. Ибо, какъ поступилъ въ настоящій день онъ , такъ могли поступать только одни враги Креста Христова!.. Посему-то и стяжалъ онъ для него новый трофей : до сего времени врагъ былъ отвратителенъ собственно для насъ ; а теперь омерзѣлъ нечестіемъ своимъ самымъ иноземцамъ , среди насъ обитающимъ , самымъ соотчичамъ своимъ , кои, видя нашу справедливость и его неправды и гордыню , спѣшатъ одинъ за другимъ , оставивъ униженное и опозоренное знамя своей родины, уклониться навсегда подъ благотворную сѣнь орла Всероссийскаго.

Но меня особенно поражаетъ нынѣ одно обстоятельство. Когда приближалась буря къ намъ , и непріятель появился на водахъ нашихъ и началъ оказывать обычную ему дерзость и алчность, то нѣкоторые изъ насъ невольно приходили въ страхъ и предавались унынію ; а я утверждалъ противное, говорилъ , что врагъ нашъ страшенъ болѣе въ нашемъ воображеніи, нежели на самомъ дѣлѣ, что онъ со всѣми силами и средствами своими не можетъ сдѣлать намъ вреда значительнаго, что одинъ, два, три опыта — и тѣ сами, кои теперь такъ страшатся, увидятъ истину и начнутъ презирать опасность, что можетъ, наконецъ, наступить время, когда малыя дѣти будутъ глумиться надъ шумомъ оружія непріятельскаго. И кто бы могъ ожидать ? — не только первыя, самыя послѣднія слова мои оправдались уже во всей

силѣ, оправдались еще вчера, когда нельзя было предвидѣть, чѣмъ кончится дѣло. Не отъ одного очевиднаго свидѣтеля слышу я, какъ вчерашній день нѣкоторые изъ самыхъ юныхъ отроковъ, видя безуспѣшность падающихъ среди града нашего перуновъ вражнхъ, гонялись за ними, какъ за предметами игры, чтобы пріобрѣсти въ добычу себѣ, какъ нѣкоторые, даже полуизвленные, не хотѣли выпустить добытаго изъ рукъ своихъ.

Стоило же приходитъ для сего изъ отдаленнѣйшаго края нашей части свѣта двумъ флотамъ не малыхъ державъ!—Стоило нарушать для сего святость дней, первыхъ въ году для всего міра христіанскаго!—Стоило разбросать для сего столько молній и громовъ!

Но, братія мои, вы впали бы въ грубую ошибку и непростительную гордость, если бы возмнили, что все это безуспѣшное врага было слѣдствіемъ нашихъ силъ и нашего искусства. Нѣтъ, и не съ такими силами и средствами, какъ наши, въ подобныхъ случаяхъ трепетали предъ нимъ другіе грады. Съ нами произошло нѣчто необыкновенное; надъ нами и градомъ нашимъ явилось вчера особенное знаменіе милости Божіей, явилось въ томъ, что сверхъ всякаго ожиданія, разженные стрѣлы врага не оказывали сроднаго имъ дѣйствія, и если не возвращались вспять на него самого, какъ древле при осадѣ великаго Новаграда, то не вредили намъ и падали праздно на землю.

Если же Господь показалъ себя такимъ образомъ особеннымъ заступникомъ нашимъ, то и намъ, братія мои, предлежитъ явить себя преимущественно людьми Божіими. И мы явимъ себя такими, если, оставивъ суетныя забавы и увеселенія, коими обикъ сопровождаться, и, сказать точнѣе, помрачаться нынѣшній великій праздникъ, проведемъ его въ молитвахъ и хожденіи во храмы Божіи, въ мирномъ и благочестивомъ собесѣдованіи о путяхъ Промысла Божія, такъ разительно явленныхъ надъ нами, и въ дѣлахъ любви и благотворенія къ бѣднымъ и нуждающимся собратіямъ нашимъ. Хотите ли наконецъ сдѣлать что-либо особенно-благоугодное для воскресшаго Господа въ знакъ благодарности за спасеніе Имъ града нашего? — И для сего есть у насъ у всѣхъ наидѣйствительнѣйшее средство. Господь нашъ

ни отъ чего такъ не отвращается, какъ отъ злобы и ненависти, и ничего такъ не любитъ и не благословляетъ, какъ мира и любви. Врагъ нашъ, движимый духомъ злобы, возмутилъ нечестиво нашу радость о воскресеніи Господнемъ, и въ семъ случаѣ показалъ въ себѣ крайній недостатокъ любви и чувства христіанскаго; а мы, яко истинные послѣдователи Распятаго, вмѣсто чувствъ вражды и ненависти, простимъ его во славу и честь Воскресшаго. Такимъ-образомъ мы исполнимъ во всей силѣ матерній совѣтъ и приглашеніе св. Церкви, которая отъ полноты радости и восторга вопіетъ: *простимъ вся воскресеніемъ*. Когда говорится: *вся*, то симъ устраняется всякое исключеніе: да не будетъ его и для враговъ нашихъ; ибо и о многихъ изъ нихъ можно сказать: *не видятъ бо, что творятъ* (1). Если бы они знали чистоту и высоту намѣреній нашего возлюбленнаго Монарха; если бы вѣдали точно о всѣхъ бѣдствіяхъ и угнетеніяхъ, кои претерпѣваютъ отъ поклонниковъ алкорана наши и ихъ собратія по вѣрѣ, то не соединили бы такъ неразумно знаменія всечестнаго креста Христова съ зловѣрнымъ знаменемъ Магометовымъ. Вожди и народоправители ихъ, конечно, должны знать настоящее положеніе вещей и хотѣть сокрыть истину въ неправдѣ: имъ нужна не цѣлость державы мусульманской, а ослабленіе и уничиженіе Богомъ возведенной и прославленной Россіи. Но что дѣлать съ самолюбіемъ и нечистотою сердца человѣческаго? Развѣ мы сами въ нашей частной жизни и взаимномъ обхожденіи не подвергаемся подобному ослѣпленію страстей? Если кто первый виновникъ нынѣшняго едва не всемірнаго смущенія и бѣдствій, то это отецъ лжи, оный *человѣкоубійца искони* (2), который, будучи пораженъ смертельно на Голгоѣѣ во главу крестомъ Христовымъ, въ отмщеніе и нѣкоторое утѣшеніе себѣ, старается возмущать враждою благодатное царство Христово на земли, возставляя одинъ противъ другаго самые народы христіанскіе, и не даѣя совершать имъ единодушно ихъ великаго и святаго предначертанія.

Не дадимъ убо мѣста сему врагу всемірнаго спасенія — покрай-

(1) Лук. XXIII, 34. (2) Іоан. VIII, 44.

ней-мѣръ въ собственныхъ сердцахъ нашихъ; и въ доказательство сего, послѣдуя примѣру воскресшаго Господа, который со креста молился о распинателяхъ своихъ, вознесемъ искреннюю молитву ко Господу о самыхъ врагахъ нашихъ, дабы Онъ Благодатію Своею ниспослалъ имъ духа разума, чтобы они узрѣли истину и убѣдились въ правотѣ нашего дѣла и намѣреній, духа правды, чтобы они не мѣняли безразсудно невинныхъ и страждущихъ собратій своихъ по вѣрѣ на прегордыхъ и безчеловѣчныхъ поклонниковъ Магомета, и духа челоуѣколюбія, чтобы они не возмутили оружіемъ своимъ покоя—по-крайней-мѣръ—мирныхъ и беззащитныхъ градовъ и весей.—Аминь.

с л о в о,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ,

апрѣля 11, 1854 года,

*въ день св. Пасхи, на литургіи, послѣ бомбардированія наканунѣ
г. Одессы соединеннымъ флотомъ непріятельскимъ.*

Христось воскресе!

*Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совоютаю
днесь, воскресшу Тебѣ: сраспинахся Тебѣ вчера!*

Какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, въ настоящій день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и ставъ предъ изображеніемъ Воскресшаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ можетъ сказать: *Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совоютаю днесь, воскресшу Тебѣ!*

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ жителей града нашего, тѣмъ или другимъ образомъ, не подвергался вчера опасности отъ враговъ нашихъ? И за кого была бы претерплена вчера самая смерть (какъ и претерплена нѣкоторыми), если не за Крестъ и Гробъ Христовъ? Ибо, какая другая цѣль самой войны настоящей, какъ не защита Вѣры Православной и единовѣр-

ныхъ собратій нашихъ отъ насилій и угнетеній мусульманскихъ? Посему-то, при всемъ духовномъ недостоинствѣ нашемъ, мы въ утѣшеніе свое можемъ сказать нынѣ, что вчера мы всѣ спогребались самому Христу, Царю и Богу нашему. Нѣкоторые спогреблись вполне, самымъ дѣломъ, ибо пріяли, — какъ я сказалъ, — смерть отъ огней вражескихъ; а мы хотя и не подверглись, по милости Божіей, сему кровавому жребію, но, по самому положенію нашему, должныствовали быть готовыми на тоже самое. Поелику же Господь, какъ вы слышали отъ св. Златоуста, не только дѣянія пріемлетъ, но и предложеніе хвалитъ и самое благое намѣреніе лобызаетъ: то быть не можетъ, чтобы Онъ, Всеблагій, зря на сердце наше и готовность спострадать Ему, не вмѣнилъ того намъ въ самое дѣло и не восхотѣлъ раздѣлить съ нами и радости воскресенія своего. *Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совою днесь, воскресшу Тебѣ!*

«Но, какъ намъ радоваться, — помыслить кто-либо, — когда лютой врагъ нашъ, по всей вѣролности, готовитъ противу насъ новую огненную бурю?»

А какъ радовались, возлюбленный, отроки Вавилонскіе въ печи Халдейской, какъ ты слышалъ вчера у гроба Спасителя, — и не только радовались, но и воспѣвали во славу Господню? Подобнымъ образомъ будемъ радоваться и мы, коихъ положеніе еще далеко не такъ ужасно, каково было оныхъ дивныхъ отроковъ среди пламени пещнаго.

Какъ, — укажемъ на другой примѣръ, — какъ радовались Апостолы Христовы, о коихъ въ дѣянїяхъ Апостольскихъ читаемъ, что они, послѣ бїенія и ранъ отъ Иудеевъ, *идяху, радующеся, отъ лица собора Иудейскаго, яко за имя Господа Исуса сподобишася безчестіе прїяти* (1). Такъ будемъ радоваться и мы, кои вчера сподобились величайшей чести спострадать Ему въ самый день погребенія Его.

Если какая радость есть самая чистая и достойная праздника и Воскресшаго Господа, то эта; ибо она будетъ прс-

(1) Дѣян. V, 41.

исходить не отъ другихъ какихъ-либо причинъ и побуждений, напр. не отъ увеселеній праздничныхъ, не отъ угожденія плоти и крови, — а именно изъ любви къ нашему Спасителю и Господу. Такою радостію мы еще никогда не радовались, такъ какъ не было къ тому и такого необыкновеннаго случая : возрадуемся же нынѣ и воскликнемъ, подобно Израильтянамъ, по прошествіи ими Чермнаго моря: *поимъ Господеви, славно бо прославися* ^(?)! — *Прославися славно*, не только въ преславномъ возстаніи Своемъ изъ гроба, но и въ спасеніи отъ смерти и гроба насъ, кои подверглись вчера такому множеству смертоносныхъ стрѣлъ и громовъ; *прославися славно*, не только въ посрамленіи Іудеевъ, вознесшихъ Начальника жизни на крестъ и хотѣвшихъ удержать Его во гробъ, но и въ постыженіи враговъ нашихъ, кои также готовили намъ не жизнь и радость, а смерть, разрушеніе и плѣнь позорный.

Что касается до враговъ нашихъ, то, вѣроятно, они не преминутъ нынѣ явиться противъ насъ снова въ томъ или другомъ видѣ ; ибо надобно же имъ докончить дѣло своего нечестія и не показать, что, отъ вчерашнихъ ранъ своихъ они уже не въ состояніи выдти противу насъ на брань : но будьте увѣрены, что, наученный опытомъ, врагъ явится безъ прежней наглости и самонадѣянія. А намъ послѣ того, какъ мы видѣли вчера и безуспѣшіе врага и милость Божію надъ нами, уже непростительно было бы явиться малодушными. Если Господь защитилъ насъ своею невидимою силою такъ побѣдоносно вчера, когда мы предстоали у Его гроба : то тѣмъ паче не предастъ насъ въ жертву врагамъ нынѣ — въ день преславнаго возстанія Его изъ гроба. Ничто убо, скажемъ и мы словами св. Златоуста, ничто да не препятствуетъ нашей радости о Господѣ ! *Поимъ Господеви, славно бо прославися !*

А если кто изъ насъ уже никакъ не можетъ оставить страха, то ему мы, пожалуй, укажемъ, чего можно и должно страшиться всѣмъ намъ : того, возлюбленные, чтобы не отсту-

(?) Исх. XV, 1.

нила какимъ-либо образомъ отъ насъ благодать Божія. Ибо тогда не поможетъ намъ уже никакое оружіе, и никакое искусство и мужество защитниковъ нашихъ. А благодать Божія, какъ, я думаю, не безъизвѣстно вамъ, отступаетъ какъ отъ чловѣка, такъ и отъ цѣлыхъ градовъ и весей тогда, какъ они, нерадя о законъ Божиємъ и душъ своей, предаются нераскаянно дѣламъ тьмы, гордости, невоздержанію, плотоугодію, злобѣ и ненависти. Будемъ убо хранить себя всѣми силами отъ сихъ дѣлъ тьмы и всегда, тѣмъ паче въ продолженіи настоящаго облежанія насъ врагами. Поспѣшшииъ напротивъ украсить себя, ради великаго праздника, дѣлами свѣта, любовію, кротостію, чистотою и милосердіемъ. Тогда воскресшій Господь будетъ съ нами и подастъ намъ, какъ подавъ Апостоламъ Своимъ, Свой миръ и Свою радость, которыхъ не можетъ возмутить никакой врагъ — ни видимый, ни невидимый. — Аминь.

с л о в о,

произнесенное въ Одесскомъ Михайловскомъ монастырѣ,

апрѣля 15-го, 1854 года,

*предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю удаленіи отъ
Одессы Англо-Французскаго флота.*

• • —

Христось воскресе !

Наконецъ и воды наши стали свободны отъ врага ; по крайней мѣрѣ мы уже не видимъ его на нихъ. Куда устремился онъ, не знаемъ: но, судя по обхожденію его съ нами, нѣтъ сомнѣнія, что онъ удалился отъ насъ не на радость прочимъ брегамъ нашимъ. Правда, онъ провозглашалъ себя врагомъ великодушнымъ, не думающимъ о причиненіи вреда и потерь напрасныхъ, желающимъ подать примѣръ брани умѣренной, разумной и, такъ сказать, христіанской; но вы видѣли, въ чемъ состоитъ этотъ разумъ и умѣренность, это мнимое чловѣколюбіе и христіанство !

Время теперь разсмотрѣть и сообразить, чего стоило намъ это первое огненное свиданіе съ челоѡкълюбовыми врагами нашими, что мы потеряли при семъ и что приобрѣли, гдѣ перевѣсъ — у нихъ, или у насъ?..

Разсмотрѣвъ безпристрастно и со всѣхъ сторонъ происшедшее съ нами, я не усумнился бы, братія, назвать нападеніе на насъ враговъ нашихъ событіемъ, хотя печальнымъ и тяжкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятнымъ и достославнымъ для насъ во многихъ отношеніяхъ. Разумѣется, все это такъ вышло безъ его, или точнѣе сказать, противъ его намѣренія, по устроению всеблагой десницы Божіей, которая изъ самага зла умѣетъ извлекать доброе, но вышло именно такъ. Ибо мы при семъ случаѣ почти ничего, какъ увидимъ, не потеряли, а приобрѣли весьма многое и важное.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы потеряли? Нѣсколько ветхихъ зданій въ предмѣстіи города, нѣсколько неважныхъ судовъ въ пристани, также подвергавшейся огню;—въ самомъ городѣ: тамъ пробита стѣна, здѣсь проломлена кровля, индѣ испорчено въ саду дерево: вотъ всѣ наши вещественныя утраты! Сложите ихъ всѣ вмѣстѣ, оцѣните, и увидите, что количество нашей потери далеко не сравнится съ тѣмъ, чего стоило врагу нашему одно это желѣзо и одни эти огни, кои онъ, вопреки привычкѣ своей, такую *нерасчетливою* рукою, столь долго и такъ напрасно, разсыпалъ противу насъ.

Къ сожалѣнію, мы лишились при семъ нѣсколькихъ храбрыхъ защитниковъ нашихъ; и *заввѣна буди десница наша* (1), если мы не будемъ всегда вспоминать ихъ съ благодарностію и возносить молитвенно имена ихъ у жертвенника Христова: но, всегда подобающее уваженіе навшимъ ради насъ жертвамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ утѣшеніе наше можемъ сказать, что число ихъ весьма не велико, такъ что иногда одна буря на морѣ нашемъ сопровождается не меньшею потерею.

(1) Псал. СXXXVI, 5.

А между тѣмъ какъ много мы приобрѣли!

Приобрѣли, во-первыхъ, увѣренность въ невозможности для врага много вредить намъ и въ неприступности для него града нашего. Признаемся при семъ случаѣ, что многіе изъ насъ представляли себѣ нападеніе столь многочисленнаго флота и дѣйствіе адскихъ огней его на городъ нашъ такъ важнымъ и пагубнымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ наступать едва не послѣдній день Одессы. Сколько бы кто тогда ни разувѣрялъ въ семъ и ни приводилъ на то доказательства, нельзя было почти никого изъ таковыхъ убѣдить въ противномъ. Теперь, и безъ доказательства, всякъ переимѣнялъ прежнія мысли и отложилъ опасеніе, потому что увидѣлъ противное тому, какъ думалъ, на самомъ опытѣ. Такая переимѣна въ мысляхъ и мнѣніи значить весьма много! Отнынѣ никто не будетъ такъ малодушенъ, какъ прежде, и не будетъ помышлять скороспѣшно объ удаленіи куда бы то ни было, когда тотъ же или другой какой-либо врагъ лвится на водахъ нашихъ. «Видали уже мы, скажетъ, эти флоты и эти огненные бури: погромить подобно тучѣ въ облакахъ, и пройдетъ!» ...

Во-вторыхъ, безуспѣшное нападеніе на насъ непріятеля доставило намъ великую честь предъ лицомъ всей Россіи. Врага ожидали едва не по всѣмъ краямъ Отечества; не одинъ приморскій городъ находился въ положеніи, подобномъ нашему. Кому достанется честь принять на свою грудь первые удары врага и отразить его побѣдоносно? Кто первый подастъ примѣръ мужества и самоотверженія? Всѣ думали и вопрошали о семъ; но никто не могъ отвѣчать на сіе. Теперь явно, что эта честь предоставлена была свыше намъ; что этотъ примѣръ суждено было взять всѣмъ съ нашего города.... Благодареніе Богу, что, при всей скудости средствъ нашихъ къ защитѣ, мы успѣли, какъ должно, выполнить свое предназначеніе, не посрамивъ имени Русскаго! Какъ опасность и бѣдствіе постигли первыхъ насъ, такъ за первыми нами послѣдуетъ честь и слава. Въ какомъ, самомъ отдаленномъ краѣ Отечества, не услышатъ теперь о томъ, что случилось со градомъ нашимъ? Гдѣ не будутъ радоваться о насъ? Гдѣ не будутъ хвалить насъ и говорить: «Честь и слава

Одессъ! Она поступила, какъ слѣдовало поступить Русскому городу, подала для всѣхъ прекрасный примѣръ любви къ Отечеству, — показала, какъ можно и съ малыми средствами стоять и устоять противъ всѣхъ силъ вражнихъ.»

Все это важно само по себѣ, но для насъ тѣмъ важнѣе и отраднѣе, что — не будемъ скрывать прошедшей истины — мы были доселѣ не въ весьма благопріятномъ мнѣніи у нашихъ соотечественниковъ. Всюду знали, что градъ нашъ процвѣтаетъ торговлею, что мы пользуемся многими особенными выгодами жизни, что благоденствіе наше даже благотворно для всего края нашего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на насъ смотрѣли какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, думали, что, при безпрестанномъ сношеніи съ чужеземцами, намъ трудно было сохранить въ цѣлости всю силу духа и всю теплоту чувства Русскаго, что посему, въ случаѣ опасности, отъ насъ нельзя ожидать той твердости духа и того самоотверженія, коими прославили себя многіе изъ древнихъ городовъ Русскихъ. Такъ думали о насъ; и что могли мы сдѣлать, дабы выйти изъ такого неблагопріятнаго понятія о насъ? Для сего требовались не слова, а дѣла, требовался какой-либо важный опытъ, гдѣ мы могли бы показать себѣ со стороны, для насъ благопріятной. Теперь, благодаря нападенію враговъ, это примрачное мнѣніе о насъ должно исчезнуть само собою. Чѣмъ менѣе ожидали отъ насъ, тѣмъ болѣе вездѣ будутъ обрадованы нами и благорасположены въ пользу нашу. Отнынѣ городъ нашъ займетъ мѣсто въ числѣ достоуважаемыхъ городовъ земли отечественной. Какъ Кіевъ, Новгородъ, Владиміръ, Смоленскъ, Москва — имѣютъ каждый какой-либо приснопамятный годъ своей славы: такъ Одесса будетъ имѣть навсегда свой славный годъ 1854-й!

Наконецъ, братія моя, возвысимся духомъ, *очистимъ*, какъ заповѣдуетъ св. церковь, *чувствій* наши, да *узримъ* и уразумѣемъ послѣднее благо, которое, вопреки намѣренія своего, доставили намъ враги наши своимъ нападеніемъ на насъ, — благо уже не чувственное и временное, а духовное, вѣчное.

Размышляли ль вы когда-либо, братія, о томъ крещеніи Духомъ Св. и огнемъ, которое обвѣщаль Иудеямъ отъ лица Сына Божія Іоаннъ Креститель? — *Той вы, говорилъ онъ, крестить*

Духомъ Св. и огнемъ ⁽²⁾; примѣйте сіе послѣднее выраженіе: *огнемъ*. Оно означало тѣ гоненія и бѣдствія, кои вѣрующіе, въ слѣдствіе самаго обращенія своего изъ невѣрія, претерпѣвали тогда за имя Господа Иисуса отъ Иудеевъ и язычниковъ.

Симъ-то великимъ и святымъ крещеніемъ не Духомъ толю, но и огнемъ, крестились всѣ Апостолы Христовы, положивъ за возлюбленнаго Учителя своего самую душу свою: чрезъ сіе огненное крещеніе прешло безчисленное множество христіанъ первыхъ вѣковъ, когда быть христіаниномъ значило почти тоже, что быть мученикомъ. Сему же крещенію огнемъ подвергаются во всѣ времена и на всѣхъ концахъ земли тѣ, кои особенно возлюбили Господа, и коихъ Господь избралъ въ особенныя орудія Своихъ благодатныхъ дѣйствій. Наше возлюбленное Отечество, какъ бы не въ примѣръ, — а дай Богъ, чтобы и въ примѣръ, — гружимъ народамъ, сподоблялось не разъ сего крещенія огнемъ и кровію, особенно во время вѣковыхъ страданій отъ ига Монголовъ, когда мучимые варварами предки наши вмѣсто всѣхъ утѣшеній себѣ, говорили одно: *христіанинъ есмь*. Отъ сего-то, а не отъ другой какой причины, составилось и произошло великое и многоцѣнное наименованіе: *святая Русь*. Даже многіе изъ градовъ отечественныхъ могутъ показать на себѣ слѣды сего крещенія кровію и огнемъ; почему и именуются — достойно и праведно — *градами Богоспасаемыми*.

Но граду нашему, при всѣхъ прочихъ преимуществахъ его, доселѣ не доставало сего особеннаго завѣта съ небомъ, сего знаменія благодати, сего залога милости Божіей. И можно ли было восхитить его самоуправно? Это дѣло зависитъ не отъ произвола человѣческаго; совершается на земли, но приходитъ свыше: *Той вы креститъ Духомъ Св. и огнемъ*.

И вотъ, пришло наконецъ свыше предуставленное время и нашему граду пріять благодать сего крещенія, то-есть, претерпѣть искушеніе и пострадать за имя Спасителя своего и вѣру въ животворящій Крестъ Его, столь нечестиво унижаемый отъ са-

(2) Мат. III, 11.

ныхъ народовъ Христіанскихъ предъ Луною Магометовою. И смотрите, какъ полно и торжественно совершилось надъ нами это священно-таинственное крещеніе! Въ первенствующей церкви приготовлялись вообще къ благодати крещенія всю св. Четырехдесятиницу, и уже, по окончаніи ея, въ Великую субботу, у гроба Христова сподоблялись сего таинства. Святѣй примѣръ сей выполненъ надъ нами во всей точности: и намъ весь Великій постъ прошедшій давъ былъ на приготовленіе себя къ пріятію особенной благодати; и тѣ, кои умѣютъ слагать въ умѣ и сердцѣ своемъ пути Промысла Божія, безъ сомнѣнія, не пренебрегли симъ временемъ къ особенному очищенію души и совѣсти своея. И вотъ, съ наступленіемъ Великой субботы, у гроба Спасителя, нисходитъ,—такъ Господу, а не врагу нашему, устроившу, — и на насъ крещеніе Духомъ и огнемъ!.. Разумѣвавшій все сіе (и мы уповаемъ, что были таковыя) не имѣлъ много времени смущаться отъ шума стрѣлъ вражійхъ; стоя у гроба Господня, онъ спогребался Христу въ духъ—за себя и другихъ; не унывалъ по сему, а укрѣплялся вѣрою и радовался за градъ нашъ, который въ это грозное время священно-таинственнѣ обручался и сочетавался навсегда своему Царю, Спасителю и Богу.

Уразумѣй же, градъ Одесса, тайну сего великаго событія надъ тобою: уразумѣй и возрадуйся духомъ о даниѣй тебѣ благодати! *Свѣтися, свѣтися вѣрою; слава бо Господня и на тебѣ возсія!* Не стыдися, а величайся язвами, тебѣ нанесенными; ибо это язвы святныя, о коихъ ты можешь со смиреніемъ сказать словми Апостола: *Азъ язвы Господа моего на тѣль моемъ ношу.* Но, въ знакъ новаго крещенія, начни отсель и новую святую жизнь, достойную града Богоспасаемаго. Возлюби любовію искреннею и крѣпкою Бога отцевъ своихъ, Бога Спасителя твоего, и не мѣняй служенія Ему ни на какія прелести Вааловы. *Видѣвъ съ симъ да утвердится въ тебѣ и любовь къ братіи твоей, ищущая всегда и во всемъ не своихъ си, но яже суть ближняго.*

Тогда ты можешь быть навсегда спокойною за твою участь. Тогда падетъ отъ страны твоея тысяща, и тѣма одесную

тебе, къ тебѣ же не приблизится ⁽³⁾; ибо въ случаѣ недостатка обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ къ защитѣ, Онъ, Всемогущій, заповѣсть Ангеломъ Своимъ сохранить тя во всякъ путьхъ твоихъ.—Аминь.

с л о в о,

СКАЗАННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ,

апрѣля 29, 1854 года,

предъ освященіемъ Георгіевскихъ крестовъ, Высочайше назначенныхъ въ награду отличившимся при отраженіи Англо-Французскаго флота отъ береговъ Одесскихъ.

Къ общей радости о защитѣ нашего града отъ буйнаго устремленія на него съ моря враговъ прегордыхъ и зловравныхъ недоставало одинаго, — чтобы эта чистая и святая радость отразилась скорѣе въ сердцѣ возлюбленнаго Монарха нашего. Ибо кто болѣе Его печалуетъ теперъ всѣми печалами Россіи? Кто глубже Его тревожится за всѣ опасности, коимъ могутъ подлежать обширныя предѣлы Отечества? — Не Ему ли посему подобаеъ скорѣе и полнѣе пріобщаться и радости, если Господь посылаетъ ее гдѣ-либо снмамъ Россіи за ихъ вѣрность Богу отцовъ своихъ? — Нашъ край и нашъ градъ, безъ сомнѣнія, были и суть предметомъ особенныхъ заботъ и опасеній для Августѣйшаго Монарха, по самой ихъ беззащитности и неготовности къ отраженію враговъ. Можетъ быть, не разъ ожидалъ Онъ увидѣть предъ собою вѣстника съ печальнымъ донесеніемъ, что юная столица Новороссійскаго края, радовавшая доселѣ всѣхъ своимъ необыкновеннымъ преспѣваніемъ въ дѣлахъ торговли и промышленности, поругана врагомъ, истреблена, уничтожена.... И вотъ является изъ нея скорѣе, нежели думалось, сей вѣстникъ: и что же возвѣщаетъ? — Что гордые враги, въ забвеніи всѣхъ правилъ

(3) Псал. ХС, 7.

не только великодушія, но и справедливости, дѣйствительно напали со всею жестокостію на Одессу, дерзнули возмутить для нея нападеніемъ своимъ спокойствіе дней самыхъ священнѣхъ; но что эта нечестивая жестокость ихъ понесла на себѣ видимое наказаніе Божіе; ибо врагъ, отъ употребленія противу насъ всѣхъ средствъ и усилій, не приобрѣлъ ничего важнаго: мы, находясь подъ адскимъ огнемъ его цѣлый день, остались цѣлы и невредимы, а онъ понесъ отъ насъ не малый уронъ, такъ что не зная потомъ, что больше дѣлать, сокрылъ позоръ свой въ удаленіи отъ береговъ нашихъ.

Какъ должна была обрадовать собою сердце Царево неожиданная вѣсть сія! Силу сей радости являютъ и слова Монарха къ защитникамъ нашимъ, исполненныя отеческой признательности, и эти, лежащія предъ нами, знаки отличія, коими Онъ съ такою щедростію спѣшитъ украсить храбрую грудь ихъ.

И такъ, мы можемъ сказать теперь, что собственная радость наша нынѣ исполнена совершенно: Царь небесный явилъ милость свою надъ нами; Царь земный обрадованъ и возвеселенъ нами. Теперь остается намъ, благодаря Царя небеснаго и Царя земнаго, не изнемогать въ нашемъ подвигѣ, продолжать, какъ начали, доколѣ не будетъ достигнуть конецъ великой и священной брани настоящей, то-есть, не приобрѣтеніе какихъ-либо земныхъ выгодъ отъ врага,—въ чемъ Россія не имѣетъ никакой нужды,—а освобожденіе единовѣрныхъ собратій нашихъ отъ жестокаго и безчеловѣчнаго ига мусульманскаго.

Что сказать въ частности вамъ, храбрые защитники наши? Повторять ли нашу благодарность за ваше мужество и неустрашимость противу врага? Но, отъ кого вы не слышали сего уже сто разъ? Привѣтствовать ли васъ съ этими знаками награды и милости къ вамъ царской? По душевному уваженію нашему къ вамъ, они такъ пріятны для насъ, какъ бы не вы одни, а мы всѣ съ вами получили ихъ отъ руки Царской. Призывать ли васъ къ новому мужеству, въ случаѣ новаго нападенія отъ врага? Но это мужество такъ сроднилось со всѣми вами, что составляетъ уже не долгъ для васъ и обязанность, а удовольствіе и отраду. Послѣ милостиваго слова къ вамъ Царева, намъ можно

было бы остаться безъ всякаго слова, съ однимъ благословеніемъ и молитвою о васъ; но, поелику мы, хотя и недостойные, призваны дѣйствовать и вѣщать здѣсь отъ лица Царя небеснаго, то не усумнимся сказать вамъ нѣчто, въ дополненіе слова Царя земнаго, взявъ изрекаемое нами не отъ своего ума, а изъ духовной сокровищницы побѣдоноснаго Царя Израилева, Св. Давида. Вы защищали и защитили градъ нашъ; но — *еще не Господь, говорить онъ, сохранить градъ, всеу бдѣ стрегій* (1): безъ помощи и благословенія свыше все ваше мужество могло бы поникнуть предъ напоромъ силъ и огней вражескихъ. Падите же вмѣстѣ съ нами предъ симъ престоломъ Благодати Божіей, и возблагодарите Того, Кто въ прошедшій день брани невидимо укрѣплялъ сердце и руку выпя на отраженіе враговъ, — Кто въ это же время видимо отнял у нихъ опытность и искусство, а у оружія ихъ силу и смертоносность, — Кто и впредь, при подобныхъ случаяхъ, единъ можетъ препоясать васъ силою свыше и сотворить непобѣдимыми; — возблагодарите, и гласомъ того же Боговдохновеннаго Царя Израилева воскликните Богу Спасителю: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу!* (2) — Аминь.

с л о в о,

ПРОИСНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАТЕДРАЛЬНОМЪ СОВОРѢ,

мая 2, 1854 года,

предъ благодарственнымъ молебствіемъ, по случаю взятія въ плѣнь и сожженія ставшаго на мель Англійскаго парохода-фрегата «Тигръ».

Христось воскресе!

Не видимо ли Самъ Господь побораеъ по насъ?... Кто могъ ожидать такъ скоро и такого тяжкаго удара врагу нашему? Мы

(1) Псал. СXXXI, 1. (2) Псал. СXIII, 9.

даже не знали, гдѣ онъ; а онъ, несчастный, лежалъ уже связанный у береговъ и, можно сказать, у ногъ нашихъ. Чѣмъ связанный? Не узами желѣзными, а самымъ тонкимъ и безсильнымъ веществомъ—туманомъ и мракомъ. Когда онъ, плавая у береговъ нашихъ, готовилъ, можетъ быть, на насъ новую огненную бурю, море наше вдругъ покрылось такою тьмою, что среди дня на немъ нельзя было видѣть ничего въ нѣсколькихъ шагахъ; а если что по временамъ и отарывалось въ туманѣ, то казалось не тѣмъ, чтѣ есть, и не на томъ мѣстѣ. Такимъ образомъ у врага нашего, при всей опытности его въ мореходствѣ и родной привычкѣ къ туманамъ, совершенно не достало способности видѣть: онъ потерялъ путь, попалъ на мель, не могъ дать знать объ опасности клеветамъ своимъ, лишился всякой надежды на освобожденіе, и потому, чтобы спастись отъ молній нашихъ, просилъ у насъ, какъ милости, пѣна себѣ.

Уже изъ сего самаго вы можете видѣть, кто связалъ и предалъ намъ врага нашего. Мы не властны надъ моремъ, мы не могли располагать этимъ ужаснымъ для врага нашего мракомъ; его могъ послать Единъ Тотъ, Который, по выраженію Іова, повиваетъ море мглою, какъ пеленами ⁽¹⁾, и возводитъ облаки отъ послѣднихъ земли. Онъ, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, *посла эту, столь необыкновенную въ сіе время годъ, тьму и помрачи очимъ* ⁽²⁾; Онъ, въ наказаніе за нечестіе врага, содвѣлалъ, да будетъ путь его *тьма и ползокъ* ⁽³⁾. Такъ Господь издревле обыкъ поступать съ противниками святой Его воли. Ибо, чѣмъ былъ пораженъ между прочимъ оный прегордый Фараонъ, когда не хотѣлъ, по глаголу Моисея, отпустить Израильтянъ изъ Египта? Мракомъ: *и простре, говорится въ Писаніи, Моисей руку свою на небо и бысть тьма и мракъ по всей земли Египетстѣй, и не видѣ никтоже брата своего три дни* ⁽⁴⁾. Чѣмъ связанъ и оный древній врагъ Божій, дерзнувшій возмутить самое небо противъ Вседержителя? Ничѣмъ другимъ какъ тьмою: *пленицами мрака связавъ*, свидѣтельствуеть о духахъ злобы Ап. Петръ,

(1) Іов. XXX и 9. (2) Псал. CIV, 28. (3) Псал. X XXIV, 6.

(4) Исх. X, 22—23.

предаде на судъ мучимыхъ бжюсти (5). Такъ поступилъ Господь и теперь: Онъ не послалъ на враговъ нашихъ ни молній, ни громовъ, не восколебалъ ни земли, ни неба, а только простеръ надъ ними мракъ;—и все мужество, все искусство, вся гордость и упорство врага исчезли и обратились въ ничто предъ симъ однимъ средствомъ !....

Что убо привлекло на врага нашего такой гнѣвъ Божій? Очевидно, не наши добродѣтели и не наши слабыя молитвы, а ходатайство о насъ великихъ заступниковъ страны нашей, священномучениковъ Херсонскихъ, за тѣмъ его собственная гордыня, безчеловѣчїе, а особенно нечестїе и оскорбленїе имъ святыни. Ибо этотъ, — погибшїй теперь, — корабль особенно свирѣпствовалъ противу насъ въ день Великія Субботы : онъ не далъ многимъ изъ насъ быть тогда у гроба Спасителя своего; онъ предвозмутилъ для всѣхъ насъ радость о Воскресенїи Господнемъ. Такимъ образомъ, поелику врагъ нашъ не захотѣлъ преклониться съ благоговѣнїемъ предъ знаменїемъ всемірнаго спасенїя, которое у него и у насъ едино и тожде, и вмѣсто вниманїя къ священнымъ днямъ, какъ бы въ соотвѣтствїе названїю своему, показалъ въ себѣ свирѣпость и безчувствїе тигра; то и Господь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, поругался ему съ небеси. Связавъ мракомъ, Онъ поставилъ этого тигра въ состоянїе овчате, уготованнаго на заколенїе, отдавнаго на позоръ и въ притчу глумленїя для самыхъ дѣтей.

Всего разительнѣе при семъ то, что какъ врагомъ былъ обезчещенъ великій день Воскресенїя Господня; то и жестокое крушенїе его произошло не въ другомъ какомъ мѣстѣ, а у того пустыннаго берега, на коемъ стоитъ уединенно храмъ Воскресенїя Христова. Такъ дѣйствуетъ Господь, когда хочетъ показать надъ кѣмъ высокую руку Свою !

Приидите убо , братїя, возрадуемся Господеву, воскликнемъ паки Богу Спасителю нашему, но возрадуемся, какъ поучаетъ св. Давидъ, не съ легкомыслїемъ, а со страхомъ и трепетомъ, видя, какъ *Господь поругаемъ не бываетъ* (6), какъ вечестїе

(5) 2 Петр. 11,4. (6) Гал. VI, 7.

и злоба человеческія, когда превосходятъ мѣру долготерпѣнія, пріемлютъ отъ правосудія Божія казнь и отмищеніе еще въ сей жизни, еще на сей землѣ.

Примѣръ нечестія и казни за то свыше да научить насъ, всегда и вездѣ, почитать святая честь (7), не позволять себѣ глумиться и презирать праздники Божіи. Мы ратуемъ и подвизаемся не за что другое, а за Вѣру и Крестъ Христовъ. Но давно сказано, что *вѣра безъ блажихъ дѣлъ мертва есть* (8). Посему намъ, яко ратникамъ Христовымъ, подобаесть быть чистыми отъ всякія скверны плоти и духа, подобаесть украшать себя всякаго рода дѣлами благими, а паче смиреніемъ и любовію. Покажемъ самымъ врагамъ нашимъ, находящимся теперь у насъ въ плѣну, что мы, послѣдуя Евангелію, не воздаемъ зломъ за зло и твердо помнимъ заповѣдь: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напои* (9). Оружіе наше побѣдлю тѣла ихъ, а любовь Христова, нами являемая, можетъ покорить намъ самыя сердца ихъ,—что выше и любезнѣе всякой побѣды. Аминь.

с л о в о ,

ПРОИЗНЕСѢННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ, КАЕДЕРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ ,

мая 9, 1854 года,

*предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю пожалованія
Всемилоостивѣйшей грамоты г. Одессы за сохраненіе спокойствія,
порядка и благочинія во время бомбардированія ея флотомъ не-
пріятельскимъ*

Христосъ воскресъ!

*По множеству болѣзней моихъ въ сердце моему утѣ-
шенія Твоя возвеселиша душу мою! Псал. ХСШ, 19.*

Такъ говорилъ нѣкогда о себѣ св. Давидъ , вспоминая въ

(7) Вел. Канонъ 1 недѣл. Вел. поста. (8) Іак. 11, 17. (9) Р.м. XII, 30.

молитвъ своей предъ Богомъ и тяжесть перенесенныхъ имъ искушеній и обиліе послѣдовавшихъ за тѣмъ утѣшеній Божественныхъ.

Это же самое можешь сказать о себѣ и ты, богоспасаемый градъ Одесса, послѣ того, что недавно случилось съ тобою и что послѣдовало за тѣмъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце мое, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою!*

Мало ли было болѣзней въ сердцѣ нашемъ?—Болѣзновали мы душою, когда, тревожимые слухами, ожидали появленія враговъ, терпя въ то же время разныя стѣсненія и нужды; не умалилась, а увеличилась наша скорбь, когда они дѣйствительно появились на водахъ нашихъ, и съ свойственною имъ дерзостію и аичностію начали предъ очами нашими увлекать въ плѣнъ бывшихъ на водахъ собратій нашихъ. Еще болѣе возмущилось скорбію сердце наше, когда мы услышали о наглыхъ требованіяхъ, коя они, подъ вымышленнымъ предлогомъ нашей вины, осмѣлились предложить намъ въ искупленіе нашей безопасности, и кои видимо клонились, если не къ погибели, то къ посрамленію нашему. Наконецъ, когда среди самаго священнаго и мирнаго въ году дня открытъ былъ противу насъ цѣлый адъ, и смерть начала видимо летать надъ главами нашими, то и самыя невозмутимые духомъ не могли безъ глубокой горести взирать на градъ нашъ, подвергшійся въ такой день такой печальной участи. *По множеству болѣзней моихъ въ сердце мое!*

И вотъ, всѣ эти болѣзни и вся эта скорбь на сей разъ — прешли; вся эта возшумѣвшая противу насъ буря кончилась; и какъ кончилась? Какъ только можно было пожелать намъ самимъ — совершенною безуспѣшностію и посрамленіемъ врага нашего, спокойствіемъ и радостію для насъ, славою и торжествомъ для всего Отечества. Какъ же послѣ сего, возведши очи и сердце къ небу, не сказать съ Давидомъ: *по множеству болѣзней моихъ въ сердце мое, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою!*

Не утѣшеніе ли уже было видѣть, какъ всѣ усилія врага противу насъ остались тщетны, и онъ болѣе ранъ получилъ отъ

насъ, почти беззащитныхъ, нежели мы отъ него — преоруженнаго всѣми средствами къ истребленію ?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ самый удачный отпоръ, самый чувствительный вредъ нанесены врагу нынѣшнему не десятицею опытныхъ вождей и воиновъ, кои, стоя на брегахъ, вполне готовы были доказать ему его ничтожность, а рукою единого юноши, который доселѣ не видалъ никогда ни лица, ни огня непріятельскаго ?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ одно изъ значительныхъ судовъ вражескихъ, которое особенно бѣсновалось противу насъ своими огнями въ день брани, явилось потомъ внезапно связаннымъ тьмою у берега нашего и просило, какъ милости, взять его въ плѣнъ ?

Не утѣшеніе ли было видѣть, какъ храбрые защитники наши въ глазахъ нашихъ украшались знаками отличія отъ щедротъ Монаршихъ, и наше спасеніе, посредствомъ сихъ знаковъ, навсегда соединялось на груди ихъ съ ихъ славой ?

Не утѣшеніе ли было слышать, какъ возлюбленный Монархъ нашъ радовался о насъ и благодарилъ Бога, какъ все отечество, всѣ края Россіи рукоплескали нашему подвигу и утѣшались знаменіемъ милости Божіей надъ нами ?

И вотъ, какъ бы еще мало было для насъ всѣхъ сихъ утѣшеній, Великій Монархъ нашъ обращается нынѣ ко всему граду нашему и всѣмъ жителямъ его съ особеннымъ Царскимъ словомъ похвалы и одобренія!.. По обычаю предковъ, вы услышите слово сіе посреди града, гдѣ будутъ приносить молитвы за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть; а мы, раздѣляя вполне радость вашу, еще съ сего св. мѣста воспривѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ утѣшеніемъ отъ Господа, подвижнаго сердце и руку Цареву къ начертанію сей драгоценной для насъ хартіи. Такимъ образомъ мы, при помощи Божіей, не только сдѣлали свое дѣло, прошли и выдержали ужасный опытъ, какъ подобало сынамъ Россіи, но и будемъ имѣть Августѣйшее свидѣтельство на все это отъ самого Главы и Отца отечества!.. Въ какомъ краю отечества, въ какой части свѣта, самой отдаленной, не

будетъ читано это слово Царево и не доставить намъ похвалъ и одобренія? Дойдетъ оно и до отдаленнаго потомства и будетъ возбуждать жителей града нашего въ подобныхъ случаяхъ къ подобному мужеству и самоотверженію.

Храни же, градъ Одесса, сей залогъ вниманія и признательности къ тебѣ Монарха твоего, какъ свидѣтельство твоея славы, — храни вѣрно и крѣпко: ибо онъ купленъ не златомъ и серебромъ, а огнемъ и кровію! Ты сталъ теперь на высокую степень между градами отечественными: стой и утверждайся на ней достойнымъ тебя образомъ, не жалѣя ничего на пользу отечества и устраняя отъ себя все, что можетъ быть противно истинно-сыновней любви къ нему! — Аминь.

с л о в о,

произнесенное въ Одесской Греческой церкви,

16 мая, 1854 года,

предъ совершеніемъ панихиды по блаженномъ Константинопольскомъ патриархѣ Григоріи, тамъ благочестно почивающемъ.

Блаженнѣйшій Вселенскій Іерархъ Григорій!

Не въ уреченный (1) для памяти твоей день являемся мы нынѣ съ молитвами предъ гробомъ твоимъ; но являемся не произвольно, а по указанію свыше. — Надлежало же, чтобы тотъ грозно-памятный для насъ день, въ который градъ нашъ подвергся недавно огненной бурѣ съ моря, былъ не другой какой въ году, а тотъ самый, (2) въ который, за то же великое и святое дѣло, за которое подвигаемся теперь и мы, сподобился ты, за тридцать лѣтъ предъ симъ, пріять вѣнецъ мученическій. Возможно ли, чтобы

(1) Ежегодная панихида совершается торжественно у гроба блажен. патриарха, въ день погребенія его, 19-го іюня.

(2) Блажен. патриархъ скончался мученически въ 10 д. Апрѣля 1821 г. въ Константинополѣ. Нынѣ въ сей день была Великая Суббота.

это было дѣломъ случая? — Нѣтъ, это могъ произвести Единъ Тотъ, въ десницѣ Коего времена и лѣта, мѣсяцы, дни и самыя минуты наши. Ему-то благоугодно было сочетать столь знаменательнымъ образомъ отнынѣ навсегда память страдальческой кончины твоея со днемъ собственныхъ нашихъ страданій. И для чего сочетать?—Да разумѣемъ, что ты не напрасно, оставивъ престольный градъ твой, пришелъ опочить среди насъ святыми останками твоими, что ты данъ въ заступника граду нашему и молитвенника о насъ предъ Богомъ.

Быть не можетъ, чтобы духъ твой и тамъ — въ обителяхъ Отца небеснаго—не сѣтоваль, видя, какъ злочестивая Луна снова силится затмить три-солнечное сіяніе Креста Христова, — какъ великая, но злосчастная, паства твоя паки обливаеся слезами и кровію,—какъ возлюбленное отечество наше, единое обнажившее мечъ за угнѣтенное православіе, начинаетъ терпѣть нападенія за то отъ самыхъ народовъ христіанскихъ,—какъ наконецъ градъ нашъ, избранный тобою въ мѣсто успокоенія твоего, самъ не выѣдетъ отъ нихъ покоя и безопасности. Но, могло ли сѣтованіе твое о насъ оставаться бездѣйственнымъ?

Нѣтъ, мы вѣруемъ, что, облеченный силою Божіею, ты вмѣстѣ съ сонмомъ заступниковъ страны нашея, священно-мучениковъ Херсонскихъ, стоялъ въ день брани невидимо на воздухѣ и росоноснымъ дыханіемъ отъ Духа Божія угашалъ разжженные стрѣлы врага, дабы они падали такъ безвредно для насъ на землю и дома наши: иначе чему приписать бездѣйственность столь многихъ молній и громовъ вражескихъ?—Вѣруемъ, что ты, ревнуя о насъ противу безчеловѣчныхъ враговъ нашихъ, самъ бралъ незримо въ свою десницу слабыя молнія наши, придавалъ имъ силу и крѣпость и направлялъ прямо въ сердце врага: иначе какъ объяснить ихъ необыкновенную силу и смертоносность надъ нимъ?—По чьимъ, наконецъ, если не твоимъ святымъ молитвамъ предъ Богомъ, простерлась потомъ и эта, столь необыкновенная въ настоящее время года, тьма надъ моремъ нашимъ, которая до того ослѣпляла очи врагу, что онъ совершенно потерялъ путь, увязъ съ кораблемъ своимъ въ пескахъ и камняхъ у бере-

говъ нашихъ и принужденъ былъ просить у насъ какъ милости — плѣна себѣ? Иначе, куда дѣвалась опытность врага, привыкшаго издавна обитать во мглѣ и плавать безбѣдно среди темноты?...

Прими убо, Святителю Христовъ, благодареніе за вся сія отъ града нашего и продолжи ходатайство и молитву свою о насъ предъ Богомъ брани и мира! Ибо, враги наши, безъ сомнѣнія, готовятъ новыя нападенія на страну нашу. Взыди убо и ты паки къ престолу Царя славы, положи, если то нужно, къ подножію его мученической вѣнецъ твой (3), и умоли Его кровію своею, да сошедши (4), узритъ содѣваемое на земли, и, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, смѣситъ и посрамитъ, якоже древле, язвы, хотящія создати столпъ гордости въ прославленіе имени своего и въ защиту враговъ Креста Христова; да прелесть Магометова, только вѣковъ лстящая народы, и нинѣ, — къ стыду христіанства — покровительствуемая и принимаемая къ сердцу самими державами христіанскими, исчезнетъ навсегда съ лица земли православной и возвратится въ пустыни и дебри, среди коихъ порождена она духомъ злобы на пагубу челоуѣчества; и да единовѣрные намъ братія наши о Христѣ изыдутъ наконецъ изъ разженной печи четырехвѣковаго плѣна Мусульманскаго и начнутъ, подобно древнимъ Израильтянамъ, въ свободѣ духа, праздновать — *пасху Божию спасительную*.

Тогда умирные, обрадованные, торжествующіе, — мы не замедлимъ снова явиться у гроба твоего съ благодарственными пѣснями Богу Спасителю и тебѣ, нашему предъ Нимъ Молитвеннику. — Аминь.

(3) Апок. IX, 10. (4) Быт. XI, 7.

Р Ѣ Ч Ъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ЩЕГОЛЕВСКОЙ БАТТАРЕѢ,

мая 31, 1854 года,

*при освященіи прибрежныхъ баттарей, устроенныхъ въ защиту
г. Одессы отъ нападенія флотовъ непріятельскихъ.*

—

Какъ безопасно стоимъ мы теперь здѣсь и какъ спокойно возносимъ молитвы наши ко Господу! Но каково было стоять и дѣйствовать здѣсь тогда, какъ все огни непріятельскіе устремлены были на одво это мѣсто? И однако же нога русская твердо стояла здѣсь и тогда; рука русская, не дрожа, дѣйствовала здѣсь и въ это время, когда страшно было посмотрѣть сюда и со стороны.... И устояли бы здѣсь русская душа и русское сердце и до конца дня, какъ стояли до полудня, еслибы не пришлось стоять наконецъ не только противъ огней непріятельскихъ, но и среди собственнаго пламени.... Не даромъ непріятель думалъ, что поражавшіе его отсюда были здѣсь прикованы: они точно были прикованы, только не желѣзомъ, а любовію къ отечеству. О, врагъ нашъ твердо будетъ помнить это мѣсто, гдѣ одинъ перунъ нашъ выдерживалъ подъ конецъ споръ со всеми его молніями и громами!... Не забудетъ этого мѣста и вся Россія, которая съ удивленіемъ и радостію услышала, какъ горсть храбрыхъ стояла здѣсь одна за цѣлый городъ, едва не противъ цѣлаго флота непріятельскаго. Что касается до насъ, кои были очевидными свидѣтелями сего, можно сказать, чуда, то мы доселѣ не можемъ иначе понять и изъяснить его себѣ, какъ предположивъ, что здѣсь вмѣстѣ съ видимыми защитниками нашими была и дѣйствовала нѣкая невидимая сила, посланная свыше.

Соединимся же теперь все, и защищавшіе и защищенные, во едино, и вознесемъ съ сего самаго мѣста благодареніе Богу Силь, Который благоволилъ явить здѣсь высокую мышцу Свою за насъ противъ враговъ нашихъ, для посрамленія ихъ нечестія и гордыни.

А благодаря за прошедшее, помолимся и о будущемъ. Врагъ нашъ такъ мало имѣеть усѣха на водахъ нашихъ, что самое безуспѣшнѣе его можетъ снова подвигнуть его на насъ,—не говоримъ уже о свойственной ему алчности къ корысти. Противъ сего-то и уготованы снова эти громоносныя твердыни. Мы вѣримъ ихъ твердости, не сомнѣваемся въ мужествѣ и неустрашимости защитниковъ нашихъ: что сдѣлано ими, достаточно ручается за то, что они сдѣлаютъ впредь: но, братіе, *еще не Господь сохранилъ градъ, воюе* будетъ *бдѣль и стрегѣй* (1). Онъ, всемогущій и всеуправляющій, по Своей премудрой волѣ, даетъ и отымаетъ духа, Онъ облачаетъ силою свыше самыя слабыя руки и колѣни; и Онъ же обращаетъ, когда угодно Ему, въ ничто — разумъ мудрыхъ и крѣпость сильныхъ!....

Къ Тебѣ убо, Господи, возносимъ мысли и сердца наши: призири съ высоты святыя Твоя на градъ нашъ окомъ благоволенія Твоего, и огради его кромѣ сихъ, подверженныхъ разрушенію, твердынь, святыми Ангелами Твоими, противъ коихъ не постоять никакіе враги, не только видимые, но и невидимые!

Мати Божія! Мы уже вѣрили судьбу града нашего Твоему всеильному заступленію и покрову; и упованіе не посрамилось. Се паки обращаемся къ Тебѣ съ вѣрою и любовію—за помощію противъ враговъ нашихъ! Озаривъ всю страну нашу чудесами отъ чудотворнаго лика Твоего, сотвори и со градомъ нашимъ знаменіе во благо, да не коснется его ни огонь, ни мечъ вражескій. Для сего-то именно,—въ духѣ вѣры и упованія — и по удаленіи нашемъ отсюда, мы оставляемъ здѣсь изображеніе сего лика, дабы христілюбивыя защитники наши имѣли въ Тебѣ самой своего взбраннаго воеводу (2). Аминь.

(1) Пс. СХХVI, 1.

(2) Преосвященный архимандритъ, при произнесеніи сей рѣчи, благословялъ командира батареи, штабсъ-капитана Щеголева вкоюю Касперовскія Божія матери.

Р Ъ Ч Ъ,

Г. ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ БАРОНУ ДИМИТРИО ЕРОФЕЕВУ ОСТЕНЪ-САКЕНУ,

при отправленіи его изъ Одессы въ армію,

21 іюня 1854 года.

Срѣтивъ васъ за полгода предъ симъ съ особенною радостью, можно ли было намъ разстаться съ вами теперь безъ особенной горести?—Но вы оставляете насъ, совершивъ здѣсь, при помощи Божіей, свое дѣло со всѣмъ возможнымъ успѣхомъ;—вы идете теперь на пораженіе того же врага тамъ, гдѣ это особенно нужно! Послѣ сего намъ остается только сказать отъ всей души: да будетъ благословенъ исходъ вашъ отъ насъ, какъ былъ благословенъ входъ вашъ къ намъ!... Мы увѣрены, что вы не забудете Одессы, тѣмъ паче Одесса не можетъ забыть того, кто самымъ Промысломъ Божиимъ данъ ей былъ въ вождя и защитника на время лютаго облежанія ея. А Святая Церковь съ признательностью будетъ вспоминать въ молитвахъ своихъ того вождя, который, къ назиданію и радости всѣхъ жителей Одессы, постоянно являлъ въ себѣ прекрасный примѣръ военачальника-Христіанина!... Въ знакъ николиже отпадающей взаимной любви о Христвѣ и въ залогъ будущихъ надъ вами благословеній свыше примите сіе изображение чудотворнаго лика Богоматери Касперовской, озарившаго чудесами всю страну нашу. Сему святому лику мы, вмѣстѣ съ вами, поручали молитвенно градъ нашъ предъ наступленіемъ для него прошедшей опасности; ему же теперь, въ духъ Вѣры, поручаемъ самихъ васъ и будущіе подвиги ваши противъ враговъ, въ твердой надеждѣ, что Взбранная Воевода подастъ намъ скоро возможность паки благодарственно воспѣть Ей—побѣдительная!»

Р Ъ Ч Ъ,

П Р О И З Н Е С Е Н Н А Я

15 іюля 1854 года,

при заложеніи въ г. Севастополь храма во имя Святого и Равноапостольнаго Князя Владимира, въ память просвѣщенія его Вѣрою Христіанскою въ Херсонесъ Таврическомъ.

Видно такъ угодно было Господу, чтобы я, нисколько не предвидя настоящаго событія и не думавъ о немъ, вдругъ обрѣлся теперь между вами, какъ бы для того именно, чтобы послужить молитвенно основанію сего храма. Могу ли послѣ сего остаться безмолвнымъ и не раздѣлить съ вами тѣхъ чувствъ, кои сами собою возбуждаются во мнѣ при настоящемъ священнодѣйствіи?

Основаніе храма сего и во всякое другое время было бы событіемъ не севастопольскимъ токмо, а и всероссійскимъ, ибо кѣмъ создается этотъ храмъ? Не здѣшнимъ токмо градомъ, и даже не одною нашею странюю, а всею Россією. По какому побужденію создается онъ? Въ память крещенія и просвѣщенія Вѣрою Христовою, близъ града сего, Великаго Князя Владимира, то-есть, почти то же, что въ память обращенія въ христіанство земли Русской: ибо въ лицѣ Князя своего крестилась тогда здѣсь и просвѣтилась вѣрою, можно сказать, вся Россія. По сему-то на всѣхъ обширныхъ краяхъ отечества, гдѣ только ни услышатъ о настоящемъ священнодѣйствіи нашемъ, возрадуются искренно и скажутъ отъ души: слава Богу и Благочестивѣйшему Монарху! Давній священный долгъ всея Россіи предъ памятію Великаго Владимира скоро будетъ уплаченъ!

Но въ настоящихъ обстоятельствахъ возлюбленнаго отечества нашего, заложеніе сего храма получаетъ еще большее и обширнѣйшее значеніе. Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній теперь состоитъ въ томъ, чтобы какимъ бы то ни было образомъ отторгнуть здѣшнюю

страну отъ состава Россіи? — Это было бы, по собственному призванію ихъ, верхомъ ихъ успѣха противу насъ. А мы—въ это самое время,—какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость, — полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму во имя святаго Владиміра!... Симъ самымъ сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ бы такъ: непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что Полуостровъ Таврическій составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наследіе еще св. Владиміра!.. Здѣсь купель нашего крещенія; здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступать послѣ сего страну эту кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти св. Владиміра... Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камень, нежели луна заступитъ здѣсь мѣсто Креста Христова!.. Такова, говорю, сила и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священнодѣйствія по отношенію къ врагамъ нашимъ! И надобно же было имъ вчера явиться въ такомъ множествѣ предъ лицомъ сего града, какъ бы нарочно для присутствія при заложеніи сего храма и для выслушанія урока, въ немъ заключающагося!.. Ослѣпленные ненавистію къ величію и славѣ Россіи, они не поймутъ теперь сего урока: но онъ не потеряетъ чрезъ то своей силы, пронесется по всей землѣ Русской, услышится и за предѣлами ея, и напомнитъ о забытой истинѣ даже тѣмъ, кои хотѣли бы сокрыть ее въ неправдѣ своихъ мудрованій.

Итакъ, не унывай, Богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, помнѣй, что ты преемникъ и наследникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсонеса-Таврическаго. Созданное въ защиту твою руками человѣческими еще можетъ уступить силѣ и искусству человѣческому: но чтѣ дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто. Поелику же страна сія вставлена въ составъ Россіи—въ лицѣ святаго Владиміра—рукою самого Провидѣнія, то нѣтъ врага, могущаго ее отторгнуть: *яже Богъ*

сочети, человекъ не различаетъ (1)! Въ такомъ случаѣ, если бы для отраженія враговъ не достало зѣмныхъ защитниковъ, явятся небесные : возстанетъ изъ гроба , или паче сойдетъ съ неба самъ Витязь Равноапостольный ; сойдетъ и приведетъ съ собою противу враговъ весь сонмъ священномучениковъ херсонскихъ, кои купили сию землю у самого Владыки вселенныя, не златомъ и серебромъ, а слезами и кровію своею.

Радуюсь посему духомъ за градъ сей и благочестиво-мудрыхъ правителей его, кои, несмотря на множество облегающихъ ихъ теперъ заботъ, нашли возможность, предъ лицемъ самихъ враговъ, положить нынѣ основаніе храму сему ! Такимъ образомъ къ твердынямъ вещественнымъ въ защиту града сего они присоединили новое, несокрушимое укрѣпленіе — духовное. Радуюсь за все православное отечество, которое изъ настоящаго священнодѣйствія нашего съ особеннымъ утѣшеніемъ увидитъ, что мы бодро стоимъ здѣсь противъ враговъ нашихъ, стоимъ не съ однимъ оружіемъ плотскимъ, но и съ непобѣдимую силою животворящаго Креста Христова. Раруюсь, наконецъ, и благодарю Бога и за самого себя, коему, какъ бы ведомому духомъ (2), дано явиться здѣсь такъ нечаянно и вмѣстѣ такъ благовременно. Слабыя молитвы мои всегда могли быть замѣнены молитвами другихъ: но для меня на всю жизнь осталось бы чувство сожалѣнія о томъ, что я не послужилъ основанію сего храма...

Заклучимъ молитвеннымъ желаніемъ, чтобы Господь, приведшій нынѣ насъ сюда такъ неожиданно, да положимъ здѣсь первый камень въ основаніе храму,—не судилъ насъ быть недостойными возжечь здѣсь, въ созданномъ уже храмѣ, при освященіи его,—и первую свѣщу!—Аминь.

(1) Лук. II, 27. (2) Мат. XIX, 6.

С Л О В О ,

ПРОИЗВЕСЕННОЕ ВЪ СИМФЕРОПОЛЬСКОМЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМЪ
СОВОРЪ,

14 сентября, 1854 года,

при совершеиіи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на
полуостровъ Крымскій иноплемениковъ.

Миръ вамъ (1)!

Сими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ Своихъ, когда, явсь имъ, по воскресеніи Своемъ, нашелъ ихъ въ страхъ и смущеніи отъ ужасныхъ событій Голгоескихъ. Сии же самыя слова любви и успокоенія мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители Богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженія въ страну вашу иноплемениковъ: *миръ вамъ!* Миръ не отъ нашего безсилія и немощи, а отъ Бога Отца—всемогущаго! отъ Бога Сына—всесодржащаго! отъ Бога Духа Святаго—всеживотворящаго.

И почто, скажемъ словами же Спасителя нашего, *почто такъ смущени есте*, и столько боязливыхъ *помышленийъ входитъ въ сердца ваши* (2), что многіе изъ васъ готовы, оставивъ все, искать спасенія внѣ града и страны здѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторгся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ—имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые ли, во время брани, вторгаться врагамъ въ землю Русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣрному пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйдти изъ нея, не доставшись въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ....—Не смущаютъ ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря?—

(1) Лук. XXIV, 36. (2) Лук. XXIV, 37.

Не такіе успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они? совершеннымъ поражениемъ враговъ и посрамлениемъ ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. — Кто помнитъ 1812-й годъ? Тогда колебался не одинъ какой-либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія; самое сердце ея—Москва, было въ рукахъ врага; многимъ казалось по тому, что уже все потеряно: а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава Русская цѣла и несокрушима;—сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, полчища враговъ, и исчезли, какъ призракъ. Подобное тому, дастъ Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили-ль вы, въ какой день враги появились на землѣ вашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ таже горькая участь, коей подверглись они по занятіи первопрестольной столицы нашей.

Мы не чаяли уже почти въ это время врага, и потому, подобно двамъ въ притчѣ Евангельской, невольно предались было нѣкому дреманію;—и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно брега наши и стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на Его всемогущую помощь: но, если это вторженіе причинило безпокойство и смущеніе намъ, то, будьте увѣрены,—оно послужитъ не на радость и врагу нашему; отраженный отъ береговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалится бы отсюда, но удалится бы еще съ великими силами, и потому долго бы могъ изливаться ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ изъ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ, и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлять насъ своимъ многочисленіемъ;—и у Россіи ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые вои наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, по-

добно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головою врага. Пройдетъ нѣсколько дней—и весь свѣтъ увидитъ, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлится проникнуть нагло внутрь Россіи....

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сожителей вашихъ въ сей странѣ (вы знаете, кого разумю я), имѣли несчастье увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ: но во-первыхъ, этого нельзя было не ожидать, при ихъ извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ обалщевіяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ—что въ этомъ такъ важнаго и страшнаго, чтобы искать уже безопасности себѣ не въ другомъ чемъ, а въ бѣгствѣ? Это возстаніе злонаправныхъ, конечно, и невѣрныхъ Отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неискусныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна самая отеческая опека надъ ними, но кои при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на главу, готовы пасть на колѣни и просить милости. Съ этими такъ называемыми туземцами, а въ самомъ дѣлѣ буйными пришлецами, нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло тоже самое, что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревьяхъ, кои тогда отстаютъ отъ дерева и падаютъ на землю; тоже произошло, что бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летитъ вверхъ и помрачаетъ собою—на нѣсколько минутъ!—воздухъ. И это ли можетъ отнимать духъ у истинныхъ сыновъ Отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ, и дерево,—безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей—будетъ свѣже и крѣпче; и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно предаваться воображенію опасностей, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Если бы, устремившись къ вамъ, я хотъ въ половину приложилъ вѣру тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные, и не легковѣрные, люди говорили мнѣ объ ожидающихъ на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться, и отказаться отъ намѣренія посѣтить, утѣшить и ободрить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня

не подѣйствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны вашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая-либо опасность, то она со дня на день уменьшается и скоро должна пройти совершенно.

Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель, — искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства ваши глазомъ обыкновеннымъ: время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего Христіанства? — Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ Вѣры Православной на всю землю Русскую? — Не за сію ли страну положили душу свою наши приснопоминаемые священномученики Херсонскіе? И вы попустили себѣ, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остаться втуне, и Крестъ Христовъ уступить здѣсь мѣсто лунѣ Магометовой?!.. Такъ ли, — простите моему дерзновенію и любви къ вамъ, — такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ Церкви Православной? — Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣняхъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами? — Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ недостойны того, чтобы Господь услышалъ молитву нашу, то на неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за Отечество сильна предъ Господомъ, и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и ночь за Церковь Православную, за Царя Благочестивѣйшаго и за Его Христолюбивое воинство. А ваши священномученики, положившіе души свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоятъ теперь предъ Престоломъ Божіимъ, и не повергаютъ себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на Немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній? — А Великій Князь Владиміръ, пріившій здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, кою нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшить ей на помощь противу обзюродившихъ безвѣріемъ пришельцевъ запада? Нѣтъ, если

мы любимъ искренно свое Отечество, то небожители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не предстательствовать за него у Господа.

А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, виспровергали алтари и престолы, поклонялись богинямъ разума и, проповѣдуя всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ ближнихъ и знаемыхъ? Не ханы ли Крымскіе, кои, завладѣвъ сею странною, вѣногда цвѣтущею, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодіи, питаясь и питая полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои, послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли и другихъ слѣпо вели за собою въ пропасть адскую? Видите, что я, хотя и по любви къ вамъ, но ожесточаю слово!... Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство Вѣры и упованія, приличное чадамъ Церкви Православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли Русской.

Вмѣсто безотраднаго и бесплоднаго смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ вамъ на защиту спѣшать храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, не возможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питіе. У васъ будутъ узаленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалійте ничего: ибо стыдъ и горе намъ, если пролившій за насъ кровь свою принужденъ будетъ сказать, что Онъ не призрѣнъ, какъ должно,—своими!... А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію: ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій. Колю скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примираемся съ совѣстію своею и Богомъ: то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословитъ скорѣе Господь всѣхъ насъ! —
Аминь.

С Л О В О,

СКАЗАННОЕ ВЪ СИМФЕРОПОЛЬСКОМЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМЪ СОБОРѢ,

15-го Сентября 1854-го года,

по случаю нашествія на полуостровъ Крымскій иноплемешниковъ.

—
 Не опечалилъ ли я васъ вчера чѣмъ-либо, возлюбленные? — По тойже любви къ вамъ о Христѣ и по той же ревности по васъ можно было, пожалуй, сказать что-либо и слишкомъ горькое... Но вы поймете, надѣюсь, и уразумѣете, какъ должно, причину и цѣль всего сказаннаго, и не будете огорчаться нашимъ словомъ, памятуя слово Св. Писанія, что, *достовернѣе язвы друга, нежели льстивыя лобзанія врага* (1).

Въ самомъ дѣлѣ, лучше ли для васъ, если по разнымъ мѣстамъ Отечества будутъ говорить, что вы, сверхъ ожиданія, оказались ниже вашихъ обстоятельствъ, что въ васъ не обнаружилось того великаго духа, той твердости и мужества, коими воодушевлена теперь вся Россія? Ибо не надобно забывать, что на васъ смотрятъ отсюду, о васъ говорятъ, — и долго еще будутъ говорить, — вездѣ, что всѣ истинные сыны Отечества, самъ Благочестивѣйшій Монархъ нашъ, ожидаютъ теперь отъ васъ — не малодушія, даже не одного обыкновеннаго мужества и присутствія духа, а какого-либо особеннаго подвига любви къ Отечеству и самоотверженія, сообразно чрезвычайности вашихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ. Какъ, потому, послушайте вы въ это время великаго испытанія, какой подадите примѣръ, такая вамъ воздана будетъ отъ всѣхъ и честь! Чѣмъ болѣе и чѣмъ чище принесена будетъ на алтарь Отечества жертва, тѣмъ вы станете выше въ глазахъ всѣхъ: а если, — что да отвратить Господь! — вы окажетесь такъ малодушны и недалновидны, что предпочтете свои частныя выгоды пользамъ общимъ, то неминуемо подвергнетесь за то всемірному нареканію, и позоръ

(1) Прит. Сол. XXVII, 6.

вашъ — будьте увѣрены въ томъ, — ляжетъ всею тяжестью своею не только на васъ, но и на отдаленныхъ потомкахъ вашихъ...

По сему-то я и говорю съ вами такимъ рѣшительнымъ и откровеннымъ языкомъ ; для сего-то самаго я и прибылъ къ вамъ, не смотря на всѣ трудности пути : мнѣ дороги спокойствіе и честь ваши, и еще дороже честь, нежели спокойствіе.... Будьте же, говорю, внимательны, возлюбленные, и взирайте не на одно настоящее, а и на будущее, не на одинъ градъ и полуостровъ вашъ, а на всю Россію, которая теперь не сводитъ съ васъ глазъ, мыслить, разсуждаетъ, и молится о васъ, и, безъ сомнѣнія, готова, если бы возможно, летѣть къ вамъ на крылахъ, чтобы раздѣлить съ вами всѣ труды и опасности.

Кратко:— предъ вами теперь слава, или стыдъ вѣчный, благословеніе или укоризна неизгладимая!

Поспѣшите же, возлюбленные, прославиться славою чистою и святою, показавъ, что вы не напрасно живете у самой колыбели нашего Христіанства, не бесплодно обитаете на землѣ мучениковъ и святыхъ, что васъ всѣхъ движетъ и одушевляетъ тотъ же самый духъ Вѣры и упованія на Бога, который провелъ безбѣдно Отечество наше среди всѣхъ, самыхъ великихъ и вѣковыхъ бѣдъ и искушеній, возвелъ его на крайнюю высоту всемірнаго могущества и славы, и содѣлалъ новымъ, недосягаемымъ никакимъ врагамъ, Араратомъ для ковчега Православія.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться славою чистою и святою, явивъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ своихъ любовь къ Отечеству такимъ образомъ и съ тою силою, какъ любили являть ее въ подобныхъ случаяхъ древніе сыны его, блаженные предки наши, кои не думали спасать себя, когда отечество находилось въ опасности, а забывая всѣ собственныя выгоды, готовы были принести въ жертву для него и все достояніе свое и самую жизнь свою.

Поспѣшите, возлюбленные, прославиться славою чистою и святою, употребивъ всѣ силы и средства, все искусство и умѣніе ваше на содѣйствіе и помощь христіолюбивому воинству нашему, которое, стекшись сюда со всѣхъ концовъ Россіи на защиту страны вашей, въ порывѣ святой ревности, ожидаетъ,

какъ празднества, того дня и часа, когда можно будетъ, не щадя своей крови и живота,—за Царя и Отечество, ринуться побѣдоносно на толпы богопротивныхъ иноплеменниковъ.

Кто можетъ отрицать лютость настоящей войны, — тяжесть нынѣшняго вашего положенія? Всѣ видятъ и цѣнятъ это; каждый знаетъ, что намъ должно стоять здѣсь не противъ однихъ изувѣрныхъ поклонниковъ Магомета, а едва не противъ всего лже-христіанскаго запада; каждый увѣренъ и ожидаетъ, что во вредъ намъ будутъ употреблены съ ихъ стороны всѣ средства разрушенія, изобрѣтеніемъ коихъ такъ жалко прославилъ себя этотъ-же несчастный западъ; — что доколѣ правое дѣло наше, при помощи Божіей, не восторжествуетъ, отъ насъ потребуется еще не мало великихъ и тяжкихъ жертвъ: но въ то же время, сколько имѣемъ мы въ подкрѣпленіе и утѣшеніе себя, побужденій самыхъ сильныхъ, надеждъ самыхъ чистыхъ и христіанскихъ! Вспомните, почему и для чего рѣшились мы на брань настоящую! По самолюбію ли и гордости, ради земныхъ ли какихъ видовъ и пріобрѣтеній, какъ это со всею вѣрностію можно сказать о врагахъ нашихъ? Нѣтъ, мы стали за цѣлость Вѣры Православной и святость Креста Христова, за освобожденіе отъ невыносимаго ига мусульманскаго единовѣрныхъ и единоплеменныхъ собратій нашихъ, за достоинство и величіе Россіи, за собственное, можно сказать, духовное бытіе наше. Что же, скажите, было иначе дѣлать намъ? Развѣ въ угодность темнаго запада, отказаться отъ свѣтоноснаго востока? Развѣ преклонить вѣнчанную Крестомъ главу подъ кровавый серпъ луны Магометовой, исчезающій по закону самой природы? — Вообразите, что это великое дѣло отдано было въ собственныя наши руки: ужели бы нашелся хотя одинъ изъ насъ, кто бы, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, въ какихъ находились мы предъ настоящею бранію, не сказалъ отъ всей души: нѣтъ, Россія, по великодушію, можетъ перенести многое и давно переноситъ, но она никогда не откажется отъ великаго и святаго призванія своего—быть защитницею Вѣры Православной; никогда не предастъ ковчега завѣта, ей вѣреннаго, въ нечистыя руки Фли-стимлянъ!..

Тяжко и трудно положеніе наше, но необходимо и неизбѣжно, ибо, уклоняясь отъ него, мы измѣнили бы не челоуѣкамъ, а самому Богу!—Скорбны, до времени, и горьки обстоятельства наши; но вмѣстѣ съ тѣмъ величественны и душеотрадны: ибо дѣло наше есть не столько наше, сколько дѣло Божіе, защищая которое, мы неизбежно можемъ предстать на судъ всему потомству, на судъ самыхъ Ангеловъ небесныхъ. Не мало еще жертвъ потребуется отъ насъ; много еще прольется слезъ и крови; но плоды сего слезнаго и кроваваго сѣянія будутъ неисчислимы — не только для всего православнаго Христіанства, не только для величія и могущества Россіи, но и для вашего собственнаго благоденствія!...

Спросите, что же можетъ выйти благотворнаго изъ сей лютой брани?—Это, во всей полнотѣ, доведомо теперь единому Богу; но и мы, съ упованіемъ на Тогоже Господа, можемъ указать вамъ на немалое.

Конецъ брани сей долженъ показать, что Православная Церковь вселенская основана и стоитъ не на зыблущихся и премѣняющихся подпорахъ челоуѣческихъ, а на единомъ, несокрушимомъ краеугольномъ камени, иже есть Христосъ Господь; и врата адовы не одолѣютъ ея, и, искренно послѣдующіе матернему водительству ея, не постыдятся во вѣки, не токмо на небѣ, но и на землѣ.

Конецъ брани настоящей долженъ показать, что возлюбленное Отечество наше не напрасно, презирая всѣ усѣянныя цвѣтами распутія мірской мудрости, слѣдуетъ неуклонно по пути Божію, какимъ бы онъ ни былъ иногда покрытъ терніемъ; ибо за сіе именно предъустановлено свыше, чтобы скиптръ могущества и вліянія оставался не въ другихъ какихъ-либо рукахъ, а въ десницѣ Богомъ вѣнчанаго, Самодержца Всероссійскаго.

Съ концемъ брани настоящей для самаго полуострова вашего долженъ наступить новый образъ бытія, лучшаго и совершеннѣйшаго. Къ вамъ особенно обратятся взоры и сердце Монарха; за вами послѣдуетъ искреннее уваженіе всей Россіи; на васъ прольются новыя благословенія отъ самого Царя и Владыки небеснаго, который не можетъ забыть *труда любви*, подъятаго

вами во имя Его, и воздасть вамъ за него сторицею. Можетъ быть, я предаюсь слишкомъ надеждѣ: но мнѣ кажется, что я какъ бы вижу уже, какъ Таврида сотрясаеть наконецъ съ себя вретиче и прахъ жалкаго полубитія общественнаго, — несчастный остатокъ прежняго дикаго владычества хановъ, — какъ всѣ части здѣшняго полуострова тѣснѣе и приискренинѣе входятъ въ живой и мощный составъ Россіи, заема отъ него новую жизнь и крѣпость; какъ Херсонесу Таврическому возвращается вполнѣ его древній характеръ христіанскій, и вѣковыя свѣтыни его подымаются изъ развалинъ; — какъ сама природа здѣшняя, нашедъ наконецъ кому открыть, раскрываетъ еще болѣе тайныя сокровища свои на пользу человѣка.... Тогда, мы сами, кои теперь такъ сѣтуемъ и смущаемся, мы сами, возсѣдая въ мирѣ кійждо подѣ смоковницею своею, съ радостію и веселіемъ будемъ повторять и прилагать къ себѣ слова св. Давида: *Стьюціе слезами, радостію пожнутъ; ходящии хождаху и плакахуся, метаяще съмена свои, грядуще же приидутъ съ радостію, взявши рукояти своя* (1).

Отъ слова и бесѣды обратимся всѣ паки къ молитвѣ; ибо хорошо и полезно, въ духѣ Вѣры и любви, бесѣдовать человѣку съ человѣкомъ, но еще лучше бесѣдовать каждому въ сердечной молитвѣ съ Богомъ; потому что никакое слово и никакая бесѣда не могутъ замѣнить единаго глубокаго, молитвеннаго воздыханія къ Господу — души чистой или истинно кающейся. — Аминь.

—
с л о в о ,
—

СКАЗАННОЕ ВЪ СИМФЕРОПОЛЬСКОМЪ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОМЪ СОБОРѢ,

16-го Сентября 1854-го года,

при отбытіи изъ сего города и оставленіи ему и всему Крыму, на благословеніе, изображенія чудотворнаго образа Богоматери Касперовской.

—
При всемъ желаніи моемъ продолжить мое пребываніе у васъ и раздѣлить съ вами до конца чашу постигшаго васъ искуше-

(1) Псал. СХХV.—5—6.

нѣ, я долженъ разстаться съ вами, дабы посѣтить и другіе грады и мѣста вашего полуострова, кои не менѣ васъ смущены теперь отъ нашествія иноплеменниковъ. Благодареніе Богу, что я могу оставить васъ съ доброю надеждою на будущее; ибо, вчера собственными очами, и въ недалекомъ разстояніи, видѣлъ я и станъ воинства нашего, и мѣсто, занятое врагами. Все показываетъ, что крайняя черта бывшей опасности для насъ уже пройдена, и, благодаря искусству опытнаго военачальника нашего, какъ-бы особенно на сей разъ вдохновеннаго свыше,—мы стали теперь въ такое положеніе, что храбрыя войска наши, угрожая непрестанно врагу, въ то же время непроходимую стѣною заслоняютъ отъ его нападеній весь вашъ полуостровъ. Ярость и силы враговъ посему должны истощиться теперь именно тамъ, гдѣ все уготовано для ихъ отраженія. Еще нѣсколько недѣль, а можетъ быть, и дней терпѣнія,—и кичливый врагъ начнетъ преклонять главу и озираться всякъ, залогомъ чего служить уже его нерѣшительность и медленность въ нападеніи на насъ;—кипѣвшая вокругъ васъ внутренняя крамола потеряетъ всю надежду и силу, а храброе воинство наше получитъ возможность обнаружить во всемъ блескѣ свое мужество и доблесть. Возблагодаримъ же Бога, возлюбленные, и будемъ тверды и благодущны! явимъ себя достойными сынами Отечества и Церкви православной! Да не посмѣетъ сказать врагъ нашъ, что онъ сѣтилъ въ насъ не прежнихъ Россіянъ, что мы переродились! — Нѣтъ, все за Вѣру, все для Отечества! Лишимся всего, но не дадимъ возрадоваться о насъ наглымъ иноплеменникамъ!

Не мыслите, возлюбленные, что вы, какъ мирные жители, не можете сдѣлать ничего для успѣха оружія нашего: нѣтъ, вы можете сдѣлать многое, и въ вещественномъ и въ невещественномъ отношеніи.... Можете сдѣлать многое и важное, вспоможествуя отъ всей души нашему воинству въ его вещественныхъ нуждахъ; ибо, по самой близости вашей къ мѣсту брани, вы составляете для него ближайшую домашнюю опору и пріютъ. Кто ближе васъ можетъ, въ случаѣ нужды, доставить необходимое продовольствіе? Кто скорѣ васъ успокоитъ и прирзритъ

уязвленныхъ на брани собратій нашихъ?—Уготовьтесь же, немедля нимало, къ симъ подвигамъ любви: ибо время не терпитъ!—Сколько гратовъ великой Россіи желали бы теперь быть на мѣстѣ вашемъ! Покажите же, что и вы были на своемъ мѣстѣ, и что Россія не будетъ имѣть причины стыдиться за васъ и сожалѣть о томъ, что ея — на это время здѣсь не было!...

А вмѣстѣ съ симъ, какъ я прежде не разъ говорилъ вамъ, обратитесь всѣмъ сердцемъ и душою къ Вѣрѣ, молитвѣ и покаянію! Вмѣсто страховъ человѣческихъ возымѣйте всѣ страхъ Божій! Ибо, если въ какихъ обстоятельствахъ, то въ подобныхъ вашимъ, совершаются на землѣ судьбы не человѣческія, а Божіи. Посему-то, въ подобные дни и распространяется, какъ видите, на все какъ бы нѣкая таинственная мгла: никто не можетъ сказать, что будетъ завтра, даже нынѣ; но изъ этой мглы и мрака, какъ молнія изъ тучъ, проявляется по временамъ, для *имѣющихъ очи видѣть*, — перстъ самаго Бога, проявляется такъ, что самое невѣріе нерѣдко принуждено бываетъ сознать въ семъ случаѣ, что, кромѣ силъ человѣческихъ, есть сила высшая, Божія, единая непобѣдимая и всемогущая, поборающая по своимъ избранныхъ и низлагающая противниковъ своей воли.

Но, чѣмъ другимъ можемъ мы преклонить на свою страну эту помощь Божію, если не вѣрою и покаяніемъ? Молитесь же, возлюбленные, отъ сердца; кайтесь во грѣхахъ вашихъ отъ всей души, дабы Господь былъ не съ супостатами нашими, а съ нами! Если всевидящее око Его узритъ въ насъ тоже, что узрѣло нѣкогда въ оныхъ древнихъ Ниневитянахъ покаявшихся — то есть, дѣйствительную и *нераскаянную* (1) перемѣну духа и сердца на лучшее; то жребій брани немедля рывится въ нашу пользу тамъ — горѣ, и здѣсь — долу никто не будетъ въ состояніи воспрепятствовать исполненію предопредѣленія небснаго.

Въ знакъ пастырской любви моей къ вамъ о Христѣ и въ залогъ упованія, примите отъ меня изображеніе чудотворнаго лика Богоматери, который, какъ вамъ извѣстно, уже болѣе

(1) 2 Кор. VII, 10.

двадцати лѣтъ озаряетъ страну нашу знаменіями и чудесами. Водимый какимъ-то предчувствіемъ, я давно мыслилъ, что этотъ источникъ благодати открылся среди насъ такъ внезапно не безъ особенной цѣли, а предъ какою-либо годиною находящихъ на насъ великихъ искушеній, открылся для того, чтобы мы, видя въ семъ событіи особенную къ намъ милость Божію, не потеряли въ это время надежды на счастливое окончаніе постигшихъ насъ бѣдствій. Половина предчувствій моихъ, какъ видите, оправдалась опытомъ; вѣрую, что оправдается и другая половина: возставшая противу насъ ужасная буря скоро пройдетъ, и надъ нами паки возсіяетъ солнце мира и радости, еще свѣтлѣе и краше прежняго. Ибо, если бы Господь восхотѣлъ, за грѣхи наши, отвратить отъ насъ лице Свое навсегда: то Пречистая Матерь Его не явила бы намъ въ это самое время толикимъ чудесъ и знаменій отъ пресвятаго Лица Своего.

Пріимите же изображеніе сего чудотворнаго Лица съ такою же вѣрою и любовію о Христѣ, съ какою оно преподается вамъ теперь отъ меня. Да будетъ онъ во успокоеніе и отраду душъ вашихъ, въ подкрѣпленіе вашей вѣры и упованія на Бога! — Притекайте къ нему какъ можно чаще, и проливайте предъ нимъ ваши молитвы и слезы, съ полною вѣрою, что онъ не будутъ презрѣны и отвергнуты.

Мати Божіа, Заступнице всѣхъ обидимыхъ и Утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ, пріими подъ всемогущій покровъ Твой градъ сей и всю страну здѣшнюю, находящіяся нынѣ въ толикомъ озлобленіи отъ враговъ! Пріими и послѣши на помощь христіанскому воинству и вождямъ его, да уразумѣютъ всѣ концы земли и самые враги наши, что Ты не вотще именуешься Взбранною-Воєводою воинствъ христіанскихъ и оградою царствъ православныхъ, и что мы не напрасно на Тебе паче всего надѣемся и Тобою Единою хвалимся, Твои бо есмы, аще и недостойніи, рабы: да не постыдимся, Владычице (2)! — Аминь.

(2) Конд. Гогоч.

С Л О В О ,

СКАЗАННОЕ ВЪ КАРАСУБАЗАРСКОМЪ СОБОРѢ,

17-го Сентября, 1854-го года,

*среди покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на полуостровъ
Крымскій иноплемениковъ.*

Миръ вамъ (1)!

По всему видно, возлюбленные, что вы нѣсколько не ожидали меня и не думали, чтобы я могъ явиться среди васъ въ настоящее время; а я, по милости Божіей, уже нѣсколько дней странствую по вашему полуострову, и поспѣшилъ бы къ вамъ тотчасъ по нашествіи на васъ иноплемениковъ, еслибы узналъ о томъ прежде. И какъ бы мнѣ, скажите, можно было поступить иначе? -- Пастырь, по слову Спасителя, долженъ, въ случаѣ нужды, самую душу свою полагать за овцы (2); а у васъ еще отнюдь не такая опасность, чтобы опасаться уже за свою жизнь. Ибо, не видите ли вы сами, сколько мужественныхъ ратниковъ нашихъ проходитъ ежедневно чрезъ вашъ городъ, съ бодростію поспѣвая на мѣсто брани, для пораженія врага? Но все это еще малая токмо часть нашего христолюбиваго воинства, такъ какъ и путь вашъ не большой: посмотрѣли бы вы, какими многочисленными дружинами покрытъ теперь тотъ царскій путь, который соединяетъ васъ съ великою Россією! И всѣ онѣ устремляются на брань со врагомъ, какъ на нѣкій праздникъ; всѣ онѣ скорѣе положить за Вѣру и Отечество жизнь свою, но не дадутъ врагамъ и иноплеменикамъ утвердиться на священной землѣ вашей. Посему-то внутренняя крамола ваша и измѣна, такъ было поднявшія главу со вторженіемъ враговъ, уже начали стихать и замирать, при одномъ приближеніи сихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ воевъ.

Отложите же, возлюбленные, тотъ страхъ и смущеніе, кои,

(1) Лук. XXIV, 36. (2) Іоан. X, 11.

какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подобно бурному потоку, безотчетно овладѣли многими изъ обитателей страны вашей; успокойтесь духомъ и продолжайте въ мирѣ и тишинѣ заниматься по прежнему дѣлами званія вашего, въ твердой увѣренности, что опасность вашего настоящаго положенія отнюдь не такова, какъ представилась въ воображеніи людей легковѣрныхъ и неопытныхъ. Нѣтъ, Господь не оставитъ своимъ заступленіемъ вѣрную Ему Россію, которая, во избѣжаніе кровопролитія, готова была принести столько жертвъ; и если вышла наконецъ на поле брани,—не для нападенія при томъ, а для отраженія враговъ,—то вышла не прежде, какъ совершенно убѣдившись, что нѣтъ болѣе другаго средства спасти не только собственную честь, но и цѣлость Вѣры Православной по всему востоку.

Поелику же эта брань, какъ сами видите, и по началу и по цѣли своей, есть брань священная,—не за мірскія выгоды, а за святость и честь Креста Христова; то и намъ, возлюбленные, сообразно самому свойству брани, къ обыкновеннымъ занятіямъ нашимъ немедленно должно присоединить особенныя дѣла благочестія христіанскаго, коими привлекаются благословеніе и милость Божія. Дѣла сіи, по свидѣтельству самаго слова Божія, суть: усердная молитва, св. постъ, милосердіе къ бѣднымъ и искреннее покаяніе во грѣхахъ нашихъ. Надобно молиться и каяться: ибо, хотя мы, какъ я сказалъ, ревнуемъ въ настоящей брани не по своимъ выгодамъ, а по славѣ Божіей, и посему можемъ надѣяться на помощь свыше: но не должно забывать и того, что Господь, по чистотѣ и святости существа Своего, отвергаетъ, какъ видно изъ Писанія, самыхъ ревнителей славы Своей, коль скоро находятъ, что они не оправдываютъ вѣры своей дѣлами благими и въ жизни своей не лучше язычниковъ и невѣрныхъ. Послушайте, что говоритъ о семъ св. Давидъ: *Грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлещи заветъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе и отвергъ еси словеса Моя вспять. Обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхы твоя* (3). Чтобы не сказано было того же самаго и о

(3) Псал. XLIX, 16—21.

насъ, и чтобы не попустиено было такъ же и съ нами, не смотря на то, что мы ревнуемъ въ настоящей брани по славъ Божией; для сего всѣмъ намъ должно прибѣгнуть къ покаянію; ибо не напрасно говоритъ Апостолъ Христовъ, яко много согрѣшаемъ вси (4). Всѣ согрѣшаемъ; всѣ должны принести и покаяніе во грѣхахъ нашихъ. Тогда, не воспящаемое грѣхами нашими и нераскаянностію въ нихъ, правое дѣло наше непременно восторжествуетъ, не смотря ни на какую силу и искусство враговъ нашихъ: ибо тогда самъ Господь Силь будетъ съ нами и за насъ: а еще Богъ будетъ по насъ, скажемъ словами другаго Апостола, то кто на ны (5)?

Между тѣмъ, возлюбленные, не опустите изъ виду одного, весьма важнаго для васъ обстоятельства, которое можетъ обратиться вамъ въ честь, или въ безчестіе. Я разумію то, что, не смотря на недалность вашу отъ мѣста брани, будучи заслонены отъ враговъ горами, вы по тому самому пользуетесь гораздо большею, въ сравненіи съ другими градами вашими, удобностію оказывать всякаго рода помощь христіолюбивому воинству нашему, которое по необходимости нуждается теперь во многомъ. Не пренебрегите же симъ рѣдкимъ для васъ случаемъ для показанія вашей любви къ Отечеству. Не ожидайте въ семъ отношеніи даже примѣра; а спѣшите подать сами примѣръ другимъ. Время брани быстротечно: пройдетъ, тогда и захотѣли бы сдѣлать что-либо для Отечества, но уже не будетъ въ томъ нужды. Смотри же, не подайте повода собственнымъ дѣтямъ вашимъ имѣть право сказать когда-либо въ слухъ вамъ: нѣтъ, не такъ поступили бы мы, еслибъ былъ въ это время на мѣстѣ отцевъ нашихъ!...

Еще одно слово, возлюбленные! Между сообитателями вашими не малое число принадлежитъ къ тому племени, которое, по нѣкоторымъ мѣстамъ полуострова, не имѣло твердости устоять противу обольщенія злохитрыхъ враговъ нашихъ и попустило себя увлечь къ нарушенію священнаго долга вѣрности Монарху и Отечеству. Событіе весьма печальное во всѣхъ отношеніяхъ!

(4) Іак. III, 2. (5) Рим VIII, 31.

Но, да не усмьшатъ сограждане ваши изъ устъ вашихъ горькихъ нареканій и поношеній за своихъ неразумныхъ соплеменниковъ ! Въ подобномъ случаѣ каждый долженъ отвѣчать за себя самаго ; и судъ о происшедшемъ принадлежитъ не намъ, а власти Предержавшей, которая отличить виновныхъ отъ невинныхъ и воздасть каждому по дѣломъ его. Помните, что вы христіане; а христіанинъ не долженъ мстить никому, обязанъ прощать самихъ враговъ, тѣмъ паче не поносить и не оскорблять невинныхъ изъ-за виновныхъ. Тѣмъ-то именно св. Вѣра наша и превыше всѣхъ другихъ вѣрованій, что она учитъ никому не воздавать зломъ за зло, а побуждать *благимъ злое* (6). Не лишайте же ее — въ лицѣ вашемъ — сего наилучшаго ея украшенія ! Пусть служители алкорана познаютъ изъ настоящаго опыта, какъ высоко и благотворно Евангеліе Христово ! Такимъ образомъ настоящія печальныя событія послужатъ не только къ величію и славѣ Отечества, но и къ чести и торжеству св. Вѣры нашей.

Прочее же самъ Господь, въ *Него же вѣруемъ и на Него же уповаемъ*, да научитъ васъ, въ настоящихъ тягостныхъ обстоятельствахъ вашихъ, и яже подобаетъ творити и яже оставлять, и да проліетъ въ умъ вашъ свѣтъ, а въ сердца ваши утѣшеніе отъ самого пресвятаго Духа Своего, Иже есть единъ истинный наставникъ и утѣшитель всѣмъ намъ, вѣрующимъ во имя Его и ратующимъ теперь за славу Его.

Мы же, какъ теперь и здѣсь молимся съ вами о васъ, такъ не престанемъ молиться усердно о васъ же, и по удаленіи изъ града вашего. Не забывайте, возлюбленные, и вы насъ въ молитвахъ вашихъ; ибо не малъ еще предлежитъ намъ путь и не мало на семь пути предстоитъ намъ труда и заботъ пастырскихъ.—Аминь.

(6) Рим. XII, 17—21.

С Л О В О ,

СКАЗАННОЕ ВЪ ОВОДОСІЙСКОМЪ АЛЕКСАНДРОНѢВСКОМЪ СОБОРѢ,

18-го Сентября 1854-го года ,

*при совершеиіи покаяннаго молебствіа, по случаю нашествіа на
Крымъ иноплемениковъ.*

Миръ вамъ (1) !

Вступая вчера, возлюбленные, въ городъ вашъ , я пораженъ былъ его пустыннымъ видомъ : казалось, что въ немъ нѣтъ уже никого изъ жителей и всѣ оставили его , кромѣ малаго числа стражи военной. Да, подумалъ я, если кому, то имъ не предосудительно было уклониться отъ нашествіа враговъ : ибо не только городъ здѣшній,—по своей крайней близости къ морю, но почти каждый домъ въ городѣ находится прямо подъ ударами орудій непріятельскихъ. Посему-то, говорю, я нисколько не осудилъ въ мысляхъ моихъ вашего удаленія, а только пожалѣлъ отъ души о тяжести вашего положенія и о томъ , что я не буду имѣть утѣшенія видѣть васъ и раздѣлить съ вами молитвы и чувства мои. Въ успокоеніе духа служила мнѣ та одна мысль, что для силы и дѣйствительности молитвы о комъ-либо нѣтъ необходимости въ присутствіи тѣхъ лицъ , за коихъ вершается молитва; такъ какъ и сама Церковь ежедневно совозносить во храмахъ молитву не о находящихся только во храмѣ, но и о всѣхъ, *благословною виною отсутствующихъ*. Какая же причина отсутствія можетъ быть благословнѣе вашей , когда вы должны были спастись отъ огня и меча иноплемениковъ самую жизнь свою ?

Тѣмъ отраднѣе для меня видѣть теперь весь храмъ этотъ наполненный молящимися. Откуда, скажите, взялись вы, и какъ появились такъ скоро здѣсь, не зная предварительно ни сколько о моемъ посѣщеніи?—Все это, какъ вижу, сдѣлала ваша любовь о Христѣ: она дала вамъ такъ быстро знать о моемъ прибытіи,

(1) Іоан. XX, :9.

она же такъ неукоснительно и собрала васъ сюда на свиданіе и общую молитву. Да будетъ же благословенъ Господь, вложившій въ меня желаніе и рѣшимость, не смотря на всѣ трудности, предпріять путь къ вамъ, — а вамъ внушившій усердіе послѣшить на свиданіе съ нами! Да будетъ, говорю, благодареніе за все сіе Господу: ибо чистая любовь христіанская происходитъ не отъ земли, а приходитъ съ неба, и изливается, по увѣренію Апостола, въ сердца наши *Духомъ Святымъ* (2).

Что же мы скажемъ вамъ, возлюбленные, въ утѣшеніе ваше?... Скажемъ во-первыхъ, что тяжкому положенію вашему вполнѣ сочувствуетъ весь край нашъ и, безъ сомнѣнія, вся Россія; сочувствуютъ всѣ и молятся за васъ усердно; молятся и готовы оказать вамъ всякую братскую помощь въ нуждахъ вашихъ. Иначе и быть не можетъ; ибо все, что вы ни терпите, терпите не за себя токмо, а за всю Россію. Если бы градъ вашъ и страна посѣщены были (чего не дай Богъ!) другими какими-либо бѣдствіями, напр. язвою, голодомъ, наводненіемъ, покарами; то положеніе ваше, хотя и тогда возбуждало бы повсюду сожалѣніе о васъ, но для Отечества, очевидно, не было бы никакой пользы отъ вашего злостраданія. Но война и нашествіе враговъ есть такое зло, которое, подобно бурѣ, истощая силу и лютость свою на одномъ мѣстѣ, — какъ теперь у васъ, — симъ самымъ содѣлывается безвреднымъ для всѣхъ прочихъ градовъ и весей. Вы посему теперь яко жертва искупительная на алтарѣ Отечества. Можетъ ли оно забыть эту жертву? не возлюбитъ васъ особенною любовію? не возьмѣтъ къ вамъ душевнаго уваженія? — Блюдитесь токмо, возлюбленные, чтобы вамъ самимъ не отнять какъ-либо и не умалить цѣны и достоинства сей вашей жертвы, — или малодушіемъ и ропотомъ, или своекорыстіемъ и взаимными распрями, или хладностію и невниманіемъ къ бѣднымъ среди васъ собратіямъ вашимъ.

Что касается до того, какое расположеніе духа и сердца прилично вашему настоящему состоянію, то примите въ руководство тотъ Божественный совѣтъ, который самъ Спаситель

(2) Рим. V, 5.

нашъ преподавъ возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ предъ наступленіемъ для нихъ ужаснаго искушенія, по случаю Его креста и смерти. *Бдите, говорилъ Онъ имъ, и молитесь, да не увидите въ напасть* (3). Спаситель говорилъ : *да не увидите, —* потому что напасть, хотя была и весьма близко, но еще не наступила ; а мы вмѣсто того скажемъ вамъ : *бдите и молитесь, да изыдите отъ напасти*, которая уже давно постигла васъ и доселѣ не проходитъ ! Да, возлюбленные, духовное бодрствованіе и молитва—отъ души сокрушенной и сердца смиреннаго, раствореннаго при томъ живою вѣрою и искреннимъ покаяніемъ, есть наибѣсповѣднѣйшее средство, какъ къ отвращенію напасти наступающей, такъ и къ удаленію наступившей. Молящійся, по видимому, ничего не дѣлаетъ, къ отраженію враговъ ; онъ не нападаетъ на нихъ и не отражаетъ ихъ ничѣмъ видимымъ, а токмо воздвѣгаетъ очи и руки свои къ небу, или падши на землю, проливаетъ предъ Богомъ свои слезы : а между тѣмъ дѣйствіе такой теплой молитвы чрезвычайно сильно и дѣйствительно противу самаго лютаго и могущественнаго врага. Почему такъ ? Потому что въ семъ случаѣ дѣйствуетъ противу врага уже не человекъ молящійся, а самъ Господь Всемогущій, у Коего просятъ помощи и защиты. *Бдите убо, возлюбленные, и молитесь, да изыдите изъ напасти* вашей !

Въ подкрѣпленіе вашей вѣры и въ ободреніе васъ на молитву, мы можемъ и должны сказать, что надъ вами и градомъ вашимъ уже проявилось знаменіе милости Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте !—Пристань ваша славится всюду своимъ удобствомъ и безопасностію отъ бурь ; берегъ моря вапего на великое пространство крайне удобоприступенъ для враговъ ; градъ вашъ открытъ и подверженъ отъ края до края своего всѣмъ огнямъ непріятельскимъ : не здѣсь ли посему надлежало ожидать самыхъ частыхъ нападеній отъ врага ? Но, вотъ прошло уже цѣлое лѣто брани самой ожесточенной, а спокойствіе здѣшнихъ мѣстъ почти ни чѣмъ не было нарушено ; въ городъ вашъ не влетѣла еще ни одна стрѣла вражія ; изъ васъ, обитателей его,

(3) Мат. XXVI, 41.

ни одинъ не пострадалъ ни отъ меча, ни отъ огня иноплеменниковъ. Что значить это? Пусть другіе изъясняютъ сіе, какъ хотятъ, а я скажу, что это милость къ вамъ Божія. Врагъ, не нападая доселѣ на васъ, поступаетъ какъ бы естественно, имѣя на то свои причины: но еслибы онъ захотѣлъ противнаго, сколько бы явилось у него къ нападенію на васъ и причинъ самыхъ достаточныхъ, и побужденій, самыхъ сильныхъ! Но онъ, говорю, не нападетъ: почему? Потому что тамъ — у Престола Божія есть за васъ постоянный ходатай и сильный защитникъ. Кто это?... Ублажаемый всею Церковію вселенскою, древній пастырь страны вашей, св. Стефанъ Сурожскій! Въ продолженіи всей святой и богоугодной жизни своей подвизаясь съ особенною ревностію за Вѣру и Православіе, могли ли онъ посему забыть прежнюю паству свою въ настоящее время, когда она со всѣмъ православнымъ Отечествомъ терпитъ нападеніе отъ враговъ, не за что другое, какъ за чистоту и цѣлость св. Вѣры и святость Креста Христова? — Священномученики Херсонскіе приняли на себя — посрамить нечестіе враговъ сокрушеніемъ гордыни ихъ до конца; и для сего пустили имъ выйти на брегъ и занять мѣсто, орошенное ихъ мученическою кровію: а вынѣ Святитель и заступникъ взялся — оградить отъ ихъ вторженія край вашъ; и вотъ они, какъ бы связуемые невидимою силою, хотя и не рѣдко приближаются къ вамъ, но не дерзаютъ нанести вреда.

При семъ случаѣ я долженъ принести вамъ, возлюбленные жалобу на васъ самихъ: ибо, когда же лучше сдѣлать это, какъ не теперь, когда надъ вами рука Божія? Помните ли наше первое свиданіе съ вами, по прибытіи моемъ на паству Херсоно-таврическую? Зная священную древность вашу, коею здѣшній полуостровъ превосходитъ едва не всѣ страны отечественныя, я ожидалъ, что имя св. Стефана, вашего приснопамятнаго Святителя, у всѣхъ васъ на устахъ и въ сердцѣ, что вы прибѣгаете съ молитвою особенно къ нему во всѣхъ нуждахъ вашихъ, какъ къ ближайшему и естественному вашему ходатаю предъ Богомъ: что же, къ прискорбію моему, увидѣлъ я? Что многимъ изъ васъ вовсе неизвѣстна его святая жизнь и под-

виги, какъ для страны вашей, такъ и для всей Церкви вселенской!... Тому ли слѣдовало быть? Такъ ли православные сны Церкви чтутъ память своихъ св. Угодниковъ? Посему я тогда же возымѣлъ не малое опасеніе за васъ и вашу будущность; и когда вы сѣтовали предо мною объ оскудѣніи прежнихъ источниковъ вашего земнаго благоденствія, я не усумнился указать вамъ, какъ на причину того, на ваше забвеніе вашего небснаго ходатая и заступника. Тогдашнія слова мои, какъ показалъ опытъ, не произвели надъ вами всего желаннаго дѣйствія; и вотъ теперь учить тому же и наставляетъ васъ самъ Господь, попустивъ пріяти на васъ такому лютому и продолжительному искушенію! Ибо, въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда всѣ земныя средства оказываются видимо недостаточными, къ кому прибѣгнуть, какъ не къ помощи Божіей? А какъ прибѣгнуть и стать предъ святостію существа Божія со грѣхами нашими? Въ такомъ случаѣ ходатайство и молитвы св. Угодниковъ о насъ предъ Богомъ суть единственное средство преложить гнѣвъ Божій на милость; ибо они своею вѣрою и любовію къ Богу, своею чистотою и избыткомъ почивающей въ нихъ благодати, могутъ низводить благословеніе свыше на самыхъ грѣшниковъ, только бы, находясь подъ благодатнымъ покровомъ ихъ, мы не продолжали оставаться нераскаанными во грѣхахъ нашихъ.

Уразумѣйте же, возлюбленные, тайну вашей силы и безопасности отъ враговъ вашихъ. Принесши искреннее покаяніе предъ Богомъ, обратитесь съ теплыми молитвами къ заступнику страны вашей, св. Стефану, да продолжитъ онъ свое ходатайство о васъ предъ Богомъ и да будетъ въ стѣну и забрало противъ всѣхъ нападеній вражескихъ.

А въ вознагражденіе прежней хладности вашей къ Угоднику Божію сдѣлайте слѣдующее:

Когда св. Церковь воспоминаетъ ежегодно по всей вселенной намѣть Святителя вашего, вы чтите день сей особеннымъ празднествомъ, яко день собственнаго торжества вашего, день вашей славы о Господѣ.

Возлюбите самое имя вашего Святителя и нарекайте его какъ можно болѣе на новорожденныхъ сынахъ вашихъ, ибо такимъ

образомъ не только страна и градъ вашъ, но самыя семейства ваши придуть въ особый духовный союзъ съ вашимъ общимъ заступникомъ небеснымъ.

Изберите наконецъ, — если хотите вполнѣ загладить свое прежнее невниманіе, — выберите какое-либо изъ священныхъ урочищъ, коими такъ богаты ваши окрестности, и устройте на немъ хотя малый храмъ во имя Святителя, куда бы вы и съ чадами вашими, могли приходить по временамъ на молитву и воспоминаніе священныхъ древностей страны вашей.

Мы съ своей стороны готовы употребить всѣ средства на вспомошествованіе вамъ въ семъ благомъ начинаніи; и между прочимъ для сей же цѣли, по возвратѣ домой, не замедлимъ прислать вамъ житіе св. Стефана, начертанное не нашимъ скуднымъ перомъ, а священной рукою св. Димитрія Ростовскаго. Постарайтесь приобрести эту хартію для каждаго изъ семействъ вашихъ и прочитывайте ее и въ день памяти Святителя и въ другія времена, въ назиданіе себѣ и чадамъ вашимъ.

Господь да хранитъ васъ и градъ вашъ своею благодатію! Молитвы св. Стефана да будутъ надъ вами! — Аминь.

с л о в о ,

сказанное въ Одесскомъ Срътенскомъ Геродскомъ соборѣ,

въ недѣлю 18-ю,

3-го Октября 1854 года.

И не бывъ сердцевидами, можемъ сказать утвердительно, что среди настоящаго богослуженія многіе изъ васъ преносились мыслию на полуостровъ Таврическій и думали: что тамъ? Стоитъ ли еще наша единственная твердыня—Севастополь? Не упали-ль духомъ его мужественные защитники? Не угрожаетъ ли имъ какое-либо зоключеніе?—Если подобныя мысли происходили не отъ одного любопытства, а изъ любви къ отечеству, и сопровождались сердечною молитвою о благословеніи нашего

оружія свѣше ; то мы не почтемъ ихъ безвременными и не умѣстными, даже здѣсь и теперь. Ибо сама св. Церковь, которая въ другое время возглашаетъ среди богослуженія: *да молчитъ всякая плоть человѣча и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ!* — теперь она же каждую литургію преклоняетъ колѣна и молится со всѣми чадами своими о побѣдѣ надъ врагами. Посему-то и мы, когда предстали нынѣ сему Престолу благодати на служеніе во храмѣ семъ, то однимъ изъ первыхъ помысловъ нашихъ была мысль о судьбѣ тѣхъ, кои подвизаются теперь на полуостровѣ противъ враговъ нашего отечества, и мы отъ всей души молили Господа, да будетъ Онъ милостивъ къ нимъ, и да пошлетъ Ангела Своего, споборающа имъ во всемъ и женуща предъ ними враговъ. Если грѣхи наши возбудили собою праведный гнѣвъ Его, то да проліется чаша наказанія на насъ, сколько возможемъ понести, но да не будутъ они препоною къ успѣхамъ оружія нашего и да не приведутъ за собою торжества надъ нами враговъ нашихъ.

По сему-то, можетъ быть, самому расположенію духа, среди настоящаго богослуженія, пришло мнѣ на память одно весьма примѣчательное сказаніе, въ коемъ содержится какъ бы нѣкое пророчество о судьбѣ Крыма, могущее въ настоящихъ — смутныхъ — обстоятельствахъ нашихъ, послужить и къ ободренію и къ назиданію нашему:

Хотите ли выслушать это сказаніе ?

Въ царствованіе Михаила Теодоровича, слѣдов. болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ предъ симъ, когда ханство Крымское было еще весьма сильно и грозно, а тогдашняя Россія, послѣ самозванцевъ и смуть внутреннихъ, находилась въ слабомъ и истощенномъ состояніи, — отправлено было изъ Москвы въ Крымъ посольство для заключенія договора между прочимъ объ уступкѣ Россіи — чего бы вы думали? — небольшого пространства земля на правомъ берегу Дибра, тамъ, гдѣ нынѣ нашъ Александрійскій уѣздъ. Пребываніе пословъ нашихъ въ Крыму было крайне трудно и стѣснятельно: отъ разныхъ нуждъ, а болѣе отъ надменности и обидъ со стороны Татаръ, многіе изъ посольства впали въ болѣзнь и лишились жизни; другіе, нища утѣшенія для

себя въ св. Вѣрѣ, начали посѣщать древнія святія мѣста, коими Крымъ былъ тогда еще богатѣе, чѣмъ нынѣ. Въ числѣ прочихъ священнѣхъ древностей христіанскихъ, посѣщена ими была и древняя церковь, находящаяся въ скалѣ Инкерманской, вблизи нынѣшняго Севастополя, примѣчательная особенно тѣмъ, что на семъ мѣстѣ, въ началѣ еще втораго вѣка христіанскаго, подвижался и пріялъ вѣнецъ мученическій, сосланный туда на заточеніе, св. Климентъ, Папа Римскій. Здѣсь, въ одномъ изъ малыхъ придѣловъ церковныхъ, нашли они почивающими св. мощи Угодника Божія, кои поразили вниманіе ихъ необыкновенною своею цѣлостію и цвѣтомъ жизненнымъ. Обитавшіе еще тогда при сей церкви, православные Греки рассказали имъ о чудесахъ отъ сихъ мощей надъ Татарами; но имени св. Угодника не могли сказать имъ, потому что по новости своего населенія—сами не знали его. Извѣстно было только, что св. мощи почиваютъ тамъ съ незапамятныхъ временъ.

Состояніе церкви и положеніе св. мощей показалось соотечественникамъ нашимъ, привыкшимъ къ благолѣпію святыхъ Московскихъ—крайне скуднымъ и жалостнымъ; ибо Татары, хотя боялись св. Угодника за его чудеса надъ ними, но не благопріятствовали мѣсту его покоища и не допускали въ немъ никакого благоуукрашенія; а кромѣ того проживавшіе тамъ Греки сами находились въ нищетѣ и угнетеніи: даже видно было, что не долго дадутъ имъ и жить тамъ. Какъ добрые христіане и усердные сыны Церкви, соотечественники наши возревновали о чести св. мощей и рѣшились выпросить ихъ у Грековъ, дабы перевезти съ собою—тайно—въ Москву. Тяжело было бѣднымъ, но усерднымъ къ Вѣрѣ, Грекамъ разлучиться съ своимъ св. Угодникомъ; но подумавъ зрѣло о своемъ положеніи, тягостномъ въ настоящемъ и безвѣстномъ въ будущемъ, они рѣшились, для славы Божіей и для большаго прославленія святыхъ мощей, передать ихъ благочестивымъ Москвитянамъ. Для сего немедленно уготована была послѣдними рака для вложенія мощей на путь, благоприличнѣйшій покровъ на нихъ и все прочее; оставалось только взять ихъ непримѣтно для Татаръ: но подъ тотъ самый день, когда надлежало совершиться сему дѣлу, Угодникъ Божій

явился ноцію во снѣ одному изъ пословъ нашихъ и сказалъ такъ : « Други мои , вы желаете взять отсюда мощи мои въ « Москву; а мое намѣреніе совершенно другое : я хочу здѣсь — « въ Крыму утвердить Россію ; посему оставьте меня здѣсь. « Память моя перваго Сентября ». — Послѣ такого видѣнія естественна оставлена была всякая мысль о перенесеніи св. мощей изъ Крыма въ Россію. вмѣсто сего, изветшавшая рака замѣнена новою, покрыта благоукрашеннымъ покровомъ, и церковь снабжена всѣмъ нужнымъ. Какъ бы въ возмездіе за такое усердіе, Угодникъ Божій вскорѣ послѣ того явилъ благодатную силу свою у Господа тѣмъ, что чудесно преподалъ исцѣленіе отъ тяжкаго недуга одному изъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, кои особенно усердствовали къ св. мощамъ его.

Таково древнее сказаніе о Крымѣ! — Прибавимъ, что историческая достовѣрность его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію : ибо оно найдено въ Московскомъ хранилищѣ древнихъ хартій государственныхъ, еще до начала нынѣшней войны, когда не было ни у кого и мысли о настоящей судьбѣ Крыма, — составлено, какъ видно изъ самаго свитка, еще за два вѣка предъ симъ, когда слишкомъ отважно было бы думать о томъ, чтобы утвердить въ Крыму Россію, почти каждый годъ трепетавшую въ самой Москвѣ отъ нашествія Татаръ. И надобно же было сему столь примѣчательному сказанію оставаться въ неизвѣстности болѣе двухъ вѣковъ и даться изъ-подъ спуда именно предъ тѣмъ временемъ, когда вниманіе всѣхъ и cadaго невольно должно было обратиться на судьбу Крыма!... Не особенное ли это дѣйствіе Промысла Божія — въ назиданіе и утѣшеніе наше ?

Ибо, что видимъ мы изъ сего сказанія ? Видимъ, что о судьбѣ полуострова Таврическаго думано и суждено еще за нѣсколько вѣковъ, думано не на земли токмо, а и на небѣ, не людьми, а самими небожителями. — Что же придумано и разсуждено? — Утвердить, какъ говорилъ въ видѣніи св. Угодникъ Божій, утвердить въ Крыму Россію. И она утвердилась тамъ: канство Крымское со всѣми его ужасами давно прешло, уступивъ мѣсто кроткой и благотворной державѣ Всероссійской. Теперь враги

наши, въ припадкѣ злобы и гордости, возмечтали отторгнуть сію страну отъ состава Россіи: возможно ли это? Нѣтъ, это было бы противно планамъ и опредѣленію самаго Промысла Божія. Ибо, Угодникъ Божій не прилагалъ бы, какъ онъ самъ говоритъ, попеченія объ утвержденіи въ Крыму Россіи, если бы не былъ увѣренъ, что это согласно съ волею Божіею, что сего хочетъ самъ Господь. А когда такъ, то будемъ, возлюбленные, покойны за судьбу нашего полуострова: что бы ни дѣлали тамъ враги наши, какими бы даже на нѣкоторое время ни пользовались успѣхами,—все это не измѣнитъ опредѣленій небесныхъ. Ибо *яже Богъ святыи совѣща, кто разоритъ; и руку Его высокую кто отаратитъ* (1)?

Одинъ есть на земли врагъ, который можетъ испортить все дѣло и котораго намъ посему должно опасаться паче всего: это—грѣхи наши! Ибо они, а особенно нераскаянность въ нихъ, могутъ измѣнить самое благое опредѣленіе Божіе о насъ, какъ то показываетъ примѣръ народа Еврейскаго. Это былъ народъ избранный отъ всѣхъ языкъ и племенъ, коему принадлежали всѣ откровенія, чудеса и обѣтованія Божія: но когда, вознерадѣвъ о своемъ великомъ и святомъ предназначеніи, онъ началъ предаваться различнымъ страстямъ и порокамъ, не вразумляясь самими наказаніями за то свыше; то Господь, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, отвергъ народъ сей отъ лица своего и лишилъ всего, разсѣялъ его по лицу всей земли и сдѣлалъ въ притчу между всѣми народами. — Блюдемся, возлюбленные, подобной страшной участи! — а для сего да хранимъ себя отъ всякихъ дѣлъ тмы и неправды, а впадши въ вольныя и невольныя согрѣшенія, да не медлимъ омыwać ихъ слезами истиннаго покаянія. Тогда никто и ничто не воспрепятствуетъ исполненію всеблагаго совѣта Божія о насъ и отечествѣ нашемъ, и враги самымъ нападеніемъ на насъ скрѣпятъ навсегда то, что представлялось имъ не такъ твердымъ и способнымъ къ отторженію,—еже буди благодатію Господнею и молитвами св. Угодника, о коемъ мы теперь бесѣдували съ вами!—Аминь.

(1) Исаія XIV, 27.

РЪЧЬ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ, ГОСУДАРЯМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЯМЪ
НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ И МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

4 октября, 1854 года,

въ *Одесскій Катедральный Преображенскій соборъ.*

Благовърные Государи и Великіе Князья!

Истинно великіе, потому что благовърные!

Что могло подвинуть Васъ на путь къ намъ, столь не близкій и въ настоящихъ обстоятельствахъ не безбѣдный, и съ такой внезапностію, подобно жениху въ Евангеліи, явиться среди насъ въ часъ глубокой полуночи, — если не желаніе скорѣе раздѣлить съ нами опасности, намъ угрожающія, и возвѣстить намъ слово утѣшенія отъ Августѣйшаго Родителя Вашего, нашего общаго Отца и Защитника?

Вполнѣ чувствуемъ цѣну *труда любви* Вашей, и вседушевно благодаримъ Васъ отъ лица града сего, отъ лица всего края нашего, который, хотя и продолжаетъ еще, по обычаю, именоваться Новою Россіею, но на самомъ дѣлѣ въ немъ давно таже древняя живая вѣра въ Бога отцевъ, таже непоколебимая и безграничная преданность Монарху, таже чистая и *никогдаже отпадающая любовь* къ Отечеству.

Если бы за симъ, паче чаянія, обрѣлось гдѣ-либо и что-либо среди насъ малодушное, то съ Вашимъ, столь радушнымъ, появленіемъ среди насъ, оживеть и исполнится духа; если бы открылось, паче ожиданія, гдѣ-либо и что-либо колеблющееся, то съ Вашимъ присутствіемъ утвердится и станетъ недвижно; — и всюду, смотря на Васъ, Августѣйшихъ Ратниковъ земли Русской, воспрянетъ съ новою силою духъ Русскій, и у всѣхъ, слушая Васъ, непосредственныхъ органовъ воли державной, забьется сильнѣе Русское сердце.

Видите посему, Благотѣрные Князи-Витязи, во храмъ сей, дабы, первѣ всякаго дѣла и начинанія, раздѣлить съ нами усердныя молитвы ко Господу о Вашемъ Августѣйшемъ Родителѣ, о всемъ Царственномъ Домѣ, о возлюбленномъ для всѣхъ насъ Отечествѣ, и о Васъ Самихъ, его державныхъ подпорахъ.

Архангелы и Ангелы на небѣ исходятъ на исполненіе претѣчныхъ судебъ—отъ Престола Царя славы; а Вы, земные Архистратиги державы Русской, изойдете на Ваши подвиги, для блага страны нашей, изъ сего храма—отъ Престола Бога милосердія;—и осѣненнымъ Вѣрою, преоруженнымъ молитвою, Вамъ всюду, видимо и невидимо, будутъ сопутствовать миръ и радость, успѣхи и благословеніе, во всѣхъ дѣланіяхъ и подвигахъ Вашихъ.

Р ъ ч ѣ ,

П Р О И З Н Е С Е Н Н А Я

по случаю выступленія изъ Одессы въ Крымъ Селенгинскаго и Якутскаго пѣхотныхъ полковъ.

9-го октября.

Христолюбивые и побѣдоносные воины!

Христолюбивые, и потому побѣдоносные! Не долго досталось вамъ покоиться отъ вашихъ трудовъ и подвиговъ Задунайскихъ!—По гласу Монарха, вы снова должны возстать и идти на Полуостровъ Таврической для наказанія и пораженія тамъ кичливыхъ враговъ нашихъ, кои, въ ослѣпленіи гордости и злобы, дерзнули—преплывъ море, вторгнуться въ эту древнюю область нашу, гдѣ пріять крещеніе еще Великій и Равноапостольный Князь Владиміръ, откуда вмѣстѣ съ нимъ Вѣра Христіанская пошла по всей Земли Русской. Привѣтствуемъ васъ съ симъ новымъ походомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и благочестивымъ странствіемъ къ колыбели нашего Хри-

стіанства и Православія ! Поклонитесь, съ благоговѣніемъ поклонитесь ей, отъ лица всей Земли Русской, и станьте съ свойственнымъ вамъ мужествомъ протаву изувѣрнихъ поклонниковъ Магомета и наглыхъ клеветовъ ихъ, за честь Вѣры и Креста Христова, за слезы и кровь собратій нашихъ по Вѣрѣ.

Если вы, памятуя, за Кого и за что сражаетесь, будете вести себя какъ подобаеть воинамъ христіолюбивымъ, отличаяс не однимъ мужествомъ и храбростію, а и Вѣрою и упованіемъ на Бога, благодушнымъ перенесеніемъ нуждъ и трудностей, кротостію къ мирнымъ жителямъ, и великодушіемъ къ самимъ побѣжденнымъ: то среди вашего стана будетъ присутствовать Самъ Господь Силь, въ рядахъ вашихъ будутъ невидимо сражаться за васъ сами ангелы небесные — и врагъ, пришедшій однимъ путемъ, побѣжитъ отъ васъ десятью путями, побѣжитъ и не возможеть ускользнуть отъ меча вашего. Между тѣмъ, да будетъ вѣдомо вамъ, что онъ, изъязвленный со всѣхъ сторонъ, теперь, безъ сомнѣнія хотѣлъ бы на крылахъ вѣтренныхъ возвратиться вспять; но, страгомый храбрыми дружинами нашими, не можеть подняться съ мѣста. Остается только нанести ему послѣдній ударъ и свергнуть его съ береговъ нашихъ, какъ безобразный трупъ, въ пучину морскую. Честь эта предоставлена вамъ и вашему мужеству: спшите же воспользоваться столь рѣдкимъ случаемъ — на радость всей Россіи и къ славіи возлюбленнаго Монарха нашего, дабы и мы возымѣли утѣшеніе скорѣе видѣть васъ побѣдителями и, вмѣстѣ съ вами, гласомъ радованія воскликнуть благодарственное: Слава въ вышнихъ Богу! На земли миръ! въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!

Р ъ ч ѣ ,

произнесенная на Одесской соборной площади,

декабра 7-го 1854 г.,

посль напутственнаго молебствіа для резервныхъ войскъ, 10-й дивизіи, предъ высту пленіемъ ихъ въ Крымъ.

Христіолюбивые и побѣдоносные воины!

Не безъизвѣстно уже вамъ, что злочестивые враги наши, при

всемъ множествѣмъ лъвъ, понесенныхъ ими отъ нашего оружія, не смотря при томъ на самый гнѣвъ Божій, открывшійся надъ ними въ ужасномъ крушеніи кораблей ихъ отъ бури, все еще продолжаютъ безумно упорствовать въ злобѣ и ненависти къ православному Отечеству нашему, и вмѣсто того, чтобы смириться подъ крѣпкую руку Божію, возмечтали даже утвердиться на землѣ нашей до будущаго лѣта, для чего призываютъ на помощь себѣ лъ-за моря новыя и немалочисленныя толпы наглыхъ соотчуждей своихъ. Можно ли послѣ сего и намъ не принять новыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ тому, чтобы число храбрыхъ дружинъ нашихъ не уменьшилось предъ врагомъ, а было въ состояніи наступить на выю его и поразить въ самую главу? — И вотъ причина и цѣль движенія вашего на полуостровъ Крымскій!...

Вполнѣ понимая и чувствуя сіе, вы не поскужаете отъ того, что новый путь вашъ, по самому времени года, явится для васъ по мѣстамъ стропотнымъ и притруднымъ, но какъ истинные сыны сѣвера, съ полнымъ благодушіемъ встрѣтите на пути семъ обычныя вамъ невзгоды осеннія и вьюги зимнія, зная твердо, что это природные союзники наши противъ извѣженныхъ чадъ запада. Видно, такъ угодно было самому Господу времени и стихій, чтобы и въ настоящей брани, какъ въ незабвенный 1812-й годъ, къ намъ, оставленнымъ всѣми, пришли на помощь не люди, а самое время и стихіи, для довершенія надъ врагами нашими того, что такъ благоуспѣшно начато и продолжается надъ ними — огнемъ и мечемъ нашими....

Между тѣмъ, да будетъ извѣстно вамъ, что врагъ нашъ забывая уже прежнюю кичливость свою, и не смѣетъ болѣе нападать на насъ, а только употребляетъ всѣ остальныя силы свои на то, чтобы защитить себя отъ нашихъ перуновъ, и для сего браздить и взгромождаетъ предъ собою противу насъ тотъ малый участокъ земли при морѣ, на коемъ онъ, какъ жалкій плѣнникъ, грозно стрежется со всѣхъ сторонъ нашимъ воинствомъ. Но, кто и что можетъ защитить тѣхъ, надъ коими, за ихъ безчестную измѣну Кресту Христову, видимо простерлась туча гнѣва небеснаго?

И такъ, съ Богомъ, христолюбивые, на брань праведную и святую! Съ Богомъ, побѣдоносные, противу враговъ злочестивыхъ и коварныхъ! Съ Богомъ, братія и други, за Вѣру, Царя и Отечество! — Въ благословеніе на подлежащій вамъ подвигъ и въ залогъ помощи свыше, примите отъ лица сего храма Господня св. икону Вождя и Архистратига силъ небесныхъ — Михаила. Подъ стопами его, какъ видите, лежитъ поверженъ силою Божіею самъ духъ злобы поднебесныя: да повергнутся тою же силою предъ побѣдоносными знаменами вашими и злочестивыя полчища враговъ нашихъ, кои, къ сраму имени христіанскаго, не усумнились изойти противу насъ подѣ темнымъ и отверженнымъ знаменемъ Магомета! — Аминь.

I.

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА

КЪ А. И. ТУРГЕНЕВУ,

съ 3 Юня 1806 по 1826 годъ.

I.	Изъ Москвы	3 Юня	1806
II.	— —	23 Августа	1807
III.	— —	3 Сентября	1808
IV.	— —	26 Сентября	1808
V.	— —	3 Декабря	1808
VI.	— —	14 Генваря	1809
VII.	— —	28 Февраля	1809
VIII.	— —	17 Сентября	1809
IX.	— —	15 Октября	1809
X.	— —	12 Декабря	1809
XI.	— —	3 Апрелья	1810
XII.	— —	14 Юля	1810
XIII.	— —	21 Апрелья	1811
XIV.	— —	1 Февраля	1812
XV.	Изъ Пнаиняго	21 Генваря	1813
XVI.	Новгорода.	18 Августа	1813
XVII.	— —	2 Ноября	1813
XVIII.	— —	27 Юня	1814
XIX.	— —	15 Юля	1814
XX.	— —	21 Сентября	1814
XXI.	— —	31 Генваря	1815
XXII.	— —	9 Сентября	1815
XXIII.	— —	20 Октября	1815
XXVI.	— —	17 Ноября	1815
XXV.	— —	30 Марта	1816
XXVI.	— —	13 Апрелья	1816
XXVII.	— —	20 Апрелья	1816
XXVIII.	Изъ Москвы	8 Мая	1816
XXIX.	изъ Царскаго села	18 Августа	1816
XXX.	изъ СП.-бурга	1 Апрелья	1820
XXI.	изъ Царскаго села	18 Мая	1824
XXXII.	— —	22 Мая	1824
XXXIII.	— —	23 Мая	1824
XXXIV.	— —	8 Юня	1824
XXXV.	— —	3 Августа	1824
XXXVI.	— —	6 Сентября	1825
XXXVII.	изъ СП.-бурга	18 Декабря	1825
			1826

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА

къ А. И. Тургеневу , съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ писемъ и къ другимъ лицамъ , и нѣкоторыхъ неизданныхъ статей и записокъ , относящихся къ поясненію Истории Государства Россійскаго , или къ биографіи Исторіографа (*).

О Г Л А В Л Е Н І Е .

- I. Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу съ 3 Іюня 1806 по 1826 годъ. XXXVII писемъ.
- II. Указатель статей въ Сборникъ : *Извлеченіе* изъ Библіотеки Ватиканской, съ примѣчаніями Исторіографа.
- III. Нѣсколько писемъ и записокъ Карамзина къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ. Нѣкоторыя неизданныя статьи Карамзина, собранныя А. И. Тургеневымъ.

(*) Копіи сихъ писемъ съ экземпляри, процезурованнаго и приготоуленнаго къ печати, я получилъ отъ покойнаго Александра Ивановича Тургенева ; впоследствии самой этойъ экземпляръ получилъ я для напечатанія отъ Александра Михайловича Язкова. М. П.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА

къ А. И. ТУРГЕНЕВУ

въ Петербургъ.

Любезный Александръ Ивановичъ! Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо,—и пропустилъ нѣсколько почтъ единственно отъ того, что былъ въ деревнѣ. О древнемъ Евангеліи я уже зналъ, и на сей почтъ пишу къ А. Н. Оленину, прося у него маленькой выписки.—Это самое древнѣйшее; мое новѣе 88 годами, но знаете ли, что у насъ въ Россіи есть надпись 996 году? (*) Я скоро получу ее, или самъ сплшшу, когда буду въ Кіевѣ. *Остромиръ* пѣвѣстенъ намъ по лѣтописи и Патерику (†). Я нашелъ еще довольно любопытныхъ вещей, на примѣръ: путешествіе къ Св. Мѣстамъ одного современника Песторова, лично знакомаго съ Іерусалимскимъ королемъ Балдуиномъ или Бодуэномъ: я напечатаю его въ прибавленіяхъ къ Исторіи. Много, много теперь у меня хорошаго: дастъ ли Богъ только всемъ воспользоваться и кончить дѣло! — Я смѣлся, читая въ вашемъ письмѣ о Египетскомъ жрецѣ и Блериюхъ таблицахъ. Святая Русь! чего у насъ не говорятъ, и не пишутъ!

Я недавно сражался на бумагѣ съ Добнеромъ (‡). Какими

(*) Карамзинъ разумѣетъ вѣроятно буквы, не составляющія надписи, изъ Десятинной церкви, впрочемъ давно извѣстная. М. П.

Примѣчанія А. И. Тургенева.

(1) Я уведомлялъ Карамзина вѣроятно о древней Славянской рукописи Евангелія, хранящагося въ Библіотекѣ, и объ Остромировской рукописи, имѣя възданной Востоковитъ (**).

(2) Добнеръ, Богемскій историкъ и филологъ.

(**) Вѣроятно здѣсь плеть дѣло объ одной и той-же рукописи, хотя и говорить г. Тургеневъ о двухъ. М. П.

пустыми доводами хотѣлъ онъ утвердить древность буквъ глагольскихъ!

Наши летописцы не говорятъ, чтобы Лже-Димитрій былъ именно орудіемъ іезуитовъ; но все обвиняетъ его въ привязанности къ религіи Католической. Мнѣнія Польскихъ писателей были различны, — нѣкоторые считали Лже-Димитрія побочнымъ сыномъ короля Баторія.

Дружески обвиняю васъ. Князь ⁽³⁾ и жена желаютъ вамъ всего добраго. Вы повѣрите, что я беру искреннее участіе во всемъ для васъ приятномъ. Будьте здоровы, счастливы и любите

Вашего покорнѣйшаго слугу

Н. Карамзина.

Москва, 23 Августа 1807.

Посылаю вамъ Эльмакина ⁽⁴⁾, любезный Александръ Ивановичъ. Кн. Долгоруковъ прислалъ мнѣ его при учтивомъ письмѣ. Изъявивъ ему благодарность, я сказалъ въ отвѣтъ, что эта книга у меня есть.

Кромъ обыкновенной моей работы, разныя хлопоты лишили меня удовольствія писать къ вамъ. Вы уже знаете, думаю, что мы отдали нашу большую княжну за князя Ш. Это сдѣлало большую революцію въ нашей жизни: бывшій открытой домъ обратится въ уединенной.

На сей же почтѣ пишу къ Н. П. П. ⁽⁵⁾ и прошу его о доставленіи мнѣ двухъ книгъ изъ Академической бібліотеки.

Какую сдѣлалъ я находку! *Волинскую летопись*, полную, доведенную до 1297 г., богатую подробностями, вовсе неиз-

(3) Вяземскій.

(4) Эльмакинъ, или Альмакинъ, Арабскій писатель, въ самомъ началѣ 14-го вѣка, иначе называемый *Ибн-Эль-Амидъ*. Я выписывалъ книгу его *Historia Sogasenica* для Карамзина изъ Голландіи. Въ 1807 г. книга Эльмакина не была еще известна въ Россіи. Академикъ Френъ упоминаетъ о ней не разъ въ книгѣ своей. Карамзинъ ссылается на нее пять разъ въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому *Ист. Госуд. Россійскаго* (*).

(5) Ник. Ник. Новосильцеву.

(*) И этотъ отвѣтъ случайно попался въ (бывшія) мои собранія. М. П.

вѣстную. Что скажетъ *Энгель* (6)? Я не смалъ нѣсколько ночей отъ радости. Списокъ прекрасной, четвертаго-надесять вѣка. Слогъ для знатоковъ любопытный. Однимъ словомъ, это сокровище; Богъ послалъ его съ неба.

Кланяюсь Кругу, Лербергу, почтеннымъ моимъ сотрудникамъ. Доставьте мнѣ ихъ диссертации, какъ скоро можно; чѣмъ меня одолжите (7). А пророс: гдѣ Лербергъ ищетъ Саркела? Я нашелъ его, кажется. Не слѣдуя Делилю и Баеру, а по Русскимъ летописямъ. Въ XIV вѣкѣ одинъ нашъ монахъ, думаю, видѣлъ развалины *Серкелю* на Дону.

Сколько бы я могъ наболтать и Лербергу и Кругу, пока еще сижу надъ своими манускриптами, какъ курица на янцахъ.

Мысленно васъ обнимаю. Преданный вамъ

Н. К.

С. Остафьево. 3 Сентября 1808.

(Село Кн. Вяземскихъ, подъ Подольскомъ).

Сердечно благодарю васъ, любезный Александръ Ивано-

(6) *Энгель*—Историкъ Малороссіи, Галліи, Ладоміи, Венгріи, и сопредѣльныхъ къ ней странъ, ученикъ Августа Лудвига Шлецера, свабдинскаго его матеріалами для Исторіи Малороссіи и Венгріи. Впоследствии Шлецеръ почиталъ Энгеля неблагодарнымъ и написалъ на него притвчательную критику, исполненную сильныхъ укоризнъ. Онъ подарилъ мнѣ ее въ рукописи, нигдѣ не напечатанной, но у меня ее *зачитали*. Я помню только заключеніе сей критики, написанное «*красными чернилами*».

Сія Шлецеровская выходка напоминаетъ и другія: особливо 2 ю часть его, такъ называемой Всемирной Исторіи, написанной противъ Гердера. Раздражительность была характеристическою чертою великаго историка-критика, слишкомъ, можетъ быть, чувствительнаго къ неблагодарности. (Если тотъ, кому я отдалъ рукопись Шлецера для *прочтенія*, пожелаетъ мнѣ возвратить оную, то я приму ее, какъ новый даръ.) Книгу Энгеля о Венгерской Исторіи, исполненную матеріалами и для нашей, сообщилъ я первый Исторіографу.

(7) Впоследствии я исполнилъ желаніе Карамзина и доставилъ ему нѣсколько диссертаций Круга и Лерберга, пѣз конхъ многія еще и теперь неизвѣстны публикѣ и не напечатаны. Я старался быть посредникомъ между тѣми, кон въ то время разработывали темное поле древней Россійской Исторіи въ чужихъ краяхъ, и нашимъ Исторіографомъ. 3-ю, 4-ю и 5-ю части Шлецеровскаго Нестора я также привезъ К--ну пѣз Геттингена въ 1805 г.

внчъ, и за дружеское письмо и за книги, которыя возвращу въ целости. Искренно любивъ почтеннаго Ивана Петровича ⁽⁸⁾ и зная цѣну собственныхъ вашихъ достоинствъ, прошу вѣрить моему нелицемерной къ вамъ привязанности, основанной отчасти и на сходствѣ нашихъ вкусовъ. Мы оба любимъ отечество и его славу. Не сомнѣваюсь, что вы съ ревностію благородной души посвятите вашу жизнь этому важному предмету. Дай Богъ вамъ всего добраго!

Хорошо, если бы вы могли достать диссертациі Хоткевича: онѣ непременно должны быть въ Залуцкой библіотекѣ ⁽⁹⁾. Скажите, когда найдете эту книгу. Если нельзя будетъ прислать ее ко мнѣ, то можно хотя списать; а за трудъ и плату я заплачу съ радостію. Что касается до рукописи Профессора Лоди, то она доставлена ему Н. П. М.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Гг. Кругу и Лербергу. Очень буду радъ, если увижу перваго. О какихъ именно трактатахъ онѣ желаетъ имѣть свѣдѣніе ⁽¹⁰⁾?

Всѣ наши вамъ дружески кланяются. Думаю, что мрачная

(8) Отца моего, въ сіе время умершаго, съ гонимъ Карамзинъ находился въ дружеской связи, съ самой первой его молодости. Я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едвали не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ, и увлекъ его съ собою въ Москву, въ тогдашній кругъ друзей. . . Иванъ Ивановичъ Дмитриевъ, землякъ и другъ Карамзина, описавъ первую молодость и образъ жизни его въ Симбирскѣ, упоминаетъ о семъ первомъ знакомствѣ отца моего съ Карамзинымъ, въ своей еще не изданной авто-біографіи, слѣдующимъ образомъ:

«Но разстѣнная свѣтская жизнь его недолго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный Иванъ Петровичъ Тургеневъ, уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ, онователемъ, или по крайней мѣрѣ главною пружиною «общества дружескаго типографическаго.»

И. И. Дмитриевъ позволялъ намъ украсить свои строками это собраніе писемъ и записокъ друга его.

(9) Сія диссертациі были отысканы и доставлены Карамзину. Рукопись *Лоди* содержитъ, кажется, Исторію Львова (Лемберга), которою прежде я сужалъ Исторіографа.

(10) Сія слава относится къ историческому запросу Круга, сдѣланному чрезъ меня Карамзину о древнихъ трактатахъ Россіи съ Царегородомъ.

осень скоро выгонитъ насъ изъ деревни, а мнѣ хотѣлось-было дойти здѣсь до времени *Донскаго*.

Въ первомъ засѣданіи Историческаго общества Гг. Кругъ, Лербергъ и А. И. Тургеневъ будутъ, какъ надѣюсь, его членами. Честь не велика; но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Нельзя ли намъ заранее увидѣть сочиненныхъ ими диссертаций о *Саркелѣ* и проч.? (1).

Обнимите за меня Ивана Ивановича (12); а между тѣмъ обвиняю мысленно васъ. Любите и не забывайте

Преданнаго вамъ Н. К.

С. Остафьево, 26 Сентября 1808 г.

(Въ отвѣтъ на мое письмо. А. Т.)

Ваши дружескія письма могутъ быть для меня только весьма пріятны, любезный А. И. Я скупъ на время не для всѣхъ, и всегда радъ, чтобы вы давали мнѣ случай повторять, сколь уважаю и люблю васъ искренно.

Очень, очень благодарю васъ за обещаніе доставить мнѣ Шлецера, копію манускрипта Львовскаго и диссертации почтеннаго Лерберга; ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ. Диссертацию о *Саркелѣ* могъ бы я прочитать и безъ карты; умѣю вообразить мѣста, и надѣюсь, что пойму автора безъ дальнихъ толкованій. Догадываюсь, что г. Лербергъ писалъ о внукахъ Мономаховыхъ, двухъ Владимірахъ (13). Въ хорошихъ летописяхъ они разлпчены. Тотъ и другой княжилъ въ Вольни. Извѣстенъ ли автору внукъ сего Владиміра Мстиславича, о комъ столь много говорится въ Ливонской Хроникѣ?

Книгу Хоткевича по вашему письму я досталъ, и весьма радъ; она была мнѣ очень нужна. *Historia belli Cosaco-Polonici* у меня есть (14).

(11) Доставлены.

(12) Дмитріева.

(13) Сія критическая диссертация г. Лерберга, адъюнкта Академіи Наукъ, слишкомъ рано для древней Исторіи и Географіи Россійской умершаго, также была доставлена мною Карамзину въ рукописи.

(14) Я предлагалъ ему и ту и другую.

Желалъ бы и я взглянуть на Исторію Фоксову : вѣроятно, что получимъ ее⁽¹⁵⁾.

Мы все еще въ деревнѣ , и подѣ конецъ здоровье мое стало хуже, однакожъ не отъ погоды. Въ Октябрѣ переедемъ въ городъ.

Скажи отъ меня привѣтливое слово г. Орлаю⁽¹⁶⁾. Желаю узнать его лично, какъ достойнаго чловѣка.

Прости, любезный мой А. И. Всѣ наши вамъ дружески кланяются. Любите меня , и будьте увѣрены въ моей искренней любви.

Преданный вамъ Н. К.

Великій мужъ Батонди⁽¹⁷⁾ непрестанно ожидаетъ теперь курьера изъ Петербурга; и десять разъ въ день спрашиваетъ у меня: «Кто древнѣе, Египтяне или Китайцы?»

Объ васъ говоритъ съ особеннымъ почтеніемъ.

Москва, 3 Дек. 1808.

Любезный А. И. Историческое общество въ первое свое собраніе выбрало въ члены васъ , гг. Круга и Лерберга : о чемъ прошу сказать имъ при случаѣ. Несторъ печатается и мы поучаемъ издателей.

Здоровы ли вы ? съ великою благодарностию возвращаю вамъ Шленера и Гоппе⁽¹⁸⁾, но Энгеля еще оставилъ у себя съ вашего дозволенія.

(15) Фокса, Англичскаго Министра оратора. Ранняя смерть помѣшала ему кончить твореніе его объ отечественной Исторіи , изданное въ отрывкѣ подъ названіемъ: A History of the early part of the reign of James II. London. 1808. 4.

Я послалъ Карамзину сію Исторію, какъ одно изъ превосходныхъ сочиненій сего рода, гдѣ Историкъ побуждаетъ иногда оратора.

(16) Докторъ Орлай предлагалъ Карамзину также некоторыя книги, до Карпато-Русской Исторіи относящіяся.

(17) Б. Итальянецъ и домашній поэтъ, жившій въ домѣ к. Виземскаго.

(18) Гоппе, писатель о Люблиндской исторіи.

Вы общались мнѣ *Троякій Львовъ* Зиморовича (19) на нѣсколько дней.

Простите, и будьте во всѣхъ смыслахъ благополучны.

Преданный вамъ Н. К.

Москва, 14 Января 1809.

Здравствуйте, любезный А. И. Извините, что отвѣчаю поздно на ваше дружеское письмо.

Сердечно радуюсь, что перемѣна начальства въ вашей Комисіи не имѣла для васъ никакихъ вредныхъ слѣдствій; съ другой стороны, ихъ и не должно было опасаться: у насъ не такъ много людей знающихъ и способныхъ. Трудитесь! предметъ важенъ. Вашъ новый начальникъ (20) работаетъ ли самъ? или только судитъ и поправляетъ?

Сдѣлайте одолженіе, изъясните мое душевное почтеніе Н. И. Новосильцову, и благодарность за его обязательное вниманіе. Желаю сердечно, что я не могъ представить трудовъ моихъ на его судъ. Такъ и быть! Если загляну въ Петербургъ, то постучусь у его дверей.

Дипломовъ не ожидайте скоро: общество наше не богато деньгами; а пергаментъ дорогъ. Въмѣсто благодарныхъ писемъ присылайте намъ диссертацию о *Саркель*, или о чемъ другомъ. Задача Кругова предложена по совѣту Шлецера (21). Сказано ли въ ней, *какихъ* происшествій и какой эпохи хронологіи должно объяснить? Задача Лербергова входитъ въ планъ моей работы: также и первая. Но я отказался отъ награды академическихъ, а другихъ охотниковъ вызывать готовъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Львовской рукописи. Нельзя ли попросить Почтъ-Директора, чтобы онъ велѣлъ ее принять на почтъ? Я съ радостію заплатилъ бы за всѣ ея по цѣнѣ писемъ.

(19) Сія книга была препровождена Н. М. въ свое время.

(20) М. М. С. — въ 70-ти томахъ Стора Россійскихъ Законовъ.

(21) В. М. Шлецера въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, съ на званія сына отца.

Простите, любезный мой пріятель! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ наши кланяются. Любите

Преданнаго вамъ П. К.

Москва, 28 Февраля 1809.

Любезный А. И. ! Здравствуйте ; а я болѣе мѣсяца сижу дома и охаю отъ нездоровья.

Сердечно благодарю васъ за доставленіе мнѣ Львовской рукописи; возвращу ее вамъ при первомъ случаетъ.

Извѣстіе Татищева, что Мономахъ выгналъ Жидовъ ⁽²²⁾, взято имъ изъ головы, а не изъ летописей, которыя гораздо послѣ упоминають о Жидехъ Кіевскихъ, по случаю бывшаго тамъ пожара. Знаемъ и то, что во время ига Татарскаго Евреи брали въ Россіи на откупъ дань Ханскую ; а болѣе ничего не знаемъ.

Эбна Гаукала ⁽²³⁾ не имѣю до сего времени, хотя уже давно объ немъ забочусь. И въ восточной Эрбелотовой библіотекѣ найдете, что одинъ изъ государей Козарскихъ принялъ вѣру Іудейскую. Думаю, что объясненіе на книги Моисея сочинено въ Галиціи, а не въ нынѣшней Россіи. Желалъ бы я взглянуть на книгу Графа Чатскаго ⁽²⁴⁾, и крайне васъ благодарю за обѣщаніе доставить мнѣ путешествіе Клапротова, вмѣстѣ съ записками нашей Академіи. Грамматикъ Фатеровой еще не имѣю, но слышу, что онъ производитъ Россіянъ отъ Козаровъ! Читаю Коцебу *Geschichte Preussens* : есть нѣсколько весьма любопытныхъ для насъ страницъ. Дай Богъ, чтобы ваши законодательные труды были полезны для государства. О на-

(22) Въ то время поручено мнѣ было писать о Евреяхъ въ Россіи, коихъ участь занимала тогда правительство.

Я обратился съ запросомъ о нихъ къ Карамзину. Впослѣдствіи дѣла о Евреяхъ вошли въ составъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ исповѣданій, коего я былъ первымъ Директоромъ.

(23) Арабскаго писателя, въ которомъ находятся свѣденія о древней Россіи и о Евреяхъ. Я писалъ о немъ также Карамзину.

(24) О Евреяхъ, особенно, а другая объ Исторіи Польскаго Законодательства, на Польскомъ языкѣ.

чашникъ вашемъ слышу много хорошаго. Дѣлайте свое дѣло, любезный и почтенный пріятель, остальное зависить не отъ васъ.

Простите, будьте здоровы, и не забывайте преданнаго вамъ
И. К.

Изъ путешествія *Карпина* извѣстно, что Кавказскій народъ, именуемый *Bugtaques*, а въ нашихъ лѣтописяхъ *Буртасы*, держался вѣры Иудейской. И нынѣ тамъ немало Жидовъ; а *Буртасы* называются теперь Буртанами.

С. Остаево, Сентября 17 1809.

Искренно благодарю васъ, любезный А. И., и за дружеское письмо и за диссертацию Г. Лемберга, основательно писанную. Характеры двухъ князей подлинно весьма различны; но въ хорошихъ спискахъ нигдѣ одинъ нейдетъ за другаго. Авторъ ошибается, думая, что Владиміръ Андреевичъ, по изгнаніи Долгорукаго изъ Кіева, жплъ въ Суздальскомъ княженіи: нѣтъ, онъ взялъ *накоонецъ* Изяславову сторону и дѣйствительно ѣздилъ встрѣчать его невѣсту, по самымъ древнѣйшимъ харатейнымъ спискамъ лѣтописей. Все, что есть въ Татищевѣ справедливаго, невымышленнаго, но чего нѣтъ въ печатныхъ лѣтописяхъ, взято изъ *Волинской*: онъ нѣмѣлъ ее доведенную до смерти Рюрика Ростиславича, около 1211 года (*), а мой списокъ идетъ до конца XIII вѣка. Какъ мнѣ горестно слышать о болѣзни умнаго, ученаго, столь для меня интереснаго Лемберга! Дай Богъ, чтобы онъ оправился, и чтобы я имѣлъ сердечное удовольствіе узнать его лично. Спасибо ему за то, что онъ нашелъ на картѣ *Пересопицу*; я зналъ, что она не далеко отъ *Горыни*, но не находилъ ее на извѣстныхъ мнѣ картахъ. За то знаю *Червень*, близъ *Холма*, по *Волинск. лѣт.* Онъ теперь есть не важное сселеніе. Возвращу вамъ диссертацию при первомъ случаѣ.

Ради Бога, любезный мой пріятель, убедите Николая Школаевича Новосильцова доставить мнѣ на время лѣтопись академическую, о которой я просилъ его. Она для меня необ-

(*) Рюрикъ Рост. умеръ 1215 г. Смотри Суздальскую лѣтопись по Лавр. списку. М. П.

ходима ⁽²⁵⁾. Примѣты ея слѣдующія: 1), писана въ листъ, и въ два столбца; 2), на первомъ бѣломъ листѣ подписано: что она принадлежала монаху и служкъ *Ипатовскаго* или *Ипатіева* монастыря; 3), названа *Хронографомъ* или *Временникомъ* и продолжается почти до 6780 года. Вы окажете большую услугу усердному Исторіографу. Слова ваши очень справедливы: главная моя за трудъ награда — есть удовольствіе труда. Сердечно обрадуюсь, когда увижу васъ въ Москвѣ. Между тѣмъ буду радъ и вашимъ письмамъ. Сколько теперь у меня новыхъ драгоценностей! На примѣръ, я получилъ изъ Кенгсбергскаго архива въ копіяхъ все письма вашихъ Галицкихъ Князей къ великому Мастеру ордена, въ началѣ XIV вѣка, весьма важныя для Хронологіи, и въ другихъ отношеніяхъ. Пѣтъ, я достала *Волинск. лѣт.* не отъ Руссова, а изъ библіотеки одного бывшаго купца Коломенскаго. Эта находка спасла меня отъ стыда, но стоила мнѣ шести мѣсяцевъ работы. Боги не *даютъ*, а продаютъ живыя удовольствія, какъ говорили древніе.

Жена моя вамъ усердно кланяется. Еще разъ: постарайтесь доставить мнѣ *Ипатовскую лѣтопись*.

За тѣмъ простите. Мысленно васъ обнимаю. На всегда преданный вамъ

П. К.

Москва, 15 Октяб. 1809 года.

Двадцатидневное нездоровье лшало меня удовольствія писать къ вамъ, любезный А. И.

Сердечно благодарю васъ за доставленіе мнѣ *Ипатіевской лѣтописи* и *Моисей Хоренскаго*. Прошу изъявить мою усерднѣйшую благодарность и П. Н. Книги возвращу исправно. Та и другая была для меня весьма нужна. Надѣюсь, что г. библіотекаръ внесетъ теперь *Ипатіевскую лѣтопись* въ каталогъ! ⁽²⁶⁾.

(25) О ней, какъ и другихъ книгахъ, просилъ Карачинъ въ помещенномъ ниже письмѣ его къ П. Н. Новосильцеву, отъ 23 Августа 1809. Все оны были ему доставлены въ свое время.

(26) Вероятно она догдѣ не была внесена въ каталогъ.

Искренно пожалѣлъ я о Шлецерѣ, не только въ отношеніи къ наукамъ, но и собственно ко мнѣ, или къ труду моему (27). Овъ такъ усердно занимался Русскою Исторіею! Если получите продолженіе его Нестора, то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее пропзведеніе знаменитаго критика.

Что касается до Шведскихъ документовъ сдѣшняго архива, то древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ 1513 и 1589 годамъ. Буде хотите, то могу доставить вамъ нѣкоторыя (28).

Первая война Новгородцевъ съ Финдлядцами, извѣстная намъ по лѣтописямъ, была въ 1042 году. Тогда Владиміръ Ярославичъ ходилъ на *Емь*: такъ назывались Финдлядцы: на что доказательства очевидныя представляю въ моей Исторіи. *Емь* жили въ южной Финдлядинѣ, а *Сумь* въ сѣверной.

Слабость головы не позволяетъ мнѣ писать болѣе. Я дней 18 не принимаюсь за перо.

Простите, любезнѣйшій мой пріятель. Мысленно васъ обнимаю. Любите меня всегда. Я никогда не забуду, ни Андрея Ивановича (29).

Это должно утвердить нашу пріязнь. На вѣки преданный вамъ
Н. К.

Москва, 12 Декабря 1809 года.

Здравствуйте, любезнѣйшій А. И.! Сердечно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ знакомствомъ Д. А. К., достойнаго, любезнаго человека, и за освѣдомленіе о моемъ здоровьѣ. Около шести недѣль я долженъ былъ скучать праздностию отъ лихорадки и головной боли, даже и теперь не совсѣмъ оправился. Пишу, но по немногу.

Москва въ восхищеніи отъ Государя и Великой Княгини. Дворянство и народъ спорили въ изъявленіи усердія.

(27) Я уведомилъ Карамзина о кончинѣ знаменитаго критика и историка.

(28) Мнѣ поручено было составить Историческое и Статистическое описаніе Финдлядинѣ, которая тогда присоединялась къ Россіи. Я требовалъ свидѣній о древнихъ сношеніяхъ Русскихъ или Новгородцевъ съ Финнами.

(29) Моего брата, бывшаго другомъ Жуковскаго.

Карты Шлецерovy (30) заслуживаютъ то, что вы объ нихъ сказали, но многіе ли у насъ въ состояніи судить о такихъ произведеніяхъ? Надобно хвастаться и врать: назовутъ ученымъ. Правда, что истинно ученые презираютъ и хвалу и брань невѣждъ. Виновать, что я забылъ послать къ вамъ трактатъ Лерберга о двухъ Кн. Владимірахъ, прощайся съ Д. А. К. Найду другую окказію. Давно уже просилъ я въ архивъ списать для меня первый трактатъ Шведскій, чтобы доставить вамъ; но за болѣзнію не бывъ тамъ долго, не могъ получить этой бумаги до сего времени.

Сдѣлайте одолженіе, любезный мой пріятель, попросите отъ меня Николая Николаевича Новосильцова, чтобы онъ дозволилъ мнѣ продержатъ академическую льтопись еще нѣсколько недѣль; отъ нездоровья я не могъ пользоваться ею. Возвращу исправно, какъ скоро не будетъ мнѣ нужна, вмѣстѣ съ Мопсеемъ Хоренскимъ.

Статья *Свѣтъ*. Почты написана, кажется, не съ худымъ намѣреніемъ: по крайней мѣрѣ, глава издателей мнѣ доброжелательствуетъ.

Мысленно васъ обнимаю со всею дружескою нѣжностію; а жена моя усердно вамъ кланяется. На выки преданный вамъ

Н. К.

С. Остаѣвъ, 14 Іюля 1810.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій А. П.! за искреннее участіе, принимаемое вами во всемъ, что для меня кажется. Съ живѣйшею благодарностію принялъ я милость Государеву, хотя впрочемъ нынѣшнее расположеніе души моеѣ весьма близко къ глубокому унынію.

Еще не успѣвъ отдохнуть послѣ кончины нашей сестры любезнѣйшей, послѣ тяжелой моей болѣзни, я былъ пораженъ смертію дочери, которая составляла главное наше семейное

(30) Въ это время изданы Шлецеромъ сыномъ Историческія карты Россіи. Я осмѣлился сказать о нихъ мое мнѣніе Исторіографу. Приговоръ подтвердилъ имъ и публикою. Requiescant in pace— съ авторомъ, уже умершимъ.

утѣшеніе, и два мѣсяца трепеталъ, видя и прочпхъ нашихъ дѣтей въ опасности. Теперь нѣ лучше; но все еще болѣзнь не прошла. Моя Катерина Андреевна всякой день плачетъ : скрываетъ горестъ собственную, хочу, и не могу утѣшать эту вѣжную сестру и еще нѣжнѣйшую мать. Однакожъ я здоровъ, и съ нѣкотораго времени опять работаю. Вотъ мое единственное разсѣяніе! Съ Генваря мѣсяца я какъ бы разстался съ свѣтомъ, а теперь живемъ въ совершенномъ уединеніи. Мнѣ доставлено множество любопытнаго изъ Кеннigsбергскаго архива; кромѣ писемъ, реляцій, трактатовъ, журналъ одного знатнаго Нѣмца, въ Москвѣ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, содержитъ въ себѣ не мало важнаго для Исторіи ⁽³¹⁾.

Люблю и почитаю васъ душевно; любите и меня. Обнимаю васъ мысленно; остаюсь на вѣки вашимъ добрымъ, вѣрнымъ пріителемъ.
Н. К.

Москва, 3 Апрѣля 1810.

Любезный А. И.! Искренно и сердечно благодарю васъ за участіе, которое вы дружески принимали и въ нашей горести и въ моей болѣзни. Последняя миновалась, первая еще дѣйствуетъ, особенно въ сердцѣ моей К. А. и молодаго Князя. (Вяземскаго).

Благодарю васъ за Шлецерова Нестора. Старикъ оживился предъ смертію, отвѣчая нашему Буле ⁽³²⁾ и браня Эверса ⁽³³⁾, остальное не важно. Напрасно онъ такъ возвышаетъ извѣстія

(31) Объ этихъ бумагахъ упоминаетъ Карамзинъ т. 8. въ примѣч. 479, 515; т. 9. въ прим. 166, и проч.

(32) Профессоръ Императорскаго Университета въ Москвѣ, а прежде Профессоръ въ Геттингенѣ, гдѣ я слушалъ курсъ его философіи.

(33) Эверсъ—Профессоръ Дерптскаго университета, писавшій о Русской Исторіи. Онъ также подвергъ себя критическому негодованію старика Шлецера, назвавшаго его за извѣстную его гипотезу о происхожденіи Русскихъ отъ Хазаръ: Chazaren-Dichter.

Льва Дьякона (34), *Кедриновы* и *Зонарины* подробнѣе, а въ основаніи тѣ же. Левъ только означаетъ вездѣ *исло*, сдва ли не пзъ воображенія. Я уже давно писалъ въ Парижъ о не напечатанныхъ Византійскихъ историкахъ: общають скоро ихъ выдать и мнѣ доставить.

Здѣшняго Шлецера давно не вижу. Сомнѣваюсь, чтобы онъ рѣшился продолжать Нестора. Для кого? для семи или осьми любопытныхъ? Да и пользы не много.

Изъясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія, даѣе Нестора; а выписки пзъ иностранныхъ лѣтописевъ не новы для ученыхъ. Сынъ конечно не лучше отца знаетъ нашъ старинной языкъ.

Вотъ вамъ древнѣйшій трактатъ Шведскій (35).

Когда выдутъ акты академическіе и диссертациіи Круговы? Скажите мой поклонъ Кругу, мною уважаемому. Каковъ въ своемъ здоровьѣ г. Лербергъ? Шлецера возвращу вамъ на той почтѣ.

Ежели можно, то пришлите Гереново сочиненіе о Мюллерѣ, какъ историкъ (36).

Снова занимаюсь усердно своимъ дѣломъ. (Поправки уже

(34) Византійца, впоследствии изданнаго въ Парижѣ бібліотекаремъ королевской бібліотеки Газомъ.

(35) Онъ доставленъ мнѣ для внесенія въ исторію нашихъ сношеній съ Швеціею о Финляндіи.

(36) Я доставляю Карамзину біографическое похвальное слово Профессора Геттингенскаго университета и моего наставника Герена, автора Исторіи древнихъ колоній и торговли, писанное имъ Иоанну Мюллеру, Историку Швейцаріи. Герень судитъ Мюллера съ высокимъ безпристрастіемъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы нашъ Исторіографъ короче познакомился не съ творевіями обоихъ, — они были ему давно извѣстны, — но съ некоторымъ особеннымъ мнѣніемъ Герена о Мюллерѣ. Въ этой примѣчательной книжкѣ превозноситъ Герень письма Миллера къ Бонштетену: *Briefe eines jungen Gelehrten*, отчасти переведенныя по моему предложенію въ тоже время нашимъ Жуковскимъ. Герень не хочетъ рѣшить, письма ли сіи къ юному другу, или вся Швейцарская исторія Мюллера, болѣе даютъ ему права на вѣковъ безсмертія.

кончены; выписываю теперь важнѣйшія мѣста изъ Волынской лѣтописи для ноты; а тамъ впередъ, коли Богъ дастъ.

Мысленно васъ обнимаю, любезнѣйшаго моего пріятеля. На всегда преданный вамъ

Н. К.

Москва, 21 Апрѣля 1811.

Любезнѣйшій А. И.! Хотя и поздно, но сердечно благодарю васъ, какъ за дружеское письмо, такъ и за присылку *Устава* съ книгою *Вольтмана* (37) о Мюллерѣ. Ни *Уставъ*, ни Вольтманъ мнѣ не нравятся, въ томъ и другомъ наврано не мало. Можно ли о мертвомъ и другъ писать такія мерзости? Кромѣ злобы, что за пустая метафизика? Вся учать, какъ писать Исторію, а много ли хорошихъ Исторій? Мюллеръ безъ сомнѣнія дѣльно вооружился противъ метафизическаго бреда тамъ, гдѣ надлежитъ изображать дѣйствія и характеры. Мюллеръ былъ историкъ, и при томъ одинъ изъ лучшихъ; а Вольтманъ умной враль, и притомъ чернаго разбора. Объ *Уставѣ* ни слова; объ историческомъ обществѣ ни слова, кромѣ того, что я въ немъ не былъ, и не буду; ибо не люблю пустяковъ. Говорить ли о К — въ? Онъ самъ себя наказываетъ злобою: это чувство непріятно. По сіе время не удалось ему сдѣлать мнѣ зла; а что будетъ впередъ, не знаю, и знать не хочу. Мщенія не люблю; довольствуюсь презрѣніемъ, и то невольнымъ.

Искренно благодарю С. С. за его доброе ко мнѣ расположеніе: онъ достойный молодой человекъ. Еще усерднѣе благодарю васъ за дружеское ласковое слово, сказанное вами въ письмѣ по этому поводу. Любовь ваша для меня драгоценна.

Послѣ трехъ путешествій въ Тверь отдыхаю за Исторію, и сиѣшу окончить *Василія Темнаго*: тутъ начинается дѣйствительная Исторія Россійской Монархіи; впереди много прекраснаго! Обнимаю васъ дружески, и нѣжно преданный вамъ

Н. К.

(37) Вольтманъ, извѣстный по своимъ историческимъ сочиненіямъ, пользовался тогда незаслуженною славою въ Германіи, а еще болѣе по своей перепискѣ съ Іоанномъ Мюллеромъ — и по гнусной неблагодарности къ великому историку.

Москва, 1 Февраля 1812

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Давно я не писалъ къ Вамъ, но всегда люблю Васъ и помню. Какъ Вы поживаете? Здоровы ли Вы? Довольны ли? Дайте вѣсть о себѣ старому Вашему пріятелю.

Между тѣмъ дружески прошу Васъ оказать услугу человечеству и бѣдной матери молодого Ш., котораго отецъ былъ любимъ Вашимъ. Прилагаю копію съ указа объ этомъ несчастномъ. Увидите, что онъ былъ подъ судомъ и содержался въ крѣпости; но мать по сіе время не знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось послѣ? выпущенъ ли, и куда дѣвался? Прикажете справиться, и сдѣлать для него, что можете, — Вы добродушны: слѣдственно могу быть увѣренъ, что меня Вы не выбранте.

Я теперь здоровъ, — готовлюсь перейти въ XVI вѣкъ. Мнѣ сказывали, что у Лерберга есть Англійск. переводъ Арабскаго Географа Гаукаля: не можетъ ли онъ прислать его мнѣ недѣли на двѣ? Кланяюсь ему, Кругу и Д. Н. Б., а Васъ отъ сердца обнимаю. Будьте благополучны, и любите предашнаго Вамъ П. К.

Нижній Новгородъ, Февраля 21, 1813.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Давно я не писалъ къ Вамъ, но всегда помнилъ и любилъ Васъ. Сколько происшествій! какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! Отпустивъ жену и дѣтей, я жилъ тамъ до 1 Сентября, когда наша армія оставила Москву въ жертву непріятелю. Что мы видѣли, слышали и чувствовали въ то время! Сколько разъ въ день спрашиваю у судьбы, на что она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищи? Добрый, добрый народъ Русской! Я не сомнѣвался въ твоёмъ великодушіи, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою Исторію въ иной вѣкъ, и не на пепелищѣ Москвы. Библиотека моя имѣла честь обратиться въ пепель, вмѣстѣ съ Грановитою палатою, однакожъ рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ; они всё сгорѣли, крокъ бывшихъ у меня. Потеря невозвратима для

нашей Исторіи! Университетъ также всего лишился: библіотеки, кабинета.

Но крайней мѣрѣ дай намъ Богъ славнаго мира, и поскорѣе! Между тѣмъ сижу какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріаловъ, безъ книгъ, въ несносной праздноности, и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ. Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ. Но вы Петербургскіе господа, сіяя въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ! Извините меланхолично бѣдныхъ изгнанниковъ Московскихъ. Оставимъ шутку не веселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните Ваше обѣщаніе и пришлите *Льва Дьякона*. С. С. также обѣщаль доставить его мнѣ: скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь нашель нѣчто любопытное: *Степенную книгу* съ прибавленіями неизвестными, касательно времени Царя Ивана Васильевича. Не можете ли прислать мнѣ еще *Архангелогородскаго* печатнаго *лѣтописца*? Вы его думаю знаете. Маленькая книжка въ четвертку. Обрадуюсь Вашему письму. Я живу здѣсь въ домѣ Степана Алексѣевича Львова. Жена моя Вамъ кланяется. Если Д. Н. Б. не забылъ насъ, то скажите ему, что и мы его помнимъ, какъ нашего умнаго и добраго пріятеля. Вотъ Вамъ множество порученій! а главное то, чтобы Вы любилъ меня по старому. Очень хотѣлось бы мнѣ ѣхать въ Петербургъ, и тамъ работать; но съ крестьянъ нечего взять, а безъ денегъ не ѣздить въ резиденцію. Простите, будьте здоровы и благополучны. Обнимаю Васъ мысленно. Навѣки преданный Вамъ Н. К.

Здравствуйте, любезный мой Александръ Ивановичъ! Будьте по крайней мѣрѣ впередъ здоровы. Вы заплатили дань земной человѣческой природѣ. Не полагайтесь излишне на крѣпость Вашего сложенія. Слабые живутъ иногда долѣе, потому что берегутся.

Искренно сожалѣю о преждевременной кончинѣ достойнаго Лерберга. Географическія его работы должны быть интересны. Менѣе довѣрлю его княжескимъ генеалогіямъ, если онъ не

зналъ *Кіевской* и *Волинской* летописи. Надѣюсь, что ученый Кругъ не полѣнитъ исполнить дружескаго завѣщанія (38).

Вы съдѣаете мнѣ удовольствіе сообщеніемъ любопытнѣйшихъ новостей въ историческихъ произведеніяхъ. Я желалъ бы прочесть Миллера о *Всемирной Исторіи*, и Гереново *введеніе*, которое Вамъ полюбилось. Нельзя ли какъ-нибудь выручить Льва Дьякона, и мнѣ доставить, хотя на самое короткое время? надѣюсь на благосклонность А. Н. Оленина (39).

Богъ знаетъ, скоро ли буду въ Петербургъ, куда готовлюсь ѣхать для того, чтобы издать свою *Исторію*. Последняя горестъ наша (40) сильно сжала мое сердце, и прохладила къ свѣту, слѣдственно и къ *Исторіи*.

Оставляю авторское кокетство, и желаю скорѣе расплатиться съ публикою; а тамъ будетъ, что будетъ. Хотя живу въ подмосковной, однакожъ часто вижу съ Иваномъ Ивановичемъ, и теперь собираюсь ѣхать къ нему. Почти жалю, что онъ не могъ дожидаться меня въ Петербургъ: я скорѣе пріѣхалъ бы къ Вамъ; а теперь мнѣ труднѣе оставить Москву. Ждемъ вѣстей изъ арміи. Дай Богъ хорошей развязки! Простите, любезнѣйшій пріятель. К. А. Вамъ дружески кланяется. Обнимаю Васъ отъ всего сердца.

Искренно преданный Вамъ, Н. К.

Москва, 2 Ноября, 1813.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Мы наконецъ совсѣмъ перѣехали въ жалкую и безобразную Москву, гдѣ все теперь неудобно и дорого.

Судь Божественный совершился и Германія должна быть свободною.

(38) Кругъ, отложивъ собственныя работы года на два, занялся приведеніемъ въ порядокъ и изданіемъ превосходныхъ сочиненій своего друга соперника. Я могъ бы еще много подобнаго высказать о Кругѣ, но онъ еще живъ (1839).

(39) А. Н. Оленинъ получилъ тогда для Императорской бібліотеки Льва Дьякона, но пользовался имъ для изображенія древнихъ Русскихъ великокняжескихъ костюмовъ.

(40) Потеря дочери.

Пока простите. Мысленно Васъ обнимаю. Будьте здоровы, и любите преданнаго Вамъ Н. К.

Москва, 27 Июня, 1814.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Я замедлилъ отвѣчать Вамъ на дружеское письмо, и теперь скажу только слова два, потому, что у насъ больна дочь, нездоровъ князь Петръ, а сынъ его въ опасности: судите, спокойно ли у меня сердце и воображеніе? Мы переѣхали въ городъ, и Богъ знаетъ, когда и какъ возвратимся въ деревню. — Изъ Германіи получилъ я не грамоту, въ списокъ, а Дреера, въ которомъ она напечатана отъ слова до слова, и безъ сомнѣнія, вѣрно; все существенное выбралъ я изъ нее, и внесъ въ Исторію — а грамоту Латинскую въ примѣчанія. — Съ удовольствіемъ сообщу Вамъ нѣкоторыя замѣчанія на грамоты Булгаковскія, какъ скоро буду въ состояніи заниматься своимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Хвалю Ваше намѣреніе издать ихъ ⁽⁴¹⁾. Это полезно и нужно: обнимаю Васъ дружески, кланяясь *Блудову-Ривароло* и *Батюшкову-Парни*. Вашъ Н. К.

Москва, 12 Января 1814.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ одолжить преданнаго ему Карамзина, если возьметъ на себя трудъ замолвить слово за дѣвницу Мольеръ, хотя она не родня безсмертному сочинителю Мизантропа etc. Вотъ записка. Обнимаю и оставляю Васъ, чтобы встрѣтить Ивана Ивановича, который только что прѣѣхалъ изъ Сызрани. Будьте здоровы и любите меня.

Остаѣево, 15 Июня 1814.

Сердечно благодарю Васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за Ваше дружеское письмо, которое дало мнѣ почув-

(41) Все сіе относится до намѣренія моего издать Собраніе Ватиканскихъ Рукописей о Россіи и Польшѣ, полученное мною отъ Я. И. Булгакова. Оно находилось у Карамзина едва ли не до самой кончины его, а нынѣ обогатилось новыми списками съ древнихъ документовъ о Россіи, приобретенными мною въ Римѣ. Въ примѣчаніяхъ къ Россійской Исторіи Карамзинъ завѣщалъ мнѣ изданіе оныхъ. Постараюсь исполнить священную для меня волю. (Исполнена — изданіемъ двухъ кварталовъ *Historica Russiae monumenta*, 1841).

ствовать, что я еще пью изрядную мѣру самолюбія. Такъ и быть: по крайней мѣрѣ, не хочу притворяться смиреннымъ, и нечувствительнымъ къ одобренію такихъ людей, какъ Вы.

Вы имѣете право сдѣлать все, что Вамъ угодно съ моими стихами; напрасно спрашивали моего согласія (42). И такъ мы можемъ обѣщать себѣ времена спокойныя! Всякой день радуюсь и благодарю небо. Вы меня гораздо моложе: слѣдственно Вамъ должно быть еще веселье моего.

Оканчиваю Василія Ивановича, и мысленно уже смотрю на Грознаго: какой славный характеръ для исторической живописи! Жаль, если выдамъ Исторію безъ сего любопытнаго царствованія; тогда она будетъ, какъ павлинь безъ хвоста. Живемъ въ подмосковной, Вамъ известной, гдѣ лечусь отъ своей лихорадки.

Пожалуйте скажите мою искреннюю благодарность С. С. У. (*) за его любопытную книжку (**), прочитанную мною съ истиннымъ удовольствіемъ. Я замѣтилъ для себя карандашомъ нѣкоторые очень хорошія мѣста! Желаю, чтобы онъ писалъ. — Простите, любезный. Не забывайте ни меня, ни Аверкіева. На вѣки преданный Вамъ Н. К.

Москва, 21 Сент. 1814.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Посылаю Вамъ нѣсколько замѣчаній на грамоты, усердно желая, чтобы Вы скорѣе издали Булгаковское сокровище. Умные люди скажутъ Вамъ спасибо.

Болезни и безпокойства вогнали насъ прежде времени въ городъ. Теперь бесѣдую съ Иваномъ Ивановичемъ. Если Богъ дастъ, то послѣ завтра начну Царя Іоанна; а кончу ли?

Обнимаю Васъ мысленно. Не забывайте меня п—А.....а!

Поклонъ съ добрымъ словомъ С. С. У — ву, Батюшкову, котораго благодарю за сочиненіе о М. Н. Муравьевъ. Будьте здоровы, и любите преданнаго Вамъ Н. К.

(42) Карамзинъ доставилъ мнѣ рукопись стиховъ своихъ на избавленіе Москвы отъ Французовъ. Я просилъ позволенія напечатать ихъ, — и напечаталъ.

(*) Сергію Семеновичу Уварову. (**) *Mysteres d'Eleusis*.

Москва, 21 Января 1815.

Мы часто говорили объ Васѣ, особливо теперь: поэтъ Жуковский въ Москвѣ. Можетъ быть въ теченіи зимы увижусь съ нимъ.

Между тѣмъ пишу о Царѣ Иванѣ, и вѣнчаю его Мономаховымъ вѣнцомъ. — Обнимаю Васъ и любезнаго Д. В. Д. Усердно также кланяюсь С. С. У—ву, Батюшкову, На вѣки преданный Вамъ Н. К.

С. Осташево, 9 Сентября, 1815.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, любезный Александръ Ивановичъ, исполню Ваше пріятное порученіе и доставлю Вамъ портретъ незабвеннаго Ивана Петровича Тургенева, какъ скоро получу его. Письмо къ Н. И. Новикову отпрвлено. Надѣюсь, что онъ еще живъ.

Желалъ бы я взглянуть на Венгерскую исторію Феслера, удивляясь, какъ онъ могъ писать ее въ Саратовской губерніи (44)?

Честь и хвала нашему Канцлеру! У него благородный вкусъ, достойный истиннаго вельможи.

Утвердите нашего поэта Жуковскаго въ Петербургъ, съ условіемъ, чтобы разсѣяніе не мѣшало ему писать *Владимира* (45). Кланяюсь ему дружески.

Думаю, какъ и прежде, издать написанное мною, когда Государь возвратится: для чего мнѣ надобно будетъ съѣздить въ Петербургъ. Управляюсь мало по малу съ Царемъ Иваномъ. — Казань уже взята, Астрахань наша, Густавъ Ваза побитъ, и Орденъ Меченосцевъ издыхаетъ; но еще остается много дѣла, и тяжелаго: надобно говорить о злодѣйствахъ, почти несслыханныхъ.

(44) Суперъ-интендентъ Феслеръ, 80-лѣтній старикъ, написалъ въ степяхъ Саратовской губерніи исторію Венгріи, изданную въ Лейпцигѣ, въ 8 и въ 10 томахъ; — я доставилъ ее Карамзину, который въ слѣд. письмѣ произнесъ судъ и о ней.

(45) Жуковский собрался тогда писать поэмѣ *Владимиръ*.

Здоровъ ли почтенный другъ и занимается ли Исторіею? Желаю скорѣе видѣться съ нимъ, равно какъ и съ Вами, если Богъ дастъ. Думаемъ прожить въ деревнѣ до Ноября. Напомните обо мнѣ любезному С. С., что онъ дѣлаетъ?

Обнимаю Васъ. Помышляете ли объ изданіи Булгаковскихъ грамотъ? Будьте здоровы, благополучны и любите преданнаго Вамъ Н. К.

С. Остаево. Окт. 20 1815.

Сердечно благодарю Васъ, Александръ Ивановичъ, за дружеское письмо и за Феслерову Исторію, которую еще читаю, и возвращу Вамъ изъ Москвы. Теперь живемъ въ деревнѣ по неволѣ: меньшая дочь въ скарлатинѣ, и если другіе дѣти также занемогутъ этою болѣзнію, то можемъ еще долго остаться здѣсь. Надѣмся на милость Божию.

Ф—ръ пишетъ складно, умно, но только выписываетъ изъ другихъ, безъ разбора, безъ критики, напримѣръ, повторилъ всѣ ошибки Энгеля; отъ недоразумѣнія впалъ въ новья, не имѣетъ источниковъ передъ глазами; внесъ свой мистицизмъ въ Исторію и непріятно подражаетъ Іоанну Миллеру въ описаніяхъ. Это компиляція, а не твореніе; нѣтъ единства, характера, души. Вотъ мое мнѣніе, сказанное только для Васъ.

Не знаю, о какихъ стихахъ къ портрету Ивана Ивановича говорилъ Вамъ нашъ любезный Жуковский. Дѣтъ за пять передъ снѣмъ написалъ я слѣдующіе (сколько помню):

•Министръ, поэтъ и другъ: я все тремя словами
•Объ немъ для похвалъ и зависти сказалъ.
•Прибавлю, что чиновъ и ренъ онъ не искалъ,
•Но ренъ и чины къ нему летѣли сами».

Теперь онъ уже не Министръ: развѣ скажемъ:

•Онъ съ честью былъ министръ, со славою поэтъ;
•Теперь для дружества и счастья живетъ.»

Эпиграммы сыплются на К. Ш—го; даже и Московскіе пріятели нашихъ пріятелей острятъ на него перья. Василій

Пушкинъ только что не въ конвульсіяхъ; въ здѣшнемъ свѣтѣ все воюетъ: и Наполеоны и Ш—іе у насъ, какъ и вездѣ, любятъ брань. Пусть Жуковскій отвѣчаетъ только новыми прекрасными стихами: Ш. за нимъ не угонится. Желалъ бы я видѣть *Славянку*, особливо, если она напечатана. Князь Петръ ждетъ отъ Васъ отрады, которую Вы обѣщали доставить ему. Что нашелъ Кругъ въ *Гардуинъ* ⁽⁴⁶⁾ для Россійской Исторіи? Въ описаніи соборовъ что ли? Насилу достала я *Oriental geography* и перемѣнилъ нѣсколько строкъ въ I томъ моей Исторіи. Живъ или умеръ Чацкій? Я уже не буду говорить ни Вамъ, ни У. о Львѣ Дьлконѣ; Вы оба столько разъ обѣщали его мнѣ! А. Ф. Малиновскій купилъ за 160 руб. харатейное слово о полку *Игоревъ* ⁽⁴⁷⁾: жаль только, что списокъ не исправенъ, и не поясняетъ печатнаго. Очень буду благодаренъ, если пришлете мнѣ мѣлкія сочиненія I. Мпллера; люблю его умъ и талантъ. Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. К. А. Вамъ дружески кланяется. Она уже болѣе недѣли сидитъ надъ больною Наташею. Обнимаю Васъ отъ души.

Преданный Вамъ Н. К.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! 10 дней тому, какъ мы погребли милую нашу дочь Наташу, а другіе дѣти въ той же болѣзни, въ scarlatina. Не скажу ничего болѣе. Вы и добрый Жуковскій объ насъ пожалеете. Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки Вашей дружбы. Только не легко говорить. Отвѣчаю на главное. На Ваше *omnis inorig.* Жить есть не писать Исторію, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха: не исключаютъ и мопухъ осьми, или девяти томовъ. Чѣмъ далѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни, и совершенство ея.

(46) Собраніе актовъ вселенскихъ соборовъ Гардуина. Оно перешло, съ моею бібліотекою, въ Моск. Имп. Университетъ.

(47) См. о подлугѣ этого списка въ слѣд. письмѣ.

Страсти должны не счастье дать, а разработывать душу. Сухой, холодной, но умной Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства написалъ: *douce paix de l'ame resignée aux ordres de la Providence!* Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему, для нашего благоденствія! Мало розницы между мелочными, и такъ называемыми важными занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайте у совѣсти. Быть Статсъ-секретаремъ, Министромъ, или Авторомъ ученымъ все одно (48)!

Обнимаю Васъ въ заключеніе.

Пока живу и движусь, присылайте мнѣ относящееся къ Русской Исторіи: Византіецевъ, Лерберга, Круга. Прошу Васъ изъявить мою душевную признательность г. Аделунгу: умью цѣнить достоинство труда его. Вы упомянули о скептикѣ К. Знаете ли, что онъ сошелъ съ ума? А умъ его, *tel quel*, былъ лучше его характера. Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву, посмотрю на купленное Алексѣемъ Федоровичемъ (49) Слово о полку Игоревъ: это любопытный подлогъ. Простите. Еще разъ обнимаю Васъ съ искренностію дружбы. На вѣки преданный Вамъ Н. К.

Получили ли Вы отъ меня обратно нѣсколько Ватиканскихъ грамотъ, съ нѣкоторыми легкими замѣчаніями (50)? Могу доставить и еще что-нибудь.

Москва, 30 Марта 1816.

Здравствуйте, мой любезный другъ Арзамасецъ (51)! Обни-

(48) Это очевидно сказано не въ духъ самолюбія.

(49) Малиновскимъ.

(50) Получены и замѣчанія помѣщены въ заключеніи сихъ писемъ. См. указатель статей въ Сборникъ: Извлеченіе изъ библіотеки Ватиканской.

(51) Со временемъ можетъ быть издадутся въ свѣтъ протоколъ и Рѣчи членовъ Арзамаскаго литературнаго общества безвѣстныхъ людей. Изъ нихъ узнаютъ въ новыхъ формахъ талантъ и геній *Святланы-Жуковскаго* (*), эксъ-секретаря сего общества. Акты сія принадлежатъ исторіи нашей словесности XIX вѣка, и могутъ служить матеріаломъ для біографій и не однихъ писателей.

(*) Для поясненія нужно замѣтить, что все члены этого литературнаго общества носили прозвища, взятая изъ балладъ Жуковскаго.

маю Васъ съ чувствомъ нѣжности и признательности за все доброе, чѣмъ Вы преисполнили мою душу въ теченіи моей Петербургской пятидесятницы ⁽⁵²⁾. Кажется, что люблю Васъ еще болѣе, нежели прежде. Я довхалъ благополучно: напелъ только Андрюшу не здороваго; впрочемъ надѣюсь на милость Божию. Будемъ ждать Мая, и Васъ въ Москву. Что-то слышно о Царскомъ селѣ! Я еще нигде не выѣзжалъ, и не принимался за работу; однакожъ бумаги и книги уже разложены.

Всѣмъ нашимъ друзьямъ дружескій поклонъ—С. С., Д. Н., пусть они любятъ меня столько, сколько ихъ люблю; болѣе не потребую. При случаѣ скажите князю А. П., что я душевно почитаю его. Простите, любезнѣйшій. На вѣки Вашъ П. К.

Москва, 13 Апрѣля 1816.

Любезнѣйшій мой Александръ Пвановичъ! Дружеское письмо Ваше, отъ 3 апрѣля, тронуло меня до глубины сердца. Давно знаю, что Вы меня любите; но когда это чувствую, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особенное движеніе. Мы два Сибиряка, платимъ и даемъ въ займы другъ другу; рассчитаемся вѣрно, въ день послѣдней земной разлуки. Однакожъ могу посмѣяться надъ Вами, надъ Вашею въ меня вѣрою! она не обманетъ Васъ только въ одномъ смыслѣ: вѣрте моей искренности и дружбѣ; остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ; хочу любить, какъ можно болѣе; не мечтаю даже и о возрожденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ среду не много лучше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣнливыхъ! Жуковскій есть истинный нашъ братъ. Съ такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствуетъ Арзамасъ!—Я видѣлъ вашу матушку, и поѣду къ ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить объ Васъ. Очень желаю свидѣть что-нибудь навѣрное о Царскомъ Селѣ: мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не въ Петербургъ, гдѣ у меня

(52) Такъ называетъ Карамзинъ свое пятидесятидневное пребываніе въ Петербургѣ.

нѣтъ пристанища. Вамъ всё поручаю, можете напомнить и доброму, обязательному Князю (53). Жаль будетъ мнѣ оставитъ Москву: это мирная гавань! не говорю о людяхъ: говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Все-вышнему.

Съ любовію цѣлую ручку у С. П. (51). Сказаль бы: «для чего я узналъ ее, когда она хочетъ уѣхать изъ Петербурга?» Но хорошо и въ отдаленіи знать добрыхъ. Простите. К. А. дружески Вамъ кланяется. Обнимаю Васъ крѣпко. На вѣки преданный Вамъ Н. К.

Москва, 20 Апрѣля 1816.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Сердечное спасибо за употребленное Вами стараніе о принятіи моего племянника и Д. въ корпусъ.

Какъ любезенъ, обязателенъ Вашъ умной, доброй Князь! При случаѣ скажите ему, что я исполненъ къ нему благодарности. Ваше: «не надѣйтесь на Графа» и проч. остается для меня загадкою. Желаю однакожь, чтобы Графъ Л. не принадлежалъ къ этому числу, и чтобы онъ какъ можно скорѣе исполнилъ Государево повелѣніе и отвелъ мнѣ домъ въ Царскомъ Селѣ, куда бы я могъ прямо отсюда ѣхать. Май наступаетъ, а мнѣ нельзя будетъ тронуться съ мѣста, если не получу отъ Васъ извѣстія о домѣ. Нѣтъ нужды просить Васъ, моего юнаго друга; потому что Вы сами все для меня дѣлаете такъ ревностно, такъ мило! жду, и буду ждать.

Между тѣмъ я нездоровъ, и похудѣлъ въ Москвѣ Спѣшите вывезти меня отсюда поскорѣе: иначе могу умереть до изданія моей Исторіи. Безъ шутки, не хорошо себя чувствую; но люблю! Сверхъ жены и дѣтей, люблю и васъ, моихъ душевныхъ пріятелей, очень живо. Не забывайте дружески кланяться отъ меня С. С., Д. Н. Б. и Северину, котораго прошу напомнить обо мнѣ умному Графу Капо д'Истріа (я все

(53) Александръ Ник. Голлицинъ.

(54) С. П. Свячиной.

еще держусь Графовъ). На сихъ дняхъ я былъ у Вашей ма-
тушки; разумѣется, что мы много объ Васъ говорили, также,
какъ и дома говорю объ Васъ не рѣдко. К. А. увѣряетъ
Васъ въ дружбѣ. На вѣки Вашъ Н. К.

Москва, Мая 8 1816.

Сей-часъ получилъ Ваше дружеское письмо отъ 2 Мая,
любезнѣйшій мой Александръ Ивановичъ! Какъ добръ Вашъ
почтеннѣйшій Князь, думая о томъ, чтобы намъ было не худо
въ Царскомъ Селѣ! Домъ, кажется, дѣйствительно очень те-
сень для челоуѣка съ семействомъ, и съ маленькими дѣтьми.
Поручаю Вамъ судьбу моего тамошняго жителя-бытья. Устройте
какъ лучше. Поцѣлуйте за меня руку у доброй и милой К. Ѳ.
Можемъ ли мы, въ надеждѣ на ея милость, переночевать у
нее въ Петербургъ, куда мнѣ надобно будетъ съѣздить на
сутки, тотъ-часъ по прїѣздѣ въ Царское Село? Надѣюсь уви-
дѣться съ Вами скорѣе въ Петербургъ, нежели въ Москвѣ.
время уже кратко. Обнимаю Васъ отъ души. На вѣки предан-
ный Вамъ Н. К.

Царское Село, 18 Авг. 1816.

Желаю Вамъ добрыхъ дней и добрыхъ ночей, любезнѣйшій
Александръ Ивановичъ! Нѣтъ объ Васъ ни слуху, ни духу.
Что дѣлаете, и хотите дѣлать? Спѣшу до Вашего отъѣзда
воспользоваться еще Вашею дружескою услужливостію. 1)
Шторхъ сказывалъ мнѣ, что у Круга была продажная веле-
невая бумага Крузенштернова: нѣтъ ли еще? и сколько? и
какого формата? я купилъ бы ее. 2) Желаю имѣть Лейбни-
цовы *Scriptores Brunsv.* Томъ II. ⁽⁵⁵⁾.

Обнимаю Васъ, преданный Вамъ Н. К.

(55) *Scriptores rerum Brunsvicarum*, — издаваемы Лейбницемъ, рѣдкое со-
браніе хроникъ нѣмецкихъ, въ конхъ много о мнѣологіи Славянъ, въ Германіи
обитающихъ. Я доставилъ сіи четыре фолианта Карамзину изъ моей библіотеки,
вошедшей послѣ въ составъ библіотеки Императорскаго Московскаго Унивѣр-
ситета.

С. Петербургъ, 1 Апрѣля 1890.

Христось воскресе,

Любезный, добрый другъ Карамзиныхъ! что съ Вами было? что дѣлается? Васъ било ⁽⁵⁶⁾, а теперь ласкають: не правда ли? Просимъ однакожь въ ласкахъ Московскихъ не забывать и Петербургскихъ....

«Еще мы рукъ не опускали,
Которыми тебя прощаясь обнимали!»

Графъ Хвостовъ.

Скорѣе прїѣзжайте: или руки ваши устануть. Мы живы, ибо къ Вамъ пишемъ; здоровы, ибо такъ пишемъ. Здѣсь говорятъ: у насъ чай всегда на столѣ, а Ваша чашка закрыта мыслями *О—Узника*, или, просто, невольника: вы догадаетесь, что здѣсь разумѣется не А. И. О., а известная книжка, которой еще къ Вамъ не посылаю.

Обнимаю Васъ фамильно, братцу ⁽⁵⁷⁾ кланяюсь дружески.
Вашъ Н. К.

Пришлите пакета четыре большихъ, для историографскаго пирога, который отпускаю въ дорогу съ Царемъ ⁽⁵⁸⁾.

(Продолженіе впрѣдъ).

(56) На ухабахъ.

(57) Уже умершему.

(58) Карамзинъ отправляетъ рукопись 10 и 11-го томовъ Исторіи Государства Россійскаго, которую Государю Императору Александру Павловичу угодно было взять съ собою въ чужіе края.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ.

ПОВѢСТЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

I.

СУМЕРКИ.

Я долженъ начать съ сумерекъ: это неизбежно. Другіе, на моемъ мѣстѣ, поступили бы, можетъ быть, иначе; это ихъ дѣло; но я не могу принять на себя такой отвѣтственности и начинаю сумерками. Во-первыхъ, я рѣшительно не постигаю, что могло бы быть предосудительнаго въ такомъ случаѣ? Во-вторыхъ, я не встрѣчалъ еще смертнаго, который не чувствовалъ бы особеннаго влеченія къ сумеркамъ. Начиная съ людей зрѣлаго возраста, словомъ сказать: людей солидныхъ, степенныхъ, которые сознаются, что нѣтъ высшаго наслажденія, какъ сидѣть въ сумерки передъ каминомъ и, переваривая сытный обѣдъ, прихлебывая въ то же время кофе съ коньякомъ или коньякъ безъ кофе, и кончая молодыми людьми, радостно ожидающими четырехъ часовъ вечера, чтобъ взять подъ мышку портфель и ловко пройтись по Невскому Проспекту; кончая даже ничтожнымъ, жалкимъ, какимъ-нибудь сверчкомъ, который съ явнымъ нетерпѣніемъ сторожитъ минуту солнечнаго заката, чтобъ затянуть свою пѣсню—всѣ, рѣшительно всѣ любятъ сумерки!

Но смѣю увѣрить, всѣхъ этихъ причинъ было бы, можетъ статья, еще не довольно, если бы точно не предстояла мнѣ

самая крайняя надобность начать именно сумерками. Это фактъ, фактъ, противъ котораго станутъ спорить тѣ только, которые, по какимъ бы то ни было личнымъ причинамъ, не захотятъ вникнуть въ положеніе человѣка, принявшаго на себя обязательство прослѣдить за всѣми періодами длиннаго зимняго вечера. Всякій вечеръ — это ужь несомнѣнно — начинается сумерками, и, слѣдовательно, повесть, имѣющая предметомъ изображеніе вечера, неизбѣжно должна начаться съ сумерекъ; самая логика вѣмѣетъ передъ такимъ выводомъ.

И такъ, чтобъ не откладывать дѣла въ долгіе ящики, совѣтую вамъ зажмурить скорѣе глаза, мысленно закутаться въ шинель, или шубу, и представить себѣ, что вы прогуливаетесь въ пятомъ часу вечера по петербургскимъ улицамъ.

Сумерки только что начались. Блѣдно-зеленый закатъ разлиываетъ холодный полусвѣтъ на кровли домовъ; мало по малу въ глубинѣ улицъ все начинаетъ сѣрѣть и меркнуть; въ потемнѣвшемъ небѣ зажглась ужь первая звѣзда — звѣзда любви, какъ называютъ ее обыкновенно въ провинціи, потому, вѣроятно, что тамъ любятъ засматриваться на нее барышни.... Но петербургскія барышни мало занимаются астрономіей; въ Петербургѣ думаютъ только о Невскомъ Проспектѣ — этой звѣздѣ петербургскихъ улицъ! Но это милоходомъ. Съ каждой секундой дневный свѣтъ замѣтно уступаетъ шагъ сумеркамъ; пѣшеходы съ трудомъ различаютъ черты другъ друга; только и видишь, что бороды, усы и мѣховые воротники, опущенные инеемъ. Страшно-холодно! Такого холоднаго вечера не было еще, кажется, во всю зиму. Закутайтесь плотнѣе въ шубу (этакая, право, отличная выдумка эти шубы!), закутайтесь плотнѣе и ускоримъ шагъ. Предметы путаются, мѣшаются съ темнотою; мы перестаемъ различать бороды, усы и воротники, осыпанные снѣжными иглами. При трепетномъ мерцаніи звѣздъ, которыми осыпалась теперь неизмѣримая глубина небеснаго свода, смутно даже обозначаются верхнія части домовъ съ ихъ кровлями и цѣлымъ милліономъ трубъ, которыя, какъ окаменѣлое море, безмолвно высятся и пропадаютъ въ пространство.... Замѣчаете ли вы, какая тишина овладѣла

вдругъ городомъ? Точно сибарить, жереваивающій свой обѣдъ и заснувшій въ сумерки передъ каминою. Вы различаете отдѣльные звуки: пѣсьиъ извощика-ваньки въ отдаленны, колоколь, визгъ колесъ по снѣжной, насквозь промерзнувшей мостовой, чего никакъ не услышишь въ другое время дня, когда тысячи отдѣльныхъ звуковъ сливаются въ одно общее неопредѣленное журчанье, схожее съ звукомъ, который издають большія морскія раковины, поставленныя къ уху. Городъ, какъ бы утомленный страшною суетою утра, притихъ на минуту и собирается съ свѣжими силами для пресровожденія такого же суетливаго, хлопотливаго вечера. Но морозъ никого не разбираетъ, и повѣрите, всѣ столбичные носы, которымъ вздумается въ этотъ вечеръ высунуться на воздухъ, всѣ носы, безъ исключенія, начиная съ греческаго носа, которымъ такъ справедливо гордится Франтъ, а кончая крупнымъ носомъ лавочника — всѣ почувствуютъ въ равной степени холодъ! Никакъ не менѣе двадцати градусовъ! А говорятъ еще, что въ Петербургѣ теплѣе, чѣмъ въ другихъ сѣверныхъ столицахъ! Хорошо и здѣсь: вы чувствуете на лицѣ что-то похожее на остріе бритвы: такъ и рѣжетъ! бррр! Къ этому, впрочемъ, надо сказать, сильнѣйшимъ образомъ способствуетъ вѣтеръ. Онъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу тѣхъ всемогущихъ, свойственныхъ одному только Петербургу вѣтровъ, который, если стать на перекресткѣ, хоть, наприимръ, у «Пяти Угловъ», будетъ дуть на васъ со всевозможныхъ концовъ свѣта въ одно и тоже время, и, что всего замѣчательнѣе, будетъ дуть непременно до тѣхъ поръ, пока не наградитъ васъ жабой; не говорю о флюсѣ: это само собою разумѣется. Таково ужъ, видно, свойство этого вѣтра.

Все идетъ, однакожь, своимъ обычнымъ порядкомъ. Сигналомъ городского пробужденія были, какъ и всегда, фонарщики; закутавшись съ головы до ногъ рогожей, придерживая одной рукой складную лѣстницу, другой рукой фонарь, они неожиданно, какъ привидѣнье въ театрѣ, явились на всѣхъ углахъ и тотчасъ же принялись за свое дѣло. Сквозь мранъ, окончательно сгустившій, мелькнули сначала рѣдкіе

оговнки, потомъ, какъ бы перескакивая съ мѣста на мѣсто, они разбѣгались по вѣсѣмъ направленіямъ, и наконецъ стали вытягиваться стройными, сверкающими линіями. Казалось издали, какъ-будто исполинская, невидимая рука торопливо водила огненнымъ перомъ, спѣша обозначить планъ огромнаго города... Нижнія части домовъ поминутно выступали изъ мрака; длинныя волнующіяся тѣни бѣгали по освещеннымъ стѣнамъ, и, выростая наравнѣ съ кровлями, чуть ли не досягали до краснаго зарева, все шире и шире распространявшагося надъ столицей. Человѣкъ, незнакомый съ Петербургомъ и подъѣзжающій къ нему въ эту минуту, легко могъ подумать, что городъ въ опасности, и пылаетъ со всѣхъ концовъ; зарево видѣлось въ десяти верстахъ; то былъ, однакожь, отблескъ нѣсколькихъ сотенъ газовыхъ фонарей, которыми каждый вечеръ убирается Невскій Проспектъ. Городъ свѣтлѣлъ и оживалъ съ каждою секундой. Толпы народа шумно высыпали на троттуары; экипажи съ своими фонарями, похожими на два огненные глаза, стремительно неслись съ Литейной, Морскихъ, Садовой и проч. и проч. Вскорѣ въ улицахъ стало тѣсно, городской шумъ дѣлался слышнѣе и слышнѣе; можно было думать, что постепенно, одну за другой, открывали шлюзы исполинской плотины.

Впрочемъ, въ этотъ вечеръ все необходимо должно было шумѣть и волноваться болѣе обыкновеннаго; вечеръ этотъ былъ, безспорно, самый замѣчательный изъ числа трехсотъ-шестидесяти, потому что имъ оканчивался протекшій годъ.

Въ ознаменованіе такого важнаго событія, въ каждомъ почти окнѣ, даже самыхъ верхнихъ этажей, горѣли двѣ свѣчки. Но праздничный видъ обывательскихъ оконъ ничего не значилъ передъ окнами магазиновъ; блескъ ихъ ослѣплялъ глаза. Каждое окно въ этотъ достопамятный вечеръ представлялось чѣмъ-то въ родѣ маленькой лондонской выставки; газовое пламя повторялось на серебряныхъ сервизахъ, скользило по фарфору, пронизывало граненый хрусталь, играло на золотыхъ и бронзовыхъ издѣліяхъ, освѣщало дорогія ткани, платья, чепцы, шляпки, ленты, дробилось въ стеклянныхъ

вазахъ, наполненныхъ дра и конфектами, и ярко выставяло на-показъ безчисленныя бонбоньерки самыхъ затѣливыхъ формъ, и ужъ, конечно, самыхъ недоступныхъ цѣнъ. При видѣ такихъ сокровищъ, деньги сами собою приходили въ движеніе и перевертывались въ карманъ то копьемъ, то рѣшеткой. Праздничный видъ улицъ привлекалъ на тротуаръ почти все народонаселеніе; мелкіе торгаши, пользуясь освѣщеніемъ изъ оконъ, привлекали въ свою очередь народъ, выставя на-показъ лотки съ яблоками, орѣхами и другими лакомствами. Толпа видимо прибывала. Лица, не имѣвшія ровно никакой надобности выходить за ворота, даже тѣ, которыя, по разсѣянности, забыли припасти къ зимѣ теплую одежду, и тѣ покидали свои жилища. Толпы мальчишекъ въ пестрядиныхъ халатахъ, заграждали дорогу; равнодушные къ холоду (было, однакожъ, какъ я вамъ сказывалъ, двадцать градусовъ мороза), равнодушные къ холоду, они стояли какъ околдованные передъ магазинными окнами. Улицы превращались въ великолѣпное гулянье, чему не мало содѣйствовали экипажи, летѣвшіе по всѣмъ направленіямъ и поминутно подкатывавшіе къ троттуарамъ. Изъ экипажей ловко выпрыгивали дамы въ чернобурыхъ лисицахъ и господа въ бобрахъ и собольихъ шубахъ; нѣсколько секундъ пробирались они между рядами пальто, халатовъ, шинелей, шляпокъ и лицъ сомнительной свѣжести, потомъ входили въ магазины и присоединялись къ другимъ дамамъ въ чернобурыхъ лисицахъ, къ другимъ господамъ въ бобрахъ и соболяхъ. Въ толпѣ, гулявшей на троттуарѣ, обнаруживалось тогда еще больше движенія; все жалось и тискалось другъ на дружку, стараясь разсмотрѣть, какъ господа въ бобрахъ и дамы въ чернобурыхъ мѣхахъ выкладывали на конторки бумажники, снабжали лакеевъ покупками, выходили изъ магазиновъ и снова улетали въ своихъ экипажахъ, чтобъ дать мѣсто другимъ каретамъ, другимъ покупателямъ. Радость и довольство сіяли, однакожъ, на всѣхъ лицахъ, какъ на тѣхъ, которыя багровѣли отъ жара внутри магазиновъ, такъ и на тѣхъ, у которыхъ бѣжали отъ холода носъ и щеки. Новый

годъ ! Черезъ пять-шесть часовъ наступитъ новый годъ!... Хотя новость эта рѣшительно не объясняетъ причину всеобщей радости, но фактъ тотъ, однакожъ, что всѣ лица безъ исключенія казались очень довольными.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ замѣтить, что во всей этой толпѣ, гулявшей по Петербургу, самая веселая лица, безъ различія сословій и состояній, принадлежали все-таки тѣмъ смертнымъ, которые имѣли счастье называться отцами семействъ, мужьями, крестными отцами, дѣдушками и влюбленными.

Не мѣшаетъ сказать: въ Петербургѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ Европы, существуютъ двѣ знаменитыя эпохи въ году, когда наступаетъ рѣшительное торжество для вышеупомянутыхъ особъ ; эпохи эти : Новый годъ и Свѣтлое Христово Воскресенье. За недѣлю до этихъ праздниковъ, Петербургъ перестаетъ ужъ быть Петербургомъ, и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, превращается въ Аркадію : жены дѣлаются необычайно любезными и начинаютъ ухаживать за мужьями ; дѣти начинаютъ отлично учиться ; дяди, дѣдушки и крестные отцы встрѣчаютъ полныя балы въ школьныхъ рапортчикахъ племянниковъ и внуковъ ; влюбленные и ухаживатели всякаго рода, терявшіе надежду на счастье въ продолженіе цѣлыхъ шести - семи мѣсяцовъ, теряютъ теперь голову отъ избытка надеждъ и радостей ; словомъ , въ эти блаженные дни идетъ непрерывный обменъ улыбокъ, привѣтливыхъ рвчей , обворожительныхъ billets doux, заманчивыхъ взглядовъ, трогательныхъ пожатій рукъ, сладко звучащихъ поцалуевъ, такъ что вчужъ беретъ зависть ! Самые слуги, кучера, кухарки и дворники дѣлаются вдругъ учтивыми, обнаруживаютъ просвѣщеніе и поражаютъ политичностью тончайшаго свойства ; просто золотой вѣкъ ! И вотъ всѣ эти отцы, мужья и влюбленные, не зная , чѣмъ бы лучше выразить свою признательность , бѣгаютъ какъ угорьные по всѣмъ магазинамъ , покупаютъ платья, шапки, дорогую мебель, брилліанты, кареты, шляпки, конфекты, даже домы и орловскихъ рысаковъ. Большинство человеческого

общества состоитъ изъ отцовъ, дѣдовъ, дѣтей, дядей и влюбленныхъ, и вотъ почему, благодаря яркому освѣщенію, намъ попадаются однѣ только радостныя физиономіи; казалось, каждый несъ въ карманъ вѣрную расписку въ томъ, что новый наступающій годъ будетъ для него несравненно счастливѣе протекшаго. Да, веселье было на всѣхъ лицахъ безъ исключенія! Веселье проникало всюду: оно разгуливало вмѣстѣ съ вѣтромъ по всѣмъ перекресткамъ и улицамъ, заглядывало подъ каждыя ворота, взбиралось по всѣмъ лѣстницамъ, навѣдывалось во всѣ этажи, въ подвалы, на чердаки; распространялось по всѣмъ городскимъ частямъ и кварталамъ, словомъ: всюду, гдѣ только знали о приближеніи новаго года; и гдѣ жъ этого не знали?

Что говорить! Въ многочисленной семьѣ петербургскихъ улицъ (семья, вы знаете, не безъ урода), могли, конечно, существовать (и вѣрно существовали), такіе отдаленныя, глухіе переулки, гдѣ трудно сыскать малѣйшій признакъ торжества; могли найдтись улицы, въ которыхъ приближеніе новаго года ни чѣмъ не обозначалось, если не считать площадокъ, выставленныхъ хозяевами мелочныхъ лавочекъ, и тотчасъ же, впрочемъ, погашенныхъ вѣтромъ; но о такихъ захолустьяхъ говорить не стѣдуетъ послѣ Невскаго Простекта. Ну, что въ самомъ дѣлѣ хорошаго въ этихъ далекихъ переулкахъ, куда шумъ заселенной части столицы едва-едва доходитъ чуть внятнѣмъ гуломъ, гдѣ едва слышатся радостныя восклицанія гуляющей толпы и трескъ экипажей; гдѣ все безмолвствуетъ, кромѣ вѣтра, который украдкою, какъ ворюшка, пробирается вдоль заборовъ, раскачиваетъ одинокіе беззащитные фонари, и сметаетъ мелкій снѣгъ съ кровель низенькихъ деревянныхъ домиковъ? Что хорошаго въ этихъ закоулкахъ? Куда ни взглянешь — пустырь, да пуетырь! Дома то и дѣло прерываются заборами, такъ, что заборъ больше, чѣмъ домовъ: домъ, потомъ заборъ; опять домъ и опять заборъ; а тамъ, далеко, какъ словно на другомъ концѣ свѣта, мелькаетъ огонекъ будки. Рѣшительно никакого развлеченія ни для ума, ни для глаза! Изрѣдка, развѣ, пробѣжитъ, под-

жавъ хвостъ и обнюхивая васъ, жалкая собачонка, потерявал своего хозяина. Пешеходы попадаютъ рѣдко, а если и попадаютъ, то все какіе-то несообщительные: запрячуетъ руки въ карманъ, уйдетъ съ головою въ воротникъ (хорошо еще, если есть воротникъ); нѣтъ, чтобъ сказать вамъ пріятливое слово; не освѣдомится даже о нашемъ имени и отечествѣ, чтѣ, какъ извѣстно, исполняется въ этотъ вечеръ новаго года всѣми людьми мало-мальски знакомыми съ приличіемъ и общежитіемъ. Но даже и такіе прохожіе рѣдки.

Позвольте... вотъ снова скрипятъ чьи-то шаги за угломъ, снова кто-то приближается. Перейдемъ на другую сторону троттуара. Вѣрно, опять какой-нибудь забулдыга? Точно. Вотъ приближается онъ къ фонарю. Онъ не одинъ, однакожь, съ нимъ мальчикъ. Жалкія фигуры!

Мальчику лѣтъ семь, не больше; продолговатое лицо мальчика миловидно, но въ настоящую минуту безъ всякой пріятности: ни улыбки, ни живаго веселаго взгляда, свойственнаго дѣтскому возрасту; одѣтъ онъ, правда, плохо; но неужели такое ничтожное обстоятельство въ силѣ ужъ на него дѣйствовать? И то издо сказать, впрочемъ, въ этомъ переулкѣ вѣтеръ, не заслоненный высокими домами и толпою, свирѣпѣетъ безъ милосердія! Холодно, ухъ какъ холодно! Спутникъ мальчика тоже, кажется, не можетъ похвастать гардеробомъ; по всему видно, онъ въ тонкихъ, какъ говорится. Но это собственно ничего; главная причина неудовольствія, отпечатаннаго на лицѣ его, заключается, кажется, въ томъ, что мальчикъ дрожитъ отъ стужи и грозитъ превратиться въ ледяную сосульку. Можетъ такъ, а можетъ и иначе. Во всякомъ случаѣ, человекъ въ тонкихъ сплелъ съ себя какое-то подобіе шерстянаго шарфа, служившее галстукомъ, и плотно обернулъ имъ шею мальчика, который во все время, какъ продолжалась эта церемонія, перескакивалъ съ ноги на ногу и дулъ въ маленькіе кулаки свои. Освободивъ себя отъ шарфа, спутникъ мальчика остался въ ветхомъ пальто, такихъ же панталонахъ

и картузь, изъ-подъ котораго вырывались въ беспорядкѣ длинныя пряди кудрявыхъ, черныхъ, какъ смоль, волосъ.

Тусклый блескъ фонаря даетъ намъ возможность рассмотреть лицо его; оно отвѣчаетъ, какъ нельзя лучше, одеждѣ: также изпошено и жалко, хотя нѣсколько помоложе платья. Понятно, что съ такимъ костюмомъ и наружностью не слѣдовало показываться на Невскомъ Проспектѣ, не говорю отъ двухъ до четырехъ часовъ, но даже въ настоящую пору. Если прибавить, что человекъ въ тонкихъ сильнѣйшимъ образомъ хромалъ на одну ногу и носилъ сапоги, имѣвшіе такой видъ, какъ будто нѣсколько разъ обошли вокругъ свѣта, всякой согласится, что поступалъ онъ даже благо разумно, удаляясь отъ Невскаго Проспекта.

И въ самомъ дѣлѣ, какаѣ была ему надобность идти на Невскій? Принимая въ соображеніе жалкій видъ пальто и сапоговъ, трудно было предположить, чтобъ владѣтель ихъ имѣлъ возможность зайти въ англійской магазинъ и купить японскую вазу, или подняться къ Бале и купить фунтъ конфетъ à la Montpensier, для своего спутника. Что жъ касается до того, чтобъ раздѣлять всеобщую радость, потискаться въ толпѣ, поглазѣть на окна магазиновъ, ему также, кажется, не до того было: онъ оставался по-видимому совершенно равнодушнымъ къ приближающемуся новому году. Такъ по крайней мѣрѣ говорило блѣдное лицо его, освѣщенное фонаремъ; оно служило, сверхъ того, несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ карманѣ человека въ тонкихъ не находилось даже росписки въ томъ, что новый приближающійся годъ будетъ для него счастливѣе протекшаго года.

II.

ЯША ЖИЛЕТНИКОВЪ.

Было время, мой почтенный читатель, этому не очень давно, когда покрой пальто, фасонъ шляпы, цвѣтъ перчатокъ и

блескъ сапоговъ пмѣли для меня огромное значеніе въ моей публичной жизни. Публичная жизнь моя, нужно вамъ сказать, заключается въ томъ, что я гуляю отъ двухъ до четырехъ часовъ по-полудни каждый день по Невскому Проспекту. Не правда ли, такое мелочное чувство недостойно чловѣка, имѣющаго нѣкоторое притязаніе на званіе чловѣка образованнаго и просвѣщеннаго? Я совершенно съ вами согласенъ. Мало этого: я дошелъ теперь, слава Богу, до того, что мысленно начинаю презирать людей, которые, увидя на улицѣ пріятеля или родственника въ иорыжѣвшей шляпѣ, кпадутся въ ближайшій магазинъ, чтобъ избѣжать случая пожать ему руку. При всемъ томъ чувствую, что далеко еще не исправился. Такъ, напримѣръ, гуляя по отдаленнымъ переулкамъ Петербурга, даже по Гороховой, Вознесенской, Садовой и прочимъ, я вполне еще владѣю собою: мнѣ въ голову не приходитъ поглядѣть, все ли въ порядкѣ на плечахъ встрѣтившагося пріятеля; но странное дѣло! стѣнитъ только попасть на Невскій, особенно на солнечную, фешенебельную сторону, убѣжденія мои исчезаютъ какъ дымъ; чувство пошлаго, ложнаго стыда овладѣваетъ тотчасъ же слабымъ существомъ моимъ; я готовъ лучше провалиться сквѣзь землю, чѣмъ пройтись рука объ руку съ знакомымъ, у котораго на рукахъ перчатки съ завиточками на концѣ пальцевъ, горбъ на спинѣ, или другой какой-нибудь недугъ, рѣзко бросающійся въ глаза. Знаю, меня нисколько не оправдываетъ множество друзей и пріятелей, которые раздѣляютъ мою слабость — очень хорошо знаю! Но, что жь прикажете дѣлать! страннымъ, непостижимо-страннымъ движеньямъ подвержена душа чловѣческая! Но странная также, неизвѣданная пока еще, тайна заключается, должно быть, и подъ плитамъ этого троттуара солнечной стороны, троттуара, имѣющаго свойство превращать походку чловѣка, его лицо, чувства, образъ мыслей, точку зрѣнія, и даже убѣжденія! Какъ видите, я далеко еще не исправился; время отъ времени, все еще нападаютъ самыя непохвальныя, франтовскія какія-то полосы. Такъ, напримѣръ, мнѣ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается совѣстно

поѣхать на ванькѣ (а между тѣмъ у меня никогда не было кареты; нечего даже и надѣяться; никогда и не будетъ); лицо мое вдругъ принимаетъ тогда выраженіе какой-то комической важности; самодовольство проглядываетъ въ каждомъ моемъ движеніи; сердце, это доброе, впечатлительное сердце, неожиданно охлаждаетъ къ лучшимъ друзьямъ, не имѣющимъ собственнаго экипажа; я измѣняю даже тогда старинному портному своему, скрывающемуся подъ скромной фирмой: *Au raucge diable*, и мысленно даю себѣ слово заказывать платье у столь прославленнаго Шармера, и проч. и проч. Въ такіе несчастные дни я за себѣ не ручаюсь; я чувствую, что откажусь отъ лучшаго друга, даже въ глухомъ переулкѣ. За доказательствами идти недалеко: мнѣ хотѣлось рассказать вамъ исторію одного стариннаго моего пріятеля (съ этою цѣлью принялся собственно нынче за перо), и что жь?! Одна мысль, что знакомый мой принадлежитъ къ сословію оборванцевъ, носить картузь, и не только не носить голландскаго бѣлья, но даже не имѣетъ манишки, смутило меня совершенно; я запнулся, замлся на первомъ же словѣ. Въмѣсто того, чтобъ прямо, откровенно приступить къ дѣлу, я началъ чуть ли не съ заката солнца, ни дать ни взять какъ одинъ мужичокъ расиновской комедіи: *Les Plaideurs*, который начинаетъ съ сотворенія міра, рассказывая о пропажѣ пѣтуха; я водилъ васъ по петербургскимъ улицамъ, приплелъ, ни къ селу ни къ городу, сумерки, показавъ вамъ героя моего сначала подъ фонаремъ, словомъ: изловчался всѣми возможными способами, и все это для того только, чтобъ не сказать вамъ чистосердечно, что, въ числѣ моихъ пріятелей, находится одинъ оборванный!

Но раскаяваться, говорить, никогда не поздно. Основываясь на этомъ, скажу вамъ безъ обиняковъ, что человекъ въ тонкихъ, встрѣтившійся намъ въ переулкѣ, пользуется давнишней моей дружбой; я не остановлюсь на такой хорошей дорогѣ и тутъ же объявлю, что онъ никто иной какъ гаеръ Яша Жилетниковъ!

Не, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо извѣстно прямое

значение слова гаеръ. Въ провинціи, напримѣръ, о гаерахъ знаютъ только по наслышкѣ.

Подъ именемъ гаера, позволите ли видѣть, разумѣютъ смертныхъ обоюга пола, которые, по меткому простонародному выраженію, ломаются въ балаганахъ на святой и на масляной; а въ остальное время года добываютъ насущный хлѣбъ, посѣщая дворы большихъ домовъ, и, при содѣйствіи бубенъ и шарманки, кувыркаются черезъ стулья, ходятъ вверхъ ногами, прыгаютъ лягушкой, пригибаютъ затылокъ къ плиткамъ, и прочее и прочее.

Гаеры, надо правду сказать, народъ вообще незажиточный; капиталистовъ насчитываютъ между ними весьма мало.

Несомнѣнно, однакожъ, что изъ большаго числа злополучныхъ смертныхъ, принадлежащихъ къ гаерскому сословію, самый злополучный былъ пріятель мой Яша Жилетниковъ.

Жилетниковъ, прошу замѣтить, не фамилія; фамилія Яши затеривается въ мракъ неизвѣстности; я сомнѣваюсь даже, была ли у него когда-нибудь фамилія. Жилетниковъ — прозвище. Подобно большей части своихъ собратьевъ, Яша началъ свое поприще не на подмосткахъ балагана, хотя имѣлъ бы на то полное право, но на подмосткахъ, или на нарахъ портняжнаго заведенія, гдѣ, нѣсколько лѣтъ сряду, сидѣлъ поджавъ ноги себя поги, на турецкій манеръ; а такъ какъ курсъ его ученія начался и ограничился шитьемъ однихъ жилетовъ, дальше онъ не пошелъ, его и прозвали Жилетниковымъ.

Я не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые страстно любятъ пускаться въ ученія изслѣдованія и рѣшаютъ труднѣйшія задачи, хотя сами не твердо еще увѣрены въ разницу между магнитизеромъ и импровизаторомъ, часто смѣшиваютъ слово псевдонимъ съ анахронизмомъ, придаютъ ученое значеніе слову Шехеразада, и если въ продолженіе вечера разъ произнесутъ слова эксцентризъмъ или субъектъ, то думаютъ, что сказали Богъ въсть какую мудрость; нѣтъ, я не принадлежу къ такимъ мудрецамъ, и потому не берусь рѣшить причины, заставившей Яшу Жилетникова промѣнять блестящую карьеру портняга на шаткое гаерское поприще.

Разумѣется, если смотрѣть съ философской точки зрѣнія, послѣднее ремесло ничуть не хуже перваго ; съ этой точки гаерство можетъ даже казаться выгоднымъ : давно ужь, вѣдь, доказано, что гибкость — великое дѣло! Я увѣренъ, однакожь, что Яша былъ далекъ отъ подобнаго воззрѣнія; практическая, чисто матеріальная сторона гаерскаго ремесла, тоже не занимала его мысли; съ этой точки ремесло гаера ровно никуда негодится !

Хорошо, когда природа, всегда щедралъ въ дарахъ своихъ, снабдить геркулесовской силой, крѣпкими ногами, которыя не знаютъ усталости, толстою кожей, которая не чувствуетъ холода подъ трико тѣлесно-кирпичнаго цвѣта, и такими здоровыми костями, что если случится шлепнуться со всего маха на мостовую послѣ неудачнаго *salte-mortale*, то стѣять только крикнуть, да отряхнуться, чтобъ избавиться отъ контузии. Но что, если природа отыметъ физическіе дары свои? что, если снабдить узенькою чахоточною грудью, тонкими членами? Тогда что?.. И тогда, впрочемъ, ничего не произойдетъ особеннаго; точно также пойдетъ все своимъ чередомъ ; надо же какъ-нибудь существовать и съ тощей грудью ! Живой примѣръ этого видимъ мы въ Яшѣ Жилетниковѣ.

При всемъ томъ, Яша никогда не ропталъ на судьбу свою; мало того, хотя иногда не подъ силу было держать на полу стулъ съ сидѣвшимъ на немъ мальчикомъ, (тѣмъ самымъ, котораго видѣли мы въ переулкѣ); болезненно напрягались тощіе мускулы и дрожали локти, когда приводилось ходить на рукахъ, но публика встрѣчала всегда улыбку на лицѣ Яши Жилетникова. Яша гордился этой улыбкой. Съ однимъ только не могъ онъ никакъ справиться; не будь этого, онъ жилъ бы поживалъ припѣваючи: Яша странно зябокъ отъ природы; холодъ сокрушалъ его совершенно ; стоило появиться десятиградусному морозу, добродушная улыбка мгновенно исчезала съ лица Яши ; самое лицо его какъ будто измѣнялось тогда: скорчивалось, синѣло, зубы начинали щелкать, словомъ: онъ не походилъ на самого себя.

Такая слабость, прощительная всякому другому, вовсе не

шла, однакожь, къ чловѣку, прямая обязанность котораго заставляла, такъ сказать, красоваться въ трико во всякое время года. Говоря откровенно, тутъ все-таки не могло бы еще быть большой бѣды: мало ли на свѣтъ благодѣтельныхъ средствъ, для предохраненія себя отъ стужи: коньякъ, вапри-мѣръ, согрѣваетъ очень хорошо внутренность; другіе пьютъ ромъ или водку; третьи предпочитаютъ всему пѣнное; но горе въ томъ, что Яша не бралъ въ ротъ ни того, ни другаго, ни третьяго; вообще говоря, Яша былъ чловѣкъ трезвый, кроткій, смиренный. Онъ былъ даже, я вамъ скажу, честный чловѣкъ; меня не увлекаетъ пріязнь, я говорю сущую правду. За годъ, до настоящаго времени, онъ нашелъ, идучи разъ переулкомъ, бумажникъ; въ бумажникъ находились деньги, и чтожь! Яша представилъ все въ цѣлости, въ полицію, о чемъ было даже своевременно напечатано въ газетахъ.

Но о дѣлахъ зрѣлаго возраста послѣ; возвратимся къ дѣтству.

Семи лѣтъ отъ роду, Яша остался круглымъ сиротою; родства большаго не было; была одна только мать, да и та торговала яблоками, да гнилыми апельсинами, на Вознесенскомъ мосту. Наслѣдство, какъ можете себя представить, осталось небольшое: всего, кажется, два пара затасканныхъ башмаковъ, головной платокъ въ клѣткахъ и дырахъ, платье, пережившее ужъ нѣсколькихъ владѣлицъ, и купленное первой владѣлицей на Толкучемъ рынкѣ; еще остался лотокъ съ початой дюжиной гнилыхъ апельсиновъ. Трудно рѣшить, что стало бы съ бѣднымъ мальчикомъ послѣ того, какъ съедены были апельсины, еслибъ не явился вдругъ благодѣтель-дворникъ сосѣдняго дома. Петербургскіе дворники пользуются вообще обширнымъ кругомъ знакомства; многіе пользуются даже кредитомъ въ мелочныхъ лавкахъ.

Дворникъ взялъ сироту подъ свое покровительство; и не прошло недѣли послѣ похоронъ яблочной торговки, какъ ужъ Яша грѣлъ уюты у портнаго мастера; то-то было ему тепло тогда!—Но — увь! его вскорѣ оторвали отъ вѣчки и засадили за работу. Портняжное ремесло не далось Яшѣ:

онъ былъ къ нему какъ-то видно не сроденъ; дойдя до жилета, Яша сталъ въ тупикъ, какъ становятся въ тупикъ нѣкоторые воспитанники, когда дѣло доходитъ до дифференціального вычисленія. Фракъ, пальто, панталоны — все это было такъ же недоступно иголкъ маленькаго Яши, какъ недоступна квадратура круга уму математиковъ. Яша не увлекался, однакожъ, примѣромъ товарищей; прогулки по Крестовскому, куреніе табаку, кедровые орѣхи, кутежъ—все это для него не существовало; тогда ужъ начиналъ мерещиться ему балаганъ, камзолы, шитые блестками, перья на головахъ дамъ, выѣзжающихъ на балконы балагановъ, люди, бѣгающіе на рукахъ и пляшущіе на канатъ подъ тактъ турецкаго барабана и прочее. Самъ онъ говорилъ мнѣ не разъ: «Какъ услышу, говорить, шарманку на дворѣ, такъ даже, поверните ли, инда поджилки задрожать!» При видѣ гаера, вытѣмляющаго штуки на коврѣ, сердце Яши Жилетникова билось какъ птица, посаженная въ клетку. Наконецъ, онъ не выдержалъ: бросилъ жилеты и поступилъ въ труппу какого-то канатнаго плясуна и вмѣстѣ съ тѣмъ акробата. Что прикажете дѣлать съ призваніемъ!

Не стану утруждать васъ описаніемъ, какъ провелъ Яша первые годы пребыванія своего на новомъ мѣстѣ. То была жизнь, преисполненная самыхъ горькихъ испытаній; пересчитать всѣ неудачные скачки Яши, перечестъ всѣ случаи, когда онъ могъ сломить шею, такъ же трудно, какъ перечестъ число шкаликовъ на петергофской иллюминаціи. Мы прямо пройдемъ къ той эпохѣ, когда онъ твердою ногою стоялъ на канатъ безъ помощи балансира и бѣгалъ на рукахъ такъ же свободно, какъ на ногахъ. Этому назадъ лѣтъ шесть. Труппа, въ которую поступилъ онъ тогда, была весьма многочисленна; стоить взглянуть на афишки того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ; тутъ могли вы видѣть и сирійскія игры, и египетскія пирамиды, и гимнастико-акробатическія штуки, и пантомимы и даже живыя картины. Къ величайшему несчастью Яши, (я говорю теперь отъ себя; Яша думалъ объ этомъ иначе), въ этихъ живыхъ картинахъ участвовали

живых женщины. Яша был также живой человек. Ну, разумеется, сами знаете, сердце не камень... Яша влюбился. Стоя за кулисами в одном трико, (сколько раз Яша говорил мне об этом), забывал он стужу, глядя, как возлюбленная его, приняв оборотительную позу, вертелась перед публикою на деревянном помосте! Судьба покровительствовала ему в этот период его жизни; в какой-то пантомиме они объяснились. Хорошо то по крайней мере, что дело было на чистоту: Яшу никто не завлекал, никто не обманывал; благодаря амплу возлюбленной в живых картинах, благодаря повертыванью на деревянном помосте, Яшу представлялся случай рассмотреть, так сказать, будущую судьбу свою со всех возможных сторон. Объяснение произошло в начале пантомимы, а в конце оба уже решились соединиться брачными узами. Получить согласие родных было нетрудно: отец невесты находился тут же в балагане; он играл в оркестре на кларнете.

Меня берет иногда раздумье при мысли, зачем женятся некоторые люди? Я встречал в жизни непостижимые случаи. Так, например, знал я одного человека, который отзывался всегда с негодованием о семейной жизни. Случилось ему раз купить на аукцион двухспальную кровать за очень дешевую цену; и что же бы вы думали? С этого самого дня, как по волшебству какому-то, перевернулся вверх дном весь его образ мыслей; он стал даже заговариваться, толкуя о подруге жизни, детках и семейных радостях. Неделью спустя, я был шафером на его свадьбе; в нетерпении своем он не позаботился даже о выборе: женился на дочери соседнего чулочника! Знал я другого человека; то был по-просту дворовый человек средней руки. Приходит он раз к своему господину и просит позволения жениться. Господин советует ему бросить такую мысль, представляет все резоны, молодость лет и прочее. Хорошо. Неделью спустя, дворовый человек снова прибегает с тою же просьбой. Барин снова усовещивать. Еще проходит неделя, начинается та же история; на этот раз,

однакожь, видъ двороваго человѣка какъ-то особенно встревоженъ.

— На комъ же ты хочешь жениться? — спрашиваетъ баринъ.

— Такъ и такъ, говоритъ, власть милости вашей; наша, говоритъ, помойка Матрена...

— Какъ же тебѣ не стыдно, возражаетъ удивленный баринъ:—сколько мнѣ известно, и ты самъ это знаешь, Матрена не стоить твоего мизинца...

Тутъ господинъ развиваетъ ему свой образъ мыслей касательно помойки. Дворовый человѣкъ совершенно соглашается; мало того, онъ присовокупляетъ еще къ свѣдѣнїямъ барина свои собственныя, не дѣлающїя чести невѣстѣ; но это не мѣшаетъ ему, однакожь, настаивать на своемъ.

— Такъ и такъ, говоритъ, такая ужь, знать, судьба моя!

Баринъ настоятельно требуетъ тогда разъясненїя такого отчаяннаго увлеченїя.

— Знаю, сударь, все знаю, говоритъ дворовый человѣкъ, рыдал на-взрыдъ:—все знаю, говоритъ:—знаю, и такая она и ская, но какъ же быть-то? Вѣдь я, сударь, о прошлой свитой ей подарилъ ситцевое платье въ восемь съ полтиной; такъ какъ же? неужто ему такъ и пропадать?

Дѣлать было нечего, парень обвинчался и до сихъ поръ еще не наплачется. Нечего сказать, солоно-таки обошлось ему ситцевое платье! Но это такъ только, къ слову пришлось.

Яша женился столько же по любви, сколько по разсудку, и, слѣдовательно, его дѣло совсѣмъ другаго рода. Онъ былъ совершенно счастливъ; лучшимъ доказательствомъ служить то, что не проходило года безъ того, чтобъ жена его не дарила ему наследника; въ одинъ годъ явилось даже двое разомъ. Не успѣтъ Маша (такъ звали жену гаера), не успѣтъ выкормить одного ребенка, смотришь—ужь и другой въ началѣ! Ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, явились ей нѣкоторыя затрудненїя участвовать въ живыхъ картинахъ; не шло какъ-то, знаете. Яша, съ своей стороны, не желая

разлучиться съ женою, придумалъ слѣдующее : купить шарманку, купить на Апраксинъ Дворъ старый коверъ и началъ обходить дворы, въ сопровожденіи жены и тестя; Маша играла на шарманкѣ, тесть вторилъ на кларнетъ, Яша, между тѣмъ, кувыркался на коврѣ—и все шло какъ нельзя лучше; дѣлшки, право, шли очень недурно. Когда подросли дѣти (ихъ было ужъ тогда четверо), они также приняли участіе въ представленіяхъ : четырехлѣтняя дочка плясала въ антрактахъ по-русски, шестилѣтній мальчикъ, тотъ самый, котораго видели мы въ переулкѣ, ловко ужъ взбѣгалъ на голову отцу и даже удачно держался на рукахъ безъ помощи родителей. Но счастье скоротечно. Одинъ шагъ, одно неловкое движеніе, одинъ неудачный прыжокъ—и все пошло прахомъ! Въ одно осеннее, пасмурное утро, Яша Жилетниковъ сломилъ себѣ ногу. Это случилось мѣсяца за три до начала нашего разсказа. Жена его на ту пору была беременна нѣсколькими мѣсяцами. Вернувшись изъ больницы, Яша засталъ страшную тѣсноту въ семействѣ ; семейство съло на мель, какъ говорится. Жена лежала больная въ постели. Все поддерживалось пока однимъ старикомъ, который добывалъ кое-что, играя на кларнетъ подь окнами. Помощь, можете себѣ представить, была незначительная. Нельзя было, никакъ нельзя оставаться въ настоящемъ положеніи. Яшѣ слѣдовало рѣшиться на какое-нибудь предпріятіе, потому что показывать акробатическія штуки съ хромою ногою—дѣло положительно невозможное. Случай опять-таки выручилъ Яшу. Выручка заключалась въ томъ, что Яша познакомился съ банщикомъ, который въ ту пору крайне нуждался въ качальщикахъ. Качальщиками называются люди, которые накачиваютъ въ баняхъ воду. Крайность миновалась, но дѣла шли все-таки худо.

Новорожденный, (въ самое это время родила Маша), новорожденный окончательно спуталъ все обстоятельства ; въ два дня какихъ-нибудь, онъ проглотилъ все деньги, предназначенныя за наемъ кѳартіры. Доведенный до мата, Яша отправился тогда вмѣстѣ съ старшимъ своимъ мальчикомъ къ зна-

кому банщику просить впередъ денегъ. Мы застали его въ ту минуту, когда онъ возвращался отъ банщика.

Зная хорошо обстоятельства Яши Жилетникова, я могу утвердительно сказать, что въ эту минуту онъ былъ близокъ къ отчаянію. Банщикъ отказалъ на-отрѣзъ. Не думайте, чтобъ я сталъ осуждать банщика—совсѣмъ напротивъ. Банщикъ былъ въ своемъ правѣ; скажу болѣе: онъ былъ совершенно правъ, отказавъ Яшѣ въ деньгахъ.

Жилетниковъ забралъ у него впередъ болѣе цѣлковаго; а цѣлковый, сами знаете, много значитъ для оборотливаго чело-вѣка. Здѣсь цѣлковый, тутъ цѣлковый, тамъ цѣлковый—смотришь—три цѣлковыхъ; три да три составляютъ шесть, шесть да шесть—двѣнадцать, такъ дойдешь, пожалуй, и до тысяч! Нѣтъ; надо соблюдать счетъ. Мѣсяцъ тому назадъ, вышелъ такой же точно случай: банщикъ тоже отказалъ Яшѣ. Яша обратилъ ко мнѣ съ жалобой. «Нѣтъ, Яковъ Петровичъ», сказалъ я ему:—«говоришь ты не такъ, какъ слѣдуетъ. Ты сколько получаешь въ мѣсяцъ?... Четыре цѣлковыхъ! Хорошо; ну такъ соблюдай экономію, своди свои счета—вотъ и все тутъ; банщика винить нечего, пѣли на себя!» Такъ нѣтъ же, поди, не послушалъ! Попадетъ полтинникъ, чѣмъ бы приберечь его, смотришь, купилъ жевъ платочекъ, либо башмаки, да ребятишкамъ по прынку! То-то вотъ любовь-то! То-то молодость! Разсудка своего не имѣетъ, какъ говорилъ одинъ практической философъ, также изъ моихъ знакомыхъ.

Но прекратимъ всѣ эти размышленія и последуемъ лучше за Яшей и его мальчикомъ.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель, но мнѣ смерть хочется узнать, чѣмъ кончится для Яши Жилетникова вечеръ новаго года. Я терплюсь въ догадкахъ, и не постигаю, на что онъ рѣшится въ стѣсненныхъ своихъ обстоятельствахъ? Такъ вѣдь нельзя, согласитесь сами, надо же на что-нибудь рѣшиться....

III.

ВСТРѢЧА.—ТАИНСТВЕННЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Знал теперь зыбкія свойства Яши Жилетникова, сами можете себя представить, какой страшный холодъ долженъ онъ былъ чувствовать, когда, снявъ съ себя шерстяной шарфъ, единственный, можно сказать, грѣющій предметъ гардероба, остался въ одномъ пальто, картузъ и панталонахъ. Если пѣз памяти мальчика изгладится когда-нибудь эго обстоятельство, онъ недостоинъ будетъ названія челоуѣка; мы смѣло назовемъ его тогда неблагодарнымъ животнымъ.

Запятавъ голуую шею въ поднятый воротникъ пальто (Боже, какой воротникъ! безъ признака какой бы то ни было шерстинки), скорчившись подъ одеждой, какъ сухая горошина въ сухомъ стручкѣ, Яша продолжалъ путь. Вѣтеръ завывалъ, какъ собака, озлобленная голодомъ, и какъ собака, кусалъ за прикры всѣхъ тѣхъ, у кого были такіе же ненадежные сапоги и панталоны, какъ у Яши Жилетникова. Подъ конецъ Яша предоставилъ даже ноги на произволь судьбы и занялся исключительно руками: следовало по крайней мѣрѣ хоть ихъ предохранить отъ горькой участи; онъ прибѣгнулъ къ давно извѣстному способу: засунувъ кисть правой руки глубоко за пазуху и давъ ей согрѣться, онъ вынималъ ее на морозъ и поспѣшно пряталъ на ея мѣсто кисть лѣвой руки; этимъ простымъ способомъ все-таки соблюдалось нѣкоторое равновѣсіе: на долю каждой руки выпадало одинаковое число пріятныхъ ощущеній. Мальчикъ, между тѣмъ, бѣжалъ подлѣ въ припрыжку. Съ каждымъ порывомъ вѣтра ребенокъ прижимался къ отцу, сдавливалъ себя локтями и пицалъ, какъ будто въ него вшивались иголки.

Яша торопливо вынималъ изъ-за пазухи кисть руки, наслаждавшуюся тепломъ, и принимался тогда ощупывать ребенка носъ и руки.

— Говорилъ, не ходи! произносилъ сквозь зубы отецъ, но

безъ всякаго, однакожь, сердца или раздраженія:—говорилъ, заябнешь, такъ нѣтъ же, вотъ, ввязался, пошелъ! «Нѣтъ, тятенька, не боюсь холода!» подхватилъ Яша, передразнивал ребенка и становясь спиною къ вѣтру, съ цѣлю защитить сына:—вотъ тебѣ и «не боюсь!»—Эхъ, такъ и жжетъ ана-ежской, бррр... буу-о! заключилъ Яша, снова запрятывал шею и ускоряя шагъ.

Такимъ порядкомъ добрались они до угла сосѣдняго переулка. Тутъ Яша неожиданно остановился.

— Вотъ-те на!... какъ скоро! воскликнулъ онъ, откидываясь назадъ и увлекая за собою сынишку.

Переулокъ представлялъ, въ самомъ дѣлѣ, поразительную картину; было чему удивляться. Говоря относительно, тутъ было больше шума, блеска и движенія, чѣмъ даже на Невскомъ Проспектѣ. Само собою разумѣется, что переулокъ торжествовалъ, благодаря мелочной лавочкѣ. Не будь лавочки, онъ скрывался бы до сихъ поръ въ невѣжественномъ мракѣ и новый годъ прошелъ бы для него незамѣтно. И всегда горюю стоялъ за мелочныя лавочки.

Лавочки то же, что маленькія столицы въ большой столицѣ, маленькіе Петербурги въ большомъ Петербургѣ; вліяніе ихъ на глухіе закоулки такъ же важно, какъ вліяніе столицъ на отдаленныя губерніи.

За полчаса до появленія Яши, огни ни за что не хотѣли показываться въ переулокъ, ни дать ни взять, какъ щепетильныя дамы, которыя ни подъ какимъ видомъ не лжятся первыми на балъ. На томъ бы, вѣрно, и стало дѣло, еслибъ лавочникъ не поспѣшилъ вывесить лампы къ дверямъ лавочки; свѣтъ мгновенно распространился по переулку; но тутъ еще не все: вслѣдъ за лампою, лавочникъ вынесъ еще пару площадокъ. Минуту спустя, на тротуаръ передъ лавочкой появились ужъ гуляющіе. Лавочникъ оставался между тѣмъ у входа и гордо поглядывалъ на стороны. Онъ имѣлъ полное право гордиться даже въ томъ случаѣ, еслибъ не позаботился поддержать честь и славу своего переулка.

Лавочка, освѣщенная снаружи двумя площадками и лампою,

представляла зрѣлище, не уступавшее въ великолѣпнѣ магазнамъ Невскаго Проспекта; полагаю даже, вывѣска лавочки давала ей значительный перевѣсъ надъ послѣдними: она изобразила двѣ сахарныя головы по бокамъ, золотую греческую чашу съ плодами по серединѣ, банку съ вареной брусничкой въ перспективѣ, два лимона и кусочки постилы, расположенныя въ видѣ русской избы. Изъ окна, причудливо разрисованнаго снѣжными узорами, выглядывали яблочки, длинные вкусныя хлѣбы, сальныя свѣчи, студень, исполнскія патрушки, предназначавшіяся преимущественно жившимъ на-супротивъ извозчикамъ, пироги съ капустой и морковью, пачки нюхательнаго табаку, известнаго подъ именемъ: березинскаго и страстно любимаго будочниками, луковицы, снопы чубуковъ, гитара и проч. Отворенная дверь позволяла любоваться бочками съ солодомъ, мукою и огурцами, метлой, конторкой, блистающими мѣдными вѣсами и остроконечною головою прищипка, какъ бы сформированной по образцу тѣхъ сахарныхъ головъ, которыя возносились стройными рядами на задней стѣнѣ.

Въ ту минуту, какъ Яша Жилетниковъ остановился за угломъ, гулянье принимало обширнѣйшіе размѣры. Нельзя сказать, чтобъ публика была самая отборная, но нельзя опять-таки сказать и того, чтобъ она состояла исключительно изъ оборванныхъ подмастерьевъ и необразованныхъ водовозовъ; были по большей части все свои обыватели ближайшихъ домовъ; попадались смазливый горничныя, отличавшіяся тонкимъ вкусомъ и обращеніемъ; лакеи всѣхъ возможныхъ родовъ, начиная съ надменнаго гайдука, завлеченнаго въ эту страну сердечною страстью, и кончая подслѣповатымъ, нахмуреннымъ малымъ, возвращающимся изъ сосѣдней булочной съ десяткомъ сухарей; попадались зеленovidныя мѣщанки, проживавшіяся въ свое удовольствіе; ловкіе писаря, отрывавшіяся поминутно отъ своихъ дамъ, чтобъ юркнуть въ лавочку и возвратиться съ леденцами въ оберточной бумагѣ; видѣлись кухарки, страстныя охотницы до цыкорнаго кофе; слѣдомъ, ужь непременно выступалъ кавалеръ съ выпуклаго

грудью, усами и тонкой фуражкой, были также и другія лица, достойныя вниманія; но тутъ, какъ и вездѣ, главную часть толпы составляли мальчишки, явившіеся при первомъ намекѣ на иллюминацію. Они молніею пронеслись по переулку, и, какъ шаршавыя ночныя бабочки, кружась и вертясь, тискались подлѣ площадокъ. Во всемъ этомъ было действительно что-то праздничное, тѣшившее душу; какъ въ многочисленныхъ кварталахъ города, такъ и въ этомъ глухомъ заколустѣ всѣ радовались приближенію новаго года. Веселый говоръ, шарканье, пискъ и хохотъ оглушали лавочника, который все еще продолжалъ гордо стоять подлѣ своей двери.

Последнее это обстоятельство именно и заставляло Яшу Жилетникова стоять такъ долго за угломъ. Благодаря блистательной иллюминаціи, лавочнику ничего не стоило увидѣть Яшу въ толпѣ; ничего также не стоило ему взять его за шиворотъ, и онъ непременно бы исполнилъ это, еслибъ Яша, позабывъ совѣты благоразумія, пустился по переулку. Жилетниковъ оставался долженъ лавочнику. Отправляясь къ баньщику, онъ имѣлъ неосторожность завернуть къ лавочнику и обнадежить его, что нынче же вечеромъ выплатитъ долгъ. Лавочникъ могъ, слѣдовательно, схватить Яшу за шиворотъ, какъ челоуѣка, невѣрнаго въ своемъ словѣ.

Страшно критическое положеніе! Съ одной стороны вѣтеръ, который уничтожалъ Жилетникова; съ другой стороны, лавочникъ, который непременно бы его уничтожилъ. Не приведи Богъ находится когда-нибудь въ такихъ обстоятельствахъ! Судьба, эта судьба, не оставляющая насъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ жизни, опять-таки выручила Яшу. Онъ приходилъ ужъ въ совершенное отчаяніе, какъ вдругъ вѣтеръ сорвался съ кровель, поднялъ съ мостовой мириады снѣжныхъ блестокъ, закружилъ ихъ въ воздухъ, повернулъ за уголь, ворвался, какъ бѣшеный, въ переулокъ и задумъ площадки, украшавшія входъ лавочки. Въ толпѣ гулявшихъ произошло страшное смятеніе, сопровождавшееся визгомъ мальчишекъ и возгласами дамъ, которымъ вихрь потревожилъ юбки.

Пользуясь случаемъ, Яша подхватилъ замерзавшаго мальчика, и, прихрамывая, прискакивая, пустился безъ оглядки мимо лавочки. Минута—онъ былъ ужъ на противоположномъ углу и входилъ въ другой переулокъ. Оставалось теперь недалеко до квартиры; но если Яша ускорялъ шагъ, то дѣлалъ это единственно для ребенка. Не Богъ знаетъ какія радости ожидали его дома. Вечеръ новаго года не имѣлъ ничего привлекательнаго для Яши; онъ душевно желалъ, чтобъ его вовсе даже не существовало на свѣтъ. Первое число января считается обыкновенно крайнимъ срокомъ уплаты долговъ; радуются тѣ только, у кого очищены счета. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ обледенѣлыми ногами. Яша приближался къ своему жилищу, когда до слуха его неожиданно долетѣли звуки кларнета, вылетавшіе вмѣстѣ съ вѣтромъ изъ сосѣдней улицы.

— Это дѣдушка! произнесъ мальчикъ останавливаясь.

Не знаю; но вѣрно то, что звуки лучинушки, сопровождаемые самыми фантастическими переливами, дѣйствительно раздавались по окрестности. Хорошо было съ одной стороны, что звуки эти напоминали нѣкоторымъ образомъ извѣстныя пѣвучія двери Пульхеріи Ивановны и Афанасья Ивановича; басы выполняли, правда, лучинушку, но тонкія ноты явственно вторили: «ай батюшки зябну!»

— Это дѣдушка! дѣдушка! повторилъ мальчикъ съ такимъ радостнымъ выраженіемъ, какъ словно на него пахнуло тепломъ изъ отдушника.

— Ступай домой; скажи матери: — сейчасъ-моль приду, произнесъ отецъ, поворачиваясь въ ту сторону, откуда слышалась лучинушка: — ступай же скорѣй.... зазѣвъ вовсе, вишь руки-то какъ ооченьли!...

— Ничего, нѣтъ ничего.... торопливо отвѣчалъ мальчикъ, похлопывая ладонями и припрыгивая: — ничего, право-слово ничего....

— Какой ничего; замерзъ какъ есть....

— Ей-Богу ничего, пойдемъ къ дѣдушкѣ!

Двѣтъ нечего, надо было чѣмъ-нибудь вознаградить ребенка за отсутствіе подарковъ и гостинцевъ, которыми награждаютъ въ этотъ вечеръ другихъ дѣтей; къ-тому жь, на совѣсти отца лежала елка, которую обѣщаль онъ къ Рождеству, и которой также не было. Яша молча взялъ сынишку за руку, и пошелъ въ ту стѣбру, гдѣ заливался кларнетъ.

Немного погодя, увидѣли они, при свѣтѣ фонаря, низенькаго старичка, который стоялъ на троттуарѣ передъ окномъ, и, переминая ногами, игралъ на кларнетѣ. Окно, задернутое занавѣской, было сильно освѣщено изнутри; надо полагать, топилась въ комнатѣ печка; перебѣгающее пламя и человѣческія тѣни на занавѣскѣ поминутно обманывали старика; каждый разъ, какъ за сномъ обнаруживалось больше движенія, старикъ принимался выдѣлывать самые трудные пассажи; онъ не сомнѣвался, что сейчасъ откроется форточка, и къ ногамъ его упадетъ гривенникъ, завернутый въ бумажку; но тѣни скрывались, и снова изъ кларнета слышалось слыньѣ еще прежняго: «ай батюшки зябну!»

— Дѣдушка! здравствуй дѣдушка! неожиданно прокричалъ мальчикъ.

Неоконченная нота пискнула изъ кларнета, и старикъ обернулся; но не успѣлъ онъ опустить инструментъ, какъ внучекъ скрылся подъ полами его фризовой шинели.

— Эхъ, озорникъ какой! чуть съ ногъ было не сшибъ! сказалъ старикъ, принимая наклоненное положеніе, чтобъ дать больше мѣста подъ шинелью. — Э! да и ты здѣсь, Яша?... примолвилъ онъ, подымая голову.

— Здѣсь, батюшка....

— Ну что, голубчикъ, какъ?... благополучно ли? торопливо спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка.... какъ есть, ничего! глухо отвѣчалъ Яша.

— Что ты?!

— Напрасно только ходилъ.

— Эхъ , дѣло-то наше ! Эка оказія право ! плохо , Яша , плохо , голубчикъ !.. проговорилъ старикъ отдувая щеки , что дѣлалъ онъ помянуто , вѣроятно , по привычкѣ дуть въ кларнетъ : — эхъ , фу , фу — у ! дѣло-то какое ! стало , такъ ничего и не досталъ ?...

— Не даетъ ; и того , говоритъ ; много очень забрано .

— Эхъ , фу-фу ! промолвилъ тестъ , закрывая кларнетъ подъ шинель и не замѣчая въ торопяхъ , что прижалъ клапаномъ инструмента носъ внучку : — этакая оказія ! подхватилъ онъ : — ну и я , того... ничего то-есть не добылъ ! весь кварталъ почитай всходилъ ; игралъ , игралъ , одну лучинку разъ сорокъ никакъ проигралъ , никакого толку , фу—фу ! только вотъ и досталъ одинъ пятакъ на свѣчку ; въ лавочкѣ взялъ , домой снесъ ; эхъ-ма ! фу , фу , фу ! зарѣзала насъ , Яша , нога твоя ! какъ есть , всѣхъ зарѣзала она варварка ! добавилъ онъ тряхнувъ головою .

Старикъ поправилъ картузь , прикрывавшій широкую лысину и нѣсколько пучковъ сѣдыхъ волосъ , и переваливаясь съ ноги на ногу , чтобъ не задавить бѣжавшаго подъ шинелью внучка , направился къ дому въ сопровожденіи продрогшаго зятя . Пройдя шаговъ десятокъ , кларнетистъ пріостановился , выровнялся съ гаеромъ и пошелъ съ нимъ рядомъ .

— Вотъ тепереча , слышь , статья какая : какъ намъ съ квартирой-то быть ? началъ старикъ .

Яша ничего не отвѣчалъ ; лицо его ушло въ воротникъ пальто , одна рука скрылась въ карманъ ; онъ хотѣлъ словно спрятаться въ эту минуту отъ всего свѣта .

— Вѣдь вотъ тепереча , Василій Афанасьевичъ сказалъ : « коли не будетъ , говорить , денегъ нонеча объ вечеръ , завтра , говорить , духу вашего чтобъ не было... » вотъ она статья-то какая , фу , эка ! слышь : для новаго-то года . А ! подхватилъ старикъ : — оно , положимъ , ништо : что жъ ? ну и съѣхали бы ! главная причина , Маша слегла—вотъ что ! перевезти-то не слободно , нѣтъ силы-возможности ; застудишь , вишь какіе холода стоятъ... она-то пуще всего насъ связала , фу , фу , а !

— Все единственно, безъ денегъ и здоровую не перевезешь, отозвался Яша изъ глубины пальто.

— Ну нѣтъ, съ здоровой-то все бы того... повольготнѣе; все какъ бы ни есть перевернулись : пошла бы тогда съ шарманкой; ребятишекъ съ собой взяли бы.

— Было и это, а лучшаго не видали ; что ужъ тутъ ! глухо отозвался Яша.

— Ну нѣтъ, братъ, нѣтъ, повольготнѣе жили противъ тепе-решнаго... такой тѣсноты не видали; хоть за квартиру платили; дѣло на виду: ну, что, примѣрно, я одинъ возьму? ходишь, ходишь, вотъ хоть бы сегодня, дуешь, дуешь, инда щеки заболать, а прійдешь ни съ чѣмъ ! этакое задалось дѣло ! фу, фу!.. Ну такъ какже быть-то, а ? присовокупилъ старикъ, неужели таки съ пустыми руками вернемся? хоть ситничка добыть надо.

При словѣ « ситничекъ » обѣ полы шинели слегка распахнулись и пропустили голову мальчика.

— Купи ситничка, дѣдушка ! купи ситничка, проговорилъ ребенокъ.

— Спрячься, холодно ! спрячься, говорятъ, сказалъ дѣдъ, съ особенною какою-то торопливостью закрывая полами шинели лицо внучка, который снова почувствовалъ на носу своемъ клапанъ кларнета. Слышь, Яша, продолжалъ старикъ понижая голосъ, толкая локтемъ зятя и кивая ему головой на спрятаннаго ребенка:— слышь, вѣдь съ утра маковой росинки въ роту не было, какъ есть!... Я чай и тамъ-то пицать!... Эхъ, народили вы на свою голову!.. Тепереча вотъ еще статья какая : что намъ съ Васюткой-то дѣлать? груди не беретъ. Ходилъ въ лавочку, просилъ, просилъ, не даетъ Парфень молока въ долгъ, не отпущаетъ... что намъ съ Васюткой-то дѣлать?

— А то же... О чемъ говорили вечеръ... то и сдѣлаемъ! отозвался Яша, и вдругъ высунулъ изъ пальто руки и голову съ рѣшительнымъ видомъ челоуѣка, который видитъ наконецъ, что всѣ ухищренія напрасны, что не убѣжишь отъ людскихъ преслѣдованій.

— Полно, Яша, полно... что уж это!... надо найти, примерно, другое средство... примирительнымъ тономъ началъ было старикъ; но Яша перебилъ его:

— Нѣтъ, батюшка, я ужъ на томъ положилъ! сказалъ онъ твердымъ, хотя дрожащимъ голосомъ.

Яша, повидимому, не обращалъ ужъ вниманія на стужу; онъ шелъ, открывъ руки и голую шею на вѣтеръ.

— Нѣтъ, Яша, право можно найти окромя другое средство, подхватилъ старикъ, сильнѣе еще прежнего отдувая свои щеки:— что ужъ это!... извернемся лучше какъ-нибудь... вѣдь жаль, Яша, право жаль.

— А мнѣ и подавно... какъ быть!

— Ничего изъ того не будетъ, никакого, то-есть, облегченія... лишнія слезы однѣ—право такъ, фу, фу! Одно возьми въ разсужденіе: развѣ другимъ ребятишкамъ легче будетъ черезъ это? Что потеримъ вѣсть нечего, что четверимъ—все одна статья. Эхъ, фу, фу, эхъ, народили вы ихъ на свою голову!

— Точно, легче не будетъ, сказалъ Яша послѣ минуты молчанія:—точно; по крайности, хошь одинъ изъ моихъ дѣтей голодать не станетъ; хошь одинъ, да будетъ счастливѣе! Авось, поможетъ, Богъ дастъ, возьмутъ, взмилуются, беречь стануть... Нонче же день такой, подъ новый годъ... Подумають, на счастье послали Господь, ну и возмуть, оберегать стануть.

— Эхъ, хе! вотъ-те и новый годъ!... чѣмъ бы радоваться, тѣшиться... Эхъ, фу! фу, а!

— А насчетъ челоуѣка, о комъ мы вечеръ говорили, продолжалъ Яша, пропустившій мимо ушей восклицаніе теста:— челоуѣкъ хорошій, надежный, тоже вотъ и достатки большіе имѣеть, что ему! не даромъ идетъ о немъ слава по всему кварталу.

— Что говорить! возразилъ тестъ тономъ раздумья:— челоуѣкъ хорошій, это точно; а все жаль, Яша! фу, фу; а челоуѣкъ, то-есть, лучше быть нельзя; точно, хорошій челоуѣкъ! Больше ста разъ можетъ статья довелось мнѣ играть у него на дворѣ: только заигралъ—сейчасъ тебѣ гривенникъ высмалеть... И не то,

примѣрно, есть другіе господа, играть очень заставляют, то-
 есть, безперечъ; нѣтъ, говорить, ступай, братецъ; самъ изъ фор-
 точки покажется; игры, говорить, мнѣ твоей ненадобно... такъ,
 ни за что дастъ гривенникъ... баринъ чего ужъ лучше!

Яша ничего не отвѣчалъ; у старика также, видно, отпала охота
 разговаривать; оба шли молча до тѣхъ поръ, пока мальчикъ,
 выглядывавшій время отъ времени изъ своей засады, окончательно
 не оторвалъ носа отъ клапана, мѣшавшаго ему глядѣть на улицу,
 и не закричалъ:

— Пусти меня, дѣдушка, домой пришли!

— Тсс... тише, не шуми! сказалъ старикъ, снова набрасывая
 полу шинели на голову внука: — надо изловчиться, примѣрно,
 какъ-нибудь, пройти, такъ, леговько... промолвилъ онъ, накло-
 няясь къ зятю:—главная причина, слышь, не повстрѣчаться бы
 намъ съ Васильемъ Аванасьевичемъ: очень сердить нынче;
 ужъ коли да провѣдаетъ это—денегъ нѣтъ, велить съѣзжать съ
 квартиры, это ужъ безпремѣнно!... Завтра, можетъ статься,
 для новаго-то года какъ-нибудь посоветится... А мы тѣмъ вре-
 женемъ извернемся... Завтра съ утра пойду играть, авось, что и
 добуду; малую толику выплатимъ ему за квартиру, онъ, слышь,
 того и обождетъ!

Проговоривъ все это съ явнымъ намѣреніемъ обнадежить зятя,
 старикъ опустилъ ладонь къ тому мѣсту шинели, гдѣ скрывалась
 голова внука, чтобъ, въ случаѣ надобности, тотчасъ же зажать
 ему ротъ, и, бережно ступая по снѣгу, вышелъ подъ ворота
 вѣвѣтъ съ Яшей.

Домъ выходилъ на уголъ двухъ переулковъ; то было камен-
 ное, но одноэтажное и нештукатуренное зданіе, принадлежав-
 шее вдовѣ какого-то Дроздова, что можно было прочесть, при
 дневномъ свѣтѣ, на желтомъ ярлыкѣ, прибитомъ надъ воротами.
 Къ этому дому примыкали, одинъ за другимъ, еще четыре дома,
 но ужъ деревянные и глядѣвшіе своими низенькими окнами прямо
 на распивоchnую, расположенную въ сосѣднемъ переулкѣ. Ворота
 каменнаго, передоваго зданія служили единственнымъ сообщеніемъ

съ другими владѣніями вдовы Дроздовой. Чтобы попасть въ дальній домъ, вмѣщавшій квартиру гаера, слѣдовало пройти длинный-предлинный дворъ, граничившій справа четырьмя деревянными домами, слѣва заборами; дно двора замыкалось тѣми же барочными досками, просверленными дырами.

Въ лѣтнее время дворъ Дроздовой походилъ еще на что-нибудь: трава и крапива росли въ изобиліи; въ заднемъ углу возвышалось даже какое-то деревцо; и дѣти обывателей могли дышать свѣжимъ воздухомъ, какъ только очищалась помощная яма, что происходило ровно разъ въ мѣсяць. Но лишь только наступалъ ноябрь съ своими вѣтрами и снѣгами, дворъ дѣлался окончательно ужъ ни на что непохожимъ: учитель словесности и чиstopисавія, жившій на хлѣбахъ у самой хозяйки, не даромъ называлъ ея дворъ Кавказомъ Дарьяльскаго ущелья. Снѣгъ съ кровель сметали во внутрь двора, и снѣжные бугры возвышались со всѣхъ сторонъ, какъ волны окаменѣлаго Ледовитаго моря; всякій жилецъ выносилъ сюда все, что находилъ лишнимъ въ хозяйствѣ; кромѣ того, выкатывалъ бочки, корчаги, корыта; веревки съ висѣвшимъ бѣдемъ, протянутыя отъ кровель до забора, распространяли повсюду темноту полярныхъ ночей. Еслибъ Яша и его тещъ не были здѣшними обывателями, и еслибъ, въ добавокъ, не раскидывалось надъ ними ясное морозное небо, усыпанное ярко блиставшими звѣздами, они, вѣрно, не нашли бы дороги. На дворѣ царствовала мертвая тишина, изрѣдка прерываемая звяканьемъ колокольчика, возвѣщавшаго, что въ распивочную сосѣдняго переулка навѣдывались гости.

Къ тишинѣ этой вскорѣ, однакожъ, примѣчалось какое-то шипѣнье, очевидно выходившее изъ дальнихъ сѣней. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, старый кларнетистъ увидѣлъ на полу сѣней огненную звѣзду, а немного повыше круглое, одутловатое лицо, освѣщенное трубою закипавшаго самовара.

— Эхъ, нелегкая его возьми, онъ... шепнулъ старикъ, невольно дѣлая шагъ назадъ и тотчасъ же приводя въ дѣйствіе опущенную ладонь, то-есть зажимая ротъ внучку, изъ предосторожности, чтобы тотъ какъ-нибудь не выдалъ.

— Анна Ивановна, это вы? раздался почти въ то же время въ сѣняхъ гнусливый голосъ, старавшійся казаться пріятнымъ.

— Гм! гм! откашлянулся старикъ.

— Что его бояться! пускай гонить съ квартиры, квартира его!... пробормоталъ Яша, который, подобно всѣмъ людямъ, обнаруживающимъ робость и нерѣшительность въ мелочахъ жизни, сдѣлался вдругъ необыкновенно храбръ въ минуту истинной опасности.

— Анна Ивановна, вы ли это? повторилъ голосъ.

— Нѣтъ, гм! гм!... это я... гм! это мы! отозвался старикъ, приближаясь къ сѣнямъ и опуская руки, при чемъ полы шинели распахнулись и пропустили голову мальчика.— Пооди, Ваня, къ матери, скажи, сейчасъ-моль будемъ, примолвилъ старикъ, нагибаясь къ внучку, который мгновенно исчезъ въ какой-то темной двери. Это мы! заключилъ старикъ, окончательно ужъ вступая въ сѣни, обгѣпленныя сверху до низу инеемъ.

Василій Аванасьевичъ человекъ средняго роста, средняго возраста, лѣтъ, такъ, подъ пятьдесятъ, плотный, съ лицомъ пухлымъ, но болѣзненнымъ и такимъ зеленымъ, какъ будто питался онъ однимъ только сѣномъ (меня не удивило бы, еслибъ Василій Аванасьевичъ точно питался травою); онъ нюхалъ табакъ, и подъ носомъ его, изрядно опухшимъ, видѣлись всегда слѣды табачной пыли. Рѣдкіе волосы Василья Аванасьевича, зачесанные съ праваго уха на лѣвое, съ явнымъ намѣреніемъ скрыть лысину, были бѣлокуры. Говорятъ, будто лица людей бѣлокурыхъ всегда мягче и пріятнѣе, чѣмъ у брюнетовъ; я съ этимъ несогласенъ: встрѣчаются и бѣлокурыя лица, на которыхъ грубыя человѣческія свойства какъ бы сосредоточили свою резиденцію. За доказательствами идти не далеко... но оставимъ это! Коротенькій халатъ, подпоясанный платкомъ, позволялъ любоваться на груди Василья Аванасьевича темнымъ съ свѣтлыми пуговицами жилетомъ, подъ которымъ дрожалъ, какъ студень, жирный подбородокъ. Василій Аванасьевичъ былъ золотильщикъ; но въ настоящее время онъ

мало занимался ремесломъ своимъ; время уходило на разыскиваніе невѣсты, которая по возможности должна была осуществлять (такъ самъ онъ говорилъ) три достоинства: молодость, красоту и достатокъ. Василій Аѳанасьевичъ нанималъ у Дроздовой весь задній домъ, состоявшій изъ четырехъ комнатъ; двѣ комнаты отдавалъ въ наймы, въ остальныхъ двухъ самъ помѣщался. Съ жильцами своими обходился онъ хорошо, то-есть требовалъ только съ ихъ стороны строжайшей аккуратности и еще безграничнаго уваженія къ себѣ собственно, какъ къ главному хозяину квартиры. Вообще говоря, онъ человекъ обращенія ровнаго, но твердъ въ словѣ; если ужъ скажетъ, чтобъ жилецъ черезъ часъ очистилъ квартиру, такъ ужъ поставитъ на своемъ. Онъ никогда не горячился; голосъ его возвышался въ тѣхъ только, рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, когда упрямый, неуважительный жилецъ вынуждалъ его грозить полиціей.

— Гм! гм! это мы, Василій Аѳанасьевичъ, повторилъ старикъ, стараясь придать слову мы какое-то особенно нѣжное выраженіе.

— Вижу, братъ, вижу... сказалъ золотильщикъ, окидывая жильцовъ такимъ взглядомъ, что когда онъ снова обратилъ глаза къ самовару, самоваръ зашипѣлъ сильнѣе прежняго;—вижу, подхватилъ онъ;—только этого мало: требуются деньги за квартиру, вотъ что!

— Гм! гм!... изволишь видѣть, Василій Аѳанасьевичъ... оно, то-есть... мы, изволишь видѣть...

— Чтѣ тутъ толковать! все одно, не сегодня, завтра надо сказать, нѣтъ денегъ! отрывисто произнесъ Яша.

Василій Аѳанасьевичъ поднялъ голову.

— Какъ же можешь ты говорить мнѣ, что у тебя денегъ нѣтъ? спросилъ онъ обиженнымъ голосомъ, но горделиво однакожь выпрямляя голову.

— А такъ же, нѣтъ—да и все тутъ!

— Какъ же можешь ты это говорить своему хозяину? повторилъ Василій Аѳанасьевичъ съ чувствомъ глубочайшаго достоинства.

— Который цѣлковый мы вамъ должны, тотъ заплатимъ и квартиру очистимъ, а кричать на насъ нечего! возразилъ Яша съ такою горячностью, какой вовсе нельзя было ожидать отъ полузамерзнушаго человѣка; впрочемъ, говорятъ, и ледъ даетъ искру при сильномъ треніи. Такая выходка въ-конецъ ошеломила золотильщика.

— Когда такъ, сказалъ онъ, горделиво запахивая халатъ:— вонъ, ступай вонъ!... не то я позову сюда...

Слово полиція готово ужъ было сорваться съ языка раздраженнаго Василія Аѳанасьевича, и, нѣтъ сомнѣнія, онъ привелъ бы въ дѣйствіе свою угрозу, еслибъ старикъ не поспѣшилъ остановить его.

— Эхъ, Василій Аѳанасьичъ, и для такого дня, для новаго-то года?... полно! сказалъ онъ толкая локтемъ зятя:—мы тебѣ заплатимъ, все до послѣдней копѣчки очистимъ... только, маленько еще... слышь, повремени маленько!... У насъ и разговоръ, примѣрно, матерія такой не было бы, не случись горя... не сломи Яша ногу... Мы всегда платили, кажись, исправно, по времени, во силѣ-возможности, то-есть, вотъ какъ: по гробъ жизни благодарить станемъ! Ну хорошо, сгонишь, это примѣрно, ты насъ съ квартиры, нонче сгонишь; все одно, завтра никто ее не сметъ; вѣдь также пустая останется!... Дай намъ вздохнуть, поуправиться... завтра новый годъ, авось сотворить Господь, для того дня добуду деньженокъ... обожди, благодѣтель!

— Зачѣмъ же говорить такъ: «денегъ нѣтъ», ворчливо возразилъ золотильщикъ, стараясь поддѣлаться подъ тонъ Яши: — ты знать долженъ, кому говоришь; хозяину своему говоришь! не на улицѣ попался человѣкъ, что ты можешь ему говорить такимъ навромъ! Это, братецъ, не хорошо, подхватилъ онъ наставительнымъ, но ужъ смягченнымъ голосомъ:—да, долженъ благо-

дарить, а не то, чтобъ такъ отвѣчать хозяину, потому, выходить, квартира первая вещь, всему голова, заглавіе... И то держу изъ милости, по добродѣтели по своей; давно бы согнать надо по настоящему; потому, выходить, мы нищихъ никогда не держали; васъ держать, выходить, все единственно—страмота одна. Вотъ хоть бы сегодня, безъ васъ Анна Ивановна снесла вамъ хлѣба... что же это такое! какіе же вы жильцы послѣ этого? просто страмота одна съ вами; отчаянный самый народъ и больше ничего!...

— Конечно, поспѣшилъ подхватить старикъ изъ опасенія, чтобъ зять не виѣшался въ разговоръ и не испортилъ дѣла:—конечно, Василій Аванасьичъ, точно, тѣснота одолѣла... фу, фу... а все же надо, примѣрно, взять въ разсужденіе... все же не по своей провинности: нога, вотъ его нога—варварка насъ всѣхъ зарѣзала!... потому мы не какіе-нибудь мазурики... Хошь бы, примѣрно, зять мой, помнишь, прошлый-то годъ бумажникъ нашелъ, съ деньгами нашелъ, вѣдь отдалъ же кому слѣдуетъ, не попользовался... Это значить не всякой такъ поступать! добавилъ старикъ, не пропуская случая приплести исторію найденнаго бумажника.

— А все, главная причина: не долженъ онъ такъ разговаривать съ своимъ хозяиномъ, перебилъ золотильщикъ:—потому квартира всему голова, заглавіе, и хозяинъ квартиры самый выходитъ...

Скрипъ шаговъ, неожиданно раздавшійся на дворѣ, прервалъ рѣчь его.

— Анна Ивановна, это вы? произнесъ онъ, смягчая до крайней степени голосъ.

— Я, Василій Аванасьичъ, я самая! отвѣчалъ кисленькій, но не лишенный пріятности голосокъ, какимъ говорятъ обыкновенно старыя дѣвы, не утратившія еще надежды на замужество.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ сѣняхъ показалась крошечная, сухопарая женщина съ коротенькими руками, обремененными узлами, крошечной головкой, опутанной платкомъ, и крошечнымъ лицомъ, въ которомъ все какъ-то было кругло: и носъ, и щеки, и подбор-

родокъ и даже ротъ. То была другая жилища золотальщика; но, Боже, какая жилища! образецъ всѣхъ жилищъ! Самъ Василій Аѳанасьевичъ уважалъ Анну Ивановну. Она дѣйствительно заслуживала уваженіе: женщина была добрая, платила за квартиру исправно, имѣла даже маленькой капиталъ, въ триста рублей ассигнаціями, нажитый честными трудами. Анна Ивановна занималась, вотъ ужъ скоро пятнадцать лѣтъ, вязаніемъ шерстяныхъ носковъ, чепчиковъ и перчатокъ, предназначавшихся для продажи на Апраксиномъ дворѣ, гдѣ пользовалась она голосомъ, вѣсомъ и всеобщимъ уваженіемъ. Такое общественное положеніе дѣлало величайшую честь Аннѣ Ивановнѣ: круглая сирота безъ связей, безъ подпоры, она всемъ была себѣ обязана. Анну Ивановну обвиняли въ гордости и часто происходившей отъ того обидчивости, щепетильности; но всякому покажется такая слабость весьма натуральною, если сказать, что покойный папенька Анны Ивановны содержалъ цирюльню на Владимирской. Содержать цирюльню не всякой можетъ—не бездѣлица; и, какъ хотите, простительно гордиться такимъ родителемъ.

— Здравствуйте, Василій Аѳанасьичъ! скороговоркою начала Анна Ивановна, перекладывая узелъ съ одной руки на другую;— здравствуйте, Герасимъ Степанычъ, примовила она, обращаясь къ старику;—добраго вамъ вечера, Яковъ Петровичъ! ухъ, какъ устамши! бѣжала, знаете, изъ лавочки... на силу духъ перевожу... а тутъ, знаете, человѣкъ... ахъ какъ перепужалась!... да, знаете, дерзкой такой... ахъ мои батюшки, страсти какія... ухъ!... о чемъ это вы здѣсь заговаривались?

— Да вотъ, Анна Ивановна, денегъ не отдають за квартиру...

— Просимъ то—есть обождать по—силѣ возможности... хоть до завтра бы, Анна Ивановна, вмѣшался старикъ:—вѣдь все одно, также пустая простонить!...

— Полноте, Василій Аѳанасьичъ, повремените, ваше не уйдетъ; знаете, завтра ужъ день такой! сказала Анна Ивановна:—васъ за это во весь годъ Богъ счастьемъ наградить; добрымъ дѣломъ начнете годъ, добрымъ и кончится... вотъ также, знаете, покойный мой папенька... содержалъ этта онъ, знаете,

цырюльню на Владимирской... ну былъ, знаете, человекъ не то, чтобъ какой-нибудь... также, знаете, свой капиталъ имѣлъ; такъ разъ, знаете, передъ новымъ годомъ весь долгъ простилъ...

— Для васъ ужъ развѣ сдѣлаю уваженъе, Анна Ивановна... такъ и быть! Народъ вотъ видите очень отчаянный, вотъ что!..

Ну хоть для меня! хоть для меня!... торопливо сказала дѣвица.—Ухъ какъ устали! Пойду; прощайте; теперь, знаете, некогда... Смотрите же, Василій Аванасычъ, приходите какъ обѣщали! знаете, этакъ черезъ часочекъ... надо же вмѣстѣ новый-то годъ встрѣтить! я ужъ и въ лавочкѣ кое-что взяла; будутъ все знакомые вамъ люди: Андречъ... знаете, такой еще весельчакъ-то; такъ приходите же!...

— Погодите, Анна Ивановна, вотъ что; неловко, какъ словно... У меня, вамъ извѣстно, родственникъ изъ Тихвина гостить... сестринъ...

— Это ейный-то мужъ? Иванъ Тихончъ! такъ чтожь такое? и его зовите!...

— Не приходится какъ-то...

— Вотъ вздоръ какой! непременно приведите... такой любезный, обходительный человекъ... скажите, оченьа дискать ради знакомству...

— Хорошо, скажу, Анна Ивановна; только вотъ какъ я вамъ говорилъ: пожалуйста, чтобъ не было у васъ дяди Николая... одинъ уговоръ...

— Помилуйте, что вы, что вы! ни за какія благополучія не будетъ! что вы! я и такъ напрямикъ ему отказала... что вы! Онъ, хотя, знаете и дядя мнѣ по маменьки, ейный братъ, а нечего дѣлать, потому человекъ, знаете, невоздержанный, страсти подобно! разстроитъ только нашу пріятную компанію.

— То-то же; пожалуйста, Анна Ивановна, потому оно, знаете, и для квартиры нехорошо: затѣветъ шумъ, драку.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю вамъ—не будетъ! Такъ смотрите же, этакъ черезъ часокъ приходите... Прощайте, Герасимъ Степанчъ, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Прощайте, Яковъ

Петровичъ! Поклонитесь Марьѣ Герасимовнѣ, да скажите—навѣщу ее завтра утромъ, безпрѣмѣнно, заключила Анна Ивановна, исчезая въ дверяхъ, расположенныхъ въ дальнемъ углу.

— Что жъ вы здѣсь стоите? спросилъ золотильщикъ, обращаясь къ двумъ оставшимся жильцамъ: — до завтраго вечера обожду... и то больше, что просила Анна Ивановна.

— Ну, благодарствуй, Василій Аванасъичъ! отвѣчалъ старикъ:— желаемъ тебѣ, фу, фу! желаемъ встрѣтить счастливо новый годъ!

— Спасибо, спасибо; и вамъ того желаю, торопливо проговорилъ золотильщикъ; при этомъ онъ поднялъ самоваръ, и, откинувъ назадъ зеленое лицо свое, въ которое неожиданно устремилась струя горячаго пара, поплелся за Анной Ивановной, борючая сквозь толстыя свои губы: — Этакой отчаянный народъ, право! такой-то отчаянный, что просто и сказать нельзя!

Старый кларнетистъ и зять его, акробатъ, постояли на мѣстѣ секунды двѣ, потомъ повернулись къ досчаной двери, повѣсили голову и тоже побрели въ свою квартиру.

IV.

СЕМЕЙСТВО АКРОБАТА. ПОХИЩЕНІЕ.

Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно ввести васъ теперь, хоть для разнообразія, въ великолѣпную комнату, установленную, не скажу—мебелю Гамбса или Тура, Лизаре или Гальпена, нѣтъ, этого мало, но настоящею, неподдѣльною булевскою мебелью; комнату, украшенную, сверхъ-того, севрскимъ, саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, обвѣшанную драгоценными картинами, устланную мягкимъ, какъ пухъ, ковромъ, и освѣщенную карселями въ нѣсколько сотъ рублей за штуку, и проч. Но къ сожалѣнію, я долженъ подавить въ себѣ такое желаніе. Долгъ прежде всего: мы необходимо приносимъ ему иногда въ жертву лучшія наши фантазіи.

Волей-неволей, я снова долженъ буду повѣствовать о другѣ моемъ, Яшѣ Жилетниковѣ. У Жилетникова же, сколько могу

судить, не имѣется въ настоящее время не только булевской, но даже гамбсовской мебели; я сильно даже сомнѣваюсь, была ли когда-нибудь у Жилетникова хоть одна самая маленькая, самая ничтожная японская ваза; мнѣ по крайней мѣрѣ никогда не приводилось видѣть у него что-нибудь въ этомъ родѣ. Комната Жилетникова (квартира его состояла изъ одной комнаты), отличалась необыкновенной простотой; никакого лишняго украшенія на стѣнахъ, кромѣ развѣ узоровъ, образовавшихся отъ сырости, да еще трещинъ и впадинъ, происшедшихъ отъ обвалившейся штукатурки; строгая простота служила, казалось, девизомъ Яшѣ Жилетникову: простота въ разстановкѣ мебели, простота на окнѣ, гдѣ располагались просто, безъ всякаго намѣренія пустить пыль въ глаза: горшокъ, муравленая подбитая миска, нѣсколько деревянныхъ ложекъ и глиняная кружка. Мнѣ правилось всегда, что единственное окно комнаты постоянно завѣшивалось какимъ-нибудь предметомъ изъ гардероба: фартукомъ, платкомъ, иногда даже панталонами; свѣтъ, конечно, нѣсколько заслонялся, но за то Яша Жилетниковъ, его жена, тестъ и дѣти не вмѣли съ утра до вечера передъ глазами помойной ямы, какъ нарочно расположившейся передъ окномъ. Не знаю, какъ вамъ, но по-моему, одно было бы не хорошо, именно, отсутствіе тепла; въ настоящую минуту вамъ стоило только дохнуть противъ свѣта сальнаго огарка, чтобъ убѣдиться, какая страшная разница существовала между теплотою вашего дыханія и воздухомъ комнаты. Огарокъ, купленный часъ назадъ, старымъ кларнетистомъ, возвыпался на шарманкѣ, поставленной къ окну; шарманка служила столомъ семейству акробата; тутъ обѣдали, ужинали, пили чай; впрочемъ, чаю давно ужъ не пили; столъ, какъ видите, былъ съ музыкой (такіе столы продавались, говорятъ, очень дорого на лондонской и дублинской выставкахъ).

Пламя огарка, придавленное мохнатой шапкой нагара, освѣщало жалкую сосновую кровать съ лежавшей на ней женщиной. Какъ, неужели это та самая Мапа, которую видѣлъ я

когда-то на сценѣ балагана! Та самая Маша, которой любовался я, когда, бывало, вертѣлась она при блескѣ лампъ на деревянномъ кругѣ въ игривомъ образѣ Венеры, нимфы и тому подобное. Куда жь дѣвались эти каріе, живые глаза? эти полныя плечи и икры, имѣвшія свойство приводить меня всегда въ неописанный восторгъ? Нѣтъ сомнѣнія, однакожъ, это Маша, жена лучшаго друга моего Яши Жилетникова! Никто не могъ подмѣнить ее! Я вижу ее теперь въ профиль, вижу рѣдкія пряди бѣлокурыхъ волосъ на преждевременно увядшихъ вискахъ, вижу одну темную впадину вмѣсто праваго глаза, но, несмотря на это, безошибочно узнаю старую свою знакомку.

Никогда еще, во всю ея жизнь, не приводилось ей принимать участія въ такой печальной живой картинѣ! Подлѣ нея лежалъ послѣдній ея ребенокъ, обвернутый въ какое-то бурое тряпье; остальные члены семейства потѣщались тутъ же, на той же кровати: въ ногахъ сидѣлъ знакомый намъ Ваня; расдрапированный платкомъ, которымъ больная мать поспѣшила его прикутать, онъ жадно вонзалъ зубы въ хлѣбъ, принесенный Анной Ивановной и оставленный на его долю; подлѣ располагалась сестра его, дѣвочка пяти лѣтъ, но ужъ большая мастерица плясать русскую и сохранять равновѣсіе въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ, въ заключеніе спектакля, ставилъ ее себѣ на голову; она совсѣмъ почти исчезла подлѣ ветхой отцовской шинели; внаружу выглядывала только бѣлокурая, кудрявая головка и круглое личико, подрумяненное холодомъ; тутъ было еще двое дѣтей; но послѣднія окончательно ужъ затеривались въ многочисленныхъ складахъ одѣяла и одежды, брошенной на постель. Изнуренная профиль матери, ея колѣни, голова Вани, кудри его сестры и складки одѣяла, приподнятаго головами двухъ младшихъ дѣтей, бросали на ближайшую стѣну густую зубчатую тѣнь, которая становилась все длиннѣе и длиннѣе, по мѣрѣ того, какъ сокращался огарокъ, тѣнь начинала ужъ захватывать ветхой трико кирпичнаго цвѣта, принадлежавшій главѣ семейства и висѣвшій на гвоздѣ; немного подальше, на другомъ гвоздѣ, виднѣлись голубой камзолъ съ оставшимися кой-гдѣ блестящими, бубень, маленькой

кокошникъ и сарафанчикъ — предметы драгоценныя , но висящіе безъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ Яша сломилъ себѣ ногу и пятилѣтняя дочь его не участвовала ужь въ представленіяхъ. Остальные предметы гардероба частью прикрывали присутствовавшихъ, частью находились на плечахъ Яши и его тестя, которые еще не возвращались.

Для полноты живой картины, недоставало только тишины; отсутствіе тишины отнимало весь эффектъ: мать безпрестанно кашляла, новорожденный не переставалъ плакать , пятилѣтняя дѣвочка ежилась, другіе два ребенка, какъ самые неблагоразумные въ семействѣ, высовывали поминутно головы и жаловались на стужу. Изъ всѣхъ этихъ звуковъ я предпочитаю, однакожь, возгласы Вани, который рассказывалъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ похождения свои съ отцомъ. Несмотря на частыя остановки, происходившія единственно оттого, что кусокъ хлѣба въ рукахъ его не былъ еще конченъ, онъ успѣлъ передать о томъ, какъ отправились они съ отцомъ изъ дома; сообщалъ, какъ началъ онъ думать, что умретъ отъ холода, когда пробирались они по темнымъ закоулкамъ своего квартала; какъ достигъ потомъ освѣщенныхъ улицъ, и какъ вдругъ забылъ и вѣтеръ и холодъ, когда очутился предъ блистающими высокими окнами, заставленными сверху до низу игрушками и лакомствами; онъ слегка только коснулся дерзновенной мысли присвоить себѣ маленькую изъ этихъ игрушекъ, и то потому больше, что вызванъ былъ неумѣренными восторгамъ пятилѣтней сестры своей; потомъ перешелъ Ваня къ тому, какъ отецъ снова повелъ его темными холодными переулками; онъ началъ ужь рассказывать , какъ вошли они къ банщику, но въ эту самую минуту въ дверяхъ послышалось топанье, и вслѣдъ за тѣмъ на порогъ комнаты показались его отецъ и дѣдушка.

Рассказчикъ тотчасъ же остановился : на постели произошло необычайное движеніе, точно заколыхалось море , въ которомъ, вмѣсто плавающихъ матросовъ, ныряли маленькія дѣти. Не берусь передать вамъ крика, съ какимъ встрѣчены были вошедшіе; въ этомъ единодушномъ дѣтскомъ возгласѣ было что-то похоже на восторженную пискотню неоперившихся еще птичекъ , когда ,

завидѣвъ издали мать, высовываютъ онѣ изъ гнѣзда желтенькіе носочки, въ полной увѣренности, что она несетъ имъ гостинецъ. Но сравненіе нейдетъ къ дѣду; а если и пришлось кстати, то говорить въ пользу дѣтей Жилетникова: пискотня маленькихъ птичекъ, привыкшихъ двадцать разъ въ день получать гостинцы, свидѣтельствуетъ только о ихъ вѣтеривніи, неумѣренности, жадности, и ровно ничѣмъ не оправдывается, тогда какъ дѣти Жилетникова имѣли полное право подымать суматоху, потому что, во-первыхъ, никогда еще не получали гостинца; во-вторыхъ, гостинецъ былъ имъ обѣщанъ. Да, дѣдушка Герасимъ обѣщаль имъ гостинецъ, и я нахожу, что въ этомъ именно заключается главная вина его. Очень нужно было рассказывать, что сего-дня новый годъ! что въ новый годъ умныхъ и послушныхъ дѣтей награждаютъ подарками! Хуже всего то, что Яша, думая избавиться какъ-нибудь отъ пискотни и желая дать покой больной женѣ, имѣлъ неосторожность подтвердить слова дѣда; къ довершенію всѣхъ бѣдъ, онъ добавилъ, что непременно принесетъ игрушекъ всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія, если только перестанутъ они надобѣдать матери: судите же сами, можно ли было оставаться равнодушнымъ при появленіи отца и дѣда!

Не говорю о пятилѣтней плясунѣ; одной секунды было достаточно, чтобъ освободиться изъ-подъ шинели, соскочить на землю и броситься къ отцу, но даже другіе два ребенка, присутствіе которыхъ обозначалось до сихъ поръ жалобами и движеніями подъ одѣяломъ, и тѣ побросались съ кровати и облѣпили отца; казалось даже, самъ новорожденный закричалъ звончѣе обыкновеннаго.

Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ (отцовскіе карманы тотчасъ же оказались пустыми), ребятишки мгновенно обратились къ дѣду, и хорошо впрочемъ сдѣлали: оглушенный ихъ крикомъ, стѣсненный въ своихъ движеніяхъ, Яша шагу не могъ сдѣлать къ женѣ, которая давно, между тѣмъ, повернула къ нему изнеможенное лицо свое и спрашивала о чемъ-то.

— Гдѣ вы долго такъ были?.. Измучили вы меня совсѣмъ!..

говорила она слабымъ, но раздраженнымъ голосомъ, свойственнымъ женщинамъ, одержимымъ грудною болью.

— Никакъ нельзя было... не управился... далеко очень ходилъ, произнесъ Яша, торопливо приближаясь къ постели, между тѣмъ какъ тестъ увлекалъ дѣтей въ дальній уголъ. — Ты, Маша, не сумлѣвайся, поспѣшилъ присовокупить мужъ, замѣтивъ слѣды безпокойства на блѣдномъ лицѣ жены:— ей-Богу не сумлѣвайся... лучше то-есть быть нельзя!.. спроси хоть у батюшки.

— Не сумлѣвайся, Маша, все благополучно! гм! все, какъ есть! подхватилъ старикъ, становясь на цыпочки и бережно укладывая кларнетъ на гвозди подъ потолкомъ, въ талое мѣсто, куда не могли достать дѣти; — лучше быть нельзя! подхватилъ онъ:—и банщикъ, и... и я вотъ кое-что того... Фу, фу, добылъ! и все такое! Полно вамъ кричать-то... ну, что въшаетесь?! (тутъ онъ неожиданно обернулся къ внучкамъ): — эки какіе, право! сказано: принеси—чего вамъ еще. А вотъ кто кричать станетъ, да досаждать, тому ничего не дамъ; такъ, ни съ чѣмъ останется! Видите, матери нездоровится.. эки право безстыжіе какіе!..

Яша поглядывалъ украдкой на жену. Слова отца повидимому не произвели на нее желаннаго дѣйствія: брови ея слегка дрогнули, глаза съ безпокойствомъ переходили отъ мужа къ отцу; грудь, по которой изгибалась темная, глубокая тѣнь, поднялась какъ бы стѣсненная мрачнымъ предчувствіемъ и недоувѣрчивостью.

— Ты думаешь того... нѣтъ, нѣтъ, не сумлѣвайся! заговорилъ вдругъ Яша съ необычайной живостью; при этомъ онъ снялъ съ себя картузь, трахнулъ имъ по воздуху и даже усмѣхнулся; но я былъ всегда того мнѣнія, что Яша Жилетниковъ былъ столько же ловкой акробатъ, сколько плохой актеръ; не смотря на улыбку, лицо его оставалось блѣдно и встревожено, чему не мало способствовали черные волосы, рассыпавшіеся въ беспорядкѣ по плечамъ; въ одномъ развѣ можно было отдать ему справедливость: онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ

стискивалъ зубы, такъ что не было возможности замѣтить, какъ они щелкали.

— Скажете ли вы наконецъ толкомъ-то: что жъ бавыщикъ... далъ ли онъ денегъ? проговорила больная съ большею еще противъ прежняго раздражительностью.

— Какъ же... то-есть, далъ! возразилъ Яша съ увѣренностью.

— Гдѣ же они?.. покажи...

— Погоди маленько... дай вздохнуть... надо, то-есть, видишь ли... надо обождать немножко... Такъ и сказалъ:—сію секунду, говорить, въ наличности не имѣю,... повремени часокъ, говорить, возьми впередъ, говорить, хоть за цѣлый мѣсяць... Ты-бы, Маша, пальтомъ моимъ прикуталась, все бы, того; потеплѣе, ей-Богу! добавилъ неожиданно Яша, приводя въ дѣйствіе слова свои.

Въ отвѣтъ на это, жена его закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Побойся Бога! эхъ! эхъ! ну о чемъ?! заговорили въ одно время Яша и тесть, торопливо подбѣжавшій къ постели: — вѣдь вотъ ты вѣдь какая! не дослушаешь, да и того... эхъ, подхватилъ старикъ:—ну, о чемъ плакать-то? словно махонькая, разсудку, примѣрно, своего не имѣешь... говорятъ, обожди часокъ... вѣдь ждали же, ждали почитай цѣлые мѣсяцы...

— Ваня сказывалъ, встрѣтили Василя Аванасьяча... съ квартиры общалъ согнать.... Обманываете вы меня! проговорила Маша, рыдая.

— Ну, вотъ поди-жъ ты! съ комическою увѣренностью воскликнулъ старикъ:—поди-жъ ты, о чемъ сокрушается!

— Самое, что ни есть пустынное настоящее дѣло! прибавилъ Яша, украдкою грозя сыну.

— Слышь, о чемъ сокрушается! Эхъ-ма! подхватилъ старикъ:—слышь: Василя Аванасьяча повстрѣчала! Да ты спроси сперва-наперва, что было-то? Слава Господу Богу, что еще встрѣтились! Переговорили съ намъ и все такое... повременить общалъ; то-то вотъ не знавши-то, не спросимши, да въ слезы...

— А денегъ-то все нѣтъ!.. Теперь надо бы молочка ребенку, а гдѣ...

— Все будетъ, все, дай только срокъ! вѣдь я же толкомъ говорю: игралъ нонче почитай весь вечеръ на кларнетѣ... ну, и выручилъ, и лавочнику заплатилъ; можно сейчасъ взять. А вотъ встрѣтился еще одинъ человѣкъ: «безпремѣнно, говорить, что принесу нонче же вечеромъ»; былъ за нимъ маленькой должокъ, такъ онъ, примѣрно, обнадежилъ; «безпремѣнно, говорить, принесу»; о чемъ крушиться-то? Бога только гнѣвишь, право!

Тутъ старикъ толкнулъ локтемъ Яшу, и оба соединенными силами припались увѣщавать больную. Яша краснорѣчиво распространялся о добродѣтеляхъ банщика, коснулся, для вящаго эффекта, о стѣсненныхъ обстоятельствахъ этого достопочтеннаго мужа, убѣждалъ жену повременить только часъ, одинъ единственный часъ; говорилъ, что, по прошествіи этого времени, онъ готовъ сломать лѣвую свою ногу, если банщикъ не принесетъ обѣщанныхъ денегъ. Старикъ, въ свою очередь, съ особеннымъ увлеченіемъ повѣствовалъ о лавочникѣ, о добытыхъ деньгахъ и о случайно встрѣтившемся человѣкѣ, который черезъ часъ обѣщалъ выручить. Изъ словъ дѣдушки Герасима ясно значилось, что если онъ не захватилъ молока для новорожденнаго, такъ единственно потому лишь, что лавочка была биткомъ набита покупателями: никакъ не продерешься, и что ему и Яшѣ не въ терпѣжь ужъ было дожидаться на улицѣ: оба страхъ продрогли; а что, вотъ только немного пообогрѣются, сію-жъ минуту пойдутъ въ лавочку, принесутъ все нужное и даже заберутъ кой-чего лишняго.

Не берусь рѣшить, что именно подѣйствовало на больную: краснорѣчивыя ли убѣжденія мужа и престарѣлаго отца, слабый ли лучъ надежды, нежданно прокрашійся въ ея встревоженную душу, или попросту, ослабѣвшіе ея нервы утомились провшедшею сценой, но только она мало-по-малу успокоилась, она перестала плакать, подавила вздохъ, и прикутавъ спавшаго подлѣ младенца, опустила на подушку, при чемъ верхняя часть ея туловища окончательно исчезла въ густой тѣни, бросаемой спанкой кровати.

Яша медленно отошелъ тогда въ дальнѣй уголь, сѣлъ на скамью, и уперевъ локти въ колѣни, опустилъ голову въ ладони.

Трудно рѣшить, о чемъ думалъ онъ въ эту минуту. Скорѣе можно поймать на лету одну за другою дюжину ласточекъ, чѣмъ уловить чужія мысли. Принимая въ соображеніе существующія обстоятельства, можно приблизительно догадываться, что Яша думалъ о теплыхъ квартирахъ и жильцахъ, которые блаженствовали, сидя теперь передъ топившейся печкой; думалъ о знакомыхъ гаерахъ, у которыхъ сытыя дѣти, здоровая жена, и, въдобавокъ, цѣлы ноги; думалъ о нѣсколькихъ тысячахъ сытныхъ пироговъ съ капустой и морковью, которые поспѣвали теперь въ печкахъ; думалъ о нѣсколькихъ стахъ котлетахъ (Яша произносилъ всегда 'коклеты), которыя жарились теперь на плитахъ трактировъ, и пр. Мысли его, цѣпляясь одна за другую, перешли наконецъ незамѣтно къ бумажнику, найденному имъ прошлаго года; въ этомъ бумажникѣ, сказывали ему, было около тысячъ рублей... Тысяча рублей!... Ну что, еслибъ?... Но Яша въ ту же секунду подавилъ въ себѣ такую мысль, и съ этой минуты исключительно ужъ занялся будущностью дѣтей своихъ и судьбою новорожденнаго.

Старикъ, между тѣмъ, давно присоединился къ внукамъ. Онъ усѣлся съ ними на жиденькомъ тюфякѣ, брошенномъ на полу за спинкою кровати, и посадилъ къ себѣ кого на колѣни, кого подѣвъ, а кого такъ, просто; поглаживая по головкѣ, рассказывалъ сказку. Это былъ единственный способъ усмирить на время ребятишекъ и заставить ихъ забыть объ обѣщанныхъ гостинцахъ. И въ самомъ дѣлѣ, слушая дѣдушку Герасима, нельзя было не забыться, нельзя было не развѣсить ушей! Чего только не прилетало онъ къ своей сказкѣ! Тутъ были и коровы съ золотыми рогами, у которыхъ на одномъ боку помѣщалась баня, на другомъ боку котель, такъ, что можно было въ одно время и мыться и париться; были золотыя березы, отягченныя серебряными яблоками; были острова съ медовыми рѣчками, паточными ручьями, кисельными берегами и пряничными домами... Чего только не было! Слюньки текли сами собою. И неизвѣстно, до

какихъ сластей дошелъ бы наконецъ старикъ, еслибъ, поднявъ какъ-то голову, не встрѣтилъ взгляда Яши, взгляда, сопровождаемаго выразительнымъ движеніемъ головы. Старикъ тотчасъ же замаялся.

— Ну, дѣтушки, сказка наша теперь кончена: жили поживали, да добро наживали и все такое... А я вотъ что скажу вамъ, прибавилъ онъ вкрадчивымъ шопотомъ: — вѣтъ мы теперь всѣ, сколько насъ ни на есть, всѣ, и мать, и отецъ, и я, и вы— всѣ, слышь, того... соснемъ маленько.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ спать! закричали дѣти въ одинъ голосъ.

— Тсс... шт!... прошипѣлъ старикъ, выглядывая изъ-за спинки постели и устремляя глаза на больную, лежавшую въ забытьи: — шт!... прислушайте только: вотъ мы того, часочекъ соснемъ, а тамъ, слышь, новый годъ встрѣчать станемъ.., время вѣдь много еще до новаго-то года! Тѣмъ временемъ, я знаю, подойдетъ одинъ человѣкъ, принесетъ денегъ... А вотъ кто плакать будетъ, прибавилъ старикъ, грозя двумъ младшимъ внучкамъ, которые принялись хныкать, тому не будетъ гостинца, право не будетъ! Ну, ребятушки, нут-ка, кто скорѣе заснетъ? Ваня, ты прозлѣбъ, голубчикъ, лягъ-ка, поди, какъ согрѣвешься! заключилъ дѣдъ, обращаясь съ особенною заботливостью къ старшему внуку, какъ къ самому смышленому.

— Что жъ, дѣдушка, коли не хочется, возразилъ Ваня.

— Экой ты, братецъ ты мой, какой! понудь себя маленько... лягъ только, лягъ; я тебя прикутаю. А прійдетъ тотъ человѣкъ— сапоги куплю! Вѣдь твои всѣ прорваны, и на улицѣ-то стыдно показаться, мальчишка и то смѣются. Ну, ребятушки, ляжемъ! Вотъ и я съ вами, только прикутаю.

Сказавъ это, старикъ снялъ съ гвоздя трико, камзолъ, бросилъ ихъ на дѣтей, которыя сбились въ кучку, и вскорѣ самъ присоединился къ нимъ. Магическое слово «сапоги», которые, можно сказать, были первою несбыточною мечтою семилѣтняго мальчика, произвело на Ваню такое же вѣрное дѣйствіе, какъ слово «гостинецъ» на его сестеръ и братьевъ; свернувшись крѣпдеземъ подъ

лохмотьями отцовскаго гардероба, они закрыли глаза, и обманутые притворнымъ храпѣнемъ дѣда, вскорѣ заснули крѣпчайшимъ сномъ...

— Спать? прошепталъ Яша, осторожно приподымаясь съ своего мѣста.

— Угомонились, отвѣчалъ старикъ, отрываясь какъ-бы нехоти отъ группы внуковъ и вставая на ноги.— Яша, прибавилъ онъ, подходя къ зятю и взявъ его за руку, — Яша, неужь-то, въ самомъ дѣлѣ? Одумайся, подумай, съ ней-то что станется! заключилъ онъ, кивая головою на спавшую дочь.

Въ отвѣтъ на это Яша махнулъ только рукой, потомъ перекрестился и съ видомъ суетливаго какого-то замѣшательства приблизился на цыпочкахъ къ кровати; тещъ шелъ за нимъ и также крестился.

Увѣрившись, что больная точно спала, Яша тихонько отвернулъ уголь одеяла, подъ которымъ лежалъ новорожденный (какъ дрожала въ эту минуту рука Яши, о, еслибъ вы только видѣли!). Нужна была необычайная ловкость гаера, (я увѣренъ, что никакой другой человекъ, кромѣ фокусника, или гаера, не справился бы съ такою ловкостью), чтобъ приподнять младенца и не разбудить его. Одинъ крикъ—и все погибло! но крикъ не раздался, и Яша отошелъ съ младенцемъ къ двери.

Тутъ Яша остановился, пригнувъ заплаканнымъ лицомъ свое къ ребенку и перекрестилъ его.

— Мочи нѣтъ, силы не хватаетъ, не могу! прошепталъ онъ задыхающимся отъ сдавленныхъ рыдавій голосомъ: — возьми ты его, отнеси, батюшка... тебѣ все не такъ тяжело... возьми! присовокупилъ онъ, поспѣшно укладывая ребенка на руки старика, и, не давъ ему времени опомниться, вывелъ его изъ комнаты.

Очутившись въ сѣняхъ, они остановились и стали прислушиваться. Имъ послышались чьи-то голоса, сопровождаемые хохотомъ. Догадавшись, что весь этотъ шумъ выходилъ изъ квартиры Анны Ивановны, гдѣ, судя по времени, должна была ужъ начаться пирушка, старикъ и гаеръ подошли къ двери, выходящей на дворъ.

— Услышать... дверь подлѣ... неси... Христось съ тобою! Господи! проговорилъ Яша, прикладываясь губами къ тому мѣсту, гдѣ скрывались ножки, младенца и призывая на помощь всѣ свои силы, чтобъ не разразиться воплемъ: — иди, батюшка! иди, Христось съ нимъ! Счастливые будетъ! Новыче такой день... а затѣмъ больше и ждалъ новаго года... ступай, батюшка!.. Господи!..

Вѣтеръ врывался съ такою силою въ растворенныя ворота, что крутилъ снѣгъ даже въ снѣгахъ; морозъ, казалось, еще усилился: духъ захватывало, но Яша Жилетниковъ никакъ не могъ оторваться отъ снѣжныхъ дверей и продолжалъ крестить окоченѣвшею рукою младенца и тестя, хотя оба были уже давнымъ-давно на улицѣ.

Дѣдушка Герасимъ шелъ между тѣмъ своей дорогой. Дѣдушка Герасимъ былъ человѣкъ старый, и, слѣдовательно, опытный; много извѣдалъ онъ на вѣку своемъ всякой всячины и больше всего горестей: приводилось видѣть, какъ умирали собственныя дѣти, привелось хоронить жену, и какъ еще хоронитъ! безъ гроша денегъ! случалось мерзнуть по цѣлымъ суткамъ и голодать по цѣлымъ недѣлямъ, и проч. и проч. Но всѣ эти испытанія, такъ по крайней мѣрѣ казалось ему въ настоящую минуту, ровно ничего не значили противъ того, что приводилось теперь испытывать.

Мудренаго нѣтъ: ни раза еще не случалось ему подкидывать внучковъ; впечатлѣнiе было ново, и по тому-то самому сильно дѣйствовало. Онъ точно несъ подъ шинелью не младенца, но трехъ-пудовую гирю; колѣни его подгибались сами собою и стучали другъ о дружку немилосерднѣйшимъ образомъ; но хуже всего было то, что на глаза его поминутно набѣгали слезы и застилали зрѣнiе, и безъ того уже довольно слабое. Это обстоятельство было причиною, что съ нимъ произошло именно то, чего онъ такъ опасался, когда повернулъ за уголъ и вступилъ въ сосѣднiй переулокъ.

Противъ самыхъ оконъ Анны Ивановны (квартира золотильщика, если помнитъ читатель, выходила въ переулокъ),

дѣдушка Герасимъ столкнулся носъ къ носу съ дядей Николаемъ, родственникомъ Анны Ивановны.

Старикъ хотѣлъ было прошмыгнуть мимо, но дядя Николай ухватилъ его за шинель и назвалъ по имени. Отступать было поздно. Дядя Николай, освѣщенный съ одной стороны окномъ своей родственницы, съ другой стороны фонаремъ распивочной, представлялъ изъ себя безконечно длинную, сухую, комически мрачную и встрепанную фигуру съ остаткомъ картуза на головѣ, съ остаткомъ синяго длиннополаго кафтана на костлявыхъ плечахъ. Съ перваго же слова легко было догадаться, что онъ только что вышелъ изъ распивочной и съ пользой провелъ тамъ время.

— Стой! произнесъ густымъ, надорваннымъ басомъ дядя Николай, стискивая пальцами воротникъ на шинели дѣдушки Герасима.— Стой!..

— Дапусти; сдѣлай милость... Ну чего привязался, недосугъ, возразилъ старикъ, стараясь высвободить одною рукою шинель, тогда какъ другая рука поддерживала внучка.

— Стой!.. ты оттедова... долженъ знать... всѣхъ знать долженъ, какіе такіе у этой вѣдьмы... А я ихъ всѣхъ разобью... потому какъ она меня не пускаетъ... да, потому, выходить, всѣхъ разобью! мрачно проговорилъ дядя Николай, грози кулакомъ въ окно Анны Ивановны, за которымъ раздавались голоса и хохотъ.

— Ну да хорошо, хорошо, бей, пожалуй, только не держи... право некогда,пусти пожалуйста... сказалъ старикъ, прислушиваясь испуганнымъ ухомъ, не заплакалъ ли внучекъ.

— Погоди, стой!.. слышь, такъ имъ не пройдетъ... я имъ покажу... потому какъ она вѣдьма меня не пустила, да ну я ей... слышь! слышь! крикнулъ вдругъ дядя Николай, окончательно выходявшій изъ себя каждый разъ, какъ за окномъ говоръ и хохотъ раздавались слышнѣе.

— Фу ты братецъ какой право несообразный! дапусти же, говорятъ недосугъ! досадливо проговорилъ старикъ, который,

безъ сомнѣнія, давно бы урвался, если бъ не боялся разбудить младенца.

— Стой!.. погоди!.. такъ, говорю, не пройдетъ!.. продолжалъ между тѣмъ бѣсноваться дядя Николай, яростно махая кулакомъ передъ окномъ: — я тебѣ покажу, вѣдьма ты эвдакая, эхидная, тварь! всѣхъ разобью!.. дамъ звать... слышь? слышь? пируютъ!.. кантуютъ!.. о! о! о!.. съ возраставшимъ гнѣвомъ крикнулъ обиженный дядя Николай, замахиваясь вдругъ обоими кулаками въ окно и какъ бы намѣреваясь разбить его въ дребезги. Онъ тутъ же, однакожь, перемѣнилъ страшное свое намѣреніе; надо полагать: духу не хватало, или чувство мести недостаточно еще созрѣло въ оскорбленной груди дяди Николая; пылая, вѣроятно, яростнымъ нетерпѣніемъ подкрѣпить одно и возбудить другое, онъ выпустилъ вдругъ шинель старика, и опрометью, со всѣхъ ногъ, кинулся въ распивочную.

Дѣдушка Герасимъ торопливо подобралъ полы шинели, прикрылъ ими драгоценную свою ношу, и не много погодя достигнулъ противоположнаго угла переулка.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ,

ВЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕВОДѢ Г. ГЕРБЕЛЯ.

Статья I.

Со времени перваго изданія въ свѣтъ Пѣсни о полку Игоревѣ, 1800 года, издано у насъ въ продолженіе 50-ти лѣтъ, 7 прозаическихъ и 8 стихотворныхъ переводовъ ея на нынѣшній русскій языкъ (не говорю о переводахъ на языки иностранцыя). А сколько написано примѣчаній, изслѣдованій! Такъ велико и постоянно вниманіе, возбуждаемое этою *лебединою пѣснію* древней Руси!... И вотъ она является нынѣшняго 1854 года въ новомъ стихотворномъ переводѣ г. Гербеля, и въ такомъ нарядномъ изданіи, въ какомъ ни разу еще не выходила. Перечитавъ съ удовольствіемъ этотъ новый переводъ Пѣсни Игорю, вѣняю себя въ новое удовольствіе дать критическій отчетъ объ немъ, — припоминая себя давнюю работу мою — надъ ея критическимъ разборомъ, въ трехъ лекціяхъ (напечатанныхъ 1836 г. въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.), и надъ переводомъ ея, изданнымъ 1837 г. (для моихъ слушателей въ университетѣ св. Владимира) (*).

1.

Послѣ всего написаннаго о Пѣсни Игорю, и особенно послѣ прекрасной лекціи г. Шевырева (1846 г. въ Истор. Рус. Слов.) — излишне было бы входить здѣсь въ общія объ ней разсужденія. Достаточно будетъ указать только, въ чемъ состоитъ особенность повѣстическаго взгляда на нее г. Гербеля. Онъ полагаетъ всю особенность ея — въ *тонѣ* и *складѣ* рѣчи ея, которыя и старался онъ *сохранить*

(*) Мой подстрочный переводъ напечатанъ съ однимъ только текстомъ Пѣсни, безъ всякихъ примѣчаній и поясненій; и этотъ недостатокъ замѣню хоть нынѣшними замѣчаніями на новый переводъ ея.

по-возможности (стр. 29 и 30). Владѣя стихомъ легкимъ и звучнымъ, переводчикъ достигъ этой цѣли: переводъ его производитъ общее впечатлѣніе, подходящее къ тому, какое остается въ насъ по прочтеніи подлинника. Въ этомъ его отличительное достоинство. Ибо, по близости къ подлиннику въ передачѣ подробностей, переводъ г. Гербеля уступаетъ не рѣдко какъ гекзаметрическому переводу г. Деларю (1839 г.), такъ и переводу г. Мея (1850 г. въ *Москвитинѣ*); написанному размѣромъ народно-русскихъ стиховъ. Переводъ г. Мея тѣмъ неудовлетворителенъ, что въ немъ древняя пѣснь русскаго юга иногда перестроена на тонъ и складъ сѣверно-русскихъ стиховъ про *веселья* *молодцевъ* новгородскихъ. Таково, напримѣръ, самое начало пѣсни:

«Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ
Пѣсню слезную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святославича.
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавнюю былинкушу,
Не по замыслу Боянову....
Такъ затынемъ же ребята пѣсню дружную.»

У г. Гербеля это начало передано въ тонъ болѣе соответственномъ подлиннику:

«Не начать ли, братцы, мнѣ
Моего повѣствованья,
По завѣтной старинѣ,
Складочъ важнаго сказанья
Про исполненный невзгодъ
Святославича походъ?
И начать рассказъ мнѣ свой
Не по пѣснямъ вдохновеннымъ
Соловья страны родной,
А по былямъ современнымъ.»

Чтобы *поддѣлаться* удобнѣе подъ тонъ рѣчи подлинника, переводчикъ для каждой главы подбиралъ соответственный стихотворный размѣръ (с. 30). Тутъ — дѣло мастера боится; — тонъ рѣчи выдержанъ равно, и въ народно-русской мѣрѣ стиха, избранной для нѣкоторыхъ главъ — на мой взглядъ, только двѣ главы, переведенныя безрифменнымъ гекзаметромъ, какъ-то рознятся съ остальными десятью, придавая иногда и самимъ подробностямъ несвойственный характеръ. Я разумѣю особенно ту главу, гдѣ описана *побѣда* надъ Половцами: «Съ заранія въ пяткѣхъ потопташа поганья плѣкы половецкыя.» Тутъ всего болѣе имѣлъ бы мѣсто размѣръ народныхъ пѣсень, для выраженія русскаго удали, какъ въ переводѣ Мея:

«Спозаранокъ было въ пятницу —
 Потоптали ваши витязи
 Половецкую силу поганую;
 Поразсыпавшись стрѣлами по полю....»

Въ переводѣ г. Гербеля это мѣсто сбивается на Илиаду:

«Встрѣтившись въ пятницу утромъ, Русичи дружными калоромъ
 Сняли враговъ....»

и особенно, когда вмѣсто *серебрянаго копья*, встрѣчается «*древко хитрой чеканной работы.*» У пѣвца Игоря простой металлъ, и ни слова о хитрой работѣ.

2.

Г. Дубенскій пытался разбивать и самый подлинникъ Пѣсни на ровные гекзаметрическіе стихи; но это было напрасное дѣло. Г. Гербель разбилъ ее на стихи неровной величины (на основаніи моего мнѣнія о ближайшемъ сродствѣ Пѣсни Игорю съ Украинскими думами и по складу ея рѣчи). Стихи, на которые онъ раздѣлилъ пѣснь Игорю, иногда слишкомъ уже drobны; но во всякомъ случаѣ эта работа г. Гербеля составляетъ памятную услугу его въ отношеніи къ подлиннику Пѣсни. Напечатаніе текста кирилловскими буквами тоже составляетъ отличіе и достоинство его изданія.

3.

Что касается до дѣленія Пѣсни на главы, то г. Гербель принялъ Сахаровское дѣленіе на 12 пѣсень (вмѣсто 14, предложенныхъ мною, или 16, предложенныхъ г. Шевыревымъ). Но это напрасно; ибо г. Сахаровъ во 2 и 3 главѣ соединилъ *по двѣ* особыя. Неправильность этого соединенія отозвалась на самомъ переводѣ г. Гербеля. Ко 2-й главѣ (тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце....) относится *вѣще затмѣніе*, бывшее въ среду 1 мая, когда Игорь подходилъ къ р. Довцу, и приходъ къ нему брата Всеволода на другой день, когда Игорь былъ на р. Осколь. — За тѣмъ слѣдуетъ уже особая глава (Тогда вступи Игорь въ златъ стремянь...). Тутъ пѣвецъ изобразилъ *грозную ночь*, въ продолженіе которой Игорь сдѣлалъ большой переходъ. Это была уже вторая ночь послѣ затмѣнія, съ четверга на пятницу; а у г. Гербеля она представлена вслѣдъ за затмѣніемъ, какъ бы съ середины на четвергъ. Пѣвецъ только припоминаетъ здѣсь о бывшемъ затмѣніи, говоря: *солнце ему нуть заступало*; — и потомъ начинаетъ рѣчь о самой *ночи* этой, — что она, *грозою застонавъ ему* (Игорю), *птицъ разбудила*.... А въ переводѣ Гербеля вы видите продолжающееся затмѣніе солнца:

«Но солнце дорогу ему застигаетъ
 Поляною синею мглой;
 Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ.»

У пѣвца скрипомъ половецкихъ телѣгъ означена *полночь* (у переводчика неопредѣленно сказано: *поздней порой*). Послѣ полуночи, у пѣвца выражена нетерпѣливость поспѣшающаго Игорева войска, что долго тянется эта ночь, и не скоро появляется заря поваго дня. «Длго ночь мръкнеть; заря свѣтъ запала; мѣгла поля покрыла» А въ переводѣ, все еще только начинается эта ночь:

«Спускается ночь съ высоты;
 Заря, чуть мерцаая, *вдали* догарааетъ,
 Поля покрываются мглой.»

4.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію подробностей перевода, въ которомъ — какъ говоритъ г. Гербель — старался онъ о *возможно-вѣрной* передачѣ красотъ подлинника. (Всѣ переводившіе Пѣснь Игорю, какъ стихами, такъ и прозою, вѣроятно, заботились о томъ же; ибо каждый переводъ, и прозаическій и стихотворный, то же, что портретъ — гдѣ *сходство* съ подлинникомъ есть главное достоинство. Но г. Гербель строго осудилъ всѣ прозаическіе переводы, говоря, что въ нихъ дорожили болѣе примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ переводами, — и полагая только переводъ г. Вельтмана *счастливымъ исключеніемъ* изъ нихъ!)

Я начну съ простыхъ красокъ, которыми обрисованы у пѣвца Игоря разные предметы. Взглянемъ прежде всего на обрисовку оружія и доспѣховъ воинскихъ.

5.

(*Щитъ*). Пѣвецъ Игоря, когда говоритъ о щитахъ, всегда ихъ называетъ *чръленными*; такими нарисованы щиты русскихъ и на картинкѣ «св. Борисъ ѣдетъ на Печеньги» — въ древней харатейной рукописи житія Борисова (находящейся въ типографской библіотекѣ).

Но переводчикъ ни разу не нарисовалъ щитовъ красвыми.

Изяславъ, Городецкій князь, въ битвѣ съ Литвою — «подъ *чръленными щитами* на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими *мечи*.» Въ переводѣ:

«Палъ подь ударами *сабелъ* литовскихъ, прикрытъ *щитами*,
 На орошенную кровью траву....»

Передъ битвою съ Половцами на Каня въ субботу, и на Сюрлів въ пятницу, у пѣвца два раза нарисованы Русскіе, загородившіе поле *чръленными щитами*; въ переводѣ — просно *щитами*.

Изображая грозную ночь, пѣвецъ — (безъ сомнѣнія бывшій въ этомъ походѣ) говоритъ между прочимъ: «лисици брешутъ на чръленыя щиты.» Тутъ всего болѣе надо было нарисовать пшты красными, такъ какъ этотъ цвѣтъ раздражаетъ многихъ животныхъ. Но въ переводѣ г. Гербеля и тутъ не передана краска подлинника:

«Проснулись лисци и лають за станомъ,
Завидя стальныя щиты.»

6.

(*Мечъ и сабля*). — Въ вышеприведенномъ мѣстѣ о князѣ Изяславѣ, пѣвецъ даетъ Литовцамъ *мечи*, а переводчикъ *сабли*. Далѣе, внукамъ Всеслава пѣвецъ говоритъ: «вонзить свои *мечи* верезени.» У переводчика: «вложите въ ножи свои притупленные *сабли*.» Пѣвецъ говоритъ: «той бо Олегъ *мечемъ* крамолу коваше», — въ переводѣ — «*саблею* ковалъ.» У пѣвца о Святославѣ сказано: «притрепеталъ *харалужными мечи*;» у переводчика — *саблями булатными!* Половцамъ пѣвецъ даетъ *только сабли*; а переводчикъ не одинъ разъ даетъ имъ *мечи*. Князьмъ Рюрику и Давыду, пѣвецъ говоритъ: «не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури, ранены *саблями калеными* въ полѣ незнаемъ?» Въ переводѣ:

«Не ваши ль дружны рыкають,
Среди незнакомыхъ полей,
Подобво израненымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?»

Бояре говорятъ Святославу о поражении Игоря и Всеволода: «Уже соколома грильда припѣшалъ *поганыхъ саблями*.» Въ переводѣ:

«Но крылья могучія ихъ
Враги обрубилъ стальными мечами.»

Вотъ еще замѣчательное мѣсто, въ обращеніи пѣвца къ Роману и Мстиславу: «Литва, Ятвязи, Деремела — *сулицы* своя повръгоша, а главы своя поклониша подѣ тыи *мечи харалужныя*.» Въ переводѣ:

«Повергли *оружье* предѣ вами,
Склонилась подѣ *сабли Славянъ*.»

Въ Пѣсни Игорю нѣтъ и помину о *Славянахъ*; когда же переводчикъ, давая безъ разбора мечи и сабли, называетъ мечи волинскихъ князей «саблями Славянъ», то не лишнимъ считаю сказать, что Славянамъ собственно принадлежали *мечи*; а *сабли* вошли на Русь отъ воевавшихъ съ нею Азіятцевъ (Половцы и представлены у пѣвца только съ саблями; а Русь и Литва съ мечами; изъ Русскихъ только Куряне

съ саблями). Припомнимъ изъ Пестора, дѣнь днѣпровскихъ Полянъ Козарамъ — *отъ дьма мечь*. «Рѣша старци козарьстїи: не добра дань книже! *Мы* ся доискахомъ оружіемъ одною стороною, рекше *саблями*, а *силъ* оружіе обовоуду остро, рекше *мечь*.» Припомнимъ еще замиреніе воеводы Прѣтича (968 г.) съ княземъ печенѣжскимъ. «И вѣдѣсть печенѣжскїй князь Прѣтичю конь, *саблю*, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, *мечь*.»

7.

(*Латы*). — У пѣвца Игоря ударъ меча и сабли *объ шеломи* есть характерная и любимая черта въ изображенїи битвы. «Единъ же Изяславъ — позвони своими острыми *мечи о шеломи* Литовскыя.» Въ изображенїи Всеволода, бьющагося на Каялѣ: «прыщеши на вон стрѣлами, гремлеши *о шеломи мечи харалужными*.» Въ переводѣ вѣрно: «и гремишь *объ ихъ шлемы мечами*.» Изображая пораженіе Русскихъ на Каялѣ, пѣвецъ говорить: «съ заранїа до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы каленыя, *гримлютъ сабли объ шеломи*, трещать копїа *харалужныя*.» Въ переводѣ:

«Стрѣлы *тучами* летять,
Копья *крѣпкія* трещать,
И *о бляхи мѣдныхъ латъ*
Сабли острия *гремятъ*.»

Тутъ произвольно, вмѣсто шоломовъ, даны *бляхи мѣдныхъ латъ*. Но пѣвецъ Игоря совсѣмъ исключилъ *мѣдь* изъ своихъ красокъ, и въ его Пѣсни ничего нѣтъ *мѣднаго*. О *латахъ* ни разу не случилось упомянуть ему; а въ переводѣ г Гербеля еще разъ встрѣчаются *латы* (жельзныя), на князьяхъ Романѣ и Мстиславѣ:

«За тѣмъ, что латинскїе шлемы
И *латы* на вашихъ плечахъ.»

Въ подлинникѣ: «суть бо у ваю *жельзными папорзи* подъ шеломи латинскими.» Первые издатели Пѣсни перевели *жельзными латами*, и этотъ переводъ повторялся долго, по незнанїю, что такое *папорзи*. Догадка Грамматина, что это *нагрудники* (ноперси!) была неудачна. Но теперь это слово уже объяснено; г. Шевыревъ и въ живой рѣчи русской подслухалъ слово *папорзокъ* (см. его *Попѣдку* 1850, ч. I. стр. 403).

Въ переводѣ г. Минаева, напечатанномъ 1846 года, передано это мѣсто вѣрно:

«Вы подъ шлемы латинскїе
Взяли *крылья жельзныя*.»

Но г. Гербель пропустилъ это важнѣйшее и, можно сказать, единственное мѣсто перевода Минаева, — которымъ онъ послужилъ къ поясненію подлинника пѣсни, (между тѣмъ какъ г. Гербель руководствовался фантазіей г. Минаева въ *уясненіи* себѣ другихъ темныхъ мѣстъ, напримѣръ, о стягахъ Давыдовыхъ, о клюкахъ Всеславовыхъ!). Пѣвецъ уподобляетъ палеть Романа и Мстислава на враговъ ширявію сокола за птицею, — и продолжаетъ: «суть бо у ваю *жельзными папорзи*». Но что же означилъ онъ *жельзными крыльями*? И Шевыревъ (тамъ же) говоритъ: «должно разумѣть желѣзные наплечники и даже латы». — Такъ и у г. Гербеля — латы на плечахъ. А по моему мнѣнію, такъ пѣвецъ самъ поясняетъ *папорзы*, говоря объ нихъ: *тѣми — тресну земля... подъ тѣми мечи харалужныи!* — Мѣстоименіе *тѣми* очевидно относится къ *папорзамъ*.

Для археологіи любопытно извѣстіе пѣвца, что помянутые Волинскіе князья носили шлемы *латинскіе* (нѣмецкіе). Очень могло быть, что на этихъ шлемахъ въ видѣ украшенія были изваяны соколиныя крылья, что это и подало поводъ пѣвцу сравнивать Романа и Мстислава съ соколами, и назвать *мечи* ихъ желѣзными крыльями.

8.

(О шлемахъ). Но шлемы князей Русскихъ вообще пѣвецъ рисуетъ *золотыми*. Съ этимъ сходно и воспоминаніе Волинскаго лѣтописца о Мономахъ: «тогда Володимѣръ Мономахъ *пиль золотымъ шеломамъ Донъ*.»

Пѣвецъ Игоря, въ обращеніи къ Рюрику и Давыду, говоритъ: «пе ваю ли *злачеными шелома* по крови плаваша?» Переводчикъ даетъ имъ *стальные* шелома, вмѣсто золоченыхъ:

«Не ваши ли шлемы *стальные*
Забрызганы кровью чужой?»

Въ переводѣ г. Мея гораздо лучше:

«Ваши шлемы золоченые
По рѣкъ кровавой плавали.»

Князьямъ Мстиславичамъ пѣвецъ говоритъ: «кое ваши *златые шелома*, и сулицы лицкіе, и щигы?» Здѣсь только *сулицы* (щиги) названы *лицкими*; а въ переводѣ г. Гербеля не вѣрно:

«Къ чему же вамъ *польскіе шлемы*,
Съ *мечами* и *копьями итѣ*?»

Тутъ г. Гербель поруководствовался фантазіей г. Минаева:

«Въ простѣнкахъ развѣшаны
Доспѣхи *все Ляшскіе*:
И шлемы, и дротики,
И щиты съ *кольчугами*» и т. д.

У г. Мея переведено это съ надлежащею вѣрностью:

«Для чего же вамъ шелома золоченые,
И щиты, и конья ляхскія?»

Буй-туръ Всеволодъ, въ субботней битвѣ на Каляѣ, скачетъ, «своимъ *златымъ шеломамъ* посвящая.» Ему одному только оставленъ золотой шелома въ переводъ г. Гербеля:

«Гдѣ ны появившись ты богатырь, *золоченымъ шеломамъ*
Блещи, тамъ въ прахъ лежатъ половецкія головы грудой.»

А Игорю князю, томному мономаховскою жаждою Дона, переводчикъ далъ отъ себя не золотой, а *железный* шелома!

Не испугавшись полного затмѣнія солнца (какъ нѣкогда отъ него перетрусился до смерти лакедемонскій вождь), Игорь говоритъ къ своей дружинѣ:

«Хочу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго, съ вами Русиди! Хочу главу свою приложити, а люблю испити шеломамъ Дону!»
Въ переводъ:

«Хочу, продолжалъ онъ, *объ поле чужое*,
Чужой половецкой земли,
Сломить вмѣстѣ съ вами копье *боевое*,
Дружина и братья мои!
Хочу положить свои кости за *Дономъ*,
На берегъ дальнемъ его,
Или зачерпнувши *железнымъ шеломамъ*,
Напиться *воды* изъ него!»

Если переводчикъ рѣшился знаменательное выраженіе того *взба: испити шеломамъ Дону*, развить въ подробности (*зачерпнувши, напиться воды изъ него*), тогда и шелома нарисовать бы *золотымъ*, а не *железнымъ*. У г. Минзева это передано такъ:

«Съ вами жить и не жить,
Съ вами Дону испить
Я хочу, и напьюсь изъ *стального шелома*..»

Въ переводъ г. Мея вѣрнѣе обоихъ:

«Аль сложу свою я голову,
Аль напьюсь шеломамъ изъ *Дону*!»

«Конецъ поля» значить *въ концѣ поля*: чтò и слѣдовало выразить; ибо въ томъ и была мечта Игоря, чтобы *поискати града Тьмутараканя*, а люблю испити шеломамъ Дону.» Это мѣсто пѣсни у г. Гербеля переведено вѣрно, съ поясненіемъ:

«Чтобъ *вырвать у Половецевъ Тьмутаракань*,
Иль шеломамъ напиться изъ *Дона*!»

Но тамъ, прибавка *дальнаго берега* къ Дону не совсѣмъ умѣстна; ибо Игорь говорилъ эти слова не надъ Десною, а уже на берегу Донца.

Слова Игоря: *хоу голову свою положить*, слѣдовало удержать въ переводѣ, не замѣняя головы *костями*. *Сложить голову* — выраженіе завѣтное и историческое. Такъ, въ томъ же вѣкѣ, въ часъ роковой войны, Изяславъ и Ростиславъ, прибѣжавъ къ Вячеславу, говорили: «отче, *хочемъ головы своя сложити* за тя!» Князь Василько, подобно Игорю, говорилъ: «да любо налѣзу собѣ славу, а любо *голову свою сложю за Рускую землю!*» Великій князь Изяславъ (1078 г.) говорилъ брату своему Всеволоду: «азъ *сложю главу* свою за тя!» Вспоминемъ и Святослава за Дунаемъ (974 г.): «уже намъ нѣкамо си дѣти, волею и неволею стати противу: да не посраимъ земли Рускіи, но ляжемъ костями, мертвыи бо срама не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, не имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами поиду; аще моя *глава ляжетъ*, то промыслите собою! И рвша вои: *идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ!*»

9.

(*Сѣдло и стремена*). — Какъ шлемы князей пѣвецъ Игоря рисуетъ *золотомъ*, такъ и сѣдло, и стремена княжескія у него *золотыл*.

Ильненіе Игоря на Каялѣ у него изображено такъ: «ту Игорь князь высѣде изъ *сѣдла злата*, а въ сѣдло *кощиево*.» У г. Гербеля это передано вѣрно:

«Гдѣ онъ *славный ужъ* князь *Сьверскій*
Изъ сѣдла *раззолоченаго*
Перестѣлъ въ сѣдло *половника*.»

Но стремена переводчикъ рисуетъ по-своему. Пѣвецъ Игоря, вмѣсто простаго выраженія — сѣсть на коня, говоритъ: *вступитъ въ стремя*, и всегда прибавляетъ *золотое*.

«Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ *стремени*, и поѣха по чистому полю.» Въ переводѣ:

«Князь Игорь въ *чеканное* стремя вступаетъ,
И *идеть дорогой* степной.»

Замѣна золота *чеканью*, и потомъ еще замѣна *дордою* поля чистаго — отвѣдали вѣрность и даже красоту у этой картины. Что за *дорога* ночью въ полѣ незнаемомъ, когда и Половцы побѣжали *неготовыми дорогами*, т. е. не дорогами, а прямо степью. — *Поле чистое* (раздолье широкое!) тутъ именно кстати поставлено для Игоря, — когда онъ, дождавшись брата Всеволода и получивъ вѣсть отъ передовой сторожи, пустился на всю ночь въ походъ. Поутру они настигли Половцевъ, и князь Игорь, изрядивши полки свои, воскликнулъ: «братья! сего есми искали, а потягнемъ!» А переводчикъ передалъ *поле чистое* Половцамъ.

О князь Олегъ пѣвецъ говорить: «ступаетъ въ златъ стремя
въ градъ Тьмутороканъ.» Въ переводѣ:

«Еще бывало на коня
Садился онъ въ Тьмуторокани,
А ужъ къ концу того же дня....»

Прибавкою — къ концу того же дня, переводчикъ нарисовалъ отъ себя поэтическую картину, въ которой Олегъ становится похожимъ на Всеслава. А пояснительнымъ выраженіемъ — *садился на коня*, замѣнилъ свѣ любимый пѣвцомъ Игоря оборотъ рѣчи — *вступить въ золотое стремя*.

Такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтическую образность выраженія переводчикъ иногда замѣняетъ пояснительнымъ прозаическимъ словомъ. Пѣвецъ, изображая полумночный побѣгъ Всеслава изъ Бѣгорода, говоритъ: *обьсися силъ мгль*; этимъ картиннымъ выраженіемъ пѣвецъ замѣнилъ летописное выраженіе Нестора: *утаився Кіянъ*; а переводчикъ замѣнилъ его прозаическимъ словомъ: *пользуясь синею мглою*.» Впукамъ Всеслава пѣвецъ говорить: «уже бо *выскочисте* изъ дѣдней славы!» Въ переводѣ передаю прозаически и не довольно вѣрно: «вы *обезславили дѣдовъ*!» Тутъ рѣчь объ одномъ дѣдѣ, о Всеславѣ, а не о предкахъ. (Въ моемъ переводѣ это мѣсто было передано довольно близко: вы уже *отпали* отъ дѣдовской славы!).

Въ Пѣсни Игорю еще разъ встрѣчается рѣчь о стременахъ, въ обращеніи къ Рюрику и Давыду: «вступита, господина, въ злата стремя!» Тутъ у г. Гербеля передано прекрасно:

«Скорѣй въ стремя золотыя
Вступайте — и *вхремъ* за Донь!»

40.

О прибавкѣ здѣсь *вихря* не могу не сдѣлать слѣдующаго замѣчанія. Въ Пѣсни Игорю только одинъ разъ встрѣчается уподобленіе *вихрю*, — Кіевского князя Святослава, побѣдителя Кобяка, котораго онъ «яко вихрь выторже.» Переводчикъ сказалъ про него просто — *исторгъ*; и отивши отсюда *вихрь*, рисуетъ имъ уже отъ себя другихъ князей, въ томъ числѣ и Всеслава Полоцкаго:

«И не *клюкой* подпираясь, а съвъ на коня боеваго,
Въ Кіевъ престольный *помчался* онъ *вихремъ* степнымъ.»

Въ подлинникѣ: «той *клюками* подпрѣся о кони, и скочи къ граду Кіеву.» Уподобленіе *степному* вихрю не плетъ князю *Полотскому*. Да и почему же *не клюкой* подперся онъ, когда у пѣвца говорится утвердительно: подперся *клюками*! — Тутъ переводчикъ поруководствовался фантазіей г. Минаева:

•Ужъ онъ подируется
 Не посохомъ старческимъ,
 А лукой высокою
 Съдла королевскаго....
 ... И понесса бурюю....»

Уподобленіе *стенному вихрю* не сходится и съ тѣмъ представле-ніемъ Всеслава, какое дано ему въ Пѣсни: тамъ онъ рыщетъ *волкомъ*, скачетъ *лутымъ звѣремъ*. Къ-тому же вспомнимъ, что Всеславъ не вихремъ примчался въ Кіевъ, а, положась на обманный призывъ Ярославичей, «перѣѣха въ лодьи черезъ Днѣпръ» — и приведенъ изъ Смоленска въ Кіевъ, какъ *узникъ*, и посаженъ въ порубъ, — и отгуда уже освобожденный народомъ, сѣлъ онъ на престолъ кіевскомъ. — (Впрочемъ сказаніе Пѣсни о Всеславѣ не совсѣмъ сходится съ сказаніемъ Нестора: битва на Немигѣ, такъ мастерски нарисованная въ Пѣсни, послѣ побѣга Всеслава изъ Бѣлгорода — происходила, по сказанію Нестора, прежде 7-ми-мѣсячнаго княженія Всеслава въ Кіевѣ).

44.

(*Стрѣлы*). — «Летятъ стрѣлы каленыя.» Въ переводѣ: «стрѣлы тучами летятъ.» Тутъ у пѣвца стрѣлы названы *калеными*, тѣмъ именемъ, которое присвоилось стрѣламъ, какъ постоянный, неотлучный эпитетъ, — какъ полю названіе *чистаго*, звѣрю *лотаго*, коню *борзаго*, дѣвицѣ *красной*. Эти вѣковыя слова сами по себѣ уже даютъ поэтическую красоту своимъ предметамъ; и пропускать такія слова изъ Пѣсни Игорю значить убавлять красоту ея выраженія. Переводчикъ поставилъ: *тучами летятъ*; это у него любимое слово для изображенія полета стрѣлъ. О князѣ Всеволодѣ говоритъ онъ: «осыпаешь тучею стрѣлъ» — у пѣвца: «прыщешь на вонъ стрѣлами.» — Тоже и въ пѣсни Ярославны. Въ подлинникѣ: «о вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычещи хиновскія стрѣлки, на своєю нетрудною крилцю, на моя лады вонъ?...» По переводу г. Гербеля:

«Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный!
 Что ты воешь и свистишь?
 Что ты въ вебъ, беззоботный,
 Тучи черныя клубишь?
 Для чего ты окрыляешь
 Вражьи стрѣлы? для чего
 Цѣлой тучей насылаешь
 Ихъ на друга моего?»

Это можно назвать болѣе подражаніемъ Козлову, чѣмъ пѣвцу Игорю; въ переводѣ Козлова:

«Ветеръ, ветеръ, о могучій,
 Буйный ветеръ! что шумишь?
 Что ты въ небѣ черны тучи
 И вздымаешь и клубишь?
 Что ты легкими крылами
 Возмутить потокъ рѣки,
 Въя ханскими стрѣлами
 На родимые полки?...»

У пѣвца Игоря *тучами* рисуется *толпа* войска (какъ и въ Украинскихъ думахъ). А полетъ стрѣлъ, навѣваемыхъ вѣтромъ («се, вѣтри стрибожы вѣуци, вѣють съ моря стрѣлами»), у пѣвца представляется въ видѣ *дожда*, — какъ у него и сказано, *передь битвою съ Половцами: «быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!»* По переводу г. Гербеля:

«... быть сильному грому;
 Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона....»

Сходно съ такимъ представленіемъ полета стрѣлъ, — и вышеприведенное выраженіе Пѣсни: *прищещь стрѣлами* — вѣрнѣе было бы передать *дождемъ* стрѣлъ, нежели *тучею*, которою у пѣвца изображается толпа войска.

12.

Тутъ мнѣ вспоминается другое мѣсто въ Пѣснѣ, о побѣгѣ Игоря изъ плѣна: «*Присну море полунощи; идутъ сморци мъглами; Игоревн Князю Богъ путь кажетъ....»*

Въ переводѣ передано невѣрно:

«Въ полночь море *взволновалося*;
Небо тучами покрылося:
 Кажеть Богъ дорогу Игорю...»

Сморци — смерчи, водяные *столбы*; ими *хлынуло* море; они *идутъ* какъ туманъ; ими Богъ путь кажетъ князю Игорю — «на землю Русскую, къ *отню злату столу*...» Въ переводѣ:

«Изъ неволи въ землю Русскую,
 Въ край родной — къ *столу отцовскому*».

Тутъ не дорисованъ *отень златъ столъ*: у пѣвца Игоря (также какъ и въ Чешскомъ «Судѣ Любуши»), — эти три слова какъ будто одно сложное слово; безъ слова *золотой* и не поминается *столъ* княжескій. Но въ переводѣ это не выдержано. Въ воззваніи къ Суздальскому князю Всеволоду, пѣвецъ говоритъ: «Не *мыслию* ти прелетѣти *издалеча*, отпя злата стола поблюсти!» Въ переводѣ г. Гербеля:

«Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой, на защиту
Престола отца своего?»

Въ переводѣ г. Мея:

«Князь великій Всеволодъ! Не мысляю
Перенестся тебѣ издали,
Побережь отцовскій золотой престолъ».

А вышеприведенное мѣсто объ Игорѣ, у г. Мея передано такъ:

«Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ Половецкой, въ землю Русскую,
Къ золоту престолу отчому!»

Въ Пѣсни сказано объ Игорѣ и Всеволодѣ: «Се бо два сокола слетѣста съ отни злата стола».

Въ переводѣ г. Мея:

«Оттого, что оба сокола
Отлетѣли съ золотѣ престола отчаго».

Въ переводѣ г. Гербея:

«Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
Слетѣли съ отцовскаго трона,
И вихремъ помчались на брань...»

Тутъ переводчикъ весьма кстати придалъ отъ себя соколамъ народно-поэтической эпитетъ *ясный*; но прибавленіе: «какъ утренній свѣтъ», уже излишекъ. — Прибавка: *вихремъ помчались*, совсѣмъ не уместна, ибо Игорь, выступивъ въ походъ 23 апрѣля, къ Донцу дошелъ только 4-го мая: «и тако *идяхуть тихо*, собираюче дружину свою: бѣхуть бо у нихъ кони *тучни велми*» (говоритъ Кіевская летопись, передавшая намъ много вѣрныхъ подробностей о походѣ Игоревомъ).

43.

Въ переводѣ г. Гербея не одиѣ разъ встрѣтите *прибавленія* къ подлиннику, которыми нарушается вѣрность или исторической дѣйствительности, или картины, нарисованной пѣвцомъ.

Ворота съ изъ пльва, «Игорь ѣдегъ по Боричеву» къ Святѣй Богородицѣ Пирогощей.

«Игорь ѣдетъ домой
На Боричевъ, къ святой
Пирогощей свой путь направляя...»

Пѣтъ, не *домой*, а уже *изъ дому* ѣхалъ Игорь въ Кіевъ по Боричеву. Бѣжавъ изъ пльва, Игорь въ 11 дней дошелъ — «до города

Донца; и оттогда иде во свой *Новгородъ*—и образовашася ему; и изъ Новгорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову.... *оттолѣ ѣха ко Кіеву* къ Великому Князю Святославу, и радѣ бысть ему Святославъ...» (Кіев. лѣт.) О церкви св. Пирогощей, въ примѣчаніяхъ г. Гербеля (стр. 147), напрасно сказано, что на ея мѣстѣ нынѣ стоятъ церкви *Трехъ Святителей*: эта послѣдняя церковь есть древняя *Васильевская*, сооруженная св. Владимиромъ; она осталась на своемъ мѣстѣ, на уцѣлѣвшемъ отъ древняго времени каменномъ основаніи (см. въ *Кіевлянинахъ*, кн. I. *Обозрѣніе Старога Кіева*).

14.

Пѣвецъ Игоря говоритъ объ *ранахъ* его, напримѣръ въ плачѣ Ярославны: «утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Отыщу его, и стану
Обмывать своей рукой
Окровавленную рану
На груди его большой!»

Такъ и въ переводѣ Козлова:

«Я допчусь къ родному ставу,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его молодой!»

Если уже означать мѣсто, гдѣ именно были *раны*—на жестоцѣмъ его тѣлѣ, такъ и означить бы тамъ, гдѣ дѣйствительно были онѣ. Кіевская Лѣтопись говоритъ: «уязвиша Игоря въ руку, и умрѣтвиша шойцю его, и бысть печаль велика въ полку его».

15.

Въ Пѣспи, бояре говорятъ Святославу про Игоря и Всеволода: «уже соколома крыльца прицѣшали саблями поганыхъ; а самую опутоша въ путины желѣзны». Тутъ поэтически означены и поражение и плѣнь князей. Въ переводѣ:

«Но крылья могучія ихъ
Враги обрубилъ стальными мечами;
И въ мрачной тюрьмѣ заключивши самихъ,
Опугали ноги цѣпями».

Лучше изрублену быть, чѣмъ быть полонену! говорилъ Игорь 1 мая. Зачѣмъ же тягость полона его еще увеличивать отъ себя небывалымъ тюремнымъ заключеніемъ! Известно исторически, что Половцы «не творяхуть ему пакости,—но волю ему дахуть; гдѣ хочеть, ту вздѣшеть и истрабомъ ловяшеть; а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ

здаться; сторожеве же слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ посла-
 петь кого, безъ прѣ творяхуть повелѣное» (Кіев. лѣт.). Да и какія
чрачныя тюрмы въ степяхъ Половецкой земли? Вспомнимъ живописное
 казаніе Нестора о плѣвѣ Половецкомъ (подъ 1093 г.): «въ алчи и
 въ жажи и въ бѣдѣ опустѣвшѣ липи, почернѣвшѣ тѣлеса, незнаемую
 страну, азыкомъ испаленнымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сб-
 чены тернѣемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ
 іѣхъ сего града; и другія: азъ сея вси!»

46.

Кстати о плѣнникахъ Половецкихъ. — Въ воззваніи къ Всеволоду
 Суздальскому пѣвецъ говоритъ: «абы ты былъ, то была бы *чага по*
ногати, а *кощій по рязани*». (Половчанинъ полагается тутъ по дву-
 гривенному, а Половчанка по полтиннику). Но въ переводѣ положена
 имъ цѣнность на оборотъ:

— *По ногати*

Скупать бы мы *плѣнныхъ* могли,
 Платили-бъ по *мелкой рязани*
За двѣз Половецкой земли!

Въ воззваніи къ Ярославу Галицкому, пѣвецъ говоритъ: «Стрѣлай,
 господине, Кончака, *поганого кощья!*» Этимъ укорительнымъ словомъ
 означено прежнее отношеніе Половецкаго хана: но переводчикъ, пропу-
 стивъ эту черту о Кончакѣ, замѣняетъ ее стихомъ, выражающимъ не-
 нависть къ нему:

«Направъ свои стрѣлы въ Кончака,
 Пусть *мщекъ* извѣдаетъ овъ!»

47.

Подобными пропусками изглажено нѣсколько историческихъ подроб-
 ностей подлинника.

«Жля и Карна нечестивые
 Прискакали въ землю Русскую,
 Разразилися пожарами».

У пѣвца говорится не о простыхъ пожарахъ, которыми бывало По-
 ловцы жгли села Русскія: «кликну Карна, и Жля поскочи по Рус-
 кой земли *смагу мычючи въ пламянь розъ*», т. е. кидая огонь *изъ*
пламеннаго рога (переводъ г. Дубенскаго).

Извѣстно по Лѣтописи Кіевской, что въ томъ же году (1185), пе-
 редъ походомъ Игоря, Кончакъ приходилъ на Русь со множествомъ
 Половцевъ, имѣя при себѣ «такового бесурменина, иже *стрѣляше*
живымъ огнемъ». Въ Пѣсни Игорю говорится о *пламенномъ розъ*, ко-
 торымъ *Карна* (не помянутый лѣтописью) кидалъ *смагу* (т. е. жаръ,

огонь — по всей вѣроятности тотъ *живой огонь*): подробность любопытная для исторіи огнестрѣльныхъ снарядовъ.

48.

Въ томъ же мѣстѣ говорить пѣвецъ: « а поганіи со всѣхъ странъ приходяду съ *побѣдами* на землю Рускую» Въ переводѣ:

« А межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Приходили въ землю Рускую,
И вторгались *погибелью* ».

Тутъ напрасно не удержано слово *побѣда*. — Для недавнихъ побѣдителей Половцевъ, въ томъ и «*обида* въ силахъ Дажбожа внука» (т. е. Руси), что поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ *побѣдами*! [Это же пѣвецъ повторяетъ и вслѣдъ за тѣмъ.

49.

Указывая на разореніе Половцами города *Римова* (возлѣ *Ромни*), пѣвецъ говоритъ о Переяславскомъ Князѣ: « а Володимерь *подъ ранами*; туга и тоска сыну Глѣбову!» Въ переводѣ г. Гербеля¹ передано это мѣсто прекрасно:

« Подъ саблями стонеть *безпомощный* Рымъ;
А съ нимъ и Владиміръ *болѣзнью* томимъ.
Нѣтъ, видно печаль и кручина
Удѣлъ *беззащитнаго* Глѣбова сына!»

Какъ уместно прибавлены тутъ слова *бзпомощный, беззащитный*, вѣрно выражающія тогдашнее положеніе и города, и юнаго Князя, о смерти котораго черезъ городъ — «Украина много постана». Но слѣдовало бы сохранить въ переводѣ и слово пѣвца о памятныхъ *ранахъ* Владиміра, полученныхъ имъ при отраженіи Кончака отъ Перелслава. « И тако отгяша Князя своего, *язвена суци* трети копы. Сій же добрый Володимерь *язвенъ* трудень вѣвха въ городъ свой, и утре мужественнаго пота за отчину свою» (Кіев. лѣтоп.).

20.

Въ воззваніи къ Роману Волынскому, пѣвецъ поименовалъ народы, съ которыми этотъ Князь воевалъ побѣдительно: «Литва, Ятвязи, *Деремела* и Половци...» Въ переводѣ:

« Ятвяги, Литва и Половцы,
Съ народами Сѣверныхъ странъ ».

Вмѣсто собственнаго имени народа *Деремеловъ*, сохранившагося въ Пѣсни Игорю, переводчикъ поставилъ народы Сѣверныхъ *странъ*!

Ч Т Е Н І Е

ПОСЛѢДНЯГО МАНИФЕСТА ПО ПРИХОДСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ

ВЪ МОСКВѢ,

сего декабря 25 числа, 1854 года.

.... Кончплась славословная Рождественская литургія. Изъ Царскихъ дверей выходитъ престарѣлый священникъ, обнажаетъ главу свою, и дрожащимъ голосомъ начинаетъ читать: «Божіею милостію, Мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.... объявляемъ всенародно».... и весь народъ, наполняющій Церковь, приходитъ въ движеніе, устремляется со всѣхъ сторонъ къ наю, чтобъ услышать Царское къ себѣ воззваніе, не потерять ни одного звука.... Глубокая тишина водворяется....

Священникъ не въ силахъ преодолѣть внутренняго своего волненія, останавливается почти на каждомъ словѣ, сердце бьется у слушателей, едва переводится дыханіе.. .

Востокъ.... православіе.... единовѣрцы.... союзъ враговъ.... повсемѣстное нападеніе.... мужественная вездѣ встрѣча.... Соловецкій монастырь.... Камчатка ... Севастополь, Севастополь, который сдѣлался для каждого изъ насъ какъ бы частію собственнаго тѣла... труды и подвиги всѣхъ войскъ, сухопутныхъ и морскихъ.... достоинство державы Русской,.. умиленіе благодарности къ Богу... надежда.

О, какое дѣйствіе производили всѣ сіи священныя напоминанія, въ храмѣ Божіемъ, отъ имени Царскаго обращенныя къ вѣрному народу, къ возлюбленнымъ дѣтямъ! Всякое слово заходило въ сердце и приводило его въ трепеть! Русскіе люди

мысленно переносились ко всѣмъ мѣстамъ яростнаго нападенія, подвергались ударамъ, принимали раны, страдали, терпѣли и думали: а каковожь Тому, у Кого всѣ эти удары соединяются въ одинъ, всѣ раны составляютъ одну, — и вотъ Онъ взываетъ къ намъ, въ сію великую годину народнаго испытанія, насланную Богомъ, по неисповѣдимому Его Промыслу:

«Россіяне! Вѣрные сыны Наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ Великому и Святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи, и ваши чувства суть также чувства Государя вашего. Буде нужно, Мы всѣ, Царь и подданные, повторяя слова Императора Александра, произнесенныя имъ... въ подобную нынѣшней годину искушенія, станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества.»

Кто жъ можетъ быть не приведенъ въ умиленіе этимъ вѣщимъ гласомъ, съ высоты Престола раздающимся. Честь и безопасность отечества.... Какого отечества? Святой Руси! Кто остановится принести себя и все свое въ жертву на Великое и Святое дѣло, на которое призываетъ Царь!

Съ такими чувствами, съ такою твердостію и рѣшительностію, намъ нечего опасаться, и не страшны для насъ враждебныя силы!

Покойный Александръ, коему нынѣ поемъ мы вѣчную память за Его обѣтъ не положить оружія, доколѣ одинъ непріятельскій воинъ останется на нашей землѣ, ликуеть на небесахъ за новый священный обѣтъ Своего Державнаго Брата!

Православные! сказалъ священникъ, кончивъ чтеніе манифеста, утомленный, тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, — помолимся же теперь изъ глубины души за Царя: да поможетъ Ему Господь Богъ побѣдить нашихъ враговъ, — и всѣ предстоявшіе, какъ бы по данному знаку, перекрестились, поклонились....

И начался торжественный молебень, и раздался вдругъ громозвучный гласъ: «съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ!»

Нельзя описать того дѣйствія, которое произвела эта священная пѣснь вслѣдъ за чувствами, возбужденными Высочайшимъ манифестомъ, исполненнымъ смиренія, кротости, преданности въ волю Божию. Какъ будто отвѣтъ возгремѣлъ ему съ неба: всѣ вострепнулись, оживились, возрадовались, воспѣли духомъ, вслѣдъ за ликами:

Услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ.

Могущи покаряться: яко съ нами Богъ.

Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете: яко съ нами Богъ.

И иже аще совѣтъ совѣщаваете, разорить Господь: яко съ нами Богъ.

И слово, еже аще возглаголете, не пребудеть въ васъ: яко съ нами Богъ.

Страхъ же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко съ нами Богъ.

Господа же Бога нашего того освятимъ, и той будетъ намъ въ страхъ: яко съ нами Богъ.

А аще на него надѣяся буду, будетъ мнѣ во освященіе: яко съ нами Богъ.

И уповаю буду на него, и спасуся имъ: яко съ нами Богъ.

Се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ: яко съ нами Богъ.

Людіе, ходящии во тмѣ, видѣша свѣтъ велий: яко съ нами Богъ.

Живущіи во странѣ, и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы: яко съ нами Богъ.

.

Всякой стихъ пророка какъ будто теперь составилъ, приличествуя къ настоящему времени еще болѣе, чѣмъ къ 1812 году, — даже до послѣдняго :

«Живущіи во странѣ, и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы!»

О, съ какимъ горячимъ чувствомъ сопровождался всѣ молитвы священнослуженія!

«Услыши ны, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли, и сущихъ въ мори далече: и милостивъ милостивъ буди владыко о грѣсѣхъ нашихъ, и помилуй ны.»

Кончилось молебствіе. Священникъ вышелъ для благословенія, и подъялъ крестъ надъ народомъ, между тѣмъ какъ диаконъ началъ провозглашать многолѣтія: «Благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе, и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе, подаждь Господи Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору Николаю Павловичу всея Россіи... и Супругъ Его... и Наслѣднику Его...

Вида животворящій крестъ, горѣ подъятый надъ православнымъ, благочестивымъ народомъ, невольно припоминалось божественное изреченіе: симъ знаменіемъ побѣдиши!

А съ какимъ усердіемъ возгласились: «Христіолюбивому, побѣдоносному, всероссійскому воинству многая лѣта!»

Торжественно всегда бываетъ богослуженіе въ великой день Рождества Христова, умилительно всегда бываетъ для Русскихъ воспоминаніе о незабвенномъ 1812 годѣ; когда отцы наши, подъ предводительствомъ покойнаго Императора Александра, отразили нашествіе двадцати язмовъ,—но никогда, кажется, не могло оно возбуждать такого живаго, сердечнаго участія, во страхъ Божию, какъ нынѣ, когда враги, съ полной увѣренностью, грозятся разорить, унижить, ослабить, раздробить нашу Святую Русь, поздравляютъ другъ друга съ побѣдами, и торжествуютъ...

Прочь, ослѣпленные! Наше мѣсто свято! Вамъ ли, подъ знаменемъ Луны, въ союзъ съ Магометомъ, держась за Коранъ, восторжествовать надъ нами, грядущими во имя Господне! Мы побѣдили васъ въ 1812 году, защищая только свои предѣлы, а теперь, кромѣ «собственной чести и безопасности», на нашихъ рукахъ судьба православія на Востокѣ, судьба милліоновъ Христіанъ, нашихъ братьевъ, судьба Святыхъ мѣстъ, «Великое и

Святое дѣло», какъ назвалъ оное Царь! Какими чувствами одушевляются русскіе ратники—тѣ ли чувства у вашихъ? Мы не питаемъ къ вамъ никакой ненависти, хотя вы, въ опьяненіи зла, нападаете даже на беззащитные берега наши, мечетесь повсюду, до самыхъ отдаленныхъ краевъ обитаемой земли, чтобъ только гдѣ-нибудь причинить намъ вредъ! Мы желаемъ добра, всѣмъ, не исключая и васъ, — такъ можетъ ли быть сомнѣніе въ нашемъ успѣхѣ? Мы побѣдимъ—рано или поздно... Богъ наказуетъ насъ можетъ быть за грѣхи наши, но Онъ же и помилуетъ: у Него милости много. Смотрите, какъ рука Его высится за насъ тамъ, гдѣ нѣтъ намъ, кажется, никакой человеческой возможности, по собственному вашему разсчету и убѣжденію, противустать нападеніямъ: подѣ Севастополемъ, въ Одессѣ, на Соловецкомъ острову, въ Камчаткѣ! Въ немощи совершается сила!

Возложимъ же надежду на милосердаго Господа Бога, и готовы на все, по гласу и примѣру Царя, который Самъ, готовый на все, четверыхъ сыновъ Своихъ, молодець молодца краше, посылаетъ на самыя опасныя мѣста, впередъ, подѣ пули и ядра, станемъ крѣпко, станемъ, какъ стояли отцы наши, чтобъ намъ не было ихъ стыдно, — и всѣ замыслы враговъ сокрушатся объ вѣрную русскую грудь! Мы восторжествуемъ и снова воспоемъ: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покаритесь, яко съ нами Богъ!

ж. п.

1854. Декабря 25.

12 ЯНВАРЯ 1855 ГОДА.

Сегодня вѣкъ твой первый совершился,
И здравствуй ты на многіе вѣка,
Кормилецъ нашъ, столѣтній домъ науки,
Московскій Университетъ! Давно-ль,
Мигъ кажется, я былъ твоимъ студентомъ?
А этому ужъ скоро двадцать лѣтъ!

И, слава Богу, все живутъ еще
 И здравствуютъ наставники мои,
 И многіе изъ нихъ, твои питомцы,
 Въ лицѣ своемъ теперь являютъ намъ
 Полвѣка твоего существованья.
 А можетъ быть, въ какой-нибудь странѣ
 Россіи нашей есть тебѣ ровесникъ
 Еще живой, кто видѣлъ и знавалъ
 Фон-Визина, Потемкина студентомъ,
 Кто, можетъ быть, Шувалова видалъ....
 О! празднество твое теперь прекрасно!
 Семья живая вокругъ тебя стоитъ,
 Всю жизнь твою собою представляя.
 И всякъ изъ насъ, справляя праздникъ твой,
 Въ немъ празднуетъ свое младое время.
 Привѣтъ же вамъ, товарищи и братья!
 Кто-бъ ни былъ гдѣ, въ рядахъ ли русской рати,
 Иль дѣятель на поприщѣ гражданскомъ,
 И мирный селянинъ, спокойный пахарь,
 И мужъ науки, все мы въ этотъ день
 Родные: мы — московскіе студенты!
 Какъ радостно своимъ воспоминаньямъ
 Сей славный день, друзья, мы посвятимъ!
 И многихъ лѣтъ другъ-другу пожелаемъ,
 И дѣлъ благихъ на поприщѣ земномъ.
 И съ благодарностью задравный кубокъ
 Мы вознесемъ за Бѣлаго Царя,
 За счастье Руси и науки русской!
 Пусть каждое ликуетъ поколѣнье—
 И тѣмъ полнѣе будетъ праздникъ нашъ.
 Такъ въ наши гóды памятенъ для насъ
 Графъ Строгановъ; благодаримъ его
 За счастье прежней, юной жизни нашей!
 И ты, прославленный герой-братомъ,
 Нахимовъ! память вѣчная тебѣ!
 Ты не забвенъ, пока на свѣтъ будутъ
 Существовать московскіе студенты.

МХХАЖДЪ СТАХОВИЧЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ МАШИННАЯ ПЕКАРНЯ ЧЕРНАГО ХЛѢБА,

Г. МАРТЕНСА. (*)

Недавно устроенное машинно-пекарное заведеніе чернаго (ржанаго) хлѣба въ Москвѣ, — гдѣ, кромѣ временно прибывающихъ въ нее ежедневно, находится однихъ постоянныхъ жителей до 350,000 человекъ, — есть чрезвычайно полезная новость, весьма замѣчательная и въ гигиеническомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Ежели на всю эту массу жителей и народа, положимъ на каждаго человѣка по 2½ фунта чернаго хлѣба, (кажется, мы не очень преувеличиваемъ), — то увидимъ, что въ Москвѣ ежедневно его потребляется до 30,000 пудовъ. Столь огромное количество суточного потребленія хлѣба требуетъ и огромнаго числа хлѣбопекаренъ. Такихъ куреней, въ обширномъ размѣрѣ, въ Москвѣ до 60-ти, не говоря о неисчислимомъ множествѣ ихъ при квартирахъ овощныхъ лавочниковъ. А это чрезмѣрное распространеніе мелкихъ производителей, или, вѣрнѣе сказать, размноженіе русскихъ хлѣбопекарныхъ печей, неминуемо ведетъ цѣнность хлѣба къ дороговизнѣ, по случаю многочисленнаго истребленія дровъ, болѣе и болѣе дорожающихъ. Но, не смотря на многочисленность хлѣбопекарныхъ заведеній, случалось, что въ иныхъ мѣстностяхъ обширной столицы не безъ труда можно было достать мягкаго хлѣба.

Въ Москвѣ, въ большихъ и достаточныхъ семействахъ, а также и въ некоторыхъ, хотя и не богатыхъ, но многолюдныхъ и экономныхъ, пекутъ черныи хлѣбъ у себя дома, что, при хорошемъ качествѣ муки, даетъ до 60% выгоды (припѣку); всѣ же прочіе жители и временно пріѣзжающіе, покупаютъ хлѣбъ въ пекарняхъ, хлѣбныхъ шалашахъ и преимущественно въ ближайшихъ къ мѣсту своего жительства овощныхъ лавочкахъ — цѣлыми хлѣбами, но гораздо болѣе — фунтами, на одинъ только день. Печеніе же хлѣба дома, какъ производится обыкновенно и нынѣ, а особенно въ прежнее время, неизбѣжно ведетъ и вело къ значительнымъ издержкамъ въ отношеніи цѣнности дровъ, и тѣмъ болѣе при неумѣнн во-время поставить замѣшанное тѣсто въ печь, очень или недостаточно натопленную, и во-время изъ нея

(*) Вблизи Кривс-Коммиссаріата, напротивъ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Пущинахъ, на берегу Москвы рѣки, въ домъ Генерал-Майора Рейхману.

вынуть хлѣбъ, — не говоря уже о томъ, что сегодня мы употребляемъ хлѣбъ мягкій, а изготовивши его на два, на три или на четыре дня — черствый или очень черствый.

Если дѣло — мастера боятся, а мастеръ — дѣла не боятся, то, конечно, машинное дѣло, какъ исправные часы, идетъ себѣ совершенно одинаково, какъ вчера, такъ и сегодня и завтра. Случайно сказанное слово *часы*, навело насъ на другое слово — *машинна*: какъ тѣ, такъ и другая, убѣждаютъ насъ согласиться, что въ дѣлѣ ремесла лучше слѣдовать *машиннѣ*, нежели производству *отъ руки* въ отношеніи обработки вещи. Безспорно — *рука* сдѣлаетъ отчетливо, — но, во сколько времени, сколько перепортитъ до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до совершенства, и оттого какое вознагражденіе должна потребовать за свой трудъ? А дѣло «машинное», какъ и часы, — если машина, по проверкѣ, основалась на точкѣ баланса, и пойдетъ себѣ по равновѣсію — и завтра и на много лѣтъ впередъ. Впрочемъ мы слишкомъ далеко отклонились, и вмѣсто простой замѣтки о предметѣ, увлеклись неумѣство какъ будто въ диссертацию.

Мы желали только сказать, что въ «машинной пекарнѣ чернаго хлѣба» его готовится ежедневно до 870 пудовъ (а если окажется нужнымъ, то это количество можетъ удвоиться, потому что механизмъ паровой машины и число топковъ и печей устроены на двойную пропорцію) кислаго и кислосладкаго, отличнаго качества хлѣба, и потому не имѣющіе своихъ домашнихъ хлѣбопекаренъ, но имѣющіе ежедневную надобность въ свѣжемъ, а не черствомъ, хлѣбѣ въ большомъ количествѣ, какъ напримѣръ: фабрики, трактиры, ресторани, харчевни и проч., гораздо выгоднѣе для себя и пріятнѣе для ихъ посѣтителей или требователей могутъ обращаться съ своими надобностями въ этомъ родѣ въ «машинную хлѣбопекарню». Всѣмъ требователямъ дѣлается въ ней уступка: уменьшеніе, противъ существующей въ Москвѣ цѣнности на хлѣбъ, съ cadaго пуда, и безвозмездная ежедневно доставка его на домъ въ назначенный часъ.

Повторимъ сказанное, что въ этомъ привилегированномъ заведеніи весь процессъ печенія хлѣбовъ производится машинами: онѣ поднимаютъ московскую воду и булы съ мукой въ самый верхъ, или въ 3-й этажъ, обширнаго каменнаго дома; вода нагревается, а мука тамъ предварительно просѣивается чрезъ особо-устроенныя ситы, высыпается, вмѣстѣ съ льющеюся теплою водою, въ чаны; замѣшанное тѣсто выливается въ огромную квашню или вертѣющийся чанъ, гдѣ въ одно и то же время размиваются оказавшіеся мелкіе комки, тѣсто размѣшивается

весаами, парами приводится въ броженіе или закисаніе, потомъ вкладывается въ четырехъ-угольныя продолговатыя желѣзныя формы и ставится въ герметически запертыя печи, изъ коихъ, по прошествіи известнаго времени, вынимаются совершенно готовые хлѣбы, вполне пропеченные, безъ всякой золы и угля на нижней коркѣ, что нерѣдко бываетъ въ обыкновенныхъ пекарняхъ. Топка печей торфомъ производится въ подвальномъ этажѣ день и ночь, чрезъ каждые четыре часа. Внешняя чистота во всемъ также соединяется со внутреннею. Замѣтимъ, что подобныя заведенія существуютъ въ С.-Петербургѣ, Берлинѣ Гамбургѣ, Магдебургѣ, Бреславлѣ и проч.

Въ подобномъ обширномъ заведеніи, какова «машинная хлѣбопекарня», отапливаемая торфомъ, важная выгода — сбереженіе дровъ; а эта частная выгода дѣлается общою, когда мы узнаемъ, что экономія отъ топлива дастъ десять процентовъ уменьшенія цѣнности на хлѣбъ. За тѣмъ — вторая и главная выгода состоитъ въ томъ, что въ машинной хлѣбопечени, покупающей хлѣбъ оптомъ, въ большомъ количествѣ и одинаковаго качества, и не смѣшивающей муки сухой съ сырою или горѣлою овинною, — хлѣбъ не можетъ выпекаться тяжелымъ и сырымъ, малопитательнымъ или перепеченымъ и дурнаго качества, что все вообще нездорово для желудка, и чего нельзя избѣгать при обыкновенномъ хлѣбопеченіи домашнемъ. Самое приготовленіе муки для печенія хлѣбовъ не можетъ въ существующихъ хлѣбопечарняхъ такъ хорошо отдѣляться отъ всѣхъ постороннихъ, нездоровыхъ и непитательныхъ веществъ: здѣсь она иначе просѣяна или размѣшана, безъ комковъ, зерновой шелухи, отрубей и соломы. Выпеченный въ машинной хлѣбопечарнѣ ржаной хлѣбъ испаряетъ свой натуральный травянистый запахъ и сахаристое вещество, столь необходимыя для питательности и произведенія должнаго пищеваренія.

Довольно подробно осмотрѣвъ на мѣстѣ весь механизмъ хлѣбопеченія, мы должны сказать, что тамошнее приготовленіе хлѣба отлично во всѣхъ отношеніяхъ: онъ испеченъ прекрасно, изъ хорошей муки и, — что всего важнѣе и пріятнѣе, — испеченъ машиннымъ способомъ, а не ручнымъ, что крѣпко ручается за всегдашнюю чистоту и опрятность, не всегда соединяющіяся съ обыкновеннымъ хлѣбопеченіемъ. А хорошо и опратно испеченный хлѣбъ, какъ известно, есть первое условіе для здоровья. Такому полезному заведенію нельзя не предсказать большаго успѣха.

ЖВ. ДМ.

Дилетантизмъ страствованій. — Польза брадоломательства. — Философія изъ трактата о вистѣ. — Цѣлый міръ въ одномъ городѣ. — Французское умянье слоняться по улицамъ. — Пойдемте на Лубянку. — Зоологическіе мнем. — Въ Неаподѣ развѣлжсь Японскіе медвѣди. — Менажерія Барнабо и Берга. — Вы очень сердиты. — Супруги изъ гостиннаго ряда. — Кто жь она моя сосѣдка. — Незнакомка. — Собственный носъ. — Тайна гувернантки. — Любовное письмо. — Мы ихъ отыщемъ. — До свиданія.

J'écris ce que je vois,—je ne me donne
jamais la peine d'inventer.

Ничку Музека.

Есть на свѣтѣ люди, которымъ никакъ не сидится дома; какое-то непреодолимое чувство влечетъ ихъ въ даль отъ роднаго крова, отъ своей родины, куда-нибудь во внутреннюю Африку или къ полюсамъ, въ страны вѣчныхъ льдовъ. — Зачѣмъ?... На что?

Неужели только за тѣмъ, чтобы благодарное потомство, за понесенныя труды, сопряженные съ тысячью лишеній, съ милліонами опасностей, наградило ихъ тремя строчками слѣдующаго содержанія:

«Слава открытія такого-то острова или страны безспорно принадлежить неутомимому путешественнику такому-то. — Тутъ слѣдуетъ: чинъ, имя и фамилія.

Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ въ строкахъ этихъ звучитъ слава, этотъ для всѣхъ пріятный трубный звукъ, который крылатая богиня, на радость смертнымъ, съ незапамятныхъ временъ заучила наизусть, и потѣшаетъ имъ родъ людской — какъ труппа профѣзжихъ вольтажеровъ потѣшаетъ мальчишекъ на улицахъ уѣзднаго города.

А можетъ быть, что такія натуры и вовсе не ищутъ славы, а любятъ только сильныя ощущенія, рискуя за нихъ подставить свою голову подъ тамагаукъ дикаго Индѣйца, попасть на зубы льва, царя пустынь, или въ не совсѣмъ пріятельскія объятія бѣлаго медвѣдя; забывая при томъ, что они, какъ покойный Франклинъ, могутъ оставить своихъ супруговъ, на неопредѣленное время, въ такомъ положеніи, которое не можетъ быть примѣнено ни къ одному изъ обычныхъ положеній женщины въ свѣтѣ. Жена пропавшаго безъ вѣсти туриста, за мужемъ, — не то вдова, не то въ разводѣ.

Конечно это неразумно, но вамъ не безызвѣстно, мой читатель, — какъ искать въ человекѣ благоразумія, когда имъ овладѣваетъ страсть, страсть даже самая прекрасная, какъ напримѣръ любовь? Сколько дурачествъ дѣлаютъ въ это время даже самые умные люди, вовсе не подозревая этого.

Довольно. — Я пишу не трактатъ о психологій, а просто фельетонъ, по-этому не буду входить въ дальнѣйшія разбирательства, отъ чего

происходить эта страсть и какъ она развивается, но прибавлю еще разъ: действительно на свѣтъ есть такія несчастныя натуры. И винить ихъ нельзя, мой читатель. Это вѣрно не естественное, не нормальное состояніе чловѣка; въ медицинѣ много подобнаго роду болѣзней; онѣ помѣщены подъ рубрику *Visaniae*.

Впрочемъ, есть одинъ видъ этого недуга, которому легко поддаются люди, имѣющіе хотъ маленькое къ нему расположеніе: это желаніе путешествовать не по степямъ Африки и по вѣчнымъ лдамъ полюсовъ, но въ странахъ населенныхъ и образованныхъ.

Конечно, этотъ видъ болѣзни менѣе опасенъ для здоровья, чѣмъ для кошелька, но если ближніе не примутъ должныхъ мѣръ, этотъ недугъ не рѣдко разстроиваетъ состояніе, такъ что поправка трудна, а иногда совершенно невозможна.

Одинъ знаменитый полководецъ сказалъ: «Чтобы успѣшно вести войну, нужны три средства: деньги, деньги и деньги!» — Истина непреложная, мысль высокая! Эту аксіому не худо помнить людямъ, которые хотятъ путешествовать. Берите, господа, съ собой деньги, запасайтесь деньгами, горе вамъ безъ денегъ!... Но вотъ бѣда, если денегъ нѣтъ, а взять не откуда. Что тогда дѣлать несчастному смертному, котораго судьба не впасть наградила этою страстію?...

Вотъ и задумаешься надъ этимъ *если!*

Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Какъ удовлетворить непреодолимое влеченіе?

А вотъ какъ! — Пойдемъ бродить по улицамъ, — это тоже своего рода путешествіе, и, право, чрезвычайно занимательное; здѣсь можно многое изучить: нравы, народныя обычаи, промышленность, а при томъ можно вдоволь насмотрѣться на все, чѣмъ торгуетъ

Парижъ и Лондонъ шепетильный,
И по балтическимъ волнамъ,
За хлѣбъ и сало возить къ намъ.....

Не вѣрьте, мой читатель, тому, кто вамъ скажетъ, что это занятіе пустое, занятіе праздныхъ людей, не достойное вниманія философа и политика. — *«Такъ могутъ думать только умы поверхностные, которые хотятъ прослыть глубокомысленными»*, сказалъ одинъ изъ современныхъ намъ писателей-философовъ въ знаменитой статьѣ своей — *Трактатъ о вистъ*.

Если мы уже привыкли во многомъ подражать Французамъ, почему же не перенять у нихъ и этотъ обычай «ланировать», т. е. слоняться по улицамъ. Чловѣкъ наблюдательный легко можетъ извлечь изъ этого

пользу, написать свои замѣтки, впечатлѣнія, словомъ — все, что пишутъ въ путешествіяхъ; и наконецъ изъ запаса вашихъ замѣтокъ выйдетъ прекрасная книга, которую можно издать въ свѣтъ.

Вѣдь есть же книги *Voyage autour de ma chambre* или *autour de mon jardin*, — почему не быть и путешествію по улицамъ? здѣсь предметы для описанія несравненно больше.

Знаете ли, что, года два тому назадъ, вы могли, не выѣзжая изъ Петербурга, посѣтить Сицилію, видѣть Палермо, роскошную столицу этого острова, налюбоваться его превосходною набережною, по которой, когда спадетъ дневной жаръ, любятъ прогуливаться сициліянки съ своими чичисбеями: знаете ли, что прошлаго года на Тверской, въ домъ графа Гурьева, вы могли наглядѣться на царіцу рѣкъ — Миссисипи, на богатые города, расположенные по ея берегамъ, подивиться огромнымъ пароходамъ, прорывающимъ желтоватыя ея волны — и воротившись домой, залетѣть мечтою за тридцать земель, въ тридцатое царство, безъ пособія чудодѣйнаго *хашшица*, и сладко уснуть подъ обаяніемъ пріятныхъ сновидній.

Посмотрите, какъ мастерски флавируютъ Парижане; иной отъ рожденія не выѣзжалъ за черту роднаго города, а все видитъ, все знаетъ, про все говоритъ, и какъ говорить! — можно заслушаться.

Теперь спѣшать вѣтренные жители древней Лютеціи въ свой новый циркъ, посмотрѣть на подвиги дѣвицы Борелли, укротительницы звѣрей, достойной преемницы покойнаго Фовъ-Амбурга.

Свѣтскіе львы и тигры, съ стеклышкомъ въ глазу, сыплютъ ей золото и рукоплеская, за укрощеніе ихъ прототиповъ.

У насъ въ старушкѣ Москвѣ вѣтъ *Cirque Napoléon* и *Jardin des plantes*, ну такъ есть звѣринецъ Барнабо и Берга, въ которомъ также найдете что посмотрѣть. — Пойдемте на Лубянку...

Вотъ около длиннаго балагана, окрашеннаго розовой краской, противъ огромной вывѣски, собралось много любопытнаго народа, глязющаго на намаlemanнаго слона, побѣждающаго хоботомъ свирѣпаго барса. Кругомъ слона живописецъ пытается изобразить роскошную индѣйскую природу, но попытка не удалась, — всѣ пальмы короче хобота.

— Глянъ-ка, Ванюха, звѣрь-то какой? Аль такіе взаправскіе бываютъ? заговорилъ мужичекъ изъ толпы, должно полагать недавно прибывшій изъ деревни, толкая подъ бокъ своего сосѣда, молодаго парня, и указывая ему пальцемъ на вывѣску.

— Эхъ ты, дядя Трохимъ! отвѣчалъ тотъ, уписывая сайку, а ты и взаправду подумалъ, прямой пенгюхъ, деревенщина. Ну, откуда такому

звѣрю взятся; это Шѣмецъ для близиру выдумалъ, пародъ колгатить.

— А што, парень, пожалуй и Шѣмецъ выдумалъ, отвѣчалъ мужичекъ, убѣдась доводами товарища и по русской привычкѣ почесывзз затылокъ.

Такая же кучка любопытныхъ толпилась около входа, и нѣсколько молодцевъ изъ живорыбнаго ряда любовались на афишку, украшенную на поляхъ полиטיפажными изображениями животныхъ. Одинъ изъ зрителей, съ рыжей бородкой клиномъ, читалъ по складамъ: Ба-ри-балъ, Япон-Японскій медвѣдь имѣеть, имѣеть гриву какъ у льва бурую морду на груди бѣлое пятно, водится въ Я-по-шии, Ти-бетъ и Неаполъ (т. е. въ Цепалъ, въ афишкѣ впрочемъ напечатано въ Неаполъ).

Между прочимъ публика тѣснится при входѣ и гуськомъ пробирается въ балаганъ, толкается около прилавка, за которымъ сидитъ въ песочномъ чепчикѣ нѣмка, съ пунцовымъ лицомъ отъ мороза, съ привѣтливой улыбкой на посинѣвшихъ устахъ, повторяя отрывисто недокопченныя фразы, какъ будто онъ, застывая на морозъ, терая звукъ: *Bitte, fünfzig Silber, ihrvo мьсто, это двиръ.*

Пойдемте и мы, читатель, смотреть звѣрей: звѣринецъ точно стоить любознательнаго вашего вниманія; такую огромную коллекцію рѣдко случалось намъ видѣть. Больше пятидесяти видовъ животныхъ, не тощихъ, не изпуренныхъ неволею и дурной пищей, во всей ихъ природной красотѣ. Въ числѣ ихъ есть много замѣчательныхъ, рѣдко встрѣчающихся въ кочующихъ менажеріяхъ, какъ на примѣръ: выученный слонъ; зебръ, съ трудомъ переносящій неволю, даже на своей родинѣ, въ Африкѣ; черный ягуаръ, помѣсь ягуара съ барсомъ; черная пантера; коллекція гивенъ: крапчатая, полосатая и трупонискательница; рѣдкіе экземпляры королевскихъ тигровъ съ тигренками, родившимися у насъ въ Казани; также земляки ихъ по рожденію пара азіатскихъ львовъ и пара оселотовъ, или пардовыхъ кошекъ. Изъ птицъ замѣчательны: казуаръ, отличающійся необыкновенною силою въ ногахъ и перьями, похожими на шерсть; кондоръ или американскій грифъ. Изъ числа змѣй замѣчательны: анаконда и удавъ (*Boa constrictor*); есть тамъ также страшный обитатель американскихъ водъ аллигаторъ, и рядомъ съ нимъ его братъ, нильской крокодилъ. Нельзя налюбоваться на семилѣтняго африканскаго льва этой менажеріи; какой великолѣпный экземпляръ. Здѣсь можно безбоязненно любоваться имъ пожалуй нѣсколько часовъ сряду, съ полнымъ удовольствіемъ, какого вы бы конечно не имѣли, еслибъ случилось вамъ встрѣтиться съ нимъ, глазъ на глазъ, въ степяхъ Судана, какъ пришлось одному бѣдному туристу, имѣвшему честь провести почти цѣлыя сутки въ подобномъ положеніи и чуть не сдѣлаться лакомымъ кускомъ

гастрономических привычекъ пара пустыни; при взглядѣ на это огромное животное можно понять, какое присутствіе духа и силу воли должны имѣть знаменитый истребитель львовъ Жераръ, вызывающій теперь преемника своему опасному ремеслу.

На этотъ разъ звѣрянецъ былъ полонъ народа, различныхъ сословій и возрастовъ. Между красивыми шляпками работы М' Charles, Denis, Annette и прочихъ корифеевъ модной торговли, мелькали, тамъ и сямъ, головы, повязанныя цвѣтными платками, принадлежащія хозяйкамъ почтеннаго купечества. Куча дѣтей бѣлыхъ и румяныхъ толпилась около кѣтокъ. Нѣсколько молодыхъ людей, въ теплыхъ бекешахъ и въ шубахъ, со стеклышками въ глазу, бывшихъ львовъ и онагровъ, нынѣ переименованныхъ въ прото-леоны, снобсы и хлыщи, обратясь спиною къ кѣткамъ, посматривали на прекрасныя личики, будто не замѣчающихъ ихъ, красавиць. Вся эта толпа снуетъ взадъ и впередъ, толкуетъ, рассказываетъ, раздастъ обезьянамъ яблоки, кормить булками слона и даетъ свободный проходъ перувианской алпакъ и казуэру, вышущеннымъ за хорошее поведеніе на волю, съ дозволеніемъ наслаждаться правами зрителей.

— Пойдемъ до дому, Афонса Терентьевна, захрипѣвъ впереди меня сильный басъ толстаго торговца въ лисьей шубѣ, относящійся къ приземистой супружницѣ его, въ лиловомъ платкѣ на головѣ и съ круглымъ лицомъ. — Пойдемъ домой, повторилъ онъ, кивая головой; пора, что-то чайку больно захотѣлось, да ужъ и народно здѣсь; въ шубѣ-то жарко, мочи нѣтъ, что даромъ-то глаза палить, пойдемъ. При этомъ онъ дернулъ ее за рукавъ.

— Нѣтъ ужъ, Лука Семенычъ, погодите маненько, запищала его супруга дискантомъ, котораго нельзя было ожидать отъ ея дородной фигуры; — заплатила цѣлковый-рупъ, такъ ужъ послушаемъ, какъ хозяева про звѣрьевъ-то будутъ рассказывать.

Минуту спустя, позади меня раздался другой женскій голосъ: — пожалуста отстаньте, что вы ко мнѣ привалялись.

— Вы очень сердиты, — былъ отвѣтъ.

Я оглянулся: за моей спиной стояла голубая шляпка съ плутовскимъ личикомъ, и около ея въ пальто съ бровнымъ воротничкомъ и въ шляпѣ новой конструкціи, особа, вѣроятно принадлежащая къ разряду прото-леоновъ, снобсовъ или хлыщей, какъ-то неловко безпоковившая свою сосѣдку рукою. Но вотъ раздался голосъ хозяина. Господа, пожалуйста слушать, я сей-часъ буду имѣть честь рассказать вамъ исторію звѣрей. Толпа хлынула на зовъ содержателя звѣринца, и не знаю какъ очутился я подлѣ молодой дамы въ палевой шляпкѣ неразрѣзаго

бархата и въ темно-гранатовомъ сѣлопѣ съ куннымъ воротникомъ. Впереди ея стояла пара миленькихъ дѣтей, мальчикъ лѣтъ 10-ти съ кудрявой головкой, въ кучерской шубкѣ и шапкѣ, и дѣвочка лѣтъ восьми въ плюшевой шляпкѣ. Голова моей сосѣдки была повернута въ противоположную сторону, такъ что мнѣ пришлось видѣть одну только тулю. Любопытство врожденно человеку. Подъ напѣтиемъ этого чувства я невольно подумалъ: Ктожъ она, моя сосѣдка? Хороша-ль, мила-ль она?... И зачѣмъ она..... Тутъ слѣдуетъ рюма «сверхкомъ», а я думалъ: и зачѣмъ она стоитъ ко мнѣ затылкомъ: зачѣмъ тревожить мое любопытство, мое докучное любопытство.— Я перешелъ на другое мѣсто и сталъ съ ней рядомъ; между прочимъ голосъ объяснителя физиологѣи и нравовъ звѣрей оглашалъ стѣны балагана: — вотъ, коспода, бѣлый медвѣдь; онъ живетъ на ледовитой морѣ, и не можетъ терпѣть теплой климатъ, по этому ми обливаемъ его холодна вода. Богъ съ тобой и съ твоимъ медвѣдемъ, проговорилъ я съ досадой, потому что интересная шляпка подвинулась впередъ, и я опять очутился назадъ. Мнѣ никакъ не удавалось разглядѣть порядочно ея лице; новыя волны народа отдвигали ее далѣе и далѣе отъ меня, наконецъ я вовсе потерялъ ее въ толпѣ; предосадное положеніе. Можетъ быть оно долго бы продолжалось, если бы не размѣшилъ меня г. объяснитель звѣрей. Вотъ, господа, извольте посмотреть, попугай какаду; онъ имѣетъ свой большой и крѣпкій носъ и больше ничего! Странно; неужели онъ имѣетъ свой носъ?... замѣтилъ кто-то изъ толпы.

Многіе улыбнулись на эту выходку. Представленіе кончилось, стали выходить изъ балагана. Я вспомнилъ мою палевую шляпку, и слѣдуя за толпой, подымался на цыпочки и глядѣлъ впередъ, въ надеждѣ увидать ее при выходѣ. Нѣтъ какъ нѣтъ. Досадуя на свою оплошность, я выбрался наконецъ въ сѣни и — вообразите, читатель, мою радость: около дѣтей хлопотала заинтересовавшая меня палевая шляпка. Длинный лакей въ стро-синей ливреѣ, кричалъ во все горло: «подавай карету!» — незнакомка, схвативъ за руки дѣтей, подвела ихъ къ подъѣзду, съ помощію лакея стала усаживать въ экипажъ, потомъ вслѣдъ за ними, сама, какъ легкая перь, прыгнула на подножку — и уронила платокъ. О счастье! я схватилъ его чуть не на лету и вручилъ по принадлежности, за что былъ награжденъ обольстительно-милрой улыбкой. Карета покати-лась, а я все еще стоялъ на мѣстѣ. пораженный удивленіемъ. — Незнакомка была красавица.

Невольно опустилъ я голову, — и чтожъ? передъ глазами моими, на сѣнгу лежала розовая хитро-сложенная бумажка; я поднялъ ее — и невольгъ сдѣлался обладателемъ чужаго письма.

Бережно положивъ его въ карманъ, я бросился въ первые попавшіеся мнѣ извозничьи санки, не очень изящной формы, и предварительно растолковавъ наемному возницѣ, гдѣ я живу, приказалъ погонять его тощую клячу. Черезъ четверть часа я былъ уже дома. Говорятъ, что болтливость — порокъ, — это правда, но надобно прибавить, порокъ для всѣхъ, но не для фельетониста; это, напротивъ того, его лучшее достоинство, его прямая обязанность, и на этомъ основаніи я подѣлюсь съ читателемъ моею находкою. Вотъ что было написано на розовой бумажкѣ:

«Сколько мыслей тѣснилось въ бѣдной головѣ моей, сколько чувствъ волновало мою душу, милая Betty, когда я возвратился вчера отъ васъ. Какъ благодарить тебя, другъ мой, за вчерашній вечеръ? Ты была такъ добра для меня, такъ великодушно старалась выказать предъ другими твое предпочтеніе ко мнѣ. Сколько любви проговѣчивалось въ каждомъ твоемъ словѣ, въ каждомъ движеніи. Наконецъ чувство побѣдило странную застѣнчивость, привитую въ тебѣ воспитаніемъ.

«Люби меня, Betty — твоя любовь — моя жизнь, мое блаженство. Какъ прекрасна была ты; какимъ синіемъ окружала любовь твою прекрасную головку. Betty, какъ долго не знала ты, что меня любишь. Ты не понимала заветной своей тайны, пока ревность своимъ пожаромъ не осветила души твоей. Не грѣхъ ли тебѣ, милая, сравнивать себя съ ..., съ этой бездушной красавицей; въ ея чертахъ не проглядываетъ ни одно высокое чувство, нѣтъ этихъ небесныхъ звуковъ, которые проникаютъ въ душу и которые такъ уповательно звучатъ въ полномъ аккордѣ твоей красоты.

«До свиданія, моя добрая Betty. Пиши ко мнѣ — Маша сей-часъ будетъ пересылать мнѣ твои письма. Не откажи мнѣ въ этомъ участіи, — не отрекайся отъ своего обещанія; чего бояться тебѣ; развѣ ты не довернешь мнѣ?»

До свиданія. Весь твой

SERGE.»

Письмо, конечно, было писано по-французски. Вотъ и начало любовнаго романа, сказалъ я самому себѣ, запирая въ письменной столѣикъ это краснорѣчивое посланіе. Можно ли послѣ того сказать, что путешествіе по улицамъ не приноситъ никакой пользы. Конечно! — Я рѣшаюсь слѣдить за влюбленными; буду разузнавать ихъ тайны, которыми подѣлюсь и съ вами, мой добрый читатель. Фельетонисту и безъ того надобно слоняться по городу, авось нападу на слѣдъ этой романтической пары, а вѣдь такая находка кладъ для листка городскихъ вѣстей. Непремѣнно найду ихъ. Однако довольно, — я такъ заболтался, что забылъ поздравить васъ съ новымъ годомъ. До свиданія. Н. Р.—ИИ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ И СЛУХИ.

(ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ «МОСКВИТИННА»).

Что дѣлають наши литераторы. — Даль, — Соллогубъ. — Гончаровъ, — Вельтманъ, — Одоевскій. — Поэты. — Новыя книги. — Музыка. — Художества. — Театръ. — Уличныя новости.

Наканунъ новаго года.

Начиная снова наши письма въ «Москвитиннѣ», мы долгомъ считаемъ напомнить читателямъ, что послѣдняя, лѣтняя корреспонденція наша кончилась литературными извѣстіями и слухами, изъ которыхъ нѣкоторые сбылись, другіе остаются еще до сихъ поръ слухами. Останавливаемся передъ Новымъ годомъ въ раздумьи. Что пророчить, что несеть намъ этотъ, еще таинственный 1855 годъ?

Вмѣстѣ съ авторомъ «Опѣгина» намъ хотѣлось бы теперь сказать: ужель передъ нами этотъ 1855 годъ, ужель весна молодой, послѣ-дермонтовской и послѣ-гоголевской школы проходить, «ужель намъ скоро тридцать лѣтъ»? Поучительна была бы теперь оглядка на прошлое! Пересчитавъ наши ясныя, наши лучшіе дни, мы многое бы встрѣтили со вздохомъ, надъ многимъ бы погрустили!... Какъ хотѣлось бы намъ вызвать снова эту молодость, эти надежды и упованія! Гдѣ наши любимые авторы сороковыхъ годовъ, что пишутъ они теперь?

Перечтемъ ихъ.... Гдѣ нашъ *Даль*, съ его повѣстями, очерками и бойкою рѣчью, пересыпанною такъ обильно поговорками, — рѣчью не тѣхъ свѣтскихъ литераторовъ, какъ онъ говорилъ, которые ходятъ въ крысыихъ перчаткахъ и, завиткахъ, а тою, которая хотя сырѣмъ и лаптями пахиваетъ, да за то въ носъ пошибаетъ? Гдѣ его «Лезгинецъ Ассанъ» и «Бородачи и колбасники», — гдѣ его «Игривый» и всѣ очерки нашихъ простонародныхъ нравовъ? — Давно мы ни строки его не встрѣчаемъ. Гдѣ потомъ авторъ «Тарантаса» и «Аптекарьши»? Пишетъ ли онъ теперь намъ что-нибудь подобное его «Исторіи двухъ калошъ» и «Метели»? Намъ говорятъ, что *Графъ Соллогубъ* на Кавказѣ... Но неужели Кавказъ, гдѣ писался «Герой нашего времени» и гдѣ черпали вдохновеніе столько другихъ нашихъ лучшихъ поэтовъ, — не далъ довольно пищи его дарованію и любви къ бѣдной, современной, родной литературѣ. Говорятъ, онъ пишетъ вторую часть «Тарантаса».

Намъ хочется вспомнить и г. *Гончарова*, который такъ блистательно и неслыханно-успѣшно началъ свою «Обыкновенною Исторіею»

и такъ скупо поддержалъ пока свой триумфъ поэтическимъ «Сномъ Обломова». Все еще грезится и намъ, вмѣстѣ съ маленькимъ Обломовымъ, этотъ таинственный и глухой край, та тихая сторона, куда было полетѣлъ «Огненный змѣй» Авдѣева — и куда пастъ недавно и неожиданно перенесло увлекательное перо автора «Затишья»! Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ все наше общество безъ устали волочилось за именемъ автора Адуева и Обломова; въ эти годы самъ авторъ совершилъ огромное путешествіе изъ Петербурга, мимо Африки, въ Китай и Тихій океанъ, и скоро, какъ говорятъ, возвратится, черезъ Камчатку и Уралъ, обратно въ Петербургъ. До отъезда въ кругосвѣтное путешествіе, у него друзья видѣли нѣсколько начатыхъ очерковъ, въ родѣ Старичковъ, и почти оконченный, большой романъ, котораго отрывокъ пока составляетъ «Сонъ Обломова». Теперь, говорятъ, онъ написалъ, кромѣ записокъ о любопытномъ путешествіи, нѣсколько новыхъ вещей. Въ одномъ обществѣ, пріѣзжая изъ провинціи дама говорила недавно, что ей пишутъ изъ Сибири, изъ того самого общества, которое составляло товарищей путешествія г. Гончарова, что онъ дѣйствительно работалъ для литературы во время своего пути, что его сотоварищество доставило вѣсѣмъ много наслажденія, но еще болѣе наслажденія доставило слышанное ими новое изъ произведеній Гончарова. Возвратятся ли васъ уважаемый и любимый вами авторъ ко временамъ его «Обыкновенной Исторіи» и «Сна Обломова»?

И другіе, кромѣ названныхъ, влекутъ насъ къ себѣ въ эту минуту. Намъ хотѣлось бы знать, что дѣлаетъ теперь «Чудодѣй» и авторъ его? Готовить ли намъ г. *Вельтманъ* что-нибудь въ родѣ его «Приключеній, почерпнутыхъ изъ моря житейскаго»? Участъ Саломеи и Дмитрия до сихъ поръ еще интересуется насъ! — Мы хотѣли бы также обмануться въ слухахъ, будто бы «Дѣдушка Ириной» ничего болѣе не хочетъ намъ рассказывать, тогда какъ даже новое изданіе старыхъ произведеній *Князя Одоевскаго* — было бы теперь на разхватъ раскуплено публикой!

Хотѣлось бы намъ поднять завѣсу новаго года и взглянуть, что дастъ намъ новаго и поэзія наша? Явится ли намъ снова «Ночной сторожъ» и всѣ эти очаровательныя «Домашнія пѣсни» г. *Огарева*; напечатаетъ ли свои «Переводы Горація» г. *Фетъ*, и издастъ ли наконецъ полное собраніе своихъ «Стихотвореній» его товарищъ по Университету, г. *Полонскій*, въ произведеніяхъ котораго столько задушевности и простоты? Что дастъ намъ наша поэзія въ новомъ году?

И будутъ ли дарить насъ своими трудами и поздвѣиіе собратья

наши: *Григоровичъ, Щербина, Островскій, Дружининъ и Мей?* Напишетъ ли авторъ «Муму» и «Бѣжина луга» что-нибудь болѣе поэтической картинки, легкаго очерка; подаритъ ли онъ намъ глубоко-задуманнымъ и художественно-выполненнымъ романомъ изъ русской жизни? — И увидитъ ли наконецъ будущій 1855 годъ въ печати новое изданіе старыхъ сочиненій Гоголя и его Тентентикова, Пѣтуха, Хлобуева и Костанжогло? — Будемъ ждать, а пока подѣлимся тѣмъ, что у насъ подъ рукою.

Въ первыхъ числахъ новаго года, какъ слышно, выйдутъ *первыя двѣ части* новаго «*Полнаго собранія сочиненій Пушкина*», — изданныхъ подъ редакцію Г. Анненкова. Сюда войдутъ: біографія поэта, съ его портретомъ; рисунками, которые онъ чертилъ на поляхъ своихъ стихотвореній, — и лирическія произведенія его. Подписка принимается въ конторѣ Современника. Мы видимъ корректуры его, и ручаемся, что, начиная отъ формата, шрифта, чистоты и до опрятности изданія, все здѣсь выбрано и соблюдено до послѣднихъ мелочей.

Изъ отдѣльно появляющихся литературныхъ новостей, кромѣ собранія послѣднихъ, новыхъ, патристическихъ стихотвореній г. *Аполлона Майкова*, («Введеніе», — «Тѣни Державина», — «Клермонтскій соборъ», — «Отставной солдатъ Перфильевъ», — «Пастухъ», — «Двѣ тучи» и другія), которымъ отвела мѣсто Академія Наукъ, въ своихъ «Извѣстіяхъ по отдѣленію русской словесности», и которыя выйдутъ и отдѣльною брошюрой, — мы можемъ указать еще на нѣкоторыя....

Такъ, особенно пріятно! намъ указать на два новыхъ труда г. *Перевльскаго*, на его «Памятники старославянскаго языка», изданныя для Александровскаго Лицея, гдѣ г. Перевльскій состоитъ профессоромъ русской словесности, и на его же «Практическую русскую грамматику». Желаемъ отъ души продолженія полезныхъ трудовъ г. Перевльскаго!...

Вотъ и все по части литературныхъ новостей. Была и другія, въ нашихъ журналахъ; но нѣкоторыя изъ нихъ перелетѣли черезъ наши головы вовсе незамѣченными, а другія возбудили слишкомъ много разныхъ толковъ между читающими, и потому о нихъ мы лучше умолчимъ...

Въ мірѣ музыкальномъ накопилось много любопытнаго. Пріѣхалъ въ Петербургъ изъ-за границы *М. И. Глинка*, съ запасомъ новыхъ романсовъ и симфоніею «Тарасъ Бульба». Онъ занимается теперь аранжировкою разныхъ любимыхъ святомъ музыкальныхъ пьесъ, и готовитъ, при помощи современнаго Смирдина вотныхъ произведеній, г. Стелловскаго, идіеи остальныхъ, ученыхъ частей его оперы «Жизни

за Царя», — что дополнить такимъ образомъ окончательно прежнес изда-
ніе г. Свегирева.

А. С. Даргомыжскій, кончасть инструментовку своей новой оперы «Русалка», написанной на слова Пушкина. Вся опера состоитъ изъ четырехъ дѣйствій и кончена вывѣшшимъ лѣтомъ, во время жизни автора въ далекой загородной дачѣ Петербурга, въ маленькомъ, поэтическомъ домикѣ, уже почти финляндскаго, Мурина. Мы слышали два оконченныхъ и инструментованныхъ дѣйствія новой русской оперы нашей, и смѣло предрекаемъ ей успѣхъ. Авторъ думаетъ поставить ее впервые въ Москвѣ, будущею осенью, вмѣстѣ съ другою, поэтическою опереткою «Торжество Вакха» на слова Пушкинскаго стихотворенія. Нѣтъ силъ выразить, сколько глубокаго уваженія и самаго искренняго сочувствія возбуждаетъ въ насъ дѣятельность на пользу искусства и русской, національной музыки, которую оказываютъ — Глинка, Верстовскій, Даргомыжскій, Львовъ.

Изъ другихъ музыкальныхъ новостей, мы можемъ указать на «Музыкальный альбомъ», который предпринялъ г. *Лоде*, и только...

Въ мірѣ художествъ пластическихъ новостей пока немного. 18 декабря, данъ былъ вторичный обѣдъ Вице-Премьенту Академіи Художествъ, графу *Ө. П. Толстому*, въ залахъ Шахматнаго Клуба, — собственно отъ общества молодыхъ литераторовъ, художниковъ и музыкантовъ, которые не могли участвовать на Юбилей графа 10-го октября. Здѣсь были литераторы: Глинка, Майковъ, Бепедиктовъ, Струговшиковъ, Половскій, Щербина, Данилевскій, Владиславлевъ, Федоровъ, Любичъ-Романовичъ, и другіе; молодые художники — все безъ исключенія; почтенный Адмиралъ П. И. Рикордъ, произнесшій рѣчь въ честь графа; артисты итальянской оперы и русскіе пѣвцы и актеры (Петровъ — пѣвецъ, съ женою, Бурдинъ) — и многочисленное общество почитателей графа. Здѣсь произнесено много прекрасныхъ стихотвореній въ честь заслуженнаго артиста, пѣвцы наши пѣли тутъ же нѣкоторыя изъ нихъ, — и все вселялось, въ честь искусства, безъ души и стѣсненій. Мы слышали, что объ этомъ обѣдѣ готовится подробный отчетъ....

Наконецъ, что же еще сказать и о внѣшней, уличной жизни Петербурга, которой также не исключаетъ наша корреспонденція?...

Наша жизнь теперь иначе, совершенно своеобразно настроена. Мы вѣдь, отъ мала до велика, только и думаетъ, что объ участи нашихъ родичей на поляхъ, гдѣ рѣшаются нынѣ великіе вопросы. Намъ вчера рассказывалъ одинъ заслуженный и извѣстный морякъ случай изъ Севастопольской жизни, который нынче характеризуетъ всю Россію. Вотъ онъ....

Въ последнее время на одной изъ нашихъ батарей была переранена почти вся прислуга, состоящая изъ морскихъ артиллеристовъ. Ея командиру вѣрно было смѣнитья; командиръ, раненный тремя ранами, отказался, говоря, что его раны заживуть и на батарее; а если угодно поставить другую прислугу, такъ онъ сдастъ команду, а самъ все-таки останется подъ огнѣмъ непріятеля. Посланный съ приказаніемъ къ командиру батареи обратился къ его подчиненному унтеръ-офицеру, и сказалъ ему: «Выводи прислугу! Васъ надо смѣнить!» Унтеръ-офицеръ взглянулъ на своихъ товарищей, которые, потупя глаза, стояли вокругъ, и отказался также, отвѣтивъ: «Насъ бомба смѣнитъ, а мы отъ родныхъ пушекъ, пока живы, не уйдемъ!» — Насъ бомба смѣнить! Слова простаго унтеръ-офицера.... Вѣдь Европа назвала бы это историческою фразою; прокричала бы о ней во всѣ концы, портретъ сказавшаго напечатала бы! А наши солдаты и не подозреваютъ, какъ въ ихъ священной, живописной храбрости — высоки они!

Кстати. На Александринскомъ театрѣ давали драматическія сцены г. Писемскаго «Ветеранъ и Новобранецъ». Сцены, по чувствамъ, наполнявшимъ автора, заслужили общее одобреніе. Изъ другихъ вещей театральнаго назовемъ новую итальянскую оперу «Сивардъ Саксонецъ» (Макбетъ) и четырехъ-актную комедію г. Григорьева «Вторая часть Житейской школы».

Погода все время стояла самая пріятная, теплая и мягкая, если можно такъ выразиться. Но мы замѣтили особенную оригинальность нашей уличной жизни — это постоянное уменьшеніе гуляющихъ по Невскому. Невскаго теперь не узнаешь....

За то магазины его, не смотря на войну, полны и товарами и покупателями. На Казанской площади на проспектъ, открыты еще два новыхъ фотографическихъ заведенія, — *Денъера* и *Александровскаго*, рядомъ съ прежнимъ заведеніемъ Левицкаго. Г. Александровскій, богато и роскошно убравшій свои залы и мастерскія, особенно привлекаетъ посѣтителей. Его портреты — верхъ изящества; въ рамѣ, за стекломъ, у входа его, выставлены образцы снятыхъ имъ портретовъ: тутъ вы увидите всѣ ваши знаменитости, отъ министровъ до художниковъ и литераторовъ. Мы слышали, что г. Александровскій основательно подготовилъ себя къ этому занятію, — изучилъ глубоко химію и объѣздилъ всю Европу. На Лондонской выставкѣ, его работы обратили на себя общее вниманіе.

ПИСЬМО ИЗЪ ИРКУТСКА.

ВОДЯНОЙ ТРОМБЪ.

Въ началѣ юля 18... я ѣхалъ изъ Верхнеудинска въ Петровскій заводъ. Въ такое время года поѣздки по Забайкалью восхитительны. Случайно я догналъ старшаго адъютанта М. и доктора Д., ѣхавшихъ туда же, и мы втроемъ помѣстились въ одномъ тарангаѣ. Погода установилась чудесная, июльскій жаръ нѣсколько умѣрялся сыростью почвы, отъ сильнаго дожда, шедшаго здѣсь дня два тому назадъ. Путь нашъ лежалъ по правому берегу Селенги, и мы съ Омудевоу горы должны были своротить на дорогу, ведущую къ заводу. Трудно указать на мѣсто болѣе живописное, болѣе величественное, особливо когда смотришь съ вершины Омудевоу горы. Оба берега р. Селенги высоки и обрѣвисты, рѣка прорвала твердыни порфировъ, видимо свидѣтельствующихъ, что страшная огненная сила выдвинула ихъ изъ нѣдръ земли и поставила въ чудномъ хаотическомъ безпорядкѣ. Смотришь вдаль—все тотъ же рѣзкій безпорядокъ, нигдѣ не видно правильной цѣпи горъ; — за Селенгою, на лѣвой сторонѣ ея, опѣ гроздятся то низкими, то высокими группами. Здѣсь простой глазъ убѣдится, что процессъ землетрясенія былъ волнообразный, кора земли застыла, изобразивъ какъ бы море, въ минуты своего грознаго волненія. Вообще видъ этихъ обнаженныхъ скалъ дикъ и поразителенъ. Въ стѣсненныхъ берегахъ Селенга имѣетъ быстрое теченіе; вырываясь небольшимъ потокомъ изъ-за Китайской границы, она смотритъ здѣсь уже значительною рѣкою, и отъ быстроты, время отъ времени, перемѣняетъ русло свое. Отъ этого образовалось много острововъ, поросшихъ тальниками различныхъ видовъ; съ горы острова нажуются искусственными садами, свѣтлая зелень деревьевъ, правильно разбросанныхъ на песчаномъ грунтѣ, поражаетъ глаза яркостію колорита и рѣзко отдѣляется отъ темноокрасныхъ порфировыхъ береговъ. Подножіе Омудевоу горы замѣчательно въ другомъ отношеніи: здѣсь, на прибрежныхъ пескахъ нашли пріютъ разнообразныя растенія. Пельзя отвести глаза отъ удивительной пестроты миловидныхъ окситропясовъ, острагалиусовъ, виціи и другихъ горошковыхъ семействъ. Они очень напоминаютъ новоголландскія кеннедіи, платилобіи, борониіи и др., съ тою разницею, что наши легиуминозныя растенія почти всею одолѣтнія, тогда какъ тѣ состоятъ изъ древесныхъ многолѣтнихъ кустарни-

ковъ. Въюжіяся растенія, переплетаясь между собою, составили сплошныя гирлянды, и изъ густой зелени ихъ выставлялись кое-гдѣ безподобныя Сибирскія лиліи *martagon* и *tenuifolium*. Однимъ словомъ, все, что мы видѣли, было вполне своеобразно; подобной картины, конечно, нельзя встрѣтить на противоположной сторонѣ озера Байкала. Оставивъ Селенгу вправо, мы поѣхали гористою дорогою чрезъ селенія старо-обрядцевъ, которые переселены въ Сибирь изъ Польши, въ царствованіе Екатерины II-й. Тобольскій губернаторъ Чичеринъ водворилъ ихъ въ окрестностяхъ Барнаула, и небольшую партію изъ нихъ отправили въ Верхнеудинскій округъ, на мѣсто, объ которомъ я теперь упоминаю. Чичеринъ былъ къ нимъ такъ милостивъ, что предварительно позволилъ избраннымъ изъ среды ихъ ѣхать за Байкаль и по желанію выбрать мѣсто для поселенія. Довѣренные, осмотрѣвъ земли между рѣками Селенгою, Чикомъ и Хилкомъ, выпросили ихъ для своего жительства. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ; и они сдѣлались первыми здѣшними хлѣбопашцами; они трезвы и очень трудолюбивы, ихъ жизнь, исполненная довольства, напоминаетъ нашъ русскія внутреннія губерніи. Народъ этотъ совершенно сохранилъ нравы, обычаи и одежду своихъ отцевъ; смотря на нихъ, радуешься, что они оставили при себѣ элементы добраго русскаго быта.

Оставивъ ихъ селенія и воздѣланныя горы, мы спустились на пространную Тугнуйскую степь. Здѣсь переходъ поразителенъ: природа и люди, совершенно другіе. Тугнуйскую степь занимаютъ Буряты Хоривскаго вѣдомства, коихъ предки, Халхасцы, вышли изъ Монголіи въ наши предѣлы между 1674-мъ и 78-мъ годами, (вслѣдствіе междоусобій, существовавшихъ тогда въ Монголіи въ предѣлахъ средней Азіи. Хоринцы явились въ Нерчинскъ въ управленіе прикащика Павла Шульгина, въ числѣ 20-ти родовъ, приняли присягу (шерть) на подданство и получили для кочевки обширныя мѣста между Нерчинскомъ и Верхнеудинскомъ. Гораздо позднѣе, по монгольскимъ свѣдѣніямъ (въ 1699 г.) одноплеменники ихъ, утомленные войною съ своими сосѣдами Зюнгорами, подпали подъ власть Маньджу — Китайцевъ. Должно полагать, что отдѣлившіеся отъ Цеценъ-Хана и вышедшіе къ намъ 20 Хоринскихъ родовъ, были вначалѣ малочисленны; изъ нихъ тогда же составлено 41-тъ родовъ, и въ этомъ раздѣленіи Хоринцы остаются до настоящаго времени. Названіе свое вѣроятно получили они отъ Монгольскаго слова *хори* (двадцать), то-есть родовъ, въ числѣ которыхъ они перекочевали изъ Халхи. Впослѣдствіи и народцы эти, какъ видно изъ грамоты, данной имъ въ 1705-мъ г., марта 22,

оказали значительныя услуги полномочнымъ посланцѣмъ: Феодору Алеѣсьевичу Головину и Саввѣ Лукичу Владиславичу, въ бытность ихъ за Байкаломъ для разграниченія земель. Тугнуйская степь съ пересѣкающею ее рѣчкою Тугнуемъ носить также свой отпечатокъ оригинальности; мѣстами она очень живописна, и тамъ, гдѣ воды Тугнуя захватываютъ низменности, видна сильная растительность. Здѣсь опять тоже неистощимое разнообразіе горошковъ, астрагаловъ, оробусовъ. Ихъ цвѣтушія полосы изображали собою какъ бы цвѣтники, посаженные рукою садовника. Эти прелестныя оазисы смѣняются солонцами; издали думаешь, что снѣгъ покрывъ землю, а между тѣмъ близна происходитъ отъ глауберовою соли, вышедшей на поверхность. Въ этихъ мѣстахъ земля почти не имѣетъ травяной шетки, но есть однакожъ нѣсколько растительныхъ семействъ, преимущественно растущихъ на солонцоватой почвѣ. Оригинальность Тугнуйской степи еще болѣе выказывается тамъ, гдѣ разбросаны кочевыя юрты инородцевъ. Вдали отъ дороги, на мѣстѣ болѣе возвышенномъ виднѣлась Тугнуйская кумирня (дацанъ). Въ пространной открытой степи эти моленныя дома очень рисуются и обманываютъ, выказываясь большими архитектурными строеніями, но въ самомъ дѣлѣ деревянныя дацаны нашихъ Монголовъ не обширны и грубо отдѣланы. Говоря вообще о стенахъ Забайкальскаго края, всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, составляютъ какъ бы преддверіе къ обширной Гобійской степи. Цѣпь малаго Гентея, вышедшая изъ средней Азіи и составившая нашу природную границу съ Китаемъ, раздѣлила Гоби отъ Забайкальскихъ степей. Но открытыя мѣста, омываемыя р. Аргуною, тамъ, гдѣ Гентей развѣтвился на безчисленныя отроги, мы рѣшительно почитаемъ за сѣверныя предѣлы Гоби. Окраины Тугнуйской степи состоятъ изъ голыхъ низменныхъ горъ, идущихъ отъ р. Селенги на востокъ. Здѣсь тѣ же различныя видоизмѣненія порфировъ, какъ и въ обнаженныхъ берегахъ Селенги: у подножія этихъ горъ, мы нашли амигдалитъ и кодреватую лаву коришпеваго цвѣта: а недалеко отсюда, берега рѣчки Мухорисибиря изобилуютъ плутоическими породами стильбитовъ, шабазитовъ, аяльсимова и другими подобными видоизмѣненіями. — Одинъ изъ англійскихъ миссіонеровъ увѣрялъ меня, что онъ, на рѣчкѣ Тугнуѣ, подъ кустами лавы находилъ скорпіоновъ; я пытался искать, но не нашелъ. Не ошибался ли почтенный миссіонеръ; ибо извѣстно, что въ восточной Сибири нѣтъ нигдѣ скорпіоновъ. Миновавъ степь, мы поѣхали возвышенными мѣстами; кое-гдѣ мелькали перелѣски, и здѣсь видѣнь былъ трудъ старообрядцевъ. По обѣимъ сторонамъ дороги зеленѣлись тучныя пажити; грунтъ земли отличнаго

качества и безъ всякаго удобренія, урожанъ бываютъ превосходные, особенно въ дождливое лѣто. Послѣ полудинихъ Бурятъ, опять насъ повезли старообрядцы. Они гонятъ на весь махъ, лошади у нихъ чудесныя, и мы лихо проскакали до завода. Оставалось только четыре версты до него, какъ непредвидѣнное происшествіе, выходившее изъ круга случаевъ обыкновенныхъ, внезапно принудило насъ остановиться на дорогѣ. Съ нами встрѣтилась пустая повозка. Ямщикъ, сидѣвшій въ ней, что-то кричалъ намъ и махалъ рукою, но такъ какъ мы ѣхали очень скоро, то и не обратили на это вниманія. Вдругъ нашъ ямщикъ остановился: мы увидѣли, что дорогу залило водою, и въ глазахъ нашихъ, она все болѣе и болѣе прибывала. Не зная причины, мы полагали, что ямщикъ сбился съ дороги и привезъ насъ къ озеру, но онъ отвѣчалъ простодушно, что другой дороги, кромѣ этой, нѣтъ къ заводу, и что онъ ѣздитъ по ней много лѣтъ и воды въ этомъ мѣствѣ никогда не бывало. Отвѣтъ ямщика былъ очень убѣдителенъ и еще болѣе подстрекнулъ наше любопытство. Докторъ велѣлъ ему двинуться впередъ, но лошади захрапѣли и попятились назадъ; наконецъ мы рѣшились лучше выѣхать на сухое мѣсто, гдѣ и остановились, чтобъ узнать причину этого необыкновеннаго явленія. Къ сожалѣнію нашему уже вечерело, окрестность подернулась легкимъ туманомъ, и мы не скоро могли отыскать мѣста, откуда вода разливалась съ такою быстротою. Надо полагать, что явленіе это случилось не болѣе какъ за четверть часа до насъ, потому что встрѣтившаяся намъ повозка успѣла еще проѣхать по дорогѣ, при томъ шумъ отъ воды уже при насъ болѣе и болѣе усиливался и наконецъ перешелъ какъ бы въ гулъ водопада. Атмосфера мгновенно сдѣлалась сырою и холодною, и насъ обдавало водяными парами. Еще прошло нѣсколько минутъ, и саженьхъ въ тридцати отъ насъ, мы увидѣли великолѣпное зрѣлище. Земля выкидывала изъ нѣдръ своихъ два фонтана, которые по меньшей мѣрѣ сажень на пять были вверхъ съ чрезвычайною силою и вмѣстѣ съ водою выбрасывали камни и землю. Фонтаны въ объемѣ своемъ увеличивались постепенно, масса воды то сливалась въ одинъ огромный водяной тромбъ, то раздѣлялась на два отдѣльные фонтана. Отъ силы подземнаго дарденія, мы видѣли также, что воду бросало въ разные стороны, или винтообразно подымало вверхъ, и брызги летѣли на далекое пространство. Все это сопровождалось не ровнымъ, но оглушительнымъ гуломъ. Наконецъ стремительная сила примѣтно начала ослабѣвать: изъ мутной, неопредѣленной массы водъ, все яснѣе и яснѣе образовывались два чудесные фонтана, вода очистилась, и они явились во

всемъ своемъ величїи. Разстояніи между ними было до трехъ сажени; они достигали ровной высоты, и падала, пересѣкалась. Мы долго оставались безмолвными отъ изумленїи предъ этимъ дивнымъ явленїемъ природы. Докторъ пытался было подойти къ самымъ источникамъ, но чрезвычайно холодная вода остановила его любознательность, и онъ принужденъ былъ возвратиться назадъ. Какъ дорогу залило водою, то ямщикъ вынужденъ былъ спуститься на право въ рѣчку Балегу, по руслу которой объѣхалъ залитую дорогу и благополучно довезъ насъ до завода. Здѣсь, прежде всего, мы начали рассказывать о чудномъ случаѣ, но намъ съ трудомъ вѣрили, ссылаясь на то, что падь, гдѣ встрѣтили мы это явленїе, совершенно сухая и воды тамъ никогда не было. Свидѣтельство доктора болѣе всего подкрѣпило слова наши: платье его еще не высохло; но онъ очень сожалѣлъ, что не могъ достигнуть источника. Чтò касается до меня, я положилъ за непремѣнное какъ можно ранѣе встать и ѣхать къ чудеснымъ фонтанамъ, предполагая найти ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы оставили.

Рано утромъ поѣхалъ я туда-верхомъ, и во всю дорогу напрягалъ свой слухъ, чтобы скорѣе услышать вчерашній гулъ, и заранѣе представлялъ себѣ, какъ эти фонтаны при солнечномъ восходѣ должны быть великолѣпны. Но увя, оказалось полное разочарованїе: фонтаны болѣе не существовали, и я съ трудомъ нашелъ то мѣсто, откуда вода стремилась съ такою силою. Отъ всего бывшего процесса, остались двѣ небольшія и неглубокія ямы, наполненныя водою. Изъ одной пробивался едва замѣтный потокъ воды; онъ пересѣкалъ дорогу и вливался въ рѣчку Балегу. Вокругъ ямъ лежали грудами выброшенная земля, дернъ и камни. Самое мѣстоположенїе не представляло ничего особеннаго: то была небольшая узкая падь, гдѣ поставленныя загороди показывали, что здѣсь крестьяне обыкновенно ставятъ сѣно. Я почерпнулъ изъ ручья воды; она была мутна, но на вкусъ непротивна. Окинувъ глазами окрестность, я подумалъ, зачѣмъ это рѣдкое явленїе, показавшееся вчера въ такомъ блескѣ и величїи, мгновенно исчезло? Природа знаетъ, чтò творить; много сокровенныхъ тайнъ ея на всегда останутся для насъ непостижимыми. Когда я возвратился въ заводъ, докторъ прежде всѣхъ встрѣтилъ меня съ вопросомъ, какъ нашелъ я фонтаны? Я рассказалъ, чтò видѣлъ, и мы, всѣ вмѣстѣ, поговаривали о фонтанахъ, не дожившихъ до солнечнаго свѣта. Много сужденїй было у насъ объ этомъ предметѣ; между прочимъ, участвовавшїй въ нашей бесѣдѣ ихтинскїй кузнецъ, рассказалъ намъ, что года три тому назадъ, онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ подобнаго же феномена. На

изменной кося, вдавшея въ Прорву (пристань на оз. Байкаль), видно было нѣсколько земляныхъ бугровъ; въ самый полдень бугры эти разверзлись съ страшнымъ взрывомъ, изъ нихъ образовались вдругъ фонтаны, и вода нѣсколько часовъ была довольно высоко и съ большимъ шумомъ. Это случилось въ послѣднихъ числахъ сентября мѣсяца 1835-го года; въ гавани стояло много купеческихъ судовъ, и народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на небывалое зрѣлище.

Прѣзжая обратно изъ Петровскаго завода, мы остановились на дорогѣ, докторъ побѣжалъ къ ямамъ, чтобы повѣрить меня, и нашелъ то же, что я передалъ. Подходя къ тарантасу, онъ приложилъ указательный палецъ ко лбу и съ большою увѣренностію сказалъ намъ: Господа, какъ хотите, а вчерашнее явленіе очень повѣстно объясняетъ намъ теорію образованія водныхъ системъ. Подумавъ немного, я хотѣлъ было согласиться съ мнѣніемъ доктора, но сбился совершенно съ толку, когда увидѣлъ, что новорожденный ручей исчезъ совершенно, оставивъ едва замѣтный слѣдъ своего существованія.

Ж. А. СКАЛЬСКИЙ.

Иркутскъ.

О ПОГОДѢ ВЪ 1855 ГОДУ.

Въ той части Россіи, которая простирается на Югъ отъ Москвы до степей Новороссійскихъ, надобно ожидать въ 1855 году слѣдующаго состоянія погоды, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и не продолжительныхъ измѣненій.

Зима продолжаться будетъ съ постояннымъ значительнымъ холодомъ.

Весна вскроется въ обыкновенное время и ознаменуетъ себя умѣренной температурою.

Лѣто напротивъ будетъ дождливо, особенно въ послѣдней половинѣ.

Осень большею частію будетъ также изобильна дождями.

Зима будущая станетъ нѣсколько позднее прошлагодней, но въ началѣ ея менѣе выпадетъ снѣгу, а холодъ не будетъ чувствительнѣе.

Независимо отъ сего должно ожидать дождя или снѣга, смотря по времени года, или по крайней мѣрѣ сырыхъ тумановъ:

Около 6 генваря 3 февраля 3 и 30 марта 27 апрѣля 24 Маія.
21 іюня 18 іюля 14 августа 10 сентября 7 октября 4 ноября 1 декабря.

По всему вышесказанному можно съ полнымъ вѣроятіемъ полагать, что въ 1855 году будетъ добрый урожай хлѣбныхъ и огородныхъ

произведеній, но уборка первыхъ съ полей будетъ затруднительна и безъ потерь не обойдется. — За то здоровью челоуѣка и домашнихъ животныхъ не будутъ угрожать повальные гибельныя болѣзни до самаго начала зимы. Ж.

Москва.

1 января 1855 г.,

ВЪ РЕДАКЦІЮ МОСКВИТАНИНА.

Въ литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей 1854 г. іюня 15 дня, N 74, напечатана статья г. Бартеяева: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи. Глава 1-я — Дѣтство.»

Въ выноскѣ N 4 сказано: «*Большую часть свѣдѣній о дѣтствѣ Пушкина мы заимствуемъ изъ записки, составленной со словъ сестры его, дѣйств. стат. совѣтницы Ольги Сергѣевны Павлицевой, и приносимъ ей за то усерднѣйшую благодарность.*»

Авторъ статьи выразился неясно. За что именно благодарить оны? Я знаю, что оны благодарить за свѣдѣнія, найденныя имъ въ запискѣ, благодарить сестру поэта за то, что она передала на бумагу воспоминанія свои о дѣтствѣ брата; но другіе могутъ подумать, что благодарность изъясляется ей за сообщеніе самой записки, тогда какъ подобная благодарность должна быть изъяслена не ей, а тому, кто сообщилъ г. Бартеяеву записку. Это требуетъ объясненія.

Воспоминанія о дѣтствѣ А. С. Пушкина, со словъ сестры его, моей жены, написалъ я въ Петербургѣ, въ 1851 году, для издателя сочиненій Пушкина, Павла Васильевича Анненкова, будучи свидѣтелемъ усерднаго желанія его обогатить новое изданіе біографіею, достойною памяти нашего поэта.

Такимъ образомъ записка эта сдѣлалась собственностью П. В. Анненкова и вошла въ составъ біографіи поэта гораздо прежде, нежели г. Бартеяевъ почерпнутыя въ ней свѣдѣнія напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Н. ПАВЛИЦЕВЪ.

Варшава.

19 (31) декабря 1854 г.

ОРИГИНАЛЪ.

(Разсказъ Ш. Монселе).

ГЛАВА I.

Было время, когда оригиналъ назывался оригиналомъ, теперь его называютъ типомъ. Злоупотребленіе этого послѣдняго названія стало чувствительно, особенно въ послѣднее время. Мой типъ назывался Аристидъ Шамуа.

Онъ жилъ въ Парижѣ въ своемъ собственномъ домѣ, построенномъ по Американскому способу — изъ дерева пополамъ съ желѣзомъ — съ балконами, похожими на птичьи кѣтки.

Онъ имѣлъ осмнадцать тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, и эта сумма показалась бы очень для него достаточною по его спокойной и не роскошной жизни; а между тѣмъ, Аристидъ Шамуа прожилъ въ четыре года все свое достояніе — капиталъ и проценты.

Замѣчательно, что Аристидъ не былъ ни игрокъ, ни спекуляторъ, ни человекъ, вызываемый на расточительность страстію къ женщинамъ. Его страсть могла скорѣе назваться капризомъ, но страннымъ, уродливымъ, непонятнымъ и дошедшимъ въ немъ до степени мани. Онъ благоговѣлъ передъ промышленною изобрѣтательностію, вращающеюся между Арабскимъ ракогудомъ и саркопластикію, дѣлающею человека двадцатью пятью годами моложе.

Все естественное было противно Аристиду.

Эта пагубная склонность зародилась въ немъ еще въ его младенчествѣ и росла, и развивалась годъ-отъ-году.

Въ школѣ Аристидъ не могъ писать на обыкновенной бумагѣ, — онъ требовалъ непременно бумаги новѣйшаго изобрѣтенія, черниль Гюйо, которыя никогда не выскабливаются. чернилицу съ насосомъ, перо цинковое или деревянное, съ многими кончиками или

вовсе безъ кончиковъ, и такой футляръ для перьевъ, который служить въ одно и тоже время карандашемъ, циркулемъ, печатью и песочницей.

Замокъ въ его рабочемъ ящикѣ отпирался безъ ключа, невидимой пружиной. Его перочинный ножикъ былъ вмѣстѣ штопоромъ, пилюю, бритвою и зубочисткой.

Съ годами Аристидъ сдѣлался самымъ заклятымъ поклонникомъ всѣхъ новыхъ изобрѣтеній. Онъ получалъ всѣ возможные журналы, но читалъ только четвертую страницу, на которой печатаются объявленія. Какое-нибудь Португальское масло было для него дороже всѣхъ политическихъ преній, красное мыло важнѣе лучшей литературной статьи.

Последнее мое свиданіе съ Аристидомъ Шамуа было въ мартъ нынѣшняго года.

Я пришелъ къ нему часовъ въ девять утра и засталъ его въ постели. Въ первыя минуты я не могъ узнать его. Вообразите себѣ челоуѣка, обтянутаго краснымъ шерстянымъ мѣшкомъ, имѣющимъ только два отверстія для глазъ и для носа. Онъ объявилъ мнѣ, что это пеленаніе дѣлаетъ онъ надъ собою по совѣту журнала «Le Progrès», съ цѣлю предупредить послѣдствіе транспираціи, посредствомъ ея возбужденія.

Пока онъ мнѣ объяснялъ это, я осматривалъ съ любопытствомъ его спальню.

Вся мебель этой комнаты была совершенно оригинальная; стулья на одной ножкѣ или безъ ножекъ, столы съ музыкой и съ другими видоизмѣненіями.

Онъ замѣтилъ мое удивленіе и сказалъ мнѣ:

— Это все пустяки, а посмотри на кровать мою. Неправда ли, что съ перваго взгляда она кажется весьма обыкновенною?... Орѣховое дерево и только. А между тѣмъ, внутри этой кровати цѣлый резервуаръ горячей воды. Всякой вечеръ ее подогреваютъ, и я могу, по желанію, наслаждаться умѣреннымъ воздухомъ Прованса или удушающимъ жаромъ Сенегамби. Мнѣ стоитъ только подавить пружину, скрытую.... вотъ здѣсь.... видишь.

Я наложилъ палецъ на пуговочку, отысканную Аристидомъ подъ подушкой, но вдругъ онъ вскочилъ какъ сумашедшій и заоралъ отъ боли:

— Ай!... Несчастный!... пусти, пусти скорѣе... ты сожжешь меня.... Уфъ! какъ ты неостороженъ!... Надо обращаться съ этими вещами съ осмотрительностію.

Сказавши это, онъ подавилъ другую пружину, и одна половина его кровати поднялась кверху, такъ-что онъ остался въ сидячемъ положеніи.

— Теперь, сказалъ онъ, я велю давать себѣ кофе. Замѣть неподобный способъ зова, который я употреблю. Ты, напримѣръ, когда зовешь къ себѣ свою прислугу, кричишь или звонишь ея?... Это, братъ, старая, нигуда негодная система... она стала даже несовременна въ провинціи. Мы употребляемъ для этого голосо-передавательные снурки.

— Голосо-передавательные снурки?

— Ну, да. Эти снурки дѣлаются внутри пусты и на каждомъ концѣ ихъ устроена труба, посредствомъ которой люди, находящіеся на большомъ разстояніи, разговариваютъ между собою точно такъ, какъ будто они въ одной комнатѣ. Я всегда разговариваю такимъ образомъ съ моей прислугой, не отрывая ея отъ занятій. Вотъ, посмотри....

Приложивъ губы къ трубочкѣ, укрѣпленной въ обояхъ, Аристидъ произнесъ нѣсколько разъ:—Устинья!—

Но Устинья не давала отвѣта.

Я взялся въ свою очередь за колокольчикъ, и по второму звонку Устинья явилась съ подносомъ.

— Я понимаю, въ чемъ дѣло, сказалъ мнѣ Аристидъ; снурокъ засорился. Я уже шестой разъ заставляю прочищать его,—надо купить другой, пошире.

Пока онъ толковалъ о снуркѣ, я почувствовалъ страшный запахъ въ комнатѣ и повертывался во всѣ стороны, чтобы угадать, чтò его производитъ.

— Что съ тобой? спросилъ меня Аристидъ.

— Развѣ ты не слышишь страшнаго запаха?

— А!... это отъ моего кофе... изъ желудей....

— Кофе изъ желудей?

— Да.... Онъ чрезвычайно полезенъ для гигиены. Въ «Gazette des Hopitaux» о немъ цѣлая статья. Правда, что онъ не такъ вкусенъ, какъ кофе настоящій, но онъ гораздо лучше для здоровья.

— Это твое дѣло, замѣтилъ я со смѣхомъ.

— Хочешь попробовать? я велю подать тебѣ.

— Нѣтъ, благодарю покорно.

— А то, не хочешь ли питательнаго шоколаду ва куриномъ бульонѣ?

— У!... какой это долженъ быть ковардакъ!

— Не смѣйся.... прежде попробуй....

★

— Ни за что на свѣтъ.

Я рѣшился ничему не удивляться и просилъ только Аристидѣ поскорѣ одѣться и проводить меня въ улипу *Chaussée d'Antin* гдѣ я долженъ былъ кой съ кѣмъ повидаться. Аристидѣ довольно скоро всталъ съ постели; но одѣванье его заняло много времени; костюмъ его состоялъ изъ слѣдующаго:

- 1) Рубашка со штрипками.
- 2) Корсетъ съ выемкой для талии.
- 3) Нижнее платье изъ легкаго каучука.
- 4) Панталоны безъ швовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разшились.
- 5) Ботинки изъ особаго ластика.

Прежде одѣванія, пріятель мой вымылъ руки въ трехъ водахъ: въ водѣ Грузинской, Албiонской и Королевской. Брился онъ бритвой Жаксона, направленной на ремнѣ Робертсона, посыпанномъ порошкомъ Диксона. Потомъ онъ покрылъ лице свое тремя слоями: кольдъ-крема, изобрѣтеніемъ *Aimé* и велютиномъ.

Вода Ботто должна была уничтожить первый слой, вода Гебе второй и Мексиканская жидкость третій. За этимъ онъ намазалъ брови помадой *melainosome* и надѣлъ парикъ съ металлической пружиной, которая страшно сдавила лобъ его.

— Извини меня, сказалъ онъ мнѣ, что я заставляю такъ долго ждать тебя; мнѣ еще нужно повырвать себѣ волосы.

— Какъ?

— Посредствомъ машинки Шантала.

— Но зачѣмъ?... У тебя еще нѣтъ сѣдыхъ волосъ.

— Если бы они были, я бы ихъ выкрасилъ; но мнѣ хочется оплѣшивѣть.

— Съ какою цѣлю?... Не думаешь ли ты поправиться черезъ это женщинамъ, или возбудить ихъ довѣріе?

— Какіе пустяки! Нѣтъ, душа моя, у меня дѣло болѣе серьезное. Выдергиваніе волосъ имѣетъ для меня важное финансовое значеніе.

— Финансовое значеніе?

— Да.

— Не понимаю. Можетъ быть, ты полагаешь, что густые волосы мѣшаютъ ясности твоихъ соображеній?

— Какѣй ты непонятливый!... вскричалъ Аристидѣ, топнувъ ногою. Слушай же: машинка Шантала имѣетъ то достоинство, что волосъ, вырванный ею, никогда уже не выростетъ. До сихъ поръ

я убѣдился въ этомъ на опытѣ. Съ другой стороны Леопольдъ Лобъ предлагаетъ сто тысячъ франковъ....

Я расхохотался.

— Да, сто тысячъ франковъ тому, кто докажетъ, что вода его не выгонитъ на самой плѣшивой головѣ отличныхъ волосъ.

— Такъ что же?

— Какъ!... и теперь не понять?

— Нѣтъ.

— Вода Лоба не можетъ выгнать волосъ на моей головѣ, и я получаю сто тысячъ франковъ; а если отъ нея и выростутъ волосы, то я ничего не потеряю, потому—что перестану быть плѣшивымъ. Понимаешь теперь, какъ благоразумно мое предпріятіе?

Я не зналъ, что отвѣчать; такъ удивило меня это логическое безуміе.

Шамуа смотрѣлъ на меня взглядомъ триумфатора.

— Это еще не все, сказалъ онъ; я занимаюсь еще однимъ опытомъ, который передастъ мое имя потомству.

— Право?... чтожь ты такое устроишь?

— Я не устраиваю, а разрушаю.

— Не понимаю.

— Поймешь сію минуту. Я создаю великое дѣло посредствомъ ежедневнаго разрушенія.

— Все—таки не понимаю.

— Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Я подошелъ къ двери, но никакъ не могъ открыть ее.

— Онъ запертъ? спросилъ я.

— А!... Я и забылъ.

Съ этимъ словомъ онъ началъ опускать всѣ сторы.

— Это что? спросилъ я.

— Надо произвести въ комнатѣ возможную темноту.

— Помилуй, да обыкновенно дѣлается наоборотъ.

— Но вѣдь замокъ у этой двери необыкновенный.

— Какой же онъ?

— Это замокъ Мотто, который отпирается въ темнотѣ.

— Вотъ оно что!

Аристидъ пошелъ ощупью къ двери.

Идя, онъ опрокинулъ два стула и уронилъ горку съ фарфоромъ.

Я невольно пожалѣлъ объ этой несприятности.

— Это ничего.... ничего.... проговорилъ Аристидъ.... Ты увидишь

все необыкновенное достоинство этого изобрѣтенія... Я ищу не замка, а двери... Ахъ!...

Болезненный крикъ этотъ заставилъ меня испугаться за моего пріятеля.

— Что съ тобой? вскричалъ я.

— О!... ничего... пустяки... отвѣчалъ онъ; я ударился лбомъ объ стѣну... но зато я отыскалъ замокъ.

Дверь отворилась.

При свѣтѣ я взглянулъ на Аристиду.

— На палецъ ниже, замѣтилъ я ему, и ты проломилъ бы себѣ високъ.

— Право!... Ну а теперь это неболитъ и пройдетъ. Войди-ка, другъ мой.

Я вошелъ въ кабинетъ и былъ чрезвычайно удивленъ, что онъ заваленъ разбитыми зеркалами. Одно было еще цѣло и стояло въ углу.

— Понимаю, сказалъ я Аристиду; ты скупаешь битыя зеркала.

— Какъ тебѣ не стыдно?...

— Да какже! эти разбитыя зеркала...

— Разбиты самимъ мною.

— Можетъ ли быть?

— Да, я бью обыкновенно три зеркала въ день.

— Тебѣ это должно стоить большихъ денегъ! сказалъ я.

— Это правда; но я уже нѣсколько разъ былъ близокъ къ цѣли. Посмотри.

Аристидъ взялъ въ руки камушекъ.

— Разъ!... два!... три!... сказалъ онъ.

И камушекъ полетѣлъ въ неразбитое зеркало, которое разлетѣлось на части.

Я стоялъ въ изумленіи.

Аристидъ обернулся ко мнѣ и сказалъ очень спокойно:

— Я промахнулся. Надо было цѣлиться поправѣе и кидать не такъ сильно. Завтра, можетъ, это будетъ удачнѣе.

— Ты думаешь и завтра...

— Непремѣнно: я добьюсь наконецъ до чуднаго зеркала.

— Какого чуднаго зеркала?

— А вотъ—читай.

— Позволь.

Аристидъ подалъ мнѣ слѣдующее объявленіе:

«Пятьдесятъ тысячъ франковъ тому, который произведетъ другое чудное зеркало. Настоящее можно видѣть ежедневно, съ де-

сяти часовъ утра до десяти часовъ вечера, въ Биржевой улицѣ, N. 4. За входъ 50 сантимовъ.»

— Прочелъ?... спросилъ меня Аристидъ.... пятьдесятъ тысячъ франковъ тому, кто воспроизведетъ....

— Правда.

— Недѣли черезъ три я добьюсь этого зеркала и получу деньги. Все дѣло въ случаѣ, и терпѣніе мое побѣдитъ его.

— Ты не шутишь?

— Черезъ три недѣли у меня будетъ въ карманѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— А на шестьдесятъ ты разобьешь зеркаль?

— Есть о чемъ говорить, отвѣчалъ Аристидъ, уводя меня изъ кабинета. Надо сѣять, чтобы пожинать. Я вижу, что ты еще неопытенъ въ дѣлахъ этого рода. Приходи-ка ко мнѣ почаще, я сообщу тебѣ многія тайны выгодныхъ спекуляцій.

Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ Аристидъ что-то отыскивалъ съ безпокойствомъ.

— Чего ты ищешь? спросилъ я.

— Я ищу помаду отъ веснушекъ.

— Да у тебя нѣтъ ихъ.

— Нѣтъ, но они могутъ быть; а эта помада ихъ предотвращаетъ. А!... вотъ она: посмотри... испаряющаяся помада Ришара.

Онъ открылъ банку, и я подошелъ посмотреть на то, что въ ней заключалось.

— Да въ банкѣ ничего нѣтъ, замѣтилъ я.

— Чтожь? Въдь это испаряющаяся помада, отвѣчалъ мнѣ Аристидъ пресерьезно. Уменьшеніе количества ручается за лучшую степень качества. Это сказано и на надписи. Мудрено ли, что испаряющаяся помада испарилась?

Мнѣ оставалось послѣ этого молчать и удивляться. Я сталъ осматривать прочія замѣчательности въ комнатѣ и остановился передъ висѣвшей на стѣнѣ удочкой. Аристиду было пріятно, что я обратилъ на нее вниманіе.

— Это удочка Монтиньякъ, сказалъ онъ; на лѣсъ, какъ ты видишь, устроена механическая рыбка изъ мѣди. Она схватываетъ рыбу, которая подходитъ къ ней играть. Это очень остроумно—ловить рыбу рыбою.

— Я не зналъ, что ты охотникъ до уженья?

— Я никогда не ужу, это правда, но когда мнѣ вздумается этимъ заняться, такъ у меня все подъ рукою.

Я продолжалъ осмотръ свой; бюро обратило на себя мое вниманіе.

Оно было сдѣлано въ лучшемъ вкусѣ и вовсе не гармонирѣвало съ остальной мебелью. Особенно понравился мнѣ замокъ, по своей превосходной отдѣлкѣ. Я поднесъ къ нему руку,—вдругъ раздался ужасный выстрѣлъ, и я почувствовалъ, что желѣзная рука, неизвѣстно откуда явившаяся, сжала мою руку.

— Несчастный!... вскричалъ Аристидъ; ты дотронулся до механизма отъ воровъ. Теперь переполюшатся всѣ сосѣди и примутъ тебя за вора.

— Чортъ ихъ возьми!... только освободи поскорѣе мою руку изъ этихъ клещей.

— Это очень легко. Стоитъ только отпереть одинъ замокъ, и пальцы желѣзной руки мгновенно раздадутся. Смотри.

По несчастію или по неловкости, Аристидъ повернулъ замокъ не въ ту сторону, и рука моя просто затрещала; я началъ орать изо всѣхъ силъ. Пріятель мой замѣтилъ свою ошибку, но на руки моей уже отпечатлѣлась кровавая браслета.

— Хорошо изобрѣтеніе!... сказалъ я съ досадою.

— Да вѣдь пистолеть былъ заряженъ однимъ порохомъ, замѣтилъ мнѣ Аристидъ.

— Покорно благодарю, мнѣ отъ этого было не легче.

Наковецъ, Шамуа совершенно одѣлся.

Долго недоумѣвалъ онъ въ выборѣ, какую надѣть шляпу, и рѣшился взять касторовую, въ которой были сдѣланы невидимыя отверстія для циркуляціи воздуха.

Передъ самымъ выходомъ онъ сталъ еще разсуждать о томъ, какого рода взять съ собой зонтикъ, но я просто вытолкалъ его изъ комнаты.

ГЛАВА II.

На улицѣ Аристидъ сталъ надѣвать перчатки безъ швовъ, снабженныя электричествомъ.

— Куришь ты? спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ утвердительно, и онъ подалъ мнѣ перушко.

— Это что? сказалъ я,—зубочистка?

— Нѣтъ, это сигаретка изъ камфоры.

Я досталъ свою табачницу и сталъ свертывать папиросу изъ мариланда. Аристидъ улыбался, глядя на употребляемую мною испанскую бумагу.

— Отчего ты не купишь себѣ образцовой? спросилъ онъ.

— А что это за образцовая бумага?

— Она дѣлается изъ пеньки. изъ одной пеньки.

— А остальная бумага дѣлается изъ чего?

— Остальная дѣлается изъ всего: изъ льна, изъ бумаги, — мало ли изъ чего!

Не успѣвши убѣдить меня въ преимуществѣ образцовой бумаги, онъ предложилъ мнѣ купить сигарототипъ-машинку, съ помощію которой можно сдѣлать въ продолженіе получаса совершенно цилиндрическую сигаретку. Но и это предложеніе его осталось безъ исполненія.

Мнѣ надо было зайти въ одинъ домъ, и я попросилъ Аристиды подождать меня въ ближайшей гостинницѣ. Спустя двадцать минутъ, я къ нему вернулся.

— Теперь, сказалъ я ему, я совершенно свободенъ и могу провести съ тобою весь день. Давай завтракать.

— Охотно.

— Ты ужъ вѣрно выпилъ рюмку абсенту?

— Помилуй, ктожь пьетъ теперь эту водку? Ты вѣрно хочешь сказать объ апретурованномъ алкоголѣ?

— Ну, пожалуй.

Я позвонилъ мальчику и велѣлъ подать карту.

— Зачѣмъ тебѣ карта? спросилъ меня Аристидъ съ удивленіемъ.

— Какъ зачѣмъ?... Затѣмъ, чтобы выбрать, что съѣсть.

— А! это другое дѣло. Мальчикъ! подай сюда журналъ Debats!

— Debats!

— Вотъ тебѣ карта, сказалъ онъ мнѣ, подавая газету; теперь выбирай.

Я никакъ не могъ понять, какъ можно выбирать кушанья по политической газетѣ.

Аристидъ замѣтилъ мое недоумѣнье и взялъ у меня журналъ изъ рукъ.

— Вотъ тебѣ, провинціалъ, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ, указывая на послѣднюю страницу; на, смотри, вотъ новѣйшія шюре.... соусы.

Вдругъ онъ остановился передъ названіемъ одного кушанья, помѣщенномъ въ объявленіи; лице его прояснѣло, и онъ закричалъ мальчику:

— Подай намъ сосисекъ изъ Арля.

— Ты ѣдалъ ихъ?

— Нѣтъ, но что до этого, — они должны быть дивны, превосходны.... прочти-ка самъ, какая написана къ нимъ ода....

Я взялъ журналъ и пробѣжалъ оду сосискамъ изъ Арля. Меркантильный поэтъ не постыдился написать четыре куплета въ похвалу этого блюда.

— А! что скажешь? спросилъ меня Аристидъ тономъ знатока. Каковы риомы. Что твой Гюго!...

Мальчикъ принесъ кушанье, и мы занялись ѣдою.

Я насилу могъ упросить Аристида ѣсть хоть на этотъ разъ то, что ѣдятъ всѣ люди. Я уступилъ ему сосиски изъ Арля, но за то мы не пробовали прочихъ новонизобрѣтенныхъ блюдъ и пили бордосское вино, не смотря на жаркія увѣренія Аристида, что вино изъ Спа, заключая въ себѣ желѣзистыя частицы, гораздо полезнѣе.

— Не выпить ли намъ шампанскаго? спросилъ я своего пріятеля послѣ завтрака.

— Несчастный! вскричалъ онъ, ктожь пить теперь шампанское?

— Чѣмъ же оно тебѣ не нравится?

— Да это старо, старо какъ стѣны Пареннона. Для чего хочешь пить ты? Для того, чтобы сдѣлаться веселѣе? Да?... Ну твое желаніе будетъ исполнено. Мальчикъ! подай намъ бутылку вина изъ кокао.

— Вина изъ кокао!

Вмѣсто отвѣта, Аристидъ подалъ мнѣ тотъ же журналъ.

— Читай и благодарм Антильскую компанію за это рѣдкое изобрѣтеніе.

Я прочелъ слѣдующее:

«Сомнѣваться въ благотѣльныхъ свойствахъ и качествахъ кокао все то же, что отрицать свѣтъ. Вино изъ кокао имѣетъ пріятный вкусъ, заставляющій любителей предпочитать его винамъ Испаніи и мыса Доброй Надежды. Его можно пить утромъ и вечеромъ, передъ ѣдою и послѣ оной, и пр. и пр.

«Люди худаго тѣлосложенія начинаютъ толстѣть черезъ мѣсяцъ послѣ начатія употребленія этого напитка».

— Хорошо, сказалъ я. Ну, а люди толстые?

Аристидъ задумался.

Мы еще поспорили съ нимъ въ выборѣ десерта, и я хотѣлъ было уже идти вонъ изъ гостинницы, какъ вдругъ раздались мелодическія звуки музыки. Всѣ бывшіе въ комнатѣ оборотились, чтобы узнать, откуда льются эти звуки.

Многіе, воображая, что это сюрприз со стороны хозяина, отправились къ нему съ разспросами, но онъ клялся имъ, что самъ не понимаетъ этой загадки.

Я посмотрѣлъ на Аристиду, — онъ улыбался и читалъ журналъ. Музыка играла въ эту минуту цыганскую хоровую пѣсню.

— Послушай, сказалъ я ему потихоньку, ужъ это не новое ли какое изобрѣтеніе?

— Молчи!... молчи!... отвѣчалъ онъ мнѣ, — это зубъ мой.

— Твой зубъ?

— Да. Зубъ съ музыкой. Въ немъ есть еще другія пьесы: три мазурки и десять кадрили, съ варіаціями.

Я принужденъ былъ насильно увести его изъ гостинницы.

ГЛАВА III.

Когда мы вышли, онъ спросилъ у меня, который часъ.

— А развѣ у тебя нѣтъ часовъ? сказалъ я.

— Есть, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; но они идутъ по новому дѣленію. Я нарочно заказывалъ ихъ въ Женевѣ, и они мнѣ стоятъ тысячу экю. Въмѣсто двѣнадцати часовъ, они раздѣлены на десять. Эта система весьма удобна, и, если хочешь, я закажу тебѣ точно такія.

Я поблагодарилъ его.

Разговоръ нѣсколько минутъ не вязался. Видно было, что Аристидъ хотѣлъ повѣрить мнѣ какую-то тайну, но все не рѣшался. Я сталъ его разспрашивать, и онъ признался мнѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ чувствуетъ наклонность къ женитьбѣ.

— Эта наклонность очень похвальна, замѣтилъ я, и я не понимаю, изъ чего ты хочешь скрывать ее.

— Право!... Такъ ты согласишься помочь мнѣ въ выборѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Какъ я благодаренъ тебѣ!... Пойдемъ же.

— Куда?... къ невѣстѣ?

Аристидъ пожалъ плечами съ сожалѣніемъ.

Мы взяли кабриолетъ и велѣли везти себя въ Энгьенскую улицу. Здѣсь остановились мы у подъезда, на которомъ была вывѣшена слѣдующая афиша:

Энгьенская улица.

№ 48.

Г. де-Фуа.

28-й годъ

успѣшнаго занятія.

Устраиваетъ женитьбы.

Непроницаемая тайна и честность.

— Вот мы и приехали, сказалъ Аристидъ. Въдь вы, провинціалы, когда вы вздумаете жениться, вы прощете цѣлые шесть мѣсяцевъ невѣсты. Посмотри, какъ дѣлается это здѣсь. Замѣть, что вслѣдствіе особо придуманнаго расположенія комнатъ, здѣсь невозможно, чтобы кто-нибудь увидалъ тебя.

Въ ту же минуту онъ дернулъ меня за фалду и скоро проговорилъ:

— Иди скорѣе на лѣстницу. За нами идетъ г. Д***; я не хочу, чтобы онъ узналъ меня.

Въ нѣсколько прыжковъ мы очутились на верху, и пришли въ кабинетъ г. де-Фуа.

Хозяинъ заведенія принялъ насъ со всевозможною вѣжливостію свѣтскаго человѣка. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ попросилъ насъ садиться, и въ нѣсколькихъ словахъ, съ большимъ одушевленіемъ, высказалъ всѣ преимущества своего филантропическаго заведенія.

Пока онъ занялся отыскиваніемъ реэстровъ, Аристидъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ:

— Ты слышалъ сейчасъ объявленіе, которое помѣщено во всѣхъ журналахъ. Я знаю его наизусть и въ случаѣ нужды могъ бы служить ему суфлеромъ. Какой прекрасный и убѣдительный слогъ!

— Господа, продолжалъ де-Фуа, заведеніе мое принимаетъ огромные размѣры. Въ весьма скоромъ времени будутъ учреждены у меня конторы: въ Англіи, въ Бельгіи, въ Германіи и въ Америкѣ.... Тамъ....

Въ эту минуту отворилась дверь и въ двери показалась голова какого-то господина, который сказалъ намъ съ улыбкой:

— Извините меня, господа, я забылъ здѣсь свой зонтикъ.... Повѣрьте, что одинъ дождикъ причиною, что я помѣшалъ вашимъ интереснымъ разговорамъ.

Г. де-Фуа, красный какъ ракъ, вскочилъ съ своего мѣста.

— Милостивый государь!... вскричалъ онъ, развѣ можно врываться...

Но ворвавшійся господинъ не отвѣтилъ ему, а обратился къ намъ.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ онъ, я имѣю удовольствіе видѣть г. Шамуа?

— Точно такъ, отвѣчалъ Аристидъ, кланяясь.

— Очень приятно.... какая встреча!...

Де-Фуа былъ на горячихъ угляхъ.

— Вы компрометируете мое заведеніе, говорилъ онъ; еще разъ прошу васъ, уйдите отсюда!

— Тысячу разъ прошу извиненія. Но, какъ я уже сказалъ вамъ, я забылъ здѣсь свой зонтикъ. А!... вотъ онъ. До свиданія, г. Шамау.

— Прощайте, г. Д***.

Поѣходъ этого господина, де-Фуа провелъ насъ въ сосѣднюю комнату, увѣряя, что самая непроницаемая тайна покрываетъ его занятія.

Аристидъ подошелъ къ конторѣ и велѣлъ записать себя подъ именемъ Филомена, Аристида Шамау.

— Филомель? спросилъ конторщикъ.

— Нѣтъ, Филомень, — въ концѣ н. Филомель названіе птицы, а Филомень человѣческое имя.

— Какой цвѣтъ волосъ вамъ больше нравится? спросилъ конторщикъ.

— Какой-бы?... спросилъ у меня Аристидъ.

— Какой тебѣ больше нравится.

— Русый, сказалъ онъ.

— Извольте идти въ залу N 2, сказалъ конторщикъ.

Мы вошли въ другую комнату, гдѣ нѣсколько прикащиковъ передистывали огромные реестры.

Пріятель мой адресовался къ одному толстяку и сталъ говорить съ нимъ.

— Состояніе среднее! прокричалъ толстякъ, обратившись къ одному изъ писцовъ, посмотрите въ книгъ подъ литерою Д., въ списокъ вдовъ.

— Какъ! сказалъ я Аристиду, ты хочешь жениться на вдовѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ!... возразилъ онъ, твоя правда. Нѣтъ, лучше на дѣвушкѣ.

— Посмотрите въ списокъ дѣвушекъ, сказалъ толстякъ.

— Отъ шестнадцати до двадцати пяти лѣтъ.

— Въ той же книгѣ.

— Характеръ я желалъ бы смирный и сговорчивый.

— Въ графѣ о характерахъ.

— Чтобы не было физическихъ недостатковъ.

— Глядите въ графѣ наружной красоты.

— Хорошо бы, прибавилъ Аристидъ, если бы у ней было на правомъ плечѣ пятнушко.

— Такія всѣ вышли, замѣтилъ конторщикъ, перелистовавъ всю книгу.

— Это жаль, но такъ и быть.

— Приходите черезъ двѣ недѣли, сказалъ толстякъ.

Аристидъ заплатилъ порядочную сумму за справки и объявленія, и вышелъ со мною, смѣясь и называя меня человѣкомъ допотопнымъ.

ГЛАВА IV.

Было часовъ пять по полудни.

Мы предположили окончить день въ театрѣ.

Чтобы убить время до вечера, по приглашенію Аристиды, я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ различныя замѣчательныя заведенія, на-примѣръ: разведеніе по новому способу шелковичныхъ червей, гдѣ впрочемъ мы не видали ни одного червя, и фабрикацію лыжъ, на которыхъ можно ходить по водѣ.

Когда мы вернулись въ его квартиру, ему подали письмо отъ человѣка, занимающагося его дѣлами. Этотъ господинъ извѣщалъ Аристиды о банкротствѣ компаніи, гдѣ у него было значительное количество акцій.

— Это очень удивляетъ меня, сказалъ Аристидъ, потому-что на нашей сторонѣ были всѣ шансы. Вообрази себѣ карету, въ которой можно ѣздить безъ лошадей и безъ машины, — стоитъ только путешественникамъ подталкивать ее сзади.

— Не позволите ли вы мнѣ, сказала робко его служанка Устинья, сходить сегодня со двора. Ко мнѣ пріѣхалъ сегодня двоюродный братъ мой, и, надѣясь на ваше согласіе, мы предположили...

— Не позволяю, прервалъ ее Аристидъ; добрая дѣвушка должна находить удовольствіе въ исполненіи своихъ обязанностей.

— Но помигуйте...

— Довольно.

Я не понялъ строгости Аристиды и принялъ сторону его служанки.

— Ты не правъ, другъ мой, сказалъ я ему; отчего не позволить Устиньѣ какого-нибудь развлеченія.

— Развлеченія?.. Ей нужно развлеченіе? Такъ она давно бы такъ и сказала. Устинья, возьми всѣ подсвѣчники и вычисти ихъ бронзовальною жидкостью Делешампа.

— Но, это работа...

— Я не люблю возраженій. Прочти это объявленіе.

И онъ подалъ ей слѣдующую афишу:

«Бронзовальная жидкость Делешамна, пріятная, безвредная и экономическая жидкость, чиститъ металлы заново и превращаетъ «работу въ пріятное развлеченіе».

Устинья пожала плечами.

Аристидъ обратился ко мнѣ.

— Это прекрасная выдумка, сказалъ онъ; и хорошо было бы ввести этотъ способъ развлечения повсемѣстно.

Приближалось время спектакля.

— Не пора ли намъ отправляться? сказалъ я Аристиду.

— Позволь мнѣ только переодѣться, отвѣчалъ онъ.

— За чѣмъ же?

— Неужели ты думаешь, что можно проходить цѣлый день въ одномъ платьѣ?

— Отъ чего же бы и не такъ.

— Ты ничего не понимаешь. Но я затрудняюсь, какіе бы мнѣ надѣть панталоны... индѣйскія ли...

— Ты хочешь одѣться Индѣйцемъ? вскричалъ я въ испугъ.

— Пить, это особенная новая индѣйская ткань.

— Какъ поступилъ бы ты, спросилъ меня Шамуа, если бы тебѣ хотѣлось быть въ театрѣ въ синемъ и въ коричневомъ сюртукѣ?

— Я бы надѣлъ одинъ изъ нихъ.

— А если бы тебѣ нужны были оба эти цвѣта?

— Я взялъ бы другой сюртукъ подъ мышку.

— Куда какъ мило! сказалъ Аристидъ насмѣшливо. Посмотри же теперь, какъ у меня рѣшается эта задача. Разъ, два, три!

— Ну! и на тебѣ синій сюртукъ.

— А теперь: разъ, два, три!

— Превосходно!... вскричалъ я, видя, что Шамуа надѣлъ тотъ же сюртукъ на выворотъ. Изнанка была коричневая.

— Это двустороннее платье, изобрѣтенія Банковскаго и компаніи.

Мы вышли на улицу.

На бульварѣ Аристидъ хотѣлъ надѣть свою складную шляпу, но не смотря на всѣ его усилія, шляпа оставалась въ видѣ блина.

Входя въ театръ, Аристидъ посмотрѣлъ на цвѣтъ своего сюртука.

— Синій, сказалъ онъ; а играютъ драму. Гораздо приличнѣй быть въ коричневомъ: коричневый цвѣтъ болѣе идетъ къ трогательнымъ сценамъ.

Въ каждомъ антрактѣ, однакожь, Шамуа мѣнялъ цвѣтъ и являлся въ синемъ.

Когда мы вышли изъ театра, погода нахмурилась, и я сталъ жалеть, что на улицахъ темно.

Аристидъ посмотрѣлъ на меня съ торжествомъ и ударилъ по мостовой концемъ своей палки.

Изъ верхней части ея сейчасъ же выскочила зажженная восковая свѣча. За этимъ онъ вынулъ изъ кармана сложенную бумагу и сдѣлалъ изъ нея цилиндръ, замѣнившій транспаранъ.

— Это трость-свѣча Лемера, сказалъ Аристидъ; что можетъ быть полезнѣе и пріятнѣе этого изобрѣтенія?

Онъ договаривалъ слова эти, какъ закапалъ дождикъ и свѣча потухла.

— Перемена декораций!... закричалъ Аристидъ, и, обернувши свою палку, выпустилъ изъ нея огромный тафтяный зонтикъ.

Шамуа проводилъ меня до моей квартиры, и мы простились, потому—что на другой день мнѣ нужно было ѣхать изъ Парижа.

Мнѣ не суждено было увидать еще разъ моего пріятеля.

ГЛАВА V.

Немного спустя послѣ нашего свиданія, Аристидъ былъ приглашенъ на охоту въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ одинъ изъ его пріятелей имѣлъ знаменитый паркъ.

Онъ явился на эту охоту въ платьѣ съ гвоздями, изобрѣтенномъ его портнымъ. Платье это имѣло полный успѣхъ и возбуждало всеобщій хохоть.

Хотя Аристидъ былъ не большой охотникъ, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пріобрѣсти ружье, заряжающееся со стороны замка.

Но увь!... Ружье не удовольствовалося этимъ качествомъ, оно и разрядилось въ сторону замка и повергло бѣднаго Аристида изравеннаго на землю.

Докторъ, осмотрѣвшій его раны, не нашелъ ихъ слишкомъ опасными и прописалъ ему не важныя лекарства; но Аристидъ не сталъ принимать ихъ и, пріѣхавши домой, послалъ за знаменитымъ гомеопатомъ.

Гомеопать хотѣлъ непременно раздробить ему изъ пистолета лѣвое плечо, чтобы предупредить воспаленіе въ правомъ, куда попалъ ружейный зарядъ.

Друзья Аристида и Устинья рѣшительно этому воспротивились. Докторъ ограничился приказаніемъ сдѣлать больному питье изъ пол-унціи чернаго чая, распущеннаго въ десяти ведрахъ воды, и велѣлъ давать ему по ложкѣ черезъ сорокъ восемь часовъ.

Черезъ недѣлю Аристидъ былъ при смерти, но имѣлъ довольно силъ, чтобы написать двѣ записки, и приказалъ отвести ихъ по адресу.

Черезъ нѣскольکو часовъ явились два человѣка и вошли къ умирающему Аристиду.

— Я—Германъ, сказалъ одинъ изъ нихъ. Мои гроба имѣютъ мѣдныя винтиляторы и забиваются золочеными гвоздями.

— Я—Якобсонъ, сказалъ другой, и знаю, что имѣю честь говорить съ настоящимъ знатокомъ дѣла.—Долго не было соперниковъ пятиугольнымъ гробамъ; но я первый изобрѣлъ гроба цилиндрическіе, — круглые, совершенно круглые, замѣтьте, и за ту же цѣну.

— А!... проговорилъ Аристидъ, собравши послѣднія силы.... круглый!... Якобсонъ....

Это были послѣднія слова Шамуа. Онъ умеръ.

Его похоронили въ гробомъ гробъ Якобсона.

НАСТАВЛЕНІЕ ОХОТНИКУ ЗА ЛЬВАМИ, ВЪ АЛЖЕРИИ.

(Статья Жюля Жерара).

Если вы охотникъ, то вѣроятно случилось вамъ не разъ, послѣ вкуснаго обѣда съ веселыми товарищами, когда вокругъ васъ раздавались рассказы объ охотничьихъ подвигахъ, пожелать встрѣтиться съ врагомъ болѣе благороднымъ и болѣе опаснымъ, нежели тѣ, которые обитаютъ въ лѣсахъ Франціи. Вѣроятно, вы не разъ проговорили: мнѣ очень бы хотѣлось убить льва; а можетъ быть, эта мысль до того улыбалась вамъ, что вы сказали: я готовъ убить льва.

Ну, хотите вы на самомъ дѣлѣ попробовать умертвить одно изъ этихъ интересныхъ животныхъ? Если хотите и желаніе ваше не одни пустыя слова, то я помогу вамъ и открою секретъ свой.

Но прежде хорошенько подумайте, не мимолетная ли это фантазія, твердо ли вы рѣшились. Если да, то слушайте.

Вы должны быть молоды, тверды на ногахъ, и имѣть вѣрный глазъ; эти физическія условія необходимы. Условія нравственныя: желѣзная воля и любовь къ прекрасному.

Ступайте въ Парижъ (*), отыщите тамъ ружейника Девима и закажите ему двуствольный карабинъ (стволь на стволь); расскажите ему о вашемъ намѣреніи, и онъ будетъ знать, что заказываемое оружіе должно соединить въ себѣ три главныхъ достоинства: прочность, вѣрность и бой.

Займитесь вывѣркой штуцера съ Девимомъ, и если вы достигнете до того, что въ тридцати шагахъ будете сажать пуля въ пулю, то оружіе ваше прекрасно. Добудьте еще пистолетъ такого же достоинства и обратите особенное вниманіе на бой его.

Заряжать штуцеръ и пистолетъ вы должны коническими пулями съ стальными наконечниками.

(*) При всемъ уваженіи и даже удивленіи къ автору статьи, мы должны признать, что считаемъ его нѣсколько пристрастнымъ. Превосходный карабинъ или штуцеръ можетъ быть сдѣланъ не въ одномъ Парижѣ и не однимъ Девимомъ. *Переводчикъ.*

Я советую вам иметь пистолеть, а самъ не имью его; потому-что бывший у меня не былъ довольно взреть и билъ плохо: Девимъ сдѣлаеть вамъ пистолеть, какой слѣдуетъ.

У васъ должно быть двѣ одежды: одна для зимы—теплая, другая для лѣта—легкая, но такая, чтобы не рвалась о кустарники и древесныя иглы, которыми наполнены тѣ лѣса, гдѣ вамъ придется охотиться.

Если бы я былъ увреть, что вы явитесь скоро, я сказалъ бы вамъ: выйдите на берегъ у Филипсвила, дозжайте въ дилижансѣ до Константины и справьтесь обо мнѣ въ арабской конторѣ. Если меня нѣтъ въ городѣ, что очень вѣроятно, то подождите моего возвращенія и практикуйте руку съ вашимъ оружіемъ. Если же вы найдете меня, то мы отправимся на охоту вмѣстѣ.

Вы вѣроятно говорите: какъ онъ нетерпѣливо ищетъ товарища для опасныхъ охотъ своихъ! Но, милостивый государь и собратъ мой по св. Уберту, я ищу не товарища, — я ищу преемника.

Увы!... это правда, мнѣ пора въ отставку: ноги стали плохи, отъ ружья устають руки, въ груди тяжесть, когда взбираешься на утесъ; одни глаза еще служатъ, какъ слѣдуетъ. Все это утрачено на полъ чести. — пусть всякой другой скажетъ о себѣ то же самое. Но я буду бить до конца и сочту себя счастливымъ, если св. Убертъ пошлетъ мнѣ радость умереть подъ пастью и когтями льва.

Но пока еще не исполнилось это желаніе, я не могу являться на каждый зовъ Арабовъ: я долженъ выбирать время года и погоду, чтобы побережь остальное здоровье, и былъ бы очень счастливъ, если бы нашель себѣ преемника. Я былъ бы счастливъ уже тѣмъ, что передалъ бы ему всѣ тайныя выходы, всѣ ночныя привычки и благородный характеръ льва, которые никому неизвѣстны.

Искать этого звѣря, выждать, встрѣтить и побѣждать его днемъ и ночью, — вотъ чему я хочу научить васъ, и не для того, чтобы сказать: этотъ человекъ ученикъ мой, а для того, чтобы поддержать славу единоборства со львомъ, единоборства, неизвѣстнаго въ Алжиріи до появленія между ними побѣдоносныхъ христіанъ.

Арабы храбры. Они смотрятъ на насъ съ высоты своего величія и нерѣдко съ презрѣніемъ. Но, послѣ Бога, они болѣе всего боятся льва. Чтобы убить его, они прибѣгаютъ обыкновенно къ хитрости, увлекаютъ его въ западню (ровъ или яму). Они убиваютъ его еще спрятавшись въ засаду, крѣпко устроенной въ землѣ и называемой ими *мельбеда*, или сидя на высокомъ деревѣ. Рѣдко нападаютъ они на него открыто, и когда на это рѣшаются, то это такая битва, гдѣ побѣда покупается дорого, да и гдѣ побѣда случается не часто.

Но никогда ни одинъ Арабъ не осмѣлился выдти на льва одинъ, или съ товарищемъ, и выждать его ночью, безъ всякой защиты.

Дерзкая гордость людей этихъ унижена актомъ христіанина, они склонились предъ рѣшимостью врага и не смѣютъ отказать ему попрежнему въ уваженіи.

Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы въ округѣ Константины образовалось общество людей, избранныхъ изъ военныхъ или гражданъ, съ цѣлю охоты на льва. Эти люди должны бы были получать вознагражденія за труды ихъ и лишенія, и быть увѣрены, что ихъ не покинутъ въ случаѣ какой-либо неизлечимой раны. Подобное общество оказало бы невыразимую услугу метрополи.

Я былъ бы счастливъ, я бы гордился быть предводителемъ этого малочисленнаго войска. Но дождусь ли я этой чести? Сомнѣваюсь. Это труднѣе, чѣмъ найти себѣ преемника; потому-что въ последнемъ случаѣ нужно только благородное сердце, душа избранная, готовая на жертвы, а такія явленія не рѣдкость ни въ какомъ государствѣ.

Не ждите жъ долѣе; идите сюда, пока я живъ еще; мы пойдемъ рука объ руку, какъ братья, на встрѣчу опасности, и въ минуту рѣшительную я не выдамъ васъ. Если левъ одолѣетъ насъ, я паду первый и мое паденіе послужитъ вамъ урокомъ.

Если жъ вы явитесь поздно, выслушайте наставленія чловека бывалаго.

Вы имѣете оружіе, о которомъ сказано выше, и вы привыкли къ нему. Выѣзжайте изъ Франціи въ апрѣль мѣсяцъ,—у васъ будетъ впереди цѣлые шесть мѣсяцевъ хорошей погоды.

Зимой не надо охотиться; я запрещаю вамъ охоту зимою. Зима состарила меня на тридцатомъ году жизни. Советую вамъ ежегодно мѣсяца на три возвращаться на родину — это принесетъ вамъ большую пользу.

Такъ выѣзжайте въ первыхъ числахъ апрѣля и выходите на берегъ въ Бонв. По пріѣздѣ явитесь въ арабскую контору, объявите, чѣмъ вы хотите заниматься, и попросите военнаго начальника дать вамъ позволеніе объѣхать племена, состоящія въ его вѣденіи, и познакомить васъ съ ихъ начальниками.

Изъ этого выйдетъ вотъ что: такъ-какъ начальники должны отвѣчать за всѣ убійства, совершаемыя на землѣ ихъ, то, боясь, что васъ разорветъ левъ, или убьютъ ночные бродяги, и въ обоихъ случаяхъ смерть ваша сочтется въ вину имъ, они скорѣе согласятся погибнуть всѣ до одного ото льва, нежели обратятся къ вамъ съ просьбою о защитѣ.

★

Притомъ же они не терпятъ христіанъ и не позовутъ васъ. Вы не въ состояніи въ самомъ началѣ доказать имъ, что ни левъ, ни бродяги не страшны вамъ, и вамъ остается одно средство для начатія охоты.

Надо сблизиться съ кайдомъ, который бы завѣдывалъ горами, въ которыхъ встрѣчаются львы, обласкать и задарить его. Если онъ согласится взять васъ съ собою въ горы,—а за подарки онъ согласится непременно,—то купите лошадь для себя и для вашихъ пожитковъ.

Если вы любите роскошничать, то это ужъ ваше дѣло; если жъ вы человекъ воздержный,—а это важное условіе для успѣха,—то возьмите съ собою только кофе и табаку.

Не пейте ни подъ какимъ видомъ вина и водки,— вы пустите дурное о себѣ мнѣніе; притомъ же вода въ горахъ такъ хороша, что вы о винѣ и не вспомните.

Въ Бонѣ вы легко найдете мальчишку, который будетъ говорить за васъ по-арабски, а съ вами по-французски; вы уложите его съ чемоданами.

Передъ отъездомъ объявите начальнику конторы имя кайда, съ которымъ вы отправляетесь, и мѣстность, гдѣ вы намѣрены дѣлать ваши поиски. Этотъ офицеръ дастъ вамъ пропускъ, который вы представите тѣмъ изъ начальниковъ, которые вамъ будутъ не знакомы. Въ Бонскомъ округѣ вы можете отправиться или въ Калль, или въ Эдугъ, или въ Гельму.

Въ Бонѣ есть львы, но много бродягъ; то же самое въ Калль: если вы начнете охоту съ этихъ округовъ, то васъ убьютъ въ теченіе двухъ недѣль. Низменности на югъ отъ Эдуга будутъ для васъ удобнѣе, и именно — мѣстность ближайшая къ дому кайда.

Хороша также мѣстность на югъ и востокъ отъ кочевьевъ Дреанскихъ.

Если васъ увѣрятъ, что въ этихъ мѣстахъ ходитъ левъ, отправляйтесь туда съ кайдомъ, или съ шейкомъ, и объявите, что вы желаете помѣстить вашу палатку какъ можно ближе къ предполагаемому обиталищу звѣря, шагахъ во ста отъ палатокъ арабскихъ, потому-что вы не должны видѣть ихъ женщинъ.

Только-что установится палатка ваша, сейчасъ же пожалуютъ къ вамъ гости. Это будутъ любопытные. Они придутъ посмотреть, похожи ли вы на прочихъ людей. Они сядутъ вокругъ васъ и будутъ глядѣть на васъ, какъ истуканы.

Не обращайтесь на них вниманія. Если кто изъ нихъ будетъ поздравлять васъ съ прибытіемъ, кивните ему молча головою. Молчите или говорите какъ можно менше.

Къ человеку, прослывшему болтуномъ, Арабы не имѣютъ никакого уваженія. У нихъ позволяется быть глупымъ; у нихъ въ уваженіи воръ и разбойникъ, но быть болтуномъ считается дѣломъ постыднымъ.

Узнавши о вашихъ намѣреніяхъ, они пристапуть къ вамъ съ вопросами; будьте осторожны въ отвѣтахъ. Отвѣчайте немного и всегда съ скромностію.

Они спросятъ у васъ:—Днемъ или ночью будешь ты охотиться за львомъ? — Отвѣчайте: — Днемъ и ночью.

— Одинъ или съ товарищемъ?

— Одинъ.

И прибавьте:

— Я пріѣхалъ изъ Франціи, чтобы истреблять львовъ, потому что они причиняютъ вамъ много зла; значить убить льва все равно, что сдѣлать доброе дѣло.

Потомъ, пожалуй, какой-нибудь юноша, съ очень невинной эвизіономіей, спроситъ у васъ:

— А если ночью въ горахъ ты встрѣтишь человека или нѣсколько людей, будешь ты стрѣлять по нимъ?

Поторопитесь отвѣчать громко, чтобы всѣ слышали:

— Чтò мнѣ за дѣло до людей, которые ходятъ по горамъ ночью; мое дѣло—одни львы. Если мнѣ встрѣтятся люди, я скажу имъ: идите своей дорогой, и, если они не затронутъ меня, я тоже оставлю ихъ въ покоѣ.

Этимъ должны кончиться ваши объясненія, хотя бы вамъ пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ въ Дуарѣ.

Если на другой день вамъ удастся при нихъ посадить нѣсколько пуль, пуля въ пулю, то будьте увѣрены, что черезъ недѣлю будетъ извѣстно на двадцать лѣ кругомъ, что пріѣхалъ французъ охотиться за львами. Будутъ описывать вашъ ростъ, ваши лѣта, вашу наружность, и прибавятъ: онъ говоритъ мало, смотритъ смѣльчакомъ и не обижаетъ бродягъ.

Но до сихъ поръ вы еще отрицательно отвѣчали на самые главные вопросы:

— Убилъ ли ты льва? Видѣлъ ли льва? Слышалъ ли ревъ его?

Ваша мѣткая стрѣльба и смѣлая наружность еще не доказываютъ, что вы справитесь со львомъ при первой встрѣчѣ.

Надо приступать къ самой охотѣ. Пошлите въ сосѣднія кочевья узнать, не видалъ ли или не слыжалъ ли кто льва, не утащилъ ли онъ гдѣ скотины.

Въ ожиданіи возврата посланныхъ, вамъ надо выбрать себѣ вожака и вожака вѣрнаго. Самымъ вѣрнымъ человекомъ въ этомъ случаѣ можетъ быть только ночной бродяга; вамъ необходимо съ ними сблизиться.

Если вы спросите въ кочевь бродягу, надъ вами раскохочутся и объявятъ, что здѣсь живутъ одни честные люди.

Спросите человека, который бы имѣлъ привычку ходить по льсу ночью и который бы этого не боялся: къ вамъ явятся цѣлыя дюжины молодцовъ, и вы выберете изъ нихъ человека, который вамъ больше приглянется.

Вы похвалите его храбрость,—это польститъ ему; но предложите ему сопровождать васъ на охоту — и онъ откажется рѣшительно.

Тогда объясните ему, чего вы отъ него требуете, а именно: чтобъ онъ указалъ вамъ издали обиталище льва, тропинки, по которымъ онъ чаще выходитъ изъ льса, ручей или рѣчку, въ которой онъ обыкновенно пьетъ, и прямо объявите вожаку, что вы никакъ не требуете, чтобъ онъ оставался подлѣ васъ въ минуту опасности, но что, напротивъ, вы ему непременно велите тогда удалиться. Услышавъ все это, онъ пойдетъ съ вами навѣрно.

Объщайте ему награду, если онъ будетъ хорошо служить вамъ; это общаніе будетъ не лишнее.

Приходитъ къ вамъ арабъ и объявляетъ, что левъ похитилъ быка или лошадь за нѣсколько льѣ отъ кочевья, гдѣ вы пристали. Снимайте вашу палатку и отправляйтесь сейчасъ же на мѣсто похищенія.

Если вожакъ вамъ скажетъ, что онъ знаетъ ту сторону, и что у него есть тамъ друзья, возьмите его съ собою, или оставьте его, обвѣщая подаркомъ, если онъ принесетъ вамъ хорошія вѣсти. Новаго вожака вы найдете въ томъ кочевь, въ которое отправляетесь.

Разспросите о томъ, рыкаетъ ли левъ, одинъ ли онъ или нѣтъ, выходитъ ли днемъ или ночью, заставьте описать вамъ его наружный видъ, и, для большей вѣрности, ступайте сами днемъ съ вожакомъ вашимъ въ горы и старайтесь напасть на слѣдъ звѣря.

Если мѣстность суха, поищите потнаго мѣста, и, увидавши львиный слѣдъ, смѣрьте его рукою. Если ваши разодвинутыя пальцы не могутъ закрыть слѣдовъ когтей звѣря, то это самецъ и матерой.

Если же рука ваша прикрывает весь слѣдъ, то это львица или львенокъ.

Если вамъ не удастся найти слѣда, то старайтесь увидеть пометъ. Онъ бываетъ бѣлый и наполненъ костями. Если пометъ этотъ не меньше вашего кулака, то это левъ матерой; если меньше, то львица или львенокъ. Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ пометъ дѣлается совершенно чернымъ.

Подождите лунныхъ ночей; мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы начали охоту безъ луны.

Не торопитесь—вы успеете. Охотиться за львомъ въ совершенно темную ночь есть безуміе. Я дѣлалъ это долго, и жизнь моя висѣла не разъ на волоскѣ отъ этого дурачества.

Не смотря на всю привычку мою таскаться по лѣсамъ въ самыя темныя ночи, мнѣ случалось сбиваться съ дороги, и вы сами увидите, чего мнѣ стоило счастливо отдѣлаться отъ первой встрѣчи моей со львомъ въ темную ночь.

Это было въ февраль 1845 года. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, я имѣлъ честь получить прекрасное ружье изъ рукъ Е. К. В. Герцога Омальскаго.

Я убилъ еще только двухъ львовъ, и мнѣ очень хотѣлось убить третьяго изъ этого ружья. Впослѣдствіи оно положило тридцать жертвъ и постоянно для меня драгоценно, не потому, впрочемъ, что оно было моимъ хранителемъ въ теченіи трехъ-сотъ ночей, а потому, что это подарокъ принца.

Привадававшаяся ко мнѣ лихорадка мѣшала мнѣ начать охоту.

Разсчитывая, что приморской воздухъ будетъ для меня полезенъ, къ концу февраля я отправился въ Бонъ.

Здѣсь объявили мнѣ, что въ окрестностяхъ Друэнскаго кочевья живетъ огромный старый левъ и причиняетъ много вреда округу. Узнавши это, я выписалъ изъ Гельмы свое оружіе, и 26 февраля выгхалъ изъ Бона.

27-го числа, часовъ въ пять вечера, я прибылъ въ кочевье Уледъ-Бу-Азизи, расположенное въ половинѣ лѣ отъ обиталища звѣря, который, по словамъ стариковъ, уже тридцать лѣтъ живетъ въ Жебель-Крунегъ.

На мѣсть узналъ я, что каждый вечеръ, при закатѣ солнца, левъ реветъ, выходя изъ своего убжища; что ночью онъ выходилъ изъ лѣсу и не переставалъ реветъ.

Встрѣча со львомъ показалась мнѣ вѣрною, и я сейчасъ же зарядилъ оба ружья мои. Едва окончилъ я процессъ этотъ, кото-

рый долженъ производиться со всевозможнымъ вниманіемъ, какъ уже услышалъ рыканіе льва на горѣ.

Хозяинъ мой взялся проводить меня до брода, который обыкновенно переходитъ левъ, сходя съ горы. Я далъ ему другое ружье мое, и мы отправились.

Было такъ темно, что ничего нельзя было разглядѣть въ двухъ шагахъ. Пройдя около четверти часа лѣсомъ, мы пришли къ ручью, который протекаетъ у подошвы Жебель-Крунеги.

Вожакъ мой, взволнованный приближающимися рыканіями, сказалъ мнѣ: «Бродъ здѣсь».

Я старался осмотрѣть мѣстоположеніе, но было такъ темно, что я не видалъ араба, который стоялъ рядомъ со мною.

Не будучи въ состояніи ничего разглядѣть глазами, я сталъ спускаться къ ручью, чтобы ощупать что-нибудь руками — и наступилъ камень, на которомъ могъ състь. Вожакъ я сейчасъ же отпустилъ, и онъ чрезвычайно этому обрадовался.

Разставаясь со мною, онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ:

— Пойдемъ домой, ночь очень темна; мы отыщемъ льва завтра днемъ.

Боясь вернуться одинъ въ кочевье, онъ спрятался шагахъ въ пятидесяти отъ меня, между густыми деревьями.

Приказавши ему не трогаться съ мѣста, что бы ни услышалъ онъ, я усѣлся на своемъ камнѣ.

Левъ продолжалъ реветь и потихоньку шелъ впередъ.

Продержавъ нѣсколько минутъ глаза закрытыми, я могъ наконецъ кое-что разглядѣть въ темнотѣ и увидѣлъ, что подъ ногами моими былъ крутой обрывъ; это обстоятельство помогло мнѣ обдумать планъ дѣйствія.

Если мнѣ удастся увидать льва въ ручьѣ, думалъ я, то я буду сейчасъ же стрѣлять въ него, и если мнѣ посчастливится его тяжело ранить, обрывъ можетъ спасти меня.

Было уже часовъ девять, какъ раздалось рыканіе шагахъ во ста отъ ручья. Я взвелъ курки, и, облокотясь на колено, прикладъ въ плечъ, не спускалъ глазъ съ воды.

Уже ожиданіе стало казаться мнѣ очень долгимъ, какъ съ противоположнаго берега и прямо противъ меня послышался мнѣ протяжный вздохъ, похожій на вздохъ умирающаго человѣка.

Я взглянулъ по направленію этого страннаго звука, и увидѣлъ, что на меня глядѣли глаза льва какъ два горящіе угля. Этотъ взглядъ, бросающій какой-то блѣдный отблескъ, но не освѣщавшій даже головы звѣря, смутилъ меня до того, что вся кровь прихлынула у меня къ сердцу.

Минуту назадъ я дрожалъ отъ холода, теперь потъ лился съ меня ручьемъ.

Кто не видалъ матерого льва въ дикомъ состояніи, живаго или мертваго, тотъ можетъ мечтать о возможности борьбы съ нимъ человека, вооруженнаго холоднымъ оружіемъ. Но кому удалось видѣть его, тотъ знаетъ, что человекъ, схватившійся со львомъ, былъ бы похожъ на мышъ въ лапахъ кошки.

Я вамъ сказалъ, что я уже убилъ двоихъ львовъ, и меньшій изъ нихъ всилъ пятьсотъ фунтовъ. Однимъ ударомъ лапы онъ остановилъ лошадь на скаку, и лошадь и всадникъ остались на мѣствѣ.

Съ этой минуты я позналъ силы и средства этого животнаго.

По моимъ понятіямъ, кинжалъ никогда не казался средствомъ спасенія.

Но вотъ чтò говорилъ я себѣ прежде, и чтò говорю еще теперь: если одна или двѣ пули не положить льва на мѣствѣ (а это дѣло очень возможное), и если онъ бросится на меня, а мнѣ удастся устоять на ногахъ, то я постараюсь всунуть ему въ пасть ружье мое; потомъ, если его мощныя когти не изломаютъ и не изорвутъ меня, я постараюсь ударить его кинжаломъ въ голову или въ сердце, смотря по возможности дѣйствія и по состоянію моихъ членовъ.

Если же я упаду въ минуту прыжка его, чтò болѣе, чѣмъ вѣроятно, то, если руки мои будутъ свободны, я отыщу львою сердце и правую навесу ударъ.

Если на другой день не найдутъ двухъ обнявшихся труповъ, мой будетъ лежать на мѣствѣ побоища, а трупъ льва будетъ недалеко.

Я вынулъ кинжалъ изъ ноженъ и воткнулъ его подлѣ себя въ землю, когда глаза льва стали опускаться къ ручью.

Я простился мысленно со всѣми, кто мнѣ дороги, и далъ имъ и себѣ слово умереть со славою.

Когда мой палецъ легъ потихоньку на собачку, я былъ менѣе взволнованъ, нежели левъ, спускавшійся въ воду.

Мнѣ былъ слышенъ первый шагъ его въ ручей, который бѣжалъ быстро и шумно, и потомъ.... ничего. Остановился ли онъ? Шелъ ли онъ на меня? — вотъ чего не умѣлъ я рѣшить по страшной темнотѣ, какъ вдругъ мнѣ послышалась, почти подлѣ, въ лѣво отъ меня, его поступь.

Онъ вышелъ изъ ручья и шелъ тихо по моему берегу; слышанное мною движеніе заставило его остановиться.

Онъ былъ въ четырехъ или пяти шагахъ, и могъ прыгнуть на меня въ одинъ прыжокъ.

Искать цѣлика, когда не видно стволовъ, было бы, конечно, лишнее.

Я выстрѣлилъ на угадъ, не опуская головы и не закрывая глазъ: блескъ выстрѣла освѣтилъ мнѣ огромную массу, не обозначивъ ея формы, во всю въ шерсти. Страшное рыканіе потрясло воздухъ; левъ былъ побѣжденъ.

За первымъ большимъ крикомъ послѣдовали глухіе грозные стоны.

Я слышалъ, какъ звѣрь бился въ грязи на берегу ручья и наконецъ замолкъ.

Увѣренный, что онъ убить или, по крайней мѣрѣ, смертельно раненъ, я вернулся съ вожакомъ въ кочевье. Вожакъ мой все слышалъ и увѣрялъ меня, что левъ напгъ.

Нужно ли говорить, что я не могъ уснуть всю ночь?

На разсвѣтъ мы пришли къ ручью; льва уже тамъ не было. Въ крови, еще не высохшей на берегу, я нашелъ кость, величиною съ палецъ, что заставило меня подумать, что я перешибъ звѣрю плечо.

У самага берега былъ вырванъ огромный корень пастью звѣря, не далѣе полуметра отъ камня, на которомъ я сидѣлъ.

Въроятно, страшная боль заставила его отказаться отъ нападенія и была причиною слышанныхъ мною стонувъ.

Мы пошли было по кровавымъ следамъ звѣря, но они скоро исчезли въ ручьѣ.

На слѣдующій день туземные арабы, озлобленные противъ льва, и увѣренные, что они найдутъ его мертвымъ, предложили мнѣ идти вмѣстѣ съ ними его отыскивать.

Насъ собралось шестьдесятъ человекъ, кто пѣшкомъ, кто на лошади. Послѣ нѣсколькихъ часовъ напрасныхъ поисковъ, я воротился въ кочевье и хотѣлъ было уже оставить его, какъ услышалъ въ горахъ нѣсколько выстрѣловъ и радостные клики. Не было сомнѣнія, мой левъ былъ отысканъ!

Я поскакалъ въ ту сторону, и убѣдился, что ожиданія мои не обманули меня.

Арабы спасались бѣгствомъ во все стороны и орали какъ безумные.

Нѣкоторые перебравшись черезъ ручей; другіе, болѣе смѣлые и надѣявшіеся на то, что они на лошадяхъ, видя льва насилу взбиравшагося на гору, рѣшились, въ числѣ десяти человекъ, добить его (такъ они выражались). Шейхъ ими предводительствовалъ.

Я переехалъ ручей и хотѣлъ сойти съ лошади, какъ вдругъ арабскіе всадники, а впереди всѣхъ самъ шейхъ, обратились въ тылъ съ криками ужаса.

Грехногій левъ слѣдовалъ за ними, гораздо ловчѣе ихъ перебирался по утесамъ и оврагамъ и ревелъ съ такою силою, что испугавныя лошади несли всадниковъ, не могшихъ уже удержать ихъ.

Лошади продолжали скакать; а левъ остановился на полянѣ, гордый и грозный.

Какъ онъ былъ хорошъ съ своей раскрытою пастью, грозя смертію всѣмъ, кто къ нему приблизится!

Какъ была хороша его оцетинившаяся черная грива и этотъ хвостъ, которымъ, со злобы, онъ колотилъ по бокамъ своимъ!

Отъ мѣста, на которомъ стоялъ я, до него было шаговъ триста; я сошелъ съ лошади и отдалъ ее находившемуся подлѣ меня арабу.

Ко мнѣ бросилась цѣлая толпа ихъ и ухватилась за бурнусъ мой, чтобы не пускать меня. Я принужденъ былъ оставить бурнусъ въ рукахъ ихъ.

Нѣкоторые изъ нихъ пошли за мною, уговаривая меня воротиться; но чѣмъ далѣе шель я, тѣмъ чувствительнѣе уменьшалось число ихъ.

Наконецъ остался одинъ, и это былъ вчерашній вожакъ мой. Онъ сказалъ мнѣ:

— Я принялъ тебя у себя въ палаткѣ и отвѣчаю за тебя передъ Богомъ и людьми, — я умру вмѣстѣ съ тобою.

Левъ сошелъ съ поляны и вошелъ въ ближайшую чашу.

Я шель впередъ съ большою осторожностію, былъ постоянно готовъ выстрѣлить и искалъ на землѣ слѣда звѣря, но почва была каменистая, а рана льва ввроятно подсохла и кровавыхъ слѣдовъ уже не было.

Я уже осмотрѣлъ одно за другимъ каждое дерево чаши, когда вожакъ мой, оставшійся на полянѣ, сказалъ мнѣ:

— Вѣрно смерть боится тебя; ты прошелъ такъ близко мимо льва, что еслибъ вы взглянули другъ на друга, онъ разорвалъ бы тебя прежде, нежели бы ты успѣлъ выстрѣлить.

Я велѣлъ ему бросать камни въ то мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ звѣря; но едва бросилъ онъ одинъ камень, какъ ближайшій кустарникъ раздвинулся, и левъ, взглянувши во всѣ стороны, прыгнулъ по направленію ко мнѣ.

Онъ былъ отъ меня въ десяти шагахъ; хвостъ его выпрямился, грива упала на глаза, шея вытянулась; перебитая нога висѣла безъ движенія, и это уподобляло его лягавой собакѣ въ минуту стойки.

Увидя его, я присѣлъ и засловилъ собой араба, надовадвашаго мнѣ своими криками: «Стрѣлай!... стрѣлай!... Да стрѣлай же!...», которые онъ перемеживалъ съ молитвами.

Едва приложился я, какъ левъ подвинулся ко мнѣ шаговъ на пять, и вѣроятно готовился сдѣлать еще прыжокъ, но пуля моя влѣпилась ему надъ правымъ глазомъ, и онъ упалъ.

Арабъ мой началъ уже благодарить Бога, какъ левъ повернулся, поднялся и всталъ на заднія ноги.

Другая пуля, болѣе счастливая, отыскала его сердце и повалила его на землю мертвымъ.

Когда снимали кожу съ этого льва въ Бонъ, я увидѣлъ, что пуля моя надломилъ кость лба, но не прошибла ее. Она была сплюснута на кости, шириною въ ладонь и толщиною въ десять листовъ бумаги.

Изъ этого разсказа вы можете сдѣлать ваши заключенія; я съ своей стороны выведу вамъ два слѣдующія: не охотьтесь за львами въ темную ночь и кладите сильный зарядъ въ вашъ штуцеръ.

Въ это время я не зная еще превосходства штуцера передъ ружьемъ, и, для усиленія боя, замѣнилъ пули желѣзными жеребьями.

Я остановился на указаніи пола, возраста и роста льва, на котораго вы собираетесь. Если вы не нашли слѣда и звѣрь продолжаетъ свои похищенія, не испуская рева, отправляйтесь ночью съ вашимъ вожакомъ и обойдите всѣ тропинки, которыя лежатъ возлѣ кочевья.

Идите тихо и чаще останавливайтесь.

Если вы услышите крикъ, приписываемый Европейцами гіенитъ, но который испускается обыкновенно шакаломъ, ступайте въ ту сторону. Этотъ крикъ показываетъ, что шакалъ идетъ по слѣду льва, бродяги или гіенны.

Онъ слѣдитъ за ними, чтобы выждать свою часть изъ ихъ добычи. Своимъ крикомъ онъ сзываетъ товарищей на дѣлежку.

Если шакалъ идетъ за львомъ по открытому мѣсту, то вы это сейчасъ узнаете. Левъ, завидя васъ издали, поверотитъ къ вамъ на встрѣчу.

Въ лѣсу велите вожаку вести себя какъ можно скорѣе на тропинку, по которой идетъ шакалъ, перерѣжьте ему дорогу и сядьте не подалеку за кустъ и ждите.

Вожакъ вашъ долженъ лечь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ и совершенно укрыться въ лѣсу; впрочемъ онъ самъ съумѣетъ сбѣжать себя отъ опасности.

Сидя за кустомъ, вы только тогда будете замѣчены приближающимся звѣремъ, когда онъ налѣзетъ на стволы ваши.

Теперь полное вниманіе. И львицы и даже львята вооружены такими когтями, которые рвутъ и умерщвляютъ человека не на шутку. Не сѣдьте на самыхъ первыхъ порахъ.

Бродяги тоже найдутъ тысячи причинъ, чтобы не пощадить васъ; смотрите жъ въ оба.

Если вамъ покажется челоѣкъ, покажите ему конецъ вашего штуцера и крикните: проваливай! Онъ знаетъ, что вы не имѣете дурныхъ намѣреній на ему подобныхъ, и конечно васъ послушаетъ. Во всякомъ случаѣ, будьте осмотрительны и не дайте убить себя, какъ куропатку.

Если это левъ, карабинъ въ плечо, палець на спускъ, и ждите его прямо противъ себя. Увидя васъ, онъ остановится.

Ниже лопатки прекрасное мѣсто для цѣли, но оно рисковно. Левъ, котораго я пробилъ насквозь подъ лопатку двумя жеребьями, разорвалъ двухъ арабовъ и изувѣчилъ моего Ростеня.

Цѣльтесь между ухомъ и глазомъ, если звѣрь смотритъ на васъ съ боку, и между глазами, если онъ глядитъ прямо.

Стрѣляйте!... онъ упадетъ навѣрно.

Останьтесь вы минуту въ вооруженномъ положеніи и подходите къ звѣрю только тогда, когда онъ не будетъ подавать никакого признака жизни.

Если это гѣнна, не троньте ее. Арабы говорятъ: трусливъ какъ гѣнна, и они правы.

Вотъ какъ должны вы дѣйствовать, если вамъ посчастливится встрѣтить врага.

Можетъ случиться, что вы проходите всѣ лунныя ночи и льва не увидите, — не упадите отъ этого духомъ. Мнѣ самому пришлось провести шестьсотъ ночей подъ открытымъ небомъ, исходить самыя удобныя мѣста, просилтъ на лучшихъ водопояхъ; а встрѣтилъ я только двадцать пять львовъ.

Львица и молодой левъ никогда не остаются долго на одномъ мѣстѣ, и арабы припишутъ ихъ удаленіе вашему присутствію.

Убейте нѣсколько кабановъ, чтобы понабить руку, и отправляйтесь въ Гельму.

Явитесь къ начальнику округа и въ контору; дождитесь новолунія и ступайте на Магуну.

На западномъ склонѣ этой прелестной горы вы найдете кочевье Улебъ-Гамза. Остановитесь у шейха и попросите у него проводника. Въ продолженіи дня обойдите тропинки, проложенныя по этой сторонѣ горы, спуститесь на берегъ Уздь-Шерфа, посмотрите броды у Булербегъ и у Геронделя.

Вы найдете здѣсь нѣсколько засадъ, устроенныхъ Турками, которые охотились для Ахмеда.

Эти засады хорошо укреплены, и я заставил Арабовъ возобновить ихъ, чтобы имѣть самому возможность укрыться въ нихъ во время бури.

Помните, что эти засады выстроены трусами и для трусовъ, и, если вы вздумаете стрѣлять изъ-за нихъ, то Арабы скажутъ, что и они такъ-то умѣютъ охотиться.

Магуну можно назвать любимымъ мѣстомъ прогулки львовъ. Ни одинъ изъ этихъ благородныхъ путешественниковъ, отправляясь изъ Туниса въ Марокъ, не лишитъ себя удовольствія пробить нѣсколько времени на Магунѣ.

Если вы по прїѣздѣ вашему не встрѣтите тутъ стараго льва, который своимъ ревомъ пугаетъ весь округъ, вы найдете у бродовъ, которые я называлъ выше, слѣды цѣлой семьи львовъ, выбравшихъ себѣ на льто одну изъ пещеръ, находящихся по берегу Уэдъ-Шерфа.

Когда вы замѣтите на пескѣ слѣды нѣсколькихъ львовъ, старайтесь отыскать тропинку, по которой они сходятъ къ рѣкѣ. У васъ впереди всѣ лунныя ночи мѣсяца, и весьма вѣроятно, что вы встрѣтитесь съ прїятелими.

Узнавши тропинку, вы выберите на мѣстѣ водопоя возвышенность, и на ней засядьте, чтобы стрѣлять сверху внизъ. Никогда и ни за что на свѣтѣ не стрѣляйте по льву снизу вверхъ; какъ бы удачно ни попала ваша пуля, звѣрю достаточно прожить двѣ секунды, чтобы уничтожить васъ.

Примите къ свѣдѣнiю, что чѣмъ сильнѣе левъ раненъ, чѣмъ ближе онъ къ смерти, тѣмъ онъ опаснѣе.

Въ июль 1845 года, у Булербега, о которомъ я говорю вамъ, случилось мнѣ ночью встрѣтиться съ тремя львами трехлѣтняго возраста. Первый увидѣлъ меня и остановился; я выстрѣлилъ, и онъ полетѣлъ въ рѣку. Сиди я внизу — онъ непременно разорвалъ бы меня, потому-что, не смотря на оба перешибенныя плеча, онъ три раза всплзъ ко мнѣ на берегъ, что должно было причинять ему боль невыразимую. Мое положенiе и медленность его движенiй давали мнѣ время заряжать ружье, и я три раза ворочалъ его пулей въ рѣку, гдѣ онъ наконецъ и остался.

Не смущайтесь, если увидите на пескѣ много слѣдовъ. Если львятамъ не болѣе двухъ лѣтъ, они придутъ впереди матери.

Пропустите ихъ и стрѣляйте львицу. Если же львята покажутся вамъ моложе; то будьте осторожны: львица не будетъ ожидать вашего выстрѣла. Увидя васъ, она первая на васъ бросится, и тутъ борьба не совсѣмъ легкая. Вотъ и примѣръ вамъ:

Въ ноябрь 1846 года, левъ задавилъ и утащилъ въ ровъ лошадь. По осмотрѣ следовъ, я узналъ, что это львица. Засыпъ въ кустъ и сталъ ждать.

Прождалъ даромъ ночь, другую; на третью пожаловала маменька съ дѣтьми, которые были уже довольно велики.

Одинъ изъ нихъ сталъ обнюхивать лошадь, лежавшую во рву. Онъ уже хотѣлъ откушать ея, какъ мать, прилегшая, чтобы любоваться имъ, оглянулась во всѣ стороны и увидала меня. Едва встретились глаза наши, какъ она прыгнула на львенка, — я думалъ, она проглотитъ его. Бѣдный молокососъ пустился бѣжать, и передо мною остался только трупъ лошади.

Новичекъ сказалъ бы: зачѣмъ не стрѣлялъ я раньше!... и подумалъ бы, что охота кончена. Но я зналъ, что она только начинается и что остаться побѣдителемъ будетъ не легко. Глаза и уши мои были на сторожѣ.

Вдругъ, влево и почти сзади самаго меня, услышалъ я шорохъ, подобный производимому бѣгомъ мыши, оглянулся и увидѣлъ сначала двѣ лапы, потомъ длинные усы и наконецъ огромный носъ.

Ружье было въ плечъ и палецъ на собачкѣ; въ ту минуту, какъ показался свѣтящійся глазъ, раздался выстрѣлъ, и желѣзный жеребій повалилъ замертво хитрую мамашу.

Львица не бросится на васъ прямо, она остановится, и, если вы въ нее прицѣлитесь, она ляжетъ.

Она такъ прильнетъ къ землѣ, что вы почти ее не увидите.

Черезъ минуту она подниметъ голову; если вы опустили ружье — она встанетъ и какъ будто пойдетъ прочь; но она уйдетъ только тогда, когда львята уже далеко.

Если же дѣти ея бродятъ подлѣ васъ, или гдѣ-нибудь остановились, львица, о которой вы думаете, что она уже далеко, подползетъ къ вамъ на животъ и бросится на васъ совершенно неожиданно.

Вы знаете теперь опасность, будьте жъ осторожны, чутки и хладнокровны. Если вы проведете въ Магунъ лѣто, можетъ случиться, что въ одинъ прекрасный вечеръ, около захождения солнца, въ то время, какъ вы, сидя передъ палаткою, будете наслаждаться чашкою кофе, вы вдругъ услышите что-то похожее на отдаленные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ.

Знайте, что вблизи нѣтъ никакихъ крѣпостей, а въ Гельмъ пушка выстрѣливаетъ только въ полдень. Встаньте и выдѣте вонъ изъ кочевья, чтобы лучше прислушаться.

Никогда еще слухъ вашъ не былъ пораженъ такимъ гармоническимъ, величественнымъ звукомъ.

Слушайте и не пророните ни одной нотки.

Это матерой левъ, пришедшій въ прошлую ночь въ горы; эти звуки — его вздохи, повторяемые горнымъ эхо.

Подождите еще, — онъ всталъ съ своего логовища.

Онъ идетъ съ полузакрытыми глазами, онъ еще не совсѣмъ проснулся.

Сейчасъ отряхнетъ онъ свою дремоту, и вы услышите ревъ его.

Арабы уже его услышали и вездѣ ищутъ васъ; они знаютъ, чего будетъ стоить имъ посѣщеніе этого гостя.

Они будутъ уверять васъ, что надо сейчасъ же отправиться и убить льва прежде, нежели начнетъ онъ свои похищенія.

Они прибѣгутъ къ вамъ всѣ, и старый, и малый, и, прижавшись вокругъ васъ, будутъ слушать въ религиозномъ молчаніи этотъ голосъ, при которомъ замолкаютъ всѣ прочіе голоса, голосъ, который вѣщаетъ о силѣ и храбрости сильнѣйшаго и храбрѣйшаго существа на землѣ.

Вглядитесь въ арабовъ, это любопытно и поучительно.

Замолкнетъ левъ, и они всѣ заговорятъ разомъ, осыпая его ругательствами, назовутъ его самыми обидными именами, дойдутъ до угрозъ....

Но левъ заревѣлъ снова — и слова замерли на устахъ ихъ. Они опять обратились въ слухъ.

Въ этомъ почтительномъ молчаніи Арабовъ много поучительнаго для васъ и для другихъ.

Я вамъ уже говорилъ, что арабы храбры; и это очень естественно. Они рождаются, живутъ и умираютъ среди опасностей, неизвѣстныхъ Европейцу.

Въ ребячествѣ, вмѣсто поученій о нравственности, они слышатъ рассказы объ убійствахъ, о битвахъ и войнахъ.

Тотъ считается самымъ мудрымъ, самымъ добродѣтельнымъ и почтеннымъ, кто лучше и чаще другихъ наноситъ смерть человеку или звѣрю.

Арабу завѣщаютъ семейныя мщенія, вражду племенъ; его учатъ ненавидѣть христіанина и слѣдующимъ образомъ заключаютъ курсъ его воспитанія. Когда ему минетъ пятнадцать лѣтъ, то въ одинъ изъ вечеровъ, когда старики окончатъ свои рассказы о враждѣ и мести, когда сосѣди разойдутся по своимъ палаткамъ и юноша соберется ложиться спать, отецъ толкаетъ его ногою и называетъ его лѣнливцемъ и трусомъ.

Ребенокъ не понялъ отца своего, проситъ его объясниться.

Отец указывает ему съ улыбкой на старый пистолетъ, который виситъ на стѣнѣ палатки рядомъ съ кинжаломъ.

Сынъ бросается къ отцу и почтительно цѣлуетъ его въ плечо.

Отецъ, счастливый и гордый, что сынъ его подаетъ такія прекрасныя надежды, сажаетъ его рядомъ съ собою и говоритъ ему:

— Выходилъ ли ты ночью, одинъ, безъ моего вѣдома?

Сынъ повѣряетъ отцу исторію любви своей къ дѣвушкѣ, и рассказываетъ, какъ онъ ходилъ къ ней, рискуя потерять голову.

— Это хорошо, замѣчаетъ отецъ; по этого мало. Ты уже выросъ, и мнѣ стыдно, что сосѣди зовутъ тебя ребенкомъ. Надо показать имъ, что ты уже мужъ.

— Я готовъ съ радостью это сдѣлать, отвѣчаетъ сынъ; но идти одному, въ темную ночь, мнѣ кажется страшно.

— На первый разъ ты пойдешь не одинъ; возьми это оружіе, скинь бѣлый бурнусъ свой и подполнишь покрѣпче рубашку.

Пока сынъ исправляетъ нарядъ свой, старикъ идетъ въ палатку къ пріятелю и говоритъ ему:

— Сынъ мой готовъ.

Матери не много плачутъ, боясь неудачи или несчастія; но имъ говорятъ, что молодыхъ людей поведетъ человекъ опытный и храбрый.

Все улаживается; часовъ въ десять, въ темную ночь, трое людей, въ рубашкахъ землянаго цвѣта, опоясанныхъ кожанымъ поясомъ, выходятъ таинственно изъ кочевья.

Подъ бурнусомъ, починеннымъ въ тысячъ мѣстахъ и служащимъ уже тремъ поколѣньямъ, но никогда не мытымъ, эти люди спрятали каждый по пистолету и по кинжалу. На головѣ у нихъ темная шапочка, ноги безъ обуви.

Они молча переходятъ поля и останавливаются въ виду огней непріятельскихъ. Это кочевья изъ десяти или двѣнадцати палатокъ, раскинутыя въ видѣ круга; въ серединѣ стада. Снаружи и у каждой палатки бѣгаютъ собаки, и вѣрно сторожатъ своихъ хозяевъ.

Въ этомъ кочевьѣ есть человекъ, котораго отецъ или дѣдъ убилъ отца или дѣда одного изъ нашихъ ночныхъ путешественниковъ. Имъ нужна жизнь этого человека.

Огни погасли одинъ за другимъ, и всѣ уснули или кажутся спящими, кромѣ собакъ. Предводитель, зная по опыту, что нѣкоторыя изъ собакъ тоже уснутъ отъ усталости, выжидаетъ удобной минуты.

А между тѣмъ можетъ случиться, что левъ, не пооблававшій въ этотъ день, почувствуетъ желаніе покусать и, воспользовавшись позднимъ часомъ ночи, ливнетъ къ кочевью въ свою очередь.

Онъ видитъ троихъ затаившихся людей и думаетъ: «Эти товарищи пришли сюда очень кстати.» Подумавъ это, онъ ложится.

Надо вамъ сказать, что львы по природѣ чрезвычайно лѣнны. А такъ-какъ люди, шатающіеся по ночамъ, гораздо чаще воруютъ скотину, чѣмъ совершаютъ убійства, то лъвица даетъ слѣдующее наставленіе своему дѣтищу:

— Дитя мое, если ты встрѣтишь ночью людей, ступай за ними и не тронь ихъ, если они тебя не затронутъ.

— Мясо людей гораздо хуже бычачьяго; да и большая часть людей такъ худы и сухи, какъ селедка.

— А ты иди за ними. Когда они подойдутъ къ кочевью, ложись-себѣ; они для тебя поработаютъ.

— Пусть отведутъ они въ поле украденную ими скотину; а когда увидишь на дорогѣ ручей или рѣчку, подойди и возьми свою долю.

Левъ слушаетъ совѣты матери и остается очень доволенъ.

Вмѣсто того, чтобы тащить или нести обѣдъ свой цѣлыя четверть часа, а потомъ отыскивать воду, чтобы напиться, онъ пользуется трудомъ своихъ пріятелей.

Такъ левъ нашъ легъ и ждетъ. Собаки увидали глаза его или его почували, и залились лаемъ.

Въ кочевь тревога, всѣ поднялись на ноги, многіе стрѣляютъ изъ ружей на воздухъ.

Женщины разводять огонь.

Если это продолжится, то можетъ пройти вся ночь прежде, нежели товарищи льва успѣютъ приняться за дѣло. Голодь заставляетъ льва поторопиться. «А! говорить онъ, я могу и самъ донести какого-нибудь барана, — это не тяжело!» и онъ встаетъ.

Кочевье расположено на покатой мѣстности; левъ идетъ къ сторонѣ возвышенной.

Собаки слѣдятъ за нимъ чутьемъ и глазами, и кидаются въ ту же сторону.

Левъ прыгаетъ, и однимъ прыжкомъ перескакиваетъ шести футовой заборъ кочевья, схватываетъ барана, перепрыгиваетъ назадъ и удаляется.

Собаки прижались къ палаткамъ и замолкли отъ страха; хозлева палатокъ въ томъ же самомъ положеніи.

Но мало по малу страхъ разсѣивается, и арабы идутъ посмотреть, какое животное сдѣлалось жертвою льва. Ночь такъ темна, что Европеецъ не могъ бы разглядѣть ни палатокъ, ни стада.

Одинъ изъ арабовъ объявляетъ, что пропалъ черный, хромой баранъ.

Всѣ опять ложатся, и собаки слѣдуютъ примѣру хозяевъ, кромѣ немногихъ, самыхъ старыхъ и опытныхъ.

Тогда наши трое арабовъ осматриваютъ затравки своихъ пистолетовъ, и, идя на четверенькахъ, подвигаются молча къ кочевью.

Старшій показываетъ имъ палатку и говоритъ:

— Дѣти, будьте молодцами.

Они подползли къ самымъ палаткамъ. Старикъ шепчетъ имъ на ухо:

— Погодите, пока услышите лай собакъ на той сторонѣ; но какъ залаютъ — не зѣвайте.

Онъ оборачивается назадъ, не поднимаясь на ноги, и ползетъ на противоположную сторону кочевья. Приползши туда, онъ поднимается; если собаки еще не видятъ его, онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и кашляетъ. Этого довольно; въ одну минуту, по первому голосу собаки, всѣ прочіа бросаются къ ночному гостю.

Чтобы удержать ихъ отъ себя на почтительномъ разстояніи, онъ становится на четвереньки; собаками болтается его и лаютъ издали.

Въ это время юноши сломали осторожно дверь забора.

Палатка врага у нихъ подъ руками.

Они просовываютъ въ нее голову и слушаютъ: все тихо, всѣ спятъ. Постели женщинъ въ сторонѣ, дѣти спятъ съ ними.

Самъ хозяинъ лежитъ поперекъ у двери, подъ головами у него пистолетъ, а рядомъ ятаганъ.

Знакомый намъ юноша вошелъ въ палатку; темнота не позволяетъ ему видѣть врага, но онъ слышитъ его дыханіе; онъ подползаетъ къ нему какъ кошка, онъ знаетъ, наконецъ. Глазъ голова его. Раздается выстрѣлъ—и все кончено.

Черезъ часъ убійцы въ своихъ палаткахъ и спать сномъ самымъ спокойнымъ.

На другой день юноша получаетъ званіе мужа и имѣетъ голось въ совѣщаніяхъ. Товарищи смотрятъ на него съ уваженіемъ, и какая-нибудь красавица служить ему наградою за его доблести.

Человѣкъ, получившій подобное воспитаніе, конечно храбръ, и храбръ ночью.

А между тѣмъ, изъ людей, которые будутъ окружать васъ, двадцать человѣкъ хладнокровно подставятъ грудь острію кинжала, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшится открыто напасть на врага, который причиняетъ имъ столько вреда.

Откуда такой страхъ у арабовъ? Этотъ страхъ есть слѣдствіе горькаго опыта.

★

Левъ показаль имъ тысячи примѣровъ своей силы и дерзости. Было много битвъ съ этимъ звѣремъ, и онъ всегда оставался побѣдителемъ; если же случалось пасть ему, то побѣда обходилась дорого.

Поймите-жь, какъ благородно ваше назначеніе. Вы Европеецъ, котораго арабы считаютъ недостойнымъ уваженія.

Если вы будете дѣлать добро бѣднымъ, они скажутъ, что вы не знаете, чтò дѣлать съ вашими деньгами, и будутъ надъ вами смѣяться.

Если вы будете отличатся вашимъ правосудіемъ, они скажутъ, что вы дѣлаете это съ цѣлью привлечь ихъ къ себѣ, обратить въ вашу вѣру, и будутъ остерегаться васъ.

Будьте сильнѣе, храбрѣе ихъ—и они будутъ уважать васъ, будутъ вамъ удивляться. Не для одного себя будете вы рисковать жизнью, вы будете дѣлать это для всей образованной Европы.

Воротимся на Магуну. — Не торопитесь идти на льва; онъ только-что пришелъ и пробудеть по-крайней-мѣрѣ до новолунія. Здѣсь удобныя пещеры, вездѣ стада, обиліе воды; чего еще желать ему?

Если луна уже хорошо свѣтитъ, подвиньтесь на половину льѣ впередъ, чтобъ ближе слушать рыканіе льва и къ нему привыкнуть. Чѣмъ ближе будете подвигаться, тѣмъ болѣе будетъ волновать васъ этотъ голосъ, которому нѣтъ ничего подобнаго.

Если вамъ покажется, что звѣрь идетъ на васъ, сойдите съ тропинки и войдите на нѣсколько шаговъ въ лѣсъ.

Такимъ образомъ вы услышите его очень близко, когда онъ пройдетъ мимо; и увѣрю васъ, вы испугаетесь.

Останьтесь на вашемъ мѣстѣ до утра, и на завтра сдѣлайте тоже самое.

Очень вѣроятно, что къ вамъ придутъ арабы сказать, что левъ убилъ нѣсколько быковъ или лошадей; старый левъ шутить не любитъ. Отправляйтесь на то мѣсто, гдѣ лежитъ послѣдній убитый быкъ или лошадь.

Выберите себѣ мѣсто повыше, вамъ легче будетъ цѣлиться въ звѣря, когда придетъ онъ. Онъ ѣсть очень тихо, и сдѣлаетъ вамъ честь, отъ времени до времени взглянуть на васъ, какъ будто спрашивая васъ, чтò вы здѣсь дѣлаете.

Стрѣляйте его между глазъ и старайтесь убить первымъ выстрѣломъ.

Если вы просидѣли двѣ ночи и левъ не пришелъ, то знайте, что онъ уже не придетъ болѣе,—онъ кормится въ другомъ мѣстѣ.

Луна въ полномъ своемъ блескѣ; она всходитъ въ сумерки и свѣтитъ до утра.

Вы изучили пути вашего звѣря, вы знаете, что, вставши съ логовища, онъ ходитъ по такой-то тропинкѣ.

Отправляйтесь съ закатомъ солнца, садитесь на утесъ, ближайшій къ его обиталищу, и ждите.

При первомъ ревѣ прислушайтесь, въ какую сторону идетъ левъ. Если онъ идетъ къ вамъ, то вамъ придется сдѣлать только нѣсколько шаговъ. Если же онъ идетъ въ противную сторону и вамъ нельзя перерѣзать ему дороги, идите ожидать его на обратномъ пути. Онъ воротится тою же дорогой.

Эта сторона горы почти вся покрыта лѣсомъ и перерѣзана оврагами. Для льва существуютъ только двѣ дороги въ кочевья, и встрѣтить его вамъ будетъ не трудно.

Когда вы услышите, что ревъ приближается, и увѣритесь, что звѣрь идетъ въ вашу сторону, ступайте къ нему на встрѣчу и останитесь у первой поляны.

Дикія оливы и вѣтковые дубы на тропинкахъ такъ густы, что совершенно закрываютъ отъ васъ луну и вы ничего не видите подъ ногами.

Встрѣча со львомъ въ такомъ мѣствѣ можетъ быть для васъ гибельна; вамъ надо стараться увидеть хорошо звѣря. Отыскавши удобное мѣсто, садитесь и ждите.

Идетъ ли левъ своей спорой ходой, или, возвращаясь съ тѣды, потихоньку передвигаетъ ноги, покачивая огромной головой своей,— во всякомъ случаѣ, завидя васъ на пути своемъ, онъ остановится.

Если вы все сидите, онъ подойдетъ потихоньку, таурясь, на подобіе быка.

То зареветь и почти оглушить васъ, то будетъ испускать дьявольскіе вздохи.

Не спускайте глазъ съ него, смотрите ему прямо въ глаза.

Если онъ сойдетъ съ тропинки, чтобы поправить на ближайшемъ деревѣ свои когти, будьте на-готовѣ.

Онъ идетъ опять къ вамъ,—вниманіе и хладнокровіе.

Малѣйшая торопливость погубитъ васъ безвозвратно.

Онъ видитъ ваше оружіе и слѣдитъ за каждымъ вашимъ движеніемъ.

Онъ бросится на васъ послѣ перваго вашего выстрѣла.

Когда вы въ него прицѣлитесь, онъ ляжетъ какъ кошка.

Въ этомъ положеніи вамъ видна только верхняя часть головы, и, признаюсь вамъ, какъ бы вы близко не были, я стрѣлять вамъ не советую.

Не отнимая ружья отъ плеча и не спуская глазъ со льва, отойдите нѣсколько шаговъ въ сторону въ право или въ лѣво, смотря потому, какая сторона льва лучше освѣщена луною.

Если вы отойдете далеко, онъ подумаетъ, что вы хотите стрѣлять ему въ туловище, и обернется опять къ вамъ головою по прежнему.

Сдѣлайте шага два или три, и, какъ только цѣликъ вашъ упадетъ на високъ его, стрѣляйте.

Одно изъ двухъ: или левъ убить на повалъ, или прежде, нежели вы узнали результатъ вашего выстрѣла, вы лежите на спинѣ, а на васъ левъ, сжимающій васъ своими могучими когтями. Но вѣдь вы еще живы.

Если пуля ваша была хорошо направлена и ничто не заставило скользнуть ее, вамъ придется только выдержать десятокъ ударовъ когтями; — эти раны легко заживаютъ. Только бы пасть звѣря надъ вами не позабавилась да испустилъ бы онъ скорѣе послѣднее дыханіе.

Во всякомъ случаѣ помните, что съ вами есть кинжалъ, и, если вы не потеряли его въ минуту паденія, работайте имъ, бейте скорѣе, сильнѣе, и выбирайте опасное мѣсто.

Если левъ убить наповалъ, благодарите св. Уберта и ищите новаго звѣря.

Еще советъ: если вы встрѣтите льва матерого, не будьте слишкомъ копотливы въ вашихъ эволюціяхъ.

Если поспѣшность можетъ стоить вамъ жизни, то помните, что и медленность не менѣе опасна.

Левъ, потерявшій терпѣніе, ринется на васъ въ ту минуту, какъ вы цѣлитесь, и изорветъ васъ въ куски прежде, нежели вы успеете выстрѣлить.

Освободивши такимъ образомъ вашихъ хозяевъ отъ врага, вы увидите, какое дѣйствіе будетъ имѣть успѣхъ вашъ на людей, которые ничему не удивляются.

Проститесь съ ними и идите въ другую сторону за новыми побѣдами.

Будьте увѣрены, что молва о вашемъ подвигѣ опередитъ васъ, и васъ прозовутъ львинымъ стрѣлкомъ.

Жебель-Архива и Меджезъ-Амаръ, въ округѣ Гельмы, служатъ любимымъ пристанищемъ для львовъ странствующихъ.

Постарайтесь напасть на слѣдъ одного изъ этихъ стариковъ, ищущаго эдема, чтобы въ немъ окончить дни свои.

Идите по его слѣду съ утра до вечера, по горамъ и долинамъ. Если на разсвѣтъ вы услышите ревъ его, будьте увѣрены, что онъ проведетъ день въ этомъ мѣстѣ.

Пошлите за вашей лошадыю, отдохните и къ вечеру подѣзжайте поближе къ логову. При первомъ ревѣ старайтесь догнать звѣря.

Если онъ уходитъ отъ васъ, старайтесь перерезать ему дорогу.

Не жалуйте ногу, ступайте все впередъ, и вы добьетесь наконецъ удовольствія стать лицомъ къ лицу съ вашимъ противникомъ. Вы скажете ему слово—два надъ ухомъ, и всѣ перенесенные вами труды будутъ забыты.

Пока есть возможность избѣжать убійства ночнаго бродяги, не тратьте на него зряда; если жъ вы будете вынуждены къ этому крайностию, то не возвращайтесь никогда въ то мѣсто, гдѣ вы убили человека.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ узнаютъ васъ, вамъ нечего будетъ бояться; мало того: если тамошнія бродяги провѣдаютъ, гдѣ вы охотитесь, они будутъ сами стараться избѣгать встрѣчи съ вами.

Не ходите никогда по льсу безъ луннаго свѣта.

Взводите курки, выходя изъ палатки, и не спускайте ихъ прежде возвращенія домой.

Ходите тихо и разглядывайте хорошенько мѣстность передъ вами и кругомъ васъ.

Останавливайтесь на пути и прислушивайтесь.

Переходя бродъ или тропинку, гдѣ вокругъ чаща, будьте готовы выстрѣлить.

Левъ могъ увидать или услышать васъ и броситься въ сторону, чтобы напасть на васъ, когда вы съ нимъ поравняетесь. Бродяги могутъ сдѣлать то же самое.

Когда вы уже убьете полдюжины львовъ *ночью*, вы можете начать охоту на живую притраву вечеромъ, и это не повредитъ вашей репутаціи.

Чтобы показать вамъ, какъ совершается эта охота, которая все не похожа на охоты, мною рассказанныя, я опишу вамъ мою последнюю битву.

Нѣсколько дней спустя по возвращеніи экспедиціоннаго отряда изъ Бабиліи, въ июль 1853 года, я выехалъ изъ Константины въ горы Оресь. Мнѣ сказывали, что тамъ обитаетъ огромный левъ подлѣ самой Крезехелы.

Туземцы, выведенные изъ терпѣнія его похищеніями, собрались однажды въ числѣ двухъ-сотъ, съ цѣлію убить его или выгнать изъ округа.

Нападеніе было сдѣлано на зрѣ; къ полудню было сдѣлано пять-сотъ выстрѣловъ.

Арабы вынесли съ побойща одного мертвого и шесть раненыхъ, а за львомъ осталось поле сраженія.

Только-что прѣхалъ я въ долину Уртегъ, какъ явился ко мнѣ депутаты отъ всѣхъ соседнихъ кочевьевъ, съ жалобами и предложениемъ ополчиться на звѣря. Сади-Амаръ, туземный предвѣстатель, пришелъ тоже ко мнѣ и сказалъ слѣдующее:

— Если Богу будетъ угодно благословить твое оружіе, черезъ нѣсколько дней наши жены и дети сбегутся подъ это дерево и будутъ считать глазами и пальцами зубы и когти злодѣя и цѣловать руку, принесшую миръ горнымъ жителямъ.

При этомъ предсказаніи исчезла мысль объ ополченіи, и каждый вернулся въ свою палатку съ увѣренностію, что гибель льва неизбежна.

По словамъ Сади-Амара, я могъ не трогаться съ мѣста, а левъ самъ бы пришелъ ко мнѣ.

Но я принялъ всѣ необходимыя мѣры. Собралъ всѣ возможныя свѣдѣнія о привычкахъ звѣря, и, согласно съ этими извѣстіями, далъ наставленія моимъ обходчикамъ.

Обходчики должны были отправиться на зарѣ, каждый въ назначенную ему сторону, отыскать слѣдъ выхода льва съ логовища и слѣдъ его возврата, — словомъ, обойти звѣря.

На другой день, 19-го числа, левъ исходилъ много мѣста внѣ лѣса, и обходчики свалились на львицу, которую и обошли въ девять часовъ на десяти десятинахъ лѣса.

Въ тотъ же день, въ семь часовъ вечера, я сидѣлъ на пути львицы. Въ восемь она подошла ко мнѣ на шесть шаговъ и стояла мнѣ трехъ пуль.

20-го числа сборнымъ мѣстомъ былъ назначенъ садъ Уртенъ и положено собраться къ полудню. Предвидя, что левъ, отыскивая свою самку, поводитъ обходчиковъ, я явился на место двумя часами позже.

Звѣрь исходилъ пропасть тропинокъ, осмотрѣлъ много пещеръ, убилъ лошадей и двухъ быковъ въ кочевьѣ и направилъ путь свой къ югу.

Ближайшій слѣдъ былъ въ трехъ льѣ отъ сборнаго мѣста.

Я сѣлъ въ четыре часа на лошадей и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ обходчики сошли со слѣда.

Отправивши лошадей назадъ, я дождался ночи, чтобы осмотрѣть путь, которымъ левъ шелъ на канунъ. Въ одиннадцать часовъ я еще не встрѣтилъ звѣря и слышалъ сильный шумъ арабовъ и лай собакъ въ кочевьѣ. Я догадался, что левъ прошелъ другой дорогой и вернулся въ свою палатку.

Три дня къ ряду обходы были безуспѣшны; левъ мѣнялъ тропинки ночью, и никто не встрѣтилъ его.

24-го числа ко мнѣ пришелъ арабъ изъ кочевья, расположеннаго отъ меня на три или четыре льѣ къ югу, и объявилъ, что левъ поселился близъ нихъ въ лѣсу, называемомъ Тафрегъ, и съ 20-го числа убили у нихъ восемь быковъ.

Я отпратился съ этимъ вѣстникомъ, взявши съ собою моего деньщика и обходчиковъ. Палатка моя осталась въ Уртепъ, я взялъ изъ нея только оружіе.

Ночь съ 24-го на 25 число я просидѣлъ въ кочевьи, куда левъ повадился; но онъ не пришелъ.

25-го утромъ мои обходчики отыскали слѣды выхода звѣря изъ лѣса; но не разобрали вѣрно слѣдовъ возврата.

Чтобы облегчить обходчиковъ, я приблизился къ мѣсту предполагаемаго логовища, и 25-го вечеромъ остановился въ опушкѣ лѣса.

Въ этотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ г. Роденбургъ, голландской офицеръ, сдѣлавшій съ нами кабийскую экспедицію и желавшій испытать одно изъ тѣхъ сильныхъ ощущеній, которыя остаются на всю жизнь и которыхъ ничѣмъ не кушишь въ Европѣ.

Онъ пріѣхалъ изъ Уртена, гдѣ раскинулъ свою палатку рядомъ съ моею.

Часовъ въ десять вечера, левъ заревѣлъ въ полу-льѣ отъ кочевья, а въ полночь онъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, утащилъ барана.

26-го числа было отдано приказаніе по всемъ соседнимъ кочевьямъ, чтобы никто—ни люди, ни охотники, не смѣли выходить до возвращенія обходчиковъ. Это было сдѣлано съ цѣлю, чтобы слѣды льва не были какъ-нибудь затоптаны.

Въ этотъ день Биль-Кассемъ-биль-Хушетъ донесъ мнѣ слѣдующее:

— Я пошелъ за львомъ по выходу его изъ кочевья, нашелъ шкуру барана, котораго онъ съѣлъ ночью, прослѣдилъ его до ручья, гдѣ онъ нилъ, и сошелъ со слѣда, увидавши, что въ этомъ мѣстѣ слѣдъ принятъ моимъ товарищемъ Амаромъ-бен-Сига.

Амаръ явился почти вслѣдъ за своимъ товарищемъ; на лицѣ его было изображено торжество. Онъ могъ бы ничего не рассказывать, каждый по лицу его могъ догадаться, что онъ обошелъ звѣря.

Когда онъ проходилъ толпу арабовъ, уствшихъ вокругъ нашей палатки, всѣ обращались къ нему съ вопросами, останавливали его за бурнусъ; но онъ не говорилъ ни слова: только радость его избличала тайну, которую онъ хотѣлъ передать одному мнѣ.

Несчастный, торжествовавшій заранѣе приготовленную имъ побѣду, и не подозревавшій, что черезъ нѣсколько часовъ левъ, котораго онъ предавалъ мнѣ, умереть не иначе, какъ истерзавъ его.

Вотъ его донесеніе:

— Я нашелъ слѣдъ льва у ручья Тафрена; здѣсь онъ пилъ и отдыхалъ.

— Я пошелъ за нимъ по горькому лѣсу, который виднѣвъ отсюда; на опушкѣ лѣса звѣрь пробылъ до утра. Я заключаю объ этомъ по слѣдамъ когтей его на деревьяхъ и по оставшемуся помету.

— По выходѣ изъ лѣсу, звѣрь перешелъ потокъ на западной сторонѣ Тафренскаго лѣса и вошелъ въ этотъ лѣсъ. Я обошелъ лѣсъ кругомъ,—выхода не было. Вернувшись на свой слѣдъ, я положилъ на немъ бурнусъ свой и прошелъ по слѣду звѣря въ лѣсъ, остановившись не далѣе ружейнаго выстрѣла отъ его логовища.

— Провожатые мои боялись идти далѣе, и я вернулся. Полагаю, что онъ лежитъ подъ бѣлымъ утесомъ, известнымъ подъ именемъ утеса львинаго.

Звѣрь былъ обойденъ, и оставалось только избрать родъ нападенія. Можно было съ шумомъ идти на его логовище, что заставило бы его выдти на охотниковъ, избирающихъ удобное мѣсто для стрѣльбы.

Другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы идти какъ можно тише по слѣду звѣря и постараться подойти къ нему во время сна его.

Третій способъ—вызвать его на живую притраву.

Амаръ-бен-Сига увѣрилъ меня, что чаша лѣсная дѣлаетъ невозможнымъ нападеніе на логово, и я рѣшился на притраву.

26-го, въ семь часовъ вечера, я отправился въ сопровожденіи моего денщика Химида и двухъ обходчиковъ, которымъ поручено было нести мое оружіе и вести козу.

Въ половинѣ осьмага мы пришли къ обходу Амара.

Осмотрѣвъ слѣды льва на днѣ потока, я убѣдился, что это былъ звѣрь старый и огромнаго размѣра.

Логовище было на южномъ склонѣ горы; на противоположномъ склонѣ я отыскалъ полянку, метровъ десяти квадратныхъ, окруженную высокими деревьями и отстоящую шаговъ на полтораста отъ того мѣста, гдѣ левъ теперь покоился.

Пока люди мои привязывали козу къ корню дерева и подавали мнѣ оружіе, левъ показался намъ у самаго утеса и посмотрѣлъ на наши продѣлки.

Я сейчасъ же сталъ въ опушкѣ поляны, обернувшись ко льву и не далѣе шести шаговъ отъ козы, которая, видя, что люди удаляются, кричала изо всѣхъ силъ и старалась ко мнѣ приблизиться.

Левъ исчезъ съ глазъ моихъ. Вѣроятно, онъ приближался густымъ лѣсомъ.

Я срѣзалъ кинжаломъ нѣсколько сучковъ, которые могли бы помѣшать моему выстрѣлу, и хотѣлъ уже садиться, какъ вдругъ коза

замолкла и вся затряслась, поглядывая то на меня, то въ сторону потока. Это значило:

— Левъ тамъ, я его чувствую.... онъ приближается... я слышу, я вижу его. — И въ самомъ дѣлѣ, сначала она его почуяла, потомъ услышала, что замѣтилъ я по содроганію ушей ея; увидѣли же его мы вмѣстѣ.

Онъ живо взобрался на берегъ потока и остановился на опушкѣ поляны, шагахъ въ двѣнадцати отъ меня.

Онъ стоялъ ко мнѣ прямо грудью, и широкой лобъ его могъ служить мнѣ прекрасною цвѣлю. Два раза опускалъ я мой штуцеръ; два раза наводилъ его между глазъ звѣря; два раза пожималъ слегка собачку; но не выстрѣлилъ и былъ чрезвычайно этимъ доволенъ.

Уже прошло два года, какъ я не встрѣчалъ льва такого огромнаго, такого красиваго и величественнаго; и я могъ убить его, не успѣвши вдоволь имъ полюбоваться!

Что такое мертвый левъ? Что проку въ умершей красавицѣ? Что красота безъ жизни?

Притомъ же, если справедливо, что жить значить чувствовать, — гдѣ найду я ощущеніе подобное этой торжественной встрѣчѣ?

Благородный звѣрь, казалось, понялъ мои мысли: онъ легъ и, скрестивши свои огромныя лапы, приклонилъ на нихъ слегка свою голову, какъ на подушку.

Не обращая никакого вниманія на козу, парализованную отъ страха, онъ разсматривалъ меня съ большимъ любопытствомъ и то прищуривалъ глаза, что придавало ему довольно смѣшное выраженіе, то открывалъ ихъ во всю величину, что заставляло меня противъ воли пожимать собачку. Казалось, онъ говорилъ самъ себѣ:

— Сейчасъ здѣсь на полянѣ я видѣлъ людей и козу: люди ушли, коза осталась. Прихожу сюда и вижу подлѣ нея челоуѣка, одѣтаго въ синее съ краснымъ. Никогда не видалъ я такого одѣянія, и этотъ странный челоуѣкъ не бѣжитъ при моемъ приближеніи, а смотритъ на меня, какъ будто хочетъ говорить со мною.

Потомъ, казалось, онъ прибавилъ:

— Пора бы и обѣдать; что же съѣсть мнѣ? Козу или полосатаго челоуѣка? Вчерашній баранъ былъ лучше этой козы; но бараны далеко. Можетъ быть полосатые люди вообще вкусны; но этотъ что-то очень худъ.

Последнее обстоятельство, кажется, заставило его рѣшиться на выборъ, потому-что онъ всталъ и сдѣлалъ три шага впередъ, не спуская глазъ съ козы.

Держа ружье въ плечь и палець на собачкѣ, я слѣдилъ за каждыиъ его движеніемъ, готовый выстрѣлить въ первую удобную минуту. Два раза онъ готовъ былъ прыгнуть на притраву и пригнбался къ землѣ какъ кошка.

Я догадался, что онъ замѣтилъ веревку, на которой коза была привязана, и подозрѣвалъ какое-нибудь ухищреніе. потому-что онъ сталъ быстро ходить по опушкѣ поляны и оскалялъ на меня зубы каждыиъ разъ, какъ останавливался.

Шутка начинала становиться серьезною; пора было ее кончить. Уловивъ мгновеніе, когда онъ обернулся ко мнѣ бокомъ, въ двѣнадцати шагахъ, на берегу рва, я пустилъ ему первую пулю въ плечо, и сейчасъ же, пока онъ судорожно ломался и ревялъ, пустилъ другую подъ лопатку.

Прострѣленный насквозь этими двумя пулями съ стальными наконечниками, левъ повалился въ ровъ.

Пока я заряжалъ опять свой штуцеръ, прибѣжали мои люди. Я пошелъ съ ними къ тому мѣсту, гдѣ я стрѣлялъ льва, и мы увидѣли большую лужу крови и слѣды когтей, которыми звѣрь цѣплялся, чтобы взлѣзть опять на гору.

Обходчики, увѣренные, что левъ былъ убитъ, побѣжали за народомъ, чтобы поднять его.

А я пошелъ по кровавому слѣду и увидѣлъ, что левъ нѣсколько разъ падалъ во рву и вошелъ наконецъ въ непроходимую чащу, шагахъ въ двадцати отъ поляны.

Я бросилъ сейчасъ же въ чащу камень, и звѣрь мнѣ отозвался. Я услышалъ, шагахъ въ двадцати отъ меня, глухое, хриплое рыканіе, то жалобное, то грозное, но сдающее на послѣдніе стоны умирающаго.

Это рыканіе сдавило мнѣ сердце; оно напомнило мнѣ, что шесть лѣтъ назадъ, совершенно въ подобныхъ обстоятельствахъ, левъ растерзалъ въ глазахъ моихъ двоихъ арабовъ и моего деньщика.

Я сталъ на колѣна у чащи и старался проглянуть между кустами и деревьями, но могъ видѣть только ближайшія вѣтви, обрызганныя львиной кровью.

Я заломилъ дерево, чтобы не сбиться со слѣда звѣря, и хотѣлъ идти, какъ подошли ко мнѣ обходчики, деньщикъ мой и четыре вооруженные араба.

Я едва могъ уговорить ихъ, чтобы они не лѣзли въ чащу. Они были увѣрены, что левъ лежитъ тамъ мертвый.

Напрасно увѣрялъ я ихъ, что я имѣю доказательство, что онъ еще живъ, и что прежде чѣмъ мы увидимъ его, одинъ изъ насъ

будеть разорванъ. Я прибавилъ къ этому, что ручаюсь, что завтра мы найдемъ его непременно мертвымъ.

Вмѣсто отвѣта, арабы сняли свои бурнусы и предложили мнѣ съѣсть на нихъ, въ ожиданіи ихъ возвращенія.

Двѣ минуты спустя, я снялъ съ себя липнюю одежду, далъ свой лепажьевской штуцеръ Амару-бен-Сигъ, два пистоleta Биль-Кассему и ружье моему деньщику, приказавъ ему не стрѣлять, а сохранить его заряженнымъ и идти по слѣдамъ моимъ.

Распорядившись, чтобы всѣ люди жались ко мнѣ, какъ только позволяла это чаща, я вошелъ въ нее. Къ намъ подоспѣлъ г. Роденбургъ и не хотѣлъ отстать отъ насъ, не смотря на мои просьбы и увѣренія, что мы на волосъ отъ смерти.

Пройдя шаговъ пятнадцать по кровавому слѣду, мы очутились на маленькой полянкѣ, гдѣ крови не было уже видно.

Приближалась ночь, и трудно было разглядывать слѣды звѣря. Наши поиски становились тѣмъ опаснѣе, что черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить совершенная темнота.

Чтобы не терять времени, каждый сталъ отыскивать кровь звѣря, но никто не сходилъ съ полянки.

Вдругъ ружье одного араба нечаянно выстрѣливаетъ. Выстрѣлъ не причинилъ никакой бѣды; но левъ зарычалъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и всѣ охотники бросились ко мнѣ. Одинъ только Амаръ-бен-Сига, по неопытности, или по самонадеянности прислонился къ дереву, шагахъ въ шести отъ насъ.

Едва показался левъ на опушку поляны, съ раскрытою пастью и оцѣтенившейся гривой, какъ раздались восемь выстрѣловъ, и ни одна пуля его не тронула.

Прежде нежели разсѣялся дымъ этихъ напрасныхъ выстрѣловъ, и конечно скорѣе, чѣмъ я рассказываю, Амаръ-бен-Сига, тоже выстрѣлившій во льва, уже смятъ имъ; ружье его исковеркано, правая нога раздроблена, и въ ту минуту, какъ я подбѣжалъ къ нему на помощь, я увидѣлъ, что голова его скрылась въ пасти льва, который смотрѣлъ на концы стволовъ моего штуцера, но не выпускалъ избранной имъ жертвы.

Опасаясь, что, выстрѣливши въ голову; я могу задѣть пулею голову араба, я наметился въ сердце и выстрѣлилъ.

Амаръ-бен-Сига былъ высвобожденъ изъ смертельныхъ объятій, подкатился къ моимъ ногамъ и сжалъ ихъ съ такою силою, что чуть не уронилъ меня; а левъ, прислонившись къ кустамъ, которые трещали подъ его тяжестію, еще не падалъ окончательно.

Я прицѣлился въ високъ и подавилъ собачку; замокъ щелкнулъ, но штуцеръ не выстрѣлилъ.

Это была первая остычка въ продолженіи десяти лѣтъ; а левъ все еще стоялъ, страшно ревелъ и рвалъ когтями кусты и землю. Все это совершалось на одинъ шагъ отъ меня и почти на самомъ Амаръ-бен-Сигъ, который кричалъ нечеловѣческимъ голосомъ.

Все собрались вокругъ меня; кто вынулъ кинжалъ, кто схватилъ ружье за конецъ ствола.

Жалкія и безсильныя оружія противъ звѣря, котораго не убиваютъ пулей. Моимъ первымъ движеніемъ было обратиться къ денщику моему за ружьемъ; но несчастный, съ исковерканнымъ отъ страха лицомъ, едва могъ проговорить мнѣ:

— Оно ужъ выстрѣлено!

Хамида имѣлъ глупость выстрѣлить вмѣстѣ съ другими, и мы оставались передо львомъ безъ защиты.

По счастью для всехъ насъ, онъ упалъ въ эту минуту мертвымъ, между Амаръ-бен-Сига и г. Роденбургомъ.

Когда левъ упалъ, я обратилъ вниманіе на раненаго араба; онъ лежалъ уже нѣсколько минутъ безъ чувствъ.

Раны на головѣ были не важны; туловище только слегка изцарапано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ когтями, но вся правая нога была ужасно изуродована, переломлена и изорвана.

Кровь текла очень сильно, а мы были въ лѣсу, ночью и безъ всякой помощи. Пока арабы устроивали носилки изъ ружей и сучьевъ, я старался остановить теченіе крови; но раненый опомнился, началъ страшно кричать и не давалъ мнѣ возможности помочь ему.

Много труда и времени стоило намъ выбраться изъ чащи на берегъ рва, и шествіе наше было торжественно.

Я привыкъ всегда видѣть, какъ огорчала арабовъ смерть ихъ товарища, и не могъ понять ихъ равнодушія въ Амаръ-бен-Сигъ.

Хотя я очень холодно принялъ поздравленіе ихъ съ побѣдою и нисколько не выражалъ своей радости при видѣ цѣны ел, они не показывали никакого участія къ изуродованному арабу, и сказали ему, что подобныя вещи случаются только съ людьми хорошими. Потомъ они какъ будто позабыли о немъ и стали толковать о разныхъ моментахъ совершившейся драмы, говорили все въ одинъ голосъ, кричали какъ безумные и рассказывали всю исторію отъ начала до конца каждому изъ бѣжавшихъ къ намъ на встрѣчу.

Восторгъ этихъ людей былъ такъ великъ и шуменъ, что можно было подумать, что мы несемъ убитаго льва, еслибъ только время отъ времени не раздавались пронзительные крики страдальца.

Къ одиннадцати часамъ ночи дошли мы до палатки, приготовленной для раненаго.

На другой день, 27-го числа, рано утромъ я зашелъ навѣстить его и нашелъ подлѣ него мать и брата его, и еще много старухъ и мужчинъ, вѣроятно его родственниковъ, потому-что они горячо благодарили меня за спасеніе Амара и спрашивали моего мнѣнія о его ранахъ.

Бѣдные люди думаютъ, что всѣ Французы лекаря, и что тотъ, кто убиваетъ звѣря, знаетъ, какъ помочь злу, которое послѣдній дѣлаетъ людямъ.

Я не имѣю понятія о хирургіи; о ранахъ же, причиненныхъ львомъ, знаю по опыту только то, что они не легко вылечиваются.

Мнѣ не разъ случалось видѣть, что люди, раненые гораздо легче Амара, умирали или теряли употребленіе раненаго члена, и я посоветовалъ родственникамъ больнаго перенести его въ Батну, гдѣ можно найти французскаго доктора и необходимую помощь.

Раненый ни за что не согласался на мое предложеніе, боясь мученій во время пути. Я рѣшился кое-какъ самъ сдѣлать ему перевязку и послалъ за арабскимъ докторомъ, пользующимся извѣстностію въ кочевьяхъ.

Устроивши это, мы отправились въ ту сторону лѣса, гдѣ лежалъ нашъ левъ. Народу шло со мною много. Очень скоро проломали въ чащѣ дорогу и вытащили льва на поляну, гдѣ наканунѣ мы имѣли съ нимъ первое свиданіе.

По снятіи шкуры, я осмотрѣлъ направленіе пуль моихъ, и передалъ звѣря арабамъ, которые бросились на него съ пожарами и съ такою яростію, съ какою бросаются только притравленные собаки на звѣря. Въ тотъ же вечеръ я воротился въ свою палатку и занялся выдѣлкою львиной кожи.

27-го числа, въ то время, какъ я уже все приготовилъ къ отъезду моему въ Константиноу, вошли въ мою комнату пять или шесть женщинъ. Они такъ громко плакали и рыдали, что я вообразилъ, что съ ними случилось какое-нибудь страшное несчастіе.

Прежде всего подумалъ я, что это родныя Амаръ-бей-Сига, узнавшія о его смерти; но скоро утѣшился и даже расхохотался, узнавъ, что все дѣло было въ гибели трехъ быковъ, убитыхъ львомъ, недавно появившимся въ округъ.

Рыданія не переставали, и музыка эта вовсе не забавляла меня. Чтобы поскорѣе отъ нея освободиться, я объявилъ, что не уѣду безъ того, чтобы не убить звѣря, причинившаго имъ столько горя.

Слезы исчезли въ ту же минуту, и арабскія дамы вышли отъ меня, занявшись веселыми разговорами.

Кочевье, въ которомъ были убиты быки, было у меня подъ рукою, и я позвалъ сторожей, чтобы узнать отъ нихъ всю подробности и сообразно имъ приготовиться къ бою.

Эти люди объявили мнѣ, что часовъ въ шесть вечера гнали они стадо съ горы, и что вдругъ вся скотина бросилась въ разныя стороны. Съ большимъ трудомъ собрали они разбѣжавшихся и увидали, что не доставало трехъ быковъ.

Они не видали ни льва, ни слѣдовъ его; но судя по страху, съ которымъ бѣжала наканунѣ скотина, они были увѣрены, что пропавшіе быки были убиты львомъ.

Я приказалъ имъ собрать побольше народу, отправиться на другой день рано утромъ въ горы и отыскать убитыхъ быковъ. Двухъ изъ нихъ, которые были изорваны, вытащить на открытое мѣсто, чтобы туши ихъ достались въ продолженіе дня на добычу ястребамъ, а третьяго оставить на мѣстѣ и прикрыть до ночи отъ ястребовъ ветвями.

30-го, въ шесть часовъ вечера, я пошелъ самъ въ горы съ однимъ изъ сторожей и двоими арабами, которые несли мое оружіе.

Пройдя около часа по лѣсу, мы попали сначала на остовы быковъ, съѣденныхъ ястребами, и отыскивали наконецъ третьяго.

Когда сняты были съ него ветви, я удостоверился, что онъ былъ почти совершенно цѣлъ; только на шеѣ была рана зубами и рана когтями на плечѣ.

Это показывало, что звѣрь, убившій быка, былъ или молодой левъ, или старая львица.

Не будучи въ состояніи судить о звѣрѣ по слѣду, потому-что почва въ этомъ мѣстѣ была очень камениста, я внимательно осмотрѣлъ слѣды зубовъ и когтей, и заключилъ изъ своего осмотра, что мнѣ придется имѣть дѣло съ матерой львицей.

Обыкновенное логовище львовъ, во время пребыванія ихъ въ этихъ горахъ, было отъ насъ не далѣе пяти-сотъ метровъ на склонѣ горы. Увѣренный, что львица пойдетъ съ низу, я отослалъ людей, меня провожавшихъ, и сталъ выбирать для себя мѣсто.

Замѣтивши камень, на которомъ можно было мнѣ удобно помѣститься, я положилъ подлѣ него мое оружіе и хотѣлъ уже сѣсть, какъ, взглянувши внизъ по горѣ, я увидѣлъ мою львицу, прохаживающуюся по тропинкѣ Кренхельской.

Пройдя нѣсколько времени этою тропинкой, она сошла съ нея на небольшую равнину, а потомъ отправилась къ одному ручью, который обыкновенно посѣщается львами.

Четверть часа спустя она вернулась тою же дорогой и вошла въ чашу, окружающую логовище. Я съѣлъ на свой камень и приготовился встрѣтить ожидаемую гостью.

Я сидѣлъ въ чашѣ; передо мной не было никакой полянки. Было такъ темно, что я едва видѣлъ убитаго быка, хотя онъ былъ отъ меня только въ нѣсколькихъ шагахъ.

Я понималъ, что мнѣ невозможно будетъ послать львицу болѣе одной пули; и что эта пуля должна или умертвить ее, или по крайней мѣрѣ обезоружить.

Время шло и стала опускаться ночь. Львица заревела первый разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежали быки, расклеванные ястребами.

Скоро услышалъ я приближеніе шаговъ ея, а потомъ глухіе мѣрные вздохи, означавшіе ея дыханіе.

По расчету моему, она была отъ меня шагахъ въ вятнадцати, и я приложилъ ружье къ плечу, чтобы выстрѣлить, какъ только она покажется.

Въ эту кампанію мнѣ суждены были сильныя ощущенія. Вы легко поймете ихъ, когда я вамъ скажу, что, приложившись, я убѣдился, что мнѣ не видно цѣлика.

Я видѣлъ едва концы стволовъ. Еще нѣсколько минутъ, и могло сдѣлаться такъ темно, что я не увидалъ бы ровно ничего.

Медлить было нечего; я всталъ и пошелъ прямо въ ту сторону, гдѣ мнѣ послышалась львица. Я былъ готовъ къ выстрѣлу и шелъ какъ только можно тише.

Пройдя шаговъ пять или шесть, я сталъ всматриваться между деревьями и увидѣлъ половину корпуса львицы.

Она стояла недвижима, конечно прислушиваясь къ непонятному ей шуму. Голова была скрыта отъ меня деревомъ до самаго плеча.

Но сердце подѣ лопаткою, и я, какъ только могъ— на память, выстрѣлилъ въ это мѣсто.

Напрасно нагибался я, чтобы узнать послѣдствія моего выстрѣла и послать въ случаѣ нужды другую пулю: мнѣ ничего не было видно.

Раздалось, однакожъ, рыканье звѣря, и опытное ухо мое заключило по роду этого рева, что звѣрь раненъ смертельно.

Нѣсколько не желая сопутствовать львицѣ въ ея дальнее путешествіе, я отложилъ до завтра удовольствіе добить ее, если найду ее живою. Принявши это рѣшеніе, я вернулся въ палатку вмѣстѣ съ моими спутниками, которые все слышали и тоже были увѣрены, что львица наша.

При возвращеніи нашемъ, радостная вѣсть разнеслась по всему кочевью, и женщины просили позволенія идти завтра въ горы, чтобы увидѣть звѣря прежде, нежели онъ будетъ снятъ.

31-го я вышелъ еще до восхода солнца на мѣсто, гдѣ упала накануне львица; меня сопровождали почти всѣ мужчины и женщины изъ кочевья. Принудя всѣхъ оставаться на мѣстѣ, я пошелъ съ денщикомъ своимъ въ ту сторону, гдѣ были слышны послѣднія рыканія звѣря.

Мѣсто было пусто, но ясно обозначалось двѣю лужей крови. Мнѣ было легко идти по кровавому слѣду, и я увидѣлъ, что львица старалась идти по мѣстамъ болѣе открытымъ и очень часто падала.

Скоро замѣтилъ я, что она шла только на трехъ ногахъ и падала все на лѣвую сторону. Кость лѣваго плеча оставляла на землѣ ясныя слѣды при паденіи звѣря.

Я догадался, что пуля моя попала подѣ правое плечо звѣря, пролетѣла насквозь его грудь и разшибла ему плечо лѣвое.

Живая или мертвая львица не могла быть далеко. Надо было быть на-готовѣ и не терять кроваваго слѣда.

Подходя къ какому-нибудь кустарнику, въ которомъ львица могла бы спрятаться, я приказывалъ денщику бросать въ него камень, чтобы заставить звѣря подняться или, по-крайней-мѣрѣ, заревѣть.

Я перешелъ поляну, на которой, судя по большому количеству крови, львица долго лежала, и дошелъ до опушки частаго лѣса, въ который денщикъ мой бросилъ камень.

Сейчасъ же и очень близко раздалось рыканіе, подобное слышанному мною за нѣсколько дней.

Разница была та, что я уже былъ на этотъ счетъ опытенъ и вполнѣ увѣренъ въ успешномъ окончаніи дѣла.

Было светло, и передо мной была львица, потерявшая такъ много крови, что имѣла половину силы, и, наконецъ, я зналъ, что она на трехъ ногахъ.

Успѣхъ былъ несомнѣнъ; но такъ-какъ на концѣ трехъ лапъ ея были острые когти, а во рту, прокусившемъ шею быка, довольно почтенные зубы, то я принялъ мѣры, чтобы тѣ и другіе не разгулялись.

Лѣсъ, въ которомъ она лежала, былъ такъ частъ, что я не могъ войти въ него, а рѣшившись на эту дерзость, былъ бы растерзанъ прежде, чѣмъ бы успѣлъ выстрѣлить.

Но признаюсь къ стыду моему, что еслибы не было другихъ средствъ dokonать ее, я бы рискнулъ, въ надеждѣ на счастливую

звезду мою, и отправился бы въ чащу. Конечно, это было бы безуміе.

Это безуміе было бы на этотъ разъ лишнее. Передо мной была большая поляна, на которую я могъ вызвать звѣря, и я рѣшился этимъ воспользоваться.

Я созвалъ всѣхъ арабовъ и женщинъ, меня сопровождавшихъ, и предложилъ имъ картину смерти врага ихъ.

Чтобы помѣшать звѣрю выдти изъ чащи въ другую сторону, я велѣлъ зажечь тамъ нѣсколько кустарниковъ и подать мнѣ нѣсколько ружей.

Зарядивши четыре ружья, я далъ ихъ четверымъ арабамъ, велѣлъ имъ влѣзть на дерево и, по моему сигналу, выстрѣлить и начать кричать изо всей мочи.

Въ тридцати шагахъ отъ опушки я поставилъ одного араба верхомъ и велѣлъ ему не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока львица выдѣтъ наружу; когда же выдѣтъ она, скакать во весь духъ въ мою сторону, но нѣсколько отклоняться отъ меня, чтобы не помѣшать моему выстрѣлу.

Самъ я сѣлъ на полянѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева, на которомъ сидѣли мои стрѣлки. Подлѣ себя поставилъ я деньщика съ другимъ ружьемъ, которое онъ въ случаѣ нужды долженъ былъ подать мнѣ.

Между тѣмъ, толпа зрителей, громко кричавшая на серединѣ поляны, быстро разсѣялась.

Мужчины повзлзали на деревья, женщины отбѣжали на ближайшее возвышеніе.

Когда поляна очистилась, я далъ знакъ конному арабу приготовить, и подалъ сигналъ.

Раздались выстрѣлы, и львица гнѣвно заревѣла; когда жъ начались крики, она показалась на опушкѣ и, не останавливаясь ни минуты, направилась къ арабу, который пустился скакать отъ нея.

Не смотря на то, что у ней было только три ноги, первые прыжки ея испугали меня: она быстро нагонила скачущаго араба.

Я выстрѣлилъ въ нее въ сорока шагахъ; пуля пробила ей голову и заставила ее остановиться, но не упасть.

Конный арабъ ускакалъ уже далеко, когда львица стала двигаться впередъ и пошла уже прямо на меня.

Я успѣлъ взять другое ружье и всадилъ ей въ грудь двѣ пули. Она упала мгновенно, и я думалъ, что она уже мертвая, но она снова поднялась, оскалила зубы и пыталась ко мнѣ приблизиться. Это было ея послѣднее усиліе. Она повалилась на землю, испу-

стивши протяжный болзненный ревъ, на который отвѣтили торжественные крики арабовъ.

Окончательный ударъ львица получила тогда, когда собрались вокругъ нея женщины, и онѣ имѣли удовольствіе наругаться надъ ея когтями и зубами.

Опасаясь, чтобы эти неугомонныя мстительницы не задержали меня въ лѣсу до вечера, я предложилъ имъ идти впередъ и общалъ, что они еще увидятъ львицу и могутъ выбрать лучшіе куски мяса подлѣ моей палатки.

Изъ ружей и сучьевъ устроили носилки и донесли звѣря до Уртена, гдѣ, по снятіи кожи, я отдалъ его Арабамъ. На другой день я уехалъ изъ кочевья, къ большому сожалѣнію туземцевъ, которымъ общалъ посѣтить ихъ осенью. Черезъ два дня я былъ въ Константино и отдыхалъ отъ утомленія, причиненнаго мнѣ ощущеніями послѣдней охоты.

16 августа я получилъ письмо отъ Каида Кроихелы, который уведомлялъ меня о смерти Амара-бен-Сига.

Въ заключеніе скажу вкратцѣ мои наставленія.

Если вамъ случится отыскивать днемъ льва, котораго вы ранили ночью, откажитесь отъ этого преслѣдованія, если звѣрь не теряетъ достаточно крови, чтобы можно было идти по слѣдамъ его.

Онѣ залегъ въ чащѣ и выйдетъ оттуда только за тѣмъ, чтобы броситься на человека.

Идите по кровавому слѣду шагъ за шагомъ, бросайте передъ собою камни, чтобы услышать звѣря на добромъ разстояніи и имѣть время въ него выстрѣлить.

Старайтесь быть всегда на мѣсть болѣе возвышенномъ.

Если идетъ дождь или падаетъ роса, закройте курки вашего штуцера. Разряжайте ваше ружье всегда, когда вернетесь домой, и заряжайте въ минуту отправленія на охоту, передъ тѣмъ непременно прожгите его.

Если, по случаю сырости, вы боитесь за вашъ выстрѣлъ, не ищите встрѣчи со звѣремъ.

Запасайтесь порохомъ и пистонами лучшаго качества.

Наконецъ, помните, что левъ рѣдко падаетъ послѣ одной пули.

Не ищите никогда спасенія въ бѣгствѣ, когда онѣ на васъ бросится.

Соблюдайте всѣ эти наставленія, и да сохранитъ васъ Богъ и св. Убертъ!

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Что такое новый годъ.—Что такое обычай.—Враждебный десантъ двухъ журналовъ на фельетонъ.—Насильственная смерть фельетониста.—Метамисихоза фельетона въ исторію.—Физиологія критики.—Новый годъ въ Англіи.—Журналы и правительство въ Англіи.—Годъ ошибокъ.—Беда отъ равнаго визита.—Каррикатуры Диккенса.—Семейныя огорченія.—Покойныя аристократы.—Гастрономическая благотворительность.—Какъ опасно сражаться на тошакъ.—Литераторъ подъ ядрами.—Новыя англійскія книги.—Портретъ Ламартиноской Граціалли.—Турецкій Суданъ, таѣзматъ и потомки Османа.—Святочная литература въ Англіи.—*Una avulsa non deficit altera*.—Современные поэты въ Англіи.—Незваные гости въ Лондонъ.—Парижская скука.—Кримскія утки.—Салонные конгрессы и стратегики въ чепчикахъ.—Гриппъ въ оперъ.—Старинный обычай.—Смерть безмертныхъ.—Говорящіе столы въ трауръ.—Кобденъ и Брайтъ.—Битые слѣпки.—Преемникъ Мюзара.—Театральныя новости.

Новый годъ!

Въ первый день января, мы торжествуемъ первый день года—поздравленіями, посѣщеніемъ родственниковъ и знакомыхъ, пирами, балами и проч.

Что же это за торжественный день, первое число января, чѣмъ онъ лучше перваго дня каждаго другаго мѣсяца, или перваго дня недѣли, безудачнаго понедѣльника, который, по старинному повѣрью, неблагопріятствуетъ всѣмъ начинаніямъ.

Новый годъ! неволью призадумашься при этомъ словѣ. Эпоха ли это возрожденія природы, въ странѣ, откуда перешло къ намъ обыкновеніе торжествовать этотъ день; годовщина ли памятнаго событія, юбилей давно протекшей радости, или тризна по годинѣ минувшаго бѣдствія?

Если мы почитаемъ первый день новаго года первымъ днемъ новаго отѣла времени нашего христіанскаго лѣтосчисленія, то зачѣмъ празднуемъ мы его такими мірскими увеселеніями, какъ маскарады, балы, и проч. и проч.

Обычай—скажутъ мнѣ.—На это нѣтъ возраженія! Обычай—это неисправимый порокъ челоѣчества; это упорная идея, которую не въ состояніи поколебать самыя ясныя убѣжденія; это манія общества, а манія—помѣшательство!

Но большая часть обычаевъ введена не заблужденіемъ, а потребно-

стями общественной жизни, взаимными отношеніями людей, или убѣжденіемъ въ удобствѣ и нравственной пользѣ нововведенія.

И спора нѣтъ, — есть точно прекрасные обычаи. Но что ни говори, обычай въ обществѣ — это привычка въ человѣкѣ, а привычка — не нормальное состояніе человеческой мысли.

Да и почему не рѣхнуться на чемъ-нибудь прекрасномъ: вѣдь сходятъ же люди съ ума на философіи.

Не наше дѣло разсуждать о томъ, хорошъ или дуренъ обычай; обязанность фельетониста только подмѣтить его, прослѣдить его вліаніе и во всѣхъ его проявленіяхъ, и во всѣхъ сословіяхъ общества, и представляя его на судъ читателей, указать на свѣтлыя и мрачныя стороны этой общественной машины, на благія и вредныя ея послѣдствія.

Обязанность фельетониста: читать, смотрѣть, слушать — и рассказывать; а потомъ — потомъ умереть, и умереть преждевременно.

Умереть и еще какъ, — утонуть въ Леть, — умереть въ памяти читателей.

Грустная участь! — а нечего дѣлать. Приговоръ фельетона и фельетонистовъ подписанъ въ двухъ знаменитыхъ русскихъ журналахъ; тамъ сказано даже, что на Руси фельетонисту и родиться нельзя, а русскаго фельетона и быть не можетъ.

Инымъ, можетъ быть, и съ руки утверждать это: — у нихъ, пожалуй и доказательства подъ рукою, но *Новому поэту* грѣхъ говорить, что на русскомъ языкѣ не удается остроумная и часто поучительная болтовня французскихъ фельетонистовъ; грѣхъ ему нападать на фельетоннаго Могола Жюль-Жанена: — чуть ли онъ ему не съ родни.

Да и за что нападать на властелина фельетонной Лагоры? Не лучше ли шутя заниматься дѣломъ, чѣмъ дѣльно хлопотать о пустякахъ?

Прочтите недавно вышедшую въ свѣтъ *Исторію драматической литературы* (Histoire de la littérature dramatique), эту мозаику фельетоновъ Жюль-Жанена, и бросьте въ него камень, если рука поднимется.

Въ этомъ многолѣтнемъ разсказѣ, набросанномъ небрежною рукою на страницы Журнала Преній, онъ умѣлъ затронуть самые раздражительные, самые глубокіе вопросы современной общественной жизни. Онъ смотрѣлъ на всѣ роды сочиненій, не только какъ на произведенія искусства, но какъ на эпизоды изъ большой всѣдневной драмы общества; и разбирая ихъ, критически отыскивалъ причину фактовъ въ нравахъ, въ идеяхъ, въ господствующемъ стремленіи общества. Произведенія мысли не могутъ быть чужды движенію, посреди котораго они

проявляются. Они — крайнее выражение этого движения, бросают на него свет истины, и сливаясь с общественными явлениями, проясняя их, вместе с ними, рисуют картину своего времени. Между жизнью идеальной и жизнью существенною, между литературою и нравами, не престаёт размѣнъ взаимныхъ вліяній. Схватить эти сокровенныя вѣти, выслѣдить тысячи неясныхъ соотношеній — вотъ дѣло критики; она не должна оставаться только отвлеченнымъ анализомъ произведенія искусства. Критика должна быть своеобразна, должна имѣть свою воззрѣнію, свою собственную избирательность. Она должна неустанно стремиться къ открытіямъ, странствовать въ правственномъ мірѣ по всемъ путямъ мысли, а чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, необходимы: основательныя познанія, вѣрность разумія, и смѣтливая пронзительность.

Обладая этими тремя качествами, Жюль-Жаненъ прошелъ, на свою долю, область драматической литературы, съ геройскою твердостью слѣдилъ за судьбами современной сцены, и все, что онъ мыслить, все, что написалъ онъ въ своихъ фельетонахъ, можетъ справедливо носить названіе *Исторіи современной драматической литературы*. Но не ожидайте въ листкахъ этого новаго лѣтописца методическаго распредѣленія, не ищите въ его книгѣ системы: онъ просто рассказываетъ впечатлѣнія минуты и беззаботно плыветъ съ потокомъ разнообразной дѣятельности своего времени.

Неужели и такой фельетонъ живетъ жизнью эмериды? Неужели плохой романъ переживетъ его потому только, что романъ — книга. Воля ваша, — а какъ-то не вѣрится. Въ фельетонѣ, какъ и въ книгѣ, есть и примѣръ, есть и урокъ, есть вѣрованія и убѣжденія, есть цѣль, постоянное направленіе, господствующая идея. Вся разница въ способѣ изложенія.

Но если фельетону и не суждено прожить вѣкъ Илиады, если онъ не можетъ оставить по себѣ слѣдовъ, какъ не оставляютъ слѣдовъ, пѣснь соловья, благоуханіе цвѣтка, и эти великолѣпные пиры, которые даетъ человеку природа на лугахъ, въ тѣнистыхъ рошахъ, на синемъ морѣ и въ бездонномъ эфирѣ; если буквы фельетона должна стереть рука времени, какъ стираетъ осень разноцвѣтную пыль съ крыльевъ бабочки, пусть же будетъ этотъ фельетонъ звученъ какъ пѣснь соловья, упителенъ какъ благоуханіе розы, роскошенъ какъ пиры природы и разноцвѣтенъ какъ пыль на крыльяхъ бабочки. Пусть доставляетъ онъ хгг минутное наслажденіе, и читатель не будетъ въ накладѣ.

Почему бы такого фельетона не приурочить къ нашимъ журналамъ?

Дѣло не въ игрѣ словъ, къ которой, положимъ, русской азыкъ не податливъ; дѣло въ игривости мысли, — а это возможно на всѣхъ языкахъ.

Но мы забыли о новомъ годѣ. Фельетонъ, хотя и не жалеетъ на бѣдомъ свѣтъ, долженъ свято исполнять, въ теченіе кратковременной жизни, прямыя свои обязанности; ему нельзя не рассказать, что дѣлается въ мірѣ, въ эту всемірную эпоху исторіи человечества. Начнемъ съ Англии.

Джонъ Буль морщится на безвременное созваніе палаты, предчувствуя, что ему придется развязать кошелекъ, и косится на трактатъ 2-го декабря, за то, что этотъ трактатъ, вопреки его доверчивому ожиданію, *только оборонительный*. Но политика не мѣшала ему тѣтъ рождественскій ростбивъ и обычный свиной пуддингъ (plumb-pudding), разводя эту сытную пищу любимымъ шерри. Не думайте однако, что обжорство, крѣпкіе напитки и родные туманы такъ сгустили кровь Англичанина, что онъ въ состояніи разсердиться. Война, бури, холера и другіе эпидеміи навели такое уныніе на собѣдниковъ семейныхъ обѣдовъ, что рыжій сыръ Альбіона начинаетъ быть недовольнымъ, начинаетъ ворчать. Прочтите, какъ нападаютъ ежемѣсячные журналы (Magazines) на принца Алберта, лорда Эбердина, сира Чарльса Немира, адмирала Довдаса и на всѣхъ, на которыхъ англійская оппозиція налагаетъ ответственность за нерѣшительность дипломатовъ, за недостатокъ плоскостонныхъ судовъ, за проволочку высылки подкрѣпленій и за немаловажную утрату продовольствія. Журналы эти называютъ 1854 годъ годомъ ошибокъ (mistakes). Претерпи англійскія войска болѣе рѣшительное пораженіе, не одобровать бы господамъ генераламъ и адмираламъ. За сто лѣтъ предъ нами случайная неудача стоила жизни бѣдному адмиралу Бингу. Лордъ Дерби и такъ обвинялъ лорда Реглана, за то, что онъ допустилъ побить свои войска на тошакъ!!! Чортъ возьми, милордъ, отвѣчалъ разбитый полководецъ, — это вина русскихъ; они до того забыли приличія, что постыли насъ передъ завтракомъ. Въ Крыму лордъ Довдасъ, въ Англии лордъ Эбердинъ, сдѣлались жертвами нападеній англійской толпы.

Лорду Эбердину досталось не только отъ своихъ парламентскихъ враговъ, но и отъ журналиста-романтика Диккенса. Въ субботнемъ листкѣ своемъ онъ представилъ высокопочтеннаго лорда въ карриатурѣ, подъ созвучною именованіемъ личностію *Эбди Динъ*, старой женщины-лунатика, которой мечтательная болтовня сбиваетъ съ толку медиковъ, призванныхъ для излеченія этого феноменальнаго недуга.

Одинъ изъ альдермановъ Ситти, при избраніи новаго лорда-мера, предложилъ своимъ товарищамъ подать королевѣ адресъ объ удаленіи изъ кабинета перваго министра. Новый лордъ-меръ не пропустилъ этого адреса, за то и ему досталось отъ Диккенса; журналистъ влагаетъ въ уста мера слѣдующій монологъ:

« Я позволилъ сказать себѣ, — говорилъ лордъ-меръ города Лондона, «оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, послѣ муниципальнаго праздника, и слагая съ себя тяжелую золотую цѣпь, которую лордъ-меръ «носитъ на шеѣ, наравнѣ съ президентомъ королевской академіи художествъ и съ старостами извозничьихъ биржей, — я позволилъ себѣ сказать, — повторилъ лордъ-меръ, глядясь въ зеркало, — я позволилъ сказать себѣ, что я *Humbug*».... По-англійски *Humbug* — олицетворенная мистификація, пошлый фарсъ, смѣшной мнѣ, выраженіе, не переводимое на другіе языки, которое Французы не совсѣмъ вѣрно передаютъ словомъ: *blague, blagueur*, и въ которому приходится примѣнить русскія слова *хвастовство, самохвалъ*. Царствующій лордъ-меръ, г. Мунъ (Moon), былъ прежде продавцемъ картинокъ; понажившись порядочно, онъ старается прослыть артистомъ, выпрямляется во весь свой лилипутскій ростъ и любитъ разглагольствовать какъ *иллюстрированный* ораторъ. Не оскорбительно ли для такого человѣка прозвище *Humbug*! Вотъ какъ въ *дальной и свободной* Англій опозиція и карикатура всегда ищутъ и всегда ловятъ свои жертвы. Весною на пьедесталѣ насмѣшекъ стоялъ принцъ Альбертъ, къ концу года смѣнилъ его лордъ-меръ. Сколько уморительныхъ каламбуровъ сыплется на главу этого дожа квартала Ситти; — *Moon* значитъ по-англійски *луна*.

Не смотря на эту поддѣльную веселость, грустная мысль преобладаетъ въ обществѣ. Въ день Рождества, въ день этого христіанскаго и семейнаго праздника, когда древній обычай Англій созываетъ всѣхъ членовъ семейства за рождественную трапезу, подъ рѣзнымъ сводомъ наслѣдственнаго замка и подъ кровомъ убогой хижины, сколько мѣстъ за вечернимъ столомъ остались незапятами. Имена отсутствующихъ изъ высшаго сословія могутъ дать понятіе, сколько потерь понесли другія сословія. Въ спискѣ убитыхъ помѣщены: Лордъ Фридрихъ Ливесонъ Гоуеръ (*Leveson Gower*), второй сынъ герцога Сотерлендскаго; лордъ В. Ф. Чьютонъ (*W. F. Chewton*), старшій сынъ графа Вальдгрэва (*Waldegrove*); В. Чертерисъ (*W. Charteris*), сынъ графа Вимса (*Wemyss*); лордъ Фитсдживонъ (*Fitzgibbon*), единственный сынъ

графа Клера; полковникъ Девсонъ (Dawson), братъ графа Криморнъ (Cremorne); капитанъ Корнвалльсъ Эллиотъ, (Cornwallis Elliot), сынъ графа Сентъ-Жермена; капитанъ Невиль (Neville), сынъ лорда Байбрукъ (Baybrooke); полковникъ Сеймуръ, внукъ маркиза Гертфорта, (Hertfort), и сотня другихъ офицеровъ, наследниковъ знатныхъ именъ и огромныхъ состояній. Много и дамъ изъ свиты королевы были въ траурныхъ платьяхъ при открытіи парламента.

Но эти семейныя огорченія, какъ мы уже сказали, не мѣшали гастрономическимъ наслажденіямъ Англичанъ въ праздникъ Рождества. Въ этотъ день только больные не объедаются въ Англии; даже бѣднякъ отдастъ послѣдній запасный шиллингъ на рождественскій обѣдъ. Этотъ обычай до того укоренился, что табачная благотворительность Французовъ (*) навела истыхъ сыновъ непасытной Англии на мысль послать своему отряду крымской экспедиціи, въ свѣточный подарокъ, *en guise d'etrennes*, достаточный транспортъ пудинговъ съ цѣлымъ причѣтомъ рождественской транезы, т.-е. съ множествомъ жареныхъ индѣевъ и гусей, пироговъ съ биѣстесомъ (**), разной дичи, варенья, сладкихъ пирожковъ и крепкихъ винъ. Г. Лайардъ (Layard) въ рѣчи своей на засѣданіи нижней палаты, 12 декабря, возсталъ противъ этой эксцентричной благотворительности: «я предупреждаю палату и націю, (ска-
заль онъ), онѣ готовы впасть въ крайность, какъ это имъ не редко случается. Сначала, по непростительной опрометчивости, мы чуть

(*) Французы отѣрпн въ Иллюстраціи подписку на покушку для крымскаго отряда табаку и сигаръ. *Ред.*

(**) *Beefsteacks-cake* или *Beefsteacks-pudding*, общепогребительное блюдо въ Англии, готовится слѣдующимъ образомъ: Ломти говяжьяго филе, сбигые обухомъ повареннаго ножа, свертываютъ въ трубочки, какъ польскіе *zrazy*, съ начинкою фарша изъ филейнаго жира и бѣлаго хлѣба, и вмѣстѣ съ неизбѣжными въ англійской кухнѣ пряностями укладываютъ въ глиняную кастрюлю, вплоть до краевъ. Вѣсто крышн, кастрюля покрывается толстымъ блиномъ изъ густаго тѣста, составленнаго изъ муки и филейнаго растопленнаго жира, безъ примѣси воды. Весь аппаратъ обвязывается салфеткою, оборачивается тѣстомъ къ низу и опускается въ широкую кастрюлю съ горячею водою, гдѣ этотъ мясной пудингъ долженъ вариться не мене шести часовъ. Мисо поспѣваетъ въ своемъ соку, который пропитываетъ и тѣсто. Англичане ѣдятъ и мясо и мучную замазку, увѣряя, что желудокъ легко ее перевариваетъ. Тѣсто это похоже на внутреннее тѣсто обыкновенныхъ паштетовъ; пропитанное сокомъ говядины, оно довольно вкусно, но за гигиеническое его достоинство не ручаюсь.

(Замѣчаніе переводчика для гастрономовъ).

«не уморили наши войска съ голоду, теперь, по совершенно противуположному чувству заботливости, вздумали осыпать ихъ неумѣстными «дарами. Не расточайте деньги ваши въ началъ войны на варенья и «другія лакомства, вовсе излишнія, — погодите, не придется ли еще «вамъ прибѣгнуть ко всевозможнымъ вашимъ средствамъ». Джонъ Буль отвѣчаетъ на это изреченіемъ Вальтеръ-Скотта, что *рождественскій тиръ придаетъ бѣдняку на цѣлый годъ мужества*. Не по этому ли убѣжденію вздумала нація кормить своихъ героевъ пуддингами, и не потому ли англійскія войска побиты подъ Иккерлавомъ, что были на-тощакъ !!

Пуддингъ *спеціальный*, почетный пуддингъ, отправляеть къ г. Росселю (Russel), военному или правильнѣе воинственному корреспонденту журнала *Times*, — въ знакъ *признательности націи*, говорятъ редація этого журнала. Подъ г-мъ Росселемъ убили въ сраженіи лошадь и не разъ русскія ядра засыпали пескомъ свѣжія листы его записокъ. По праву журналиста, онъ дополнялъ *по своему* лаконическіе бюллетени отряда, и многіе журналы прозвали его воставщикомъ крымскихъ утокъ. Но и приувеличенныя похвалы своимъ не спасали его отъ нападеній неугомонныхъ Англичанъ: и его обвиняли они въ пристрастіи къ русскимъ, за каждое письмо, въ которомъ самыя факты вынуждали его отдавать справедливость нашимъ крымскимъ героямъ. Неизлечимая родовая слѣвота Англичанъ мѣшаетъ имъ видѣть доблести и достоинства всякой другой націи. Потѣшный людъ эти Джонъ-Були!

Chaque saison a sa poesie, говорятъ Французы, — каждая эпоха имѣетъ свою литературу. Въ Англій появляются уже записки о Крымѣ, о Варнѣ, о Константинополѣ. Въ *Revue Britanique* хвалятъ книгу капитана Ольдмиксона: *Glanes de Piccadilly à Péra*. Мы хотѣли перевести это заглавіе, но остановились на первомъ словѣ: *Glanes*. Глаголь *glaner* значитъ: собирать колосья, оставшіеся на полѣ жатвы, *glaneur* называется собиратель этихъ колосевъ, а *glanes* — самое собраніе. На хлѣбородной Руси нѣтъ этого, введеннаго голодомъ обычая, — нѣтъ и выраженія, опредѣляющаго однимъ словомъ это *жатвошательство*. Оставимъ заглавіе и поговоримъ о книгѣ: Капитанъ Ольдмиксонъ — это морякъ-брюзга, ворчунъ, одинъ изъ морскихъ волковъ, съ которыхъ драматическіе писатели срисовываютъ типическія личности флотской іерархіи. Едва успѣвъ капитанъ пуститься въ путь, какъ уже озлобился на предшествовавшихъ ему путешественниковъ, провъривъ опытомъ, что всѣ читанныя имъ путешествія, путевыя записки, дорожныя впечатлѣнія и проч. — сущія мисти-фикаціи. Въ Каппаль-

привелъ его въ бѣшенство поданный трактирщикомъ соусъ изъ кроликовъ: капитанъ, надобно знать, терпѣть не можетъ кроликовъ подъ соусомъ. Отправляясь въ Неаполь, онъ надѣялся вдоволь насмотрѣться на Ламартинову Граціаллу. Увы, всѣ дочери рыбаковъ показались капитану безобразны, въ сравненіи съ героиней Ламартина, а одна изъ нихъ совершенно разочаровала его. Онъ увидѣлъ эту удивну за такимъ занятіемъ, которое вселило въ него неодолимое отвращеніе ко всемъ Граціалламъ Неаполя. Усѣвшись на порогъ хижины, дочь грязныхъ лагунъ, уложила къ себѣ на колѣни голову своего маленькаго брата, и съ родственною заботливостію рылась въ спутанныхъ волосахъ запачканнаго мальчишки. Да это невыносимо, воскликнулъ капитанъ, и возненавидя весь родъ человѣческой, пустился въ Константинополь. Тамъ врожденная чувствительность путешественника, такъ предательски оскорбленная людьми, во всей полнотѣ досталась на долю турецкимъ собакамъ. «Бѣдныя, неприютныя псы», восклицаетъ онъ, «какъ достойны они сожалѣнія. Они вовсе не докучливы и по цѣлымъ днямъ спятъ на солнцѣ, подвергая себя опасности быть раздавленными провзажающими. Но Турки осторожны, они жалѣютъ своихъ собакъ, хотя, правду сказать, часто допускаютъ ихъ умирать съ голоду. Наши солдаты не такъ животнoлюбивы, они убиваютъ собакъ для одной потѣхи. Молодые наши офицеры подали имъ этотъ назидательный примѣръ. Недавно одинъ изъ этихъ молодцовъ хвастался, что бьетъ собакъ десятками, а для разнообразія своихъ наслажденій и голубямъ не спускаетъ, къ великому негодованію жителей. — Вотъ характеръ нашей веселости и — нашей нравственности.» По мнѣнію капитана Ольдвиксона, турецкій султанъ лицемеръ (*mistificateur*), *танзиматъ*, конституціоннал шутка (*une farce constitutionnelle*), а турецкія войска — трусливые новобранцы, которыхъ опасно пускать въ дѣло съ Русскими, чтобы не поколебать ихъ вѣры въ преданіе, что кровь Османа течетъ въ ихъ жилахъ.

Мистриссъ Постемсъ, подъ именемъ г-жи Юнгъ, написала: *Путешествіе въ Англійскій лагерь въ Турціи (Our camp and the way to it.)* Мистриссъ Юнгъ сопутствовала, въ качествѣ волонтера, бригадѣ англійскихъ войскъ, сначала въ Галиполи, потомъ въ Варву, и тамъ вела журналъ, въ которомъ живыми красками описываетъ Англичанъ и Французовъ, горныхъ Шотландцевъ и Зуавовъ. Эпидемія заставила ее уплыть въ Мальту. Въ сочиненіи мистриссъ Юнгъ часто просвѣчивается особенное пристрастіе къ военнымъ.

Текерей написалъ на Рождествовскій подарокъ дѣтямъ волшебную

пантомиму: *Роза и перстень*; жалко, что остроумный юморист слишком часто прерывает въ ней простодушнаго рассказчика. Сказка иллюстрирована пятьюдесятью картинками. Чего же желать болѣе для подарка дѣтямъ.

И Диккенсъ заплатилъ дань святочной литературѣ семью рассказами семи бѣдныхъ странниковъ. Рамка напоминаетъ *Странниковъ Кенторберійскихъ* старика Чоусера. Это новая пѣсня на старыи ладъ. Основа каждаго повѣствованія, вообще легкая, приращена слогомъ и формами рассказа, обличающими сословіе, ремесло и самую личность рассказчика, такъ что онъ, и самъ того не зная, становится дѣйствующимъ лицомъ повѣсти. Въ этомъ сочиненіи, ярко замѣтны, (какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Диккенса) пріемъ и сноровка ловкой, опытной руки мастера.

Кипсежъ 1855 года издавъ г-жею Поуэръ (Mrs Power), сестрою леди Блессингтонъ. *Una avulsa non deficit altera*. Мы, впрочемъ, упоминаемъ имя этой царицы красоты для того только, чтобы возвести о появленіи ея посмертныхъ записокъ, сомнительной подлинности.

Знаменитый Барнумъ, подрядчикъ всевозможныхъ успѣховъ въ Америкѣ, издаетъ тамъ въ концѣ января свою автобіографію, въ которой наложено искусство *наживать состояніе*. Услышавъ, что Рашель, чтобы обойтись безъ него, отправила въ Нью-Йоркъ своего брата, Барнумъ думалъ, что не переживетъ этого несчастія, и написалъ свое завѣщаніе въ видѣ автобіографіи.

Ирландскій заговорщикъ Митчелъ прислалъ изъ Соединенныхъ Штатовъ свои Записки, въ которыхъ онъ не скупится на проклятія Великобританіи.

Мы не будемъ толковать о современныхъ поэтахъ Англіи; упомянемъ только имена немногихъ, на главу которыхъ успѣхъ возложилъ блестящій вѣнецъ свой. Мы говоримъ: *немногихъ*, потому что имъ современнымъ англійскимъ поэтамъ — *легіонъ*. Для нихъ есть читатели и почитатели только въ Англіи и Америкѣ. Ни одинъ изъ политическихъ журналовъ цѣлой Европы не помѣщаетъ на своихъ страницахъ стиховъ, но вы найдете ихъ почти во всѣхъ англійскихъ *Magazines* и другихъ повременныхъ изданіяхъ, а не рѣдко и въ газетѣ *Times*. Стихотворенія всевозможныхъ формъ и родовъ: Оды, посланія, сатиры, эпиграмы, авакреовитическія поэмы, философическія размышленія, псалмы, молитвы и гимны, цѣлыми вереницами печатаются въ періодическихъ изданіяхъ. Мудрено ли, что послѣ такого поощренія поэты

пишутъ да пишутъ, и вскорѣ накопляется порядочный запасъ издѣлій воображенія, и находится издатель, меценатъ новой музы. Но большая часть этихъ красивенькихъ книжечекъ, соперницъ кипсековъ по добротѣ бумаги, чистотѣ шрифта и изящной шеголеватости переплета, не слодягъ съ лавочныхъ полокъ, не смотря на покровительство какого-нибудь лорда или знатной леди, которымъ посвященъ трудъ поэта. Маленькая книжка, маленькія стишки и маленький авторъ — буквѣ въ Лету. Изрѣдка однако сильное дѣятельное покровительство, ловкая подготовка въ журналахъ, снисходительная критика или наконецъ дарованіе выдвинуть изъ толпы какихъ-нибудь: *Матью Арнольда*, *Алекс. Смита*, *Енди (Yendis)*, *Жеральда Мессей* и другихъ. Творенія названныхъ нами поэтовъ выдерживаютъ уже четвертое изданіе, и ихъ имена грѣхъ не вписать въ литературную летопись. Но много ли такихъ? А случай кажется хорошъ, чтобы стаять вѣнокъ Тасса. Соперниковъ нѣтъ. На литературномъ небѣ Англии не блеснитъ уже свѣтлая плеяда, звѣзды которой назывались: *Байронъ*, *Вортсвортъ*, *Муръ*, *Сутлей*, *Кемблъ*, *Скоттъ*, *Шелли*, *Китсъ* и проч. Два, пережившіе это поколѣніе: патриархъ *Роджерсъ* и *Вальтеръ Лендоръ*, сами сравниваютъ себя съ престарѣлыми Акастомъ, присутствующимъ съ сномъ Анхиза на играхъ, описанныхъ въ пятой книгѣ Энеиды. Сравненіе тѣмъ вѣрнѣе, что оба милліонеры, и каждый изъ нихъ скорѣе Меценатъ, чѣмъ Гораций или Virgilій. Лавреатъ Алфредъ Теннисонъ замолкъ и безъ зависти смотритъ на успѣхи другихъ.

Въ 1854 году науки и литература въ Англии понесли чувствительныя утраты. Въ теченіи истекшаго года умерли: профессоръ *Вильсонъ*, сотрудникъ *Blackwoods Magazine*; *Джемсъ Монгомери*, поэтъ и журналистъ; *Крофтонъ Крокеръ*, археологъ и даровитый рассказчикъ легендъ; *Каролина Боульсъ*, вторая жена Сутея; *Найтъ Гонтъ* (Knight Hunt), редакторъ *Dayly news*; профессоръ *Эдвардъ Форбсъ*; *Джонъ Джибсонъ Локартъ*, редакторъ *Quarterly Review*, зять Вальтеръ-Скота. Дочь Локарта теперь единственная наследница Абботсфордскаго замка, втой архитектурной поэмы, которую В.-Скоттъ гордился столько же, какъ своимъ Эйвенго и Везерлсемъ. — Этотъ памятникъ справедливѣе можно назвать мавзолеемъ В.-Скота и его зятя, чѣмъ Драйборгское аббатство, гдѣ гробъ Локарта стоитъ теперь рядомъ съ гробомъ великаго поэта.

Увеселеній въ Лондонѣ мало. Обстоятельства перадостны, да и сезонъ лондонскаго веселья лѣтомъ. Съѣздъ членовъ парламента долженъ бы, кажется, оживитъ публичную жизнь, но эти нежданые гости

не лучше *невозможных* гостей для жителей столицы. Постыженіе нѣтъ станетъ въ копейку вѣсѣмъ сословіямъ.

Пока довольно объ Англии. Тамъ Новый годъ почти не праздникъ, общественная жизнь не выходитъ на это время изъ своей обычной колеи, а мы обѣщали читателямъ рассказать, что новаго дѣлается на Новый годъ въ Европѣ. Заглянемъ въ Парижъ; тамошнія новости должны быть веселѣе, тамъ отчизна всѣхъ увеселеній, тамъ зимою сезонъ разгульной жизни, и вѣрво дѣнь Нового года ознаменованъ пирами, балами, публичными увеселеніями.

Ни тутъ-то было. Парижъ на этотъ годъ не веселѣе Лондона. Торговля притихла, на биржѣ маскарадъ постыхъ лицъ, только въ воспомнѣніи населенія замѣтно болѣе движенія, а эта военная дѣятельность, предвѣщая однимъ разлуку, другимъ разстройство семейныхъ дѣлъ, многимъ разореніе, не очень радуетъ жителей, напоминая имъ всѣ бѣдствія войны, въ незабвенное царствование тревожной памяти Наполеона I-го, покойнаго дяди безпокойнаго племянника.

Напрасно ненастье сгоняетъ парижанъ съ публичныхъ гульбищъ, напрасно зима привела за собою темныя суточные ночи: всѣ проводятъ ихъ спокойно, нигдѣ ни звука смычка, ни шума толпы. Всѣ спятъ, какъ будто парижская ночь на то чтобы спать!... Кажется Парижъ позабылъ свою любимую поговорку: *веселье богачей дневной хлѣбъ бѣдняку*. Привыкшая къ баламъ и празднествамъ столичная знать уныло посматриваетъ съ верхней ступени своей соціальной лѣстницы, какъ свояченица *Синей Бороды* съ верху сторожевой башни. «*Не видать ли чего?*» спрашиваютъ жаждущіе новостей журналисты. — *Ничего, совершенно ничего*, отвѣчаетъ блѣдная отъ печали аристократія, и журналисты, повѣся носъ, идутъ составлять программы *предстолицъ* увеселеній или охотиться за Крымскими *утками*, которыя, надобно сказать къ чести этихъ писателей, и имъ самимъ надоть. Имъ впрочемъ не должно бы скучать—они давно уже *плещутъ по чужой дудкѣ*.

Но парижанинъ не можетъ жить въ уединеніи; ему необходимо и себя показать и людей посмотреть. И теперь собираются въ свѣтскихъ салонахъ депутаты—законодатели моднаго общества. Но эти собранія не балы, не пиры, даже не рауты, это — конгрессы, на которыхъ судятъ и рядятъ о восточномъ вопросѣ, ораторы въ чепчикахъ анализируютъ стратегическія и тактическія ошибки своихъ и чужихъ полководцевъ, молодые адепты спорта сочиняютъ планы весенней компаніи,

а журналисты подслушивают эти толки и передают их публикѣ вторымъ изданіемъ, revus, corrigés et augmentés.

Еще одинъ ресурсъ оставался неутѣшной публикѣ, — *une seule planche de salut*, — музыка, но и тутъ зима сыграла съ публикою жестокую шутку. Гриппъ, эта шумная скука, развелся въ цѣломъ Парижѣ. На каждомъ представленіи театра оперы, сборнаго мѣста щеголихъ, *plus ou moins décolletés*, раздаются взрывы *квинтъ и терцій*, не помѣщенныхъ въ партиціи оперы. И не отвяжешься отъ этого несноснаго гриппа: пристаешь къ горлу, да и только.

Журналисты уговариваютъ парижанъ, какъ умѣютъ, веселиться по прежнему. Парижъ, говорятъ они, путешествующій лѣтомъ, проводитъ зиму въ Парижѣ, потому что зимою въ Парижѣ весело. Что если теперешняя скука и на зиму выгонитъ Парижъ изъ Парижа? тогда придется умирать со скуки. А дѣло статочное; много семействъ, привыкши къ душной атмосферѣ баловъ, и предвидя бездушность наступающаго карнавала, отправляются въ Римъ, подъ предлогомъ богомоля, а оттуда пробираются въ Пизу или Ницу подъ видомъ поправленія разстроеннаго здоровья.

Одинъ старинный обычай Нового года устоялъ противъ политической бури, затмившей солнце парижскаго веселья: — это обычай соучениковъ (по нашему одноклассниковъ) собираться въ первые дни Нового года на общій пиръ. Приятно, даже полезно для многихъ товарищей по воспитанію, видѣться другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ. Съ какою радостію встрѣчаются здѣсь школьные пріатели, которыхъ судьба не сводитъ вмѣстѣ на стезѣ жизни. Положеніе ихъ въ свѣтъ, различіе сословій, къ которымъ принадлежать они, или прихоть случая, разлучила ихъ сей-часъ за порогомъ заведеній, гдѣ провели они нѣсколько лѣтъ, и гдѣ часто даровитый сынъ ремесленника стоялъ выше бездарнаго наследника маркиза. На этомъ пиру маркизь подаетъ руку старому товарищу, и съ участіемъ разспрашиваетъ его, не можетъ ли онъ быть ему полезнымъ. Эти связи, сопряженные въ стѣнахъ Наполеонскаго лицея или училища Генриха IV, полезны и прочтѣ связей, сдѣланныхъ въ свѣтъ, основанныхъ на видахъ своскорыстія, на расчетъ взаимныхъ услугъ.

Академія встрѣтила Новый годъ плачевнымъ событіемъ. Смерть похитила еще одного изъ безсмертныхъ сорока членовъ академіи. Теперь ихъ только тридцать шесть. Бауръ-Дорміанъ скончался восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Теперь въ академіи приходится пять торжественныхъ собраній: два введенія (*reception*) и три выбора. Вседельно

будутъ избранные по баллотировкѣ гг. де Саси и Берье; вакантные мѣста остались по смерти гг. Ансело, Сентъ-Олера и Бауръ Лорміана.

Поконный Бауръ-Лорміанъ назывался прежде просто Бауръ, по находя, что для поэта это имя не довольно звучно, онъ прибавилъ къ своей фамилии *Lormian*, по названію помѣстья. Это дополненіе подало поводъ къ множеству эпиграммъ, на которыя поэтъ - сатирикъ часто отвѣчалъ своему сопернику Лебрену. Вотъ одна изъ такихъ переписокъ :

Лебренъ написалъ : *Bien n'est si lent, si lourd*
 : *Que Monsieur Lormian-Baour ;*
 : *Rien n'est si lourd, si lent ,*
 : *Que Monsieur Baour-Lormian.*

Г. Бауръ отвѣчалъ : *Lebrun de gloire se nourrit,*
 : *Aussi voyez comme il maigrit.*

Лебренъ возразилъ : *Sottise entretient la santé,*
 : *Baour s'est toujours bien porté.*

Перестрѣлка эта шла нѣсколько лѣтъ. Литературныя лавры Баура-Лорміана пѣли во времена первой имперіи. Онъ переложилъ поэму Оссіана, за что былъ избранъ въ академію. Наполеонъ любилъ читать этотъ вольный переводъ скандинавскаго барда. Бауръ написалъ также трагедію *Омазисъ, или Иосифъ въ Египтѣ*, (за которую Наполеонъ щедро наградилъ его) и другую трагедію — *Магометъ II*, которая не имѣла успѣха. Онъ перевелъ *Освобожденный Иерусалимъ* и издалъ нѣсколько томовъ сатиръ и мелкихъ стихотвореній. Въ этой книгѣ вдохновеніемъ его была безграничная преданность къ Наполеону. Въ первую реставрацію онъ устранился всякихъ сношеній съ фамиліею Бурбоновъ, за что Наполеонъ, во время ста дней, посадилъ его въ академическія кресла, остававшіяся пустыми по смерти кавалера Буфлера. Когда Людовикъ XVIII снова возвратился, онъ утвердилъ выборъ Баура-Лорміана, и благодарный поэтъ изъявилъ свою признательность въ посланіяхъ къ королю. Онъ написалъ также поэму на коронаваніе Карла X. Полагають, что на мѣсто его будетъ избранъ Эмиль Ожье или Жюль Сандо.

Смерть Леона Фоше, также члена академіи и бывшаго министра, искренно опечалила и его товарищей по музѣ, и сподвижниковъ его на поприщѣ государственнаго управленія.

Литература, родственники, друзья и говорящіе столы также понесли невозвратимую потерю въ лицѣ г. Виктора Генекена, адвоката и бывшаго редактора журнала *Мирная Демократія*, сына знаменитаго

адвоката время реставраціи. Г. Викторъ Генекенъ, предрасположен- ный экзальтаціею реформаціонныхъ идей, былъ одною изъ замѣчатель- нѣйшихъ жертвъ эпидеміи голодвиженія и столбизмія. Жена его, раздѣлявшая его уединеніе и его вѣрованія, первая почувствовала помѣ- шательство умственныхъ способностей. Супругъ несчастной вскоре постигнуть былъ тѣмъ же недугомъ и написалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Sauvons le genre humain*. Судьба по своему поняла это воззваніе, и смерть г-на Генекена спасла родъ человѣческой отъ дальнѣйшихъ утопій помѣшаннаго мыслителя.

Рѣчи *Кобдена* и *Брайта* въ нижней палатѣ англійскаго парламента надвѣвали много шума въ Парижѣ. Доводы *Кобдена* о неправотѣ и бесполезности войны, начатой союзными державами, такъ ясны, что самые ревностные приверженцы правительства не находятъ что возра- жать противъ нихъ. 5 я статья трактата 2-го декабря также тревожить умы воинственной партіи, а билль, разрешающей заемъ чужеземнаго ле- гіона, обличая недостатокъ войска въ Англии, значительно усилилъ во Франціи партію мира. Молодежь высшаго сословія Франціи рѣшилась пристыдить осторожныхъ Англичанъ. Корифеи французскаго спорта намѣрены весною лично отправиться въ Крымъ показать свою удалъ. Эта фаланга будетъ составлена, по выраженію Французовъ, изъ *сли- вокъ* аристократіи. Пасъмъшники увѣряютъ, что *cette crème de la noblesse, qui va guerroyer en Crimée, peut bien revenir crème fouetée dans ses foyers*. «Si elle y revient,» прибавимъ мы.

Не смотря на такое непріязненное расположеніе парижанъ къ увесе- леніямъ, карнавалъ, изгнанный изъ салоновъ общества, силою втор- гается въ залу оперы. Въ этомъ году бальнымъ оркестромъ оперы будетъ дирижировать г. Штраусъ, достойный пресмникъ Мюзара.

О театрахъ поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ. Теперь любимыя пьесы парижской публики: *l'Ecole des agneaux* г-на Дюмануаръ, и *Chapeau de l'horloger* г-жи Жирарденъ, милая, уморительная шутка.

И. П.—ИЖ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 2.

ЯНВАРЬ.

Кн. 2.

ВОСПОМИНАНИЕ

О ДОМОЩОВЪ,

сочиненное Академикомъ М. П. Погодинымъ, для произнесенія въ торжественномъ столѣтнемъ собраніи Московскаго Университета, 12-го января 1855 года.

Есть имя, которому Университетъ Московскій, празднуя свое столѣтіе, обязанъ въ особенности воздать торжественно подобающую честь. Это первоначальникъ отечественной науки, славный сѣятель просвѣщенія, естествоиспытатель, химикъ, физикъ, географъ, металлургъ, историкъ, филологъ, прозаикъ, поэтъ, — тотъ, кто въ умственной области поднялъ одинъ на могучія плеча свои преобразовательное дѣло Петра Великаго, кто посвятилъ всю жизнь свою наукамъ, боролся до послѣдняго истощенія силъ съ ихъ противниками, защищалъ ихъ святое дѣло предъ кѣмъ было нужно, употреблялъ все усилія для распространенія ихъ въ Отечество, воздѣлывалъ одинаково все отрасли знанія, вездѣ оказалъ блистательные успѣхи и сдѣлалъ славныя открытія, вездѣ представилъ образцы и указалъ путь надолго своимъ преемни-

камь, далъ почувствовать впервые прелесть роднаго языка, извлечь изъ него неслыханные дотоле звуки, открылъ новый міръ наслажденій высокиихъ и прекрасныхъ, привелъ въ восторгъ нѣсколько поколѣній, и повелъ этотъ славный хоръ дѣателей мысли и слова, которыми гордится по праву Отечество, которые составляютъ чистѣйшую его славу, — тотъ, наконецъ, кому принадлежитъ начальный чертежъ Московскаго Университета, кто обрадовался прежде всѣхъ высокою радостію его благодѣтельному для Отечества учрежденію, кто доставилъ ему первыхъ наставниковъ Русскихъ, своихъ воспитанниковъ, нашихъ прародителей, кто предсказалъ его будущую, — теперь уже настоящую славу...

Милостивые Государи! Это имя перелетаетъ уже вѣрно по вашимъ устамъ, и сердце ваше благоговѣнно бьется въ нетерпѣливомъ ожиданіи, чтобъ я прекратилъ скорѣе исчисленіе заслугъ и достоинствъ, дѣйствительно безчисленныхъ, и произнесъ скорѣе, во всеуслышаніе, это славное, это драгоцѣнное, это священное въ отечественныхъ лѣтописяхъ имя, которымъ лучше, яснѣе и сильнѣе выразится все мною сказанное, и не сказанное, — несказанное.

Ломоносову, Ломоносову, должны мы нынѣ воздать подобающую ему честь!

Ломоносовъ принадлежитъ всей Россіи, всему Отечеству, но въ особенности принадлежитъ онъ Петербургской Академіи Наукъ, гдѣ онъ служилъ, и Московскому Университету, въ основаніи котораго принималъ дѣятельное, непосредственное участіе.

Есть еще живая, родственная связь между Ломоносовымъ и Университетомъ — настоящее Русское слово, которое онъ установилъ, которое воздѣлать и возрастить досталось послѣ него Московскому Университету.

Отъ лица Академіи и Университета, принадлежа имъ вмѣстѣ, буду я говорить о знаменитѣйшемъ Русскомъ Академикѣ и Русскомъ Профессорѣ.

Мы все знаем наизусть жизнь Ломоносова, но есть какое-то особенное удовольствіе припомнить ее всемъ вмѣстѣ, здѣсь, въ стѣнахъ Московскаго Университета, на свѣтломъ праздникѣ науки, предъ лицомъ достойнѣйшихъ ея представителей и почитателей, — есть какое-то особенное удовольствіе повторить въ мысляхъ послѣдовательно все степени восхожденія великаго мужа отъ силы въ силу, принять участіе біеніемъ своего сердца во всехъ ея превратностяхъ, и въ заключеніе единодушно и единоголосно принести усердную, искреннюю, глубокую дань хвалы и благодарности ему, общему нашему отцу и первоначальнику.

Назидательную картину открываетъ намъ жизнь Ломоносова, представляя его въ борьбѣ со всеми возможными препятствіями на пути, и съ полною побѣдою, хотя, прибавимъ съ глубокимъ вздохомъ, и послѣ смерти. Это вмѣстѣ и чудная картина, — одно изъ самыхъ разительныхъ явленій въ нашей исторіи, обильной чудесами!

Кому могло впасть на умъ, кто могъ когда-нибудь вообразить, чтобъ продолжать дѣло Петрова въ области самой высокой, преобразовать родной языкъ и посадить Европейскую науку на Русской почвѣ, предоставлено было судьбою простому крестьянину, который родился въ курной избѣ, тамъ, тамъ, далеко, въ странѣ снѣговъ и мятелей, у края обитаемой земли, на берегахъ Бѣлаго моря; который до семнадцати-лѣтняго возраста занимался постоянно одною рыбною ловлею, увлекся на нѣсколько времени въ нѣдра злѣйшаго раскола, и былъ почти створень уже съ невестою изъ соседней деревни!

Даровитый юноша, плавая по открытому морю, въ утломъ челнѣ, самъ-другъ съ отцемъ, даже до близости къ полюсу, види звездное небо, разстлавшееся въ продолженіи безконечныхъ сѣверныхъ ночей необозримымъ шатромъ надъ его головою, озаряясь внезапно сѣверными сіяніями, подвергаясь непрерывнымъ опасностямъ бурь и вѣтровъ, находясь часто въ близкомъ соприкосновеніи съ смертію, даровитый юноша началъ рано, безъ сомнѣнія, волноваться сердцемъ, рано все умственные способности его пришли въ движеніе, и въ воспри-

★

имчивой душѣ его, пораженнойъ безпрестанно чудными явленіями природы, возбудилось любопытство, возникли плодотворные вопросы: отчего, для чего, почему? Рано послышался ему внутренней, таинственный голосъ:

Отрокъ! оставь рыбака!

Мрежи нынѣ тебя ожидаютъ, нынѣ заботы.

Будешь умы уловлять; будешь помощникъ Царямъ.

Не станемъ входить теперь въ разсужденіе о непостижимомъ влеченіи, и перескажемъ главныя событія его жизни въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Ломоносовъ выучился грамотѣ украдкою отъ злой мачихи у сельскаго дьячка. Случайно увидѣлъ онъ у сосѣда двѣ книги: Грамматику М. Смотрицкаго и Ариметику Л. Магницкаго; принялся читать ихъ и перечитывать съ глубочайшимъ вниманіемъ, и если не могъ выразумѣть вполне безъ руководства, то получилъ понятіе о какихъ-то правцахъ. Онъ называлъ послѣ эти книги вратами своей учености,—но самое сильное дѣйствіе произвела на него Псалтирь Симеона Полоцкаго, переложенная въ стихи. Воображеніе его было такъ поражено симфоніею риѣмъ и единобѣрностью слоговъ, что искусство стихотворное представилось ему сверхъестественнымъ даромъ. Онъ спрашивалъ, кто этотъ Симеонъ Полоцкій, и гдѣ можно научиться его очаровательному искусству. Симеона Полоцкаго нѣтъ уже на свѣтъ, получилъ онъ себя въ отвѣтъ, искусству его научиться нигдѣ нельзя, кромѣ Москвы и Кіева, а источникъ всѣхъ знаній заключается въ Латинскомъ языкѣ.

И семнадцати-лѣтній рыбакъ, среди приготовленій къ своей свадьбѣ, рѣшился бѣжать изъ отеческаго дома, достигъ Москвы, во что бы то ни стало, и предаться тамъ ученію....

Черезъ его деревню проходитъ обозъ съ мороженою рыбою. Ломоносовъ вздумалъ къ нему пристать, чтобъ вернуться и безопаснѣе совершить вмѣстѣ дальній и неизвѣстный путь. Слѣдующею ночью, когда всѣ въ домѣ спали, всталъ онъ, одѣлся въ нагольный тулупъ, и съ двумя книгами, единственными своими драгоценностями, пустился догонять будущихъ путеводителей. Бѣжа безъ отдыха, онъ догналъ

ихъ уже на третій день, въ осьмидесяти верстахъ отъ дому, и выпросилъ у прикащика позволеніе ему сопутствовать

Тысячу верстъ прошелъ онъ съ обозомъ пѣшкомъ, терпя голодь и холодъ, — и вотъ, чрезъ три недѣли такого труднаго странствія, засвѣтились предъ нимъ золотыя главы бѣлокаменной Москвы.

Какъ забилось его юное, пылкое сердце! Онъ достигъ своей цѣли, онъ въ Москвѣ, онъ счастливъ!

Обозъ остановился ночевать на торговой площади. Ломоносовъ, утомленный дорогою, взволнованный разнообразными чувствами, погрузился въ глубокой сонъ подъ открытымъ небомъ, въ морозную ночь, на возу съ рыбою.

Золотые сны представились вѣрно его юному, пылкому воображенію!

Миновала ночь. Разсвѣтаетъ. Петербѣливый юноша проснулся прежде всѣхъ, — и золотые сны смѣнились ужасною дѣйствительностію. Онъ опомнился и увидѣлъ всю беспомощность своего положенія. Куда ему дѣться, къ кому обратиться? Онъ никого не знаетъ, и у него ничего нѣтъ. Несчастный облился горькими слезами, палъ на колѣни, и обращая глаза къ ближней церкви, молилъ Бога, чтобъ его призрѣлъ и помиловалъ.

Горячая молитва была услышана!

Начинаетъ народъ собираться на площадь. Приходитъ какой-то дворецкій къ обозу, родомъ изъ ихъ стороны, узнаетъ о намѣреніяхъ молодаго челоуька, и приглашаетъ жить пока у себя, съ дворовыми людьми.

У дворецкаго былъ знакомый монахъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, при которомъ находилась Славяно-Греко-Латинская Академія. Къ нему обратился добрый челоуькъ съ просьбою помѣститъ земляка въ училище. Монахъ взялся хлопотать, но встрѣтилось тотчасъ затрудненіе: въ училище не принимались состоявшіе въ подушномъ окладѣ; смѣлый Ломоносовъ назвался дворяниномъ, и былъ принятъ, оставаясь въ услуженіи у монаха.

На осьмнадцатомъ году отъ роду садится онъ за Латинскую азбуку. Семинаристы смѣются надъ нимъ, указывая пальцами: вотъ какой болванъ пришелъ учиться по-латинѣ. Но этотъ болванъ молчитъ, сидитъ, твердитъ склоненія, твердитъ спряженія, учитъ синтаксисъ, и чрезъ годъ пріобрѣтаетъ такія познанія въ Латинскомъ языкѣ, что сочиняетъ краткіе стихи. Онъ начинаетъ учиться по-гречески, получаетъ доступъ къ Семинарской библіотекѣ и перечитываетъ въ свободное отъ классовъ время всѣ бывшія тамъ книги, богословскія, философскія, историческія. Три копейки получалъ онъ въ день жалованья, изъ коихъ одну денежку употреблялъ, по собственнымъ словамъ его, на хлѣбъ, другую на квасъ, а остальное на бумагу, обувь и другія потребности.

Наконецъ попадаютъ ему нѣкоторыя книги физическія и математическія, которыя привлекаютъ его вниманіе, занимаютъ его гораздо болѣе богословской схоластики, и возобновляютъ въ душѣ его прежніе вопросы съ болѣею силою. Но разрѣшить ихъ въ Академіи было некому, и онъ испрашиваетъ позволенія отправиться въ Кіевъ, откуда были родомъ всѣ Московскіе учителя, надѣясь тамъ удовлетворить свое ненасытное любопытство.

Въ Кіевъ господствуютъ одни словопренія изъ непонятой Аристотелевой философіи, и онъ, пробывъ тамъ меньше года, возвращается въ Москву въ 1734 году.

Къ счастью его, поступаетъ въ Заиконоспасское училище изъ Петербургской Академіи Паукъ требованіе прислать нѣсколько семинаристовъ, знающихъ Латинскій языкъ, для занятія физикою и математикою у тамошнихъ Профессоровъ. Какого случая желать ему лучше. Онъ приступаетъ къ Ректору съ просьбою объ отправленіи его въ Петербургъ. Прежнія затрудненія возобновились. Знаменитый Теофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій, совѣтникъ Петра Великаго, беретъ его подъ свое покровительство. Отличные люди узнаютъ скоро другъ друга и любятъ подавать себѣ взаимную помощь. «Не бойся ничего, сказалъ Теофанъ Ломоносову, хотя бъ со звономъ въ большой соборной колоколъ объявля-

ли тебя самозванцемъ, я твой защитникъ!» При его содѣйствіи Ломоносовъ былъ отправленъ въ Петербургскую Академію Наукъ. Ему было уже 24 года.

Въ Петербургъ съ одинакимъ рвеніемъ принялся онъ за Нѣмецкій языкъ и естественныя науки. Въ короткое время, при своихъ приготовительныхъ знаніяхъ, онъ оказалъ такіе успѣхи, что академическое начальство рѣшило, для усовершенствованія, послать его въ чужіе края, въ концѣ 1736 года, — и вотъ онъ въ Марбургъ, на лекціяхъ у славнаго философа и математика того времени, ученика Лейбница, Вольфа.

Здѣсь открылся для его любознательности новый міръ. Съ лекціи на лекцію, изъ бесѣды въ бесѣду, отъ книги къ книгѣ, онъ хваталъ познанія жаднымъ умомъ своимъ, слушалъ, смотрѣлъ, наблюдалъ, читалъ, разспрашивалъ, бесѣдовалъ, разсуждалъ....

Пять лѣтъ прожилъ онъ въ Германіи, и благодаря гениальнымъ своимъ способностямъ, трудолюбію и дѣятельности, узналъ все, что узнать было можно, овладѣлъ современною наукою, и почувствовалъ, что можетъ самъ идти еще далѣе по узанному пути, можетъ повести за собою своихъ соотечественниковъ, можетъ учредить науку въ Россіи, въ любезномъ своемъ отечествѣ.

Въ свободное отъ важныхъ, трудныхъ занятій время, какъ бы для отдохновенія, онъ любилъ заниматься изящною словесностію, слушалъ пѣсни, читалъ нѣмецкія стихотворенія, особенно Гюнтеровы, и возымѣлъ мысль подражать ему на Русскомъ языкѣ, его размѣромъ, тоническимъ, а не силлабическимъ, какой употребляли дотолѣ въ нашемъ стихосложеніи.

Первымъ его опытомъ былъ переводъ Фенелоновой оды, теперь только-что открытый нашею Академіею и принесенный въ даръ Университету. За переводомъ послѣдовала, въ 1739 году, ода на взятіе Хотина, которая до сихъ поръ считалась исходною точкою Русской словесности:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
 Ведеть на верхъ горы высокой,
 Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣтъ забытъ,
 Въ долину тишины глубокой.

Въ Петербургъ всѣ, ученые и неученые, удивились новому языку, читали и перечитывали оду и не вѣрили ушамъ своимъ, тотъ ли употребленъ былъ поэтось языкъ, которымъ всѣ они говорили и писали. При дворѣ Императрицы Анны ода произвела неописанное дѣйствіе. И не могло быть иначе—Ломоносовскій языкъ, въ сравненіи съ языкомъ его современниковъ, напр. Кантемира, Тредьяковскаго, представляетъ чудное явленіе, какого не имѣетъ ни одна Европейская словесность, древняя и новая (*).

Между тѣмъ, живя въ Германіи, получая безпорядочно жалованье, женившись по любви на дочери своего хозяина въ Марбургъ, не имѣя средствъ содержать семейство, можетъ быть не умѣя соразмѣрять свои расходы съ доходами, Ломоносовъ, уже основатель Русской словесности, впалъ въ неоплатные долги, обвинялъ и дошелъ до отчаяннаго положенія. Въ крайности рѣшился онъ уйти тайно въ Россію, оставивъ семейство въ Марбургъ.

На пути въ Голландію, онъ попался было къ Прусскимъ вербовщикамъ, которые насильно надѣли на него военный мундиръ, и только благодаря своей смѣлости, предприимчивости, присутствію духа, онъ успѣлъ спастись и избѣгнуть

(*) Кантемиръ, 1730 г.
 въ посланіи къ Теофану.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
 Знаю, конечно достоинъ ты славы:
 Да почтожь было имя укривати?
 Знать страшны тебѣ сильныхъ глупцевъ
 нравы.
 Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ три-
 краты.
 Благо, что далъ Богъ умъ тебѣ толь
 здравый;
 Пусть, весь міръ будетъ на тебя гнѣ-
 ливый,
 Ты и безъ шастія довольно шастливый.

Тредьяковскій,
 въ одѣ 1734 года.

Кое страшное пѣанство
 Къ пѣнію мой гласъ бодрить.
 Вы, Парнасское убранство,
 Музы! умъ не вась ли зрять?
 Струны ваша сладкогласны,
 Мѣру, лики слышу красны,
 Пламень въ мысляхъ возстае, и проч.

погони изъ крѣпости, гдѣ раздался уже выстрѣлъ, возвѣщавшій его бѣгство.

Судьба хранила его для великихъ дѣлъ, для славы Россіи!

Плывя на корабль по Балтійскому морю, онъ увидѣлъ сонъ знаменательный, служащій доказательствомъ силъ, еще неизвѣданныхъ, души вообще, и его чуткой, вѣщей души въ особенности.

Онъ увидѣлъ во снѣ бурю, крушеніе, и тѣло потонувшаго отца, выброшенное на пустынный, необитаемый островъ. Сонъ встревожилъ Ломоносова, и первую заботою его, по возвращеніи въ Петербургъ, было гадаться объ отцѣ. Ему отвѣчали, что отецъ его еще осенью отправился на рыбную ловлю и съ тѣхъ поръ не возвращался, почему и полагають дома, что съ нимъ случилось несчастіе. Ломоносовъ описываетъ по памяти островъ, видѣнный имъ во снѣ, со всеми признаками и во всѣхъ подробностяхъ, и рыбаки отыскивають его по описанію, находятъ тамъ тѣло отца и предають землѣ.

Сообщенное извѣстіе успокоило Ломоносова, который до тѣхъ поръ былъ съѣдаемъ какою-то тайною печалію, и теперь обратился къ своимъ занятіямъ съ прежнимъ рвеніемъ.

Начинается новый періодъ въ жизни Ломоносова.

Прежде всего на него возложено было приведеніе въ порядокъ минералогическаго музея въ Академіи, за которое получилъ онъ званіе Адъюнкта.

Первые голы употреблены были на приготовительныя занятія по любимымъ его наукамъ, преимущественно химіи: онъ началъ читать лекціи, устроилъ лабораторіи, произвелъ множество опытовъ, — между тѣмъ сочинилъ новую оду на возвращеніе Императрицы Елисаветы изъ Москвы послѣ коронаціи, оду, которая и по предмету, и по красотѣ языка, и по искусству стихосложенія, принята была еще съ болѣе шимъ восхищеніемъ, нежели первая.

Шуваловъ, принявшій Ломоносова подъ свое покровительство, совѣтовалъ ему, для высшаго успѣха въ словесности, оставить упражненія въ физикѣ и химіи. Ломоносовъ

отвѣчалъ, что «въ томъ нѣтъ ни нужды, ни возможности, по причинѣ его пристрастія къ симъ наукамъ, и что онъ ежедневно служатъ ему вмѣсто успокоенія. Потерять бесплодно всѣ мои великіе химическіе труды, въ которыхъ я три года упражнялся, будетъ мнѣ несносное мученіе.»

Въ 1746 году начальство Академіи удостовѣрилось въ его познаніяхъ и трудахъ. Ломоносовъ былъ облеченъ званіемъ Профессора химіи, и съ этого почти времени начинается изданіе и обнародованіе его знаменитыхъ трудовъ, слѣдовавшихъ одни за другими съ изумительною быстротою.

Въ 1748 г. издалъ онъ Риторику.

1749 — Похвальное слово Императрицѣ Елисаветѣ.

1751 — Слово о пользѣ Химіи.

1752 — Посланіе о пользѣ стекла. Къ этому же году относится и учрежденіе имъ мозаической фабрики.

1753 — Разсужденіе объ электричествѣ.

1754 — Русскую Грамматику. Въ томъ же году написалъ онъ Русскую Исторію до кончины Ярослава, и кончилъ мозаическую картину Полтавскаго сраженія.

1755 — Похвальное слово Императору Петру Великому.

1756 — Слово о происхожденіи свѣта.

1757 — Слово о рожденіи металловъ.

1758 — Собраніе сочиненій.

1759 — Разсужденіе о большой точности морскаго пути.

1760 — Двѣ пѣсни героической поэмы «Петръ Великій», и краткій Русскій лѣтописецъ.

1761 — Наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры, и разсужденіе о разныхъ предметахъ государственнаго управленія.

1762 — Проектъ о возможности отъ о. Шпицбергена проѣхать по Сѣверному Океану въ Восточное море.

1763 — Металлургію.

1764 — Трагедіи: «Демофонтъ» и «Тамира и Селимъ».

1765, апрѣля 4-го, скончался.

Великолѣпный списокъ!

Вы можете судить сами, Милостивые Государи, сколько трудовъ надо было положить на каждое изъ этихъ сочиненій, и могли ли они ограничиться только годомъ ихъ изданія. Приведу вамъ въ примѣръ: грамматику, первую Русскую грамматику, гдѣ Ломоносовъ долженъ былъ сотворить все, отыскать правила, привести ихъ въ порядокъ, провѣрить одни другими, подтвердить доказательствами, собрать исключенія.

Риторику, гдѣ онъ долженъ былъ найти примѣры въ языкахъ древнихъ и новыхъ, перевести ихъ на Русскій языкъ, и направить къ своей цѣли.

Русскую Исторію, гдѣ онъ долженъ былъ перечестъ источники, сравнить между собою, вывести заключенія, и придумать особый слогъ.

Похвальныя слова, гдѣ онъ употребилъ также новый языкъ, и гдѣ каждый періодъ требовалъ труда на свое построеніе.

Напомню вамъ начало слова въ честь основательницы Московскаго Университета, Императрицы Елисаветы, чтобы дать понятіе о гармоніи его языка:

«Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ которой подъ благословенною державою Всемиловивѣйшія Государины наша покоящіеся многочисленныя народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолъ возшествіи, возможно было намъ, радостно восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца непрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселлся, когда бы мы себя чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ сслахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ

военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися берегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верьхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію прспоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разные племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемиловѣйшею своею Самодержницею хвалятся.

А разсужденія, относящіяся къ естественнымъ наукамъ, имѣвшія судьбами весь ученый Европейскій міръ? Сколько опытовъ предполагалось каждымъ изъ нихъ? (*) «Разсужденія

(*) Представлю здѣсь письмо Ломоносова къ Шувалову, которое можетъ подать объ нихъ понятіе, и вмѣстѣ, одно можетъ замѣнить цѣлое ему похвальное слово.

«Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ тоже самое время. Сего Іюля въ 26 число, въ первомъ часу по полудни, поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ, безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойной профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынуть, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь открылъ человекъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхъ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и ми-

Ломоносова свидетельствуютъ объ его глубокихъ свѣдѣнiяхъ въ наукахъ естественныхъ, и представляютъ открытiя, коимъ Европа удивлялась у Франклина и Румфорда, и чрезъ полстолѣтiе почти получила въ сочиненiяхъ Араго и Гумбольдта! Такъ судить о немъ одинъ изъ достойнѣйшихъ ученыхъ (*).

нужная въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласiе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лице, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференцiи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линiи съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красно-вишнеевое пятно видно, на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожонъ. Мы старались движенiе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отворотить можно; однако на шесть съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько захочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертiю, исполняя по своей профессii должность. Память его никогда не умолкнетъ; но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастiи плачутъ. Того ради, Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго профессора до смерти своей пропитанiе имѣла; и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивый Государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣянiе Господь Богъ васъ наградить, и я буду больше почитать нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенiя наукъ, всепокорнѣйше прошу милость науки и

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Санктпетербургъ. 26 Июля, 1753 года.

(*) Д. М. Перевощиковъ.

Производя такіе опыты, издавая такія сочиненія, Ломоносовъ въ то же время читалъ лекціи, управлялъ гимназіей, писалъ проекты объ академіяхъ, университетахъ, гимназіяхъ, путешествіяхъ, изданіяхъ газетъ, атласовъ, снаряжалъ ученые экспедиціи, давалъ имъ инструкціи, отвѣчалъ на всѣ возраженія, писалъ стихи на примѣчательныя происшествія, сочинялъ надписи къ фейерверкамъ, любимому удовольствію того времени, надписи къ разнымъ аллегорическимъ и историческимъ произведеніямъ, сочинялъ оды.

Я приведу здѣсь одну строфу изъ оды на рожденіе В. К. Павла Петровича, строфу, которая представляетъ еще другую занимательность, ибо ее можно приложить къ современнымъ нашимъ обстоятельствамъ:

Когда взираемъ мы къ Востоку,
 Когда посмотримъ мы на Югъ,

 Тамъ вдругъ облегъ драконъ ужасный
 Мѣста святы, мѣста прекрасны,
 И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
 Весь свѣтъ чудовища страшится,
 Единъ лишь смѣло устремится
 Россійскій можетъ Геркулесъ.
 Единъ сто острыхъ жалъ притупить
 И множествомъ низвержетъ ранъ,
 Единъ на сто головъ наступить,
 Возтавить вольность многихъ странъ!

Но какъ ни многообразны были его труды, какъ ни велики и значительны были сочиненія, какого напряженія умственныхъ силъ они ни требовали, они не утомляли его много: въ мысляхъ всегда было у него обиліе, плодovitый его умъ служилъ ему неизсякаемымъ источникомъ; въ словахъ — еще менѣе онъ могъ имѣть недостатокъ: они текли неудержимымъ потокомъ съ златыхъ его устъ. Ученые труды не значили ему ничего въ сравненіи съ тѣми душевными пытками, кои долженъ былъ испытывать Ломоносовъ для изданія въ свѣтъ своихъ сочиненій, для приведенія своихъ мыслей въ исполненіе.

Посредственность, бездарность, пошлость, эта охота смертная при участи горькой, врагъ всѣхъ дарованій, гонитель всѣхъ людей отличныхъ, ознаменованныхъ печатію неба, бросились на Ломоносова съ ожесточеннымъ неистовствомъ при первомъ вступленіи его на поприще, и продолжали терзать его славное чело во всю остальную жизнь даже до смерти.

Несчастія первыхъ лѣтъ его жизни, побои за охоту къ грамотѣ отъ невѣжественныхъ родственниковъ во время его дѣтства, насмѣшки легкомысленныхъ товарищей во время его молодости, нужда и нищета въ чужихъ краяхъ во время его мужества, были цвѣтами въ сравненіи съ тѣми колючими терніями, которыми усыпалась его общественная дѣятельность отъ товарищей по ремеслу, отъ невѣждъ ученыхъ, полуученыхъ, и неученыхъ, отъ завистниковъ, клеветниковъ, соперниковъ, этихъ умственныхъ Сальери, которые ужаснѣе всѣхъ враговъ на свѣтъ. Никто не можетъ вообразить, никакая химія не можетъ составить того яда, которымъ они напаяютъ свой смертоносныя стрѣлы. Самъ злой духъ имъ помогаетъ, — чтобъ раздражать челоуѣка отличнаго, челоуѣка дѣйствующаго, выводить его изъ терпѣнія, и увлекать къ крайностямъ.

Прибавимъ, что Нѣмецкій элементъ Академіи того времени, впрочемъ очень достойный, вошелъ здѣсь первый разъ въ соприкосновеніе съ Русскою природою. Столкновение было сильное.

А съ другой стороны стихотворцы съ оскорбленнымъ самолюбіемъ. О, какое страшное ополченіе!

Ломоносовъ не унывалъ и боролся съ своими противниками во всю жизнь, спорилъ, жаловался, просилъ, умолялъ, плакалъ, смѣялся, ругалъ, оправдывался, и между тѣмъ работалъ, работалъ, — и не оглядывался вспять отъ того рала, которое дано было свыше въ его руку. Наука была для него всегда выше всего. Распространеніе ея въ отечествѣ любезнѣе всего. Русская слава дороже всего!

Я могъ бы привести теперь множество мѣстъ изъ его откровенныхъ писемъ и сочиненій, изъ коихъ увидѣли бы вы въ полномъ блескѣ его высокія мысли и чувствованія, его благородныя желанія и надежды, но время не позволяетъ мнѣ излагать ихъ въ подробности.

Довольно вспомнить послѣднія его слова предъ кончиною, сказанныя Штелину: «я умираю, товарищъ, и на смерть взираю равнодушно; но сожалею о томъ, чего не успѣлъ совершить для славы Отечества и Академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнуть вмѣстѣ со мною».

Утѣшься, тѣнь священная! Твои намѣренія, твои мысли, твои сѣмена не исчезли, онѣ живутъ, и даютъ жизнь. Русская словесность, тобою насажденная, красуется плодами блистательными; Московскій Университетъ, тобою предначертанный, празднуетъ нынѣ уже свое столѣтіе, обильное заслугами, и произноситъ тебѣ, въ сію священную минуту, на радостномъ своемъ праздникѣ, осчастливленный словомъ Царскаго благоволенія, — вмѣстѣ съ Петербургскою Академіею Наукъ, вмѣстѣ со всеми друзьями отечественнаго просвѣщенія, здѣсь присутствующими и отсутствующими, изъ глубины сердца, свою усерднѣйшую благодарственную *вѣчную память*.

ХРИСТИАНЕ ВЪ СИРИИ.

Уже отъ самой Антиохіи начинается подъемъ въ горы, по волнистому хребту, обещающій совершенно иную мѣстность и другихъ обитателей, нежели цвѣтущая, но пустынная долина Оронта: и дѣйствительно, горные гребни, прорѣзываемые долинами и вдающіеся узкими мысами съ одной стороны въ Средиземное море, а съ другой въ Аравійскую степь, населены разными племенами, враждебными другъ-другу по религіи и по характеру. Побережье Средиземнаго моря усыяно небольшими торговыми городами, въ которыхъ встрѣчается довольно Европейцевъ, въ особенности Левантинцевъ; въ горахъ и долинахъ живутъ туземныя племена, раздѣленные религіей на нѣсколько сектъ, а съ пустынной стороны Ливанскихъ горъ распространяется мусульмано-арабское народонаселеніе. Прибрежные города соединены цѣпью деревушекъ и постоянныхъ дворовъ; въ горахъ раскиданы деревни, монастыри, села и даже небольшіе городки; въ степи же, подъ горами, средоточіемъ арабскаго населенія служитъ Дамаскъ.

Первый торговый городъ на сирійскомъ побережьѣ съ сѣвера есть Александретта, «Искандеругъ», алеппская гавань, гдѣ находятся и агенты европейскіе; въ этомъ городкѣ, славящемся злокачественностью климата, мнѣ не довелось быть. Собственно же на моемъ пути первый городъ былъ Латакія, древняя Лаодикей, ведущій главнѣйше торговлю съ Егип-

томъ, а отчасти съ Ливорно и даже Марселью (*). Въ городъ христіанскаго населенія находится 1,100 душъ, а именно: православныхъ Грековъ 857, Маронитовъ 150, Латинъ 45, Армянъ 55, Грековъ-Католиковъ 5; въ уездъ же Лаодикейскомъ Христіанъ считается 8,260 душъ (²). Православное народонаселеніе имѣетъ здѣсь Митрополита, восемь священниковъ и пять церквей: а) Каѳедральная, во имя св. Николая. б) Во имя св. Георгія, довольно старой постройки, можетъ быть, современная крестовымъ походамъ. Въ этой церкви находится древнее греческое Евангеліе, безъ начала и конца; въ арабской надписи, на одномъ изъ листовъ въ концѣ Евангелія, значится, что оно «находилось первоначально въ церкви Эль-фаросъ, нынѣ уже не существующей, и хотя время написанія сей книги опредѣлить трудно, однако, по собраннымъ свидѣніямъ, явствуесть, что Евангеліе сіе писано Осодосіемъ, главою монастырей, въ 492 году». Эту пометку, на арабскомъ языкѣ, сдѣлалъ, въ 1727 году, священникъ Антоній, сынъ священника Моисея (*). Православное духовенство Лаодикии хранитъ священную древность какъ зеницу ока, среди всѣхъ смуть и перемѣнь. с) Во имя св. Андрея, небольшая, и, по-видимому, новѣе церкви св. Георгія: хотя одно преданіе и утверждаетъ, что Апостолы держали здѣсь соборъ, но можно думать, что оно относится только къ мѣстности, а не къ самому зданію. d) Во имя Богородицы, и е) во имя св. Саввы. — Марониты имѣютъ одну церковь, недавно построенную, во имя св. Аделаиды, состоявшую подъ покровительствомъ сестры покойнаго Французскаго короля Людовика-Филиппа, и одного священника; епископомъ въ Лаодикейской маронитской епархіи Никола Мурадъ. У Армянъ также одна церковь съ однимъ священникомъ; у Латинъ только

(*) Торговый оборотъ города, въ мой проѣздъ, составлялъ 7,000,000 піастровъ (1,400,000 руб. асс.).

(²) Для сравненія, вотъ числа остальнаго населенія уезда: Мусульманъ 29,820 душъ; Ансаріевъ 54,780; Исмаилитовъ 9,500.

(*) Американскій миссіонеръ Томсонъ полагаетъ этому Евангелію не болѣе 200 лѣтъ.

одинъ священникъ (*). — Изъ европейскихъ посольствъ слѣдующія имѣютъ своихъ агентовъ въ Лаодикей: русскій агентъ и датскій вице-консулъ Мазолье; французскій вице-консулъ Жофруа; англійскій и неаполитанскій вице-консулъ Муса-Эльясъ; голландскій вице-консулъ и сардинскій консулъ Витали; прусскій агентъ Якубъ Эльясъ; австрійскій и тосканскій агентъ Беллье; испанскій агентъ Муса-Ибрахимъ; греческій агентъ Димитрій Никола. Изъ этихъ агентовъ только одинъ французскій вице-консулъ получаетъ жалованье. — Я нарочно перечислилъ всѣхъ скромныхъ дипломатовъ скромнаго городка Лаодикей, чтобъ показать систему европейскаго представительства на Востокъ: въ небольшихъ городахъ обыкновенно одинъ агентъ служитъ нѣсколькимъ государствамъ, и притомъ безъ жалованья, потому-что мѣстность не представляетъ такой политической важности, чтобъ нужно было содержать особеннаго чиновника на жалованья, а требуются лишь агенты по торговымъ сношеніямъ покровительствуемыхъ какою-нибудь державою купцовъ, на что всегда находятся охотники изъ туземныхъ негоціантовъ, получающихъ, съ пріобрѣтеніемъ агентства, право на разныя льготы по торговлѣ.

Отъ Лаодикей къ югу, на побережь сохранилось довольно римскихъ, византійскихъ и нормандскихъ развалинъ; въ селеніи Калять-Эльмеркабъ, куда загналъ меня осенній сирійскій ливень, находится старая церковь, обращенная въ мечеть. Въ деревушкѣ Калья-Маркіэ, населенной одними православными Греками (15 дом.), я долженъ былъ провести цѣлые сутки въ убогой хижинѣ, въ ожиданіи, пока вздувшаяся отъ продолжительныхъ дождей рѣчка Нахръ-Эльмаркіэ позволитъ какъ-нибудь переправиться, и въ эти сутки имѣлъ случай видѣть всю бѣдность существованія сирійскихъ горцевъ, а надобно замѣтить, что деревня лежитъ въ значительномъ отдаленіи отъ дороги и слѣдовательно без-

(* У Бокингама показана у Латинъ одна церковь, но нѣтъ армянской: *Travels among the arab tribes, by Buckingham, 462.*

опаснѣе отъ всякихъ нашествій турецкихъ властей. Близъ Калья-Маркіа находятся еще православныя деревни: Мезра, Софра, Телле и Безакъ.

Въ городѣ Тартусъ, древнемъ Antaradus, Antartus или Antarsus, изъ котораго вышло позднѣйшее названіе Тарсусъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ покинутый византійскій соборъ, къ востоку отъ города: эта церковь составляетъ параллелограмъ, стѣны котораго снаружи имѣютъ нѣсколько квадратныхъ выводовъ; окна надъ западнымъ входомъ украшены пилястрами; внутренность храма очень красива, раздѣлилась, по обыкновенію, на три прѣдела колоннами, у которыхъ по бокамъ красивыя коринѣскіе столбы, а между ними арки (5). Православные Греки приходятъ сюда на богомолье, но самый храмъ, принадлежащій къ числу лучшихъ произведеній византійскаго искусства въ Сиріи, преданъ на волю разрушенія, и въ ненастную погоду здѣсь укрываются стада овецъ. Между прочимъ, при осмотрѣ церкви, мнѣ рассказали, что Англичане хотѣли похитить порфиновый камень надъ дверями храма, но Православные воспротивились этому хищенію, и союзники Султана, въ отмщеніе, повредили камень пушечнымъ выстрѣломъ. Къ западу отъ этой церкви, въ небольшомъ разстояніи, находится другая православная новая церковь. Въ Тартусъ съ округомъ его считается православныхъ Грековъ 400 человекъ и Маронитовъ 900 человекъ (6).

Триполи, извѣстный еще въ финикійскомъ союзѣ, у туземцевъ именуемый Тараблисъ, составляетъ, по восточнымъ понятіямъ, значительный городъ, потому-что въ немъ считается 18,000 жителей (7), въ числѣ которыхъ православныхъ Грековъ 4,500 и Маронитовъ 500. Православные, не

(5) Этотъ храмъ описанъ у Боккингама (Travels, 522) и Томсона (Bibliotheca Sacra, V, 250). Онъ былъ обращенъ въ мечеть въ 1257 году.

(6) По счисленію Томсона, въ Тартусъ съ округомъ Христіанъ 116 семействъ (Biblioth. Sacra, V, 247).

(7) Мусульманъ въ этомъ числѣ 13,000. Во время Боккингама здѣсь было 10,000 жителей (Travels, 462).

смотря на такую численность, имѣють только три церкви. во имя св. Николая, св. Георгія и св. Михаила; за городомъ живеть триполійскій православный митрополитъ Іоанникій, а въ городъ другой митрополитъ Аркадій ⁽⁸⁾. У Маронитовъ одна церковь: «Маръ-Микаель»—св. Михаила; наконецъ въ Триполи находится три католическихъ монастыря: «Маръ-Іосуфъ»—св. Іосифа, «Маръ-Френсисъ»—св. Франциска и капуцино-кармелитскій ⁽⁹⁾. Представителями европейскихъ державъ служатъ въ особенности два брата, негоціанты Катцифли, вице-консулы Англій и Австріи, соединяющіе вмѣстѣ съ тѣмъ представительство Пруссій, Сардиніи, Неаполя и проч. и всѣмъ служащіе безвозмездно, равно какъ и греческій консуль Факръ; одна Франція платитъ жалованье своему вице-консулу Бамбино, заклятому врагу Англичанъ и всего англійскаго. Въ Триполійскомъ уездѣ христіанское народонаселеніе довольно значительно, а именно, вмѣстѣ съ городомъ считается 39,000 человекъ. Оно распределяется по округамъ слѣдующимъ образомъ ⁽¹⁰⁾:

Округи.	Православные Греки.	Марониты.
Даніэ.	1,500 чел.	2,000 чел.
Кайтта.	4,500 —	4,000 —
Джуми.	2,500 —	3,000 —
Доррейбъ.	2,000 —	8,000 —

⁽⁸⁾ Триполи, кромѣ города, имѣеть еще гавань Эльминъ, въ которой изъ городского населенія живеть 926 Грековъ и 83 Маронита.

⁽⁹⁾ У Боккингама показано 4 христіанскихъ церкви, въ числѣ ихъ православныхъ 2 (Travels, 463).

⁽¹⁰⁾ Для сравненія, вотъ числа мусульманскаго населенія по округамъ:

Округи.	Мусульмане.	Ансаріи.	Исмаилиты.
1.	4,000	—	—
2.	5,000	5,000	—
3.	7,000	1,000	—
4.	4,000	1,000	—
5.	500	65,000	—
6.	8,000	—	—
7.	2,000	—	—
8.	2,000	—	7,000
9.	300	—	—
10.	13,000	—	—

Эти три послѣдніе округа составляютъ одинъ, называемый Аккаръ.

Сафига.	2,000 чел.	2,000 чел.
Шахара.	— —	— —
Таргусъ.	400 —	900 —
Кадмусъ.	— —	— —
Курра.	1,200 —	— —
Триполи (городъ).	4,500 —	500 —
	<hr/> 18,600.	<hr/> 20,400.

Въ прежнее время Триполи составлялъ отдѣльный пашалыкъ, и тогда онъ имѣлъ политическое значеніе; въ мое же пребываніе городомъ управлялъ лишь мутеселимъ бейрутскаго паши, и за Триполи осталось одно торговое значеніе.

На пути между Триполи и Бейрутомъ расположены по горамъ православныя и маронитскіе монастыри и деревни, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи: онъ начинаются отъ самаго города Триполи. Такъ, въ полчасъ пути, лежитъ на горѣ православный монастырь Св. Іакова «Деиръ-Маръ-Якубъ»; далье, въ 1¼ час., православный же монастырь Бельмендіо ⁽¹¹⁾, куда Греки ходятъ на богомолье; по близости, въ каменистомъ ущельѣ, раскиданы дома православной деревни Зерекунъ. Далье, на берегу бухты, лежитъ большая греческая деревня Эльаифи ⁽¹²⁾ и близъ нея монастырь «Деиръ-Натуръ», а потомъ маронитская деревушка Шекка. Далье, на дикихъ крутыхъ скалахъ, образующихъ небольшую бухту, построенъ православный монастырь Св. Ильи, куда Греки ходятъ на поклоненіе, и разбросана православная деревня Гаммадъ. Въ шести часахъ пути отъ Триполи лежитъ, на берегу бухты, большая деревня Бетрунъ, древняя Botrys, съ 300 домовъ, обитаемыхъ главнѣйше Маронитами, отчасти православными Греками и весьма мало Мусульманами ⁽¹³⁾;

(11) У Нибура—Бальмандъ (Reisebeschreibung, II, 472).

(12) У Буркхардта—Эльаифи.

(13) У Томсона показано 3,000 жителей, изъ коихъ ¼ Марониты, а остальные—Греки (Biblioth. Sacra, V, 8). — У Буркхардта ввръге 300—400 домовъ (Reise. 295.).

Марониты имѣютъ здѣсь церковь Маръ-Стефаносъ — св. Стефана, а греческая церковь пострадала отъ египетской флотиліи.

Между Бетруномъ и другою большою деревнею Джебейль находится, по скату горъ и на высотахъ, довольно маронитскихъ деревень, а именно: Феррабада, Фаркинъ, Альмусифъ или Мунсифъ, по близости съ монастыремъ «Денръ-Маадъ» и церковью св. Варвары, Мезра, Амшитъ и Мерлиша съ церковью. — Селеніе Джебейль (Жбейль), въ древности Bvblus, съ римскими развалинами и замкомъ, полуразрушеннымъ англійскою канонадою, во время изгнанія Ибрагим-паша изъ Сиріи, населено отчасти Маронитами, которые имѣютъ здѣсь церковь «Маръ-Ханна»—св. Іоанна, съ школой, а по близости монастырь Бенатъ; у православныхъ Грековъ (2 семейства) есть церковь «Маръ-Микаель»—св. Михаила, со школой. — За Джебейлемъ, пріобрѣтшимъ большую извѣстность въ сирійскихъ междоусобіяхъ, лежатъ, на пути къ Бейруту, маронитскія деревни Дуэиръ и Халитъ и монастыри «Маръ-Джорджисъ»—св. Георгія, Маръ-Домитъ, Маръ-Матаніосъ, Хашбау (армянскій), Элькремъ (тоже армянскій), другой Матаніосъ: все это расположено на скатахъ горъ, близъ морскаго берега; но далѣе въ горахъ видно еще много христіанскихъ деревень и монастырей. Путешественникъ, долго странствовавшій по Востоку, съ особеннымъ наслажденіемъ внимасть здѣсь въ первый разъ звону монастырскихъ небольшихъ колоколовъ, скрывшихся, на свободу отъ мусульманскаго фанатизма, въ ущелья Ливанскихъ горъ.

Въ Бейрутѣ мнѣ довелось въ первый проѣздъ принимать участіе въ нашемъ народномъ празднествѣ, въ день Тезоименитства Его Величества Государя Императора. Консулъ Базили въ это время находился въ отпуску въ Россіи, а дрогоманъ Лаговскій уѣзжалъ въ Іерусалимъ; дѣлами консульства управлялъ секретарь Мострасъ, принимавшій поздравленія отъ Грековъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Россіи и тогда находившихся въ Бейрутѣ. Крѣпость и военные англійскіе корабли, по случаю русскаго торжества, салютовали по 21 выстрѣлу, нѣкоторые корабли

подняли нашъ флагъ; въ полдень, въ консульскомъ домѣ, данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали: бейрутскій греческій митрополитъ съ высшимъ духовенствомъ, русскій архимандритъ Порфирій и нѣсколько почетныхъ Грековъ.

Бейрутъ, въ древности Berytus, Вегое, гавань Дамаска, составляетъ по преимуществу городъ торговый: на рейдъ его также очень часто стоятъ военные европейскіе корабли, для которыхъ онъ служитъ станціею.—Половину городского народонаселенія составляютъ Христіане, въ томъ числѣ зажиточные Левантинцы и Европейцы, ведущіе торговля дѣла съ Европой: число всѣхъ Христіанъ простирается до семи съ половиною тысячъ, въ томъ числѣ православныхъ Грековъ 4,000, а остальное составляютъ Католики (Марониты, Греки, Армяне, Сиріянцы и Европейцы). Православные Греки имѣютъ здѣсь митрополита и церковь во имя св. Георгія, одну изъ лучшихъ въ сирійскомъ побережьи: она построена во время управленія Ливанскихъ князей. У Католиковъ двѣ церкви, у Маронитовъ одна, у Капуциновъ монастырь и капелла. Главная мечеть обращена изъ христіанской церкви св. Іоанна, въ которой Крестоносцы короновали своихъ князей. За городомъ, на рѣкѣ Бейрутъ, показываютъ мѣсто, на которомъ Георгій Побѣдоносецъ поразилъ дракона: эта мѣстность означена большимъ красноватымъ камнемъ, и Христіане говорятъ, что камень покраснѣлъ отъ крови дракона.—Постоянное европейское населеніе, живущее болѣе въ садахъ внѣ города, и частое пребываніе европейскихъ моряковъ и путешественниковъ, придаютъ Бейруту значеніе полувосточнаго города, изъ котораго проникаютъ европейскія идеи въ горное народонаселеніе.—Европейскія державы содержатъ здѣсь генеральныя консульства, и бейрутскій дипломатическій постъ считается очень важнымъ, по причинѣ многочисленности христіанскаго населенія на Ливанъ и частыхъ столкновеній между Христіанами и Мусульманами. Русскимъ генеральнымъ консуломъ Сиріи и Палестины въ мое время былъ г-нъ Базили, известный авторъ Очерковъ Константинополя, Босфора и проч., французскимъ—Буре, англійскимъ—полковникъ Розъ, впоследствии получившій нѣкоторую извѣ-

стность въ политикѣ, австрійскимъ — Лоретта; Пруссія, Испанія, Голландія, Сардинія, Неаполь, Северо-Американскіе Штаты и Греція также имѣютъ здѣсь своихъ представителей, хотя политическимъ значеніемъ пользуются здѣсь только четыре первостепенныя державы. Бейрутскую дипломатію можно видѣть ежедневно вечеромъ на набережной, составляющей любимое мѣсто прогулки. — Англія, для своихъ обширныхъ сношеній торговыхъ, содержитъ, между Бейрутомъ и Александріей, морскую почту: ежемѣсячно бываетъ отправление тяжелаго и легкаго паруснаго пакетбота, и, не смотря на равноденственныя бури Средиземнаго моря, легкій пакетботъ всегда приходилъ въ назначенное время, хотя бы и съ обломанными мачтами.

Съ нѣкотораго времени (съ 1830 года) въ Бейрутѣ утвердились американскіе миссіонеры, старѣйшиной которыхъ Eli Smith, имѣющіе въ горахъ школу, а въ городѣ типографію, въ которой печатаются лишь духовныя книги; пуританская строгость почтенныхъ проповѣдниковъ простирается до того, что они не позволили печатать въ своей типографіи пригласительныхъ билетовъ на балъ къ одному изъ бейрутскихъ консуловъ. Въмѣстѣ съ миссіонерскими трудами, Американцы занимаются и изученіемъ страны, въ которой проповѣдуютъ; въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ миссіонеръ Томсонъ. — Европейскіе консулы также сообщили Европѣ много свѣдѣній о Сири; между ними должно упомянуть о французскомъ консулѣ Гюи⁽¹⁴⁾ и объ англійскихъ изслѣдователяхъ Боурингъ⁽¹⁵⁾ и Чорчилль⁽¹⁶⁾.

Въ 1773 году Бейрутъ былъ бомбардированъ Русскимъ флотомъ, при чемъ разрушено до 300 домовъ, и даже нѣкоторое время находился во власти Русскихъ. — Въ 1837 году (1 января) землетрясеніе, общее всей Сири и разрушив-

(14) Relation d'un séjour de plusieurs années (1824—1838) à Beyrout et dans le Liban, par Guys. Paris. 1847.

(15) Dr. John. Bowring. Report of the commercial statistics of Syria, 1840.

(16) Mount Lebanon, a ten years' Residence from 1842 to 1852, by colonel Churchill 1853.

шее до 100 домовъ въ Сидонѣ, причинило вредъ и Бейруту. — Въ 1840 году англійскій адмиралъ Стопфордъ бомбардировалъ Бейрутъ, съ 10 по 16 сентября.

Изъ Бейрута я отправился въ Иерусалимъ вмѣстѣ съ нашимъ архимандритомъ Порфиріемъ, состоявшимъ при вѣнскомъ посольствѣ. Къ югу отъ Бейрута начинается по берегу смѣшенное населеніе изъ Маронитовъ, Друзовъ и Мусульманъ; въ $1\frac{1}{4}$ час. пути расположены на горѣ маронитскій монастырь «Деиръ-Ноаманъ», а подъ нимъ — маронитская деревня Маалли. Близъ Текіэ дервишей Рифаи, въ которомъ Мусульмане показываютъ могилу кита, будто бы проглотившаго Пророка Юну, находится въ горахъ большое маронитское селеніе Румелля.

Сайда, славный въ древности Сидонъ, въ настоящее время составляетъ незначительный городокъ, лишенный уѣзда, съ 1,000 семействъ: въ этомъ народонаселеніи считается 100 чел. Маронитовъ, 10 домовъ православныхъ Грековъ и 10 дом. Латинъ. Христіанскихъ храмовъ здѣсь три: а) во имя св. Николая; половина церкви принадлежитъ православнымъ Грекамъ, а другая половина — Католикамъ. б) «Маръ-Эліясъ» — св. Иліи, маронитская церковь, и с) «Сейди» — Богородицы, французская. Главная мечеть въ Сайдѣ обращена изъ церкви Іоанна Крестителя: стѣны христіанской постройки уже разрушились отчасти, а равно упала и четверугольная колокольня; на дворѣ находился камень съ древнею греческою надписью, но онъ похищенъ ренегатомъ Сулейманъ-пашей. — У Маронитовъ здѣсь есть Матранъ, посѣтившій, во время проѣзда нашего, архимандрита Порфирія. — Россія имѣетъ въ Сайдѣ консульскаго комисіонера Фазуль-Ризаллу; Англія, Франція, Австрія, Пруссія, Неаполь, Сардинія, Данія, Тоскана и Американскіе Штаты также имѣютъ здѣсь вице-консуловъ, но, по обыкновенію, одно лицо соединяетъ на себѣ представительство нѣсколькихъ державъ. — Къ востоку за городомъ лежитъ на горѣ маронитская деревня Хелелия, а вблизи ея двѣ маронитскія церкви: «Неби-Эліясъ» — Про-

рока Иліи, и «Неби-Эфья»: при послѣдней существуетъ маронитское кладбище.

Между Сайдою и Тсуромъ, знаменитыми Сидономъ и Тиромъ, находятся нынѣ, большію частію, деревни Мютеуаліевъ, еще недавно отличившихся свирѣпостію и грабежами: даже ветхо-завѣтная Сарепта-Сидонская, прославленная чудомъ Пророка Иліи, составляетъ нынѣ мютеуалійскую деревню Серванъ.—Въ Тазръ, котораго все населеніе не превышаетъ 400 домовъ, считается 3 семейства Мусульманъ, столько же православныхъ Грековъ, а остальную часть составляютъ Марониты и Греки-Католики. У православныхъ Грековъ здѣсь одна церковь во имя св. Фомы; въ этомъ храмѣ находится небольшой мраморный надгробный камень съ именемъ Жака Эсабони, умершаго въ 1257 году; на другомъ камнѣ, вложенномъ въ церковный полъ, виднѣнъ 1283 годъ.—Кромѣ постоянно жительствующихъ Христіанъ, пріѣзжаютъ сюда Греки-водолазы, съ острововъ Архипелага, для добыванія грецкой губки. Греки-Католики имѣютъ въ Тсурѣ церковь во имя св. Фомы, а Марониты—во имя Богородицы. Подобно Сайдѣ, Тиръ снабженъ европейскими агентами, въ числѣ которыхъ есть и греческій.

Къ востоку отъ Тира лежитъ деревня Харабъ, населенная Маронитами и Греками-Католиками, и старая латинская церковь Минара.—Между Тиромъ и Акрою большею частію находятся опять деревни Мютеуаліевъ; на этомъ же пути мы встрѣтили іерусалимскихъ жителей, сорвавшихъ флагъ во французскомъ іерусалимскомъ консулатѣ и отправлявшихся подъ стражей въ Бейрутъ, для примѣрнаго суда.

Новѣйшая и средневѣковая знаменитость Акры въ мое время только-что поправляла свои стѣны, поврежденныя послѣдней англійской бомбардировкой; надобно замѣтить, что всѣ замки сирійскаго побережья носятъ на себѣ слѣды англійскихъ бомбъ: Бетрунъ, Велебейль, Бейрутъ, Сайда и другіе. Въ Акрѣ англійскія бомбы пробивали въ трехъ мѣстахъ куполь православной греческой церкви: воюя съ египетскими властями, Англичане поражали жилища и храмы Хри-

стіанъ.—Общее населеніе Акры составляетъ около 2,000 семействъ, но христіанскихъ домовъ въ этомъ числѣ не много, а именно: православныхъ Грековъ 70 домовъ, Грековъ-Католиковъ 60 домовъ и Маронитовъ 6 дом. Православные Греки имѣютъ здѣсь одну церковь во имя св. Георгія, и митрополита Прокопія, который, подѣ влияніемъ мусульманскаго страха, принялъ русскихъ паломниковъ очень холодно. Въ церкви, раздѣленной на два придѣла, находится на дворѣ гробница греческаго мученика Георгія, убіеннаго Турками 23 апрѣля 1752 года: она чествуется не только Греками, но даже Мусульманами. Митрополія помѣщается подлѣ церкви. Кроме того, православные Греки имѣютъ въ Акрѣ двѣ школы—греческую и арабскую, съ 50 учениками, и іерусалимское подворье съ собственнымъ флагомъ. У Грековъ-Католиковъ находится также одна церковь, во имя св. Андрея, и одна школа—арабская; у Маронитовъ—одна церковь, во имя Богородицы, и одна школа—арабская; наконецъ есть еще католическая церковь у Латинъ, во имя Богородицы, и одна школа—итальянская.—Мечеть Омерова была когда-то обращена Крестоносцами въ церковь св. Іоанна Крестителя, отъ которой и самый городъ прозванъ St.-Jean d' Acre.—Европейскія посольства содержатъ въ Акрѣ своихъ представителей, въ томъ числѣ и Сѣверо-Американскіе Штаты; представителемъ же Англіи служить нѣкто мистеръ Finsy, родомъ изъ Жидовъ, что весьма некстати тамъ, гдѣ такъ важны христіанскіе интересы.

Дамаскъ, библейскій Даммесекъ, пріобрѣтшій святость въ мусульманскомъ мірѣ ради посѣщенія лжеучителя Мухаммеда, доставляющій своему пашѣ титулъ везира и самъ пользующійся прозваніемъ «благоуханіе рая», пятый городъ Оттоманской имперіи, въ настоящее время обитаемъ 72,000 чел. Въ этомъ числѣ православныхъ Грековъ состоитъ до 500 дом., а Католиковъ до 1,000 дом. Изъ ново-завѣтной священнои исторіи въ Дамаскъ находятся слѣдующія мѣста:

Домъ Ананіи, изъ коего онъ перешелъ на крещеніе Апостола Павла, нынѣ обращенный въ кофейню, застраиваемую мечетью, на базарѣ Хлопчатки—«Сукъ-Элькотонъ».

Домъ Іуды, на прямой улицѣ, гдѣ Ананія нашель Апостола Павла и окрестилъ его. Этотъ домъ, принадлежащій Католикамъ, которые купили его у Грековъ, находится въ кварталѣ Ханненію, гдѣ живутъ Католики и, скажемъ съ прискорбіемъ, еще публичныя женщины. Не смотря на всѣ старанія, я не могъ видѣть внутренности этого дома, потому-что Католики отзывались неимѣніемъ ключа.

Камень Апостола Павла. Близъ воротъ Баб-Шерки есть большая старая башня, сложенная изъ огромныхъ камней, съ новыми арабскими надписями. Преданіе говоритъ, что когда хотѣли убить въ Дамаскѣ Апостола Павла, онъ, на веревкѣ, въ корзину, былъ спущенъ съ этой башни и скрылся подъ землянымъ маленькимъ сводомъ, во 100 саженьяхъ отсюда къ юго-востоку. Еще и нынѣ показываютъ этотъ земляной сводъ; тутъ же находится и христіанское кладбище. Здѣсь, въ заваленныхъ склепахъ, хоронятъ Православныхъ, въ томъ числѣ и патріархи антїохійскіе имѣютъ здѣсь свой склепъ. На половинѣ дороги отъ башни къ кладбищу показываютъ, подъ особенною бесѣдкою, гробъ Мусульманина, принявшаго православное исповѣданіе и за это изрубленнаго дамасскими фанатиками.

Пещера, въ коей укрылся Апостолъ Павелъ, пораженный видѣніемъ Спасителя; она лежитъ въ $2\frac{1}{2}$ час. отъ города и служитъ нынѣ пристанищемъ стадъ.

Въ Дамаскѣ имѣетъ постоянное мѣстопробываніе православный антїохійскій патріархъ; въ мой прїѣздъ на патріаршемъ престолѣ возсѣдалъ, въ теченіи двадцати лѣтъ, старецъ Меодій, нынѣ уже почившій. Много грустныхъ повѣстей о страданіи Христіанъ въ Сириі слышалъ я отъ него, и не разъ текли горькія слезы изъ ослабѣвшихъ очей убѣденнаго старца, который святостию жизни, любовію ко всемъ Христіанамъ и мученіями отъ Турокъ заслужилъ всеобщее уваженіе и привязанность: даже Христіане другихъ исповѣданій питали къ патріарху особенную почтительность. Не смотря на высокій санъ и преклонныя лѣта,—патріарху Меодию въ мое время было семьдесятъ лѣтъ,—его святѣй-

шество былъ уже ввергаемъ Турками въ темницу, и ритомъ для вящшаго оскорбленія, на страстной недѣль: если вселенскій святитель подвергается у турецкихъ властей такому униженію, то какихъ истязаній не долженъ ожидать всякій христіанинъ—райя?....

Вопреки именитому титулу патріархіи, антиохійскій патріархъ и его патріархія до крайности бѣдны: патріархія находится въ греческомъ кварталѣ, и хотя нѣсколько обширнѣе и содержитя чище обыкновенныхъ домовъ, однако на каждомъ шагу здѣсь проявляется убожество. Да и откуда же содержать патріаршія палаты и ризницы въ должномъ велелѣпії, когда весь ежегодный доходъ антиохійской патріархіи, не смотря на обширность подчиненныхъ ей митрополій, составляетъ, за исключеніемъ добровольныхъ приношеній, лишь 1557 піастровъ (около 60 руб. сер.). Антиохійская патріархія имѣетъ десять митрополій, что равняется нашимъ десяти епископствамъ, потому-что здѣшнія митрополіи не имѣютъ епископовъ. Ничтожная сумма—200 руб. асс.—разложена на митрополіи слѣдующимъ образомъ: Бейрутская, вноситъ 200 піастровъ, Тиро-Сидонская—50, Селевкіе-Сайданайская—52, Триполійская—200, Лаодикейская—200, Аркадійская—165, Аданская—200, Эпифанійская—150, Эмесская—50, и Эрзерумо-Месопотамо-Ахалцихская 290. Въ прежнее время, когда стоимость піастра была гораздо выше, общая сумма выходила значительна; нынѣ же, съ паденіемъ цѣнности піастровъ, она совершенно ничтожна, и однако митрополиты продолжаютъ платить прежнее число піастровъ. Явная невозможность поддерживать патріархію и находящіяся въ ней церкви, заставила патріарха Меѳодія обратиться за помощію въ Россію, и еще въ настоящее время въ Москвѣ пребываетъ, для собиранія добротныхъ приношеній, одинъ изъ викаріевъ антиохійской патріархіи. Кромѣ того, незначительная сумма удѣляется изъ доходовъ іерусалимской патріархіи на поддержаніе родной сестры.

Въ патріархіи находятся три церкви, одна подлѣ другой: а) во имя Пресвятой Богородицы «Панагіи», самая боль-

шая, имѣеть четыре малыхъ придѣла и служить зимнею церковью; надъ главными дверями находятся камни съ арабскими и греческими надписями: на одномъ изъ нихъ вписана память патріарха Макарія, въ 1720 году; на другомъ же греческая надпись гласить, что церковь исправлена въ 1780 году, во время патріарха Даниїла. б) Во имя св. Кипріана, съ придѣломъ, служить лѣтнею церковью; здѣсь видны двѣ старыя колонны коринтскаго ордена, очень толстыя и невысокія. с) Во имя св. Николая, съ четырьмя малыми придѣлами. Церкви вообще убогія, хотя въ нѣкоторыхъ придѣлахъ и настланъ мраморный полъ. Известно, что на этомъ мѣстѣ искони стояла церковь, только небольшая.—Однажды—лѣтъ семнадцать тому назадъ—Православные взяли фирманъ на поправку кровли въ патріаршей церкви, и, при исправленіи, обновили нѣсколько и стѣну внизу. Мусульмане, провѣдавъ объ этомъ, донесли пашѣ; дамасскій паша, по свидѣтельствуваніи, велѣлъ посадить намѣстника патріарха—Его святѣйшество Меѳодій находился въ отсутствіи—и главнаго работника въ тюрьму, а потомъ приказалъ отрубить послѣднему голову; тотъ изъ страха принялъ исламъ, хотя ему было уже около шестидесяти лѣтъ. При всемъ томъ, съ него взяли 5,000 піастровъ, да съ патріархинъ 25,000 піастровъ (5,000 руб. асс.).

Кромъ помѣщенія для патріарха и свободныхъ покосевъ для прѣзжающихъ, въ патріархинъ находится школа, въ коей обучаютъ арабскому, греческому, турецкому и итальянскому языкамъ; здѣсь шесть аудиторій для разныхъ языковъ и для грамматики ихъ. Учитель турецкаго языка и арабской грамматики—изъ туземныхъ Мусульманъ, и преподаваніе производится по схоластической мусульманской методѣ. Всѣхъ мальчиковъ обучается до 200; содержаніе школы ежегодно требуеть 40,000 піастровъ (8.000 руб. асс.)

Католики въ Дамаскѣ, кромъ церквей, имѣють еще монастыри, а именно: у Лазаристовъ, Капуциновъ и Іерусалимскій. Католики-Якобиты имѣють епископа Якуба.—Представителей европейскихъ посольствъ въ Дамаскѣ не много, и

притомъ они не имѣютъ флаговъ, потому-что въ Сиріи только въ приморскихъ городахъ консулы имѣютъ право вывѣшивать національный флагъ. Англійскимъ консуломъ въ Дамаскъ былъ Вудъ, а Французскимъ—Деваузъ.

Главная дамаская мечеть, величественное произведеніе византійскаго зодчества, обращена аббасидскимъ халифомъ Абдुльмеликомъ изъ церкви св. Іоанна Крестителя: еще и донинѣ сохранилась подъ однимъ изъ входовъ греческая надпись, уцѣлѣла часть разрушеннаго алтаря и часовни, въ коей была положена глава Іоанна Крестителя, а съ западной стороны видно продолженіе храма, составлявшее палаты митрополита и нынѣ обращенное Мусульманами въ самыя нечистыя мѣста. Какъ бы сознавая несправедливость своего хищенія, Мусульмане утверждаютъ, будто на юго-восточномъ минаретѣ мечети, называемомъ «Иса-ибнъ-Марьямъ», явится Іисусъ Христосъ въ день судный.

Въ горахъ, между Дамаскомъ и Бейрутомъ, сосредоточивается многочисленное христіанское населеніе Сиріи въ разбросанныхъ деревняхъ; на самой же дорогѣ изъ Дамаска въ Баальбекъ находятся христіанскія деревни Сальхіэ и Зебдани, изъ коихъ въ послѣдней 30 домовъ Грековъ-Католиковъ, имѣющихъ церковь и кешиша. Въ Баальбекѣ ⁽¹⁷⁾ славномъ своимъ храмомъ солнца: живутъ 50 семействъ Грековъ-Католиковъ, имѣющихъ здѣсь матрана и церковь. — На пути отъ Баальбека къ Бейруту, замѣчательно огромное селеніе Захла, въ которомъ соединяются Христіане разныхъ исповѣданій: православныхъ Грековъ, имѣющихъ здѣсь церковь, во имя Богородицы, и одного священника, считается 115 домовъ; Гре-

(17) Съ русскимъ архимандритомъ Порфиріемъ изъ Баальбека былъ особенный случай: не получая нигдѣ квартиры, нашъ архимандритъ направился къ мутеселлиму, который приказалъ сказать, что онъ спитъ, и потому пріѣзжіи франкъ пусть ждутъ его пробужденія. Архимандритъ началъ по-русски жаловаться своему спутнику, архидакону изъ Болгаръ, на грубость турецкихъ властей; стоявшій у дверей мутеселлима турецкій солдатъ, вѣроятно, изъ числа насильно-обращенныхъ въ исламъ Славянъ, тотчасъ вмѣшался въ разговоръ и угрожалъ нашему архимандриту немедленнымъ изгнаніемъ изъ города или тюрьмой.

ковъ-Католиковъ 400 домовъ, и Маронитовъ 400 домовъ. Католики имѣютъ епископа и двѣ церкви, «Маръ-Юсуфъ»—св. Иосифа и «Маръ-Антоніусъ»—св. Антонія.

Такимъ образомъ я имѣлъ случай лично обозрѣть главнѣйшія мѣстности въ Сиріи, въ которыхъ встрѣчается христіанское населеніе: кромѣ городовъ, Христіане разныхъ исповѣданій живутъ или отдѣльно, или смѣшанно съ Мусульманами, Друзами и Ансаріями, въ многочисленныхъ деревняхъ на Ливанъ и Анти-Ливанъ. Общее народонаселеніе Сиріи обыкновенно полагается 1,400,000 чел. Въ этомъ числѣ въ мое время Христіанъ было: православныхъ Грековъ, по счету антїохійскаго патріарха, 18,000 семействъ, Маронитовъ 170,000 чел., Католиковъ (Грековъ, Якобитовъ, Армянъ и другихъ) до 50,000 чел., Якобитовъ и Сиріянъ до 15,000 чел. ⁽¹⁸⁾ Нѣкоторые уменьшаютъ число Православныхъ до 31,000 чел., увеличивая въ то же время цифру мусульманскаго населенія до милліона ⁽¹⁹⁾, но это счисленіе не заслуживаетъ вѣры: уже изъ показаннаго мною числа горожанъ въ Сиріи можно видѣть несостоятельность такого предположенія.

Православное населеніе Сиріи вообще состоитъ изъ потомковъ тѣхъ Арабовъ и Сиріянъ, которые приняли христіанскую вѣру еще во времена владычества въ здѣшнемъ краю Византійцевъ: еще и донинѣ называютъ православныхъ Сиріянъ Мельхитами, отъ арабскаго слова «меликъ» государь. Прозваніе это дано было имъ въ VII вѣкѣ, когда они присоединились къ войскамъ византійскихъ императоровъ, посланнымъ на истребленіе ереси у Маронитовъ. Господствующій и большею частію единственный языкъ сирійскихъ Православныхъ есть арабскій, на которомъ совершается всюду и богослуженіе. Кромѣ городовъ побережья, Православные

⁽¹⁸⁾ Въ этомъ исчисленіи помѣщены и Алеппо. Армянъ въ Сиріи немного. По подушному окладу, во время Египтянъ (*La Syrie sous le gouvernement de Mehemet-Ali jusqu'en 1840*), считалось на Ливанъ платящихъ «ферде», отъ 15 до 60 лѣтъ: Маронитовъ 77,589 (и еще до 8,000 духовенства и шейховъ); Друзовъ 18,321; православныхъ Грековъ и Грековъ-Католиковъ 8,029; Мусульманъ 2,917; Мютеуалиевъ 2,311; Жидовъ 575; Цыганъ 300. Всего 110,112 душъ.

⁽¹⁹⁾ Такое отношеніе было показано во французской Палатѣ Депутатовъ, въ 1845 году.

живутъ почти во всѣхъ мѣстностяхъ Сиріи, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, и даже въ самой пустынѣ, отдѣльными селеніями или смѣшанно съ другими христіанами и мусульманами; не смотря на великолепныя фразы нѣкоторыхъ политиковъ о вліяніи и богатствѣ православнаго населенія въ Турціи, мы должны съ прискорбіемъ сознаться, что сирійскіе Православные, за исключеніемъ торговаго сословія въ городахъ, очень бѣдны.

Марониты населяютъ главнѣйшій округъ Кесруанскій, лежащій между Баальбекскою долиною, Средиземнымъ моремъ и округами Джурдь и Шуфъ; въ сосѣднихъ съ Бейрутомъ къ востоку и юго-востоку округахъ Марониты живутъ смѣшанно съ Друзами, въ Ката, Солейма, Гарбъ и въ городкѣ Денръ-Элькамаръ ⁽²⁰⁾; вмѣстѣ съ Мютеуалиями Марониты живутъ въ Фетухъ; съ Мусульманами они встрѣчаются, по большей части въ преобладающемъ числѣ, въ городкѣ Канобинъ, въ округѣ Бешарра и въ округахъ Лаодикии; наконецъ, маронитскія деревни встрѣчаются на Карильской горѣ и въ округахъ Руффа и Шумаръ ⁽²¹⁾. Кроме того, Маронитовъ довольно во всѣхъ сирійскихъ городахъ. Это племя принадлежитъ къ числу семитическихъ. Марониты — младшіе братья Халдеевъ, жившихъ къ востоку отъ Эвфрата и Тигра; сирійское происхожденіе ихъ обнаруживается во многихъ мѣстныхъ названіяхъ, наприм. Антура («аинъ-тура» — источникъ горы) и проч. Богослуженіе у Маронитовъ совершается на одномъ съ Несторіанами книжномъ сирійскомъ нарѣчій, какъ оно было принято во время Ефрема Сирійянина, но съ значительнымъ различіемъ въ произношеніи. Первоначально послѣдователи секты Евтихія въ теченіи пяти вѣковъ — Марониты, по извѣстію нѣкоторыхъ византійскихъ писателей ⁽²²⁾, приняли, въ 1167 году, католическій обрядъ патріарха Амори; сами же Марониты выводятъ свое названіе отъ монаха

⁽²⁰⁾ Въ моемъ дневникѣ внесены имена друзо-маронитскихъ деревень, но считаю излишнимъ приводить ихъ здѣсь.

⁽²¹⁾ Марониты, кроме Сиріи, живутъ и въ другихъ мѣстахъ: въ Египтѣ и проч.

⁽²²⁾ Correspondance d'Orient par Michaud et Poujoulat, VII, 315. По Вильгельму Тирскому это произошло въ 1180 году (Robinson, Bibl. Sacra, I. 313).

Марона, въ монастырь на Оронть, умершаго въ 433 году, и утверждаютъ, что они всегда исповѣдывали католическую религію. Въ доказательство они приводятъ слова Вильгельма Тирскаго, который въ XII вѣкѣ называлъ ихъ «вѣрные Ливана», и грамоту папы Климента XI, 1728 года, въ которой они возвеличены «semper fideles».—Римскіе папы, въ теченіе трехъ вѣковъ склонявшіе Маронитовъ къ признанію ихъ главами церкви, наконецъ достигли своей цѣли въ XV вѣкѣ, разрѣшивъ Маронитамъ нѣкоторыя уклоненія отъ католическихъ обрядовъ, въ особенности дозволивъ маронитскому духовенству бракъ, а также избраніе патріарха, съ утвержденія, однако, самаго папы.—Въ Крестовыхъ походахъ погибло будто бы до 50,000 Маронитовъ, за что они и получили, отъ супруга Балдуина I, во владѣніе церковь Св. Елены и пещеру Обрѣтенія Честнаго и Животворящаго Креста въ Іерусалимѣ.—Съ 1584 года, Марониты обложены турецкой данью.—Маронитскій патріархъ имѣетъ мѣстопребываніе лѣтомъ въ Канобинъ, а зимой въ Бкерре; всѣ доходы его ежегодно простираются до 40,000 руб. асс. Въ мое время патріархомъ былъ старецъ Юсуфъ Ботросъ Хабейшъ.—Епископовъ считается тринадцать: сидонскій, бейрутскій, кипрскій, дамаскскій, баальбекскій, джебейльскій, триполійскій, эденскій, алеппскій; остальные не имѣютъ епархій.—Четвертая часть земли у Маронитовъ принадлежитъ духовенству.

Число Грековъ-Католиковъ въ Сиріи хотя и не велико, однако, слѣдуя восточному эмфазу въ титулахъ, они также имѣютъ своего патріарха, признаваемого Портою только за митрополита, мѣстопребываніемъ котораго прежде служилъ монастырь «Маръ-Микаэль»—Св. Михаила, близъ Антуры; главнымъ же монастыремъ у нихъ служитъ Санъ-Сальвадоръ, изъ котораго выходитъ много священниковъ.—Обращеніе Грековъ въ католичество началось не болѣе какъ за сто лѣтъ предъ симъ. Въ мое время мнимымъ антиохійскимъ патріархомъ Грековъ-Католиковъ былъ Максимъ, находившійся по дѣламъ въ Константинополь.

То же самое замѣчаніе о неумѣстной пышности патріаршаго титула еще справедливѣе прилагается къ Армянамъ-*

Католикамъ и къ Сиріянамъ—Католикамъ. Патріархъ первыхъ, титулюющій себя киликійскимъ патріархомъ, имѣлъ мѣсто-пробываніе въ монастырь Эбзумаръ, близъ Бейрута, но въ мое время тоже проживалъ по дѣламъ въ Константинополь, гдѣ турецкій Диванъ запутываетъ крѣпкими узлами, начатыя христіанскимъ духовенствомъ, ходатайства по разнымъ привилегіямъ. У армяно-католическаго патріарха четыре епископа: дамасскій, алеппскій, токатскій и себастійскій.— Патріархъ Сиріянь-Католиковъ жилъ прежде въ монастырь Богородицы Эшшерфе.

Католическія конгрегаціи имѣютъ въ Сиріи также свои учрежденія: такъ у Лазаристовъ есть общины въ Антуръ, Сгорть, близъ Триполи и въ Райфунъ; Капуцины имѣютъ четыре монастыря; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются Францисканы и даже Іезуиты. Лучшею школою у Католиковъ считается антурская. — Панскій легатъ, съ титуломъ епископа, живетъ въ Антуръ.

Американскіе миссіонеры пріобрѣтаютъ себѣ, большею частію, только временныхъ прозелитовъ, пока въ состояніи давать новообращеннымъ содержаніе; впрочемъ, соблазнъ денежнаго вспоможенія такъ силенъ, что во время пребыванія моего въ Константинополь, до шести-сотъ православныхъ домовъ вдругъ приняли протестанство. Подобно другимъ проповѣдникамъ, Американцы заботятся объ учрежденіи школъ въ горахъ.

Англійскіе проповѣдники имѣютъ еще менѣе успѣха.

На Ливанъ, подобно какъ и въ горахъ Курдистана, находится очень много монастырей: кельи отшельниковъ первыхъ временъ христіанства, ископанныя самою природою въ скалахъ, служили первообразомъ для монастырей Востока, которые въ свою очередь послужили образцемъ для другихъ христіанскихъ монастырей. Обыкновенно, восточный монастырь, въ томъ числѣ разумѣется и каждый сирійскій, занимаетъ живописную мѣстность, по большей части на горѣ: здѣсь имѣется въ виду не одна привлекательность перспективы, составляющая единственное удовольствіе отшельниковъ, но и неприступность убыжища, столь необходимая на Востокъ,

среди гоненій мусульманскихъ и общихъ распрей. Для окончательной безопасности, монастырь постоянно обводится высокою и толстою стѣною, такъ-что бывали примѣры продолжительной, но безуспѣшной осады христіанскихъ монастырей Мусульманами; вмѣсто воротъ служить узенькая лазейка, едва достаточная для того, чтобъ провести лошадь. На обширномъ или небольшомъ дворѣ, смотря по тому, какъ позволяетъ мѣстность, въ центрѣ монастыря, помѣщается главный храмъ, состоящій въ связи съ другими придѣлами и съ кельями монаховъ; на горныхъ скатахъ кельи и церкви располагаются въ нѣсколько этажей. Первоначальныя денежные средства опредѣляютъ постройку монастыря или изъ тесанаго камня, или изъ необдѣланныхъ камней: кирпичъ, по недостатку въ лѣсъ, не употребляется. Главная церковь въ православныхъ монастыряхъ имѣетъ крестообразное очертаніе; западная половина креста иногда раздѣлена на три части колоннами, доходящими до самыхъ крпосовъ. Слѣдуя старинному восточному обычаю и соображаясь съ притязаніями Мусульманъ, восточные Христіане отдѣляютъ въ храмахъ женскій полъ отъ мужскаго рѣшетками; но между тѣмъ церковныя придѣлы рѣдко отдѣляются одинъ отъ другаго. Внутренность храма всегда темна и убога; иконостасы лишены всякихъ украшеній; лики Святыхъ начертаны благочестивою, но неискусною рукою кого-нибудь изъ братіи или паствы; ризницы до крайности бѣдны, равно какъ и церковная утварь ⁽²⁵⁾. Стѣны покрыты, по большей части, изображеніями событій, имѣющихъ отношеніе къ самому монастырю; при входѣ же въ главный храмъ, надъ дверями, представляется изображеніе Страшнаго суда, составляющее какъ бы необходимую принадлежность христіанскихъ храмовъ на Востокъ. Въ одномъ изъ греческихъ монастырей, на Принцовыхъ-островахъ, противъ Константинополя, изображены, въ числѣ грѣшниковъ, греческіе духовные и Мусуль-

(25) Нашъ Святѣйшій Синодъ доставилъ въ Антиохійскую патриархію нѣкоторыя церковныя принадлежности, вѣроятно, какъ-нибудь принесенныя въ даръ; не смотря на ихъ простоту, онѣ казались великолѣпными въ сравненіи съ бывшими доголдъ въ греческой церкви.

мане, что если и справедливо, то было очень смѣло со стороны художника. Рѣдко христіанскіе монастыри заключаютъ въ своей оградѣ кладбища: исключеніе дѣлается только для высшихъ духовныхъ особъ. Бѣдность христіанскихъ храмовъ на Востокъ, прямое слѣдствіе мусульманскаго страха, представляетъ монастыри въ томъ суровомъ видѣ, въ какомъ они существовали у первыхъ Христіанъ, со всеми умерщвленіями плоти; но—увь!—новѣйшіе отшельники нерѣдко соблазняются мірскими благами. Впрочемъ, это замѣчаніе не должно относиться къ православному духовенству Сиріи, которое вообще живетъ въ большихъ лишеніяхъ. Пѣкогда христіанскіе монастыри составляли средоточія знанія и обладали богатыми библиотеками: въ настоящее время ни православное духовенство въ Сиріи, ни монастыри его не могутъ похвалиться наукою и даже, по большей части, лишены самыхъ необходимыхъ познаній и средствъ; существующія при монастыряхъ школы едва достаточны для первоначальнаго обученія. О драгоценныхъ древнихъ рукописяхъ или важныхъ духовныхъ книгахъ и спрашивать не зачѣмъ въ сирійскихъ греческихъ монастыряхъ, за исключеніемъ Θεодосіева Евангелія: кромѣ рукописныхъ и печатныхъ служебниковъ, монастыри другихъ книгъ не имѣютъ ⁽²⁴⁾. Даже между Маронитами, духовенство которыхъ еще недавно славилось основательнымъ изученіемъ арабскаго языка, начинается падать и эта отрасль знанія, и едва ли не послѣднимъ представителемъ маронитской учености былъ Аруда, проведшій остатокъ дней своихъ въ Вѣнѣ ⁽²⁵⁾. Мѣсто знанія религіи заступили у восточнаго духовенства суевѣрныя стремленія, проявляющіяся въ фантастическихъ повѣствованіяхъ о чудесной силѣ воды въ монастырскихъ родникахъ: особенно на берегахъ Босфора почти всѣ ключи считаются у Христіанъ «аясма».—Лучшимъ православнымъ монастыремъ въ Сиріи считается Бельмендъ, о которомъ я упомянулъ на дорогѣ изъ Триполи въ Бейрутъ.

(24) Въ Бейрутѣ находится у Православныхъ типографія, которая почти ничего не производитъ.

(25) Еще извѣстенъ былъ Петръ Бенедиктъ, издатель сочиненій Ефрема.

Католическое духовенство туземныхъ племенъ Востока, на основаніи оставшагося за нимъ права бракосочетаться и другихъ привилегій, имѣеть возможность вести жизнь съ меньшими лишеніями, между которыми не последнее мѣсто должно бы занимать отреченіе чернаго духовенства отъ мясной пищи, установленное первобытною христіанскою церковью, и неисполняемое съ требуемою строгостію. Впрочемъ, маронитское духовенство отличается нѣкоторымъ трудолюбіемъ, воздержностію и даже, относительно, образованностію. Число маронитскихъ монастырей въ Сиріи простирается до 80, изъ коихъ самый древній есть Маръ-Шалейта; они слѣдуютъ уставу св. Антонія, съ нѣкоторыми уклоненіями, и дѣлятся на три класса: ливанскихъ, алеппскихъ и долинныхъ. Сверхъ того, считается до 15 женскихъ монастырей. Между мужскими монастырями замѣчательнъ «Деиръ-Маръ-Антоніусъ»—св. Антонія, на пути изъ Триполи въ Баальбекъ, обитаемый многочисленною братією. Какъ духовенство, такъ и народъ маронитскіе въ дѣлахъ религіи довольно суевѣрны: они имѣють свой катихизисъ, наполненный оригинальными правилами, и если съ одной стороны духовенство охотно продаетъ мѣста въ раю, то съ другой стороны не менѣе щедро платять за нихъ суевѣрные Марониты. — У Грековъ-Католиковъ считается до 17 монастырей; замѣчательнъ монастырь «Маръ-Ханна», въ коемъ находится большая типографія.

Тотъ, кто дерзнулъ бы произнестъ кому-либо изъ вселенскихъ патріарховъ осужденіе за недостатокъ образованія, а иногда и нравственныхъ основаній въ духовномъ сословіи, согрѣшилъ бы непростительно, потому-что такому достойному горькаго сожалѣнія состоянію христіанскаго духовенства на Востокъ имѣется довольно причинъ, можно сказать, непреодолимыхъ. Изъ многихъ достаточно привести только двѣ: во-первыхъ, патріархіи и митрополіи весьма нуждаются въ доходахъ, и поэтому едва въ силахъ поддерживать кое-какъ школы первоначальнаго обученія, а къ учрежденію семинарій для высшаго духовнаго образованія нѣтъ никакихъ средствъ: всѣ сколько-нибудь свободныя суммы поглоща-

ются турецкими властями, на поддержку взаимной борьбы Христіанъ. Бѣдность Антиохійской патріархіи показана мною осязательно. Во-вторыхъ, главы церкви не могутъ подвергать заслуженному наказанію провинившихся низшихъ духовныхъ, потому-что послѣдніе, избѣгая стыда порицанія и для соблюденія своихъ выгодъ на будущее время, немедленно угрожаютъ владыкъ, при первомъ съ его стороны позывѣ на судъ и исправленіе, обращеніемъ въ другое христіанское вѣроисповѣданіе, а обращеніе пастыря можетъ увлечь и цѣлый приходъ. Такъ, во время пребыванія моего въ Сиріи, одинъ священникъ, отлученный за свои проступки патріархомъ Меѳодіемъ отъ служенія, обратился было въ католичество, а за нимъ хотѣла послѣдовать и вся его деревня, около 70 домовъ. Подобныя событія не рѣдки.

Не смотря на указанные мною недостатки восточнаго духовенства, все же должно признать, что здѣсь хранится теплая вѣра въ счастливую будущность, подъ самостоятельнымъ христіанскимъ управленіемъ, вѣра, которой не могли сокрушить вѣка мусульманскаго гоненія. Эта вѣра не можетъ быть лжива, потому-что и во время римскаго управленія Сирія составляла одну изъ богатѣйшихъ провинцій: плодородіе почвы и благотворенный климатъ питали многочисленное народонаселеніе, котораго нынѣ не осталось и трети. Часто встрѣчающіяся въ Сиріи величественныя римскія и византійскія руины краснорѣчиво говорятъ о процвѣтаніи обширныхъ городовъ тамъ, гдѣ нынѣ представляется дикая пустыня, гдѣ не найдутъ теперь ни воды, ни лѣса, ни даже минувшаго плодородія почвы, какъ бы изсушенной мусульманскимъ фанатизмомъ. Если исчезаютъ мало по малу знаменитые ливанскіе кедры, если восточный скатъ Ливана, и западный Антиливана представляютъ сухую, почти безплодную почву, если Баальбекская долина обезводнѣла, то много еще остается въ Сиріи зелени, ожидающей лишь руки какого-нибудь земледѣльца. Вслѣдствіе непрерывныхъ притѣсненій, народонаселеніе сжалось въ горахъ или приморскихъ городахъ, но доступныя гонителю плодоносныя долины большею частію покинуты. Сирійскіе христіане зани-

маются съ успѣхомъ земледѣліемъ, особенно въ горахъ: тамъ, гдѣ горный скатъ не позволяетъ пахать волами, земледѣлецъ обрабатываетъ землю лопатой; тамъ, гдѣ земля перемѣшана съ камнемъ, земледѣлецъ выбираетъ камни и устраиваетъ изъ нихъ стѣну, которая поддерживаетъ нивную террасу; дубовыя, пихтовыя и туловыя деревья украшаютъ ливанскія селенія. Кромѣ земледѣлія, вознаграждающаго трудъ сирійскаго жителя сторицею, Христіане съ успѣхомъ занимаются шелководствомъ, садоводствомъ и винодѣліемъ: ливанское «золотое вино», *vino d'oro*, имѣетъ нѣкоторое значеніе во внутренней торговлѣ. Въ приморскихъ городахъ Сиріи растутъ даже бананы, величаемые у Грековъ райскою смоквою, дающіе превосходный плодъ. Разведеніе табаку составляетъ также одинъ изъ главныхъ промысловъ: знаменитые табаки латакійскій «Абу-риха», «Джебеліэ» въ Джебейль, и «Сури» въ Тиръ и Сидонъ идутъ въ большомъ количествѣ для заграничнаго вывоза въ Египетъ и Константинополь. Разведеніе розъ, для выдѣлки розоваго масла и розовой воды, сѣяніе шафрана и наконецъ выдѣлка матерій на собственную одежду составляютъ остальные занятія сирійскихъ Христіанъ. — Не смотря на плодородіе почвы и разнообразіе произведеній, сирійскіе Христіане очень бѣдны, и морская торговля находится большею частію въ рукахъ Левантинцевъ и Европейцевъ, которые пользуются особенными преимуществами и получаютъ почти всю прибыль, слѣдующую туземному христіанину за его труды. Сиріанинъ, въ особенности православный, постоянно угнетаемый, не имѣетъ возможности расширить своей промышленности, никакъ не можетъ, подобно Левантинцамъ или смирскимъ Грекамъ, войти въ прямые сношенія съ европейскими домами, а тѣмъ болѣе завести постоянныхъ корреспондентовъ: греческіе и армянскіе торговые дома, утвердившіеся въ Ливорно, Триестъ или Марсели, ведутъ свои дѣла большею частію черезъ левантинскихъ негоціантовъ.

По своей многочисленности, единству семитическаго происхожденія и даже языка, — языкъ арабскій служитъ національнымъ нарѣчіемъ, — Христіане Сиріи, въ соединеніи съ ме-

сопотамскими, могли бы составить самостоятельное владѣніе и возвратить давно утраченную идею національности, постоянно приносимую на эту благодатную почву европейскими пришельцами; но увы! — религиозная распря раздѣляетъ всѣхъ этихъ братьевъ и раздѣляетъ почти несокрушимою преградой. Въ мое время, какъ и всегда, главная борьба въ Сириі проходила у Христіанъ между Православными и Католиками, въ особенности вновь отпадшими Греками: представитель послѣднихъ — Максимъ въ это время перенесъ свои интриги изъ Александріи въ Константинополь и ходатайствовалъ у Порты, черезъ западныя посольства, о дарованіи греко-католическому духовенству права носить такое же платье, въ какое облачается православное или католическое духовенство. Эта привилегія, по видимому, очень неважная, въ сущности нанесла бы великій ударъ православію на Востокъ, потому-что въ глазахъ простаго народа Греки-Католики стали бы истинными представителями древней церкви. Введенію такого права противушло наше посольство въ Константинополь; но, впрочемъ, только въ дѣлахъ первостепенной важности, и притомъ прямо касающихся православія, принимаетъ дѣятельное участіе русское правительство, вообще уклоняющееся отъ вмѣшательства въ мелкія религиозныя распри. До какой степени простирается бдительная осторожность нашего правительства, можно судить по слѣдующему повѣствованію антиохійскаго святителя Меѳодія: когда безпокойный Максимъ-Католикъ началъ свои происки у Мегемета-Али въ Александріи, патріархъ Меѳодій долженъ былъ отправиться на поклонъ къ египетскому пашѣ, тогда повелѣвавшему Сирией. Мегеметь-Али принялъ патріарха очень ласково, но спора кончить не могъ, потому-что Максимъ перенесъ его въ Константинополь. На прощальной аудіенціи, египетскій паша сказалъ патріарху: «если Французы, которымъ нѣтъ никакого дѣла до Максима, такъ сильно поддерживаютъ его, то почему же Русскіе, которые одной съ вами вѣры, не помогаютъ вамъ? Напиши мои слова въ Константинополь, а если будетъ нужно, то поѣзжай туда и самъ хлопотать». Въ благодарность за ласковый пріемъ, Меѳодій совѣтовалъ гречес-

кому консулу въ Александріи уговорить Мегемета-Али отказаться отъ турецкаго флота и ограничить свое честолюбіе; но совѣтъ святителя не былъ принятъ.

Отъ религіозныхъ раздоровъ съ своими собратіями уклонились въ Сиріи только Марониты, но и то потому, что они были заняты враждой съ Друзами. Эта вражда, возбужденная отчасти самыми событіями, отчасти турецкимъ правительствомъ и западными державами, въ мое время покрывала горизонтъ Сиріи кровавыми тучами, которыя и до сихъ еще поръ носятся надъ несчастною страной. Почему спокойствіе для Сиріи, при существующихъ условіяхъ, недостижимо, пояснитъ слѣдующее изложеніе хода дѣлъ въ этой области.

Господствующее населеніе Сиріи составляютъ Мусульмане семитическаго происхожденія⁽²⁶⁾, всегда наклонные, особенно въ Дамаскъ, и къ фанатическому самоуправству, и къ явному возстанію противъ турецкихъ властей, на господство которыхъ сирійскіе Мусульмане не всегда смотрятъ снисходительно. Остальное населеніе Сиріи состоитъ изъ послѣдователей разныхъ религій, а именно: изъ Православныхъ Христіанъ, Маронитовъ, Ансаріевъ, Друзовъ, Мютеуалиевъ, Исмаилитовъ, Христіанъ разныхъ сектъ и Евреевъ⁽²⁷⁾. Большая часть народовъ Азіи и Европы способствовали населенію Сиріи: Ассиріяне, Персы, Аравитяне, Египтяне, Монголы и Европейцы—во время Крестовыхъ походовъ. Между Христіянами первое мѣсто, по единству и нѣкоторой самостоятельности, занимаютъ Марониты, отличающіеся трудолюбіемъ и даже, въ крайнихъ случаяхъ раздраженія, нѣкоторою храбростію, между тѣмъ какъ остальные Христіане Сиріи по большей части ограничиваются пассивною ролью: и съ этой стороны Марониты не даромъ считаются въ родствѣ съ Несторіанами. Древность племени, горская жизнь и покровительство Франціи придаютъ еще болѣе значенія маронитской національности.

Ансаріи, составляющіе особенную мусульманскую секту,

(26) Турецкая географія Джиханъ-Нума показываеъ въ Сиріи (стр. 554) девять главныхъ племенъ арабскихъ.

(27) Евреевъ считаютъ въ Сиріи до 30,000 чел.

которой ученіе состоитъ изъ смѣси ислама, христіанства и грубыхъ суевѣрій⁽²⁸⁾, обитають преимущественно въ горахъ, къ востоку отъ Латакіи, и могли бы, по своей численности, занимать важное мѣсто въ дѣлахъ Сиріи, но, разъединенные, дикіе, способные лишь къ грабежу и ненавидимые остальнымъ населеніемъ Сиріи, Ансаріи только увеличиваютъ общую смуту, не болѣе.

Мютеуалин⁽²⁹⁾ населяють Баальбекскую долину и деревни къ югу отъ Бейрута; это—последователи Али, отличавшіеся прежде свирѣпостію, но въ последнее время ослабленные.

Страшные некогда Ассасины, выродившіеся нынѣ въ Исмаилитовъ⁽³⁰⁾, особенную мусульманскую секту съ суевѣрными уставами, но малочисленности своей, не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Остаются съ первостепеннымъ значеніемъ только Друзы, мусульманская секта, также слѣдующая нелѣпому вѣроученію собственной выдумки⁽³¹⁾, населяющая преимущественно область Шуфъ, вмѣстѣ съ Маронитами, но имѣющая надъ послѣдними перевѣсъ, по богатству и обширности захваченныхъ земель, по свирѣпости и вѣроломству характера. Какъ близкіе сосѣди, связанные общими интересами и преслѣдованіемъ Мусульманъ, Марониты и Друзы долгое время жили въ согласіи; но, въ послѣдніе годы, политика Турціи и нѣ-

(28) Ансаріевъ въ Сиріи до 200,000 чел. Объ ученіи ихъ см. Нибуръ, Reisebesch. II, 439—444; Journ. asiat. 1848, XII, 72; The Ansyreeh and Ismaeleh, by S. Lyde (1853). Въ моемъ дневникѣ также находятся свѣдѣнія объ ученіи Ансаріевъ. Ансаріи признають нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ (наприм. Евангелиста Марка), чествуютъ дни ихъ въ одно время съ Христіанами, считаютъ священною книгою Евангеліе, и, однакоже, ненавидятъ Христіанъ, такъ что молитва ансарія считается недействительною, если онъ въ это время увидитъ христіанина, негра, верблюда или зайца.

(29) Мютеуалиевъ въ Сиріи можно считать до 30,000 человекъ.

(30) Исмаилитовъ я полагаю въ Сиріи до 20,000 человекъ. Объ ученіи ихъ, кромѣ вышеприведенной книги, см. Journ. asiatique, 1848, XII, 485.

(31) Число Друзовъ въ Сиріи простирается до 110,000 чел. Ученіе ихъ представлено знаменитымъ ориенталистомъ С. де Саса въ Exposé de la religion des Druses, 2 vol., и въ Catéchisme des doctrines de la religion des Druses par Basile, évêque de Sidon. Друзы дѣлятся въ Сиріи на семь округовъ — «мокаттаа».

которыя западныхъ державъ возбудила между обонми сосѣдями кровавую вражду.

Вотъ изъ какихъ разныхъ элементовъ, имѣющихъ противоположныя стремленія, слагается сирійское населеніе. Къ этому должно прибавить соперничество западныхъ европейскихъ державъ, старающихся привлечь на свою сторону то одно исповѣданіе, то другое, — говоря о Сиріи, можно употребить только это выраженіе, а не племя, — то подкупомъ, то соблазномъ сильнаго покровительства, и сверхъ всей этой амальгамы стоитъ турецкое правительство, слишкомъ слабое для того, чтобъ умирить враждующія партіи и устроить благоденствіе страны, но довольно на этотъ разъ хитрое для того, чтобъ сѣять постоянно раздоръ между сирійскими сектами и, слѣдуя извѣстному правилу, управлять черезъ раздѣленіе; правительство, у котораго вдобавокъ есть постоянная *aggrègement* — образованіе изъ Сиріи пашалыка, вмѣсто провинціи, состоящей на особенныхъ правахъ.

Ливанскія горы издавна имѣли феодальное управленіе шейховъ, во главѣ которыхъ стоялъ особенный князь изъ друзской фамиліи Бени-Маанъ⁽⁵²⁾: Маанъ же былъ поставленъ санджакъ-бекомъ и при завоеваніи Сиріи, султаномъ Селимомъ 1-мъ, у египетскихъ Мамлюковъ, въ 1516 году. Одинъ изъ этихъ князей, эмиръ Фахръ-Эддинъ, познакомившійся съ европейскимъ образованіемъ во Флоренціи, отложился, въ 1620 году, отъ Турціи и резиденціей своей избралъ «Деиръ-Элькамаръ» — монастырь лунны; но, въ 1633 году, при султанѣ Мурадѣ IV, друзскій эмиръ былъ нобъжденъ, взятъ въ плѣнъ и въ слѣдующемъ году казненъ въ Стамбуль вмѣстѣ съ сыномъ⁽⁵³⁾. Съ тѣхъ поръ Друзы не переставали по временамъ, массами или отдѣльными селеніями, явно или тайно, возмущаться противъ турецкаго правительства, которое никогда не могло утвердить прочно своей власти въ

(52) Еще ранѣе Бени-Маанъ, утвердилась на Ливанѣ фамилія Бени-Ткутъ, которая первенствовала здѣсь почти семь столѣтій. — О первомъ Маанскомъ князѣ упоминается въ 1108 году.

(53) Нѣкоторые мусульманскіе историки подозреваютъ, что Фахръ-Эддинъ тайно принялъ Христіанскую вѣру.

горахъ (⁸⁴). Одно изъ замѣчательныхъ возстаній, подъ начальствомъ самой владѣтельной фамиліи Бени-Маанъ, было при султанѣ Ахмедѣ II и подавлено только соединенными силами правителей Алеппо, Дамаска, Сайды, Триполи, Клиса и 10,000 Курдовъ. Такой страшной силы требовало друзское племя, находившее союзниковъ въ другихъ обитателяхъ Ливана! Эмиръ управлялъ горами по стариннымъ обычаямъ, платя Портѣ опредѣленную дань.— Въ концѣ XVII столѣтія, фамилія Маановъ угасла въ лицѣ послѣдняго эмира Ахмеда, дяди Фахръ-Эддинова, низложеннаго Турками въ 1694 году: верховная власть перешла въ руки родственной фамиліи Шехабъ (⁸⁵), которой родоначальники вышли изъ Хеджаса (⁸⁶); главная вѣтвь исповѣдовала исламъ, а меньшая приняла христіанство не ранѣе, какъ въ прошломъ столѣтіи (⁸⁷). Послѣ 80 лѣтъ правленія старшей линіи, одинъ изъ потомковъ младшей, эмиръ Беширъ (родился 16 января 1767 года), сынъ Католика Касема, и самъ исповѣдывавшій, хотя и не очень ревностно, католическую вѣру, отнялъ, съ помощію кровожаднаго тирана, акрсакаго Джеззаръ-Паши, власть у дяди своего Юсуфа и, съ разными промежутками, правилъ Ливаномъ до 1841 года. Въ это время онъ высидѣлъ сначала шестнадцать мѣсяцовъ въ ужасной тюрьмѣ у Джеззаръ-Паши, а потомъ не разъ удалялся отъ правленія въ горы и въ Египеть, къ Мегемету-Али, вслѣдствіе упорныхъ возстаній горцевъ противу турецкихъ налоговъ и собирателя ихъ, самаго эмира. Нельзя сказать, чтобъ поведеніе эмира Бешира, приобрѣтшаго себѣ громкую извѣстность даже въ Европѣ, было свободно отъ многихъ тяжкихъ упрековъ: во-первыхъ, онъ былъ жестокъ, гораздо болѣе, нежели позво-

(⁸⁴) Первоначально и во времена Умайядовъ, Сирія дѣлилась на пять губерній, при Мамлюкахъ—на четырнадцать. Султанъ Селимъ раздѣлилъ ее на восемь губерній. Послѣ было въ Сиріи только три пашалыка: Дамасскій, Алеппскій и Триполійскій. Въ настоящее время Сирія раздѣлена на 21 округъ.

(⁸⁵) Первый изъ этой фамиліи правилъ эмиръ Беширъ, съ 1697 по 1708 годъ; за нимъ слѣдовалъ эмиръ Хайдаръ (1708—1730); потомъ эмиръ Мельхемъ.

(⁸⁶) Шехабиды пришли въ Вали-Этгеймъ въ 1161 году и до пришествія Турокъ владѣли Хасбейей и Рашейей: султанъ Селимъ I утверждалъ ихъ въ этомъ владѣніи.

(⁸⁷) Эмиръ Мельхемъ Шехабъ, принявшій Христіанскую вѣру, умеръ въ 1756 году.

ляетъ не только христіанство, но даже простое чувство дикаря. Оставляя въ сторонѣ многія частныя извѣнія въ Ливанскихъ горахъ, по приказанію эмира, убійство маронитскаго священника Покры и разныя неистовства, приписываемыя болѣе шейху Беширу, министру эмирову, мы можемъ указать на ослѣпленіе Хюсейна и Саадъ-Эддина, двоюродныхъ братьевъ эмира, исполненное по приказанію ливанскаго князя. Во-вторыхъ, въ политическихъ сношеніяхъ эмиръ Беширъ не только былъ сомнителенъ, но даже иногда върломенъ, особливо въ отношеніи Христіанъ; разумѣется, къ этому онъ былъ побуждаемъ особенно честолюбіемъ, которое на Востокъ не разбираетъ средствъ. При всемъ томъ нельзя отрицать нѣкоторыхъ благодѣяній управленія эмира Бешира въ горахъ: ослабленіе феодализма, введеніе извѣстной степени безопасности, развитіе торговли и учрежденіе духовныхъ школъ.

Нетвердость политики сгубила эмира Бешира: придерживаясь сначала османскихъ властей, для которыхъ онъ даже велъ войны съ Христіанами, ливанскій князь предался потомъ Египтянамъ; но во время изгнанія послѣднихъ изъ Сиріи, не умѣлъ избрать себѣ ничего, кромѣ сомнительнаго нейтралитета, а на Востокъ такое положеніе хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь, и, вслѣдствіе политической ошибки, былъ увезенъ, какъ новый Наполеонъ, Англичанами изъ Сиріи. Изгнанникъ осмѣялъ своихъ западныхъ покровителей въ ловкой арабской пословицѣ, которая хорошо переведена по-итальянски: *il gallo canta, ma non fa l'alba*.

Съ изгнаніемъ Египтянъ, которыхъ сгубили честолюбивые замыслы, введеніе монополіи и обезоруженіе ливанскихъ горцевъ, и съ похищеніемъ эмира Бешира начались новыя и сильнѣйшія смуты на Ливанъ, возжигаемыя и поддерживаемыя съ одной стороны турецкимъ правительствомъ, желавшимъ преобразовать Сирію въ пашалыкъ, и жадностью турецкихъ правителей, а съ другой соперничествомъ западныхъ державъ. Не умирили несчастной страны ни назначеніе на короткое время новыхъ ливанскихъ князей изъ фамиліи Беширъ, а потомъ (1 января 1845 года) вмѣстѣ изъ

Друзовъ и Маронитовъ, ни полномочные комиссары, присылаемые Портою изъ Константинополя въ Сирію, потому что со стороны турецкаго правительства имѣлось лишь въ виду одно угнетеніе сирійскаго населенія и полученіе невозможныхъ доходовъ. Покровительствуемые турецкими властями, Друзы произвели ужасныя убійства и опустошенія въ маронитскомъ населеніи Сиріи, даже угрожали избіеніемъ всѣхъ Христіанъ. По словамъ туземныхъ Православныхъ, число всѣхъ разоренныхъ въ два года (1842 и 1843) домовъ на Ливанъ восходитъ до 10,000, а христіанскихъ храмовъ до 60, при чемъ были убиваемы и священнослужители. Во время пребыванія моего въ Сиріи, уже сожалѣла большая часть народонаселенія, въ особенности католическіе Христіане, объ египетскомъ управленіи, которое, вмѣстѣ съ эмиромъ Беширомъ, доставило нѣкоторое спокойствіе странъ, исчезнувшее при Оттоманяхъ. Христіане съ восторгомъ вспоминали о томъ, что Ибрагимъ - Паша подвергъ годичному изгнанію дамасскаго магната Несиба, потомка Мухаммедова, засѣдавшаго въ Диванъ, за выраженное имъ въ одномъ изъ протоколовъ совѣта мнѣніе, будто Мусульмане должны быть покровительствуемы болѣе Христіанъ. Наконецъ, во время пребыванія моего въ Константинополѣ, получено было извѣстіе о новомъ нападеніи Друзовъ на сирійскихъ Христіанъ, и бейрутскіе филантропы составили, по этому случаю, слѣдующее воззваніе:

«Ужасная катастрофа разразилась надъ Христіанами горы Ливана. Неслыханныя бѣдствія поразили населеніе, обитающее въ деревняхъ смѣшанно, т.-е. составленное изъ Христіанъ Маронитовъ, Грековъ обоихъ исповѣданій и Друзовъ.

«Эти деревни, почти съ 1810 года, были управляемы друзскими старшинами, которые, посредствомъ интригъ у пашей, успѣли сосредоточить власть въ своихъ рукахъ: они злоупотребили ей для того, чтобы причинять всѣвозможныя стѣсненія Христіанамъ и облегчить, къ невыгодѣ послѣднихъ, положеніе своихъ годовѣрцевъ. До тѣхъ поръ, пока начальствовалъ эмиръ Беширъ, власть его, иногда жестокая, но всегда твердая и правильная, была достаточна для сдер-

жанія безсильныхъ стремлений независимости друзскихъ старшинъ; но когда, по удаленіи Египтянъ въ 1840 году, неопредѣленная власть Порты оставила ненаказанными насильства мелкихъ правителей округовъ, Христіане были преданы самымъ ненавистнымъ угнетеніямъ и поставлены въ невыносимое положеніе.

« Это положеніе дѣль произвело, въ 1841 году, возстаніе въ округахъ смѣшаннаго населенія, и, вслѣдствіе кровавой борьбы, явился проектъ примиренія, изданный самимъ турецкимъ правительствомъ. По этому проекту слѣдовало Христіанамъ вознагражденіе за часть понесенныхъ ими потерь, и собранная въ Бейрутѣ коммисія опредѣлила его въ 80,000 кисэ, каждый почти въ 125 франковъ, т.-е. около десяти милліоновъ франковъ. Эту сумму константинопольскій Диванъ нашель чрезмѣрною, и счель долгомъ понизить до 13,500 кисэ, изъ коихъ 10,000 платить турецкое правительство, а 3,500 платять Друзы; но никогда ни малѣйшая часть этого вознагражденія не была уплачена Христіанамъ.

« Относительно же управленія округовъ, Порты дѣлала чрезвычайныя усилія для того, чтобъ принудить Христіанъ просить себѣ турецкихъ старшинъ, на мѣсто и взаменъ друзскихъ, но Христіане постоянно отказывались и настаивали на возстановленіи начальниковъ, избираемыхъ изъ среды ихъ единоверцевъ. 1843 и 1844 года протекли въ спорахъ, къ которымъ примѣшивались безплодныя попытки сближенія.

« Наконецъ, 30 апрѣля 1845 года, послѣ большаго числа отдѣльныхъ убійствъ, Друзы начали войну въ округахъ смѣшеннаго населенія, лежащихъ къ югу отъ Бейрута, нападеніемъ на деревню Маллака и на округи Джурдъ и Аркубъ. Въ Бардеранъ они осаждаютъ тридцать христіанскихъ семействъ въ домъ шейха Ахмеда и убѣждаютъ ихъ сдаться, съ обѣщаніемъ пощадить жизнь, но потомъ умерщвляютъ ихъ, насилуютъ женщинъ и убиваютъ дѣтей о землю. 5 мая, Друзы жгутъ Маazza и избиваютъ народонаселеніе. 9 мая, ужасная катастрофа постигла Аббе: здѣсь эти тигры не задумались умертвить почтеннаго патера Карла, капуцина,

который десять лѣтъ жилъ между ними и котораго все преступленіе состояло въ томъ, что онъ занимался воспитаніемъ ихъ дѣтей и ходилъ за ихъ больными. Поразивъ его въ убищѣ, зажгли его одежду, и онъ погнѣбъ мученически, пожираемый пламенемъ.

«Наконецъ, 11 мая, Христіане съ западной стороны стекаются на помощь своимъ братьямъ и отбиваютъ Друзовъ, но, остановленные въ своемъ порывѣ бейрутскимъ пашею, они не могутъ извлечь никакой пользы изъ своей побѣды, и Друзы кидаются тогда на округъ Джезинскій, въ которомъ жгутъ деревни и избиваютъ народъ безъ различія пола и возраста. 15 мая, караванъ Христіанъ получаетъ возможность отправиться, подъ охраненіемъ турецкихъ солдатъ, изъ Деиръ-Элькамара въ Сайду, за припасами; на срединѣ пути, Турки требуютъ денежной суммы, которой Христіане не въ состояніи дать: покинутые по этому своимъ конвоемъ, Христіане умерщвлены Друзами, за исключеніемъ шести чловѣкъ, которые успѣли спастись.

«Съ 16 мая до 18, храбрые обитатели Захле возобновляютъ нападеніе и успѣваютъ изгнать Друзовъ, но и тутъ они опять остановлены войсками бейрутскаго пашы, который стрѣляетъ по нимъ изъ пушекъ. Тѣмъ временемъ, Друзы безпрепятственно проникли въ округъ Метенскій, который разорили и изъ котораго выгнали жителей въ Кесруанъ до Бикфаи. Послѣдній эпизодъ этой кровавой борьбы есть разграбленіе Аспеи, въ Антиливанъ, которой народонаселеніе состоитъ преимущественно изъ Грековъ восточной Церкви.

«Наконецъ, турецкія власти, уступая энергическимъ протестамъ европейскихъ консуловъ, и въ отдѣльности мужественнаго представителя Франціи, приняли дѣйствительное участіе въ дѣлѣ и принудили Друзовъ положить оружіе.

«И если спросить, какимъ образомъ Христіане, гораздо многочисленнѣйшіе Друзовъ, допустили такъ избивать свои семейства, жечь свои жилища и нивы, безъ сопротивленія, или по крайней мѣрѣ безъ примѣрнаго отмщенія, мы дадимъ естественное объясненіе этой кажущейся аномаліи.

«Друзы сосредоточены въ числѣ 20,000—21,000 въ маломъ числѣ округовъ, которыхъ христіанское населеніе можно

полагать въ 30,000—35,000 душъ; но, такъ-какъ власть издавна находится въ рукахъ Друзовъ, они хорошо устроены, начальствуются опытными вождями и свободны въ выборъ для войны момента, который признають благоприятнымъ. Такимъ образомъ они начали непріятельскія дѣйствія въ этотъ разъ въ то время, когда Христіане были заняты собираніемъ шелку и когда они жили раздѣльно на своихъ шелковичныхъ заведеніяхъ. Понятно, что всѣ преимущества были на сторону Друзовъ, въ особенности въ началѣ, и что равновѣсіе можетъ быть возстановлено только приходомъ Христіанъ изъ западной части на помощь своимъ братіямъ.

« Смѣшанное населеніе простирается отъ Сайды до дамасской дороги изъ Бейрута. По ту сторону, до Триполи, въ горахъ находятся только христіанскіе округа, управляемые старшинами изъ самихъ Христіанъ и довольно хорошо устроенные для того, чтобъ не страшиться нашествія враговъ. Въ Антиливанъ также считается нѣсколько округовъ смѣшаннаго населенія, но Друзы здѣсь въ гораздо меньшемъ числѣ.

« Другое обстоятельство весьма тяготѣло надъ Христіанами: это—явное пристрастіе мѣстной бейрутской власти, пристрастіе, проявившееся въ столь ненавистныхъ поступкахъ, которые ставили препону свободнымъ дѣйствіямъ Христіанъ всякій разъ, какъ они могли защищаться съ выгодою, между тѣмъ какъ полная свобода была предоставлена ихъ врагамъ.

« Коротко сказать, убійство, разрушеніе и разореніе были внесены въ округи смѣшаннаго населенія: Метенскій, Джурдскій, Аркубскій, Шуфскій, Джезинскій, на западъ Бкаа и въ Сахель.

« Число сожженныхъ деревень превышаетъ полтора ста; жатвы были истреблены, церкви и монастыри разрушены, и на базарѣ бейрутскомъ можно было покупать церковные сосуды у турецкихъ солдатъ, назначенныхъ къ покровительству беззащитнаго народонаселенія.

« Насчитываютъ до двухъ тысячъ погибшихъ Христіанъ, и что особенно достойно прискорбія, большая часть состоитъ изъ женщинъ, дѣтей, священниковъ, стариковъ.

« Народонаселеніе сожженныхъ деревень простирается до двадцати двухъ тысячъ челоуѣкъ, отчасти скитающихся въ

горахъ или укрывшихся въ Сайдъ, Захла и Деирь-Элькамаръ, безъ хлѣба, безъ пристанища и безъ одежды.»

Можетъ быть, нигдѣ пороки османскаго управленія—фанатизмъ, алчность, недобросовѣстность и безтолковость, не являются такъ ясно, какъ въ Сиріи, гдѣ происходитъ столкновение столькихъ противоположныхъ убѣжденій и интересовъ. Порты, насльшанная отъ кого-то объ идеѣ централизаціи, постоянно преслѣдуетъ одинъ фантомъ: обратить Ливанскія горы въ пашалыкъ и лишить Сирію особенныхъ правъ. Впрочемъ, это мнѣніе высказывается только западными публицистами, и едва ли константинопольскій Диванъ не дѣйствуетъ въ Сиріи безсознательно, требуя лишь денегъ и оставляя все прочее на произволь пашей, имперскихъ откупщиковъ Турціи, которые должны были собирать съ Ливана, по трактату 1842 года, 1,200 кисэ дани для Порты и 2,300 кисэ на управленіе страны⁽⁸⁸⁾. Должность свою откупщиковъ паша отправляютъ вездѣ усердно, а особенно въ Сиріи, что и подавало не разъ случай ко всеобщему возстанію въ горахъ. Особенно отличаются почему-то акрскіе паша: за кровожаднымъ боснякомъ «Джеззаромъ»—палачомъ, врагомъ Христіанъ, слѣдовалъ корыстолюбивый Абдулла, возбудившій, въ 1819 году, междоусобную войну въ Ливанскихъ горахъ своимъ налогомъ. Въ презрѣніи къ райямъ, сирійскіе паша сажаютъ въ тюрьму и вселенскихъ патриарховъ, и ливанскихъ князей совершенно по произволу, и, разумѣется, со стороны Порты нѣтъ ни малѣйшихъ возраженій, не только наказаній; систематическое угнетеніе и униженіе эмира Бешпира и его семейства константинопольскимъ Диваномъ довело сына эмирова Эмина до принятія ислама. Къ этому должно еще прибавить взаимное соперничество пашей, въ которомъ невольно должны принимать участіе Христіане, а это участіе стѣитъ крови и денегъ. Въ мое время дамаскимъ пашею былъ Али, переведенный изъ Багдада и известный подъ прозваніемъ «Серхошъ»—пьяницы, потому что онъ всѣмъ явно придерживался крѣпкихъ напитковъ. И дѣй-

⁽⁸⁸⁾ Султанъ Селимъ I, при завосваніи Сиріи, наложилъ на нее дань, и съ тѣхъ поръ турецкое правительство слѣдуетъ принятому Селимомъ разложенію дани, увеличивъ сумму въ восемь разъ.

ствительно, названіе это онъ совершенно оправдывалъ: въ посѣщеніе мое, Али-паша едва могъ ворочать языкомъ и все жаловался на дамасскій климатъ, вредный для его здоровья будто бы потому, что въ воздухѣ много «рутубетъ», туману. Приѣмъ былъ, впрочемъ, самый благосклонный, тѣмъ болѣе, что я завелъ бесѣду съ Али-пашой, какъ извѣстнымъ знатокомъ персидской литературы, по-персидски. Пользуясь слабостію пашы, его «кехьяя» — намѣстникъ и прочія власти сильно набивали себѣ карманъ, на счетъ и Мусульманъ и райя. Подать для турецкаго правительства предполагалось возвысить до 1,500 кисэ и 700 кисэ наложить на райевъ. — Латакіей управлялъ мутеселлимъ изъ Грузинъ, обращенный въ мусульманство; въ Триполи мутеселлимомъ былъ православный Грекъ, взятый когда-то въ плѣнъ и также обращенный въ исламъ насильно. Такимъ образомъ, судьба сирійскихъ христіанъ была ввѣрена или ренегатамъ, или неспособнымъ къ управленію людямъ.

Тягостное и убійственное бремя составляютъ для Сиріи турецкія войска, особенно «баши-бузуки» — пропадашія головы (иррегулярная конница), и свирѣпые Арнауты, о выводѣ которыхъ изъ этой области такъ долго и бесполезно хлопотали европейскія державы. Нѣтъ насилія и безчинства, надъ которымъ остановился бы Арнаутъ, а тѣмъ болѣе отрядъ арнаутскій: цѣлыя деревни пустыютъ при ихъ проходѣ; жены, дѣвушки Христіанъ подвергаются растлѣнію и обращаются насильно въ исламъ. Попадется ли «хайтъ» (коннику) на дорогѣ христіанинъ, хайта непременно будетъ цѣлиться въ него изъ ружья, въ видѣ забавы, а въ видѣ каприза и выстрѣлить. Даже въ городахъ не защищаетъ и дипломатическій постъ отъ оскорбленій турецкой вольницы: у нашего агента въ Латакіи — Мазолье, Арнауты требовали ночью водки, а когда получили отказъ, то изранили переводчика и чуть не избили самого агента. При выѣздѣ изъ Бейрута, мы имѣли несчастіе встрѣтиться съ бейрутскимъ пашею Асадомъ, говорю несчастіе потому, что сопровождавшій его отрядъ войска бросился на багажъ архимандрита Порфирія, остававшійся назади, и много нужно было употребить усилій, чтобъ выручить, подъ самыми стѣнами Бей-

рута, христіанское имущество изъ рукъ жадной сволочи. Такъ-какъ путешествіе по Сиріи въ мое время было очень опасно, не только въ горахъ, но и по самому побережью, то изъ Лаодикеи я долженъ былъ взять двоихъ хайта; задержанный разлитіемъ рѣки въ христіанской деревушкѣ Калья-Маркізъ, я отпустилъ своихъ провожатыхъ, сохраняя спокойствіе Христіанъ, но хайта не хотѣли выѣхать изъ деревни, пока не собрали съ жителей порядочнаго «бахшиша»—приношенія, и притомъ денежнаго. Избѣгая такихъ горестныхъ приключеній, противу воли моей возбуждавшихъ въ жителяхъ неудовольствіе, я пересталъ брать проводниковъ, но хайта иногда являлись ко мнѣ сами, лишь только я выѣзжалъ изъ города, и, проводивъ насильно до первой деревни, гдѣ получали бахшишъ, возвращались назадъ.

Наконецъ, сирійскіе Христіане страдаютъ отъ притѣсненій Друзовъ, Ансаріевъ и Мотеуалиевъ, изъ которыхъ каждый считаетъ за особенную благодать убить Христіанина, и дѣйствительно, вслѣдствіе такихъ религіозныхъ убѣжденій, убійства въ горахъ весьма обыкновенны. Варварскія наказанія въ большомъ употребленіи въ Турціи, но здѣсь они мало помогаютъ: въ Латакію, за три дня до моего пріѣзда, приведены были трое убійцъ начальника одного кантона, всѣ съ распятыми руками, а на шеѣ у одного висѣла отрубленная голова четвертаго убійцы; какой-то Ансари былъ вымазанъ виноградомъ и голый выставленъ въ жаръ на солнце. Эти ужасныя сцены наводятъ болѣе страха на Христіанъ, нежели на утѣснителей ихъ; особенно православное населеніе Сиріи, не смотря на свое скудное существованіе, очень боязливо. Сколько разъ я не могъ, ни за какія деньги, уговорить Христіанъ переправить меня черезъ горныя протоки или проводить черезъ опасныя ущелья, и долженъ былъ по неволѣ обращаться къ Мусульманамъ. Сирійскій Православный до того свыкъся съ угнетеніемъ, что считаетъ не только преступленіемъ, даже невозможностью малѣйшій видъ храбрости въ своей натурѣ, или какой-нибудь избытокъ въ жизненномъ продовольствіи и образѣ существованія. Поэтому горныя Христіане живутъ очень бѣдно: въ жалкихъ мазанкахъ, сквозь кровли которыхъ каплетъ дождь, помѣщаются и животныя,

и самъ хозяинъ со своей семьей, безъ всякаго преувеличенія, въ рубищахъ, едва прикрывающихъ наготу, и съ достоинствомъ изъ нѣсколькихъ пудовъ хлѣба или джменя, да и тѣ надобно прятать отъ мусульманскихъ глазъ. Красота женщины здѣсь составляетъ иной разъ большое несчастье: стоитъ попасться на глаза Мусульманину, чтобъ сдѣлаться жертвой его любострастія. Въ Захле, въ мой провѣздъ, православный священникъ съ великимъ страхомъ укрывалъ у себя греческую дѣвушкѣ, бѣжавшую изъ Дамаска, которая имѣла несчастье понравиться какому-то Мусульманину, и это бѣгство было необходимо потому, что стѣны Антиохійской патріархіи, вслѣдствіе многихъ прежнихъ примѣровъ, уже не могли служить защитой ни Христіанину, ни Христіанкѣ.

Призванныя къ великому дѣлу возстановленія христіанской независимости въ Сиріи, для чего въ самихъ обитателяхъ имѣется довольно элементовъ, западныя державы вносятъ только раздоръ въ бѣдное и несчастное христіанское населеніе. Отъ упрека въ близорукихъ эгоистическихъ разчетахъ не свободна ни одна изъ западныхъ европейскихъ державъ. Возьмемъ ли мы самозванную покровительницу всѣхъ Католиковъ — Францію, и мы увидимъ, что, вслѣдствіе дружбы съ Мегеметь-Али, она должна была стать во враждебныя отношенія къ Маронитамъ, тѣмъ самымъ Маронитамъ, которые уже со времени Крестовыхъ походовъ состояли подъ покровительствомъ Франціи, которые находились въ войскѣ Людовика IX, въ битвѣ при Мансурѣ, которые получили особенныя покровительственныя грамоты отъ Людовика XIV и Людовика XV, которые, наконецъ, въ жалобѣ на свое несчастное положеніе покойному королю Людовику-Филиппу, 28-го марта 1844 года, именуютъ себя слугами Франціи. Обольщая неудобноисполнимыми обѣщаніями сильнаго протектора, французское правительство, единственно заботящееся объ утвержденіи своего вліянія въ Сиріи, увлекаетъ Маронитовъ на ложный путь, и потомъ предаетъ ихъ на жертву судьбы. Проповѣдники католицизма пылаютъ такою же ненавистію къ другимъ исповѣданіямъ, какую питаютъ западные публицисты къ чужой самостоятельности; денежныя вспоможенія, высылаемыя Франціей и Австріей маро-

нитскому патриарху, идутъ не на улучшение участи Маронитовъ, но на поддержаніе борьбы съ Друзами и Христіанами другихъ исповѣданій.

Возьмемъ ли Англию, — тутъ обвиненіямъ французскихъ журналовъ нѣтъ конца: по ихъ словамъ, всѣ несчастія Сиріи произошли отъ полковника Роза, сына англійскаго миссіонера. И дѣйствительно, въ этихъ обвиненіяхъ много правды: съ 1830 года англійское библейское общество наводнило Сирію книгами своего издѣлія и миссіонерами своей посылки⁽⁸⁹⁾. Ни тѣ, ни другіе не имѣли успѣха у сирійскихъ Христіанъ: миссіонеры потерпѣли оскорбленіе отъ Маронитовъ, а книги были сожжены публично на дворѣ патриаршаго жилища. Потерявъ надежду на обращеніе сирійскихъ Христіанъ, Англія обратила взоры на Друзовъ, изъ которыхъ иные показали видъ обращенія въ христіанство, разумѣется, ради покровительства и денегъ, приняли къ себѣ англійскія книги и школы, оставаясь втайнѣ поклонниками своего воплощенія. Вѣря или не вѣря такому обращенію, Англія тѣмъ не менѣ старалась изъ всѣхъ силъ поставить Друзовъ во главѣ ливанскаго населенія и управленія, подавить вмѣстѣ съ тѣмъ Маронитовъ, и, конечно, ливанскіе Христіане страданіями своими обязаны по преимуществу Англіи, выславшей, на потѣху горь, эксцентрическую Леди Стенгопъ. Асадъ-паша, единственно по настоянію англійскаго консула, едва не дошелъ до сраженія съ Маронитами, искавшими защиты отъ Друзовъ. Не говоримъ о торговыхъ интересахъ, которые постоянно преобладаютъ во всѣхъ англійскихъ дѣлахъ, но напомнимъ о подвигахъ Ч. Напира въ Сиріи, гдѣ также отличался и Омеръ-паша.

Прочія западныя державы или слабы, или очень удалены отъ интересовъ Сиріи, для того, чтобъ принять дѣятельное участіе въ ея дѣлахъ.

Какія же мѣры могутъ быть предложены для окончательнаго устройства Сиріи—объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто, но лучше обратимъ вниманіе на отношенія Турокъ къ Христіанамъ—райя вообще.

И. ВЕРЗИНЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

⁽⁸⁹⁾ Англійскіе миссіонеры разсѣяны по всему свѣту и на англійскомъ языкѣ издаются нѣсколько миссіонерскихъ журналовъ, между которыми извѣстнѣе другихъ: *Missionary Herald*.

ВЪШНІЙ ВЕЧЕРЪ.

ПОВѢСТЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

(Окончаніе).

V.

ВЕЧЕРИНКА У АННЫ ИВАНОВНЫ.

Я смотрю съ невозмутимымъ равнодушіемъ на успѣхи моихъ пріятелей на поприщѣ жизни, искусствъ, наукъ и литературы. Меня не возмущаютъ бѣдняки, получающіе огромное наследство; но возмущаетъ блескъ и великолѣпіе, которыми окружаютъ себя мои знакомые... Разсудокъ ясно говоритъ мнѣ, что завидовать всему этому, въ моемъ положеніи, такъ же нелѣпо, дико и безразсудно, какъ завидовать росту и сановитости страсбургской колокольни. При всемъ томъ, однакожь, я никакъ не могу побѣднть въ себѣ чувство зависти при видѣ нѣкоторыхъ общественныхъ положеній. Да, я завидую, на-примѣръ, всѣмъ людямъ съ маленькимъ независимымъ состояньемъ, добытымъ собственными трудами; людямъ, живущимъ въ маленькихъ, но комфортабельныхъ и теплыхъ квартирахъ, за которыя выплачены деньги впередъ за весь годъ; людямъ, которые ровно никому не должны и никому не завидуютъ, которые вполне довольны своимъ состояньемъ, довольны своею судьбою, и могутъ, къ довершенію всѣхъ этихъ благъ, давать маленькіе вечера и веселые чайки сво-

имъ добрымъ знакомымъ и пріятелямъ, словомъ: я завидую всѣмъ людямъ, поставленнымъ въ положеніе.... ну хоть бы (далеко идти не за чѣмъ), хоть бы въ положеніе Анны Ивановны. Да, я завидую Аннѣ Ивановнѣ: у нея нѣтъ доходныхъ помѣстьевъ, съ которыми связывается всегда столько хлопотъ. Вотчина ея заключается вся въ правой рукѣ ея; живетъ она въ теплой комнатѣ и платитъ всегда впередъ Василью Аванасьевичу; душа ея также чиста, безгрѣшна и покойна, какъ у новорожденнаго младенца; капиталъ ея не великъ, но вѣренъ; доходы не большіе, но позволяютъ ей давать вечеринки и приглашать къ себѣ такихъ людей, какъ, напримѣръ, Авениръ Михайловичъ, какъ Андрей Андреевичъ, пріятель Авенира Михайловича.... Да, я завидую Аннѣ Ивановнѣ, завидую особенно въ послѣднемъ случаѣ, потому что такихъ людей, какъ Авениръ Михайловичъ, прошу замѣтити, немного. Богъ знаетъ, чѣмъ я готовъ пожертвовать, чтобъ хоть разъ, одинъ разъ, зазвать къ себѣ Авенира Михайловича!

Но штука въ томъ, что Авениръ Михайловичъ не рѣшится пойдти къ встрѣчному-поперечному; такъ и слѣдуетъ, впрочемъ: человѣку какъ Авениръ Михайловичъ, который съ самаго дѣтства, можно сказать, вертѣлся между одними князьями да графами, согласитесь сами, не совсѣмъ прилично мѣшаться во всякую компанію. Миѣ будетъ очень пріятно короче познакомить васъ хоть съ наружностью этого достойнаго молодаго человѣка; въ настоящую минуту это весьма удобно: въ комнатѣ Анны Ивановны четыре свѣчки, двѣ на комодѣ, двѣ на окнѣ; намъ легко рассмотреть со всѣхъ сторонъ ея гостя. Если вамъ случилось любоваться лицами тѣхъ прекрасныхъ молодыхъ людей, которыхъ изображаютъ обыкновенно на вывѣскахъ портныхъ и парикмахеровъ, вамъ нечего описывать лицо Авенира Михайловича: оно было нѣсколько изношено, (художники всегда льстятъ оригиналу), но выигрывало непомѣрно отъ щегольски-закрученныхъ усиковъ, бакенновъ à l'anglaise и завиточковъ на лбу и вискахъ; волосы его подобраны на затылкѣ и съ боковъ на манеръ тѣхъ рыцарскихъ париковъ, въ которыхъ являются на сценѣ статисты.

О фракъ его говорить нечего; три года назадъ, фракъ этотъ красовался сначала на выпалкѣ у Шармера, потомъ на плечахъ одного молодого щеголя; въ то время еще всѣ столичныя денди восхищались этимъ фракомъ, и даже заказали себѣ точно такіе; жилетъ, травянаго цвѣта, былъ, можетъ статься не соразмѣренъ съ тощею грудью Авенира Михайловича; но Авениръ Михайловичъ сохранялъ его на груди своей какъ предметъ, данный ему на память однимъ толстымъ господиномъ, погибшимъ параличомъ; та же уважительная причина заставляла носить неизменно узенькіе сѣрые панталоны одного молоденькаго богача, умершаго весною чахоткой; впрочемъ, послѣднимъ предметомъ Авениръ Михайловичъ завладѣлъ самопроизвольно: привязанность къ молоденькому богачу увлекла его; ему хотѣлось во что бы то ни стало сохранить у себя память о немъ. Пестрый галстукъ (также чья-то память) лежалъ красивымъ бантомъ на манишкѣ Авенира Михайловича; не различаю отсюда, точно ли манишка у Авенира Михайловича.... менѣе беретъ сомнѣніе, глядя на остроконечныя воротнички, выглядывающіе изъ-за галстука и стѣсняющіе пышныя банены à l'anglaise.... впрочемъ, могутъ быть и воротнички и манишки. Онъ сидѣлъ, живописно изогнувшись на стулѣ, и устремивъ сѣрые глаза свои съ поволокою на Анну Ивановну, выбивалъ пальцами правой руки какой-то маршъ на столѣ, лѣвая нога его лежала на правой и граціозно балансировала, — обстоятельство, позволявшее различать не совсѣмъ надежную подошву. Въ общей сложности, гость Анны Ивановны не могъ назваться безукоризненнымъ франтомъ, не смотря даже на то, что каждая часть его костюма, отдѣльно взятая, принадлежала первымъ столичнымъ щеголямъ: кое-какіе швы пообносились, кое-какіе обшлага лоснились, какъ сафьянъ, кое-гдѣ недоставало пуговицъ; но все это тотчасъ же объяснится, когда я скажу вамъ, что въ настоящее время обстоятельства Авенира Михайловича были весьма плохи; съ кѣмъ, скажите на милость, этого не случается? Но нѣтъ худа безъ добра: не будь такимъ обстоятельствомъ, Авениръ Михайловичъ, весьма вѣроятно, не удостоилъ бы Анну Ивановну

своимъ посѣщеніемъ. Онъ началъ за ней ухаживать съ того времени, какъ лишился послѣдняго своего мѣста; онъ думалъ амура свести съ Анной Ивановной; не прочь даже былъ на ней жениться въ крайней надобности. Не далѣе какъ недѣлю тому назадъ, Авениръ Михайловичъ послалъ ей объяснительное письмо, начинавшееся такимъ образомъ: «Ничто не волнуетъ положеніе жизни, какъ мысль кинувшая быстрый полетъ конхъ душа возносить къ заповѣданнымъ чтимымъ благороднымъ очамъ! Душа ясная для васъ свѣтла; сердце благороднаго намѣренія для васъ открыто; помощь обѣщана, слѣдовательно частица надежды воздвигнута!...» Изъ этого мы смѣло заключаемъ, что Анна Ивановна не прочь была, съ своей стороны, отдать свое сердце Авениру Михайловичу и даже обнадѣжила его какою-то надеждою.

Многіе утверждаютъ, будто Авениръ Михайловичъ имѣлъ виды не столько собственно на Анну Ивановну, сколько на ея капиталъ; весьма быть можетъ, но удивительнаго ничего нѣтъ: во-первыхъ, Анна Ивановна сама по себѣ не представляла ничего особеннаго, кромѣ того, развѣ, что папенька ея содержалъ когда-то цырюльню на Владимирской; тридцать пять лѣтъ, крошечная какъ опенокъ и такая же почти сморщенная, вотъ вамъ и вся Анна Ивановна; во-вторыхъ, Авениру Михайловичу предстояла крайняя надобность привести въ порядокъ свой гардеробъ; къ-тому же и человѣкъ еще былъ онъ молодой, красивъ собою, любезенъ: требовалось немножко пожуривать жизнью, повеселить себя. Все это въ порядкѣ вещей, и я не нахожу тутъ ничего достойнаго порицанія, тѣмъ болѣе, что пришлось бы послѣ этого осуждать многихъ моихъ друзей, знакомыхъ пріятелей, что я никакъ не намѣренъ дѣлать.

Пріятель Авенира Михайловича былъ человѣкъ коротенькій, но толстенькій, черезчуръ даже толстый, потому что сюртукъ его, и безъ того ужъ ветхій, грозилъ развѣхаться на спинѣ своего владѣльца; вы могли бы подумать, что Андрей Андреевичъ косилъ однимъ глазомъ; но это былъ только оп-

тическій обманъ: Андрей Андреевичъ сидѣлъ на-искося отъ маленькаго столика съ закусками, и съѣстными припасами, взятыми въ лавочкѣ; и такъ какъ онъ не отрывалъ глазъ отъ студня, до котораго былъ большой охотникъ, то, понятно, долженъ былъ косить глазами. Лицо Андрея Андреевича чрезвычайно глупо; самъ онъ, признаться сказать, сильно глупъ; но это ничего: онъ доволенъ собою—и дѣлу конецъ. Не всѣмъ же быть такимъ умникомъ, какъ Авениръ Михайловичъ. Оба пріятеля сидѣли подлѣ круглаго стола, уснащеннаго всѣми возможными чайными принадлежностями, посреди которыхъ величественно возносился самоваръ, шипѣвшій и свистѣвшій на всѣ лады. Василій Аванасьевичъ и его тихвинской родственникъ еще не являлись, но угощеніе ужъ началось. Анна Ивановна совсѣмъ захлопоталась; она металась, какъ гумиластиковой мячкѣ, перебѣгая отъ гостей къ столу, отъ стола къ гостямъ; маленькія щеки ея горѣли, частью отъ близкаго сосѣдства съ самоваромъ, но больше, повѣрьте, отъ присутствія Авенира Михайловича, который не переставалъ глядѣть на нее сѣрыми своими глазами съ поволокой.

— Авениръ Михайловичъ, еще чашечку.... ну хоть одну разъединную! говорила Анна Ивановна голосомъ, замирающимъ отъ радостнаго чувства, наполнявшаго ея маленькую грудь.

— Нѣтъ-съ, этого будетъ, зачѣмъ же.... Это, позвольте вамъ сказать.... а впрочемъ, развѣ для вашего блезирю извольте, готовъ!

— Ну хоть для меня.... Ахъ, какъ вы говорите, просто заслушаешься—опасный человѣкъ! Выкушайте! восторженно возразила Анна Ивановна, покручивая головкой:— я ужъ и не знаю, что это такое съ вами нонече; вы обыкновенно также бываете охотники до чаю, а сего-дня трехъ не выкушали.... должно быть поздно обѣдали?

— Нѣтъ-съ, признаться сказать, вовсе не обѣдалъ, то-есть, не то, чтобъ время не дозволяло, притомъ и фриштикалъ очень поздно.

— Эхъ ты, компанъ ву франсе, омеръ ундъ цванцихъ— андеръ маниръ! неожиданно произнесъ Андрей Андреевичъ, отрывая глаза отъ студня.

Онъ хлопнулъ по плечу пріятеля и залился во все горло.

— Ну, теперь ужъ пошелъ, пошелъ! расходился! сказалъ Авениръ Михайловичъ Аннѣ Ивановнѣ, которая ухватилась за бока и упала на студъ.

— Ахъ, что это, что это... просто уморить совсѣмъ.

— Да-съ, я, знаете, вѣдь ужасно какой веселый человекъ, ей-Богу! и этакъ разъ, знаете, въ компаніи... началъ было Андрей Андреевичъ, но тутъ же остановился, потому что въ дверяхъ раздался шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ вошла Василій Аванасьевичь и тихвинскій его родственникъ.

Василій Аванасьевичь былъ въ длиннополомъ сюртукѣ и бѣломъ бумажномъ галстукѣ; одежда тихвинца состояла изъ купеческаго кафтана въ распашку, ситцеваго жилета, сапоговъ, издававшихъ дегтярный запахъ, и полосущатыхъ шароваръ, запрятанныхъ въ сапоги. То былъ человекъ пожилой, въ приѣмахъ его видѣлись остатки гостиннодворской галантерейности; въ голосъ сохранялись еще многія изъ тѣхъ живыхъ нотъ, когда, стоя, бывало, у Шукцина, говорилъ онъ, протягивая руку къ лавкѣ:

— Ситцы, нанки, демикотоны, канифасы самые лучшіе, пожалуйста, у насъ покупали!

Однимъ словомъ: былъ еще препріятный человекъ, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ.

— Господа, покорно прошу садиться, сказала Анна Ивановна, послѣ того, какъ гости ея обмѣнялись поклонами и пожатіями рукъ. Иванъ Тихонычь, прошу покорно, безъ церемоніи, добавила она, обращаясь къ тихвинцу.

— Не извольте беспокоиться, мы сядемъ, не безъ любезности произнесъ тихвинецъ, усаживаясь на край стула, подгибая ноги и побрякивая.

Анна Ивановна бросилась къ чашкамъ и окончательно ужъ превратилась въ гуммастикъ.

Минуту спустя, въ рукахъ гостей появились чашки чаю и куски сахару; за первой чашкой послѣдовала тотчасъ же вторая, тамъ третья; присутствовавшіе не успѣли еще сказать двухъ словъ другъ другу, какъ ужъ самоваръ опустѣлъ совершенно.

— Гм! гм! началъ Василій Аѳанасьевичъ, опрокидывая чашку на блюдечко и придвигаясь вмѣстѣ со стуломъ къ Авениру Михайловичу:—давно не видались мы съ вами.

— Да-съ, давно не имѣлъ авантажу, дѣла, знаете.... возразилъ тотъ, пожимая плечами и перекидывая правую ногу на лѣвую.

— Ну, что, сударь мой, какъ, осмѣлюсь спросить, дѣла ваши? въ поелѣдній разъ, помнится, говорили....

— Да какъ вамъ сказать, все на той же точкѣ, перебилъ Авениръ Михайловичъ.

— Не сыскали еще мѣста?

— Нѣтъ, мѣстовъ много; какъ въ такой обширности Петербурга не быть мѣстѣ! съ достоинствомъ возразилъ Авениръ Михайловичъ:—да только мѣста, знаете, не такія, потому какъ я служилъ собственно въ княжескихъ домахъ, взрость, такъ сказать, на паркетѣ, не приходится, понимаете, ко всякому....

— Это какъ есть, сказалъ тихвинецъ глубокомысленно.

— Вы, помнится, сказывали, хотѣли къ доктору опредѣлиться? спросилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Это я такъ, знаете, больше для одного препровожденія времени, можно сказать, мѣсто совсѣмъ не такъ выглядить, не стоить заниматься.

Тутъ хозяйка дома перебила Авенира Михайловича, лившись съ тарелкой, наполненной финиками.

— Авениръ Михайловичъ, вы этого можете? сказала она, покручивая головкой.

— Почему жъ не такъ-съ, для васъ все можно-съ! съ обворожительною любезностью отвѣчалъ гость, протягивая руку и какъ бы желая обратить особенное вниманіе присутствующихъ на свой указательный палецъ,—привычка, оставшаяся

у Авенира Михайловича съ тѣхъ поръ, какъ на этомъ пальцѣ сверкалъ стразовый перстень, но увы! перстень давно ужъ находился въ ученьѣ, то-есть въ закладѣ.

— Андрей Андреичъ, вы этого можете? сказала Анна Ивановна, поднося финики сосѣду.

— Самое милое кушанье-съ, позвольте... заговорилъ Андрей Андреевичъ, запустилъ всю пятерню въ тарелку, поднялся съ мѣста, всталъ на третью позицію и раскланялся съ комическою важностью.

Всѣ засмѣялись, не выключая золотильщика, въ хохотъ котораго было что-то похожее на лошадиное ржанье.

— Ахъ, это просто ужаси!... просто всѣхъ уморилъ... ахъ!... воскликнула Анна Ивановна. — Иванъ Тихонычъ, вы этого можете? присовокупила она, измѣняя неожиданно интонацію и подходя къ тихвинцу.

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ.

— Анна Ивановна, гдѣ вы брали финики, въ лавочкѣ? спросилъ Василій Леонасьевичъ.

— Да-съ; а что, хороши?

— Отмѣнно, настоящій сахаръ.

— То-есть сдѣлайте ваше одолженіе, объяденье! примолвилъ Андрей Андреевичъ, снова выкидывая ногами какую-то штуку.

Всѣ засмѣялись.

Въ отвѣтъ на это изъ переулка, и, какъ казалось, подлѣ самаго окна Анны Ивановны послышался басистый надорванный голосъ, и кто-то даже застучалъ въ раму.

— Кто-то стучить, Анна Ивановна: не къ вамъ ли? сказалъ Авениръ Михайловичъ, оборачиваясь къ окну.

— Должно быть, дядя Николай, сродственникъ Анны Ивановны, сказалъ недовольнымъ голосомъ золотильщикъ.

— Вѣрно онъ, подхватила съ явнымъ огорченіемъ Анна Ивановна: — онъ хоть мнѣ и съ родни по маменькѣ, а я, знаете, не могу его принять, и рада бы, но никакъ, знаете, невозможно, ужаси какой безпокойный человекъ!

— Вѣрно, сюда-съ заливаешь, кракенъ, значить? промолвилъ Андрей Андреевичъ, щелкнувъ себя по галстуку и подмигивая всей компаніи.

— Просто, знаете, мѣры нѣтъ, никакой возможности! дошелъ, можно сказать, до самага безобразіи! отвѣчала Анна Ивановна: — главное, очень жаль семейство, знаете, десять малюточекъ! а помочь никакъ нельзя; пьетъ, знаете, съ самага дѣтства. Помню, когда еще папенька содержалъ цырюльню на Владимирской, потому папенька свой капиталъ имѣлъ, — такъ и тогда ужь очень пилъ; и пустить къ себѣ, принять—разстроить всю компанію. Нѣтъ возможности, я ему и отказала; онъ, должно быть, и ходитъ теперь по нашему переулку, сердится, знаете....

— Выходить, примѣрно, челоуѣкъ разсудка своего не знаетъ, потому больше, сказалъ тихвинецъ, значительно двигая бровями.

— Алаберный самый челоуѣкъ, и больше ничего, ворчливо проговорилъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Мы точно, какъ шли это къ вамъ, повстрѣчали какого-то челоуѣка супротивъ вашихъ оконъ, можно сказать: ужь и тогда былъ на точкѣ степени подъ шефе; должно быть, онъ и есть, произнесъ Авениръ Михайловичъ: — но вы, Анна Ивановна, напрасно себя беспокоите: предметъ такой, знаете, совсемъ нестоющій.... Ну что, Василій Аѳанасьевичъ, какъ ваши собственныя дѣла? примолвилъ онъ, обнаруживая этимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи удивительный тонъ и необыкновенную привычку свѣтскаго обращенія: — какъ, сударь мой, ваши собственныя дѣла?

— Да что, все жениться хочеть! возразила повеселѣвшая Анна Ивановна.

— Что жь, доброе дѣло. Тихвинецъ холостой челоуѣкъ, сирота, все единственно.

— И я хочу жениться! такую сыскалъ себѣ милушку-красоточку—разлюли, маширъ на хаузъ! воскликнулъ Андрей Андреевичъ, чмокнувъ толстыми своими губами.

Каждое движеніе Андрея Андреевича, сопровождавшееся почему-то хохотомъ, произвело точно также и теперь свое необыкновенное дѣйствіе на присутствующихъ.

При этомъ, стукъ въ оконную раму раздался съ удвоенною силой.

— Ахъ, Боже мой! что же это? просто какое-то наказаніе, разстройство всей компаніи, воскликнула Анна Ивановна, отчаянно всплескивая руками.

— Нѣтъ, Анна Ивановна, что жъ это въ самомъ дѣлѣ такое? Вѣдь онъ этакъ раму выбьетъ; такъ буйствовать не позволено! Я этакъ и въ полицію схожу, мнѣ не долго, сказалъ раздосадованный золотильщикъ.

— Да что жъ мнѣ дѣлать-то? Василій Аванасьевичъ! проговорила Анна Ивановна, смущенная до нельзя поведеніемъ своего родственника.

— Полноте, Анна Ивановна, я вамъ говорю—предметъ совсѣмъ не стоящій.

— Конечно не стѣбитъ сумлѣнія, подтвердилъ тихвинецъ.

Шумъ за окномъ умолкъ, и снова водворилась веселость въ комнатѣ радушной Анны Ивановны.

— Такъ что жъ, Василій Аванасьевичъ, сѣю спросить: за чѣмъ же дѣло стало? Невѣсть въ обширности Петербурга довольно, произнесъ Авениръ Михайловичъ, между тѣмъ какъ пріятель его Андрей Андреевичъ снова скосилъ глаза на студень.

— Какъ не быть невѣстамъ, невѣсть много, да все, этакъ, раздумье беретъ, дѣло не пустящее, разсудка требуетъ. А невѣсть много; каждый день смотришь, да все не то, не приходится, началъ золотильщикъ, пожимая губами: — вотъ хотя бы смотрѣлъ теперича въ Семеновскомъ полку; триста рублевъ чистыми деньгами, а все не приходится, не то.

— Что жъ такъ?

— Да такъ: побочна дочь! съ особеннымъ удареніемъ проговорилъ золотильщикъ: — не приходится! Ну, такъ же глядѣль вотъ и въ Гороховой, признаться и ничего нѣтъ; только дѣвочка, знаете, такая молоденькая, хорошенькая, и можно

бы... да одна есть такая статья... Провѣдалъ я кое-что... ну и нельзя никакъ, не приходится... къ тому и денегъ-то нѣтъ, какъ я вамъ сказывалъ; одно къ одному. Глядѣлъ вотъ также третьяго дня на Васильевскомъ Острову, вѣсьмъ бы взяла; дѣвочка молоденькая, хорошенькая такая, и приданое также порядочно, все бы хорошо; въ одной вотъ только статья сумѣнье беретъ...

— Что жь такое?

— А знаете, бѣльмо на лѣвомъ глазу. Оно бы и ничего, можно; да наше дѣло хозяйственное, не равно этакъ повздоримъ, не угодимъ въ чемъ, всякое бываетъ; размахнешься какъ-нибудь, зацѣпилъ ее по правому глазу, совсѣмъ окривѣеть; ну что я съ ней тогда стану дѣлать, съ слѣпой-то? Надо обсудить; женитьба не пустяшное дѣло; нѣтъ, никакъ не возможно; не приходится.

— За-чѣмъ же такъ? можно лаской. Пріятное обхожденіе лучше всего, сказалъ Авениръ Михайловичъ, умильно поглядывая на хозяйку.

— Нѣтъ, не приходится, прямо возразилъ Василій Аванасьевичъ;— Анна Ивановна, примолвилъ онъ, неожиданно обращаясь къ хозяйкѣ, и кивая ей головою на водку и закуску, — какъ вы думаете, пора бы сдѣлать движеніе?

Анна Ивановна торопливо привстала съ мѣста, подошла къ комоду и вооружилась подносомъ.

— Господа, прошу дерзнуть, сказала она, обращаясь съ веселымъ видомъ ко всей компаніи. — Авениръ Михайловичъ, вы этого можете? прибавила она нѣжнымъ голосомъ и подошла къ избранному своего сердца.

Авениръ Михайловичъ былъ очень радъ приглашенію.

— Василій Аванасьевичъ, можете? сказала Анна Ивановна, подходя къ золотильщику.

Василій Аванасьевичъ не отказался.

— Иванъ Тихонычъ, вы этого можете?

Тихвинецъ былъ также не прочь.

.. Что жъ касается до Андрея Андреевича, онъ выпилъ съ величайшею готовностью три рюмки сряду.

Обойдя всѣхъ гостей, хозяйка дома поставила водку на столъ, сняла пробку съ графина и выразительно указала гостямъ на рюмки.

— Вотъ такъ-то будетъ лучше, сказала она съ невыразимою приветливостью.

Гости отвѣчали поклономъ и протянули поочередно руки къ рюмкамъ, — обстоятельство, которое не замедлило придать бесѣдѣ характеръ болѣе оживленный.

— Нѣтъ, Василій Афанасьевичъ, если этакъ судить, позволите вамъ сказать, никогда не найдемъ себѣ предмета, началъ Авениръ Михайловичъ: — пожалуй, что и вовсе не женишься. Вотъ я вамъ скажу, видѣлъ я разъ въ театрѣ одну такую ролю, какъ вы изволили рассказывать, точь въ точь. Вотъ тоже одинъ, знаете, человекъ сватался, сватался... та не приходится; эта, знаете, негодится, тѣмъ и рѣшилъ свою карьеру: холостякомъ на одной точкѣ остался; отлично было представлено !

— Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на эту ролю ! восторженно воскликнула Анна Ивановна: — въ какомъ это театрѣ ее показываютъ, Авениръ Михайловичъ?

— Въ Александринскомъ-сѣ, а впрочемъ, и на другихъ также. При живности покойнаго князя я каждый день бывалъ въ театрѣ, проговорилъ Авениръ Михайловичъ, украдкою толкая локтемъ Андрея Андреевича, который протягивалъ руку безъ зазрѣнія совѣсти уже къ седьмой рюмкѣ.

— Ахъ, какъ это должно быть пріятно! я такъ вотъ давно ужъ не была въ театрѣ! наивно сказала Анна Ивановна: — съ тѣхъ поръ не была, знаете, какъ папенька содержалъ цирюльню на Владимирской, потому, имѣя свой капиталъ, знаете, онъ...

— Полноте, Анна Ивановна, ничего нѣтъ хорошаго въ этихъ театрахъ; все это самое пустынное дѣло; только какъ бы деньги сманить; какъ есть одинъ обманъ, одно надува-

тельство! промолвилъ Василій Аванасьевичъ. — Вотъ я вамъ скажу, чего лучше, была здѣсь одна такая штукарка, Тальоновой звали, такъ вѣдь все потомъ оказалось, всѣхъ надула.

— Что вы?

— Право надула! какъ есть, всѣхъ обманули! Всѣ ѣздили смотреть на нее, и дворянство и генералы, и подлинно, говорятъ: подпрыгнуть это она на воздухъ да такъ съ полчаса и виситъ. Что жъ бы вы думали? оказалось все внаружу, только денежки даромъ обирала. Стала это она отъѣзжать въ свою нѣмецкую сторону; прѣзжаетъ на пароходъ, провожаютъ ее господа, смотрятъ, что вы думаете? а это у ней все крылья были подвязаны.

— Нѣтъ, Василій Аванасьевичъ, это быть не можетъ! воля ваша, а это не такъ, вѣшался Авенпръ Михайловичъ: — я самъ сколько разъ видѣлъ Тальони при живности покойнаго князя. Точно, были у ней крылья, только собственно такъ, для одного виду... это не то, совсѣмъ не то: легкости она имѣла такую воздушную, повѣрьте, а ужъ на счетъ, то-есть, лучше быть нельзя, настоящей графиней выглядить!

— Это такъ точно, справедливо изволили сказать, подтвердилъ тихвинецъ:—отмѣнно отличалась, это ужъ на что лучше-сь!

— Ну братъ, Иванъ Тихонычъ, тебѣ бы лучше не говорить про эту Тальону; солоно, братъ, она тебѣ прилась, помнишь?

— Да точно, случилась въ тѣ поры оказія-сь.

— Что же такое, Иванъ Тихонычъ? спросила Анна Ивановна.

— Да вотъ даромъ что зажиточный, возразилъ золотильщикъ посмѣиваясь,—а по милости ея три дня улицы мель!

— Точно, былъ грѣхъ. Главная причина, выходить, на счетъ то-есть полиціи. Точно посидѣлъ три дня-сь.

— Ахъ Боже мой! какъ же это?

— Да такъ-сь, городъ Питеръ, извольте видѣть, оченна то-есть отмѣнно хорошъ-сь, да на счетъ то-есть большую

осторожность требует соблюдать-сь. Въ тѣхъ мѣру, какъ Василій Аванасьевичъ говорилъ, какъ Таліонова адѣсь была, и говорить мнѣ разъ жена, вотъ Василій Аванасьевичъ, знаетъ-сь....

— Какъ же: Марфа Савишна!

— Такъ-вотъ-сь и говорить эта она мнѣ: «Иванъ Тихоничъ, говорить, покажите, говорить, къ примѣру этакъ, покажите, говорить, Тальону-то, что ни есть, говорить, первѣйшая статья!» Почему жь, думаю, не уважить! Пять цѣлковыхъ, не конецъ разоренья, можно; взялъ, примѣрно, ложу въ пятомъ бель-этажѣ-сь, сузруга-то моя побѣхала, знаете, самъ-одинадцать; какъ водится, родственниковъ себя пригласила, дѣтокъ забрала знаетъ-сь. Такъ я-сь, больше по тѣснотѣ, отъ народности, взялъ себя билетъ внизу, въ мѣстахъ-сь; а ей по той же причинѣ, ради гостей, велѣлъ взять съ собой прохладительнаго: жарко, знаете, въ театръ, она, знаете, на ту бѣду и возьми кисленькихъ щецъ двѣ бутылочки. Хорошо-сь; вотъ сидимъ-сь, каждый на своемъ мѣстѣ: публика събѣзжается и все этакое, знаетъ-сь, дворянство одно-сь; сидитъ каждый въ своей ложѣ и каждый-сь, понимаетъ, своимъ дѣломъ занимается. Хорошо, начинается представленіе: Тальона танцуетъ, музыка играетъ, публика хлопаетъ, все какъ слѣдуетъ-сь. Вдругъ, знаете, сынокъ мой Миколинъка, самый младшій-сь, это въ ложѣ-то, и говорить: «маменька, говорить, пить хочу, дайте кисленькихъ-сь!» Марфа Савишна моя и ну, знаете, съ пробкой-то, да не совладала: пробка-то въ потолокъ-сь, а нислые-то щцъ и давай хлестать въ низъ-то, на вижайшую публику-сь! Дѣло, знаете, женское, оробѣла очень... сидитъ съ бутылкой-то, оробѣла, а публика ужъ поднялась съ своихъ мѣстовъ... Смѣхъ такой пошелъ. И вижу я, частный изъ-за угла грозить. Вижу, знаете, дѣло плохо-сь, надо хозяйку выручить. Вотъ я этакъ изъ-за мѣстовъ-то привсталъ-сь, пріосамился, самъ, понимаете, оробѣлъ ужъ очень-сь, пріосамился, этимъ вотъ самымъ пальцемъ показываю ей сузругѣ-то... не видятъ-сь, я и крикнулъ: «Марфа Савишна! крикнулъ, Марфа Савишна!»

перстомъ-та-съ, перстомъ!» показываю ей на счетъ, то-есть, бутылку зажми! откедова ни возьмишь квартальный! Хватъ меня этакъ за шиворотъ да вонъ изъ тѣтру; то-то вотъ оно и есть-то, чѣд робость-то бабья значить-съ; оттого вся и оказія вышла.

— А еще хвалишь! вотъ оно по театрамъ-то шлѣтся! сказалъ Василій Аванасьевичъ.

— Нѣтъ, не говорите этого, Василій Аванасьевичъ! возразила Анна Ивановна: — конечно, съ Иваномъ Тихонычемъ случилась, можно сказать, непріятность, но какъ они говорятъ, все больше по неосторожности ихпой супруги. Нѣтъ, какъ можно! тѣтръ самое пріятное удовольствіе... Я безпрѣмѣнно пойду погляжу на ту ролю... вотъ что рассказывалъ Авениръ Михайловичъ.

— Позвольте мнѣ вамъ билетъ предоставить? сказалъ тотъ, расшаркиваясь.

— Зачѣмъ же вамъ беспокоиться?

— Какое же это можетъ составить безпокойство! самое пріятное будетъ препровожденіе времени!.. да вотъ-съ и ходитъ по настоящему не для чего-съ, смѣясь подхватилъ Авениръ Михайловичъ: — у насъ есть здѣсь, примѣромъ сказать, свой театръ на лучшей манеръ! присовокупилъ онъ, указывая на Андрея Андреевича, который тотчасъ-же оторвалъ глаза отъ студни и показалъ присутствовавшимъ пухлое, глупое лице свое, порядкомъ ужъ раскрасѣвшееся: — онъ пожалуй, продолжалъ Авениръ Михайловичъ, — покажетъ вамъ какую угодно штуку: мастеръ распотѣшить!.. Ну-ка, Андриуша, тряхни!..

— Я?!.. я вѣдь, знаете, ужасти какой веселый человекъ! для компаніи готовъ на все... То-есть какъ угодно! шпрехензи-дейчъ Иванъ Андреичъ? вскричалъ весельчакъ, скорчивая рожу: — нѣтъ, андеръ-маниръ! прибавилъ Андрей Андреевичъ, стремительно подымаясь со стула и не совсѣмъ твердыми шагами выходя на средину комнаты. — Ахъ-ма! гаркнулъ онъ, подпрыгивая и чуть не шлепаясь на полъ: — что-жъ вы?!.. Иванъ Тихонычъ, пойдемъ!

— Отъ чего жъ , это можно-съ , сказалъ Иванъ Тихоновичъ , пріосамливаясь и выступая впередъ .

— Ай-да Иванъ Тихонычъ ! вотъ люблю , ходи ! воскликнулъ Андрей Андреевичъ , закидывая руки за спину и принимаясь вывертывать ногами , къ величайшему восторгу общества , которое разразилось громкимъ хохотомъ , затопало ногами и забило въ ладоши .

Такое поощреніе придадо энергін даже самому Ивану Тихоновичу ; онъ тряхнулъ головою , присоединился къ Андрею Андреевичу , и оба засъмнили ногами , стукаясь другъ о дружку , какъ будто ихъ встряхивали въ одномъ мѣшкѣ .

Публика , между тѣмъ , заливалась все звончѣе и звончѣе ; Анна Ивановна просто захлебывалась ; Авениръ Михайловичъ едва переводилъ духъ ; Василій Аванасьевичъ топалъ ногами , билъ въ ладоши и хохоталъ своимъ лошадинымъ смѣхомъ ; словомъ : всѣ были въ восторгѣ , какъ вдругъ... Но тутъ произошло такое событіе , о которомъ даже вспомнать такъ страшно...

Представьте себѣ , что въ самую минуту , какъ восторгъ дошелъ до своихъ предѣловъ , раздался подлѣ окна ужаснѣйшій трескъ , тысячи осколковъ посыпались вдругъ на полъ , рама цѣликомъ влетѣла въ комнату , и въ отверстіи окна предстала грозная , вся преисполненная яростнаго гнѣва фигура дяди Николая !.. Ужасная картина !

Секунду всѣ стояли какъ громомъ пораженные , и вдругъ , всѣ разомъ закричали : « держи ! караулъ ! держи ! держи ! и ! и !... »

Василій Аванасьевичъ и тихвинской его родственникъ бросились въ окно и побѣжали по переулку въ погоню за злодѣемъ . Анна Ивановна всплеснула руками , вскрикнула и упала на стулъ ; она , безъ сомнѣнія , упала бы даже на полъ , если бъ не подоспѣлъ Авениръ Михайловичъ и ловко не подхватилъ ее за талію .

— Это ничего-съ... успокойте себя , Анна Ивановна... рама , эта наплевать!... главная причина не тревожьтесь... я съ вами... сказалъ онъ , оглядываясь вокругъ .

Но въ комнатѣ оставался одинъ лишь веселый Андрей Андреевичъ, и такъ какъ видѣлись только ноги его изъ-за комода, Авениръ Михайловичъ чмокнулъ Анну Ивановну въ щеку и сильнѣе прижалъ ее къ своему сердцу.

Василій Аванасьевичъ и тихвинецъ стремились между тѣмъ по переулку; слова: караулъ и полиція, производили магическое дѣйствіе на золотальщика; подобравъ фалды, онъ летѣлъ со всѣхъ ногъ, преслѣдуя бѣжавшаго во всѣ лопатки дядю Николая, встрепанная фигура котораго выставилась каждый разъ, какъ на пути попадался фонарь.

Крики: караулъ, держи! оглашали весь переулокъ. Изъ дверей и воротъ вылетали, какъ ядра, дворники, кухарки, горничныя и мальчишки; всѣ бѣжали за Васильемъ Аванасьевичемъ и тихвинцемъ. Толпа бѣгущихъ и кричащихъ прибывала съ каждой секундой, и вдругъ, все это разомъ остановилось и откачнулось, какъ будто на концѣ переулка неожиданно воздвиглась высокая плотина; вмѣстѣ съ этимъ послышался страшный, раздрающій крикъ дяди Николая, крикъ, возвысившій, что его схватили.

— Держи его, мазурика! держи! закричалъ воодушевляясь Василій Аванасьевичъ, протискивался помощьюъ рукъ и ногъ въ самую чащу толпы.

— Держи! держи! подхватилъ поспѣвавшій за нимъ тихвинецъ.

Неожиданную поимку дяди Николая и остановку бѣгущей толпы произвелъ, однакожъ, одинъ человекъ. Впрочемъ, человекъ этотъ могъ дѣйствительно замѣнить въ некоторомъ родѣ плотину, если бъ его положили поперекъ переулка: росту три аршина, носая сажень въ плечахъ. Въ ту секунду, какъ дядя Николай, отрезвившійся отъ страха, готовился повернуть за уголъ, человекъ этотъ схватилъ его за шиворотъ и остановилъ сразу, какъ останавливалъ когда-то Милонъ Кретонской скачущія колесницы. Однимъ словомъ: это былъ ни кто другой, какъ городской квартала. Подлѣ него стоялъ будочникъ, человекъ малорослый и жидкой,

съ алебардой; оба держали дядю Николая, который ревелъ какъ бѣлуга, пронзенная остроугою.

— Батюшки отпустите!.. отцы мои!.. виновать... 'батюшки, виновать, нелегкая попутала... никогда не буду!

— А?! что?! попался мошенникъ! мазурикъ ты зѣтакой! рамы бить, буйствовать! закричалъ Василій Аванасьевичъ; появляясь вдругъ изъ толпы и подымая оба кулака надъ дядей Николаемъ.

— Прочь! сказалъ городской, отодвигая могучею рукою золотильщика:—назадъ! Чего сталъ? примолвилъ онъ голосомъ, обозначавшимъ непоколебимое спокойствіе духа, и обратился къ толпѣ, которая тотчасъ же попятилась: — чего стали? расходись... расходись!

— Но позвольте, Никандръ Степанычъ, какъ же это... позвольте! заговорилъ оскорбленнымъ голосомъ Василій Аванасьевичъ, снова выдвигаясь впередъ:—онъ раму у меня выбилъ! буйство, значитъ!.. Вотъ и свидѣтели есть...

Кромъ Ивана Тихоновича, въ толпѣ оказалось въ самомъ дѣлѣ множество свидѣтелей; всѣ разомъ заговорили, послышались даже женскіе голоса, которые утверждали положительно, что рама точно была выбита.

Дядя Николай клялся въ свою очередь, что никогда этого не бывало, что ничего такого за нимъ не важивалось.

— Ну это не мое дѣло разбирать... я не сердцеѣдецъ! произнесъ наконецъ городской:—тамъ разберуть, я не сердцеѣдецъ, ступай! А вы расходись, чего сталп, расходись!.. Сказавъ это, городской приподнялъ виновнаго съ такою легкостью, какъ будто въ рукахъ его находился одинъ картузъ дяди Николая, и повелъ его, сопровождаемый всей толпою.

Минуту спустя, въ переулкѣ было такъ же почти тихо, какъ въ пустынь. Изъ всей толпы оставались только Василій Аванасьевичъ и тихвинецъ.

— Ну хорошо же, сказалъ золотильщикъ, грозя кулакомъ вслѣдъ за дядей Николаемъ:—такъ, братъ, со мною не раздѣлаешься... завтраже пойду къ частному: выучатъ тебя какъ бить хозяйскія рамы!.. Пойдемъ покѣдова, Иванъ Тихоновичъ...

— Пойдемъ, Василій Аванасьевичъ, время...

Они не замедлили возвратиться къ Аннѣ Ивановнѣ. Тамъ все ужь было приведено въ порядокъ; кроивъ, можетъ быть, чувствъ самой хозяйки; но никто этого не замѣтилъ. Окно общими усилиями заложено было тюфякомъ, рюмки наполнились живительной влагой, всѣ снова усѣлись вокругъ стола, не выключая, разумется, и Андрея Андреевича, глупое лицо котораго мгновенно повеселело, какъ только встрѣтилось со студнемъ. Вечеринка продолжалась — и дѣло: дядя Николай разбилъ вѣдь только окно, а не бутылки.

VI.

НЕОЖИДАННАЯ ПРИБЫЛЬ.

Но гдѣ же дѣдушка Герасимъ и его маленькой внучекъ?.. А вотъ позвольте, всему придетъ свой чередъ, будетъ время, доберемся и до дѣдушки Герасима. Я здѣсь вовсе не сочиняю, а рассказываю: только, какъ все произошло въ дѣйствительности, и придерживаюсь строгой исторической послѣдовательности. Эта самая причина заставляетъ меня перенестись на минуту въ одну улицу, находящуюся не въ далекомъ разстояніи отъ квартиры Яши Жилетникова, всего въ какихъ-нибудь трехъ-четыреихъ поворотахъ, такъ, что самый недобросовѣстный извозчикъ (а такихъ очень много) никакъ не запроситъ больше гривенника; чтобъ провзять пространство отъ одной улицы до другой.

Улица темная. Мудренаго нѣтъ; она состоитъ большею частью изъ заборовъ, и только посреди ея возвышался однакъ домъ, достойный некотораго вниманія: небольшое каменное двухъ-этажное зданіе; пять оконъ въ нижнемъ, и въ первомъ этажѣ находилось всего три окна; крытый подъездъ, устроенный въ видѣ фонаря, занималъ мѣсто двухъ оконъ.

Въ то самое время, какъ вечеринка Анны Ивановны была

начала принимать свой оживленный, веселый характеръ, на подъездъ этого дома происходило слѣдующее: одна половина дверей отворилась и пропустила сначала лицо, потомъ туловище и наконецъ всю фигуру чловѣка. Чловѣкъ этотъ былъ повидимому просто чловѣкъ, то-есть лакей. Онъ оглянулся налѣво: глаза его встрѣтили одинокой фонарь, тускло горѣвшій въ отдаленіи; оглянулся направо: глаза его встрѣтили ту же заборную перспективу, оканчивавшуюся фонаремъ. Онъ началъ прислушиваться... Немного погодя, чловѣкъ явственно различилъ торопливый, хотя тяжеловѣсный шумъ шаговъ.

— Севастьянъ, ты? спросилъ онъ.

— Я! отозвался чей-то грубоватый голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ посреди темноты обозначилась другая фигура, тоже повидимому лакейскаго происхожденія.

— Ну, что тамъ такое?

— Да ничего, мазурика ловили.... окно вышибъ прозявъ расшивочной... влѣзть хотѣлъ...

— Словили?

— Взяли; самъ Никандръ Степанычъ поймалъ: какъ хватить его за шиворотъ, да какъ гаркнетъ: «стой, какой естъ такой чловѣкъ!» такъ ннда и повалился!

— Много было народу?

— Отовсюду навалилось.

— Ну а что, Сашу и Варю не встрѣчалъ?

— Не видалъ; должно быть, не придуть...

— Нѣтъ, придуть, ужъ это безпремѣнно придуть; сами назвались вмѣстѣ новымъ годъ встрѣтить... какъ же не придти? я и угощенье приготоуилъ; и мадерцы, и все такое... А каково я мадерцу-то подлѣючилъ, а? принялъ это со стола непочатую бутылку, понесъ въ буфетъ да рядомъ пустую бутылку и коннулъ... онъ и кричитъ: «что, говорить, тамъ такое?»—«Виновать, говорю, сударь, непочатую мадеру разбилъ!»—Проворчалъ только... а мадера-то теперь у меня подъ подушкой. Нѣтъ, какъ не придти, безпремѣнно придуть!..

— Коли придуть, такъ придуть въ квартиру: дорога извѣстная... чего здѣсь ждать на холоду... смотри еще, медвѣдь хватится...

— Нѣтъ, сидить себѣ въ своей берлогѣ; чай отпилъ; приказалъ никого не пускать... гуляй, значить, весь вечеръ!

— Погоди... никакъ идуть... сказалъ мрачный Севастьянъ.

— Должно быть, онъ... Севастьянъ, спрячемся за дверь.

— Это зачѣмъ?

— Какъ подойдутъ этта къ подъезду, мы вдругъ и выскочимъ, какъ, дескать, сударины, васъ зовутъ по имени, величаютъ по отечеству?... то-то смѣхъ-то будетъ! Пойдемъ спрячемся... ну-же; ужь близко...

Игривая мысль товарища нашла вѣрно сочувствіе въ сердцѣ мрачнаго Севастьяна; онъ поднялся на ступеньки подъезда, и, секунду спустя, оба притаились за дверью.

Шаги между тѣмъ приближались. То были, однакожь, какіе-то робкіе, нерѣшительные шаги. Минуты три спустя, шагахъ въ двадцати отъ дома, показался маленькій старичекъ, въ ветхой фризовой шинели и въ картузѣ, весьма близкомъ къ разрушенію. Онъ медленно, какъ словно нехотя, подвигался впередъ; боязливо, мало того, съ какимъ-то страхомъ озирался во всѣ стороны, и такъ бережно ставилъ ноги на снѣгъ, какъ будто боялся нарушить тишину улицы. Щеки старика отдувались немилосерднѣйшимъ образомъ; это могло происходить отъ холода, хотя, признаться сказать, я никакъ не понимаю, почему отдуванье щекъ можетъ предохранить челоуѣка отъ стужи; но, вѣрнѣе, щеки старика отдувались отъ усталости: въ рукахъ его находился довольно полномѣстный узелъ; старикъ то и дѣло придерживалъ его коленомъ.

Поровнявшись съ домомъ, старикъ остановился, и снова оглянулся на всѣ стороны; но тишина мертвая царствовала вокругъ... изрѣдка лишь, гдѣ-то далеко, далеко, раздавался шумъ ѣдущихъ экипажей... Старикъ вывободилъ одну руку

изъ, подъ шинели, набожно, перекрестился, потомъ перекрестилъ свою ношу, снялъ съ себя шинель, окуталъ ею свой узелъ и бережно опустил его на подъездъ.

— Господи!... до чего дожили... прощенталъ отъ дрожащими голосами: — ну да что тутъ!.. Будь воля Божья!.. Христосъ сохрани тебя... и помилуй насъ грѣшныхъ!..

Тутъ онъ снова перекрестилъ узелъ, провелъ ладонью по глазамъ, тряхнулъ мокрыми пальцами по воздуху, и, отдавая болѣе чѣмъ когда-нибудь свои щеки, пошелъ въ обратный путь. . . .

Но не успѣлъ онъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ почувствовалъ себя въ крѣпкихъ рукахъ.

— Стой, мошенникъ! стой! такъ вотъ ты зачѣмъ пожаловалъ? закричалъ мрачный Севастьянъ съ неожиданнымъ воодушевленіемъ. — Стой! Петрушка, тащи его!..

— Не бось не вывернется, держу!

— Батюшки! отцы родные! воскликнулъ дѣдушка Герасимъ: — помилуйте!... я такъ только...

— Знаемъ мы: только!.. Ахъ ты мошенникъ ты этакой! дѣтей подкидывать, а? Тащи его, Петрушка! тащи! тащи! подхватишь Севастьянъ, увлекая старика на подъездъ; — тащи! Видишь какой напѣли здѣсь Воспитательный домъ!.. видишь что выдумали!

— Батюшки, не зналъ я... охъ! дайте, дайте хоть ребенка-то взять!..

— Бери, бери! его-то намъ и надо! веди, Петрушка! присовокушилъ Севастьянъ, когда ребенокъ очутился въ рукахъ дяди Герасима, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ и кидалъ растерянные взгляды вокругъ.

Севастьянъ и Петръ повели его по темной лѣстницѣ, не дергавъ и державъ его за руку. На второмъ поворотѣ Севастьянъ отворилъ дверь обитую сукномъ, и всѣ трое вошли въ небольшую, но чрезвычайнаго теплую прихожую, освѣщенную топящагося печкой..

Мысли и чувства дѣдушки Герасима находились, какъ вы можете себя представить, въ ужаснѣйшемъ потрясеніи; но, не смотря на то, онъ невольнo принялся раздувать свои щеки съ яснымъ удовольствіемъ, — такъ благотворно подѣйствовала на него теплота, его охватившая; удивительнаго ничего нѣтъ: онъ разстался съ тепломъ съ самаго почти юля, этого благодѣтельнаго Юля, согрѣвающего даромъ, бесплатно! Каза-лось даже, самый младенецъ на рукахъ дѣдушки Герасима обрадовался теплой коинатѣ; смирный до сихъ поръ, онъ вдругъ закричалъ благимъ матомъ! Въ отвѣтъ на это изъ соседней коинаты послышался другой младенческой крикъ. Дѣдушкѣ Герасиму почудилось въ первую секунду, что то было эхо, и опять таки тутъ не было бы ничего удивительнаго, потому что во всей квартирѣ царствовала такая же мертвая тишина, какъ и на улицѣ; но каково же было удивленіе старика, когда изъ ближайшей двери показалась вдругъ сытая, румяная кормилица, съ ребенкомъ на рукахъ!

— Ну, пропаль! совсѣмъ пропаль! подумаль старикъ; — какъ же это сказывали — у него дѣтей не было?.. сказывали — холостой человекъ... Пропала моя головушка... Фу, фу, конченое, значить, дѣло!..

Въ то время, какъ онъ размышлялъ такимъ образомъ, лакей Петръ запиралъ на ключъ выходную дверь, а лакей Севастьянъ шелъ съ докладомъ въ кабинетъ своего господина.

Кабинетъ выходилъ окнами на дворъ, и занималъ всю заднюю часть дома. Изъ этого можете замечить, что кабинетъ обширенъ. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такъ великъ, что лампа, поставленная у оконъ и прикрытая абажуромъ, могла освѣщать только одну половину коинаты; другая половина затеривалась въ потемкахъ; вздрагивающее пламя полупогасшихъ угольевъ въ высокомъ каминѣ изрѣдка лишь бросало багровый, трепещущій свѣтъ на безчисленные ряды полокъ съ книгами, и позволяло различать старинные низенькіе турецкіе диваны, обтертое зеленое сукно на полу, мѣдныя катушки креселъ, обтянутыхъ сафьяномъ. Въ освѣщенной половинѣ

кабинета видѣлись тѣ же полки съ книгами, подымавшіяся съ полу до потолка; кое-гдѣ свернали химическіе снаряды: стеклянные тонкогорлые сосуды, тонкія стеклянныя трубочки, изломанныя на всѣ возможные лады, пузырьки съ цвѣтными жидкостями, ящики съ минералами; не подалеку отъ лампы висѣлъ на гвоздѣ скелетъ, отбрасывавшій на соседнюю стѣну зубчатая фантастическія тѣни; противъ оконъ вытягивался длинный-длинный столъ, заваленный бумагами, свертками, фоліантами, хирургическими инструментами, восковыми раскрашенными моделями, изображавшими многосложные, запутанные органы человеческого тѣла. Подлѣ старинной чугунной чернильницы, въ видѣ готическаго храма, роспиленъ распиленный пополамъ черепъ, служившій песочницей. Все въ этой комнатѣ пахло или докторомъ, или ученымъ, но ужъ во всякомъ случаѣ, пахло старымъ холостякомъ. Какой-то сгущенный, неподвижный воздухъ, какъ будто пропитанный запахомъ мыши, воздухъ свойственный вообще всѣмъ жилищамъ старыхъ холостяковъ, воздухъ, ужъ располагающій почему-то къ ипохондріи, сдавливалъ ваше дыханіе; пыль на книгахъ и на полкахъ, беспорядокъ въ бумагахъ, лежавшихъ кое-гдѣ, даже на полу, ясно показывающа, что въ комнатѣ никогда и ни къ чему не прикасалась женская рука. Кабинетъ этотъ и предметы, его наполнявшіе, повѣствовали вамъ цѣлую исторію: видно было, что здѣсь въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ сосредоточивалась жизнь одинокаго труженика. Владѣтель кабинета былъ дѣйствительно и холостякъ и ученый медикъ, давно, впрочемъ, болѣе десяти лѣтъ оставившій практику.

Благодаря царствующей вокругъ тишинѣ, въ первую минуту легко было не замѣтить его присутствія.

Онъ сидѣлъ противъ камина въ широкихъ волтеровскихъ креслахъ; ноги его, закутанныя шелковымъ стеганнымъ халатомъ, покоились на рѣшеткѣ камина.

То былъ человекъ полный, но полноты болѣзненной, свойственной только темпераментамъ лимфатическимъ, ипохондрикамъ, сидящій, или, наконецъ, людящій, вся дѣятельность

которых сосредоточивается в одномъ мозгу. Выпуклый лобъ доктора значительно преобладалъ надъ другими частями лица; маленькіе черные глаза, не лишеныя еще блеска, но постоянно задумчивые, и какъ-бы прикованные къ одной точкѣ, уходили далеко въ свои впадины; мягкіе, плоскіе волосы, когда-то черные, какъ смола, начинали серебриться — вѣрный знакъ излишняго труда и усмешнаго мышленія, потому что, сколько извѣстно, докторъ не былъ подверженъ ни сильнымъ головнымъ болямъ, ни сплнымъ огорченіямъ, имѣющимъ также свойство преждевременно серебрить человѣческія головы; густыя, но мягкія и гладкія брови, показывали, впрочемъ, что жизнь этого человѣка прошла ровно, тихо, и не была подвержена собственнымъ бурямъ, страстямъ, испытаніямъ. Волосы, закинутыя назадъ, открывали маленькія женскія уши, необыкновенно-тонкаго, нѣжнаго рисунка, вѣрный, несомнѣнный знакъ необычайной деликатности чувствъ, соединенныхъ съ природною скрытностью. Наружность доктора не имѣла, однакожъ, ничего привлекательнаго: все въ ней было какъ-то кругло и мясисто; желтизна кожи на вискахъ, на лбу и вокругъ глазъ, выказывала нравъ желчный, раздражительный; онъ глядѣлъ какъ-то ворчливо, не сообщительно; вся фигура его сохраняла характеръ какой-то грубоватости, разумѣется, только наружной грубоватости, что дѣлало доктора весьма похожимъ на тѣ неуклюжіе, узловатые пни, въ глубинѣ которыхъ скрывается кубышка съ золотомъ; всякой пройдетъ мимо и не обратитъ вниманія, и тѣ только, которымъ открылся кладъ, прощаютъ такимъ пнямъ ихъ грубую, неуклюжую оболочку; но дѣло въ томъ, что такого рода клады даются весьма рѣдко.

Положивъ локоть на ручку кресель, опустивъ голову въ ладонь, докторъ задумчиво глядѣлъ на догоравшіе уголья камня.

Никогда еще можетъ быть, во всю свою жизнь, не чувствовалъ онъ такой тяжести на сердцѣ; никогда не чувствовалъ такой душевной тоски; никогда не чувствовалъ такъ сильно своего одиночества. Каждый годъ проводилъ онъ этотъ

самый вечеръ новаго года въ своемъ кабинетѣ и встрѣчалъ его при тѣхъ же условіяхъ; одиночество было ему, слѣдовательно, въ привычку. Но есть минуты въ жизни человѣка, мыслящаго и чувствующаго, минуты, когда неожиданно заговорятъ въ сердцѣ всѣ подавленные, давно молчавшія чувства; когда въ потемнѣвшей душѣ нашей отразятся вдругъ, подобно тому какъ отражаются на темной стѣнѣ радужные образы волшебнаго фонаря, отразятся свѣтлыя картины давно минувшаго счастливаго дѣтства; когда въ ушахъ нашихъ неожиданно, точно изъ другаго міра, зазвучатъ вдругъ родственные, близкіе намъ голоса... Въ такія минуты, повѣрьте, сердце и чувство, въ немъ воскреснувшія, берутъ верхъ надъ всеми возможными привычками одиночества, и дѣлается намъ поневоля и горько и грустно! Да, никогда еще, во всю свою жизнь, не сознавалъ докторъ такъ глубоко своего одиночества, никогда не тяготился имъ такъ сильно. Мы можемъ сказать въ свою очередь, что новый приближающійся годъ особенно сильно способствовалъ къ такому расположенію. Мысли доктора невольно переносили его во всѣ безчисленные знакомые ему дома огромной столицы; всюду встрѣчалъ онъ радостныя лица, всюду встрѣчалъ собравшихся родныхъ и друзей, радостно устремившихъ глаза на часовую стрѣлку, близившуюся къ полудню. Мысли его стремительно уносились тогда въ глубокую даль давно-прошедшаго времени, передъ нимъ воязили картины его дѣтства, и тамъ встрѣчалъ онъ тѣ же радостныя лица, встрѣчалъ тѣ же живые, нетерпѣливые взгляды, обращенные къ часовой стрѣлкѣ. Но прошедшее давно завѣсилось непроницаемою пеленою, давно не существовало; будущее терялось въ непроницаемомъ мракѣ; онъ былъ одинъ, одинъ въ міромъ свѣтѣ въ настоящую минуту, и часовая стрѣлка, приближавшаяся къ полуночи, и радости этого вечера не имѣли для него никакого смысла и значенія. Онъ мысленно сталъ перебирать всю свою жизнь, стараясь дознаться, не заключалось ли въ его природѣ какихъ-нибудь нравственныхъ или органическихъ причинъ, которыя съдѣлали изъ него такое грустное противунормальное исключеніе: онъ

перешелъ прямо къ эпохѣ своей юности. Онъ увидѣлъ себя круглымъ спротою, увидѣлъ окруженнымъ нуждою, которая заставляла его просиживать на-пролетъ цѣлыя ночи, заставляла работать и учиться не въ примѣръ противъ товарищей; онъ былъ одинокъ, и только трудомъ однимъ могъ держаться на ихъ уровнѣ; вся юность его прошла въ трудахъ неусыпныхъ; онъ не имѣлъ времени отдаваться увлеченіямъ, свойственнымъ его возрасту. Молодость его промелькнула почти незамѣтно. Онъ перенесся тогда къ эпохѣ возмужалого своего возраста, когда наука стала открывать передъ нимъ свои тайны, когда она превратилась въ страсть и увлекла его, когда онъ весь, всѣмъ существомъ своимъ, всѣми своими помыслами и чувствами, отдался наукѣ. Онъ посвящалъ ей все свое время и ни о чемъ больше не думалъ. Онъ жилъ не такъ, какъ жили другіе люди: жилъ вдали отъ всѣхъ, жилъ въ исключительной сферѣ мистическихъ таинствъ природы, въ мірѣ открытій, обращающихся на пользу и благо человечества. Такъ дожилъ онъ до сорока-лѣтняго возраста. Онъ увидѣлъ себя окруженнымъ славой, богатствомъ. Мысленно перелистывая такимъ образомъ день за день, годъ за годъ, всю свою жизнь, какъ листки фоліанта, дошелъ онъ до настоящей минуты и спросилъ себя наконецъ о результатъ пройденнаго поприща жизни; спросилъ себя: къ чему привели его и слава, и деньги, и наука, и познанія; спросилъ себя, почему, несмотря на славу, деньги и познанія, такъ пуста была душа его; спросилъ, почему, не смотря на славу, деньги и познанія, чувствовалъ себя, однакожь, такъ глубоко несчастливымъ и одинокимъ?... О! какими ничтожными, щаткими и мелкими показались ему въ эту минуту человѣческія стремленія и убѣжденія! Вечеръ новаго года, не болѣе какъ этотъ вечеръ, опрокидывалъ наизвѣдь и разбивалъ въ дребезги все его убѣжденія—плодъ долгихъ размышленій, все убѣжденія, жившія столько лѣтъ въ душѣ его и двигавшія всею его жизнью. Въ эту минуту онъ охотно отдалъ бы всю свою славу, все свои деньги и познанія, чтобъ въ этотъ вечеръ огонь камна освѣщалъ дружеское и женское лицо, и радостныя лица маленькихъ

дѣтей! Нѣтъ, никогда еще подобная мысль не вторгалась такъ назойливо въ сердце доктора, никогда не тяготило его такъ сильно одиночество !

Мысль о дѣтяхъ невольно перенесла его къ ребенку, котораго подкинули ему на прошлой недѣль. Онъ ухватился за эту мысль какъ утопающій хватается за соломенку. Секунду спустя, сердце его стѣснилось еще пуще прежняго: онъ прожилъ ужь время сердечныхъ увлеченій и привязанностей. Прошлаго не воротитишь, да и въ будущемъ не предстояло радостей: ему ужь не дожидаться времени, когда подкинутый ребенокъ займетъ мѣсто въ его осиротѣломъ сердцѣ и будетъ имѣть значеніе въ его жизни. Онъ снова оглянулся на пройденное поприще жизни, но на этотъ разъ уже съ какимъ-то страхомъ и отчаяніемъ. Ему хотѣлось узнать, не найдетъ ли хоть одного челоуѣка въ цѣломъ мѣрѣ, которому былъ бы онъ особенно близокъ или дорогъ, котораго привязалъ бы онъ къ себѣ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, хотя словомъ однимъ; онъ мысленно кинулся въ мелочи жизни, сталъ припоминать мельчайшіе случаи; нѣтъ, никого не могли привязать къ нему добрые совѣты, внушенные долгомъ, никого не трогало холодное воззрѣніе на челоуѣка съ ученой точки зрѣнія. Онъ сталъ припоминать тогда, не былъ ли онъ причиной, хотя невольной, чьихъ-нибудь страданій, огорченій; не заплатилъ ли кому-нибудь неблагодарностью, не оскорбилъ ли кого-нибудь грубымъ, жесткимъ, не заслуженнымъ словомъ, и нашелъ множество такихъ случаевъ. Такъ, переходя отъ одной мелочи къ другой, вспомнилъ онъ, что не далъе какъ годъ тому назадъ, потерялъ онъ бумажникъ съ деньгами, что бумажникъ былъ возвращенъ ему на другой же день полиціею, что въ этотъ день находился онъ въ какомъ-то особенно желчномъ, раздражительномъ расположеніи духа; онъ не позаботился даже осведомиться о челоуѣкѣ, возвратившемъ ему деньги, не позаботился поблагодарить его, хотя зналъ, что челоуѣкъ, возвратившій ему деньги, находился въ крайней бѣдности. Поступокъ этотъ и многіе другіе въ томъ же родѣ, заставили его бросить мысленно взглядъ на остающіеся дни его

поприща, и сердце его наполнилось желаніемъ загладить добрымъ какимъ-нибудь дѣломъ такъ бесплодно, такъ холодно проведенные годы; ему хотѣлось во что бѣ ни стало найти человѣка, въ которомъ могъ бы онъ возбудить къ себѣ чувство привязанности, хотя самой слабой сердечной привязанности, которая въ этотъ печальный вечеръ новаго года казалась ему во сто разъ дороже и славы и денегъ и обширныхъ познаній.

Такого рода мысли занимали доктора, когда ручка кабинетной двери застучала, и на порогъ показался мрачный Севастьянъ.

Увидя его, докторъ сдѣлалъ движеніе человѣка, котораго неожиданная трескотня, разрушающаяся кровать, оторвавшаяся полка, пробуждаютъ отъ сна.

Не дождавшись вопроса, Севастьянъ передалъ съ необычайнымъ жаромъ и торопливостью происшествіе, случившееся за минуту передъ тѣмъ на подъѣздѣ.

Докторъ быстро поднялся съ своего мѣста, при чемъ на лицѣ его отразились всѣ признаки нетерпѣнья и досады; но онъ мгновенно, однакожь, овладѣлъ собою, приказалъ Севастьяну ввести старика, и, пройдясь раза два по кабинету, вошелъ въ столовую.

Дѣдушка Герасимъ стоялъ ужъ въ дверяхъ, держа на рукахъ внука, который, какъ на зло, кричалъ немилосердѣйшимъ образомъ.

— Что ты за человѣкъ? отрывисто спросилъ докторъ, оглядывая старика строгимъ, пронизательнымъ взглядомъ.

— Сударь!... ваше высокоблагородіе... простите! протворилъ дѣдушка Герасимъ, дѣлая движеніе, чтобъ стать на колѣни.

— Я тебя спрашиваю: что ты за человѣкъ? повторилъ докторъ, удерживая его.

— Шарманщикъ, сударь! отвѣчали въ одинъ голосъ Севастьянъ и Петрушка, высовываясь изъ прихожей.

— Нѣтъ, сударь, подхватилъ дѣдушка Герасимъ: — нѣтъ-съ.... то-есть дочь моя съ шарманкой ходила.... а я, сударь, ваше благородіе.... болыше, то-есть играю.... то-есть на счетъ кларнета по этой части....

— Пьянчужка какой-нибудь! нетерпѣливо перебилъ докторъ.

Раскраснѣвшееся лицо дѣдушки Герасима, и особенно носъ его, пылавшій какъ раздутый уголь, произвели, повидимому, непріятное впечатлѣніе на доктора; онъ не зналъ, да и гдѣ жъ было знать ему, что дѣдушка Герасимъ провелъ весь день на морозѣ, и потому приписалъ необыкновенную красноту носа такимъ причинамъ, которыя ставили старика въ самое невыгодное мнѣніе.

— Пьянчужка! повторилъ онъ.

— Помилуйте, сударь!... я.... то-есть....

— Негодяй! присовокупилъ докторъ....

— За что же, сударь?!... оно, то-есть, конечно, виновать передъ вами.... а только за нами, то-есть, никакого, сударь, не водится художества.... мы, сударь, честные люди!...

— Это по всему видно!... хороша честность: прійти, самъ не зная куда и къ кому, и подкинуть ребѣнка. Можетъ даже быть свое собственное дѣтище... Чей это ребенокъ?

— Мой.... то-есть нашъ, сударь!... внучекъ, сударь.... родной внучекъ!...

— Еще лучше!

— Ахъ, сударь, сударь! съ отчаяньемъ воскликнулъ дѣдушка Герасимъ:—вѣдь сердце-то, сударь, и у насъ есть! чувствіе есть, сударь!... Развѣ намъ не жаль разставаться съ нимъ?... Мы, сударь, я да зять мой, можетъ, пятеро сутокъ не пиши, не ѣши сидѣли, все объ немъ сомнѣвались!... Нужда, сударь, заставила!... Пятеро дѣтей, надъ-мала меньше, вѣсть, сударь, просять, а дать нечего!... Думали, авось хоть этотъ несчастливѣе будетъ.... объ васъ, сударь, слышали.... благодѣтель, говорятъ.... холостой!... ну мы и того.... то-то вотъ, сударь, не знавши-то!.. Простите, сударь, помилуйте!..

А на счетъ, то-есть, художествомъ никакимъ мы, сударь, не занимаемся; жили, сударь, честность соблюдалм.... вотъ хоть бы теперича зятъ мой, сударь, прошлаго года, вотъ объ эту почитай пору, бумажникъ нашель....

— Какой бумажникъ?! спросилъ докторъ съ необыкновенною живостью.

— Да извѣстно, сударь, какіе такіе бываютъ; только нашель съ деньгами; сказывали тысяча была!... а вѣдь не польстился же: все въ полицію предоставилъ!... Сказывали намъ, дохтуръ вишь какой-то обронилъ, можетъ, вы его и знаете, ваше благородіе.... объ этомъ, сударь, и въ газетахъ распечатали.... Нѣтъ, сударь, жили мы всегда по честности, какъ слѣдуетъ, а не то, чтобъ другимъ, то-есть, какимъ ма-неромъ....

Но докторъ не слушалъ ужъ дѣдушку Герасима: загнувъ руки за спину, онъ торопливо ходилъ взадъ и впередъ по столовой: онъ казался взволнованнымъ. Досадливое выраженіе исчезло съ лица его. Внезапно веселая кака-то мысль осветила какъ-будто черты его; но это продолжалось всего секунду; онъ снова вдругъ нахмурился; видно было, однакожь, ясно ужъ было видно, что многихъ усилій стоило ему сохранныи такую маску.

— Все-равно, сказалъ онъ голосомъ, очевидно слишкомъ ужъ басистымъ, чтобъ быть естественнымъ:—все-равно! бѣдность не оправдываетъ такой поступокъ! Подкидывать дѣтей!!.. Съ чего вы взяли въ самомъ дѣлѣ превращать мой домъ въ Воспитательный? Твоему зятю угодно было народить множество дѣтей, а я долженъ отвѣчать—вотъ новость! Съ чего вы это взяли? а? Съ чего вы это взяли? я тебя спрашиваю. Мало того, что на прошлой недѣлѣ вы подкинули мнѣ одного ребенка, теперь пришли подкидывать еще другаго, а?!..

— Помилуйте, сударь!... Христось съ вами, сударь!... проговорилъ дѣдушка Герасимъ, столбенѣя отъ удивленія и ужаса.

— Вы подкинули, вы! больше не могу! Я вижу теперь ясно, вы подкинули!

— Христось съ вами, сударь! помилуйте!... помилуйте, ваше высокоблагородіе!... Да у насъ всего-на-всего одинъ только грудной и есть.... другимъ по два годка, помилуйте, сударь, я.... мы....

— Разказывай, любезный! Развъ не могла у васъ родиться двойня? развъ этого не бываетъ? а?

— Батюшка!!

— Полно, любезный, разговаривать, перебилъ докторъ, едва-едва удерживаясь:—очень радъ, что судьба натолкнула тебя сюда; очень радъ! Возьми своихъ внучатъ и ступай.... да благодари еще, что такъ сошло.... Эй! позвать сюда кормилицу!

— Помилуйте, сударь... что же это будетъ такое?... отчаянно воскликнулъ старикъ, которому представилась вдругъ страшная картина того, какъ является онъ домой съ двумя ребенками, да еще съ однимъ чужимъ, въ прилачу. — Батюшка! подхватилъ онъ, и безъ сомнѣнія упалъ бы на колѣни, еслибъ не помѣшалъ ему внучекъ:—сударь, да разрази меня Богъ на явтомъ самомъ мѣстѣ, нашли на меня всѣ несчастія, коли другаго подкинуть....

— Знать ничего не хочу! позвать сюда кормилицу! позвать кормилицу! кричалъ между тѣмъ докторъ, отворачиваясь къ двери, чтобъ скрыть смѣющееся лицо свое. — Марья, прибавилъ онъ, обращаясь къ кормилицѣ, которая входила съ младенцемъ на рукахъ:—ты, Марья, кормила ребенка?

— Сейчасъ, сударь, только отъ груди отпала.

— Хорошо; ну такъ отдай же его этому человеку.

— Батюшки! Ваше высокоблагородіе!.. да это вѣдь поти-бель наша! что жъ мы дѣлать-то станемъ?

— Возьми его, говорю, сей-часъ же бери, и чтобъ васъ не было здѣсь чрезъ минуту!

— Батюшки! отцы мои! завопилъ дѣдушка Герасимъ, когда положили ему на руки втораго ребенка, закутаннаго съ головы до ногъ въ шубейку кормилицы! Да вѣтъ же,

сударь... нѣтъ, власть милости вашей... нельзя этого... сударь... никакъ нельзя!

— А, когда такъ, я сейчасъ же пошлю за полиціей!.. Ступай!.. Петръ, выведи его на улицу!

— Позвольте слово только одно... я...

— Ни слова!... выведите его на улицу! сказалъ докторъ, указывая рукою на дверь. Севастьянъ! заключилъ онъ, когда старикъ, его два ребенка, Петръ и кормилица исчезли въ дверяхъ прихожей.

Явился Севастьянъ.

— Ступай слѣдомъ за этимъ старикомъ, сказалъ докторъ, понижая голосъ, но смотри, такъ, однако жъ, чтобъ онъ никакъ этого не замѣтилъ... въ противномъ случаѣ, завтра расчетъ и паспортъ, слышишь?

— Слушаю-сь, будьте благонадежны.

— Ну такъ ступай жѣ скорѣй; высмотри хорошенько, куда онъ пойдетъ, узнай его квартиру и тотчасъ же пріѣзжай сказать мнѣ обо всемъ. Смотри же не зѣвай! Да вели сказать кучеру, чтобъ скорѣе закладывалъ сани. Ступай!

VII.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

Можете сами судить, въ какомъ положеніи находился дѣдушка Герасимъ, когда Петръ захопнулъ за нимъ дверь докторскаго дома, и онъ снова очутился на улицѣ, но только ужъ не съ однимъ ребенкомъ, а съ двумя.

«Вотъ-те и новый годъ! вотъ-те и новый годъ!» могъ только проговорить онъ, раскачивая головою и придерживая коленнымъ то одного ребенка, то другаго.

Положеніе его было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Хуже всего то, что мысли старика, не смотря на взволнованныя его чувства, сохраняли всю свою ясность. Онъ сознавалъ какъ

нельзя лучше обстоятельства своего семейства; сознавалъ какъ нельзя отчетливѣе, что лишній этотъ младенецъ произведетъ дѣйствию лишней тяжести, брошенной въ вѣсы, и безъ того ужь до края переполненные тяжестью всякаго рода! Что говорить: отдавать себѣ такимъ образомъ отчетъ въ своемъ положеніи очень похвально и даже полезно; но въ извѣстныхъ случаяхъ жизни это рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Дѣдушка Герасимъ чувствовалъ это очень хорошо. Опъ видѣлъ, что безъ особеннаго какого-нибудь благопріятнаго случая, безъ вѣщательства посторонняго благодѣтельнаго лица, семейство его неминуемо погубнетъ. А между тѣмъ, положительно не предстоило никакой надежды, и въ этотъ вечеръ, именно въ этотъ вечеръ, менѣе чѣмъ когда-нибудь можно было рассчитывать на постороннее участіе.

Хотя вечеръ этотъ и слыветъ благодѣтельнымъ какимъ-то вечеромъ, хотя съ незапамятныхъ временъ ведется обыкновеніе собираться въ кружки и толковать о пользѣ благотворительности, но въ сущности вечеръ новаго года проходитъ въ однихъ разговорахъ; всѣ заняты собою собственно; думаютъ о томъ, какъ бы веселѣе, пріятнѣе провести достопамятнѣй вечеръ, и особенно заняты новымъ приближающимся годомъ. Никому въ голову не приходило, слѣдовательно, отыскать Яшу Жилетникова, узнать, что онъ? какъ онъ? все ли живетъ по старому? не нуждается ли въ чѣмъ-либо пособіи, и проч. и проч., всѣ думали только о новомъ годѣ. Всѣ помыслы, всѣ чувства смертныхъ принадлежали новоду году; на маковую росинку не оставалось чувствъ и мыслей для семьи Яши Жилетникова. Въ каждомъ окнѣ, въ каждомъ домѣ, въ каждой квартирѣ, даже на улицахъ и подъ воротами, только и было разговора, что о новомъ годѣ; хоть бы слово, одно слово о другъ моемъ, Яшѣ Жилетниковѣ! «Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!» слышалось отовсюду.

И въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ лицахъ, встрѣчавшихся на улицахъ, отпечатывалось выраженіе внутренняго довольства и счастья. О старомъ годѣ помышляли; казалось, такъ же

мало, какъ о Янъ Жилетниковъ; повидному, избѣгали даже вспоминать о старомъ годѣ, который въ свое время выбивался между тѣмъ изъ силъ, чтобъ подарить смертныхъ Петербурга раннею весною, надѣлать ихъ маленькими воздушными дачами, убрать цвѣтами и зеленью ихъ садикъ; старался поддерживать цвѣты и сады, поливая ихъ частыми дождями; старался перевезти какъ можно скорѣе продрогшихъ обывателей дачъ на теплыя квартиры, и проч. и проч. Но все это было забыто, и старый годъ, какъ дряхлый старикъ, отдавшій при жизни свое имущество неблагодарнымъ дѣтямъ, какъ девяностолѣтній король Лиръ, выгнанный неблагодарными дочерьми, сѣвшиль оставить городъ и прямо повидному направлялся къ Смоленскому кладбищу.

Дѣдушка Герасимъ готовъ былъ послѣдовать его примѣру. Между нимъ и старымъ годомъ было большое сходство: оба отжили свой вѣкъ; оба никому не были нужны. Одно только обстоятельство удерживало старика: удерживали два младенца на рукахъ его, которые кричали благимъ матомъ и какъ бы просили вести ихъ какъ можно скорѣе на квартиру. Дѣлать было нечего. Онъ ускорилъ шагъ, и во все продолженіе пути остановился одинъ только разъ, а именно, когда раздался первый ударъ колокола съ какой-то отдаленной колокольни. «Разъ... два... три...» Онъ сосчиталъ одиннадцать ударовъ; до новаго года оставался одинъ только часъ!

— Вотъ тебѣ и новый годъ! фу, фу! вотъ тебѣ и новый годъ! произнесъ старикъ машинально.

Приподнявъ коленомъ сначала внучка, потомъ другаго младенца, дѣдушка Герасимъ продолжалъ подвигаться впередъ. Такъ добрелъ онъ до воротъ своего дома; но тутъ онъ почти противъ воли остановился: смущеніе и нерѣшительность, окончательно овладѣвшія старикомъ, когда поровнялся онъ съ окнами Анны Ивановны, перешли, казалось, теперь въ его ноги; ноги его напрямикъ отказывались двигаться.

Не знаю, какъ долго простоялъ бы онъ на одномъ мѣстѣ,

если бы шаги, раздавшиеся за его спиною, не заставили его противъ силы войти въ ворота.

Не стану рассказывать, какъ дѣдушка Герасимъ проходилъ дворъ, какъ вступилъ въ стѣни, и какъ отчаянно отдувалъ щеки; достаточно сказать, что во все это время оба младенца кричали немилосердно, и не перестали кричать даже тогда, когда старикъ вошелъ съ ними въ комнату.

Обстоятельство это было причиною, что больная Маша тотчасъ пробудилась; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало мгновенное пробужденіе четырехъ дѣтей ея. Увидя днѣ полночьсныя ноши на рукахъ дѣдушки, ребятишки побросали во все стороны прикрывавшую ихъ одежду, кинулись къ старику и закричали въ одинъ голосъ :

— Дѣдушка принесть гостинцы ! гостинцы ! гостинцы принесть !

Убѣдившись, однакожь, въ чемъ дѣло, на что потребовалась одна секунда, они вдругъ отшатнулись и раскрыли удивленные глаза.

Маша, между тѣмъ, не найдя подлѣ себя младенца, быстро подняла голову, и съ безпокойствомъ смотрѣла на отца. Но всѣхъ изумленнѣе казался самъ Яша Жиметниковъ, который до того времени сидѣлъ въ углу, закутанный платкомъ крестъ на крестъ (пальто его прикрывало женнины ноги).

— Батюшка, сказала Маша, силясь приподняться на локотѣ: зачѣмъ ты взялъ ребенка ?

Но тутъ глаза ея встрѣтили другаго младенца, на рукахъ дѣдушки Герасима, и она остановилась.

— Батюшка, что это? проговорила она съ испугомъ.

— Что это? что такое? спросилъ въ свою очередь Яша, не вѣря глазамъ своимъ.

— Стойте ! погодите, погодите маленько, ужь, ужь, сейчасъ, возразилъ, смущаясь и мѣшаясь, старикъ: — вотъ я, примолвилъ онъ, оправляясь и стараясь даже улыбнуться, — я, то-есть, взялъ, Маша, ребенка-то... да онъ, видишь ли, кричалъ, спать тебѣ не давалъ ; такъ я, того, и взялъ его ;

думалъ прогуляюсь пойду по улицъ... а тутъ, стойте! Сейчасъ все расскажу, фу, фу... Вотъ, иду я, такъ-то, назадъ, смотрю, а въ дверяхъ нашихъ вотъ этотъ и лежитъ, да, фу, фу, выходить, то-есть, намъ его подкинули!

Яша стоялъ какъ громомъ пораженный.

— Неси его назадъ, батюшка! сказалъ онъ, наконецъ, судорожно схвативъ старика за шинель: —неси опять на старое мѣсто: грѣхъ не на нашей душѣ, самимъ вѣсть нечего!

— Нѣтъ, погодите, не ходи, батюшка! дай мнѣ его сюда! проговорила неожиданно Маша, протягивая руки: —дай сюда обоихъ! Яша, Христось съ тобою, опомнись, о чемъ это ты говоришь, что ты хочешь дѣлать? Богъ милостивъ: можетъ, услышалъ наши молитвы, счастье намъ посылаетъ... Вспомни нонче день какой! заключила она, укладывая обоихъ младенцовъ подлѣ себя.

* — Оно все такъ... точно: новый годъ!.. Но и своихъ много... куда мы съ нимъ дѣнемся?.. нерѣшительно вымолвилъ Яша.

Дѣдушка Герасимъ разводилъ только руками и отдувалъ щеки.

— Какъ куда дѣнемся! не бросить же его на улицу, стало, такъ Господу Богу угодно... будетъ жить съ нами, если Господь дастъ ему здоровья, сказала Маша: —Богъ дастъ и я встану, не будетъ той тѣсноты въ домѣ, какъ-нибудь прокормимся. А нынче, самъ же ты говорилъ, банщикъ обѣщалъ прислать... что-то долго онъ неидетъ!.. ты бы опять сходилъ, Яша. А батюшка сходить пока въ лавочку, молочка возьметъ... вѣдь ты, батюшка, лавочнику-то заплатилъ, сказывалъ?..

— Какъ же, какъ же! гм! гм!.. Сейчасъ, сію минуту... суетливо заговорилъ дѣдушка Герасимъ, какъ бы отыскивая что-то въ углахъ комнаты: — сейчасъ схожу, примолвилъ онъ, бросивъ выразительный взглядъ Яшѣ и выходя торопливо изъ комнаты.

— Батюшка, что ты съ нами надѣлалъ ! Вѣдь это наша гибель ! воскликнулъ гаеръ, когда оба они очутились въ сѣняхъ.

— Ну какъ быть! ничего, молчи только, возразилъ тесть, стараясь принять лукавый видъ и подмигивая обоими глазами, что было совершенно лишнее, потому что въ сѣняхъ эги не было видно:—надо какъ-нибудь извернуться... надуть ее безпремѣнно надо, потому, примѣрно, лавочникъ и бавъщикъ и все такое... выходитъ пустяшное только дѣло!.. А вотъ что: сбѣгаю-ка я къ Аннѣ Ивановнѣ, скажу: такъ и такъ молъ, оказія кака я случилась, попрошу ее, баба того... добрая душа, авось что и добуду... всего бы одинъ двугривенный, больше не надо... ты ступай пока къ Машѣ... а я какъ получу деньги-то, въ лавочку сбѣгаю за молокомъ... не въ нашу лавочку; тамъ не раздобудешься, сбѣгаю въ другую, слышь? Сказавъ это, старикъ выпустилъ разомъ весь воздухъ изъ щекъ своихъ, и пустился безъ оглядки въ квартиру Анны Ивановны.

Яша засталъ дѣтей своихъ подлѣ постели матери; всѣ—и мать, и дѣти, съ люботытствомъ разсматривали подкидыча.

— Погляди, Яша, погляди-ка, во что его закутали... шубейка-то кака! а одѣяльце-то... одѣяльце! стеганое шелковое! а пеленки-то! а рубашечка... должно быть богатыхъ какихъ!.. Господи! и такіе люди подкидываютъ дѣтей своихъ!.. Яша, и башмачки-то, погляди, башмачки-то какіе... точно игрушечные!.. да подойди же сюда, Яша.

Но Яша сидѣлъ ужъ въ углу своемъ, и, положивъ голову въ ладони, ни на что, казалося, не хотѣлъ смотреть.

Минуть пять спустя, онъ по неволѣ долженъ былъ, однакожь, поднять голову. Въ комнату вошелъ дѣдушка Герасимъ, сопровождаемый всѣмъ обществомъ Анны Ивановны, за исключеніемъ, впрочемъ, веселаго Андрея Андреевича, который такъ весело провелъ остатокъ вечера, что не въ силахъ ужъ былъ двигать ногами. Вся компанія находилась также, по видимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, и это

самое обстоятельство выдавало еще рѣзче взбужденное, встревоженное лицо дѣдушки Герасима.

Впереди всѣхъ выступалъ Василій Аѳанасьевичъ.

— Кого еще тутъ принесло? Какого ребенка? Мало тѣсноты было!.. сказалъ золотильщикъ, зеленоватое лице котораго, благодаря крѣпкой настойкѣ Анны Ивановны и ея радушію, превратилось въ пунцовое:—самимъ вѣсть нечего, а еще чужихъ дѣтей принимать вздумали! Нѣтъ, прежде за квартиру заплатите—вотъ что, а тамъ и распорядитесь, да; слышите, за квартиру отдайте, а тамъ и пускайте, кого хотите...

— Это какъ есть настоящее дѣло... проговорилъ охмѣлѣвшій тихвинецъ.

— Ахъ, Авениръ Михайлычъ, посмотрите, какой хорошенькой ребеночекъ! просто прелести... воскликнула Анна Ивановна: — ахъ, какія прелести! посмотрите, Авениръ Михайловичъ, какое на немъ одѣяльце, какая рубашечка...

— Да-съ, можно сказать, княжеское дитя, только не приходится... знаете... не на своемъ мѣстѣ, такъ сказать... проговорилъ Авениръ Михайловичъ съ видомъ знатока.

— Да, прежде за квартиру заплатите, вотъ что! кричалъ между тѣмъ Василій Аѳанасьевичъ: — а то норовятъ жить какъ-нибудь на шаромыжку, да еще жильцовъ къ себѣ пускаютъ...

— Какой же это жилецъ? вымолвилъ дѣдушка Герасимъ:— много ли ему надо? да никто и не пушалъ его.... Выслушай только, Василій Аѳанасьевичъ, что я скажу тебѣ... выслушай: нешто мы причиной, вѣдь его подкинули, самъ посуди!

— А зачѣмъ брали? брали зачѣмъ?.. вишь богачи какіе... самимъ вѣсть нечего, а еще подкидышей берутъ...

— Какъ же быть-то? на морозъ, что ли, его по твоему оставить?

— Какъ же ты можешь отвѣчать такъ своему хозяину? закричалъ еще громче золотильщикъ:—какъ же ты можешь

отвѣчать такъ грубо?.. Вонъ, когда такъ! вонъ, чтобъ духу вашего здѣсь не было!.. подхватилъ онъ, не обращая вниманія на усобѣщиваніе Анны Ивановны.

Но въ ту самую минуту, какъ Василій Аѳанасьевичъ произносилъ эти послѣднія слова, торжественно приподнявъ руку, дверь отворилась и въ комнату вошелъ докторъ.

— Что здѣсь за шумъ?.. спросилъ онъ, окидывая быстрымъ взглядомъ присутствующихъ.

— Отъ того и шумъ, за квартиру не платятъ, вотъ что! отвѣчалъ довольно дерзко Василій Аѳанасьевичъ.

— Вы кто такой? нетерпѣливо спросилъ докторъ, обращаясь къ золотильщику.

— Я хозяинъ здѣшней квартиры, возразилъ тотъ съ горячностью.

— А, вы хозяинъ здѣшней квартиры... перебилъ докторъ торопливо, вынимая изъ кармана бумажникъ: — сколько же они вамъ должны?..

— Должны три цѣлковыхъ... да вамъ до этого нѣтъ нужды: это мое дѣло съ жильцами, потому я хозяинъ...

— Вотъ вамъ деньги, прервалъ его докторъ: — вы, следовательно, теперь ужь не хозяинъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, и потому можете убираться отсюда...

— Какъ вы можете мнѣ это говорить? я хозяинъ ..

— Нѣтъ, повторяю вамъ, вы ужь не хозяинъ, коль скоро деньги вамъ заплачены. Ступайте вонъ!

— Какъ?

— Да также, вотъ какъ!.. и докторъ, повернувъ Василія Аѳанасьевича за плечи, вытолкнулъ его за дверь безъ дальнѣйшихъ церемоній.

— Вамъ здѣсь что угодно? спросилъ онъ, обращаясь къ тихвинцу.

— Это, то-есть, на счетъ чего-съ... проговорилъ тихвинецъ, начинавшій ужь подбираться къ двери.

— Не угодно ли вамъ уйти отсюда?

— Это мы съ нашимъ удовольствіемъ-съ... это можно... пробормоталъ Иванъ Тихоновичъ, исчезая въ сѣни.

— А ты, братецъ, зачѣмъ здѣсь? сказалъ докторъ, поворачиваясь къ Авенпру Михайловичу, который не переставалъ охорашиваться: чистилъ обшлага фрака и старался, повидному, обратить на себя вниманіе доктора:—ты здѣсь зачѣмъ?.. Я, кажется, явственно, русскимъ языкомъ сказалъ, что ты напрасно беспокоишься, и ходишь ко мнѣ каждый день; что я не возьму тебя въ камердинеры, потому что не люблю такихъ франтовъ... Чего же тебѣ еще? Ступай, братецъ, ступай... тебѣ здѣсь нечего дѣлать...

— Помылейте, сударь... такимъ манеромъ... я у князей, у графовъ служилъ...

— Ну, очень радъ, а у меня служить не будешь, вотъ и все! Ступай отсюда! перебилъ докторъ, выпроваживая Авенира Михайловича.

Маленькая Анна Ивановна, столько удивленная, сколько огорченная обращеніемъ доктора съ избраннымъ ея сердца, не дождалась приглашенія оставить квартиру гостя; потряхивая съ чувствомъ достоинства крошечной своей головкой, она горделиво прошла мимо доктора, какъ бы желая дать ему почувствовать, что она не какая-нибудь сволочь, что папешка ея содержалъ цырюльню на Владимирской, имѣлъ свой капиталъ, и проч. и проч.; она тотчасъ же исчезла.

Всѣ члены семейства Яши Жилетникова глядѣли на доктора во всѣ глаза; въ этихъ взглядахъ выражался страхъ, радость, надежда. Маша сидѣла на постели, и, положивъ руку на обоихъ младенцевъ, придерживая другою рукою грудь, дрожала всѣмъ тѣломъ; Яша, обвизанный крестъ на крестъ женнинымъ платкомъ, стоялъ какъ окаменѣлый; дѣдушка Герасимъ, изъ-подъ шинели котораго выглядывали испуганные лица четырехъ дѣтей, разводилъ только руками и отдувалъ свои щеки.

Прежде всѣхъ опомнились все-таки дѣдушка Герасимъ.

— Батюшка... сударь! ваше высокоблагородіе! заговорилъ онъ неожиданно, трогаясь впередъ, при чемъ дѣти быстро вынырнули изъ-подъ шивела и спрятались за спинку кровати: — ваше высокоблагородіе... благо... благодѣтель вы нашъ! мы ужь не чаялись квартирой-то справиться... самъ Господь наслалъ васъ, благодѣтель! заключилъ онъ, опускаясь на колѣни.

— Полно, старикъ, полно! проговорилъ докторъ, приподнимая его: — перестань, это лишнее... Вы хозяинъ здѣшней квартиры? примолвилъ онъ, обращаясь къ Яшѣ.

— Я... Я... сударь... пробормоталъ Яша, запинаясь на каждомъ словѣ.

— А эго жена ваша?

— Жена... сударь...

— Перестаньте тревожиться, успокойтесь, вымолвилъ докторъ, подходя къ Машѣ: — я ничего не желаю вамъ, кромѣ добра; я докторъ и пришелъ къ вамъ единственно за тѣмъ только, чтобъ оказать вамъ пособіе... дайте вашу руку... Э! ничего! присовокупилъ онъ, внимательно прислушиваясь къ пульсу и глядя ей въ лицо: — вы только слабы... болѣзни никакаго нѣтъ... надѣюсь, вы скоро, очень даже скоро поправитесь....

Тутъ докторъ суетливо оглянулся во всѣ стороны; но такъ-какъ нигдѣ не оказалось ни пера, ни чернилцы, ни клочка бумаги, онъ вырвалъ изъ бумажника бѣлой листокъ, положилъ на ладонь и поспѣшно принялся писать что-то карандашомъ.

— Вотъ такъ хорошо; чрезъ недѣлю, надѣюсь, вы будете на ногахъ и совершенно здоровы, сказалъ онъ, складывая бумажку: — вашъ мужъ тотчасъ же отнесетъ это въ аптеку... у меня тутъ, на дворѣ, стоятъ сани; а вотъ и деньги на лекарство... добавилъ онъ, протягивая руку Яшѣ Жилетникову

— Благодѣтель!... ваше благородіе!... за что, сударь, жалуете... закричалъ дѣдушка Герасимъ, всплескивая руками.

— Подлинно, сударь, самъ Господь посылаетъ васъ!... Какъ намъ благодарить васъ за ваши добродѣтели!... Сударь! ваше благородіе!... Ужь коли Господь послалъ намъ такого ангела-хранителя... такъ не оставьте насъ... будьте нашимъ благодѣтелемъ до конца!... пожалуйте насъ бѣдныхъ!.. Сами видите, сударь, какаѣ наша жизнь... ѣсть нечего!... пятеро дѣтей... Будьте отцомъ роднымъ, не отягощайте насъ лишнимъ ребенкомъ! не знаемъ, что и съ своими-то дѣлать!... проговорилъ Яша Жилетниковъ, которому, во время объясненія доктора съ Машей, дѣдушка Герасимъ передалъ на ухо всю исторію съ подкидышемъ.

— Нѣтъ, я этого никакъ не сдѣлаю, ребенокъ останется у васъ, съ веселостью отвѣчалъ докторъ:—вы знаете, долгъ красенъ платежемъ; часъ тому назадъ, вашъ тестъ и, вѣроятно, съ вашего же согласія, принесъ на мой подвѣздъ вашего ребенка и хотѣлъ мнѣ его подкинуть...

На этомъ мѣстѣ докторъ былъ прерванъ страшнымъ рыданіемъ Маши.

— Яша!... Яша!... батюшка... что вы хотѣли сдѣлать!.. воскликнула она, страстно прижимая къ груди ребенка и обливаясь слезами.

— Такъ, стало быть, она ничего этого не знала?...

— Ничего, сударь, какъ есть... произнесла въ одно время тестъ и зять.

— Полноте, перестаньте же... теперь плакать не о чемъ, вымолвилъ докторъ, торопливо подходя къ постели и взявъ больную за руку:—вѣдь вашъ ребенокъ теперь съ вами и никогда ужъ не разлучать васъ; плакать, слѣдовательно, безразсудно... о чемъ? Вамъ, напротивъ, слѣдовало бы теперь радоваться! прибавилъ докторъ съ веселою улыбкой:— вы, какъ я вижу, любите дѣтей, и вмѣсто одного ребенка у васъ стало вдругъ двое!.. Утрите же ваши слезы; плакать тѣмъ болѣе безразсудно, что мой ребенокъ, повѣрьте, нимало не стѣснить васъ.. я думаю совсѣмъ напротивъ... вотъ, напри- мѣръ, у васъ здѣсь очень холодно?..

— Двѣ недели, сударь, не топили, перебилъ двдушка Герасимъ.

— Ну вотъ видите ли! А мой ребенокъ привыкъ къ теплу, и потому необходимо сію же минуту достать дровъ и затопить печку, вотъ и деньги; во-вторыхъ, мой ребенокъ привыкъ очень хорошо ужинать; онъ безъ этого не засыпаетъ... и потому надо достать еще, во что бы то ни стало, хорошій ужинъ... Кроме этого, я знаю, мой ребенокъ приготовилъ вамъ маленькій подарокъ къ новому году... но объ этомъ послѣ; главное дѣло, надо теперь позаботиться объ ужинѣ... Нельзя же встрѣтить новый годъ съ пустымъ желудкомъ, не такъ ли? Мы сейчасъ же этимъ распорядимся...

Сказавъ это, докторъ вынулъ изъ бумажника нѣсколько мелкихъ ассигнацій, подошелъ къ оторопѣвшему Яшѣ, и началъ съ нимъ о чемъ-то разговаривать; разговоръ происходилъ вполголоса и Маша ничего не могла разобрать; до слуха ея доходили только восклицанія отца и мужа, которые, одинъ за другимъ, повторяли: — «Благодѣтель! отецъ нашъ!! Господь заплатитъ вамъ за ваши добродѣтели!!» и проч. и проч.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, однакожь, что Яша и старикъ нахлобучили на голову картузы свои, и опрометью выбѣжали изъ комнаты.

Докторъ придвинулъ скамью къ постели больной, и ласково сталъ спрашивать ее о прежнемъ житъѣ-бытѣ ея.

Никогда еще полное лицо доктора не дышало такою добротою и не внушало столько довѣрія; въ чертахъ его не оставалось и тѣни строгаго, глубокомысленно-задумчиваго выраженія; ученый исчезъ совершенно; остался только человѣкъ; и лучше было! Дѣти, которымъ инстинктивно дано понимать лучше всякаго взрослога движенія человеческой души, давно ужъ переставали болтаться своего гостя; они вышли изъ-за своей засады и окружали теперь доктора, который, продолжая добродушно бесѣдовать съ Машей, не пропускалъ случая трепать пухленькія щеки то одному изъ наследниковъ Яши Жиметникова, то другому.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ дверяхъ не показался дѣдушка Герасимъ съ охапкою дровъ на спинѣ, съ кулькомъ на плечъ и бутылкою за пазухой, слѣдомъ за нимъ выступалъ Яша съ полновѣсными узлами въ каждой рукѣ.

Поставивъ свои ноши на столъ, оба остановились въ какой-то нерѣшительности.

— Что жъ вы стали, братцы? смѣясь сказалъ докторъ:— надо поторопиться, а то, чего добраго, новый годъ застанетъ насъ въ холодной квартирѣ...

— Помните, сударь, какъ же?... за что, то-есть... вы такія милости... отецъ нашъ!... начали было оба смущеннымъ голосомъ.

Но докторъ не дослушалъ, приказалъ старику немедленно затопить печь, Яшѣ велѣлъ развязывать узлы и самъ принялся подсоблять ему.

Немного погодя, на шарманкѣ, приставленной къ постели, появились бутылка молока, двѣ жареныя курицы, вино, бѣлые хлѣбы, пироги; часть постели заставилась, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, новыми фаянсовыми тарелками, ножамъ, вилками, стаканами, рюмками и салфетками. Но радость и удивленіе дѣтей превратились въ совершеннѣйшій восторгъ, когда докторъ развзлалъ узелъ, изъ котораго неожиданно выглянули деревянные коньки, пряники и румяныя головки куколъ.

— Это послѣ, дѣти, послѣ; теперь садитесь всѣ ужинать! Кто первый сядетъ, тому лучшая игрушка! сказалъ докторъ, между тѣмъ какъ Маша осыпала его благословеніями, смѣялась и плакала въ одно и то же время.

Когда дѣти усѣлись и ярко-вспыхнувшая вдругъ печка освѣтила ихъ радостныя лица, Яша Жилетниковъ, дѣдушка Герасимъ и его дочь снова принялись разсыпаться въ благодарностяхъ и благословеніяхъ; но докторъ остановилъ ихъ, сказавъ, что если они не сядутъ ужинать, опъ минуты не

останется въ ихъ квартирѣ и предоставитъ ихъ на произволь судьбы....

— Ну, теперь, — сказалъ докторъ, когда объ курицы и пироги исчезли, — пора, кажется, подумать и о новомъ годѣ. Вы знаете, что изстари ведется обычай дѣлать въ этотъ вечеръ другъ другу подарки. Вы подарили мнѣ или хотѣли подарить, что все-равно, вашего ребенка, я отплатилъ вамъ тѣмъ же. Но мой ребенокъ находитъ, что этого недостаточно; онъ считаетъ себя въ долгу передъ вами, и хочетъ вамъ сдѣлать вотъ какой подарокъ, слушайте....

При этомъ, докторъ вынулъ изъ бокового кармана какое-то письмо, весело оглянуль изумленныхъ членовъ семейства, развернулъ письмо и началъ читать во всеуслышаніе :

Въ письмѣ значилось, что ребенокъ, подкинутый такого-то числа декабря, доктору такому-то, принадлежитъ богатымъ родителямъ, которыхъ обстоятельства заставляютъ на время скрываться; далѣе объяснялось, что на имя ребенка положенъ капиталъ въ Опекунскій Совѣтъ, и что проценты съ этого капитала, тысячу рублей въ годъ, предоставляется получать тѣмъ, кто будетъ заботиться о сохраненіи ребенка въ добромъ здравіи.

— Безъ васъ, я покороче познакомился съ вашею женою, сказалъ докторъ, обращаясь къ Яшѣ Жилетникову: — васъ, собственно, я уже давно знаю за честнаго, добраго человека... я разсудилъ отдать на ваше попеченіе ребенка и предоставляю вамъ пользоваться его доходами. Что вы объ этомъ скажете?

Предоставляю вамъ самимъ судить о впечатлѣніи, какое произвели слова доктора на семейство Яши Жилетникова.

Дѣдушка Герасимъ и Яша бросились обнимать ноги доктора; Маша рыдала на-взрыдъ, но ужъ на этотъ разъ отъ радости.

— Дѣти! воскликнулъ вдругъ дѣдушка Герасимъ, подымаясь на ноги и восторженно оглядывая внучатъ, которыхъ докторъ надѣлилъ игрушками: — дѣти, что жъ вы?

Тутъ дѣдушка Герасимъ стремительно бросился въ уголь, приподнялся на цыпочки и снялъ съ гвоздей кларнетъ.

— Дѣти! на колѣни, въ ноги! благодарите вашего благодѣтеля! на колѣни! стой! стой! онъ, отецъ нашъ, этого не любить, стой! подхватилъ старикъ, восторженно махая кларнетомъ:—благодарите его, повеселите его, отца нашего, благодѣтеля! Ваня, Поля! становись! заключилъ дѣдушка Герасимъ, приставляя кларнетъ къ губамъ и страшно надувая щеки.

— Полно, старикъ, къ чему это? смѣясь проговорилъ докторъ, махал рукою, которою снова завладѣли Яша и жена его.

— Какъ же, сударь! какъ же, ваше благородіе! развѣ мы скоты какіе безчувственные? и въ насъ есть, сударь, искра Божія, мы должны все это то-есть чувствовать, сударь.... Становись, Ваня! Поля! ну, живо, ходи!

Напрасно докторъ отпѣкивался.

Дѣдушка Герасимъ приставилъ кларнетъ къ губамъ, топнулъ ногою, и въ комнату, освѣщенную яркимъ пламенемъ топившейся печки, раздались вдругъ звуки какой-то отчаянной плясовой пѣсни, послышался топотъ маленькихъ ножекъ, восторженные восклицанія, хохотъ. Кромѣ доктора, все плясало и прыгало, не выключая даже двухъ младенцевъ, скакавшихъ на рукахъ Яши Жилетникова, не выключая скамьи, на которой помѣщался докторъ, не выключая шарманки, которая не хотѣла, видно, отстать отъ своихъ хозяевъ въ изъясненіи своей благодарности, и, повинувшись движенію ручки въ рукѣ Маши, заилась какимъ-то дребезжащимъ, неистовымъ вальсомъ.

Не знаю, до какихъ поръ могла бы продолжаться вся эта трескотня, еслибъ докторъ не вынулъ изъ жилетнаго кармана часовъ, и не провозгласилъ, что до новаго года осталось всего одна минута! ..

Все разомъ остановилось и замолкло. Докторъ налилъ тогда рюмку вина и привсталъ съ мѣста.

— Дѣти! сказалъ онъ,—поздравляю васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! отозвалось дружнымъ хоромъ семейство Яши Жилетникова;—съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! повторили всѣ еще громче, повинувся знаку дѣдушки Герасима, который управлялъ хоромъ въ качествѣ стараго, опытнаго музыканта.... Добрый дѣдушка Герасимъ! добрый Жилетниковъ! добрая Маша! добрый докторъ! добрыя дѣти! добрый вечеръ новаго года!...

Нѣтъ, я рѣшительно не могу больше владѣть своими чувствами! Выхожу изъ темнаго угла, въ которомъ стоялъ я пять часовъ сряду, бросаю свой пинюгнито, громогласно объявляю себя лучшимъ другомъ Яши Жилетникова, подбѣгаю къ шарманкѣ, наливаю полный стаканъ вина, и, не обращая вниманія на изумленіе всѣхъ присутствующихъ, становлюсь на средину комнаты, потрясаю въ воздухъ опорожненнымъ стаканомъ, топаю ногами и кричу во всеуслышаніе:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!

Д. ГРЯГОРОВИЧЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ,

ВЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕВОДѢ Г. ГЕРБЕЛЯ.

Статья II.

(Битва на Каяль).

21.

Послѣ победы надъ Половцами, одержанной Игоремъ въ *пятницу* (3 мая) у р. Сюурлія, — на другой день началась новая битва, которая продолжалась полторы сутки, и кончилась поражениемъ Русскаго войска и пльномъ князей, на р. Каяль. Эта битва есть главное дѣйствіе въ походѣ Игоря, и въ Пѣсни о полку Игоревѣ. Посмотримъ на нее въ переводѣ г. Гербеля.

Но напередъ считаю не лишнимъ замѣтить, что пѣвецъ Игоря въ изображеніи этой битвы сходится вполне съ сказаніемъ летописи Кіевской, и этимъ взаимнымъ согласіемъ ихъ определяется историческая достовѣрность событія, въ его подробностяхъ. Такимъ образомъ открывается неувѣрность нѣкоторыхъ извѣстій о походѣ Игоревомъ, встрѣчаемая въ летописи Лаврентьевской или Суздальской. Тамъ сказано, напримѣръ: «И снѣшася у *Перелславля* Игорь съ *дѣтьма сынома...*» Это неувѣрно. Неувѣрно и то, будто послѣ победы, одержанной надъ Половцами (въ *пятницу*), наши «стояша на вежахъ 3 дни веселяся». Летопись Кіевская обстоятельно рассказываетъ, какъ Игорь, послѣ той победы, говорилъ: «Нынѣ же поведемъ черезъ ночь!» Но племянникъ его Святославъ сказалъ: «далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ повхати, то толико ми будетъ на дорозѣ остати! И поможетъ ему Всеволодъ, яко же облечи ту. И рече Игорь: да недивно есть разумьющи, братья, умрети! — и облегоша ту». Объ этомъ ночлегѣ и въ Пѣсни Игорю сказано: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... далече залетѣло! Не былонъ обидѣ порождено — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Полов-

чине!»— «*Свѣтаючи же суботѣ* (продолжаетъ лѣтопись Кіевская) начаша выступати полци Половецкїи, акъ борове; изумѣшася князи Русскїи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество.»

Пѣвецъ Игоря изображаетъ это картиною наступающей грозы.

22.

«Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають. Чръныя туча съ моря идуть; хотять прикрыти четыри солнца; а въ нихъ трепещуть синїи мльнїи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся кошемъ приламати; ту ся саблямъ потручатя о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каляѣ, у Дону великаго! О Руская земле, уже ты не шеломянемъ еси!»

Г. Гербель передалъ эту картину превосходно:

«Рано заутра востокъ загорѣся кровавой зарею;
Черныя тучи науть съ *отдаленнаго* моря, стараясь
Тьнью своею закрыть четыре блестящїе солнца;
Синїя молнїи въ тучахъ трепещуть: бытъ сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона; тамъ-то
Копьямъ *стальнымъ* поломаться! Тамъ-то объ племы Половецъ
Острымъ мечамъ притупиться— на *быстрой* Каляѣ, у Дона!
Русь, уже ты подъ курганомъ!...»

Пѣвецъ означаетъ *четыри* солнцами, четырехъ Русскихъ князей: Игоря съ братомъ Всеволодомъ, старшимъ сыномъ Владимиромъ и племянникомъ Святославомъ. (Въ Кіевской лѣтописи опредѣлительно сказано, что Игорь взялъ съ собою въ походъ брата Всеволода, племянника Святослава, и — «Володимера сына своего изъ Путивля», о которомъ и въ битвѣ на р. Сяурїѣ сказано: «Напередв ему сынъ Володимеръ»). Сообразно съ этимъ представленїемъ Половецъ, наступающихъ *черными тучами* на нашихъ князей, и въ другомъ соответственномъ мѣствѣ Пѣсни, кїевскїе бояре говорятъ своему князю: «Гемно бо бѣ въ *третїй* день: *два солнца* помръкоста, *оба багряная стлѣпа* погасоста, и съ нима *молодая мѣсяца* — Олегъ и Святъславъ — тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каляѣ тьма свѣтъ покрыва». Тутъ только два старшіе князя (Игорь и Всеволодъ) названы *солнцами*; а два меньшихъ князя двумя *молодыми мѣсяцами*. Въ Пѣсни сказано «Олегъ и Святъславъ» — но это явная оговорка: имя малолѣтняго Игорева сына *Олега* поставлено вмѣсто имени старшаго сына *Владимира*, бывшаго въ походъ и взятаго въ павнѣ, гдѣ Кончакъ и женилъ его на своей дочери. Эту ошибку

въ Пѣсни замѣтилъ еще Грамматинъ. (Вольно было г. Дубенскому предполагать, что имя *Олега* могло быть тутъ опискою, вмѣсто *Ольстина Олексича*, начальствовавшаго черниговскими Ковуями). Г. Гербель не воспользовался справедливымъ указаніемъ Грамматина, пропустивъ въ переводѣ и два *багрянные столпа*:

На третій день утро смѣнилось мглой;
 Погасли два солнца подъ ризой ночью,
 И съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ —
 Олегъ съ Святославомъ — два князя прекрасныхъ.
 Заря на Каяль погасла во мгль....»

Но пѣвецъ, въ концѣ Пѣсни, величая князей, бывшихъ въ этомъ походѣ, называетъ намъ не *Олега*, а *Владимира Игоревича*: г. Гербель пропустилъ тамъ его имя, назвавъ только — *сыномъ его* (т.-е. сыномъ Игоря), — и такимъ образомъ въ переводѣ совсѣмъ не упомянуто имя *Владимира* — одного изъ героевъ этого похода, и, можно сказать, самаго романическаго лица (по его женитьбѣ въ плѣну на *Кончаковнѣ*, о которой и ведетъ рѣчь *Кончакъ*, подъ конецъ Пѣсни).

23.

Вследъ за картиною грознаго появленія *половецкихъ подковъ*, пѣвецъ изображаетъ наступленіе ихъ и начало битвы:

«Се, вѣтры, *Стрибожи внуци*, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы *Игоревы*. Земля тутнетъ; рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ. Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря; и отъ всѣхъ странъ Русскыя плѣкы обступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша; а храбріи Русици преградиша чрълеными щитами».

Переводъ этого мѣста г. Гербеля также хорошъ, какъ и перваго:

«... Чу! вѣтры, *Стрибоговы внуки*,
 Дуютъ съ моря стрѣлами на храброе Русское войско.
 Стонетъ земля подъ копытами, рѣкы мутятся подъ бродомъ,
 Стелется пылъ по полямъ, и лепечуть знамена: это
 Половцы тучей отъ Дона и съ моря идутъ — и отсюда
 Наши родные полки окружаютъ. Бѣсовы дѣти
 Крикомъ свой станъ оградили, а русское войско — щитами».

Тутъ въ переводѣ неудачна только замѣна *поля* — *своимъ станомъ*. Половцы своими полками *окружаютъ* наши полки (въ подкрѣпленіе этого можно привести слова *Кіевской лѣтописи*: «*Яко стѣнами сильными огорожены бяхуть полкы Половецкими*»); *крикомъ* своимъ они ограждаютъ поле битвы! — Про ихъ соплеменниковъ пѣвецъ говоритъ: *кликомъ* полки побѣждаютъ! Это обычный гикъ азіатскаго войска.

★

«И тако бѣшася крѣпко ту днину до вечера; и мнози ранени и мертви быша въ полкохъ Рускихъ. Наставши же нощи суботнии, и поидоша бьочися», говоритъ Кіевская лѣтопись. — Пѣвецъ Игоря, пропуская подробности битвы въ тотъ день, нарисовалъ только князя Всеволода — «крѣпко борюцася» — (по выраженію лѣтописи):

— «Яръ-Туре Всеволоде! стоиши на борони; прыщещи на вои стрѣлами; гремещи о шеломи мечи харалужными. Камо Туръ поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамъ лежать поганья головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломи Оварскыя, отъ тебе, Яръ-Туре Всеволоде. Кая рапы дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя мидыа хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая!»

Эту превосходную пѣснь Всеволоду — г. Гербель передалъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

«Всеволодъ буйный! Ты бѣшся въ переднихъ рядахъ,—осыпашь
Тучею стрѣль Половчанъ, и гремишь объ ихъ шлемы мечами.
Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золоченымъ шеломомъ
Блещи, тамъ въ прахъ лежать половецкія головы грудой;
Тамъ, пополамъ разстѣченные саблей булатной твоею,
Всеволодъ доблестный! падаютъ въ прахъ ихъ аварскіе шлемы.
Братцы! какія же раны опасны ему, когда онъ
Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и Черниговъ
Городъ, и отчій престоль золотой, и обычаи славныхъ
Предковъ,—и ласки привѣтливой Глѣбовны, милой супруги!»

Но въ этомъ прекрасномъ переводѣ нельзя не замѣтить той произвольности, что изъ обычая красной Глѣбовны поэтъ образовалъ — *обычаи славныхъ предковъ!* Название *Яръ-Тура* и *Буй-Тура* (которое и древняя поэзія Чеховъ придавала своимъ героямъ) — здѣсь замѣнено у переводчика названіями — *буйнаго, доблестнаго* и *богатыря*. (Такъ и въ воззваніи къ Галицкому Ярославу, гдѣ пѣвецъ называетъ его *Осмомысломъ* — переводчикъ, вмѣсто этого имени, поставилъ «славный умомъ!») Живописный глаголь: *посвѣчивая* шеломомъ — стоило удержать въ переводѣ, по примѣру г. Мея:

«Гдѣ на Туръ золотой шеломъ посвѣчивалъ.»

Написавъ князя Всеволода въ борьбѣ съ Половцами, пѣвецъ вдался въ воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ Олега Тмутараканскаго, наводившаго Половцевъ на землю Русскую. Но мы взгля-

темъ еще на Всеволода, когда онъ приходитъ изъ Курска, на Ос-
коль, къ ожидавшему его Игорю:

«Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй-Туръ
Всеволодъ; одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорью; оба есвъ
Святъславичя. Съдай, брате, свои брѣзвы комони; а мои ти го-
тови, осѣдлани у Курьска напереди.»

Какъ вѣрно, и какъ тепло передано это у г. Мей:

«Поджидаетъ Игорь князь
Милѣ брата Всеволода.
Молвить Буй-Туръ Всеволодъ:
— Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,
Кромѣ брата милова,
Игоря родимаго:
Оба мы Святславичи.
Съдай, братъ, лихихъ коней,
А мои осѣдланы,
У Курска зготовлены!...»

Въ переводѣ г. Гербеля выработалось это пышнѣе, но потому и хуже:

И такъ ему молвить *любимецъ народа* —
Отважный Буй-Туръ Всеволодъ:
Единственный братъ мой, *единая слава!*
Свѣтъ свѣтлый—мой Игорь *боецъ!*
Не мы ль сыновья одного Святослава?
Не ты ли мой братъ первенецъ?
Всея, пусть кольчужники снова съдлаютъ
Своихъ быстроногихъ коней:
Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
Красуясь броней своей!

Зачѣмъ *поджидаютъ у Курска*, тогда какъ они уже на лицо,
передъ Игоремъ, у Оскола.—Виновать въ этомъ переводѣ г. Минаева,
въ которомъ сказано:

«Съдай, братъ, коней своихъ;
Ужъ мои осѣдланы;
Впереди стоять они
Подъ стѣнами Курскими.»

Всеволодъ продолжаетъ свою рѣчь къ Игорю, похвалою Курянамъ:

«А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити,
подѣ шеломы взелѣяны, конецъ конія въскрѣмлени; пути имъ въ-
доми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени,
сабли изострени, сами скачють акы свѣри вѣлци въ полѣ, ищучи
себѣ чти, а князю славы.»

Это классическое мѣсто древне-русской поэзии въ переводѣ
передано неотчетливо:

«Куряне жъ мои — удалые Куряне —
Взелѣяны въ шлемахъ *родныхъ*,

Повиты подъ трубными звуками брани,
 И вскормлены съ копій стальныкъ.
 Дороги знакомы, луки съ тетивами,
 Известенъ имъ каждый оврагъ,
 Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
 Булатныя сабли въ рукахъ.
 И знаютъ лишь рыскасть по чистому полю,
 Какъ волки по дебрямъ бродить,
 Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
 Чтобъ князю почету добыть.»

У пѣвца сказано: ищучи себѣ *чти*, а князю — *славы*: девизъ русскаго воина, повторенный у пѣвца и въ другомъ мѣствѣ; въ переводѣ здѣсь онъ не выраженъ: себѣ *чести*, а князю *почету* (т.-е. тоже *чти*). Выражая готовность Курянгъ къ бою (они въ тотъ же день, какъ пришли къ Игорю, и пустились на всю ночь въ походъ), пѣвецъ говорить, что у нихъ и луки уже *натянуты*, и колчаны *открыты*, и сабли *наточены*....

Въ переводѣ — не на своемъ мѣствѣ поставлены *луки* (между дорогами и оврагами); да и не такъ, какъ въ подлинникѣ, — не *напряжени*, а *луки съ тетивами*: чтожъ бы и за лукъ былъ безъ тетивы! Сабли въ *рукахъ*, колчаны *гремятъ* — хотя и живописно, но не то, чтó въ подлинникѣ. Къ шлемамъ придано названіе *родныхъ*, которое не идетъ къ нимъ.

26.

Это слово, столь близкое сердцу, г. Гербель часто придаетъ отъ себя разнымъ предметамъ, и не всегда кстати.

Тамъ, гдѣ изображается бѣгство Игоря, у пѣвца (любящаго противоположеніе) сказано: «Игорь мыслию поля мѣрить — отъ великаго Дона до малаго Донца». Въ переводѣ:

«Игорь мѣрить *птицей-мыслию*,
 Мѣрить поле отъ великаго
 Дона до Донца *родимаго*.»

Тамъ-же прибавлено: *въ край родной*, — Побѣжалъ къ Донцу *родимому*, — О Донецъ, *ръка родимая*, — А земля *родной* веселія. — Такъ и въ главѣ о междоусобныхъ битвахъ Олеговыхъ. Пѣвецъ говорить объ Олегѣ: «Мечемъ крамолу коваше и стрѣлы *по земли съляше*». Въ переводѣ:

«Который *саблюю* коваль
 Одни крамолы и раздоры,
 И *вкругъ* стрѣлами *осыпалъ*
 Родныя *пажити* и горы.»

Если переводчикъ поставилъ тутъ *родныя пажити*, то удержать бы и слово подлинника — *засъваль*,—темъ болѣе, что тамъ же говорится о временахъ Олега: «тогда при Олзѣ Гориславичи свяшется и растяшеть уособицами». Въ переводѣ:

•Такъ при Олегѣ молодомъ,
При Гориславичѣ — кругомъ
Междоусобья засъвались,
Всходили — горемъ разрастались.»

«Когда по Руской земли рѣдко ратаевъ кикахуть; нѣ часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе». Въ переводѣ:

•Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вороны кричали,
Терзая трупы *христіанъ*;
А галки въ поля собирались,
И на пиру *родныхъ полянъ*
Между собой перекаивались.»

Отъ этихъ печальныхъ картинъ Олегова времени пѣвецъ возвращается къ битвѣ на Каяль, говоря: «то было въ ты рати и въ ты плыки, а сице и рати не слышано.» Въ переводѣ:

•Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ,
И битвы лютія бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Руси не слышали.»

И вотъ пѣвецъ принимается снова за картину этой *несмысленной* битвы, — и какая быстрая у него кисть!

27.

«Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летять стрѣлы калевныя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужныя, въ поля незнаемъ, среди земли Половецкыи.»

Въ переводѣ раскрашенъ этотъ блѣдный очеркъ первыхъ сутокъ битвы:

•Отъ денницы золотой
До глубокой мглы ночной,
И отъ этой мглы ночной
До денницы золотой...»

Переводчикъ не тѣ далъ здѣсь краски, какія надо было дать для *вѣрности* перевода, если *цѣль* его была — «возможно-близкое воспроизведеніе подлинника». (стр. 132).

Тутъ пѣвецъ съ вѣрностью летописца обозначилъ время битвы (см. замѣчаніе 24): «съ заранія до вечера.» Въ переводѣ: *отъ ден-*

ницы золотой... Но ведь это денница *субботняло* утра, которая нарисована была уже прежде:

«Рано заутра востокъ загорѣлся *кровою зарею*.

Краска была готова; зачѣмъ же писать *золотомъ*, чтѣ написано *кровою*!

«До *глубокой мглы ночной*»... въ подлинникъ «до *вечера*», — слѣдственно и здѣсь, для возможно-близкаго *воспроизведенія* подлинника, надо было дать краску вечерняго сумрака, а не *глубокой мглы ночной*.

Въ переводѣ: «до денницы золотой». Это денница уже слѣдующаго утра, въ воскресенье; а оно въ переводѣ, какъ мы видѣли (въ замѣчаніи 22), написано не *золотомъ*:

«На третій день *утро* смѣнилось *мглою*...
Заря на Каялѣ погасла во *мгль*».

Правда, что въ подлинникъ не *утро*, и не *заря*: переводчикъ отъ себя рисуесть ихъ—но когда онъ въ это *утро* даесть *мглу* и *ночную ризу*, и *заря погасла во мгль*, то уже неумѣстно тутъ рисовать *золотую денницу*.

Въ подлинникъ просто сказано — «до *свѣта*»; въ *автописи*: «бысть же *свѣтающе* недѣль».

Тутъ оказалась въ переводѣ та же невѣрность живописи, какую мы замѣтили въ картинѣ грозной ночи. Тамъ въ подлинникъ—*глубокая, долгая мгла полночи*: «длго ночь мръкнетъ; заря свѣтъ занала; мгла поля покрыла.» А въ переводѣ вечеръ:

«Спускается ночь *съ высоты*;
Заря, чуть мерца, *въ дали догораетъ*,
Поля *покрываются* *мглою*».

Продолжительность ночи замѣнена *далью, высотой*; время — *ространствомъ*.

28.

«Стрѣлы *тучами* летать,
Копья *крѣпкія* трещать,
И о *бляхи мѣдныхъ* лать
Сабли острия гремѣть,
Средь *невѣдомыхъ* полей
Кровожадныхъ *дикарей*».

Здѣсь въ переводѣ не совсѣмъ вѣрная передача красокъ подлинника выкупается усиленною звучностью стиховъ, сообразною съ звуками битвы. Я замѣтилъ уже о замѣнѣ *шеломовъ* — *мѣдными латями* (которыя ни разу не встрѣчаются въ картинахъ пѣвца); а также и о полетѣ стрѣлъ *тучами*. Пѣвецъ, представивъ *тучами*

половецкіе полки, говорить: итти дождю стрѣлами! — слѣдственно, по его представленію, и летять стрѣлы — дождемъ изъ тучъ. Съ этимъ сходятся и выраженія пѣвца объ Олегѣ — стрѣлы сплял, о Всеволодѣ — прыщешь стрѣлами (оба глагола примѣняются къ дождю: прыщеть, съется).

29.

Краткій очеркъ суботней битвы пѣвецъ докончилъ слѣдующею картиною:

«Чръна земля подѣ копыты костыми была посвяна, а кровію поляна: тугою взыдоша по Руской земли.»

У г. Гербеля эта картина передана неотчетливо:

«Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта;
И кругомъ была она
Нашей кровію полита,
А костыми удобрена:
И надѣ Рускою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.»

Какой же «тотъ посѣвъ», когда въ картинѣ совсѣмъ нѣтъ посѣва? Въ подлинникѣ — *посѣвъ костыми*; но въ переводѣ кости употреблены на *удобреніе земли*. Кроме того, *тотъ посѣвъ* слѣланъ среди земли Половецкой: какъ же онъ взошелъ надѣ землею Рускою? Впрочемъ на это есть уже *готовыя отвѣты*, въ примѣчаніяхъ достопамятнаго А. С. Шишкова. «Восходитъ, возрастаетъ печаль, аки страшное древо, мрачною тѣнію своею всю Россію покрывающее: какое величественное и купно ужасное изображеніе!»

Посѣвъ костыми у пѣвца Игоря такой же опредѣленный образъ въ картинѣ битвы, какъ и ударъ *меча обѣ шеломя*. Онъ повторился у него и въ другой, столь же художественной картинѣ битвы Немижской: «Немизвъ кровави брезвъ, не бологомъ бяхуть посвяни, — *посѣяни костыми Рускихъ сыновъ*.» Въ переводѣ:

«Кровью затопленный берегъ Немиги, не жатвой засѣянъ
Быль, а *тѣлами* Русскихъ сыновъ...»

Посѣвъ удержанъ, но не *костыми*, а *тѣлами*. Если въ изреченіи Игоря: хочу *голову* свою положить! переводчикъ полагаетъ вмѣсто головы *кости*, — зачѣмъ же тутъ вмѣсто костей *свѣтъ тѣла*? Такъ и въ картинѣ грозной ночи, — у пѣвца: «орли клеткомъ на *кости* звѣри зовуть.» Въ переводѣ: *вызываютъ* —

«На *трупы*, изъ *дѣбрей* *лѣсныхъ*.»

Картина пѣвца напоминаетъ намъ отрывокъ украинской думы:

«Вовѣй-свроманьци набѣгали,
Тѣло козацьке рвали.»

По *тернахъ*, по *балкахъ* *жовту кость* жваковали,

Жалобненько кивали-прокивали,
Тожъ воны восяціи похорони одправляли»

30.

У пѣвца о берегахъ Немиги сказано, что они были засѣяны костями *Рускихъ сыновъ*; ибо тамъ была междоусобная битва Всеслава съ Ярославичами. А о берегъ Каялы пѣвецъ говоритъ вообще: *кровью поляна*. Зачѣмъ же въ переводѣ поставлено: «нашей кровію полита»? Тамъ лилась и *кровь половецкая*, объ которой и говоритъ послѣ того пѣвецъ, устами Святослава Кіевскаго:

«Не честно одолгесте; не честно бо *кровь поганую* проліясте.»

«Безславно своихъ побѣдили враговъ;
Безславно поганую пролили кровь.»

31.

Въ самомъ началѣ этой картины «дѣчья земля подъ копыты». — У г. Мея эта подробность передана неудачно:

«Почервила земля подъ копытами.»

Если г. Гербель рѣшился пояснить ее дополнительными чертами:

«Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта», —

почему бы уже не поставить словъ, ярмѣе выражающихъ дѣло? У г. Минаева, въ этомъ случаѣ, больше ясности въ переводѣ:

«Рыщутъ кони вдоль по полю,
Пашутъ кони копытами;
Костями землю засѣяли;
Дождемъ крови все залили.»

Такъ въ украинской думѣ о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію:

«Вже почавъ вѣсти землю кѣськими копытами *орати*,
Кровью Молдавською поливати.»

Изображеніе битвы работами земледѣльческими (какъ я замѣтилъ еще въ моихъ Лекціяхъ, 1836 года) есть характерная черта *поэзіи южнорусской*, продолжившаяся въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ. Таково у пѣвца представленіе Немижской битвы *молотьбою* и *вѣяньемъ* души отъ тѣла, взятымъ, можно сказать, съ натуры, ибо та битва была во время *великаго снѣгу* («и бѣше снѣгъ великъ — и бысть съча зла, и мнози падоша», говоритъ Несторъ).

32.

«Что ми шумить, что ми звенить, давеча рано предъ зорями?
Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.»
Такъ пѣвецъ, безъ сомнѣнія, бывший тогда на Каялѣ, говоритъ о продолженіи битвы съ разсвѣтомъ третьяго, воскреснаго дня (5 мая).

Не помню уже, какъ передано это мѣсто у гг Вельмана и Деларю. У меня подъ рукою только позднѣйшіе стихотворные переводы гг. Минаева и Мея. У г. Минаева такъ оно передано:

«Вотъ чѣмъ отъ моря тучи хмурились,
Вотъ чѣмъ на зарѣ на утренней
Прогудѣла мать сыра земля!
Смыкала Игорь строй разорванный,
Жалѣлъ Игорь брата храбраго,
Жалѣлъ его рать побитую!»

Переводчикъ, отдалясь отъ подлинника, не передалъ того именно, что пѣвецъ-самовидѣцъ хотѣлъ сказать о своемъ героѣ, въ словахъ: «Игорь *плѣкы заворочаетъ*.» Не то выражено и въ переводѣ г. Мея:

«Что шумить — звенить на свѣтъ-зарѣ на утренней?
Игорь князь своимъ полкомъ *ворочаетъ*,
Мила брата Всеволода жалѣючи.»

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Что за топоть, что за звонъ,
Рано утромъ предъ зарею?
Это Игорь, это онъ,
Онъ съ дружиной удаю:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.»

Это Игорь, но — не съ дружиной *удалю*, какъ поставилъ переводчикъ, вмѣсто *полки заворочаетъ* (по переводу г. Дубенскаго: *вновь полки стропить*). Г. Гербель, въ примѣчаніяхъ (стр. 66) поясняетъ только, что «подъ словомъ *звонъ* надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ!» Но онъ пропустилъ совсѣмъ тѣ именно слова, которыми пѣвецъ Игоря выразилъ бѣдственный подвигъ его въ то роковое утро...

«Бысть же свѣтающе недѣль, *возмятошася* Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшетъ въ то время *на конь*, зане ранень бяше, поиде къ полку ихъ, хотя *возворотити* къ полкомъ; уразумѣвъ же, яко далече шель есть отъ людій, и сойма шоломъ, *погна* опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и *возворотилися* быша; и тако *не возворотися* никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь, познавъ князя, *возворотися*.»

А Всеволодъ... мы уже видѣли его въ этой битвѣ. Лѣтопись Кіевская продолжаетъ: «Не бяхуть бо добръ смялися съ Ковуи; но мало отъ простыхъ, или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добръ бо вси бяхуться — и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа.

И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и перерхаша поперекъ (т. е. *Половцы*), и ту яша, единъ перестрѣль одалъ отъ полку своего. Держимъ же Игорьъ, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видѣлъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста.»

И такъ Игорьъ, на разсвѣтъ того дня, *одинъ* скакаль на конѣ, чтобы *заворотить* своихъ союзниковъ Ковуевъ, побѣжавшихъ съ поля битвы; и когда онъ, не успѣвши въ этомъ, возвращался къ своимъ полкамъ, Чилбукъ съ своими Тарголами перерѣзалъ ему дорогу и взялъ его въ плѣнъ. Всеволода же потомъ взялъ Романъ Кзичъ; а Святославъ Ольговичъ взять былъ Елдечукомъ, а Владимира Игоревича взялъ Копти. «И тогда кончавшюся полку, розведени быша, и поиде кождо во своя вежа. — Тогда же на полчищи Ковчакъ поручися по свата Игоря, зане башеть раненъ. Отъ толкиихъ же людѣи мало ихъ избысть....»

33.

Пѣвецъ Игоря, пропуская подробности, поспѣшаетъ изобразить печальный конецъ трехдневнаго боя Игорева:

«Бишася день; бишася другой; третяго дни къ *полудню* падоша стязи Игоревы.»

Изъ этого поэтическаго сказанія видно, что битва на *третій день* (въ воскресенье) продолжалась до *полудня*. Послѣ того пѣвецъ (въ рѣчи бояръ кievскихъ) говоритъ только: «Темно бо бѣ въ *третій день*... на рѣцѣ на Калялѣ тьма свѣтъ покрыла» — разумется къ *полудню*, а не на утренней зарѣ, какъ сказано тамъ въ переводѣ г. Гербеля (см. замѣчаніе 27). У него и здѣсь конецъ битвы положенъ не къ полудню, а *предъ зарей*:

«Вотъ ужъ день; за нимъ другой
Пышетъ битва, *будто пламя*;
А на третій, *предъ зарей*
Пало княжеское знамя.»

Прибавленное переводчикомъ сравненіе битвы съ *пламенемъ* тутъ лишнее въ художественномъ отношеніи; ибо битва эта только-что представлена передъ симъ въ видѣ пашни, застѣваемой костями и поливаемой кровью.

Въ переводѣ г. Минаева тоже:

«Двои сутокъ *шла огнемъ* война;
А на третью, въ *жаръ полуденный*
Пали стязи княжескіе.»

Переводъ г. Мея ближе всѣхъ къ подлиннику:

«Бились день; другой день билися;
А къ полудню-то на третій день
Пали стяги князя Игоря.»

34.

Вслѣдъ за тѣмъ у пѣвца другая народно-поэтическая картина паденія на полѣ битвы, въ видѣ свадебнаго пира — (какъ въ пѣснѣ великорусской:

«Нашъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.»—

«Ту ся брата разлучиста, на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина недоста; ту пирь докончаша храбрїи Русичи: сваты попонша, а сами помогоша, за землю Рускую.»

Въ переводъ г. Мея:

«Туть, на берегъ Каяль-рѣки,
Оба брата разлучилися;
Туть вина не стало болѣе кроваваго,
Туть покончили пирушку наши витязи:
Наполни сватовъ до-пьяна,
И легли за землю Рускую....»

Въ переводъ г. Гербеля:

«И опять разлучены
Братья жребіемъ войны.
Тамъ, гдѣ пьнится Каяля,
Чаша выпита до дна!..
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало.
Тамъ, у вражеской рѣки
Наши братья — земляки
Пирь кровавый довершили:
Жданыхъ сватовъ наполни,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.»

Въ передачу этой картины подлинника, можно признать лишнимъ прибавочный стихъ:

«Тамъ, у вражеской рѣки—

послѣ живописнаго стиха:

«Тамъ, гдѣ пьнится Каяля.»

Этотъ стихъ удачно принаровленъ къ другому придаточному стиху:

«Чаша выпита до дна.»

Но эта красивая чаша работы Минаевской:

«Была чаша до дна выпита;
Пиво крови все исчерпалось.»

Пѣвецъ кончаетъ свою картину печалью природы о погибели Русскаго войска на Каялѣ:

«Ничитить трава жалошамы, а древо съ тугою къ земли преклонилось.»

Въ переводѣ г. Мея:

«Прилегла трава отъ жалости,
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»

Фантазія г. Минаева выросила тутъ цѣлыя *лѣса* въ отчаяньи:

«Никнуть: трава подъ стопами,
Кусты подъ несчастіемъ,
Лѣса подъ отчаяньемъ.»

Въ переводѣ г. Гербеля поставленъ очень живописно только одинъ *молодой яворъ*:

«Вянетъ на *поль* былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ *яворъ молодой*.»

При этомъ невольно и кстати вспоминается прекрасная пѣсня украинская (любимая пѣсня незабвеннаго Гнѣдича):

«Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду похилился;
На козака пригбдонька,
Козакъ зажурився.»

Подобною же картиною пѣвецъ Игоря выражаетъ печаль природы о юномъ князѣ Ростиславѣ, утонувшемъ въ р. Стугнѣ:

«Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.»

Въ этой картинѣ, совсѣмъ пропущенной въ переводѣ г. Минаева (чрезмѣрно самопроизвольномъ и непокорномъ своему подлиннику), — г. Мей повторилъ прежнюю, замѣнивъ только траву цвѣтами:

«Прилегли цвѣты отъ жалости,
И съ тоски пригнулось дерево.»

Г. Гербель уныніе цвѣтовъ передалъ изобразительно: *«осыпаются отъ жалости»*. Это въ манерѣ пѣвца, и придало его картинѣ новую красоту:

«На *лугахъ* цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости;
И деревья съ *тихой* грустію
Надъ землею наклоняются.»

Статья III.

36.

Живопись у пѣвца Игоря такъ вѣрна и мѣтка, что краски и подробности его картинъ должно сохранять въ переводѣ съ возможною точностью. Этого мы вправѣ ожидать особенно отъ перевода г. Гербеля, такъ-какъ онъ уже *десятый* стихотворный переводъ Пѣсни на Русскомъ языкѣ; да и *цѣль* его была — «возможно близкое воспроизведеніе подлинника.» Каждый поэтъ, конечно, дорожить своимъ переводомъ болѣе, чѣмъ примѣчаніями; но подлинникомъ мы дорожимъ болѣе всѣхъ переводовъ. — Отъ стихотворнаго перевода никто не будетъ требовать той покорности подлиннику, какою обязанъ прозаическій и особенно подстрочный переводъ, отвѣчающій за каждое слово подлинника. Стихотворному переводу предоставлена большая свобода въ словахъ; но съ нею дано и больше способа для выраженія красоты подлинника.

Въ предъидущихъ замѣчаніяхъ показано было не одинъ разъ, какъ переводчикъ, прибавочными отъ своего произвола чертами, придавалъ иногда историческую невѣрность картинамъ подлинника. Теперь мы слыхимъ еще нѣсколько мѣстъ изъ Пѣсни Игорю съ переводомъ ея, имѣя въ виду преимущественно — вѣрность и красоту художественную.

Вотъ, напримѣръ, слова пѣвца о Донѣ: «Донъ ти, княже, кличетъ, и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи храбрыи князи dospѣли на брань.»

«Князья, *свѣтлый* Донъ на побѣду
Зоветь васъ, *вздымая* волну!
Отважны Ольговы *дѣти*
Готовы идти на войну.»

Не говорю о томъ, что въ переводѣ тутъ пропущено — «тебя, князь, кличетъ», и что вмѣсто «Ольговы *дѣти*» вѣрнѣе было бы «Ольговы *внуки*». Переводчикъ прибавилъ отъ себя къ Донѣ подробность — «*вздымая* волну». Она, кажется, вызвана зовомъ *на войну*; однако она такъ умѣстно и вѣрно обрисовала собою зовущій Донъ, что придачу ея можно назвать прибавкою новой красоты къ подлиннику. За то прибавочное названіе Дона *свѣтлымъ* — не кстати. Въ Пѣсни Донъ зовется *великимъ, сирымъ*: эти готовые краски пѣвца для Дона болѣе шли бы къ нему, особенно когда онъ *вздымаетъ* волну.» Въ этомъ именно состояніи и не слѣдовало рисовать его *свѣтлымъ* (тѣмъ

болѣе, что впереди говорится о *померкшемъ свѣтѣ солнца* и паденіи листьевъ).

37.

Въ той же главѣ, въ воззваніи къ Суздальскому князю Всеволоду, пѣвецъ говоритъ: «Ты бо можеша Волгу *бесмы* раскропити, а Донъ *шеломы* выльяти.»

Ты можешъ *могучую* Волгу
Разбрызгать *по злакамъ* полей,
И вычерпать Донъ *необъятный*
Шеломами *рати* своей.

Дополнительная подробность въ этой картинѣ Дона, т. е. прибавка *рати* къ существенной чертѣ (при Донѣ)—къ *шеломамъ*, — весьма можетъ быть одобрена. На Волгѣ, въ соответствіе шеломамъ, пѣвецъ нарисовалъ *весла*, необходимыя для глагола *раскропити*: ими поэтически означено въ Пѣсни недавнее, победоносное плаваніе Всеволода по Волгѣ въ землю Болгарскую. Если уже прибавлять что-либо, — (какъ прибавлена *рать* къ шеломамъ), то къ *весламъ* придать бы *ладьи*, о которыхъ и въ лѣтописи идетъ рѣчь («Бѣлозерскій полкъ отряди къ лодьямъ... Болгары же поидоша въ лодьяхъ — на лодѣхъ наши... и тако истопоша болѣе тысячи ихъ». *Лавр. лѣт.*, подъ 1184 г.). Это было бы, какъ мнѣ кажется, и художественно и исторически вѣрно. А въ переводѣ г. Гербеля выброшены *весла*, а въ замѣнъ ихъ нарисованы полевые *злаки*, которые такимъ образомъ, вытѣсняя собою существенную подробность картины, нарушаютъ ту художественную соразмѣрность и *соответственность*, которая замѣтна вообще въ живописи пѣвца Игоря.

38.

Такъ пѣвецъ, сказавъ о плѣненіи Игоря, продолжаетъ: «уныша бо *градомъ* забрали, а веселіе пониче.»

Тутъ изображена печаль *городовъ* о плѣнѣ Игоря («То бо слышавше, возмятошася *города* Посемьскіе; и бысть скорбь и туга люта... *города* воставахуть, и не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее.» *Кіев. лѣт.*). А когда Игорь воротился изъ плѣна на Русь, тогда у пѣвца веселятся *города*:

«Страни ради, *гради* весели.»

Въ переводѣ утратилась ясность и ответственность этихъ двухъ изображеній; нѣтъ *городовъ*; а въ первомъ случаѣ —

«Приуныли *стѣны* *крѣпкія*.»

Во второмъ случаѣ —

«Веселятся *народъ*.»

Взглянемъ еще на изображеніе Днѣпра, по которому Святославъ Кіевскій совершилъ побѣдоносное плаваніе на Половецкѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Всеволодъ ходилъ по Волгѣ на Болгаръ. Его побѣду надъ Кобякомъ пѣвецъ возвеличилъ особою пѣсней («грозою бѣшетъ...»); а потомъ вспоминаетъ еще — въ плачъ Ярославны: «О Днѣпре-Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую; ты лѣгвалъ еси на себѣ *Святослави носады до пльку Кобякова...*»

«Днѣпръ мой славный! Ты волнами
Горы *крѣпкія* пробилъ,
Половецкими *землями*
Путь свой дальній проложилъ;
Ты не разъ своей волною
Мчала, гордая *рѣка*,
Святослава надъ собою
До *улусовъ* Кобяка.»

Весьма живописенъ и умѣстенъ здѣсь прибавочный стихъ:

«Путь свой дальній проложилъ!»

Но рисуя и на Днѣпрѣ *волны*, зачѣмъ было снимать съ него *ладіи* Святославовы, нарисованныя пѣвцомъ?... Въ переводѣ, вмѣсто того, одинъ Святославъ, *надъ* Днѣпромъ, мчится *волною* — до *улусовъ* Кобяка (вмѣсто *полка* или *полковъ*).... Гдѣ же эти *улусы*? Святославъ не ходилъ ниже устья р. Орели, въ 1183 году, о которомъ говоритъ пѣвецъ. Плавалъ ли прежде того Святославъ на Кобяка по Днѣпру, — неизвѣстно; а у переводчика сказано: *не разъ!* — Народное прозваніе Днѣпра *словутицею* (которое продолжалось и во время козацкой Украины, подъ именемъ *словуты*), — переводчикъ выразилъ названіемъ *славнаго*, и придалъ еще отъ себя — названіе *гордой рѣки*. А гранитные пороги Днѣпра, у пѣвца вѣрно названные *каменными* горами, переводчикъ назвалъ только *крѣпкими*, и слѣдственно не дорисовалъ ихъ.

40.

Въ самомъ началѣ «плача Ярославны», у пѣвца два раза помянута *зегзица*, (по-малороссійски *зозуля*) — кукушка: это всегдашній и любимый въ южно-русской поэзіи символъ сиротства и родственной печали (жены по мужу, матери по сыну, сестры по брату). Въ переводѣ г. Козлова онъ сохраненъ; тоже и въ переводѣ г. Мея:

«Ярославны *голосъ* слышеть;
Перелетною *кукушкой*
Поутру она кукуеть.»

Полечу, княгиня молвить,
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каалъ во рѣкъ....»

Въ переводѣ г. Гербеля, вмѣсто кукушки, двѣ птицы: *горлица и лѣсная голубка*:

«Звучный голосъ раздастся
Ярославны молодой;
Стонемъ *горлицы* несется
Онъ предъ утренней зарей:
Я *быстрой лѣсной голубки*
По Дунаю полечу,
И рукавъ бобровой *шубки*
Я въ Каалъ омочу....»

Эта граціозная *шубка* передѣлана изъ *шубы*, Минаевского перевода:

Я *козаткой* по Дунаю,
Въ свою отчину летаю,
А назадъ какъ полечу,
Такъ рукавъ бобровой *шубы*
Я въ Каалъ омочу....»

41.

Такъ и въ картинѣ бѣгства Игорева, у пѣвца нарисованы *гуси*, у переводчика *утки*. — «И полетѣт соколомъ подѣ мъглами, *избивая гуси и лебеди*». У г. Гербеля:

«Я *взвился могучимъ соколомъ*,
Убивая подѣ туманами
Лебедей и утокъ....»

Вслѣдъ за тѣмъ у пѣвца нарисованы *два коня*, а въ переводѣ *одинъ конь*. — «Тогда Влуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу. Претръгоста бо своя брѣзая *комоня*.» *Комоня* — двойственное число, такъ же какъ и глаголь *преторгоста* (т. е. Игорь и Овлуръ). А въ переводѣ г. Гербеля:

«Тогда Влуръ помчался *по полю*
Сърмъ волкомъ, отряхаючи
Съ *охобня* росу холодную;
Надорвалъ *коня дорогомъ*.»

Можетъ быть, вѣрнѣе было бы прибавить *по лугу*. чѣмъ *по полю*; но дѣло въ томъ, что Овлуръ бѣжитъ «труся собою студеную росу» — (съ травы); а въ переводѣ онъ отряхиваетъ росу съ

приданного ему *охобля*. Въ переводъ г. Минаева дана Овлуру на дорогу, въ лѣтнюю пору, *теплая шуба* (говорить же пословица: «до Святого Духа не кидай кожуха!»):

«Трясетъ своей теплой шубою
Съ травы росу на смрую степь.»

42.

Подобную замѣну одного предмета другимъ встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ Пѣсни:

«По Руской земли прострошася Половци акы *пандруже гнѣздо*.»
У г. Гербеля:

«Разсвѣлясь Половци, будто бы *стала*
Голодныхъ шакаловъ, по Русской землѣ.»

Объ *шакалахъ* нѣтъ помину у пѣвца, ни у его современниковъ; между тѣмъ *пардусъ* былъ въ большомъ ходу тогда у Руси: Князья XII вѣка дарили другъ друга этимъ зверемъ; въ XIII вѣкѣ, въ числѣ урядныхъ людей, были *соколники* и *пардусники*; и еще Несторъ говорилъ о Святославѣ: «Легко ходя, акы *пардусъ*.»

Тутъ предложу еще грамматическую замѣтку о словѣ «*гнѣздо пандруже*»: такъ-ли оно было въ рукописи, не было-ли написаемо *пардусне*? Вѣдь отъ слова *пардусъ* прилагательное имя будетъ *пардусный*, съ чѣмъ сходится и древнее слово *пардусникъ*.

43.

Въ Пѣсни два раза встрѣчается *дивь*. Первые издатели перевели его *филиномъ*. Г. Дубенскій, а вслѣдъ за нимъ и г. Гербель говорятъ, что удачнѣе всѣхъ изъяснилъ это слово докторъ Гай изъ Загреба, утверждающій, что *дивь* означаетъ птицу *удода!*... Если такъ, то и перевести бы его *удодомъ*; однако г. Гербель переводитъ его одинъ разъ *совою*, а въ другой *филиномъ*, — какъ будто сова и филинъ одна и та же птица; зоологи относятъ ихъ даже къ особымъ родамъ (*strix et bubo*). Да и представилъ ихъ г. Гербель въ оба раза не такъ, какъ у пѣвца:

«*Дивь* кличетъ врѣху древа.»

У г. Мея:

«Кличетъ *дивь* съ вершини древа.»

А у г. Гербеля:

«...И сова завываетъ
Подъ слыню древесныхъ вѣтвей.»

Въ другой разъ:

«Уже врѣжеса *дивь* на землю.»

*

У г. Мея:

«И повергнулся дивъ на землю.»

У г. Гербея совсѣмъ не то:

«И филинъ ужъ машеть крыломъ.»

Я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, что *дивъ* означаетъ духа тьмы, враждебнаго *внукамъ Дажьбоговымъ* и благопріятнаго врагамъ Руси, Половцамъ; и что онъ сроденъ съ *дивами* персидскими, а также съ *дивами* или *девами* индійскими. Когда Кіевская летопись (въ 1843 году) дала намъ знать положительно, что *Дажьбогомъ* у древней Руси называлось *солнце*, то для меня еще болѣе подтвердилось вышесказанное мнѣніе значеніе *дива*. — Какъ только Игорь, — вопреки солнцу (*Дажьбогу*), заступавшему ему путь своимъ затмвѣніемъ, — вошелъ въ Половецкую землю, — настаетъ грозная ночь, и *дивъ* кричитъ поверхъ дерева, подавая вѣсть *во всѣ концы* земли Половецкой; и Половцы бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. А когда, по паденіи Игоревыхъ стяговъ на Каялъ и по плѣненіи нашихъ князей — «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, — и простерлись по Руской земли Половцы, какъ пардово гнѣздо, и нанеслась хула на хвалу, и разразилось насилье надъ волей: тогда и *дивъ* низвергся на землю» (съ вышины).

Съ этимъ представленіемъ *дива* въ Пѣсни Игорю не сходится понятіе о простомъ филинѣ, или совѣ, — тѣмъ менѣе объ удавѣ. Впрочемъ, могло быть, что *дивъ* и олицетворялся въ видѣ зловѣщаго филина (по украински *пугачъ*); только на это нѣтъ положительнаго свидѣтельства и такого яснаго указанія, какъ въ Пѣсни Игорю на значеніе *Стрибога*, а также и на отношеніе *Велеса* къ пѣсноутнью (подтверждаемое и Вацерадовою *Mater Verborum*).

44.

Тутъ кстати вспомнать о *Дѣвѣ* съ лебедиными крыльями... По мнѣнію Пожарскаго (1819 г.), это *Дѣванна*, славянская Діана. Ея изображеніе въ Пѣсни напомянуло мнѣ (1836 г.) поэтическій образъ литовской дѣвы-Чумы (въ поэмѣ *Валенродъ*); но я и не думалъ о тожествѣ ихъ... Мнѣніе Пожарскаго правдоподобно; не достаесть только извѣстія, что у славянской *Дѣванны* были лебединыя крылья. Чтобы означить ея мнѣніе значеніе, г. Гербель придалъ ей названіе *неземной дѣвы*:

«Возстаесть обида *кровнал*,
И надъ внуками Дажьбожьими
Разражаесться *несчастьями*;
Неземной вступивши дѣвою

На черту земли Трояновой,
Она громко, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону, у моря сняго;
Пробудила время тажкое.»

Въ подлинникъ: «Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука; вступивъ Дъвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на Синемъ морь, у Дону плещучи, убуди жирня времена.»

Объясненія этой *фантастической, неземной дъвы* — г. Гербель захотѣлъ искать въ славянщинѣ, и остановился на мѣстѣ г. Дубенскаго, который *подразумѣваетъ* тутъ *судныхъ дъвъ* старочепискаго Суда Любуши. — Но если ужъ г. Гербель назвалъ эту дъву-обиду *неземною*, въ томъ разѣ лучше бы признать сравненіе съ *Дъванною*: она славянская и неземная; а тѣ *судныя, двѣ дъвы* — земныя и ужъ навѣрное безкрылыя; съ ними можно сравнивать развѣ молодую знахорку или иную земнородную вѣщувью.

Г. Гербель поставилъ ее «на *черту* земли Трояновой». Гдѣ же онъ опредѣлилъ эту *черту*? Она и въ примѣчаніяхъ его проведена два раза (стр. 138, 139); но тамъ недоумѣніе и объ самомъ Троянѣ. По мнѣнію г. Гербеля, *основательные* другихъ предположеніе покойнаго Полеваго, что Троянъ здѣсь не Римскій Императоръ, а *что-нибудь тѣкое*, чему надо искать объясненія на Руси....» (стр. 134).

45.

Въ Пѣсни Игорю говорится о соловьѣ стараго времени *Боянъ*: «рыща (*т. е. влѣкомъ*) въ тропу Трояню, чрезъ поля на горы.» *Тропа Троянова*, безъ сомнѣнія, тутъ извѣстная *via Trogani*, положенная и на картѣ. Но г. Гербель тутъ изгладилъ ее, и поставилъ отъ себя и боръ, и дубраву, и дебри:

«...И мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву
По дебрямъ, полямъ и горамъ.»

Такою прибавкою не облегчится поискъ *чего-нибудь такого*, означающаго Трояна...

Тоже и въ началѣ Пѣсни, гдѣ сказано о Боянѣ: «растекашется мыслію по древу». — Въ переводѣ г. Гербеля:

«То носился мыслію-птицей
Онъ по дебрямъ, по лѣсамъ.»

Въ соответственномъ этому мѣствѣ о Боянѣ, пѣвецъ говоритъ опредѣлительнѣе: «скача славію (соловьемъ) по *мыслию древу*».

Стало быть, тутъ не дебри и лѣса, а одно *дерево мысленное*, которое, по объясненію самаго г. Гербеля, означаетъ *воображеніе* (стр. 131). Но въ переводѣ сказано только:

«Порхая лѣснымъ соловьемъ.»

Для меня, уроженца степей украинскихъ, всегда ощутительна прибавка *лѣсу* въ картинахъ пѣвца Игоря, — и тѣмъ болѣе, что въ цѣлой Пѣсни его нѣтъ даже и слова: *лѣсъ* или *боръ*. Въ концѣ Пѣсни, певецъ говоритъ: «Дѣвицы поють на Дунаи; вьются голоса чрезъ море до Кіева.» Переводчикъ, вмѣсто *моря*, рисуетъ *поля и лѣса*:

«На Дунаѣ заплыли дѣвицы,
И летять голоса
Чрезъ поля и лѣса
Къ высамъ Кіева, пышной столицы.»

Такъ и въ картинѣ грозной ночи, переводчикъ добавилъ отъ себя *лѣсныя дебри*, и потомъ еще *сосѣдній лѣсъ* для соловья:

«Въ сосѣднемъ лѣсу соловей умолкаетъ,
Крикъ галичій слышенъ порой.»

Въ подлинникѣ:

«Щекотъ славій успе; говоръ галичъ убуди.»

46.

Тутъ соловьи молчатъ; кричать галки. А въ бѣгствѣ Игоря изъ пѣвна, у пѣвца написана противоположная картина: тамъ не слышно ни галокъ, ни сорокъ, ни вороновъ; только въ *лозахъ* стучать дятлы да поють соловьи. «Гогда врани не граяхуть, галици помлѣкоша, сорокы не трескоташа; *по лозію ползоша* только дятлове, путь къ рѣцѣ кажуть; соловьи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.» Въ переводѣ г. Гербеля:

«Стихло, — вороны не каркали,
Галки хищныя съ сороками,
По вѣтвямъ деревьевъ прыгал,
Также смолкли въ отдаленіи;
Только дятель, долбя дерево,
Путь къ Донцу-рѣцѣ указывалъ;
Дѣ вдали, въ густомъ орѣшникѣ
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное приветствовалъ.»

Въ подлинникѣ видимъ однѣ прибережныя *лозы* (про которыя такъ хорошо поють намъ украинскія пѣсни); а тутъ: и *деревья въ отдаленіи*, — и *вдали густой орѣшникъ* для соловья. А у г. Мишаева *орѣшникъ съ ивою* нарисованы для дятла, а соловей —

«Вотъ межъ чащесо, подъ ракишникомъ.»

Слова подлинника: *по лозю ползюша*, очевидно относятся къ дятламъ (какъ замѣтилъ еще Грамматинъ); но первые издатели, а вслѣдъ за ними и большая часть переводчиковъ относятъ ихъ къ сорокамъ; а это заставляетъ ихъ глаголь *ползюша* (свойственный дятламъ и желнамъ) замѣнять глаголами — *двигаться, скакать, прыгать*. Такъ и у г. Мея:

«Галки смолгли, а сороки только прыгали,
Въ зеленыхъ лозяхъ, безъ стрекота.»

У г. Гербея — вмѣстѣ съ сороками и галки *по вѣтвямъ деревьевъ прыгаютъ*.

47.

Два раза въ этой картинѣ переводчикъ придалъ *отдаленіе*. Этимъ усиленіемъ дали отличаются въ переводѣ его вообще картины бѣгства Игоря. Въ подлинникѣ:

«Погасоша вечеру зори.»

Въ переводѣ:

«Догорѣла въ отдаленіи
За горой заря вечерняя.»

Тутъ нарисована и гора, которой и не было, можетъ быть, на западной сторонѣ р. Тора, гдѣ Игорь находился въ плыву.

Тамъ же: «Овлуръ свисну за рѣкою.» По всей вѣроятности, это было не очень далеко, а такъ, что можно было слышать условленный свистъ. Въ переводѣ: «Овлуръ свистнулъ за рѣкой *вдали*.»

Далѣе: «а не сороки стрекоташа: на слѣду Игоревъ взидитъ Гзакъ съ Кончакомъ.» Въ переводѣ:

«Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это мчатся, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ Половецкіе.»

(Тутъ слѣдуетъ вышеприведенная картина: «тогда врани не граяхуть»).

Я замѣтилъ уже выше неумѣстную прибавку *дальнаго берега* къ Дону, въ изрѣченіи Игоря. Подобную прибавку *далекаго поля* находимъ и въ картинѣ битвы на Немигѣ, переданной впрочемъ очень близко:

«А на Немигѣ рѣкъ устланюють далекое поле
Вмѣсто сноповъ головами; молотять стальными цѣпами;
Жизнь кладутъ на току, и вьютъ душу изъ тѣла.»

Въ той же главѣ прекрасно передалъ г. Гербель картину смерти Изяслава Васильковича:

«Не было съ нимъ ни *отважнаго* брата его Брячислава,
Ни Всеволода; одинъ, *далеко отъ родимаго края*
Выронилъ онъ жемчужную душу, изъ храбраго тѣла,
Сквозь ожерелье златое....»

Но прибавка *дали* составляетъ тутъ гипотезъ хотя поэтически-прекрасный, но исторически-напрасный. Какъ *далеко отъ родимаго края* палъ Изяславъ?—полагаю, такъ же трудно опредѣлить, какъ и *черту* земли Трояновой.

Предсмертное воззваніе Изяслава, въ переводѣ г. Гербеда не такъ, какъ въ подлинникъ:

«И склоняясь на ложе
Смерти, сказалъ: дружина! ты спишь, и своими крылами
Птицы тебя освидали, а звѣри кровь полизали.»

Въ подлинникъ эта рѣчь умирающаго Изяслава обращена къ князю — къ дѣду его Всеславу, котораго *славу* онъ и *взялъ* съ собою на *ложе смерти*. Эта подробность пропущена въ переводѣ г. Гербеда, но сохранена въ переводѣ г. Мея:

«Славу взялъ съ собой на ложе онъ, промолвивши:
Князь! твою дружину храброю
Приодвали птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»

Вотъ и въ прозѣ прекрасный переводъ, изъ лекцій г. Шевырева: «и схватилъ онъ ту славу на смертный одръ, и сказалъ: дружину твою, князь, крылья птицъ приодвали, а звѣри кровь полизали.»

48.

Къ замѣнамъ одного предмета другимъ, въ переводѣ г. Гербеда, принадлежитъ и замѣна солнца *луною*. Выше замѣтили мы, что въ Пѣсни два раза Игорь и Всеволодъ уподоблены *дневному свѣтлу*. Сообразно этому и въ концѣ Пѣсни, изображая возвращеніе Игоря на Русь, пѣвецъ говорить: «Солнце свѣтитъ на небеси; Игорь князь въ Руской земли.» У г. Гербеда:

«Что *луна* въ небеси,
То *нашъ князь* на Русь.»

Это не въ понятіи пѣвца, который и двухъ младшихъ князей (въ рѣчи бояръ уподобленныхъ *мѣсяцу*) сравниваетъ съ *солнцемъ*, наравнѣ съ старшими. Притомъ же, названіе свѣтила ночи *луною* у насъ заимствованное: латинская *luna* женскаго рода, и примѣняется къ жешамъ, напримѣръ къ Діанѣ. Въ Славянщинѣ — *мѣсяцъ*, съ

нимъ сопряжено понятіе мужчины; да и самъ онъ зовется *Княжичемъ*, по-польски *ksiązys*; а луна по-польски значить зарево, отблескъ, по-малороссійски — отголосокъ, эхо.

«Солнце свѣтитса намъ на небѣ,
А князь Игорь на святой Руса.»

Вотъ переводъ этого мѣста у г. Мея.

49.

Приведу здѣсь еще одно отступленіе отъ подлинника, относящееся къ Владимиру-Мономаху. Пѣвецъ, говоря объ усобицахъ Олеговыхъ, сказалъ: «а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ *Черниговъ*.» Въ переводъ:

«А князь Владимиръ, сидя дома,
Чтобъ не слышать тѣхъ браней грома,
Съ разсвѣтомъ уши заткалъ.»

Здѣсь неудачна замѣна *Чернигова* выраженіемъ: «сидя дома». Оно совсѣмъ не идетъ къ Мономаху: ужъ если кто былъ *не домохозяиномъ*, такъ это Мономахъ, въ полномъ смыслѣ слова — *подвижникъ и добрый страдалецъ* Русской земли.

Иное дѣло Ярославъ-Осмоямысль Галицкій, объ которомъ пѣвецъ говоритъ: «высоко *сидиши* на своемъ златоконнѣмъ столѣ.» Тутъ *сидѣнье* на престолѣ — характерная черта, выраженная и въ летописи Кіевской: «Гдѣ бо бѣшетъ ему обида, самъ *не ходишетъ* полки своими; но посылашетъ я съ воеводами.»

Прибавочнымъ стихомъ своимъ—

«Чтобъ не слышать тѣхъ браней грома.»

г. Гербель указываетъ ясно на упомянутыя предъ тѣмъ брани Олега съ Всеволодомъ, точнѣе сказать, на его войну подъ Черниговомъ, которой картину и нарисовалъ пѣвецъ. Но въ ту пору (т. е. 1078) *домъ* Владимира былъ не въ Черниговѣ, а въ *Смоленскѣ*, и онъ не сидѣлъ дома, но — скажемъ его собственными словами: «и паки и-Смолинська же пришеде; и придохъ сквозъ Половеческыи вои, бѣяся до Переяслава, и отца налезохъ съ полку пришедше; то и паки ходихомъ томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битися Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга.» Несторъ, описывая эту побѣду, говоритъ: «Черниговцемъ же не отворившемся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ вѣсточнымъ, отъ стреженій отъ врата, и отвориша градъ околнїй, и пожгоша и.»

И такъ, прибавочный стихъ переводчика о грѣхѣ *тѣмъ* Олеговыхъ браней, и его же слова о Владимирѣ—сидя дома, не оправдываются взаимно, и потому напрасны. Въ примѣчаніи (на стр. 137) онъ говоритъ: «Го-есты любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ.» (И г. Дубенскій на 73 стр. говоритъ: «т.-е. любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ.»). Владимиръ дѣйствительно любилъ миръ, но въ дѣлахъ того времени принималъ дѣятельное участіе. — Вспомнимъ у Нестора войну Святополка съ Половцами, 1093 года, отрывокъ который (потопленіе Ростислава въ Стугнѣ) представленъ и въ Пѣснѣ Игорю: «Володимеръ хотише мира; Святополкъ же хотише рати; и поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю...» Владимиръ и тамъ говорилъ: «яко сдѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними!» а когда Половцы сломили ихъ, «прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ; и вбрѣде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимера; и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимеръ перебрѣдъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и болдре его ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братъ своемъ, и по дружинѣ своей, пришедъ Чернигову печалень зѣло.»

Въ Пѣснѣ Игорю опредѣлительно сказано о Владимирѣ въ Черниговѣ, слѣдовательно, это относится не къ *тѣмъ* усобнымъ бранямъ, которыя поднималъ Олегъ при Всеволодѣ, а къ той, которая была уже по смерти Всеволода (1093), по возвращеніи Олега изъ Греціи (1083), — въ послѣдній годъ княженія Владимірова въ Черниговѣ, т.-е. 1094 года: «Томъ же лѣтъ приде Олегъ съ Половци, изъ Тьмуторокана приде Чернигову; Володимеръ же затворися въ градъ; Олегъ же приде къ граду, и пожже около града, и монастырь пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславию; а Олегъ вниде въ градъ отца своего.» Такъ говоритъ Несторъ; а вотъ слова самого Владимира: «и потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 днѣй о малу-греблю, и не владуче имъ въ острогъ, сжаливсья хрестьяныхъ душъ, и сель горящихъ и монастырь, и рѣкъ: не хвалитися поганымъ! и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславию...»

50.

Тутъ замѣчу и географическую ошибку въ примѣчаніяхъ г. Гербеля (на стр. 60). Въ битвѣ 1078 года, Изяславъ и Борисъ напали на одной и той же *Нежатиной низѣ*, возлѣ Чернигова («у села»

на Нѣжатиной нивѣ» — прибавлено въ списокъ Лаврентьевскомъ). А въ примѣчаніяхъ г. Гербеля, о Свитоплѣкѣ сказано: «на Нѣжатиной нивѣ», а о Борисѣ — «при селѣ Нѣжатиновѣ (Нѣжинѣ)». Прибавка *Нѣжина* здѣсь вовсе напрасна, ибо это уже далеко отъ Чернигова; да если тамъ полагать Бориса, то и Изяслава тамъ же следовало бы! Уже рѣшенное дѣло, что Нѣжатиная нива не относится къ городу Нѣжину: историческая географія основательно приурочила къ нему древній городъ *Ульжъ*; зачѣмъ же тутъ и поминать Нѣжинъ!

Г. Снѣгиревъ, въ своемъ изданіи Пѣсни о Полку Игоревѣ (въ Истор. Сборникѣ 1838 г.) весьма справедливую поправку сдѣлалъ въ текстѣ, написавши «Ярославъ сынъ *Всеволодъ*» (вмѣсто: «Ярославъ сынъ *Всеволожъ*»), какъ было въ 1-мъ изданіи, и приводило къ сбивчивому понятію): этому послѣдовали въ переводахъ своихъ г. Дубенскій, Минаевъ, Мей; такъ и въ переводѣ г. Гербеля:

«Великій *Всеволодъ* внималъ» —

(имя *Ярослава* по-отчеству пропущено).

Но въ томъ же изданіи г. Снѣгиревъ сдѣлалъ другую, важную поправку въ текстѣ, которою не воспользовался, кажется, ни одинъ переводчикъ. Это о Борисѣ Вячеславичѣ.

Въ 1 изданіи (а оттуда и во всѣхъ прочихъ) напечатано: «я на кошину зелену паполому постла». Первые издатели перевели: «онъ положенъ на конскую попопу зеленую». Хотя г. Вельтманъ и догадался, что здѣсь рѣчь идетъ о зеленой муравѣ, однако большинство переводчиковъ осталось за первоначальнымъ переводомъ; у гг. Дубенскаго, Мей, Гербеля — *конскій покровъ* или *коверь*.. А въ изданіи г. Снѣгирева объяснено (стр. 113), что этотъ зеленый коверъ значить «зеленый лугъ у *Канина*, близъ Чернигова, гдѣ, безъ сомнѣнія, убитъ Борисъ Вячеславичъ;» и г. Снѣгиревъ съ полнымъ правомъ поставилъ въ текстѣ такъ: «я на *Канину* зелену паполому постла.» Изъ Лаврентьевской летописи знаемъ, что подъ Черниговымъ бѣла *Канина* (безъ сомнѣнія, рѣчка) близъ *Гюречева*.. Это Гюрчево, конечно, то село, которое показано въ Лавр. летописи безъ имени, при *Нѣжатиной нивѣ*. Въ Пѣсни Игорю, вмѣсто Нѣжатиной нивы, названъ *Канинскій зеленый покровъ*, означающій зеленую мураву поля или луга Канинскаго.

51.

Не сомнѣваюсь, что и слѣдующія за тѣмъ слова въ текстѣ: «съ той же *Калы* Свитоплѣкѣ повесть я отца своего между Угорскими иноходцы ко святѣй Софіи къ Кіеву» — требуютъ не только поясненія, но и поправки.

1) Съ тоя же *Каяль* — поставлено, кажется, ошибкою (какъ примѣтилъ уже г. Головинъ, выдающій въ *Канинѣ* — *конскую* зеленую траву), вмѣсто: «съ тоя же *Канины*; 2) разувѣя, подѣ словомъ *отца*, *Изяслава*, здѣсь убитаго 3 октября (отказываюсь отъ бутковскаго мнѣнія о *Тугорканѣ*, убитомъ не на *Каяль*, а подѣ *Переяславомъ*) — я полагаю, что здѣсь имя *Святополка* поставлено обмолвкой, вмѣсто *Ярополка* (какъ имя *Олега*, Игорева сына, вмѣсто *Владимира!*); не Святополкъ, бывшій во все это время въ Новгородѣ, а *Ярополкъ* былъ въ той битвѣ: онъ же и хоронилъ отца своего въ Кіевѣ, въ десятинной церкви (по показанію Нестора), а не въ *Софійской* (какъ въ Пѣсни). Вспомнимъ изъ Нестора: «*Ярополкъ* же идяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: отче. отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтъ семь, многы напасти приимъ отъ людій и отъ братья своея? сеже погыбе не отъ брата, но за брата своего *положи главу свою!*»

52.

Но я вдался опять въ историческую сторону Пѣсни Игорю, а мнѣ пора кончить уже замѣчанія мои. Для этого остановиться мнѣ развѣ на началѣ Пѣсни, которое мы съ г. Гербелемъ назвали *зальвомъ*. Читая его въ прекрасномъ переводѣ г. Гербеля, я чувствовалъ, что въ немъ чего-то недостаетъ: и потомъ увидаль, что недостаетъ въ немъ имени *Бояна*, которое тутъ въ подлинникѣ названо — *трижды!* Переводчикъ величаетъ намъ — «соловья страны родной», — у него изображается «нашъ пѣвецъ» — «дней минувшихъ соловей», а все-таки вы не знаете, о комъ идетъ рѣчь у пѣвца Игорева... Между-тѣмъ, этотъ безымянный пѣвецъ, и только одинъ онъ, сохранивши для потомства драгоценное имя *Бояна*, въ самомъ началѣ Пѣсни своей называетъ его *три* раза, почтивъ его названіемъ *вщцаго*, которое тоже пропущено переводчикомъ въ *зальвь*. Такимъ образомъ, если бы кто, не читавши подлинника, сталъ читать въ одномъ переводѣ г. Гербеля *вторую* главу, гдѣ встрѣчается воззваніе къ *вщцему Бояну*; то онъ можетъ еще усомниться, къ тому ли пѣвцу-соловью относится это обращеніе, о которомъ была рѣчь въ *зальвь*.

Такъ въ «пѣснотворцѣ *старого времени*», упоминаемомъ въ концѣ Пѣсни, одни видятъ того же *Бояна*, который во второй главѣ Пѣсни названъ «соловьемъ *старого времени*», — другіе (какъ Шевыревъ, Головинъ) видятъ въ немъ другаго пѣвца Святославова, современнаго Бояну; а иные этого пѣвца (какъ Полевой и Гербель)

даже именуютъ *Коганомъ*; а Дубенскій думаетъ, что «пѣснотворецъ *старога времени*» величаетъ себя самъ сочинитель Пѣсни, пѣвецъ *нынѣшняго Игоря!*... Какъ согласить такое разномысліе и разнорѣчіе!

Почти весь свой *запѣвъ* пѣвецъ Игоря посвятилъ роскошному изображенію своего вдохновителя *Бояна* — сначала его поэтическому *замышленію*, потомъ его *пѣсноплѣнію*, которое сопровождалось игрою *десяти вѣщихъ перстовъ* его, уподобленныхъ *десяти соколамъ*, — на *живыхъ струнахъ* его гуслей, уподобленныхъ ставъ *лебедей*. — Это второе изображеніе начинается словами: «пмяшетъ бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицъ: тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей; *который дотечаше (т.-е. который соколъ), та* преди пѣсъ пояше (т.-е. *та лебедь* бѣлая).» Но первые издатели, предположивъ тутъ какой-то (никакимъ древнимъ свидѣтельствомъ не подтверждаемый) обычай древне-русскій — пѣть по жеребью, пуская сперва *десять* соколовъ, — перевели невѣрно и это мѣсто изъ Пѣсни. Ихъ предположеніе повторяется донынѣ большею частію переводчиковъ и толкователей Пѣсни. Но — говорить г. Гербель — «не стоить ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предъидущимъ и послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію — это фигура, или лучше сказать, поэтическое уподобленіе...» (стр. 132) И это мѣсто изъ Пѣсни г. Гербель перевелъ такъ:

«А когда о несчастливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,—
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ...»

Мы сошлись въ нашихъ мнѣніяхъ и переводахъ съ г. Гербелемъ. Я тоже называлъ это (въ Лекціяхъ 1836 года) поэтическимъ уподобленіемъ десяти перстовъ—десяти соколамъ, а струнъ лебедямъ; и даже я называлъ этотъ *сложный трехчленный* видъ уподобленія — *положительно-отрицательнымъ*; а въ переводѣ моемъ (напечатанномъ 1837 г.) это мѣсто передано было такъ: «какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобицѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: *который соколъ на лебедь падеть, та лебедь первая и пѣснь запоеть....*»

У г. Мея вышло не то: (1850 г.)

«Про былыя про усобицы
Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятни;

Втаворы на стадо лебедей
 Ныпускали десять соколовъ
 Чей соколъ на стадо первый шалъ,
 Тотъ и первый свою пѣсню пѣлъ.»

Почти такъ было и въ переводъ г. Дубенскаго (1844 г.): «памятна старая поговорка на удалство князей, что тогда на стаю лебедей пускали 10 соколовъ, — чей первый налеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ.»

Та поше, т.-е. та лебедь—струна; это пѣвецъ самъ объясняетъ вторую половиною своего уподобленія: «Боянь же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше; пѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладше: *они же сами* славу княземъ рокотаху.»

Они сами — т.-е. сами струны живыя; а по толкованію г. Дубенскаго «они сами — т.-е. прѣсты!» Г. Дубенскому странно кажется, что Боянь «пускалъ 10 соколовъ, и не пускалъ!» «Трудно увѣрить (говоритъ онъ), что это здѣсь положительно-отрицательное уподобленіе!» Но г. Гербель уже увѣрился въ этомъ, — а также и г. Головинъ (въ своихъ *Примѣчаніяхъ*, 1846 г.). Мнѣ остается развѣ повторить великорусскую народную пѣсенку:

«Скачетъ грузочекъ по ельничку,
 Ищетъ грузочекъ бляночки:
 Не грузочекъ скачетъ — дворянскій сынъ;
 Не бляночки ищетъ — дворяночки.»

Вѣрить ли г. Дубенскій, что въ этой пѣсенкѣ—скачетъ грузочекъ, и не грузочекъ скачетъ! Ищетъ бляночки, и не бляночки ищетъ!— Вотъ также и въ Пѣсни Игорю (такъ часто пѣвнющею насъ народно-русскою красотою) Боянь пуцашеть 10 соколовъ, и не 10 соколовъ пуцашеть, а своя вѣщія прѣсты въскладшеть!

М. Максимовичъ.

1854 г. окт. 29.
 Михайлова гора.

ПРАВДА ОВЪ АНГЛІИ И СКАЗАНІЯ О РАЗШИРЕНІИ ВЛАДВНІИ ЕЯ ВО ВСЯХЪ ЧАСТЯХЪ СВѢТА, А. Ротчева. Тетради 1-я и 2-я. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1854 г. 172 стр., въ 4-ю д. л.

Все, что касается Англии, имѣть въ настоящее время особенный и вполне справедливый интересъ. Попытки объяснить политику Англии, средства расширенія ея владній, и, какъ прежнія, такъ и современныя отношенія ея къ народамъ захваченныхъ ею земель, были и прежде: книги, изданныя г. Голубковымъ, въ особенности «Англійская Индія» и «Авганистанъ и Англичане», написаны прямо съ этой цѣлью; въ томъ же родѣ появилось много статей и въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ; но по большей части статьи эти слишкомъ спеціальны, книги слишкомъ пространны, и потому ни тѣ, ни другія не могли обратить на себя вниманія большинства читателей, — кромѣ отличнаго сочиненія Пр. Вернадскаго.

Новая книга г. Ротчева, по своей сжатости и ясности изложенія, доступна каждому, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, судя по двумъ вышедшимъ тетрадамъ, довольно подробно знакомитъ насъ, какъ съ политикой Англии, такъ и со средствами расширенія ея владній во всѣхъ частяхъ свѣта.... Большая часть свѣдѣній, приводимыхъ авторомъ, и особенно картина современнаго состоянія Индіи, очерченная имъ, какъ очевидцемъ, такъ любопытны, что, не довольствуясь однимъ очеркомъ содержанія книги, мы считаемъ не лишнимъ позвѣдомить нашихъ читателей и съ нѣкоторыми ея отдѣльными мѣстами.

«Если успѣхъ долженъ оправдать неправоє дѣло, говорить авторъ въ началѣ вступленія, или громадность послѣдствій извиняетъ безъ разбора всѣ употребленныя средства, для достиженія цѣли — Англии стоитъ развернуть только длинный перечень стяжаній своихъ, и горделиво указать на тѣ поживы и выгоды, которыя она пріобрѣла вопреки началу справедливости....»

«До сихъ поръ стоило Англии ступить ногою на какую-нибудь землю, на какой-нибудь берегъ, чтобы ихъ никогда уже не покинуть: съ той минуты она постоянно начинаетъ развѣиваться, подаваться впередъ, шириться, ежедневно отрѣзывать участокъ за участкомъ, обирать послѣдовательно цѣлыя народонаселенія, уничтожать или угнетать ихъ; такъ ловко, такъ повсемѣстно обиваетъ она вѣтвями своими ту почву, на которой единожды навсегда водворилась, — что рывительно вытѣсняетъ туземцевъ, и сама же начинаетъ громко вопіять о захватахъ, когда эти народы требуютъ отъ нея достоянія отцевъ своихъ!»

Подтвердивъ нѣсколькими примѣрами справедливость этихъ словъ, авторъ продолжаетъ:

«Но не одними военными смутами пользуется Англія, стараясь проникнуть въ нѣдра владѣній союзниковъ своихъ: она равно пользуется удобствами мира и воздвигаетъ новыя владычества изъ-подъ тѣни въ отдаленнѣйшихъ странахъ.»

Далѣе, при развитіи этой мысли, указанъ рядъ отношеній Англіи къ Африкѣ, Испаніи, и проч., и начала завладѣвавшей ея въ Черномъ морѣ, Персидскомъ заливѣ, и друг., гдѣ, прикрывая свои намѣренія филантропическою цѣлью — быть просвѣтительницею народовъ и облегчить участь ихъ, уничтожить торгъ Неграми и принять ихъ подъ свое покровительство, — она, шагъ за шагомъ, углубляется внутрь страны, шире раскидываетъ свою торговую цѣпь, и овладѣваетъ и землей, и моремъ, и народомъ, и его собственностію.

«И не одни торговая, необъятная пріобрѣтенія Англіи должны наконецъ открыть глаза Европѣ; есть еще другое важное явленіе: Англія стремится стать на степень сильной воинственной, сухопутной державы. Еще недавно Англія была сильна только флотами и деньгами, сухопутныя же силы ея были такъ малочисленны, что она не имѣла средствъ вступить въ борьбу съ державами европейскими. Въ настоящее время, въ своихъ Остъ-Индскихъ владѣніяхъ она имѣетъ 180 тысячъ сипаевъ, такихъ солдатъ, которые въ отношеніи дисциплины стануть на ряду съ британскимъ войскомъ, и далеко превзойдутъ его въ перенесеніи трудностей и лишній всякаго рода. Кто мѣшаетъ Англіи по вновь открывшейся сообщательной береговой (overland) линіи, перебросить въ одинъ мѣсяць эти созданныя ею войска и стать на полѣ битвы съ такими силами, о которыхъ никому досель и въ голову не приходило?»

Такимъ образомъ, тѣсня и обирая всѣ народы, ей чѣмъ-либо обязанные, и на ихъ счетъ увеличивая свои силы, а можетъ быть, сознавая цѣну, которой куплена большая часть ея владѣній, и все еще мучимая жаждою пріобрѣтенія, Англія боится усиленія какой-либо державы, и, особенно, въ морскомъ отношеніи.

«... Англія поставила первымъ, непреложнымъ правиломъ почитать всегда и вездѣ врагомъ своимъ всякій народъ, строящій корабли. Внимательно наблюдаетъ она за портовыми работами всѣхъ государствъ, и ей кажется, что всякій корабль, разсѣкающій волны морей, вторгается насильственно въ ея владѣнія!»

Такъ Англія испугалась намѣренія Германцевъ создать флотъ, и употребила всѣ усилія, чтобы остановить это намѣреніе, въ чемъ,

какъ известно, и успѣла. Турецкій султанъ увеличилъ свой флотъ — и она очень ловко и какъ будто совѣтъ подь другимъ предлогомъ вступила въ союзъ съ Франціею и Россіею, на которую теперь бросилась съ ожесточенной злобою, по тѣмъ же самымъ причинамъ.

Вотъ мысль, прослѣженная въ вступленіи, въ которомъ, какъ видно, намѣченъ планъ всего сочиненія....

Перейдемъ къ нему.

Два вышедшія тетради обнимаютъ два важныя событія: 1) картину постепеннаго овладенія Индіею и утверженіе тамъ Остъ-Индской компаніи, и 2) начало, или, скорѣй, причины послѣдней войны Англии съ Китаемъ.... Не входя въ подробности о началѣ и постепенномъ утверженіи Англичанъ въ Индіи, болѣе или менѣе известныя каждому, и отсылая болѣе любопытныхъ къ самой книгѣ, мы укажемъ только на войну съ туземцами, веденную, подь покровительствомъ Англии, Гастингсомъ — правителемъ Индіи, съ 1772 года, въ которой ясно обнаруживается политика Англии — захватывать все, не разбирая ни средствъ къ этому, ни правъ народныхъ, и потому на современное состояніе Индіи, очень хорошо известное автору.

«Не возможно описать — говоритъ авторъ — всѣхъ ужасовъ, всѣхъ убійствъ этой кровавой войны; скажемъ только, что вся утонченность восточной мести была истощена надъ этой злополучной областью (область Рогилась, на востокъ отъ Ганга): жены, дѣти, старики, даже животныя подвергались всевозможнымъ истязаніямъ, дома истреблялись пожаромъ....»

Даже въ парламентѣ правила, принятыя Гастингсомъ, называли ужасными. Ораторы Боркъ, Фоксъ и Шериданъ возстали первыми его обвинителями. Извлеченіе изъ рѣчи Борка (произнесенной имъ 15 февраля 1788 года) противъ Гастингса и его агента Деви-Сингъ, еще болѣе познакомитъ насъ съ жестокостями этой войны.

«Деви-Сингъ подвергалъ жертвы свои позорному наказанію, которое между Индусами хуже самой смерти, за тѣмъ, что такая жертва теряетъ касту свою. Обезчещенные такую казню за вину или безвинно утрачиваютъ всѣ права: отвергнутые племенемъ и родомъ, они осуждены влачить дни внѣ всякаго общества. Эта позорная казнь состоитъ въ томъ, что виноватаго сажаютъ на быка, на бокахъ котораго привѣшено по барабану. Индусъ, однажды сидѣвшій на спинѣ такого быка, обезчещенъ со всѣмъ потомствомъ своимъ. Такимъ образомъ Деви Сингъ водилъ по селеніямъ страшное животное, и жители обращались передъ нимъ въ бѣгство, и ужась,

имъ наводимый, былъ таковъ, что на цѣлыя сотни верстъ исчезалъ даже признакъ жизни».

«Земледѣльцы (ріоты) подвергались такимъ жестокостямъ, что трудно было бы повѣрить, еслибъ не было документовъ компаніи, о нихъ говорящихъ. Насиліемъ искитивъ доходы, бѣднаго земледѣльца ввергали въ тюрьму, а тамъ вынуждали его подписывать новыя обязательства, цѣною которыхъ возвращалась ему свобода. Эти обязательства, всегда превышавшія средства ихъ къ уплатѣ, немилосердно взыскивались. Земли секвестровались и продавались за ничто, а Деви-Сингъ пользовался такимъ бѣдствіемъ и покупалъ эти земли. Людямъ, у которыхъ думали найти деньги, связывали веревками пальцы рукъ, и только тогда развязывали, когда срастались всѣ четыре пальца, а потомъ разжимали ихъ деревянными или желѣзными клинцами; связывали другихъ по-двое за ноги и перекидывали черезъ перекладину, и повѣсивъ такимъ образомъ, били по ступнямъ до тѣхъ поръ, пока отлетали ногти съ пальцевъ; потомъ сбкли ихъ по головамъ, пока кровь струею текла изо рта, изъ ушей и изъ носа. Для этихъ наказаній устрѣблялись бамбуковыя трости, прутья колючихъ и лдовитыхъ растений, глубоко развѣдавшихъ раны несчастныхъ жертвъ.

«Чудовищная жестокость исполнителей этихъ истязаній избрала всѣ средства, чтобъ вмѣстѣ съ тѣломъ терзать и духъ обреченныхъ на такую казнь. Они связывали отца съ сыномъ и сбкли ихъ до тѣхъ поръ, пока клочья не летѣли отъ тѣла, и утѣшались адскимъ расчетомъ и убѣжденіемъ, что если ударъ не упадалъ на сына, то сынъ зналъ, что страданіе доставалось отцу, а когда отецъ избѣгалъ удара, то онъ былъ уврѣнъ, что сынъ получилъ ударъ.»

«Невозможно описать истязаній, которыя доставались въ удѣлъ женщинамъ, исторгнутымъ изъ сокровенныхъ убежищъ, освященныхъ вѣрою; ихъ представляли на позоръ обнаженными. Въ расколотый бамбукъ ущемляли груди несчастныхъ и вырывали сосцы!»

Но всѣ эти обвиненія не имѣли никакого слѣдствія, и нимало не измѣнили системы Гастингса. Боркъ, между тѣмъ, продолжалъ дѣйствовать неутомимо: въ 1784 году онъ предложилъ образовать комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ по управленію Индіи, но, встрѣтивъ сильную оппозицію перваго министра того времени — Пита, не могъ привести этого въ исполненіе. Въ 1786 году, Боркъ снова представилъ цѣлый рядъ справедливыхъ обвиненій на Гастингса, вслѣдствіе которыхъ дѣло приняло такой оборотъ, что правитель Индіи вызванъ былъ въ Англію; но Питъ все-таки продолжалъ держать его сторону.

Прошелъ 1789 годъ,—процессъ Гастингса не подвигался. Боркъ вскорѣ измѣнилъ своей партіи, и подсудимый, замѣненный графомъ Корнваллисомъ, былъ осыпанъ деньгами и почестями, получилъ ежегодную пенсію въ 4 тыс. фунт. стерлинговъ (24 тыс. руб. сер.), которую присуждено было выдать и за двадцать-восемь истекшихъ лѣтъ; слѣдовательно 112 тыс. фунт. стерлинг. (672 тыс. руб. сер.), вмѣстѣ съ годовою пенсіею и почестями, были наградою за преступленія, выгодныя для Англіи.

Политика и средства овладѣванія ясны какъ нельзя болѣе!

Обратимся теперь къ современному положенію Индіи, и посмотримъ, что успѣли сдѣлать для нея Англичане, руководясь своею филантропическою цѣлію — быть просвѣтителями и помощниками подвластныхъ имъ народовъ.

«Очень часто, говоритъ авторъ, и въ путешествіяхъ моихъ, и на мѣстѣ, мнѣ доводилось слышать, что угнетательное владычество Англіи благотворно для народовъ Индустана. Мнѣ говорятъ: «Англичане въ теченіе столѣтій, извлекающіе всевозможныя выгоды изъ этой необъятной, богатой, плодородной области, безъ всякаго сомнѣнія дѣйствовали благотворно на нравственное и физическое развитіе ста-восемидесяти милліоновъ туземцевъ Индіи, надъ которыми ей, по волю судьбы, суждено владычествовать. «Посмотримъ же поближе на тѣ благодѣянія, которыми Англія осыпаетъ это некогда громкое царство великаго Могола...»

Смотри на эту роскошную страну и ея производительность, авторъ былъ пораженъ ужасающею нищетою, въ которую ввергнуты три доли туземцевъ Индіи.

«Въ англійскихъ колоніяхъ по закону нѣтъ невольниковъ, но на дѣлѣ, въ сущности, они встрѣчаются на каждомъ шагѣ; не проходитъ дня, продолжаетъ онъ, въ который бы не заключались подобныя продажныя сдѣлки, хотя не совершенно публично, но не менѣе того, какъ я сказалъ, существенно...»

«Англичане и не смотрятъ на страшныя бѣдствія цѣлыхъ поколѣній въ странахъ, подпавшихъ ихъ хозяйничеству.... Собаки и лошади пынѣвшихъ завоевателей Индіи пользуются кровомъ, находятъ пищу; во время болѣзни дается имъ и помощь и покой. А сказать правду — половина индустанскаго народонаселенія лишена такихъ удобствъ...»

«Путешественникъ, посѣтившій этотъ край, невольно спрашиваетъ себя: по городамъ Индіи не прошло ли дыханіе язвы? Гдѣ же эти фабрики, выдававшія, въ былыя времена, изъ становъ сво-

ихъ тончайшія кисейныя ткани, по цѣнности доступныя только женамъ султановъ? Этихъ фабрикъ не стало. Теперь вамъ кидается въ глаза убогій ткачъ, работающій посреди развалинъ и въ садахъ, прежде красовавшихся въ столицѣ Бенгала. Посвѣтимъ Джесоръ, въ которомъ столько источниковъ оплодотворяютъ земли, такъ обильно приносящія индиго. Въ этой небольшой дельтѣ Ганга, происходятъ на каждомъ шагѣ дѣла, поражающія своевоіемъ и изысканнымъ угнетеніемъ. Здѣсь Европейецъ, плантаторъ индиго, можетъ захватить жатву сосѣда Индуса, срѣзать созрѣвшее растеніе, лишь бы у него было достаточно денегъ для представленія лжесвидѣтелей.»

«Поднимемся по Гангу до Раджемагала: лѣсъ бамбуковый выросъ на мѣстѣ обширнаго города. Здѣсь видны остатки великолѣпнаго дворца, рѣка подмыла половину зданія. Еще недавно въ нѣкоторыхъ комнатахъ были мраморныя стѣны, исписанныя арабскими золотыми надписями: ихъ выломали и перевезли на украшеніе домовъ чиновниковъ и купцовъ.»

«Подъ тѣнью мангустановъ, отдѣльно отъ селенія — чьи это палаша, словно улья пчелиныя? Если бы вблизи не бродило нѣсколько куръ, а на солнцѣ не были вывѣшены два, три одыала, никто не сказалъ бы, что въ нихъ живутъ люди. Это жилища шумаръ (почтовыхъ скороходовъ)....»

«Что это за люди, въ сторонѣ дороги, сидящіе кружкомъ надъ трупомъ издохлаго верблюда? Они жадно пожираютъ сырое мясо животнаго. Это семейство Канджаровъ; эти люди отвергнуты Индусами и магометанами. Тамъ, гдѣ магометане умираютъ съ голоду, Канджары находятъ обильную трапезу, за которую они состязаются съ собаками паріевъ, шакалами и хищными птицами.»

Вотъ часть примѣровъ, приводимыхъ авторомъ, изъ которыхъ нѣсколько можно видѣть современное положеніе Индіи, и нѣкоторыя изъ благодѣяній Англичанъ, которыя они успѣли сдѣлать.

Факты, приводимыя авторомъ изъ бомбейскихъ журналовъ *Bombay-Times*, *Bombay-Comptoir* и др., и почтенные имъ въ послѣдней главѣ статьи, посвященной описанію владычества Англичанъ въ Индіи, такъ же очень любопытны: это явные обвинители великой морской державы, говорящіе ея же устами.

Вторая тетрадь оканчивается изложеніемъ причинъ послѣдней войны Англіи съ Китаемъ. Здѣсь встрѣчаемъ другую, не менѣе ужасную картину — картину обогащенія на счетъ правственнаго разслабленія и упадка Китайцевъ.

Англо-Французск. Историческій очеркъ, *Федора Русанова*. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1854. 31 стр. Въ 16 д. л.

Страненъ, шатокъ и непроченъ кажется всякому современный союзъ Англичанъ и Французовъ. Даже незнающій ни давнихъ, ни современныхъ отношеній ихъ между собою, почему-то угадываетъ неестественность этой связи.... Кто не слыхалъ про народную, изстари-ведущуюся вражду этихъ двухъ націй, постепенно спорящихъ за права первенства въ Европѣ; кто не знаетъ ихъ междоусобій во время Крестовыхъ походовъ, безпрестанныхъ войнъ между ними, ихъ религиозныхъ споровъ, такихъ личностей, какъ Іоанна д'Аркъ и Маріа Стюартъ, такихъ событій, какъ битва при Ватерлоо, и измѣнической пльнъ и заключеніе Наполеона, и кто послѣ этого не подивится этому союзу?

Г. Русановъ, въ своей брошюрѣ, свель нѣкоторые, далеко не всѣ, изъ тѣхъ важныхъ фактовъ, въ которыхъ народная вражда этихъ двухъ націй обнаруживается болѣе яснымъ образомъ и въ болѣшихъ размѣрахъ; и книжка его, проникнутая патріотическимъ чувствомъ, какъ и многія выходящія теперь въ этомъ же родѣ, можетъ подтвердить и разъяснить догадки, которыми, болѣею частію, руководствуются при толкахъ о современныхъ происшествіяхъ.

Персія, Туркѣстанъ, Хива, Индія, Остѣ-Индская компанія, Китай, Россійско-Американская компанія и Соединенные Северо-Американскіи Штаты, съ показаніемъ пространства земли и числа жителей, горъ, морей, заливовъ, озеръ, рѣкъ и разстояній значительныхъ мѣстъ одного отъ другаго. Съ картою. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1855. 130 стр. Въ 8-ю д. л.

Трудно рѣшить, съ какою цѣлію издана эта книга... Это что-то въ родѣ географическаго сборника или справочнаго словаря. Думать надобно, что издатель имѣлъ въ виду познакомить насъ съ выставленными на заглавномъ листѣ книги странами и учрежденіями, любопытными во всякое время, а въ настоящее въ особенности. Намѣреніе прекрасное; но для того, чтобы и исполненіе соответствовало намѣренію, нужно было собрать свѣдѣнія болѣе полныя, обогатить ихъ примѣчаніями, прѣвствъ, для сравненій, наблюденія

известныхъ путешественниковъ, географовъ и ученыхъ, и расположить все это въ строгомъ, последовательномъ порядкѣ, — тогда бы книга была любопытна и полезна... Но въ разсматриваемомъ нами изданіи ничего этого нѣтъ.

Извѣстно, что описаніе страны можетъ быть составлено въ отношеніяхъ: географическомъ, историческомъ, политическомъ, этнографическомъ, торговомъ, промышленномъ и проч. Въ какомъ отношеніи описаны здѣсь Персія, Туркестанъ и друг. — рѣшить трудно: здѣсь всего по немногу... Такъ, напримѣръ, о Персіи и Туркестанѣ нѣтъ ничего, кромѣ географическихъ свѣдѣній; объ Индіи, кромѣ этихъ свѣдѣній, есть еще нѣсколько словъ объ Индусахъ, ихъ раздѣленіи на касты, религіи, языкъ и литературъ.

Описаніе Хивы такъ коротко и такъ оригинально, что его мы приводимъ слово-въ-слово: «Хива занимаетъ почти всю западную часть Туркестана, и, большею частію, состоитъ изъ песчаныхъ пустынь. Здѣсь *Хива*, при каналѣ *Аму-Дарья*, резиденція Хана, большой рынокъ невольниковъ.» Неужто любопытные, или, по крайней мѣрѣ, толковитѣе этого нельзя было ничего сказать о Хивѣ?...

Остъ-Индская компанія описана удовлетворительнѣе прочаго: въ началѣ помѣщены очень короткія свѣдѣнія о распространеніи владѣній Англичанъ въ Индіи и о составѣ самой компаніи, названы непосредственныя владѣнія Англичанъ въ Индостанѣ, съ краткимъ исчисленіемъ примѣчательностей каждаго города; потомъ очерченъ полуостровъ Остъ-Индіи, по ту сторону Гангеса, и, наконецъ, означены владѣнія Остъ-Индской компаніи.

Въ статьѣ «Китайская Имперія», кромѣ географическихъ свѣдѣній, также, какъ и при описаніи Индіи, коротко сказано о религіи Китайцевъ, объ ихъ издѣліяхъ, искусствахъ, ремеслахъ и торговлѣ...

Сѣверная Америка и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты разсмотрѣны въ чисто-географическомъ и, частію, этнографическомъ отношеніяхъ. Описаніе Россійско-Американской компаніи раздѣлено на множество отдѣловъ: здѣсь найдете отдѣлы народонаселенія, промысли(е)нности, кораблестроенія, мореплаванія, торговли и проч... Изъ этого видно, что составъ книги не имѣетъ никакой системы, и каждая страна, помѣщенная въ заглавіи, разсмотрѣна съ разныхъ сторонъ, и въ разныхъ, а не въ одинаковыхъ, отношеніяхъ: одна въ двухъ или трехъ, другія только въ одномъ, третьи въ четырехъ и даже въ пяти. Недостатки такого состава книги ясны: читатель, по такимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, не можетъ получить не только

полнаго, но даже и однообразнаго понятія объ описываемыхъ странахъ и государствахъ. Обь одномъ онъ узналъ то, о другомъ другое, а объ иномъ, какъ напр. о Хивѣ, ровно ничего не узналъ.

Однимъ словомъ, это очень плохенькая компиляція, составленная по учебникамъ. Карта Азіи, приложенная къ книжкѣ, не отличается ни изыщностью, ни подробностью. На оберткѣ выставленъ 1855 годъ. Такое желаніе издателя опередить время, если не совсемъ положительно объясняетъ цѣль изданія, такъ, по крайней-мѣрѣ, заставляетъ подозревать, что она—чисто коммерческая.

Путеводитель къ замѣчательнымъ окрестностямъ Московскимъ, близкимъ и дальнимъ, заключающій въ себѣ изчисленіе мѣстъ для богомолья, найма дачъ, ружейной охоты, пикниковъ и проч. Изданіе *Н. Смирнова*. Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1855. 63 стр. Въ 8 д. л.

Гг. Рудольфъ, Нистремъ и Захаровъ — вотъ знатоки мѣстности и окрестностей Москвы: ими составлены и планы и указатели, какъ внутреннихъ замѣчательныхъ мѣстностей нашей древней столицы, такъ и окрестныхъ селеній и уѣздовъ Московской губерніи. Но, вѣроятно, недостаточно всѣхъ этихъ плановъ и указателей: появляется и расходится много и другихъ указателей въ этомъ же родѣ,—и вотъ новая книга, посвященная указанію замѣчательныхъ окрестностей Москвы.

Издатель ея, какъ видно изъ предисловія и изъ самаго состава книги, желаетъ познакомить съ этими окрестностями, указать разстояніе ихъ отъ города, очертить мѣстность и даже означить прогонную плату. Для прѣвзжающихъ, можетъ быть, это и необходимо, что же касается до Москвичей, то они хорошо знаютъ Москву и ея окрестности, и безъ указателя найдутъ мѣсто, гдѣ погулять и повеселиться.

ОБРАЗЦИКЪ МОДНОЙ КРИТИКИ.

Въ настоящее время нѣтъ у меня ни времени, ни случая, ни охоты слѣдить за всеми явленіями нашей журналистики; потому не знаю всѣхъ отзывовъ о моемъ Разсужденіи о *Питчикѣ* Аристотеля. Но статья От. Зап. заинтересовала меня: она обѣщала нѣчто подробное. Моему Разсужденію посвящено 28 страницъ. И дѣйст-

нительно. статья От. Зап. заслуживаетъ (съ нѣкоторой стороны) вниманія: она лучше многихъ характеризуетъ то, что у насъ теперь часто слыветъ подъ именемъ ученой критики. Въ ней, какъ и во многихъ, такъ называемыхъ, критическихъ статьяхъ, и постороннихъ разглагольствованій достаточно (если же собрать все, что сказано собственно о моей книгѣ, то едва ли выйдетъ полторы страницы), и разныхъ намековъ, для немногихъ понятныхъ, довольно, и ученой важности избыточно. Словомъ, все есть, кромѣ дѣла. Особенно же отличается она непостижимымъ равнодушіемъ, можно даже сказать—безчувственностію къ истинѣ. Эта болѣзнь, къ сожалѣнію, дѣйствуетъ въ настоящее время эпидемически. Для предохраненія тѣхъ, которые не подверглись еще ей, я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ о статьѣ От. Зап. Сама по себѣ она не стоитъ отвѣта.

Но мнѣ приходится съ перваго разу говорить о вещахъ, которыя, казалось бы, должны быть известны всякому школьнику. Можно ли было бы думать, что кто-нибудь изъ пишущихъ въ какомъ бы то ни было журналѣ не знаетъ, какое мнѣніе называется личнымъ, оригинальнымъ? Рецензентъ От. Зап. этого не знаетъ. Объяснимъ же ему. Личнымъ называется мнѣніе, только пишущему или говорящему принадлежащее; оригинальнымъ, которое резко отъ другихъ отличается. Мое мнѣніе о *Питицкѣ* Аристотеля не отличается отъ мнѣній знаменитаго Лессинга, Германа, Раумера, Еггера, Дюнцера и другихъ,—высказано было и у насъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, С. П. Шевыревымъ; а рецензентъ От. Зап. называетъ его личнымъ, оригинальнымъ!... Оригинальнымъ, даже парадоксальнымъ, признается обыкновенно мнѣніе Риттера, который, безо всякихъ основательныхъ причинъ, изъ *Питики* Аристотелевой исключилъ болѣе трети. Каюсь: и я во дни юности (точнѣе сказать—мальчишества) увлеченъ былъ книгою Риттера. Но потомъ, когда я взялъ Аристотелево сочиненіе *О поэзій* для разсужденія, я увидѣлъ всю безосновательность мишурно-блестящихъ парадоксовъ Риттера; еще болѣе убѣдился въ ней, прочитавъ превосходную книгу Дюнцера, написанную въ опроверженіе мнѣній Риттера. Послѣ того, въ продолженіи семи лѣтъ, я много разъ возвращался къ сочиненію Аристотеля, и каждый разъ болѣе и болѣе убѣждался въ основательности стараго, общаго мнѣнія, такъ дѣльно поддержаннаго Дюнцеромъ. Мой взглядъ на *Питику* въ сущности ничѣмъ не отличается отъ Дюнцеровъ; мое Разсужденіе есть ничто иное, какъ осторожно и безо всякихъ претензій на оригинальность написанное толкованіе *Питики* Аристотеля. Ужъ читалъ ли поодио рецензентъ От. Зап. мою книгу?

Нѣтъ, не читалъ! Это по всему видно. Можетъ быть, перелистывалъ, но читать не читалъ. Если бы онъ ее читалъ, то не сказалъ бы (стр. 23), что переводъ заглавія Аристотелева сочиненія: *О поэтическомъ искусствѣ*, болѣе вѣрнѣе, чѣмъ предлагаемый мною: *О поэзій*. У меня (стр. 41—44) подробно доказывается, что заглавіе Аристотелева сочиненія нужно переводить: *Объ искусствѣ творить*; а чѣмъ отличается *искусство творить* отъ *поэтическаго искусства*? Если бы онъ читалъ ее, то не ссылался бы, какъ на доказательство неполноты Аристотелева сочиненія, на греческую частицу, о которой (стр. 131) сказано у меня, что она употребляется Аристотелемъ и въ заключеніи сочиненій. Если бы онъ читалъ ее.... Впрочемъ, новыя доказательства тому, что рецензентъ не читалъ моей книги, умѣстнѣе будетъ привести ниже. А теперь посмотрите, какой странный выводъ дѣлаетъ онъ, воображивъ, что мнѣнія мои оригинальны: комментарий мой, по словамъ рецензента, написанъ «почти только въ доказательство личныхъ мнѣній переводчика», и въ другомъ мѣстѣ: «весь написанъ въ доказательство» ихъ; а потому.... «едва ли принесетъ много пользы читателямъ; пользоваться имъ будетъ неудобно.» Мнѣ кажется, рецензенту слѣдовало бы сперва доказать, что «комментарій мой написанъ» и т. д., а потомъ уже дѣлать заключеніе. «Но, скажетъ рецензентъ, *предѣлы статьи* не позволили мнѣ.» — Позволили же онъ вамъ разглагольствовать о совершенно, не идущихъ къ дѣлу предметахъ.

Пиитику Аристотеля называетъ рецензентъ «отрывочнымъ сокращеніемъ или черновымъ эскизомъ, въ которомъ текстъ довольно сильно искаженъ.» Положимъ, что и такъ. Но кому не извѣстно, какъ пишутся отрывочныя сокращенія, черновые эскизы? Кому не извѣстно, что пишущіе ихъ всего меньше думаютъ объ *изяществѣ*? Я перевелъ такой эскизъ, такое сокращеніе (я почти согласенъ называть такъ *Пиитику*) — и рецензентъ О. З. упрекаетъ меня въ неизяществе перевода!.. Хотѣ бы онъ вспомнилъ, что и другіе переводчики, даже французскіе, переводя этотъ эскизъ, это сокращеніе, объ изяществе не заботились и предвѣряли объ этомъ читателей. Хотѣ бы онъ вспомнилъ, что я говорю въ своемъ предисловіи. Я рѣшительно убѣжденъ, что рецензентъ не читалъ моей книги!

Еще рецензентъ говоритъ: «ясное въ подлинникѣ должно быть ясно и въ переводѣ.» Да развѣ подлинникъ *Пиитики* ясенъ? развѣ можетъ быть ясенъ черновой эскизъ, отрывочное сокращеніе? развѣ укажетъ рецензентъ хоть десять строкъ *Пиитики*, которыя бы одинаково понимались даже новѣйшими комментаторами и переводчиками?

Приведу еще доказательство тому, что рецензентъ не читалъ

моей книги. Въ концѣ статьи онъ (сознаваясь, впрочемъ, что я «умѣю писать языкомъ очень понятнымъ и довольно легкимъ», — чувствительно благодарень) толкуеть что-то не совсѣмъ понятное о какой-то изысканной простонародности моего перевода. Показывать и доказывать теперь не въ модѣ, потому онъ и на этотъ разъ ограничился голословнымъ сужденіемъ. Если бы онъ заглянулъ въ мою книгу, то простонародности не нашель бы.

Вотъ все, что сказано рецензентомъ о моей книгѣ; лично *меня* касаются еще нѣкоторые комплименты: безъ этого ужъ нельзя; таковой завелся обычай! Увѣряю рецензента, что я въ комплиментахъ его (да и ни въ чьихъ) не нуждаюсь. **В. ОРДЫНСКІЙ.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Конецъ зимы ознаменовывается появленіемъ очень многихъ, важныхъ, дѣльных и любопытныхъ книгъ, о какихъ давно не слышала наша литература:

Исторія Московскаго Университета, С. П. Шевырева, с. 584.

Биографическій Словарь Профессоровъ, два тома, с. 485 и 673.

О времени происхожденія славянскихъ письменъ, О. М. Бодянского, с. 381. СХV, съ 19 снимками.

Пропилеи, часть IV, пр. Леоптьева, с. 584.

Юридическій Сборникъ, докт. Мейера, с. 579.

Ученыя Записки II отдѣленія Академіи Наукъ. (Укажемъ на отличныя статьи по Русской Исторіи и Филологіи: Сухомлинова, Польнова, Григоровича, Срезневскаго, Попова, Арсеньева. Кромѣ ихъ, статьи съ общимъ интересомъ: А. С. Норова, М. И. Стасюлевича, и проч.) С. LXXI, 260, 137.

Ученыя Записки I и III отдѣленія Академіи Наукъ.

Пѣсни разныхъ народовъ, Н. В. Берга, с. 556.

Крестьянка, романъ А. А. Потѣкина, въ 3-хъ частяхъ.

Самое *радостное* извѣстіе: вышли въ превосходномъ изданіи два тома *Сочиненій Пушкина*. Изданіе въ типографскомъ, историческомъ, литературномъ отношеніи — желать ничего не оставляетъ. Ни одинъ писатель не изданъ былъ у насъ такимъ отличнымъ образомъ! Цѣна назначена самая умеренная: за 6 или 7 огромныхъ томовъ, на веленовой бумагѣ, съ портретами и снимками, 12 р. с. — Въ первомъ томѣ помѣщена подробная біографія поэта, преимущественно въ отношеніи къ развитію его творчества, исполненная новыхъ, любопытнѣйшихъ подробностей.

Вышелъ Биографическій Словарь Русскихъ князей до Монголовъ, М. П. Погодина, (это шестой томъ Исследованій).

МОСКОВСКІЯ СТАРИННЫЯ И НОВЫЯ ГУЛЯНІЯ И УВЕСЕЛЕНІЯ.

Старинныя святки. — Городскія и деревенскія, общественыя и частныя увеселенія. — Разныя игрища, гаданья, фанты, и проч.

Святки! магическое слово! сколько тутъ хлопотъ и ожиданій: приготовленія къ празднику, поздравленія, увеселенія, лихіе поѣзды ряженыхъ, раздольный Васильевъ вечеръ, и проч. и проч., и наконецъ наступленіе дня Богоявленія Господня. Святки у насъ всегда начинались молитвой — и кончались тѣмъ же. Сколько новыхъ ощущеній переживаетъ молодежь въ это время! всѣ какъ будто спѣшатъ жить, веселиться до упоенія, и день и ночь, и утро и вечеръ.

Посмотримъ, есть ли разниа между старинными и современными святками.

Въ-старину, въ сочевникъ, 24 декабря, (по-славянски *Студень*) (1) совершалось у нашихъ предковъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи, *колядованье*; это остатокъ древнѣйшаго славянскаго праздника, облеченный нынче уже совсѣмъ въ другія формы.

Колядованье состояло въ томъ, что молодые парни и дѣвцы, разумѣется, изъ простонародія, подходили къ окнамъ домовладѣль-

(1) По-польски *Грудень*. Въ Ромуловомъ году, этотъ мѣсяць, посвященный *Сатурну* и *Вестъ*, былъ 10-й, потому и назывался децемврій — декабрь. Римляне представляли его въ видѣ невольника, съ зажженнымъ факеломъ въ рукъ; они въ этомъ мѣсяцѣ отправляли *Сатурналіи*, во время которыхъ въ Сенатѣ не было присутствія, въ училищахъ ученія, рабы носили платье своихъ господъ, въ воспоминаніе золотаго вѣка, и всѣ пересмѣлялись подарками. *Русскій словотолкователь*, Яновскаго, 1804 г.

цевъ, и пѣли пѣсню, упоминая имя *Коляды* (2). Для любопытныхъ представляю эту пѣсню, которая, судя по слогу, должна быть очень древняя.

Виноградѣ красно почему спознать?

(Здѣсь слѣдуетъ припѣвъ имени домовладѣльцевъ)

Что Устиновъ домъ, да Ивановичевъ,
 Что у его у двора все шелковѣ трава,
 Что у его у двора все серебряный тынь,
 Ворота у него дубовыя,
 Подворотенки рыбій зубъ;
 На дворъ у него да три терема:
 Въ первомъ терему да свѣтель мѣсяць,
 Во второмъ терему красно солнышко,
 Въ третьемъ терему часты звѣздочки;
 Что свѣтель мѣсяць, то Устиновъ домъ,
 Что красно солнце, то Улита его,
 Что часты звѣзды — малы дѣтушки.
 Да дай Боже Устину Ивановичу
 Съ борзыхъ коней сыновей женить;
 Да дай Боже Улитѣ Харламовнѣ
 Съ высока терема дочерей выдавать.
 Подари, Государь, колядовщиковъ,
 Наша коляда ни рубль, ни полтина,
 А всего полъ-алтына (3).

Оставляя въ покоѣ древность, мы поговоримъ о временахъ ближайшихъ.

Во многихъ домахъ нашихъ дѣдовъ находились комнаты, называемыя: *образный*, и въ нихъ, въ переднемъ углу, висѣлись божницы съ дорогими кивотами и окладами; тамъ, при мерцаніи лампы, въ этотъ день, а иногда и во всѣ Святки, (святые вечера) старики домохозяева усердно молились Богу, били земные поклоны или читали Чети-Минею. Про молодежь нечего говорить, — въ то время, какъ и теперь, приготовленія къ празднику были суетливы; въ числѣ ихъ состояли покупки и заказы новыхъ костюмовъ, — законы модъ тогда были неумолимѣе нынѣшнихъ: какъ,

(2) Древняя религія Славянъ, Григорія Глицки, 1804 г.

(3) Въ западныхъ губерніяхъ въ это время устраивали еще *вертепъ*, (ящикъ, въ которомъ оптически представлялось Рождество Христово), съ декораціями и фигурами, изображающими волхвовъ и т. п. священныя событія; яркое освѣщеніе вертепа производило эффектъ и собирало множество зрителей. Истор. путев. по Москвѣ, 1831 г.

(3) *Абвега*, (Слов. Русскихъ суевѣрій).

напримѣръ, не съѣздить дамамъ къ мадамъ *Виль* (извѣстная модистка дѣдовскихъ временъ), и не купить новой *шлемовки* (шуба безъ рукавовъ), или *маньки* (муфточка), или, напр., не посмотрѣть на новый фасонъ чепцовъ, потому-что чепцы *рожки*, *сорока* и *ханша* вышли уже изъ моды, мѣсто ихъ занялъ чепецъ *королевина-вставанье*, или *а ла Грекъ*; тамъ былъ и *подкольный* женскій *кафтанъ*; тамъ, вмѣсто старинныхъ шафоровъ, приготовлялись распашныя *куръ-форме* и *фурро-форме*, въ которыхъ наши бабушки были такъ мило одѣты, и, вмѣстѣ, разодѣты, по послѣдней модѣ; тамъ и новый приборъ лентъ *а л'еклипсъ* и башмачекъ *стерлядкой*, и башмачекъ *улиточкой*, и проч. и проч. А мужчинамъ какъ не побывать у портнаго Жуква, который публиковалъ *газетно*, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1777 г., что у него продаются *тосовые кафтаны*, также на разныхъ мѣхахъ *винчурры* и новаго фасона *шилчирры*, въ обтяжку, (исподнее платье); у Голландца Шумахера, въ Китаѣ-городѣ, на Омовскомъ подворьѣ, получены новыя полотна и кисея; отъ monsieur Плеруа, изъ Парижа, выписалъ парикмахеръ Мюльетъ парики изъ тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, которые такъ легки и покойны, что всѣять только 9 лотовъ; имѣя ихъ, не нужно уже салить голову толстымъ слоемъ помады и обильно посыпать мукою. Въ галантерейныхъ лавкахъ вышли новыя шлифныя пряжки и *кюши* для закрѣпленія ленточнаго бантика на панталонахъ. Мад. *Кампione* приготовила къ празднику кружева новыхъ узоровъ, изъ пуанъ *д'алансонъ*, *даржантонъ де-венизъ*, изъ пуанъ *де-Флеръ* и *д'англетерръ*, дѣлаемаго иглоками. Цвѣточный фабрикантъ Бергуанъ имѣетъ цвѣты и гирлянды для накладокъ на женскія платья; другой дамскій *уборищикъ* или *волосочесъ* объявляетъ всѣмъ плѣшивымъ, что у него продается лучшая помада для отращиванія волосъ, изъ духовъ *Вздохи Амура*, и что онъ изобрѣлъ новую наколку для дамскихъ головокъ, въ видѣ башенъ съ висячими садами и балконами по сторонамъ головы *а ла Семирамидъ* (4).

Наконецъ, обратимся къ дѣльному: въ Академической книжной лавкѣ, на Никольской, продаются новыя календари на 1780 г., при которыхъ приложены эстампы, представляющіе Россію, пріемлющую отъ Минервы чертежъ новаго раздѣленія областей, съ подписью, изображающею чувства Россіи:

(4) Для описанія старинныхъ модъ, въ отношеніи костюмовъ и проч., будетъ слѣдовать особая статья.

Раздѣломъ симъ ты жизнь влила въ мои составы;

Законы мои твои суть къ славы, къ счастью правы (ѵ).

(Безъ переплета 32, съ перепл. 40 коп. ассигнаціями). Въ то время модныя покупки совершались въ гостиномъ дворѣ, а не въ магазинахъ. На Ильинкѣ, около лавокъ, зимою бывали модныя гулянья Москвитянъ du bon ton, и назначеніе свиданій; купцы жаловались на это, говоря, «что петиметры и амурщики только *галантоняты*, т.-е. фигурируютъ, и мѣшаютъ добрымъ людямъ покупать товаръ нашъ.» Поздравленія чинились тогда пышнѣе нынѣшнихъ, въ отношеніи обстановки своей: огромныя кареты съ гранеными стеклами, запряженныя пугомъ атласистыхъ вороныхъ, или чубарыхъ, или сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, съ кокардами на головахъ, съ егерями, гусарами или гайдуками сзади, съ легкими скороходами, прыгавшими впереди экипажа, берлины съ боковыми крыльцами, широкія сани съ полостями изъ тигровыхъ шкуръ, кучера и фореиторы въ треуголкахъ, вооруженные длинными бичами и также распудренные, подъ цвѣтъ зимъ (Ѷ). Праздничные и чинные поклоны, отклоны, реверансы, привѣты, отвѣты,—все это дѣло обыкновенное, которое было, есть и будетъ, напримѣръ, при поздравленіи съ Новымъ годомъ—желаніе *новаго* счастья и пр.—За чтожь такая неблагодарность къ старому году, покойнику? — можетъ быть для многихъ онъ былъ благополученъ и хорошъ... Но чтобы не измѣнить заглавію статьи нашей, перейдемъ къ святочнымъ вечерамъ.

Наши Государыни были веселаго нрава: И. Елисавета Петровна сама любила пѣть и танцовать; Дворъ ея поражалъ всѣхъ пышностію, вкусомъ и великолѣпіемъ (Ѷ). Императрица Екатерина II также любила веселости. Поутру неутомимо занималась она государственными дѣлами, а вечеромъ часто бывала распорядительницею разныхъ забавъ и удовольствій, особенно у себя въ Эрмитажѣ. Тамъ играли въ карты, въ билетцы, въ фанты, въ жмурки, въ веревочку, танцовали, плясали по-русски, и проч., а на святкахъ загадывали, пѣли подблюдныя пѣсни и веселились отъ души.

Богатые и бѣдные, знатные и простолюдины, также любили проводить святки весело. Разумѣется, деревенскія святки отличались отъ городскихъ, особенно отъ столичныхъ. Въдъ и между деревнями большая разница. Зимою бѣдная деревня, особенно отсторонящаяся отъ большой дороги, представляетъ самый унылый видъ: десятокъ бурыхъ курныхъ избенокъ съ волоковыми окнами, занесенныхъ кру-

(ѵ) Парадигме поѣзды со всею обстановкою своей опишутся въ статьѣ о *гуляньяхъ*.

(Ѷ) При ней начался у насъ, въ Россіи, французскій театръ.

гомъ снѣжными сугробами, тишина могильная, развѣ порой, поджавъ хвостъ, завоетъ собака на завалинкѣ, почуя близость голоднаго волка, или гдѣ-нибудь въ клѣтѣ сильнымъ альтомъ пропоетъ пѣтухъ, прокаркаетъ ворона на гумнѣ, или проскрипитъ колодезный насосъ, подъ рукою старой бабы, одѣтой какимъ-то оборотнемъ. Почему же старой, спросите вы? потому-что и внутри избъ найдете вы также почти однихъ стариковъ: хозяина на палатахъ, хозяйку его, дремлящую при потрескиваньи дымной лучины, подъ жужжаньемъ веретена; а молодежь, дѣвки и молодцы откочевали на всѣ святки въ ближнее село — повеселиться, порядиться, погадать, поплясать. Вотъ ужъ тамъ другое дѣло: людное богатое село, особенно на святкахъ, кипитъ жизнью; изъ столицъ и изъ другихъ большихъ городовъ, туда, къ празднику, домой, собираются фабричные и другіе мастеровые люди; въ то время у молодца не безъ золотца, — тамъ есть и кружало съ водруженной елкой, и мелочная лавочка съ лаптями и орѣхами, даже съ пряниками, блистающими сусальною позолотою. Днемъ по селу, не смотря на лютый морозъ, гуляютъ толпами молодцы въ синихъ кафтанахъ со схватцами, т.-е. съ крючками, или подпоясанные красными кушаками, съ заиндѣвельными бородками; дѣвки и молодцы, украшенные поднизями, (бахрама изъ стекляруса у головного убора), въ заячьихъ шубкахъ и въ цвѣтныхъ повѣвахъ, однѣ въ начельникахъ или повязкахъ, другія въ низаныхъ кикахъ съ дробницами (блестками). Тамъ они сходятся, расходятся, встрѣчаются, потѣшаются, играютъ, отыгрываются, а вечеръ, особливо раздольный Васильевъ вечеръ, предаются всѣмъ чарамъ святокъ. Въ деревняхъ для гаданья есть гумны, перекрестки, банныя окна, проруби, и верей; тамъ-то молодыхъ подкарауливаютъ будущіе ихъ суженые; они вымажутъ себѣ лица почернѣе, одѣнутся пострашнѣе, да откуда-нибудь изъ-подтишка и гикнуть на гадальщицъ; тѣ взвизгнуть пронзительно, прыснуть во всѣ стороны, а проказники провожаютъ ихъ громкимъ хохотомъ. А на посидкахъ, въ свѣтлицахъ, дѣвки сожмутся кучкой на длинной лавкѣ, съ подзоромъ (деревянная бахрама), чтобы, по повѣрью, не дать между собою мѣста лукавому; а молодцы, если не успѣютъ втѣсниться между ними, то разсядутся гдѣ ни попадо, — и раздается смѣхъ, говоръ, щелканье орѣховъ, звукъ балалайки, и закатная пѣсепка, и оттопыванье трепака. Потомъ начинается гаданье полусоннымъ пѣтухомъ, пущеннымъ въ кругъ, около котораго насыпаютъ овесъ или дчмень, и кладутъ кольца: если которе-нибудь изъ нихъ пѣтухъ клюнетъ, то дѣвушка, обладательница того кольца, по повѣрью, непременно должна скоро выдти замужъ.

Иногда пойдут страшныя расказни о нечистыхъ. Иногда ворвется въ избу вереница ряженныхъ,—тамъ масокъ не бывало, а вмѣсто ихъ употребляли сажу или муку, — дѣвушки попрячутся за печь, или куда попало; раздастся новый взрывъ смѣха и восклицаній. Кончались игрища завѣтною хоровою пѣснею:

Слава Богу на небѣ,
Государю на сей землѣ (?),
Чтобъ правда была
Красе солнца свѣтла;
Золотая-жь казна
Вѣкъ полнымъ полна.
Чтобъ конямъ его не изъѣзживаться,
Его платьямъ цвѣтнымъ не изнашиваться,
Его вѣрнымъ вельможамъ не старѣться!
Ужь мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ!
Большимъ-то рѣкамъ слава до моря,
Мелкимъ рѣчкамъ до мельницы,
Старымъ людямъ на потѣшене,
Добримъ молодцамъ на погудочки.

Въ деревнѣ сватѣбы составляются скоро: встарину выдавали дѣвокъ 12 или 13 лѣтъ за 15-лѣтнихъ парнишекъ. «Для крестьянъ раннее супружество полезно, а для дворянъ вредно, потому-что послѣднимъ надобно сперва образоваться», говоритъ Василій Никитичъ Татищевъ, въ духовной сыну своему Евграфу Васильевичу (?). Но довольно о деревнѣ; и въ наше время потѣхи, подобныя описаннымъ, тамъ совершаются еще. Перенесемся въ городъ, прямо въ Москву.

Въ дѣдовскія времена, на святкахъ, общественныя увеселенія были очень шумны и людны: балы, маскарады, куртаги (?), редуты (?). Театральныя пьесы давались часто, особенно на святкахъ. Всего веселѣе бывали святочные вечера въ среднемъ и въ простонародномъ кругу. Стоянье за воротами, спросы объ имени прохожихъ, бросанье башмаковъ черезъ ворота, слушанье подъ окнами, вывѣшиваніе бѣлаго полотенца и ключей за окно, прятанье подъ голову гребня, и проч. и проч., разныя игры и пѣсни, — вотъ о чемъ поговоримъ мы, взглянувъ на дѣдовскій бытъ.

(?) При провознесеніи: *слава*, сидящіе вставали, а имѣющіе на головахъ шляпы, скидывали ихъ и даже вскидывали вверхъ.

(?) Эта духовная сочинена въ 1733, а напечатана въ 1773 г.

(?) Слово нѣмецкое, зн. увеселеніе, сопровождаемое музыкою.

(?) Происходитъ отъ итальянскаго слова *Ridotto*,—мѣсто въ Венеціи, куда собираются большею частію замаскированныя для игры и танцевъ; они начинались послѣ Рождества Христова. *Русскій Словотолкователь*.

Весело живали наши дѣды и отцы. Въ то время были деньги дороги, за то припасы гораздо дешевле. Для любопытныхъ, пожалуй, я скажу нѣсколько словъ о тогдашнихъ цѣнахъ: за наемъ большаго этажа самаго пригляднаго дома платили отъ 30 до 40 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, со всеми принадлежностями; за наемъ четверни лучшихъ лошадей въ мѣсяцъ 50 рублей; лучшее англійское сукно стоило 4 рубли за аршинъ; готовый кафтанъ, со всеми прикрасами моды тогдашняго времени, стоилъ 25 рублей; апельсинны продавались по 1 копейкѣ за штуку, ржаная мука по 2 рубля за куль, говядина по 2 копейки за фунтъ, курица стоила 10 копѣекъ, сажень березовыхъ дровъ 1 рубль, пудъ сѣна 10 копѣекъ и т. д. (11).

Вотъ настануть Святки, вечерницы; по улицамъ мчатся веселые поѣзды—въ саняхъ и въ саночкахъ и въ простыхъ розвальняхъ, съ бубнами, колокольчиками; эти спокойные экипажи кувыркаются по снѣгу, а въ нихъ-то набито народу,—все ряженые: иной въ вывороченномъ тулупѣ и съ рогами на головѣ; у другаго къ личиѣ приткнутъ былъ носъ, на которомъ укладывались семь старинныхъ пятаковъ; иной, наряженный какимъ-то косматымъ чудищемъ, подставлялъ свою спину пѣтуху, одѣтому петиметромъ, съ удушливимъ жабо, съ анкрошетомъ на головѣ (высокая прическа); —этотъ фронтъ и выступалъ по нотамя; иной представлялся степеннымъ медвѣдемъ; иной въ саванѣ; иной на ходуляхъ, вѣтряной мельницей; и т. д. По улицамъ раздается доморощенная музыка: гудки, волюнки, дудки, сапѣлки, балабайки. Вотъ катятъ, катятъ разлетныя санки, да на бокъ, —ничего, только пуще раздастся хохоть, да молодецкій посвистъ, а тамъ опять раздольная хоровая пѣсня: *Изъ-подъ дубу, изъ-подъ вяза*; иногда случатся знакомыя встрѣчи —стой. Послѣ передраги не худо коснуться и до фляги, —и вотъ по улицѣ мостовой раздается чоканье стаканчиковъ со *ржанымъ молочкомъ*, т.-е. съ виномъ.

Въ одной старинной комедіи (*Судейскія именины*, 1781 года), представляющей отраженіе тогдашнихъ нравовъ, жалуются на весельчаковъ и мотыгъ за то, что они на святкахъ, наряжась оборотнями, на хватскихъ извощикахъ, гоняють *по-зальберю* во всю ивановскую, и наклюкаются такъ, что у иного нѣтъ ни гласу, ни послушанія, да еще наливають глотки—то дорогими заморскими напитками: все пьютъ бургонію, да шампанею, да красную романею, —имъ ничего не дѣлается, а у другихъ животъ болитъ оттого: у родителей, или у хозяевъ—купцовъ, или у заимодавцевъ,—шалуны пьютъ и ѣдятъ

(11) Изъ разсказовъ старожиловъ и изъ Обзорня царствованія И. Екатерины, Павла Сумарокова.

то, чего у бережливыхъ не бываетъ въ святъ день на обѣдѣ; гулянье—то ихъ на чужой шеѣ и повиснетъ.

Дѣйствительно, бывали случаи, что гастрономы тогдашняго времени быстро проглатывали свое имущество: деревни, лавки, дома и проч.

А вотъ тамъ, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, у тесовыхъ воротъ, въ одной тѣлогрѣйкѣ, стоитъ, дрожать отъ холода дѣвица, и загадываетъ о своемъ суженомъ; прислушивается, приглядывается, стыдливо; робко опрашиваетъ встрѣчнаго и поперечнаго о его имени; мѣсяцъ свѣтитъ ей прямо въ лицо, звѣзды глядятъ на нее, но не говорятъ ей о ея будущемъ.

А въ домахъ, на вечерницахъ—то чтò дѣлается, ужь нечего и говорить. Не смотря на то, что окна у домовъ крѣпко затворены ставнями (по старинному), сквозь отверстія ихъ, прорѣзанныя сердечками, видно мелькаіе огней: вѣрно тамъ топятъ воскъ и олово, или загадываютъ въ карты; морозъ да гости стучать въ ставни,—и вотъ отворяется калитка, входятъ ряженные: журавлями, трубочистами (тогда Гамлетовъ и Донъ-Жуановъ еще не существовало), съ кульками на головахъ, такими пугалами, подобія которыхъ не найдешь и въ лубочныхъ картинкахъ. Съ клубами густаго морознаго пара вваливаются они въ комнату,—тамъ звучать уже подблюдныя пѣсни и происходить святочные игры; грустные, но мелодическіе напѣвы: *Охъ, болитъ да щемитъ ретиво*, или: *И я золото хороню*, и проч. заставляютъ призадуматься многихъ.

И въ знатныхъ домахъ бывали подобныя увеселенія, особливо фанты ⁽¹²⁾. Не все расшаркиваться да присѣдать въ чинныхъ мезуэтахъ, подъ визжаній смычекъ, или считать марки въ *ломберахъ* и *рокомболахъ*. Какая-нибудь молоденькая парочка, пожалуй, пропляшетъ подъ кинареичный органъ, или подъ какую-нибудь гудоскрипку, *козачка, цыганку* (а въ многихъ незатѣйливыхъ домахъ—*бычка, голубца*), поиграютъ въ *фоханы*, даже въ *жгуты*—и примутся за фанты. Пожалуй, и нонче играютъ въ нихъ, но все не то, чтò прежде; нынѣшніе обычаи стали гораздо строже. Кѣмъ придуманы фанты?—вѣрно не стариками и не людьми флегматическаго характера; это игра нашихъ прапрадеуровъ.—нужды нѣтъ, что русскіе молодцы звали своихъ сударынь *заснобушками*, сердца у нихъ были горячѣе. Вотъ охаетъ *роза*: у нея болитъ сердце по *жгучей крапивѣ*; *милей* вздыхаетъ по *чертополоху*; или *продаютъ ленты*, или поставятъ *статую* и приложатъ руку ея къ сердцу,—пони-

(12) Фантъ слово нѣмецкое (Pfand), значить: залогъ, такой, за который часто расплачивается сердце.

найте, что это значить! или представлять зеркало. А какъ начнутъ мостъ мостить: играющіе совьются въякомъ, заплетутся илетвемъ; поцѣлуи носыплятся градомъ... А разыгрыванье фантовъ тоже раздолье для молодежи.

Играли и въ другія игры: загадки и отгадки. Право, много изъ нихъ есть такихъ, которыя дѣлали честь изобрѣтательности нашихъ врадѣдовъ; напр: *Если бѣ я встала, то бы небо достала; если бѣ у меня были руки да ноги, я бы вора связала; если бѣ у меня были ротъ да глаза, я бы все рассказала.*—Большая дорога.—*На что глядѣтъ и не видѣтъ, про что вѣдаютъ и не знаютъ?*—Ростъ и смерть.—*Живой мертваго бьетъ, а мертвой вопіетъ.*—Звукъ колокольчика.—*Самъ Москвы не вижу, а другимъ ее указываю.*—Дорожный столбъ.—*Въкъ отъ въка говоритъ безъ языка?*—Эхо.—*Ни по мъртъ, ни по вѣсу у всѣхъ людей есть.*—Умъ.—*На полъ котелокъ кишѣтъ, не пливѣтъ, а укипа нѣтъ.*—Муравейникъ.—*Ни стукну, ни брякну, ко всякому подойду.*—Ночь и смерть.—*Конь крылатый, не боится и воеводы въ полетъ.*—Комаръ.—*Чашечка медку, запрятана въ ледку, до новаго годку.*—Озимь.—*Маленькая собачка, свернувшись сидѣтъ, не кусаетъ, не лаетъ, а въ домъ не пускаетъ.*—Замокъ.—*Въ пяти колодчикахъ сидѣтъ пять молодчиковъ.*—Пальцы въ перчаткахъ.—*Дорога ровна, лошадь деревянная, везетъ не корма, только хвостикомъ повиливаетъ.*—Лодка, и т. д.

Еще играли въ билетцы; одинъ писалъ кто (чье-нибудь имя), другой съ кѣмъ (тоже), третій гдѣ (мѣсто), четвертый что дѣлали,—такимъ образомъ, чтобъ не знали мысли другъ-друга; послѣ каждый, по очереди, читалъ свой билетъ, и выходили вещи преуморительныя.

Или въ слѣдующія игры: *Чему уподобитъ?*—*Осужденный.*—Иному вынимался фантъ, съ приказаніемъ сѣсть въ дальній уголъ; кто-нибудь тихонько собиралъ свѣдѣнія о нравственности *осужденнаго*, и потомъ, подходя къ нему, говорилъ напр.: «Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы размѣняли свое сердце на мелкую монету.» Если осужденный отгадывалъ, кто приносилъ на него эту жалобу, то смѣнялся челобитчикомъ. *Игра въ молчанки*,—стараться разными вопросами заставить кого-нибудь вымолвить слово—и взять фантъ. «Если бы я былъ тѣмъ, что бы вы изъ меня сдѣлали?»—Спрашивающимъ случалось иногда получать отвѣты очень не лестные. Кромѣ этихъ, было много занимательныхъ извѣстныхъ игръ: въ города, въ парламентъ, въ нѣмой концертъ, и проч. и проч.

Нѣкоторые справлялись о своей судьбѣ съ календаремъ *старога цыгана, ворожее, угадчика* ⁽¹⁵⁾, (*я говорю себѣ наобумъ, а ты бери себѣ на умъ*), и имъ выходили отвѣты, напримѣръ: 1. Природа дала тебѣ десять пальцевъ и одинъ ротъ,—стыдно, если десятеро не прокормить одного. 2. Жаль мнѣ тебя, бѣдняжку, хоть ты и выдешь за-мужъ, только за слѣпца, потому-что изъ зрячихъ тебя никто не возьметъ. 3. Пойдешь ли ты чрезъ рѣку съ ненадежнымъ проводникомъ? если нѣтъ, то не вѣрь и всякому мушницѣ, который предлагаетъ тебѣ быть спутникомъ на всю жизнь. 4. Ты переживаешь нѣсколько вѣчностей, потому-что многіе мушницы клялись тебѣ въ вѣчной вѣрности. 5. У тебя есть опасный врагъ — твое зеркало. 6. Когда ты родилась, тебя качали въ колыбели; когда стала побольше, тебя носили на рукахъ; а теперь ты ѣдишь въ каретѣ; по этому не удивительно, что ты еще не научилась ходить, а танцовать умѣешь. 7. Если бъ ты жила съ пчелами, то давно бы не существовала, потому-что они всѣхъ трутней умерщвляютъ. 8. Тебѣ я не могу ворожить, потому что самъ желаю узнать отъ тебя свою участь. 9. Приближаясь къ оракулу, должно снять съ себя всякую личину; поди же и ты, сотри свои румяны. 10. Для чего ты безпрестанно, высовываясь въ окно, глядишь на улицу,—развѣ весь городъ долженъ знать, что ты ничего не дѣлаешь? 11. Ты наряжаешься, какъ кукла, а вѣдь куколъ, наигравшихъ ими, бросаютъ. 12. Большое было бы для тебя счастье, если бы твой будущій мужъ лежалъ еще въ колыбели, потому-что ты до возраста его авось научилась бы хозяйству. 13. Когда тебѣ надобно идти на востокъ, пойдешь ли ты на закатъ? если нѣтъ, то зачѣмъ же ты держишься противоположности, когда хочешь достигнуть счастья? 14. Нѣтъ, я ни за что не скажу тебѣ правды: ты дерзка на руку, а я хилъ головою. 15. Не покупай никогда при солнечномъ сіяніи — алмаза, въ пасмурную погоду полотна,—а на балу не выбирай жениха. 16. Ты хочешь знать о своей невѣстѣ, хороша ли она?—вѣдь красоту не низать; умна ли?—вѣдь тебѣ ее не посломъ посылать; богата ли?—на чужой коровой рта не развѣвай, въ красномъ яблокѣ больше червей. 17. Со старымъ годомъ ты кончишь старыя дурчества и начнешь новыя.—Тому подобныхъ прибаутокъ много было у нашихъ дѣдовъ; они говаривали: *шей-де, вдова, широки рукава, было бѣ куда класть небыллыя слова.*

Гаданій и предразсудковъ было много еще у Славянъ: они примѣчали полетъ птицъ, крикъ звѣрей, движеніе пламени и дыма, теченіе воды и проч.

(15) На 1799 г.

Про суевѣріе и говорить нечего: если кто-нибудь впадалъ въ ипохондрію, говорили, что ему *напустили тоску на насердокъ*, его *сслазили* или *изурочили*; тогда его вспырыскивали нашептанной водой съ *уголька*, только дѣлали это невзначай, вѣроятно, чтобъ произвести потрясеніе въ нервахъ. Больныхъ дѣтей тоже окуривали, умывали, *слизывали*. Наши храбрыя бабушки не боялись для гаданій ходить ночью и въ баню, а бани почитались самымъ страшнымъ мѣстомъ.

Въ прошедшемъ столѣтїи была мода и обыкновеніе, кромѣ картъ, гадать на кофе: русскія сивиллы наливали пол-чашки густаго кофе и взбалтывали его, чтобы гуща хорошенько пристала къ чашкѣ; послѣ дули въ нее, обертывали на какую-нибудь посуду, чтобъ кофе вылился, а предсказательныя части его остались внутри чашки,—вотъ по нимъ-то и вѣщали прошедшее и будущее. Еще гадали на *вѣрахахъ*, или *махальцахъ*, смѣшивали ихъ, и потомъ, выбравши одинъ, узнавали будущность свою по содержанію картинъ, нарисованныхъ на опахалѣ.

Кромѣ того были еще слѣдующія гаданья:

1) *Гаданье подблюдными тѣснями*, о которыхъ я уже упомянулъ.

2) *Гаданье зеркаломъ*. Въ пустой горницѣ ставили на столъ два прибора и свѣчи, и смотрѣлись въ зеркало (иныя наводили еще, съ приговоромъ: *суженый, рлженый, приди ко мнѣ ужинать*;—зеркало на луку). Зеркало будто бы начинало тускнѣть, дѣвушка протирала его платкомъ, и, вотъ, черезъ плечо ея кто-то заглядывалъ въ зеркало; разсмотрѣвъ черты лица своего *суженаго*, дѣвушка вскрикивала: *чуръ сего мѣста* (14)!—привидѣніе исчезало. Иная, расхрабрившаяся гадательница не вдругъ *чурала*, и тогда приглашенный будто бы садился съ нею рядомъ и вынималъ какую-нибудь вещь,—тогда уже дѣвушка и *чурала*; эта вещь оставалась ей въ видѣ трофея; она будто бы дѣйствительно принадлежала ея жениху. Разумѣется, тутъ случались разные и испуги и забавныя сцены, особенно когда кто-нибудь подглядывалъ таинственное гаданье любопытной.

3) Носили коневью или коровью кожу къ проруби, и, очертя ее свѣчнымъ огаркомъ, садились на нее; тогда будто бы изъ проруби выходилъ женихъ, уносилъ въ этомъ экипажѣ гадальщицу въ ту сторону, куда ей приходилось выдти за-мужъ; потомъ, суженый домогался и свою суженую окунуть хорошенько, но она должна была восклицать: *Чуръ*, чтобъ спастись отъ такого угощенія.

(14. Богъ межей; онъ не имѣлъ храмовъ; его просили о сохраненїи межей на поляхъ. Словомъ *чуръ* гадальщицы будто ставили границу нечистой силѣ.

4) Ляли олово или свинецъ, воскъ и даже золото въ воду, и, по вылитому изображенію, разгадывали свою будущность.

5) Слушали подъ окнами, и, по первому подслушанному слову, выводили для себя какое-нибудь предзнаменованіе.

6) Желая знать, какъ будутъ звать мужа, выходили за ворота съ первымъ кускомъ во рту (вѣроятно, онъ постылился цѣлый день, — охота пуще неволи), и спрашивали мимошедшаго о имени его.

7) Положили снѣгъ, и, бросивши его въ какую-нибудь сторону, слушали лай собакъ: ежели собака лаяла басомъ, то это было предвѣщаніе имѣть стараго, грознаго, и, вѣроятно, ревниваго мужа; а если собака лаяла дышкантомъ, то ожидали мужа — юношу.

8) Брали въ потемкахъ съ полѣнницы полѣно, и когда оно было гладко, то и мужъ долженъ быть хорошъ собою, а ежели полѣно было суковато, то и мужъ крутой, или безобразный работой. Иныя же полагали, что суковатое полѣно предвѣщало богатаго мужа, а гладкое бѣднаго, охолонаго.

9) Снимали ночью куръ съ насѣсти, и принеся ихъ въ горницу, давали имъ клевать счетомъ пшеницу. (Вѣроятно, *четъ и нечетъ*).

10) Когда всѣ лягутъ спать, дѣвушки садились въ горницѣ у окна, въ потемкахъ, и мысленно загадавъ о суженомъ, слушали проходившихъ или проѣзжавшихъ мимо окна; ежели они проѣзжали шумно, съ пѣснію, со свистомъ, то ожидали себя веселой, праздничной жизни; въ противномъ случаѣ — скучной, уединенной.

11) Вывѣшивали ночью бѣлое полотенце изъ окна, произнося: *суженый, ряженый, приди и утрися*; ежели полотенце скоро дѣлалось влажнымъ, то дѣвѣнцы ожидали и замужества скороаго.

12) Дѣлали изъ прутиковъ мостикъ, и, ложась спать, клали его подъ подушку, загадывая: *кто мой суженый, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ*. Сонъ, какъ зеркало, представлялъ гадальщицѣ самый вѣрный оттискъ будущаго мужа.

13) Еще ложась спать, ѡли пересоль, въ пріятномъ ожиданіи, что *суженый* подастъ имъ пить.

14) Отворя дверь въ баню и оборотаясь къ ней спиною, произносили: *шени меня, мани меня куннымъ хвостомъ*; если до гадальщицы дотрогивалась рука въ шерстяной перчаткѣ, то это было предзнаменованіе богатой жизни; въ противномъ случаѣ — бѣдной. А если (что дѣйствительно случалось) касалась до нея плетна-семихвостка, то она означала — задатокъ супружеской нѣжности.

15) Бросали башмаки черезъ ворота, и куда они ложились носкомъ, въ ту сторону должны были дѣвушки выходить за-мужъ.

16) Садилась задомъ на лошадь и, завязавъ ей глаза, давали волю идти, куда пожелаетъ; и лошадь отвозила дѣвушку въ ту сторону, гдѣ жилъ ея суженый.

17) Связавши хвостами пѣтуха съ курицей, сажали ихъ подъ рѣшето, и кто изъ нихъ кого влекъ за собою, по этому угадывали, кто будетъ большой въ домѣ—мужъ или жена.

18) Слушали у житницы пересыпку хлѣба, и по этому заключали о будущемъ богатствѣ или бѣдности.

19) Вывѣшивали за окно ключи, и если кто шевелилъ ими, то спрашивали, какъ его зовутъ?

20) Клади подѣ голову гребень, и во снѣ суженый долженъ былъ причесывать гадальщицу не по мачихину.

21) Выбѣгая со двора, аукались, и въ какой сторонѣ отзывалось эхо, туда должно было выдти дѣвушкѣ за-мужъ.

22) Ложились навзничъ въ снѣгъ,—разумѣется, если онъ былъ мягокъ, и послѣ осматривали это мѣсто: если оно было гладко, то предзнаменованіе было благополучное, а ежели нѣтъ, то ожидали мужа съ крутымъ характеромъ.

23) Сучили нитки, и опуская ихъ въ воду, по извѣтію ихъ судили о своей будущности.

24) Слушали подѣ вереею, и по звуку, который слышался за воротами, угадывали, какого ремесла и занятія будетъ мужъ.

По всемъ этимъ даннымъ видно, что и въ-старину гадали болѣе дѣвушки, нежели мужчины,—любопытство—женскій грѣхъ. Еще клали на столъ три шапки, — но объ этомъ гаданьѣ я не могъ собрать свѣдѣній; вѣроятно, это принадлежало къ ворожбѣ.

Въ заключеніе статьи моей, прилагаю нѣсколько подблюдныхъ пѣсень, большая часть которыхъ нынче почти совсѣмъ позабыта. Вотъ были самыя употребительныя:

1) Щука шла изъ Новгорода,

Приплывъ къ каждой строкѣ: слава.

Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера;
 На щучкѣ чешуйка серебряная,
 Головка на щучкѣ унизаная,
 У щучки спина жемчугомъ плетена,
 А на мѣсто глазъ дорогой алмазь,

* * *

2) Идетъ кузнецъ изъ кузницы;
Шубенка на немъ худехонька:
Одна пола во сто рублевъ,
Другая пола въ тысячу,
А всей-то шубенкѣ цѣмъ нѣту,—
Цѣна ея у Царя въ казнѣ,
У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

* * *

3) Разцѣли на небѣ двѣ радуги,
У красной дѣвицы двѣ радости,—
Съ милымъ другомъ совѣтъ
И растворень подклѣтъ.
Золотая парча развивается,
Кто-то въ путь во дорогу собирается.

* * *

4) Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй вѣнецъ,
Ты скуй вѣнецъ злотъ и новъ,
Изъ остаточковъ злотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку,—
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булавкою *убрусь* ⁽¹⁵⁾, приткаться.

* * *

5) Растворю я квашонку на донышкѣ,
Я покрою квашонку чернымъ соболемъ,
Опояшу квашонку краснымъ золотомъ,
Я поставлю квашонку на столбичкѣ.
Ты взойди, моя квашонка, съ краями ровна,
Ты съ краями ровна и совсѣмъ полна.

* * *

6) Свѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Какъ нечаянные и невѣдомые;
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.

* * *

7) Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку,—
Не груздочекъ то скачетъ, дворянскій сынъ,
Не бѣляночку ищетъ, дворяночку.

Заключеніе къ каждой пѣснѣ:

Да кому мы спѣли, тому добро;
Кому вынется, тому сбудется.

С. ЛЮБИЦКІЙ.

(15) Головной уборъ.

И. М. СИМОНОВЪ.

Въ тотъ самый день, когда Московскій университетъ торжествовалъ столѣтіе своего существованія, по какому-то горестному стеченію противоположностей, профессоры Казанскаго университета опускали въ могилу брѣнные останки ректора университета, Ивана Михайловича Симонова, скончавшагося въ ночи съ 9 на 10 января. Не смотря на то, что покойный уже давно страдалъ хроническою болѣзною, крѣпкое тѣлосложеніе его и въ высшей степени правильный и воздержный образъ жизни подавали всѣмъ несомнѣнную надежду, что Иванъ Михайловичъ еще долго сдержитъ борьбу съ злымъ недугомъ, тѣмъ болѣе, что больной былъ на ногахъ до самаго новаго года. Эта увѣренность такъ тверда была въ нашихъ сердцахъ, что я еще и теперь въ недоумѣніи и нерѣшимости останавливаюсь надъ вопросомъ: неужели мнѣ предстоитъ уже писать воспоминаніе о томъ, кому все предрекало долговѣчное существованіе? Но не будемъ задумываться долго на этой печальной мысли: — смерть, похитивъ изъ среды ученаго сословія свою жертву, не въ силахъ изгладить изъ лѣтописей науки тѣхъ трудовъ, которыми ознаменовалось поприще покойнаго И. М. Симонова. Въ назиданіе учащемуся поколѣнію и для ознакомленія съ ученою дѣятельностію покойнаго, я представляю небольшой біографическій очеркъ, по собственнымъ его запискамъ, къ чему дало мнѣ возможность сближеніе съ Иваномъ Михайловичемъ въ послѣднее время его жизни: пусть всякій, кого удоститъ такимъ избраніемъ судьба, спасаетъ отъ незаслуженнаго забвенія память каждаго ученаго дѣятеля.

Иванъ Михайловичъ Симоновъ родился въ Астрахани въ 1794 году, въ семействѣ одного изъ тамошнихъ гражданъ. Когда онъ оканчивалъ курсъ въ гимназій, по счастливому для Казанскаго университета случаю, переведенный изъ астраханской гимназій учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ въ университетъ адъюнктомъ Всеобщей Исторіи, предложилъ отцу Симонова отправить съ нимъ сына, для помѣщенія въ число студентовъ: предло-

женіе было принято тѣмъ охотнѣе, что родитель Симонова уже давно имѣлъ намѣреніе помѣстить сына въ Московскій университетъ. Питая особенную склонность къ литературѣ, молодой студентъ еще молодого и университета изъявилъ сначала желаніе слушать лекціи въ факультетѣ словесныхъ наукъ; но профессоръ Чистой Математики Бартельсъ, замѣтивъ, на вступительномъ испытаніи, успѣхи Симонова въ Математикѣ и Физикѣ, склонилъ его измѣнить свое намѣреніе и посвятить себя изученію физико-математическихъ наукъ. Эта перемена не заглушила, однакоже, въ ревностномъ математикѣ любви къ словесности: во все продолженіе шестидесятилѣтней жизни, Иванъ Михайловичъ не оставлялъ литературныхъ занятій и въ описаніи своихъ огромныхъ странствованій постоянно щеголялъ выработаннымъ слогомъ и не рѣдко разнообразилъ прозу стихами. Одинъ изъ первыхъ и по времени и по успѣхамъ студентовъ Казанскаго университета, Симоновъ имѣлъ завидное счастье образовываться подъ руководствомъ такихъ отличныхъ профессоровъ, какъ напримѣръ: Бартельсъ, бывшій впоследствии профессоромъ Дерптскаго университета, гдѣ онъ стяжалъ себѣ отличную извѣстность сочиненіемъ своимъ: *Vorlesungen über mathematische Analysis*; Литровъ, впоследствии знаменитый директоръ вѣнской обсерваторіи; Броннеръ, примѣчательный своими идилліями, нѣмецкій поэтъ и, при глубокихъ энциклопедическихъ свѣдѣніяхъ, превосходный профессоръ Физики. Съ особеннымъ стараніемъ изучалъ Симоновъ, въ теченіе университетскаго курса, теоретическую и практическую Астрономію, и за наблюденія надъ большою кометою 1811 года получилъ благодарность отъ тогдашняго попечителя казанскаго учебнаго округа Степана Яковлевича Румовскаго, который самъ былъ однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ астрономовъ въ Европѣ. При окончаніи университетскаго курса, Симоновъ, по предложенію попечителя, держалъ испытаніе прямо на стѣнѣ магистраты физико-математическихъ наукъ, представилъ сочиненіе о притяженіи однородныхъ сферондовъ, гдѣ изложилъ многія поясненія къ третьей книгѣ Лапласовой Небесной Механики, и случайно былъ утвержденъ магистромъ въ день своихъ именинъ, 24 іюня 1812 года;—съ этого дня, когда ему исполнилось 18 лѣтъ отъ-роду, онъ уже вступилъ въ государственную службу по ученому вѣдомству и проходилъ съ честію это трудное поприще въ теченіи сорока слишкомъ лѣтъ. Если судьба, не разъ принимавшая теплое участіе въ устройствѣ жребія Симонова, совмѣстила съ днемъ его именинъ его ученое и служебное торжество, то, съ другой стороны, она нечаянно поразила его скорой кончиной С. Я. Румовскаго, един-

ственнаго въ то время астронома съ русскимъ именемъ, оказывавшаго особенное расположеніе къ молодому казанскому ученому.

Уже и потому мы считаемъ поучительнымъ настоящее воспоминаніе объ И. М. Симоновѣ, что оно напомнитъ нѣкоторые малозвѣстные событія въ кругу развитія нашей образованности. Такъ мы имѣемъ сказать, что молодой магистръ началъ свою наставническую дѣятельность чтеніемъ публичныхъ лекцій Физики для служащихъ чиновниковъ, которые желали подвергнуться испытанію для полученія правъ на производство въ чинъ коллежскаго ассесора или статскаго совѣтника. Черезъ два года Симоновъ былъ возведенъ въ званіе адъюкта Астрономіи.

Между тѣмъ умолкла брань, воздвигнутая на Россію Наполеономъ; миръ воцарился въ Европѣ, и нѣмецкіе профессора, загнанные бурями войны подъ гостепріимный кровъ Россіи, начали возвращаться на родину. Въ 1816 году, профессоръ астрономіи Литровъ первый оставилъ Казанскій университетъ, и адъюктъ Симоновъ заступилъ его мѣсто въ качествѣ экстра-ординарнаго профессора двухъ каедръ: теорической и практической Астрономіи: разумѣется, это замѣщеніе произошло и по чрезвычайно лестному отзыву знаменитаго астронома о своемъ ученикѣ. Спустя годъ, Симоновъ ѣздилъ въ Петербургъ, для ознакомленія съ академической обсерваторіею и, для изученія астрономическихъ приѣмовъ Шуберта и Вишневаго, для чего и пробылъ въ Петербургѣ полгода. Въ 1819 году, весной, онъ вторично прибылъ въ Петербургъ, и совершенно негаданно—къ рѣшенію многоаго въ своей судьбѣ: не задолго передъ тѣмъ, санктпетербургская академія наукъ, невѣдомо Симонову, представила министру народнаго просвѣщенія о назначеніи молодаго казанскаго ученаго астрономомъ въ одну изъ морскихъ экспедицій, въ то время отправлявшихся для ученыхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, Симоновъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія неожиданно къ стати; само собою разумѣется, что онъ съ радостью принялъ столь лестное предложеніе, избравъ для себя путешествіе вокругъ свѣта въ южномъ полушаріи, куда назначались шлюпы Востокъ и Мирный, первый подъ начальствомъ Ф. Ф. Беллинсгаузена, а второй—М. П. Лазарева, выступившіе въ походъ въ июль 1819 года.

И вотъ нашъ молодой астрономъ, на борту русскаго корабля, знакомится почти съ цѣлымъ свѣтомъ, начиная съ самыхъ образованныхъ націй и оканчивая дикарями многоостровья, испытываетъ всѣ климаты, видитъ тропическое солнце и антарктическіе льды, подвергается бурямъ и опасностямъ всякаго рода, и въ то же время

★

неусыпно занимается учеными наблюдениями и ведет путевой дневникъ. Въ теченіе этого долгаго странствованія, Симоновъ три раза наблюдалъ ежечасно, днемъ и ночью, высоты барометра и температуру воздуха, по двумъ термометрамъ, для опредѣленія атмосферическихъ колебаній: въ первый разъ между тропиками, въ Тихомъ морѣ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ; во второй разъ, во время перехода отъ южнаго къ сѣверному поворотному кругу, въ Атлантическомъ океанѣ, въ продолженіи мѣсяца, и въ третій разъ, также цѣлый мѣсяцъ, въ Бразиліи. Только въ послѣдній разъ производилъ онъ такія наблюденія на берегу съ постороннею помощію, а въ первые два раза наблюденія производились подъ парусами, и каждый часъ былъ отмѣчаемъ Симоновымъ очень тщательно (*). Не смотря на такіе труды и морскія тревоги, нашъ ученый жилъ полною жизнію: онъ былъ еще молодъ, передъ нимъ раскрывался цѣлый міръ, со всѣми своими милліонами блестящихъ свѣтилъ—и надежды молодого ученаго были обширны. Съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ вспоминать объ этомъ времени Иванъ Михайловичъ, и еще не задолго до кончины его, я слушалъ разсказъ о встрѣчѣ ихъ съ антарктическими льдами. — Посѣтивъ Копенгагенъ, Портсмутъ и Лондонъ, портъ Св. Креста и Лоротаву на островѣ Teneriffe, Рио-Жанейро, острова южнаго Ледовитаго моря—Новой-Георгіи, Сандвичевы и открытую капитаномъ Беллинсгауземомъ группу острововъ Маркиза де Траверсе, экспедиція обошла между льдами одну половину антарктическаго океана до меридіана Новой Голландіи, посѣтила портъ Джексонъ; потомъ заходила въ Новую Зеландію и осматривала почти всѣ острова южной Полинезіи. Послѣ того, посѣтивъ снова портъ Джексонъ, вторично спустилась въ южное Ледовитое море и обошла вторую его половину до меридіана Бразиліи. Наконецъ, зайдя опять въ Рио-Жанейро, экспедиція приняла нашего посланника—генерала Тейль-фанъ-Сераскеркена съ дипломатическимъ корпусомъ, и, доставивъ его, вслѣдъ за королемъ Донъ-Жуаномъ VI, въ Португалію, прибыла изъ Лиссабона прямо въ Кронштатъ, въ іюль 1821 года. Это двухъ-лѣтнее плаваніе въ южномъ полушаріи было обильно географическими пріобрѣтеніями: экспедиція открыла 29 неизвѣстныхъ до того времени острововъ, а именно: въ южномъ холодномъ поясѣ 2, въ южномъ умѣренномъ 8, и 19 въ жаркомъ поясѣ, и сверхъ того одну коралловую мель. Шлюпъ Востокъ, на которомъ находился Симоновъ, поиски свои простиралъ до 70°

(*) Этими наблюденіями воспользовался съ успѣхомъ извѣстный французскій астрономъ и академикъ Буваръ, извлекшій изъ нихъ любопытные выводы.

южной широты, а далѣе проникнуть въ то время было невозможно. На долю Симонова достались всѣ астрономическія наблюденія, а въ память его капитанъ Беллинсгаузенъ далъ его имя одному изъ вновь открытыхъ экспедиціею тропическихъ острововъ южной Полинезіи.

По прибытіи въ Кронштатъ, экспедиція имѣла счастье видѣть на судахъ своихъ Императора Александра, который всѣхъ странствователей наградилъ по-царски: Симонову, кромѣ другихъ наградъ, пожаловано, въ видѣ послужебнаго пенсіона, жалованье экстра-ординарнаго профессора.

Утвержденный, по возвращеніи въ Казань, въ 1822 году, въ званіи ординарнаго профессора Астрономіи. Симоновъ съ жаромъ принялся за вычисленіе наблюденій, произведенныхъ имъ во время путешествія. Не успѣлъ еще онъ окончить этого труда, какъ былъ посланъ въ чужіе края, вмѣстѣ съ бывшимъ профессоромъ Физики, нынѣ академикомъ, Купферомъ, для заказа астрономическихъ и физическихъ инструментовъ. Въ іюль 1823 года, казанскіе ученые выѣхали изъ С.-Петербурга, и черезъ Берлинъ, Дрезденъ и Прагу прибыли въ Вѣну. Здѣсь профессоръ Симоновъ заказалъ, для астрономической обсерваторіи Казанскаго университета, многіе инструменты, въ политехническомъ заведеніи, и здѣсь же принялъ его въ дружескія объятія бывший наставникъ его Литровъ, профессоръ Вѣнскаго университета и директоръ университетской обсерваторіи.

Отсюда Симоновъ отправился черезъ Сальцбургъ въ Мюнхенъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ оптикомъ Фраунгоферомъ, и черезъ Штутгардъ, Баденъ и Стразбургъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ оставался около года, до окончательнаго изготовленія заказанныхъ инструментовъ. Это время употреблено было Симоновымъ въ пользу для спеціальнаго ознакомленія съ современными требованіями астрономической науки и для общаго знакомства съ другими отраслями знанія: такимъ образомъ, въ теченіи всего пребыванія въ Парижъ, онъ не пропускалъ почти ни одного засѣданія академіи наукъ и географическаго общества, котораго былъ членомъ, постоянно слушалъ лекціи знаменитыхъ математиковъ, физиковъ и астрономовъ, и также лекціи исторіи французской литературы Вильмена, въ Сорбоннѣ, французской исторіи Гизо, въ Атенѣ; посѣщала физиологическіе опыты Маженди и отчасти бесѣды извѣстнаго френолога Галля; присутствовалъ въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ академіи надписей и весьма часто занимался на парижской обсерваторіи. Это пребываніе въ Парижъ доставило ему короткое знакомство почти со всѣми астрономами, математиками и физиками, славившимися въ ученое мѣръ, а также съ учеными по другимъ отраслямъ и съ литерато-

рами; въ особенноти баронъ Александръ Гумбольдтъ оказывалъ ему личное расположеніе, а изъ русскихъ знаменитостей обратилъ на него отличное вниманіе графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ, и познакомилъ его со многими примѣчательными людьми Франціи, которыхъ Симоновъ часто встрѣчалъ въ великолѣпныхъ салонахъ графа, въ городѣ и на дачѣ.

Этотъ періодъ жизни нашего ученаго также богатъ самыми разнообразными воспоминаніями, и могъ бы доставить много общелюбопытнаго. Въ продолженіи этого времени, Симоновъ напечаталъ въ Парижѣ, одобренное парижскою академіею наукъ, сочиненіе свое: *Essai sur la méthode directe du calcul intégral*.

Изъ Парижа, отправивъ изготовленные и принятые отъ мастеровъ инструменты въ Россію, Симоновъ проѣхалъ черезъ Швейцарію въ Италію, гдѣ останавливался долѣе тамъ, гдѣ находилъ, по роду своихъ занятій, полезнѣе, и гдѣ знакомства съ учеными заведеніями и людьми были для него драгоценнѣе. Такимъ образомъ, онъ осмотрѣлъ между прочимъ обсерваторіи желевскую, миланскую, туринскую и неапольскую, вошелъ въ сношенія съ ихъ директорами и познакомился съ разными учеными знаменитостями, жившими въ Италіи. Изъ знакомствъ италіянскихъ Симонова нельзя не упомянуть о знакомствѣ съ графомъ Каподистріа, въ Женевѣ, и съ кардиналомъ Меззофанти, во Флоренціи. Долѣе всего онъ останавливался въ Римѣ, гдѣ былъ принятъ въ корреспонденты старинной академіи *Lincei*, пользовался благорасположеніемъ ученаго русскаго посланника Италіянскаго, французскаго посла герцога Монморанси, и посѣщалъ блестящія салоны богатаго герцога Брачано, прекрасной княгини Габріелли, дочери Люціана Бонапарта, и другіе аристократическіе дома вѣчнаго города. Прорѣхавъ до Неаполя, Симоновъ ознакомился и съ художественными рѣдкостями классической Италіи, а по своей отрасли знанія, имѣя при себѣ хорошіе барометры, вымѣрилъ высоты Симмлома и Везувія.— Изъ Италіи онъ проѣхалъ, черезъ Венецію и Триестъ, въ Вѣну, гдѣ прожилъ съ мѣсяцъ у Литрова, и, черезъ С.-Петербургъ, возвратился въ Казань, послѣ вторичнаго двухлѣтняго путешествія, уже чуждаго лишеній и тревогъ, но богатаго встрѣчами съ знаменитостями во всѣхъ родахъ. Въ Варшавѣ нашъ ученый имѣлъ счастье слышать тронную рѣчь Императора Александра I.

Въ 1828 году профессоръ Симоновъ носѣтилъ большую половину Казанской губерніи и часть Симбирской и Оренбургской, для опредѣленія географическаго положенія многихъ городовъ; а кромѣ того, онъ опредѣлилъ, посредствомъ барометра, возвышеніе мѣстъ,

тогда имъ посѣщенныхъ Между тѣмъ заказанные въ Вѣнѣ астрономическіе инструменты были получены въ Казани и поставлены сперва на временной обсерваторіи, а потомъ Симоновъ занялся составленіемъ плана нынѣшней университетской обсерваторіи, который, по надлежащемъ разсмотрѣніи, былъ одобренъ. Основаніе этому прекрасному зданію положено въ 1833 году, а въ 1837 году были уже уставлены всѣ инструменты, съ прибавленіемъ, къ прежде заказаннымъ, большаго рефрактора, подобнаго дерптскому. Ученый достойно вступилъ въ приготовленный для него храмъ науки.

Съ этого времени Симоновъ преимущественно занялся астрономическими наблюденіями, и, напечатавъ первый рядъ ихъ, за 1838, 1839 и 1840 годы, онъ отправился опять въ чужіе края, для свиданія съ европейскими астрономами и для присутствованія на майнцкомъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, онъ посѣтилъ важнѣйшіе по его занятіямъ города Англии, Франціи, Бельгіи и Германіи; пребылъ въ Лондонѣ и Парижѣ почти по мѣсяцу, а въ Майнцѣ во все продолженіе съѣзда, и читалъ тамъ отчеты о своихъ занятіяхъ, относящихся къ Астрономіи и особливо къ земному магнитизму, теоріей котораго онъ занимался въ то время съ особеннымъ тщаніемъ и для котораго неоднократно производилъ, безъ посторонней помощи, по 44 часа сряду, наблюденія надъ измѣненіемъ магнитнаго отклоненія. Передъ послѣднимъ засѣданіемъ поразило нашего ученаго горестное извѣстіе: обсерваторія Казанскаго университета сдѣлалась жертвою огромнаго пожара 1842 года, и въ нѣсколько часовъ погибла цѣль многолѣтнихъ усилій профессора и университетскаго начальства. Только въ 1847 году было вполнѣ возстановлено это прекрасное зданіе, съ прибавленіемъ отличнаго меридіаннаго круга Репсольда, вмѣсто поврежденнаго во время пожара вѣнскаго круга, а экваторіаль и рефракторъ были исправлены въ механическомъ заведеніи Главной Пулковской обсерваторіи; но уже суждено было возобновленному зданію перейти въ чужія руки, потому-что Иванъ Михайловичъ Симоновъ, въ 1845 году, призванъ былъ къ занятію мѣста ректора Казанскаго университета и окончилъ свою полезную жизнь въ этомъ званіи.

Если И. М. Симоновъ не принадлежалъ къ числу рѣдкихъ избранныхъ, производящихъ переворотъ въ наукѣ, то онъ съ честью поддерживалъ себя на равной высотѣ съ лучшими астрономами своего времени, и одинъ изъ первыхъ съ русскимъ именемъ приобрѣлъ себѣ такую почетную извѣстность между европейскими учеными. Доказательствомъ служатъ лестные отзывы объ его тру-

дахъ во многихъ заграничныхъ физико-математическихъ журналахъ, а еще болѣе многочисленныя плоды его ученой дѣятельности. изъ которыхъ мы упомянемъ о слѣдующихъ:

1) Слово, произнесенное въ торжественномъ собраніи Казанскаго Университета, объ успѣхахъ плаванія шлюповъ Востока и Мирнаго около свѣта и особливо въ южномъ Ледовитомъ морѣ. Казань. 1822. Это сочиненіе было переведено въ Вѣнѣ на нѣмецкій языкъ, а съ нѣмецкаго перѣвода знаменитый астрономъ баронъ Цахъ, бывшій гофмаршалъ саксенъ-готскаго двора, перевелъ на Французскій языкъ и напечаталъ въ издаваемомъ имъ *Correspondance astronomique*, журналѣ, въ видѣ писемъ, съ присовокупленіемъ астрономическихъ наблюденій профессора Симонова. Отсюда содержаніе этого сочиненія перепечатано было въ Парижѣ въ *Journal des Voyages*, а изъ этого журнала русскій переводъ былъ помѣщенъ въ Сѣверномъ Архивѣ.

2) Опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ якорнаго стоянія шлюповъ Востока и Мирнаго. С.-Петербургъ. 1828.

3) *Essai sur la méthode directe du calcul intégral*. Paris. 1824.

4) Руководство къ умозрительной Астрономіи. Часть I. Уранометрія. Казань. 1832.

5) *Mémoire sur les séries des nombres aux puissances harmoniques*. Kazan. 1832.

6) Опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ Казанской, Сибирской и Оренбургской губерніи. Казань. 1834.

7) *Observations astronomiques faites à l'observatoire de l'Université IMPERIALE de Kazan*. 1842.

8) Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи, въ 1842 году. Казань. 1844.

9) *Recherches sur l'action magnétique de la terre*. Kazan. 1845.

Кромѣ того, Симоновъ помѣщалъ пространныя статьи во многихъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ, по части Астрономіи, Физики и Математики. Изъ нихъ должно упомянуть о слѣдующихъ:

1) Астрономическія и метеорологическія наблюденія, произведенныя во время путешествія около свѣта шлюповъ Востока и Мирнаго.

2) Описаніе вновь изобрѣтеннаго имъ отражательнаго инструмента, служащаго для измѣренія большихъ угловъ.

3) О ясности видѣнія въ различныхъ разстояніяхъ предметовъ отъ глазъ.

4) О разности температуры въ сѣверномъ и южномъ полушаріяхъ.

Всѣ предыдущія статьи напечатаны въ *Correspondance astronomique du Vagon Zach.* съ весьма лестными отзывами издателя.

5) О вновь изобрѣтенномъ имъ снарядѣ для опредѣленія магнитнаго отклоненія съ помощію секстанта. Напечатана на нѣмецкомъ языкѣ въ *Resultate aus den Beobachtungen des magnetischen Vereins im Jahre 1841.* Herausg. Von C. F. Gaußs und W. Weber.

6) Объ употребленіи соотвѣтственныхъ наблюденій на морѣ подъ парусами. Напечатана на французскомъ языкѣ въ *Bulletin scientifique de l'Academie Imperiale de S.-Petersbourg.*

7) Нѣкоторыя магнитныя наблюденія профессора Симонова. напечатаны въ *Bulletin de la société Imperiale des Naturaliste de Moscou,* на французскомъ языкѣ.

8) Многія ученые статьи по разнымъ предметамъ напечатаны въ Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета.

Первыяшія ученые общества въ Европѣ и Россіи цѣнили съ уваженіемъ труды Симонова: доказательствомъ служатъ до 16 дипломовъ на званіе члена отъ разныхъ обществъ, въ теченіе жизни украсившіе почетную дѣятельность нашего ученаго; въ томъ числѣ мы находимъ дипломы отъ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Парижскаго Географическаго Общества и Римской Академіи Наукъ. Симоновъ состоялъ въ ученой перепискѣ съ барономъ А. Гумбольдтомъ, непремѣннымъ секретаремъ Парижской Академіи Наукъ Араго, съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи Сальванди и другими учеными знаменитостями нашего вѣка. Литровъ посвятилъ ему одно изъ своихъ сочиненій, съ весьма лестнымъ для нашего профессора предисловіемъ. Переписка покойнаго весьма занимательна многими замѣчательными подробностями, въ томъ числѣ находятся письма бывшаго попечителя Салтыкова, обнаруживающія рѣдкій высокій умъ этого сановника и особенное расположеніе къ Симонову. А сколько громкихъ именъ нашего вѣка было упомянуто нами въ этомъ біографическомъ очеркѣ, и какъ было бы важно, если бы въ бумагахъ покойнаго отыскались записки о всѣхъ его знакомствахъ и слышанныхъ разказахъ. Завидный путь былъ пройденъ И. М. Симоновымъ, и, можетъ быть, еще откроются многіе слѣды этого пути; до нынѣ же въ бумагахъ

покойнаго найдено описаніе его кругосвѣтнаго путешествія. Иванъ Михайловичъ питалъ особенную склонность къ поэзіи, и потому, подчиняясь впечатлѣніямъ господствовавшаго въ дни его молодости вкуса, изложилъ свое путешествіе въ стихахъ, для того времени замѣчательныхъ; но это произведеніе осталось неоконченнымъ.

Кромѣ ученой и учебной дѣятельности, соединенной съ званіемъ профессора, И. М. Симоновъ несъ многія другія служебныя обязанности: такъ онъ 3 раза былъ членомъ училищнаго комитета, завѣдывавшаго дѣлами Казанскаго учебнаго округа, 5 разъ деканомъ физико-математическихъ наукъ и разъ инспекторомъ студентовъ и директоромъ педагогическаго института. Сверхъ того, ему часто поручалась ревизія многихъ гимназій и училищъ, и два раза онъ осмотрѣлъ Казанскій учебный округъ, вмѣстѣ съ попечителемъ его. Въ 1859 году онъ присутствовалъ при открытіи Пулковской обсерваторіи. Такимъ образомъ, Симоновъ принадлежитъ къ числу нашихъ дѣятельнѣйшихъ странствователей. За ревностную и многополезную службу, онъ былъ почтенъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и украшенъ многими орденами.

Этотъ біографическій очеркъ былъ бы не полнымъ, если бы мы не сказали объ Иванѣ Михайловичѣ, какъ о человѣкѣ, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ извѣстной поговоркѣ: *de mortuis aut bene aut nihil*. Отличительными чертами въ характерѣ покойнаго была образцовая честность, безпристрастіе и примирительное начало, столь драгоцѣнное качество въ представителѣ цѣлой корпораціи. За университетскую службу Иванъ Михайловичъ стоялъ грудью, и при самомъ вступленіи въ должность ректора возвысилъ на нѣсколько тысячъ экономическихъ суммъ нашего университета, столь важныя для непредвидѣнныхъ улучшеній. Въ многочисленныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ замѣчательными личностями всѣхъ странъ, Иванъ Михайловичъ приобрѣлъ любезную общительность, дѣлавшую бесѣду его очень пріятною и наставительною для каждаго. Любя сословіе, къ которому самъ принадлежалъ душою и тѣломъ, Иванъ Михайловичъ выдалъ старшую дочь свою въ замужество за извѣстнаго нашего ориенталиста профессора В. П. Васильева; одинъ сынъ покойнаго, кончившій курсъ въ здѣшнемъ университетѣ, а потомъ въ Военной Академіи, состоитъ на службѣ при нашихъ войскахъ въ Азіатской Турціи, а другой въ балтійскомъ флотѣ.

Заклучимъ нашъ очеркъ искреннимъ пожеланіемъ: миръ памяти вѣрнаго слуги Государа, Отечества и науки.

И. В.—Нѣ.

Сообщу здѣсь кстатѣ (изъ моихъ дорожныхъ записокъ, за которыя едва ли я скоро примусь) одно примѣчательное происшествіе, слышанное мною отъ покойнаго И. М. Симонова.

Въ 1845 году я заѣхалъ въ Казань, на пути изъ Симбирска, гдѣ говорилъ похвальное слово Карамзину. Бесѣдуя однажды съ Иваномъ Михайловичемъ, старымъ своимъ знакомымъ, въ его кабинетѣ, (подлѣ аудиторіи, въ зданіи обсерваторіи), я спросилъ его объ одномъ случаѣ, изъ міра невидимаго, рассказанномъ имъ Д. М. Перевощикову: въ точности ли этотъ рассказъ былъ мнѣ сообщенъ. «Рассказъ вамъ сообщенъ въ точности», отвѣчалъ Симоновъ, «и вы можете спросить здѣсь въ Казани лица, дѣйствовавшія въ происшествіи. Они,—ихъ пять человѣкъ,—подтвердятъ вамъ всѣ подробности. Но почему принимаете вы такое участіе въ этомъ рассказѣ?»—Я всегда любилъ переноситься подѣ-часъ въ міръ невидимый, а въ послѣднее время душа моя получила это настроеніе въ особенности, и я бываю радъ всякимъ новымъ даннымъ, тѣмъ болѣе—не подверженнымъ никакому сомнѣнію; ибо одно такое данное, одна такая бытъ, влечетъ за собою всѣ высшіе вопросы, одинъ за другимъ, вопросы, состоящіе въ неразрывной связи между собою.—«Такъ я могу вамъ служить», сказалъ Симоновъ, «такимъ случаемъ, въ которомъ самъ былъ участникомъ, и на которой сію минуту могу представить положительныя доказательства. Видите ли вы этотъ портретъ?» Онъ указалъ на литографированный портретъ, висѣвшій надъ его письменнымъ столомъ, за которымъ мы сидѣли. «Это портретъ Литрова.»—Я знаю Литрова, отвѣчалъ я, и привезъ вамъ въ 1835 году поклонъ отъ него изъ Бонна, гдѣ мы съ нимъ познакомились на сѣздѣ натуралистовъ.—«Слушайте же—Литровъ былъ мой благодѣтель. Онъ открылъ мнѣ мое поприще, и любилъ меня какъ сына.... Я получилъ отъ него однажды письмо изъ Вѣны, въ коемъ онъ упрекалъ меня за долгое мое молчаніе. Я, писалъ онъ, устроилъ всѣ дѣла свои, пристроилъ дѣтей,—совершенно теперь доволенъ своею судьбою, — но ничего не знаю о вашей: увѣдомьте меня непременно, что вы дѣлаете, чѣмъ занимаетесь, о вашихъ обстоятельствахъ, намѣреніяхъ и проч. Мнѣ было, разумѣется, совѣстно, и я тотчасъ хотѣлъ отвѣчать, но нынче-завтра, и опять прошло много времени. Однажды, кончивъ лекцію, отворяю я дверь сюда въ кабинетъ, и въ эту самую минуту, вижу: падаетъ со стѣны портретъ Литрова.» При этихъ словахъ, Симоновъ всталъ, снялъ портретъ и показалъ ремешекъ, вновь

сшитый послѣ разрыва, на которомъ онъ висѣлъ. «Я вспомнилъ.» продолжалъ онъ, «объ отвѣтъ, который я давно долженъ былъ дать Литрову, сѣлъ тотчасъ за столъ и написалъ къ нему подробное письмо обо всѣхъ его вопросахъ. Прошло нѣсколько времени. Вдругъ получаю я письмо отъ Литрова сына, въ коемъ онъ уведомляетъ меня, что мое письмо не застало отца его въ живыхъ, и что оно, судя по надписи, писано было именно въ тотъ день, когда отецъ его скончался. То-есть, Литровъ скончался въ Вѣнѣ въ тотъ день, какъ упалъ со стѣны здѣсь въ Казани его портретъ!»

Я записалъ въ своихъ дорожныхъ запискахъ эти слова, но возвратясь въ Москву, пожелалъ, для большаго удостовѣренія, имѣть собственное свидѣтельство И. М. Симонова, и просилъ его прислать мнѣ копію всѣхъ упомянутыхъ писемъ, что онъ со своею ему любезностію и услужливостію (NB—прекрасныя его свойства) и исполнилъ. Онъ хранятся до сихъ поръ въ моихъ бумагахъ, хоть я и пишу теперь все это на-память.

Еще кстати напомнимъ здѣсь о подобномъ разказѣ въ сочиненіяхъ Виланда, переведенныхъ Жуковскимъ въ 1809, кажется, году, и о снѣ Ломоносова, о которомъ сказано нѣсколько словъ выше въ этой книгѣ. **Ж. П.**

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Откликнулось сердце Царю и отчизнѣ. — Русскій міръ — Наше прошедшее. — Англо-французская армада. — Городъ на воду. — Пожертванія Россіи на военныя потребности. — Поздравленіе съ новымъ годомъ. — Постройки и движеніе торговли на Кавказѣ. — Ярмарка на р. Хопи. — Замѣтки вологодскаго охотника. — Новый способъ тушить пожаръ въ лѣсахъ. — Государственныя коннозаводскія учрежденія на 1854 годъ. — Черныя меринсы. — Собраніе вольнаго экономическаго общества. — Золотая медаль, присужденная этимъ обществомъ графу А. А. Бобринскому. — Медали за успѣхи въ скотоводствѣ. — Уборка свѣа въ Новороссійскомъ краѣ. — Конныя грабли г. Абазы. — Довской антрацитъ. — Заготовленіе Донецкаго антрацита для Балтійскаго флота. — Рескриптъ Великаго Князя генералъ-адмирала вице-адмиралу Нахимову. — Попеченія правительства о моряхахъ Черноморскаго флота.

Дворянства всѣхъ губерній спѣшатъ выразить Государю Императору благоговѣйную признательность за Всемилостивѣйшее довѣріе къ ихъ вѣрноподданническимъ чувствамъ: всѣ мы, отъ мала до велика, готовы идти на врага, за вѣру, за братій, за честь отчизны — вотъ смыслъ всеподданнѣйшихъ донесеній всѣхъ губернскихъ предводителей.

Отраднo сердцу русскому видѣть это единодушіе шестидесяти-трехъ милліоновъ, отрадно сознать могущество своей родины. Русское царство — это цѣлый міръ. Широко раскинулось оно отъ береговъ Балтійскаго моря до волнъ Тихаго океана; отъ Мурманскаго моря, нынѣ Бѣлаго, до южнаго берега Тавриды. Двадцать народовъ, съ Русскимъ во главѣ, сопряженные единоподданствомъ въ одну огромную семью, живутъ подъ свѣнію его могущества. Привольно жить своимъ въ этой благодатной странѣ, которую природа щедро надѣлила дарами своими; утѣшно и чужеземцамъ видѣть, съ какимъ радушіемъ дѣлилась она съ ними избыткомъ своихъ произведеній. Россія всегда была неисчерпаемою житницей для цѣлой Европы, какъ некогда Сицилія и Египетъ для Римской имперіи. Когда посмотришь на вѣковые лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній, на рудники Сибири, на широкую полосу нашего чернозема въ степяхъ Новороссійскаго края, на плодородныя равнины

южнаго приморья, намъ нечего завидовать обилію богатѣхъ странъ земнаго шара; мы можемъ съ чувствомъ народнои гордости сказать себѣ, что наше отечество стоитъ на незыблемомъ основаніи само-бытнаго могущества.

Хотите ли въ давнихъ примѣрахъ, въ прежнихъ успѣхахъ провидѣть грядущіе успѣхи дорогаго отечества,—взгляните въ прошедшее Россіи. Какую назидательную картину представятъ очамъ вашимъ священныя страницы ея лѣтописей. Смотрите, какъ безостановочно идетъ она, со временъ мудраго строителя царства Московскаго, — Іоанна Васильевича III, на пути славы и величія. Вслѣдъ за нимъ, предъ вашимъ мысленнымъ взоромъ возникаютъ: и колоссальная фигура его грознаго внука, и тихое царствованіе послѣдняго изъ Рюриковичей, и тѣнь несчастнаго Годунова, и кровавая борьба Россіи съ Польшей, во время самозванцевъ и междоусобицъ, и герои этой эпохи: Ляпуновъ, Пожарскій и Мининъ; и благодатная личность перваго Царя изъ Дому Романовыхъ, внимающаго советамъ отца и патріарха Филарета Никитича, и послѣдняя знаменитость до-петровской Руси, отецъ Великаго, мудрый Алексѣй Михайловичъ, много пріуготовившій, много начавшій для блага Россіи. Вотъ и Гигантъ Сѣвера, Петръ Великій, мощною рукою вдвинувшій Русь въ семью европейскихъ народовъ, собственными руками соорудившій русскій флотъ, и начавшій, съ войскомъ только-что сформированнымъ, борьбу съ воинственнымъ королемъ Швеціи, избалованнымъ успѣхами и славою войну съ достойными внуками тѣхъ Шведовъ, которые предписывали законы цѣлой Европѣ, подъ предводительствомъ короля Густава Вазы. Когда вспомнишь первые громовые удары шведскаго льва, твердость духа русскаго Царя во время бѣдствій, его смиреніе послѣ Полтавской вѣкторіи, его смѣлость воздвигать столицу на землѣ только-что отнятой у непріятеля, его неколебимость во время прутскаго бѣдствія, всю его жизнь, отданную для блага народа,—невольное благоговѣніе къ Великому проникаетъ въ сердце. Свѣтло пронесутся предъ вашимъ мысленнымъ взоромъ царствованія благой Елисаветы и мудрой Екатерины, окруженной вѣнцемъ знаменитыхъ именъ: Задунайскаго, Чесменскаго, Таврическаго, Рымникскаго-Италійскаго. Въ каждомъ изъ этихъ именъ звучитъ побѣда. Взгляните, какъ смѣло орлы наши, въ царствованіе Императора Павла, перелетѣли хребты снѣговыхъ горъ Швейцаріи, и равнины Италіи, побѣждая съ героемъ Суворовымъ непобѣдимыхъ дотолѣ сыновъ революціи. И эти подвиги совершены не въ оборонѣ роднаго края, а въ защиту союзнаго государя. Послѣ смерти своего Августѣйшаго родителя, Императоръ Александръ,

для спасения Европы отъ желѣзнаго ярма Наполеона, не колебался продолжать эту борьбу, и не смотря на кровавый день Аустерлица, на неуспѣхъ битвы подъ Фриландомъ, на вынужденный обстоятельствомъ Тильзитской миръ, Россія не утратила своей самостоятельности, своего достоинства, и только одна она, да Испанія, которая рыцарски билась съ повелителемъ Европы за свое существованіе и своего плѣннаго короля, только два эти государства не закрыли своихъ гаваней для гибнувшей торговли Англіи, и это неисполненіе требованія завоевателя породило ту страшную борьбу 1812 года, которая навсегда останется великимъ событіемъ современной исторіи. Утѣшно вспомнить, какъ отплатили мы врагу, обagrившему нашу кровію путь свой отъ Нѣмана до береговъ Оки, истребившему наши города и села непрерывными пожарами: мы отомстили Франціи за всѣ нанесенныя намъ бѣдствія пощадкою ея столицы, возведеніемъ на опустѣвшій тронъ ея законныхъ государей, устройствомъ мира и порядка въ вражеской землѣ. Тогда Европа, и въ особенности Англія, благословляла Россію. Вотъ наше прошедшее.

Давноль оно несло съ событій полно,
Волнуясь, какъ море — океанъ!...

За что же теперь дѣти Запада возстали на насъ? Не за то ли, что мы вмѣстѣ съ ними помогали освобожденію единовѣрной Греціи изъ-подъ ига могущественнаго владыки? Не за то ли, что мы помогли сосѣду усмирить бунтъ, вспыхнувшій въ его владѣніяхъ и готовый охватить пожаромъ междоусобій всю Германію? Трудно повѣрить, что двѣ христіанскія державы объявляютъ войну Россіи за то, что она рѣшилась защищать Христіанъ, угнетаемыхъ магометанствомъ. Эти двѣ державы, снарядивши громадныя флоты, отправили ихъ въ Балтійское и Черное море, для уничтоженія Русскихъ морскихъ силъ. Подвиги Непира въ Балтикѣ кончились не пиромъ, а стыдомъ хвастливаго адмирала. Въ Черномъ морѣ русскіе моряки, не побоясь страшной армады союзниковъ, почти въ глазахъ ея уничтожили часть турецкаго флота, подъ ядрами синопскихъ батарей. Озлобленные союзники Турокъ вторглись въ предѣлы Россіи. Страшный флотъ устремился къ Таврическому полуострову и высадилъ сильную армію. Союзныя флоты, въ числѣ 450 судовъ разной величины, подошли къ Евпаторіи; по данному сигналу всѣ суда выстроились правильными рядами, образуя изъ себя, на водной равнинѣ, какъ бы городъ, посреди котораго, два флагманскіе корабля англійскаго и французскаго адмираловъ, поражали взоръ зрителя своею страшною громадностію. Высадка въ Крымъ исполнялась 2-го сентября, въ день нашествія Французовъ на Москву въ 1812 году.

Этимъ огромнымъ флотомъ, этою высадкою, многочисленною, со-
вершившеюся со всеми предосторожностями военной науки, со-
юзныя арміи какъ бы хотѣли устрашить насъ; но Русскій считаетъ
только убитыхъ враговъ и доверчиво повторлетъ стихъ своего на-
роднаго поэта:

«Иль мало насъ? или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?»

Мы тѣ же сыны Россіи, какъ бѣли и въ минуту великой оте-
чественной войны. Это бы ясно уразумѣли наши противники, если
бы до нихъ доходили подробныя извѣстія о готовности всѣхъ со-
словій жертвовать и собою и достояніемъ своимъ на военныя из-
держки, на содержаніе раненныхъ и на пособія семействамъ воиновъ,
падшихъ на полѣ брани. Представляемъ читателямъ цифру таковыхъ
пожертвованій, выписанную изъ одного только нашего журнала:
Инвалиды; мы насчитали этихъ добровольныхъ жертвъ, принесенныхъ
на оltарь отечества въ одинъ прошедшій годъ—1,760.136 руб. 38
коп., кромѣ Москвы, представившей чрезъ своего Военнаго Генера-
ль-Губернатора 580.257 руб. $\frac{1}{4}$ коп.; да сверхъ того дворянство
С. Петербургское и Московское положило жертвовать для того
часть своихъ доходовъ во все продолженіе настоящей войны; дво-
рянство Смоленское обязалось, по окончаніи войны содержать на
свой счетъ 2100 отставныхъ воиновъ; господинъ Демидовъ пре-
доставилъ въ распоряженіе правительства доходы съ огромнаго
своего недвижимаго имѣнія. Мы не будемъ говорить о томъ, сколько
пожертвовано лошадей, воловъ, барановъ, верблюдовъ, разнаго хлѣба,
сухарей, спирту, сукна, холстины, бинтовъ, компрессовъ, корпіи,
подъемныхъ фуръ; не упомянемъ о готовности ремесленниковъ безъ
платы, или за самую дешевую плату построить мундиры, амуницію
и проч. и проч. Чтобы привести все это въ извѣстность, выставить
всему итогъ, надобно много времени и труда. Смѣло можно сказать,
что нѣтъ жертвы, которую бы Россія съ радостью не принесла по
указанію своего Монарха. И такъ. Россія наступившій 1855 г.
встрѣтила съ оружіемъ въ рукахъ. Газета Кавказъ (N 1, 1855 годъ)
привѣтствовала еѣ слѣдующимъ прекраснымъ стихотвореніемъ:

Въ этотъ годъ новорожденный:
Русской рати — громъ победы!
Вотъ единый современный,
Русскій Русскому привѣтъ!

Вся, отъ грани и до грани
 Ополченна въ похолъ,
 Вся въ доспѣхахъ грозной брани
 Русь встрѣчаетъ новый годъ!

И встрѣчаетъ не бесѣдой
 У роднаго очага:
 Вся — за славой и побѣдой
 Сварядилась на врага!

Вся — идетъ себя прославить,
 Отразить и наказать.
 Съ чѣмъ же, Русь, тебя поздравить?
 Чтѣ родимой пожелать?

Съ новымъ счастьемъ? Съ новымъ миромъ?
 Нѣтъ, пора еще не та:
 Не для мира съ дѣлымъ миромъ
 Брань Россіей принята!

Съ тѣмъ поздравимъ мы родную,
 Что ея святая мѣсть
 Не за выгоду мірскую,
 А за вѣру и за честь!

Что надъ всѣмъ родимымъ краемъ
 Власть единая сильна,
 И зарать всѣ мы знаемъ:
 Возвеличить насъ она!

Что крамольнымъ не уступить
 Въ ихъ условьяхъ никогда!
 Еслижъ миръ у нихъ и купить, —
 Такъ цѣною ихъ стыда!

И эта увѣренность въ славномъ мирѣ, или въ славной борьбѣ Россіи, такъ сильна въ народѣ, не только въ центрѣ государства, но и въ отдаленныхъ краяхъ его. На Кавказѣ, который всѣхъ ближе къ театру войны, въ то самое время, когда происходили сраженія подъ Александрополемъ, Ахалцыхомъ, Озургетами и Карсомъ, когда горцы, подстрѣкаемые нашими западными недругами, осмѣливались выползати изъ своихъ ущелій, вторгаться въ Кахетію и на Кумыхскую плоскость, — въ Дербентъ, который, такъ-сказать, стоитъ въ кругу военныхъ дѣйствій Кавказскаго края, промышленность и торговля продолжались какъ-будто въ сторонѣ совершенно мирной. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Кубь, городская земля, продававшаяся за четыре года тому назадъ отъ 60 до 80 копѣекъ за квадратную сажень, въ сентябрѣ прошлаго года платилась уже отъ десяти до тринадцати руб. серебромъ. Этотъ маленькій городъ безпрестанно отстраивается изящнѣе и изящнѣе. Евреи, которые по враж-

денной расчётливости и осторожности не кинуть на-вѣтеръ своихъ капиталовъ, воздвигаютъ въ Кубѣ каменные дома и къ настоящему году приготовили большое количество строительныхъ матеріаловъ (1). Въ самомъ Дербентѣ только-лишь окончилась постройка собора, одного изъ прекраснѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Кавказа въ нашемъ вѣкѣ. Мастеровые нашли себѣ работу и у частныхъ людей: тамъ, гдѣ прежде были, большею частію, мазанки и бѣдныя сакли, вы видите теперь прекрасныя двухъ-этажныя каменные дома. Дербентскія улицы теряютъ свою некрасивую азіатскую наружность; они не идутъ уже изломанною линіею, но вытянулись по ниткѣ, обставлены удобными и красивыми зданіями. Эти успѣхи безъ словъ говорятъ вамъ о благоденствіи города, процвѣтающаго подъ мудрымъ, попечительнымъ правительствомъ. Въ Дербентѣ начали строить госпиталь на 900 кроватей и оканчиваютъ постройку казармъ.

Къ этой оживленной картинѣ построекъ прибавьте живописное движеніе по гористой дербентской мѣстности, безчисленныхъ обозовъ съ мареной, отправляющихся къ гавани.

О движеніи торговли въ этомъ краѣ можно судить по одному вывозу марены: въ прошломъ году, по 1-е число октября, вывезено изъ Дербента этого красильнаго вещества до 130,000 пудовъ, да изъ Кубы 20,000 пудовъ; всего 150,000 пудовъ; — въ 1853 году вывозъ марены изъ обоихъ мѣстъ не превышалъ 130 т. пудовъ; изъ этихъ цифръ можно вывести заключеніе, что на кавказскую торговлю близость театра войны не имѣла вреднаго вліянія (2).

Мы говорили выше, что огромное пространство Россіи заключаетъ въ себѣ цѣлый особенный міръ. Намъ нечего завидовать Италіи съ ея прекрасными ночами, съ ея богатою растительностію, съ ея веселыми народными празднествами. Перенеситесь со мною, любезный читатель, подъ синее безоблачное небо Грузіи, вообразите, что вы вразднуете день 14 августа, въ монастырь на рѣкѣ Хопи (3). У монастырскихъ стѣнъ кипитъ мѣстная ярмарка. Тутъ вы встрѣтите весь племена Закавказья и Кавказа. Тутъ и ловкій мирной Черкесь, и широкоплечій Грузинъ, и русскій офицеръ, сидѣли въ многочисленной толпѣ женщинъ, которыя продаютъ мотки шелку (главный продуктъ той страны). Новыя лица прибываютъ безпрестанно. Вотъ джигитуетъ молодой черкесскій князь, тамъ из-

(1) Газета Кавказъ, N° 87, 1854 г.

(2) Тамъ же.

(3) Извлечено изъ Газеты Кавказъ 1854 г N° 70.

волить вхвать грузинская княгиня, сидя верхомъ по-мужски, на красивой лошади, сопровождаемая толпою всадниковъ, босоногихъ бичо. Передъ вами невысокія стѣны монастыря. Почертившія отъ древности, одѣтыя въ зеленую мантию плюща; на право и на лѣво балаганы, построенные на скорую руку. Посмотрѣвши на эту толпу, войдите въ полуразвалившіяся стѣны обители. Теперь они разрушаются, но когда-то они составляли грозный оплотъ христіанства, окруженнаго въ той странѣ фанатическимъ исламомъ. Вотъ и церковь; наружность ея не великолѣпна: надъ ней не возвышается смѣлый куполь, портики не украшаютъ ея входовъ, — она имѣетъ видъ обыкновеннаго дома; но ея значеніе заключается не въ архитектурѣ, а въ ея древности. Иконостасъ ея украшенъ св. иконами стариннаго греческаго письма, и портретами царя, основавшаго монастырь, и портретами царскаго семейства. Обѣдня уже отошла, но не рѣдкли толпы мужчинъ и женщинъ, прикладывавшихся къ образамъ и слушавшихъ молебны и панихиды. Приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, пойдете взглянуть на монашескія кельи, выходящія на галерею или родъ балкона, висящаго совершенно надъ обрывомъ, покрытымъ сплошною зеленью. Видъ отсюда восхитительный. Долина Хопи стелется широкимъ ковромъ, прорѣзанннымъ голубою лентою рѣки. Съ одной стороны этой долины темнѣютъ лѣса, съ другой поднимаются возвышенности Мингреліи, изъ-за которыхъ, на темносіяемъ фонѣ неба, встаютъ снѣжныя вершины грамадныхъ горъ Синетіи; у ногъ вашихъ движется и шумитъ разнохарактерная толпа народа, которую вы только-что оставили, въ зелени грецкаго орѣха, фиговаго дерева и виноградника.

Солнце льетъ палящіе лучи свои. Укроетесь въ саклю кувака, не побрезгуемъ его незатѣйливымъ обѣдомъ, состоящимъ изъ огурцовъ и дынь съ чуреками, да въ изобильномъ количествѣ грузинскаго вина. Вамъ часто слышны веселые возгласы пирующаго народа, дикое гиканье, пистолетные выстрѣлы — это необходимыя принадлежности каждаго туземнаго праздника.

Зной сталъ спадать. Пойдемте на площадь; говорятъ, будетъ скачка. Дѣйствительно, ея началось празднество. Скачка эта совершенно не похожа на наши, гдѣ нѣсколько жокеевъ въ курткахъ, на выдержанныхъ коняхъ, несутся, согнувшись въ три погибели, по обширному выровненному гиподрему; гдѣ зрители издали любуются на быстроту коней и уловки заморскихъ наездниковъ. Здѣсь совершенно не такъ; здѣсь, среди густой толпы народа, становятся два, три джигита, крикнутъ — и понеслись во весь опоръ. Народъ,

выстроившись въ два ряда, составляет живую длинную аллею. Громкіе крики вылетаютъ изъ этой толпы, подь-часъ раздается хохотъ надъ кувыркнувшимся всадникомъ, и побьдитель, при всеобщихъ похвалахъ, тихо пробьзжаетъ между тысячами зрителей, съ важностью покручивая свой усъ и молодецки надвинувъ папахъ на правое ухо.

Между тьмъ, между всадниками стало замьтно какое-то особенное движеніе, готовится новая воинственная забава. Джигиты раздвьлились на двь партіи и развьхались въ разныя стороны; каждый изъ нихъ былъ вооруженъ одной или ньсколькими длинными деревянными палками. По данному знаку, обвь толпы помчались другъ на друга, ловко вертя своими импровизированными копьями и кидая ихъ въ своихъ противниковъ; каждый изъ всадниковъ защищается, отбиваетъ ударъ и старается поймать копье своего соперника. Эта игра называется джиридъ; она напоминаетъ собою древніе рыцарскіе турниры. Однако кони уже измучились, всадники устали; раздались звуки зурны, начались національные танцы. Толпа мужчинъ и женщинъ, паръ въ 50 и болъе, берутъ другъ друга за руки, и одинъ изъ круга огромнаго этого хоровода запьваетъ пьсню. Посль короткаго стиха или куплета всь подхватываютъ; посльдніе звуки всегда одни и ть же. Потомъ всь плавно движутся вправо или вльво, двлая весьма нехитрыя па въ четыре такта. Кажется, что запьвало, которому изъ противоположной партіи отвьчаетъ другой, импровизируетъ свою пьсню, ибо танцующіе часто раздражаются веселымъ, громкимъ хохотомъ. Мы перевели бы эту пьсню, но ея содержаніе могло бы оскорбить скромныя уши моихъ читательницъ, не привыкшія къ вольности грузинской народной пьсни. Вдругъ запьвало прокричалъ одинъ стихъ самымъ одушевленнымъ образомъ, и вся толпа начала прыгать въ тактъ, двлая ть же самыя безхитростныя па. Движенія становятся все быстрье и быстрье, и наконецъ весь этотъ пляшущій людъ, увлекшись танцами, завертлся не хуже неаполитанскихъ плясунувъ, когда они предаются обаянію сальтареллы или тарантеллы, съ тою только разницею, что предъ вашими глазами вертятся не оборванные нище, а живописно одьтые Грузины и Грузинки. Но солнце садится, толпы рвьдуютъ, и мы, любезный читатель, оставимъ ярмарку на рьвъ Хопи, чтобы мысленно перенестися въ другую, совершенно противоположную сторону нашего любезнаго отечества.

Мы пойдьмъ на охоту вмьствъ съ господиномъ Ю. Волковымъ. Жальемъ, что не можемъ вполне выписать его статья: *«Замьтки и печат. тьпид охотника по Вологодской губерніи»*, помьщенной

въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ прошлаго года; ограничимся сокращеніемъ этой статьи.

Представьте себѣ, что вы, утомленные охотой, видите на берегу пустынной рѣчки, подъ навѣсомъ вѣковыхъ хвойныхъ деревьевъ, яркій огонь; пять или шесть человекъ, съ типомъ финскаго облика, хлопчуть около огня. Не бойтесь этой поздней встрѣчи въ лѣсной глуши — это рыболовы Зыряне, обитатели Вологодской губерніи, готовятъ себѣ ужинъ. Они радушно примутъ усталаго путника и раздѣлятъ съ нимъ свою хлѣбъ-соль. Есть племена, которыхъ прошедшее не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, — къ подобнымъ племенамъ принадлежитъ и племя Зырянъ. Минувшее не осталось у нихъ даже и въ народнѣйшей пѣснѣ, потому-что ея у нихъ нѣтъ; воспоминанія о чемъ-нибудь и о комъ-нибудь не простираются далѣе ста лѣтъ; легендъ и сказокъ — этого перваго историческаго лепета младенчествующихъ народовъ, у нихъ не существуетъ; только память объ одномъ дѣятелѣ нашей Православной Церкви — св. Стефанѣ Великопермскомъ, сохранилась въ разсказахъ Зырянъ, въ преданіяхъ о благочестивыхъ подвигахъ проповѣдника христіанства въ отдаленной Біарміи. Эти рыболовы, пока готовится ихъ ужинъ, что-то поютъ. Напѣвъ пѣсни знакомъ — это русская солдатская пѣсня, но русскія слова до того церемъшаны съ зырянскими, что нѣтъ никакой возможности понять содержанія пѣсни. Напримеръ, что значить это выраженіе: «*солдатъ мамкѣдъ юстается?*» Какъ ни ломайте голову, ежели вы не знаете по-зырянски, то никакъ не догадаетесь. Я переведу вамъ эту фразу: солдатъ — значить солдатъ, мамъ — мать, мам-кѣдъ — съ матерью. Если вы знаете пристрастіе Зырянъ къ звуку ю, тогда ясно поймете, что «*солдатъ мамкѣдъ юстается*» значить: «солдатъ съ матерью остается». Но пѣсня окончена; харіюзъ (лзь), слегка выпотрошенной и запеченой съ чешуею въ *чери-петь* (рыбной пирогъ) совершенно готовъ. Гостю предлагаютъ мѣсто подлѣ огня, подчуютъ горячимъ пирогомъ, рыба въ которомъ хотя и не совершенно очищена, но очень вкусна. Хозяева съ удовольствіемъ пьютъ водку изъ фляжки своего гостя, и потомъ, когда онъ уляжется спать, они непременно попотчуютъ его русско-зырянской сказкой. Зырянскій-разскащикъ становится (Зыряне охотнѣе разсказываютъ стол) въ кругу безмолвныхъ и внимательныхъ слушателей; разскащикъ этотъ, послѣ каждаго отдѣльнаго періода, непременно повторить: «*ну ладнѣ, кѣрошо!*» и какъ будто ободренный этими словами, снова начинаетъ говорить съ усиленнымъ жаромъ. Глаза усталаго гостя смѣжаются подлѣ однообразнаго говора зыряно-русскаго рандиста, онъ засыпаетъ. Сновидѣнія

изъ дикаго лѣса переносить его и на широкія улицы Петербурга, или въ родственныи кругъ Москвичей, въ семью родныхъ, а повѣсть о походахъ какого-то смышленнаго солдата «Лѣдера», т.-е. Федора, долго, долго еще не кончается.

Лѣса губерній: Вологодской, Новгородской, Тверской, Олонецкой, Архангельской составляютъ еще почти нетронутые источники нашего народнаго богатства; но часто эти лѣса, по неосторожности или вслѣдствіе сухихъ грозъ, подвергаются пожарамъ. Величественна картина лѣснаго пожара. Пламя, то разстилаясь, бѣжитъ по землѣ, поддерживаемое шишками, хворостомъ и спадшими листьями хвойныхъ деревьевъ; то, встрѣтивъ на пути своемъ столѣтнія сосны и ели, крутятся и сверкая, взбѣгаетъ до ихъ гордыхъ вершинъ; то вступаетъ въ борьбу съ молодымъ заказникомъ, который, столпившись въ густую полосу, кажется, хочетъ грудью встрѣтить всеразрушающаго врага, и безславно падаетъ въ неравной борьбѣ съ огненной стихіей. Обитатели лѣсовъ, звѣри и птицы, съ крикомъ оставляютъ свои убѣжища. Днемъ, высокій черный столбъ густаго дыма издали свидѣтельствуетъ о гибели лѣса, а вечеромъ надъ этимъ огромнымъ пожаромъ развѣрывается зарево и лежитъ кровавою пеленою на темномъ сводѣ неба. Часто бываютъ напрасныя усилія челоуѣка остановить этотъ разливъ огня; иногда тысячи работниковъ не успиваютъ переконавъ путь распространяющемуся пожару.

Въ прошломъ 1854 году, князь Шаховской, во время лѣснаго пожара въ Тверской губерніи, пожара, который угрожалъ истребленіемъ его дачѣ, вздумалъ испытать средство тушить огонь огнемъ (*). Въ разстояніи 15 сажень отъ своей межи, онъ размѣстивъ народъ на 250 саженьхъ и повелъ проську, такой ширины, чтобы вѣтви деревъ раздѣлились достаточнымъ пространствомъ. Срубленныя деревья, большею частію, свалены въ лѣсъ, который отстаивали, а вмѣстѣ съ тѣмъ по просьбѣ зажгли траву, пни и сучья; все это было такъ сухо, что загорѣлось какъ солома. Пламя таяло по направленію къ большому пожару, отчего огонь, постепенно удаляясь отъ лѣса, далъ возможность рыть канаву по новой просьбѣ и тѣмъ рѣшительно остановить ходъ огня. Читая это, по неволѣ вспомнишь рассказы Купера о приключеніяхъ его героевъ въ Американскихъ степяхъ.

Отъ лѣсовъ перейдемъ къ другому источнику богатства нашего отечества, скажемъ нѣсколько словъ о коннозаводствѣ и вообще о скотоводствѣ.

(*) Статья Экономическихъ Записокъ, перепечатанная въ Архангельскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ прошлаго года. N 48.

Коннозаводство России, благодаря нашему попечительному правительству, взяло правильное и широкое направление, имев главным своим разсадником государственные конные заводы и земекля случайные конюшни. Представляем для наших читателей сведения о состоянии государственных коннозаводских учреждений въ 1854 году, взяты нами изъ N 9 Журнала Министерства государственныхъ имуществъ за прошлый 1854 годъ.

а) Государственные конные заводы:

1. *Чесменской*, для кровныхъ лошадей (Воронежской губернии, въ Бобровскомъ уездѣ):

Англійскихъ: Заводскихъ жеребцовъ	2
Заводскихъ матокъ	33
Приплада	60
	<hr/>
	95
Азіатскихъ: Заводскихъ жеребцовъ	3
— — — матокъ	33
Приплада	91
Пробныхъ, рабочихъ и табушныхъ	24
	<hr/>
Всего	246

2. *Хриповской*, для лошадей рысистыхъ и верховыхъ высшаго сорта (Воронежской губернии, въ Бобровскомъ уездѣ):

Рысистыхъ: Заводскихъ жеребцовъ	15
— — — матокъ	199
Приплада	318
	<hr/>
	532
Верховыхъ: Заводскихъ жеребцовъ	15
— — — матокъ	112
Приплада	220
Пробныхъ, подлужныхъ, рабочихъ и табушныхъ	66
	<hr/>
Всего	945

3. *Деркульской*, для лошадей кирасирскихъ (Харьковской губернии, въ Старобильскомъ уездѣ):

Заводскихъ жеребцовъ	19
— — — матокъ	227
Приплада	517
Пробныхъ, рабочихъ и табушныхъ	34
	<hr/>
	798

4. *Стрѣлецкой*, для лошадей легкой кавалеріи (Харьковской губерніи, въ Старобѣльскомъ уездѣ):

Заводскихъ жеребцовъ	21
— — — матокъ	228
Приплода	492
Пробныхъ, рабочихъ и табунныхъ	34
	<hr/>
	775

5. *Лимаревской*, для лошадей упряжныхъ и артиллерійскихъ (Харьковской губерніи, въ Старобѣльскомъ уездѣ):

Заводскихъ жеребцовъ	19
— — — матокъ	226
Приплода	488
Пробныхъ, рабочихъ и табунныхъ	34
	<hr/>
	767

6. *Ново-Александровской*, для лошадей экипажныхъ (Харьковской губерніи, въ Старобѣльскомъ уездѣ):

Заводскихъ жеребцовъ	19
— — — матокъ	230
Приплода	435
Пробныхъ, рабочихъ и табунныхъ	34
	<hr/>
	718

7. *Починковской*, для лошадей возовыхъ и крестьянскихъ (Нижегородской губерніи, въ Лукьяновскомъ уездѣ):

Заводскихъ жеребцовъ	12
— — — матокъ	143
Приплода	270
Пробныхъ, рабочихъ и табунныхъ	29
	<hr/>
	454

А во всѣхъ семи заводахъ:

Заводскихъ жеребцовъ	125
— — — матокъ	1431
Приплода	2891
Пробныхъ, поддужныхъ, рабочихъ и табунныхъ	256
	<hr/>
	Всего . . . 4703

б) *Въ земскихъ конюшняхъ; въ 24 конюшняхъ:*

Заводскихъ жеребцовъ	1332
Изъ этого числа съ платою за случку только	52 жеребца.
Съ ними случено кобылъ, принадлежащихъ лицамъ разнаго сословія	22,608.

в) *Московская случная конюшня:*

Случныхъ жеребцовъ: Англійскихъ кровныхъ.	2
Рысистыхъ.	3
Пробныхъ.	1
	6
Случено кобыль.	51
Выручено за случку.	2280 руб.

Сверхъ того, существуютъ два Аукціонныя заведенія, въ Москвѣ и Петербургѣ; въ первомъ положена плата за содержаніе частной лошади въ сутки 35 коп. сереб., во второмъ 50 коп. сереб.; число продажныхъ лошадей было въ первомъ 182, во второмъ 12.

Мы просимъ нашихъ читателей, въ особенности коннозаводчиковъ, обратить вниманіе на цифру кобыль, слученныхъ въ зимнихъ конюшняхъ: ежели изъ этихъ 22.603 матокъ выйдетъ приплода не болѣе 17,158 головъ, то число это уже весьма значительно; допустимъ, что только 15,000 жеребятъ достигнутъ надлежащаго возраста, и тогда результатъ будетъ блистательной.

Но это дѣло правительства обширной имперіи, имѣющаго въ рукахъ своихъ огромныя средства. Посмотримъ, стараются ли частныя лица идти путемъ, указаннымъ имъ государственнымъ управленіемъ?—Вотъ вопросъ; пріятно отвѣчать на него утвердительно.

Управляющій имвнѣмъ Згуровка, г. Кочубея, Полтавской губерніи Прилукскаго уѣзда, извѣстный намъ агрономъ Вильгельмъ Филипповичъ Мейеръ, вывелъ отъ бѣлыхъ меринсовъ цѣлое стадо, состоящее изъ 350 головъ коричневыхъ меринсовъ (*). Достоинство этой породы очевидно: коричневые меринсы отличаются большою плодовитостью; темная шерсть ихъ менѣе требуетъ красильнаго вещества при окрашиваніи въ темные цвѣта, въ особенности въ темнозеленой, чѣмъ шерсть бѣлыхъ меринсовъ. У насъ, въ сравненіи съ прочими государствами, правильное овцеводство заведено недавно, однако, по отзыву члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, господина Лоде, врядъ ли гдѣ въ чужихъ земляхъ существуетъ стадо болѣе 300 головъ коричневыхъ меринсовъ. Честь и хвала неутомимому Вильгельму Филипповичу Мейеру.

А вотъ еще завидные успѣхи на другомъ поприщѣ отечественнаго сельскаго хозяйства: графъ А. А. Бобринской удостоенъ лестной награды. С.-Петербургское Вольное Экономическое Общество,

(*) Журналъ Министерства государ. имуществъ 1854 года, N 9.

въ годичномъ собраніи своемъ ⁽¹⁾ положило поднести его сѣтельству большую золотую медаль за свеклосахарное производство, принимая въ уваженіе, что графъ, испытывая всѣ улучшенія по этому предмету, доведя свои огромные заводы до возможнѣйшаго совершенства, всегда изъявлялъ и изъявляетъ готовность дѣлиться своими опытами съ другими заводчиками, бесплатно принимаетъ учениковъ и немедленно сообщаетъ, для всеобщаго свѣдѣнія, свѣдѣнія имъ новыя открытія по этой части.

Въ томъ же засѣданіи ⁽²⁾, по удостовѣренію комитета выставки, общество это удостоило наградить медалями за выставки рогатаго скота, слѣдующіи лица: за январскую и майскую выставку въ С.-Петербургѣ, золотая медаль присуждена коломенскому купеческому сыну Матвѣю Зобову, большая серебряная — купеческому сыну Андрею Третьякову, и малая серебряная — купцу Петру Щукину; за августовскую выставку золотую медаль получилъ переяславскій купецъ Матвѣй Благомысловъ, и серебряную — почетные граждане с.-петербургскіе купцы 2-й гильдіи Александръ и Фѣдоръ Поповы.

Разумѣется, этотъ рогатой скотъ былъ изъ числа тѣхъ гуртовъ, которые пригоняются въ Петербургъ изъ Малороссіи и Новороссійскаго края. Въ особенности въ послѣднемъ краѣ скотоводство значительно: тамъ пространныя степи доставляютъ обширныя пастбища и прекрасныя сѣнокосы; одно только, что сильно затрудняетъ новороссійскихъ хозяевъ, — это недостатокъ рукъ при уборкѣ сѣна. Можно еще нанять косарей и, какъ говорится, «сшибить траву съ корня», т.-е. разомъ скосить ее; но сгребаніе того количества сѣна, которое потребно для хозяйства, основаннаго на скотоводствѣ, сопряжено съ большими хлопотами. Рѣдко новороссійской помѣщикъ имѣетъ столько бабъ, чтобъ могъ въ этомъ случаѣ обойтись безъ найма постороннихъ женщинъ. Часто этихъ сгребальщицъ надобно нанимать верстъ за двѣнадцать и болѣе. Для сего, обыкновенно, отправляется въ какое-нибудь многолюдное селеніе крестьянъ Государственныхъ Имуществъ расторопный человекъ; онъ нанимаетъ пятьдесятъ, шестьдесятъ женщинъ, отъ 10 до 15-лѣтняго возраста, съ платою въ день отъ 15 до 30 коп. серебромъ, и съ хозяйскимъ содержаніемъ, т.-е. съ хлѣбомъ, молокомъ, кашею и саломъ. Иногда эта поездка бываетъ сдѣлана напрасно, потому-что другіе наняли всѣхъ, кто только могъ наняться, и надобно ѣхать въ другую, противоположную сторону, чтобъ нанимать работницъ. Можете судить,

(1) Записки С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

(2) Тамъ же.

какъ беспокоится хозяинъ объ удачѣ или неудачѣ этого шайма. Наконецъ сгребальщицы являютея на барской дворѣ; завтра онѣ приступягъ къ работѣ;—но завтра захмурилось небо, прошелъ маленькой дождь, съ утра спрыснуло ряды скошеннаго сѣна,—врядъ ли они высохнутъ до вечера, а тамъ роса — и день пропалъ даромъ, а намѣщницамъ надобно заплатитъ и за потерянный день. На другой день, судя по захожденію солнца, надобно ожидать ведра и жару (сельскіе жители изумительно предъзнаютъ погоду): ожиданія сбылись, — уже въ девять часовъ утра солнце обдаетъ палящими лучами скошенную степь; на небѣ ни одного облачка, въ воздухѣ не шелохнетъ; роса давно сошла съ рлдовъ; надъ таборомъ косцовъ, медленными, лѣнвыми кругами летаетъ степной орелъ; табуны и стада ушли на стойло ⁽¹⁾, въ широкой степи видно только блистаніе длиннаго ряда косъ въ рукахъ ловкихъ косарей, да слышна въ небѣ звонкая пѣсня жаворонка, а на землѣ пѣвнѣ сгребальщицъ. Работа спорится въ рукахъ многочисленныхъ работницъ. Но вотъ пѣсня замолкаетъ, грабли покинуты; — работницы пошли купаться — и часъ лучшаго рабочаго времени пропалъ даромъ. Но здѣсь далеко не исчислены всѣ хлопоты и траты времени и денегъ при уборкѣ сѣна. Вдругъ разиенастится дня три, четыре—и надобно даромъ платитъ, кормитъ и поитъ этихъ работницъ, потому—что, какъ сказано выше, очень трудно набирать ихъ.

Правда, въ последнее время стали дѣлать конныя грабли, замѣняющія много рукъ. Одни такія грабли, щегольски отдѣланныя, мы видали здѣсь въ Москвѣ, у братьевъ Бутеновъ. Они легко могутъ замѣнить тридцать и даже сорокъ сгребальщиковъ, но по своему хитрому устройству и дороговизнѣ врядъ ли доступны для помѣщиковъ средней руки, нашихъ хлѣбородныхъ губерній. Г. Абаза, никогда не выдавшій Бутеноповскихъ конныхъ грабель ⁽²⁾, устроилъ, въ родѣ ихъ, очень простое и дешевое хозяйственное орудіе. Онъ взялъ тонкій, легкій, но крѣпкій деревянный брусъ, аршинъ въ двѣнадцать длины, и набилъ въ немъ зубья, какъ у грабель. Зубья эти должны быть рѣже, ежели скошенная трава длинна и густа, и чаще, ежели мелка и рѣдка,—для чего эти конныя грабли устроены такъ, что можно зубья вынимать по произволу. Посрединѣ бруса вдѣлана изогнутая рукоятка, какъ у малороссійскаго плуга; по концамъ бруса прикрѣплены веревки, которыя, для равноты хода, аршина на два

(1) Мѣсто у рѣчки съ отлогими берегами, подлѣ которыхъ нѣтъ глубины а куда скотъ и лошади пригоняются во время жару.

(2) Записки Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

отъ бруса перехвачены валькомъ. Въ эти постромки запрягается, лошадь, которую мальчикъ водить поперегъ рядовъ скошеннаго сѣна; крестьянинъ держитъ ручку, давая зубьямъ такое направлѣніе, какъ у граблей сгребальницъ. Когда уже много сатащится сѣна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по усмотрѣнію работника, должно двѣять вальъ изъ кошенины, онъ опускаетъ ручку, и зубья, уклонившись вмѣстѣ съ брусомъ, не загребая травы, перетаскиваются черезъ вальъ. Всякой, кто только немного присмотрѣлся къ нашимъ полевымъ работамъ, пойметъ, что это и дешево, и просто, и удобно.

Но наши низовыя стороны Россіи изобилуютъ не однимъ скотоводствомъ и хлѣбомъ. Подъ пластомъ благодатнаго чернозема хранится еще другой пластъ, обвѣщающій огромныя результаты для нашего народнаго богатства, — мы говоримъ объ антрацитѣ и каменномъ углѣ.

Страна между Дономъ и Днѣпромъ (*), орошаемая рѣкою Донцемъ, обладаетъ благонадежнѣйшими мѣсторожденіями каменнаго угля. Западная часть обширной площади донецкихъ мѣсторожденій вмѣщаетъ въ себя собственно такъ-называемой каменной уголь, а восточная, особенно по рѣчкѣ Грушевкѣ, содержитъ чистый антрацитъ, превосходнѣйшаго качества. По испытаніямъ, грушевской антрацитъ оказался содержащимъ углерода отъ 94 до 96%. Антрацитъ разнится отъ каменнаго угля бѣльшею плотностью, бѣльшимъ содержаніемъ углерода и меньшимъ кислорода, почему требуетъ для сгорания бѣльшаго притока воздуха, но жаръ даетъ гораздо сильнѣйшій. Антрацитъ горитъ ровнѣе лучшаго англійскаго угля, при горѣннн почти не имѣетъ пламени, раскалется до бѣла и отражаетъ отъ себя сильный жаръ. Употребленіе антрацита на пароходахъ сопряжено съ слѣдующими удобствами: 1) Его сгораетъ $\frac{1}{4}$ менше въ сравненн съ англійскимъ углемъ. 2) Онъ плотнѣе послѣдняго, слѣдовательно занимаетъ менше мѣста въ угольныхъ ящикахъ. 3) Онъ плотнѣе англійскаго угля, поэтому менше порохится и вслѣдствіе этого удобнѣе къ перевозкѣ и перегрузкѣ. 4) Въ антрацитѣ нѣтъ сѣры, вредной для котловъ и опасной по самовозгоранью. 5) При употребленн антрацита, работа прислуги, смотрящей за огнемъ, значительно уменьшается, потому-что онъ не требуетъ перемѣшиванья въ печи, какъ англійской уголь, и наконецъ, 6), что очень важно, въ особенности при трубчатыхъ котлахъ: антрацитъ горитъ съ бѣльшею опрятностью, не даетъ сажи и дыма, отсутствіе котораго очень полезно въ военное время, въ случаѣ надобности скрыть отъ непріятели приближеніе парохода.

(* Морской Сборникъ 1854 года, N 9.

Дальность разстоянія и ограниченность разработки антрацитовыхъ копей на Дону не давали возможности снабжать балтійскіе порты этимъ превосходнымъ топливомъ, и, понятное дѣло, что по этому случаю опъ, съ доставкой въ Петербургъ, Кронштатъ и Ревель, обходился гораздо дороже заграничнаго англійскаго угля; но по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ, морское министерство озаботилось въ 1854 году снабдить антрацитомъ пароходы нашихъ балтійскихъ портовъ. На первый разъ предположено было заготовить до 1,500,000 пудовъ грушевскаго антрацита и доставить въ С.-Петербургъ часть онаго, а именно: 480,000 пудовъ по навигаціи прошлаго года, а остальное количество въ нынѣшнемъ году. Главное и существенное затрудненіе предстояло въ доставкѣ.

Доселѣ существовали только два способа транспортировки антрацита до Волги: одинъ сухопутный, отъ копей до Дубовской пристани (около 450 верстъ), другой полусухопутный, отъ копей до Мелиховской пристани на Дону (30 верстъ), отъ Мелиховской пристани на лодкахъ вверхъ по Дону, до Качалинской пристани, а отсюда до Дубовской пристани (60 верстъ) вновь на фурахъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, необходимо было изыскать новый способъ доставки и озаботиться устройствомъ пароходства на Дону. Компанія Нижегородской машинной фабрики изъявила морскому министерству полную готовность выстроить, усиленными средствами, на Дону свои пароходы и немедленно приступить къ перевозкѣ антрацита въ С.-Петербургъ. Работа закипѣла, и любо было смотреть, рассказываетъ одинъ очевидецъ, какъ все оживилось, и пустыни Дона огласились шумомъ пароходныхъ колесъ и веселыми пѣснями бурлаковъ и возчиковъ. Антрацитъ съ доставкою обошелся въ С.-Петербургѣ около 50 коп. сереб. Конечно, это, въ сравненіи съ заграничнымъ англійскимъ углемъ, который пріобрѣтался отъ 9 до 12 коп. за пудъ, цѣна огромная, но неусыпно пекущаяся, съ отеческою заботливостью, наше правительство, сознавая ту внутреннюю пользу, которую можетъ доставить усиленная разработка антрацита, не колебалось приступить къ заготовкѣ для балтійскихъ портовъ этого полезнаго и превосходнаго отечественнаго произведенія. Черноморской же флотъ давно довольствуется донецкимъ антрацитомъ.

Кстати объ нашемъ черноморскомъ флотѣ,—онъ снова почтенъ Царскимъ вниманіемъ, въ лицѣ своего достойнаго представителя, вице-адмирала Нахимова, удостоившагося, по случаю пожалованія его кавалеромъ Блага Орла, получить слѣдующій Рескриптъ:

«Павелъ Степановичъ! Генераль-адъютантъ князь Меншиковъ, свидѣтельствуя предъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ

Вашихъ во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о награде Васъ орденомъ *Благо Ора*, и Его Величество на сіе Высочайше соизволило. Орденскіе знаки Вы получите вмѣствъ съ грамотою, а Я вмѣняю Севъ въ удовольствіе выразить Вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего Балтійскаго флота. Мы уважаемъ Васъ за Ваше доблестное служеніе; Мы гордимся Вами и Вашей славой — какъ украшеніемъ нашего флота; Мы любимъ Васъ какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ, и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ. Исторія флота скажетъ о Вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполне цѣнили и понимали Васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ доказательство тому и вѣрьте, что Я всегда пребуду искренно къ Вамъ доброжелательнымъ».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

«Константины».

Этотъ Рескриптъ заимствованъ нами изъ Морскаго Сборника на 1855 годъ, N 1. Этотъ прекрасный журналъ совершенствуется со всякою книжкою. Многія страницы его извлекаютъ слезы умиленія. Въ первой же книгѣ помѣщены списки убитыхъ и равенныхъ чиновъ морскаго вѣдомства подъ Севастополемъ, и распоряженія морскаго министерства о помощи страждущимъ и о вспомоществованіи вдовамъ и сиротамъ воиновъ, павшихъ за Россію. Эта заботливость правительства утѣшительна для моряковъ — они видятъ, что за Царемъ служба, также какъ за Богомъ молитва, не пропадаетъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Фельетонный застой. — Номинейская газета. — Ося мизъ и проч. — Панорама аКаспара. — Мскарадь.

Аристотель училъ, что всякое произведеніе должно имѣть начало, средину и конецъ. Стало быть и фельетонъ тоже. Но разсмотрѣвъ хорошенько, подумаешь, право, не ошибся ли полно великій философъ, учитель Александра Македонскаго? Правда ли это? Мнѣ кажется, что фельетонъ не имѣетъ конца, хотя бесспорно у него есть начало; да и нѣтъ средины, когда конца не предвидится. — Какъ вы объ этомъ думаете, мой читатель? — разберите хорошенько:—право такъ. Что такое фельетонъ? сборникъ всего того, что дѣлаютъ люди, что выдумали люди, что видятъ люди; стало быть, пока существуетъ родъ человѣческой, фельетонъ можетъ продолжаться *ad libitum*, была бы только охота писать. — Но что же писать, вотъ вопросъ? Кто слѣдилъ за жизнію, тотъ навѣрно знаетъ, что много найдется дней, въ которые человекъ какъ-будто вовсе не живетъ, а какъ-то прозябаетъ. Въ эти прозябательные дни нѣтъ у него ни радости, нѣтъ и печали, а какой-то застой всѣхъ чувствъ. Точно то же случается и съ фельетономъ. Что прикажете рассказывать, когда ровно ничего нѣтъ замѣчательнаго; это своего рода фельетонный застой: новостей никакихъ нѣтъ, замѣчательныхъ городскихъ происшествій не было, народныхъ увеселеній мало; развѣ сказать что-нибудь о погодѣ, когда уже не о чемъ больше говорить,—и тутъ бѣда: ее тоже нельзя похвалить. Москвичи ждуть масляницы. Посытятся слухи, что въ Театръ-Циркъ приглашены танцовщикъ и танцовщица мадритскаго театра, г-жа Пепа-Варгасъ и г. Гусманъ. Съ удовольствіемъ можно будетъ любоваться на граціозные, полные огня и страсти, испанскіе танцы, на этотъ живой *Madridlena*, на упительный *Manola*, на полный граціи *el Paso de la Caro*. Также говорятъ, что пріѣдетъ труппа Гверры, начнутся бѣги на Москвѣ рѣкѣ, начнутся блины, — а въ настоящее время скука, скука и скука.

Подавленный скукою, вѣрный своему обычаю, я отправился бродить по улицамъ, и придумывалъ, какъ бы убить день. Зашедши въ кондитерскую и выпивъ чашку шоколаду, нечаянно взглянувъ на листокъ Полицейской газеты, лежащій на столѣ, я прочелъ огромными литерами напечатанныя слова: маскарадъ въ Дворянскомъ Собраніи; далѣе: на Тверской, въ домъ Дубицкаго, выставка картинъ настоящей войны и панорамныя виды г. Каспара и еще какого-то, показывающаго подобныя же картины въ домъ графа Гурьева.— Вотъ новость,—не худо на нихъ взглянуть. На другой страницѣ, между множествомъ объявленій, напечатано: *Ильтъ болше париковъ, со времени изобрѣтенія воды—Парашютъ*, продающейя у парикмахера Невиля.—Ну, слава Богу! нонѣшній день можетъ порадовать Москвичей: дѣтей повезутъ смотреть панораму, взрослые отправятся въ маскарадъ, а старики къ господину Невилю, чтобы купить жидкость Парашютъ,—толпою пріѣдутъ въ его магазинъ, скинуть передъ этимъ неоцѣненныя Нѣвилемъ парики свои и купить эту знаменитую жидкость, будутъ ею мочить свои головы—и волоса у нихъ не выростутъ; будутъ примачивать чаще—и остальные потеряютъ, такъ-что придется купить у Бернара парики новыя, цѣны *единственной, работы усовершенствованной*.—Да и чего, подумаешь, нѣтъ у насъ въ матушкѣ бѣлокаменной: и талисманная краска, окрашивающая волоса въ неопредѣленный цвѣтъ; и химическая вакса г. Мобу, на рыбьемъ жирѣ, имѣющая удивительное свойство портить скоро сапоги; и *осля мазь*, химиковъ Скродцакаго и Яни, вытирающаяся на двухъ верстахъ; и феноменальная жидкость, покрывающая чернымъ смолистымъ лакомъ усы и бакенбарды, съ цѣлію испортить наружный ихъ видъ и сохранить отъ прикосновенія воздуха,—и много подобныхъ тому диковинокъ.

Но полно объ этомъ,—поговоримъ о панорамѣ г. Каспара. Многіе находятъ ее довольно удовлетворительною, и я не прочь отъ этого мнѣнія, по пословицѣ: на безрыбѣ и ракъ рыба. Она состоитъ изъ шести картинъ, съ предметами изъ настоящей войны; лучшія изъ нихъ двѣ: бомбардированіе Севастополя 5-го октября 1854 года, и сраженіе при селеніи Кюрукъ-Дара, 24 іюля того же года. Обѣ картины выполнены довольно недурно, а Севастополь и мѣстность около него сняты даже вѣрно, и отъ того вы найдете около нихъ всегда толпу зрителей. Объяснять причину такого явленія нечего—всякому Русскому онъ близки сердцу. То же самое вы замѣтите на Ильинкѣ, у картинокъ, вывѣшенныхъ въ аркѣ Гостиваго двора. Съ утра до вечера толпится около нихъ народъ; любой изъ зрителей, даже неграмотный, расскажетъ вамъ подвиги рядовыхъ: Чашни-

кова, Горшкова, Андрея Снозика, прапорщиковъ: Щербинскаго, Кудрявцева, Щеголева. Надо замѣтить, что въ нынѣшнее время, это любимыя картинки простаго народа: онъ ихъ съ радостію покупаетъ на трудовую копѣйку, чтобы украсить скромное свое лице.

Но обратимся къ панорамѣ. Кромѣ картинъ современныхъ успѣховъ русскаго оружія, помѣщены здѣсь также шесть видовъ, снятыхъ съ замѣчательныхъ городовъ Европы. Прекрасны виды: Флоренціи, наводненіе въ Вѣнѣ и Римѣ. Смотря на картину наводненія въ Вѣнѣ, случившагося въ 1851 году, когда все предмѣстье, называемое Леопольдштатъ, было покрыто водою, невольно сжимается сердце, видя разрушенные дома и погибель людей. Картина сдѣлана довольно хорошо и вѣрна съ натурою: передъ глазами вашими волны разъяренной стихіи; тутъ же вы видите старинную башню, называемую die Spinginn, свидѣтельница неоднократныхъ бѣдствій подобнаго рода. Сколько вѣковъ пролетѣло надъ головою этой башни, когда она построена и кѣмъ—не извѣстно; только нѣсколько легендъ о ней хранится въ памяти народной.

Но пора заглянуть и въ маскарадъ. Длинная цѣпь каретъ, саней, возковъ и знаменитыхъ Ванекъ вытянулась по улицѣ,—сѣздь большой. И дѣйствительно: заль хоры были полны народомъ; въ одномъ углу, около колоннъ, собрался кружокъ порядочной, пробраться сквозь него нѣтъ никакой возможности,—пѣли цыгане. Звукъ веселой хоровой пѣсни слабо достигали до слуха сквозь эту массу народа, а подойти ближе къ поющимъ нѣтъ никакой возможности, и не смотря на это, кружокъ растетъ всё болѣе и болѣе, какъ будто веселая, разгульная цыганская пѣсня магнетически дѣйствуетъ на толпу.

Прислушайтесь къ разговору этой движущейся массы народа.—чего тутъ нѣтъ? чего вы не услышите? и сладкій лепетъ любви, и энергическія слова ревности, и пустыя фразы безъ значенія, и рѣчи полныя глубокаго смысла, которыя заставляютъ задуматься хоть и не философа. Это жизнь, сведенная въ одно мѣсто, какъ лучи солнца въ фокусъ зажигательнаго стекла. Если вы одарены хоть малой долею наблюдательности, прислушивайтесь, присматривайтесь,—и вамъ понравятся подъ-часъ маскарады.

Оркестръ Сакса игралъ. Нѣсколько паръ носилось въ кругу, составленномъ изъ масокъ. Другія сновались взадъ и впередъ, прилихнувъ къ рукамъ своихъ кавалеровъ. Впереди меня прошла пара: черное домино съ пунцовою лентою на капишонѣ, и строй-

ный молодой мужчина во фракѣ, бѣлыхъ чистыхъ перчаткахъ и неукоризненныхъ воротничкахъ, обрамливающихъ прекрасное лицо, напоминающее собою изваянія древней Греціи и Рима. Молодой человекъ говорилъ съ жаромъ; большіе черные глаза таинственнаго домино блестяи одушевленіемъ изъ-подъ бархатной полумаски.

«Прекрасная парочка!» подумалъ я, и, заинтересованный ими, рѣшилъ ихъ преслѣдовать. Мы обошли кругомъ залу, и пришли въ боскетную — прекрасный пріютъ для влюбленныхъ: подъ неумолкаемый говоръ фонтана, при неярко освѣщеніи, подъ сладкіе звуки Сакса, какъ-то душа настраивается лучше и рѣчь льется свободнѣй. Есть одно прекрасное мѣстечко въ этой комнатѣ — это ниша; по счастью, она была не занята никѣмъ. Моя парочка сейчасъ же пріютилась подъ ея свѣтъ, и я, обошедши кругомъ, незамѣченный ими, выбралъ себѣ удобный наблюдательный постъ: мнѣ было все слышно чисто и отчетливо—весь ихъ разговоръ.

Въ это время пришли еще двѣ пары, и помѣстившись съ нами рядомъ.

Разговоръ прекратился.

Черезъ часъ послѣ описаннаго нами, моя незнакомая знакомка выходила изъ залы, вмѣстѣ съ другою маскою, молодой человекъ провожалъ ихъ. Я стороною слѣдилъ за ними; въ прихожей лакей въ сѣросиней ливрѣ, котораго я уже видѣлъ въ звѣринцѣ, надѣвалъ на нихъ салоны.

«А! подумалъ я, она пріѣхала въ своемъ экипажѣ! теперь мнѣ легко будетъ знать, гдѣ она живетъ.»

Мы сошли къ подъѣзду. Жандармъ кричалъ карету.... такого-то.

и. р—ский

СКОКЛОСТЕРЬ.

Меларь есть одно изъ прекраснѣйшихъ и величайшихъ озеръ въ Швеціи; оно простирается по Упланду, Вестерманландіи и Зюдерманландіи. Съ одной стороны оно отражаетъ въ прозрачныхъ водахъ своихъ лѣса сѣвера, потому, какъ вѣрный подданный или покорный рабъ, приходитъ умереть къ стопамъ замка Стокгольмскаго. Оно прилежитъ къ Ботническому заливу и къ морю Балтійскому. На его берегахъ, то-есть на пространствѣ сорока лѣ въ длину, возвышаются города, села, замки. Звонъ колоколовъ церковныхъ раздается въ глубинѣ лѣсовъ, его окружающихъ; пѣсни рыбаковъ оглашаютъ его волны, и широкободій купеческій корабль пробѣгаетъ по водамъ его рядомъ съ англійскою яхтою аристократа.

На берегахъ Мелара, въ двухъ миляхъ отъ Упсалы, фельдмаршалъ Врангель построилъ замокъ Скоклостерь. Лѣтомъ, въ воскресенье, жители сосѣднихъ селеній спѣшаютъ посѣтить это древнее помѣстье, славное по многимъ воспоминаніямъ, и это зданіе, воздвигнутое однимъ изъ героевъ Швеціи. Зимой все безмолвно въ этой романтической странѣ. Неки, эти волшебные музыканты, являющіеся на поверхности водъ, съ зелеными своими волосами и съ серебряною арфою, удаляются въ свои хрустальные пещеры. Аистъ улетаетъ въ страны юга, и рыбакъ вытаскиваетъ на берегъ свои чолны и сѣти. Отъ одного берега до другаго, озеро покрыто въ это время толстымъ льдомъ. Не слышно ни шуму на водахъ его, ни пѣсень въ лѣсахъ, ни дуновенія въ воздухѣ. Природа, утомленная послѣ осенней жатвы, засыпаетъ какъ мать послѣ рожденія младенца; и безсильное солнце, озаряющее ее, наводитъ на ея блѣдное лице только мгновенную улыбку и лучъ жизни, подобный напрасному желанію. Однако и въ это время облака, опоясывающія горизонтъ, сосновыя рощи, покрытыя снѣгомъ, сообщаютъ этому мѣстоположенію какой-то величественный видъ. Памятники и зданія какъ-будто увеличиваются и вырастаютъ въ сумракѣ

зимы, какъ историческія преданія, проходя сквозь сумракъ прошедшаго. По прочтеніи лѣтописей Упланда, мнѣ показался Скок-лостеръ однимъ изъ такихъ памятниковъ.

Я прибылъ въ эту страну въ одно холодное сѣверное утро, съ проводникомъ, вовсе незнавшимъ дороги. Мы спустились въ необитаемый оврагъ, долго ѣхали по берегу озера, не видя нигдѣ дороги. Лошадь моя, усталая и покрытая инеемъ, едва могла тащить по грудамъ снѣгу легкія сани, въ которыхъ мы сидѣли. Изъ жалости къ животному, я оставилъ свое сѣдалище, сдѣланное изъ оленьей кожи, гдѣ я закутанъ былъ, подобно ребенку, и пошелъ черезъ Меларъ, для открытія Скоклостера, тогда-какъ мой проводникъ, склонивъ голову, съ задумчивымъ взоромъ старался оживить въ своей невѣрной памяти наставленія, полученныя имъ при отправленіи изъ Упсалы. Тотчасъ, при изгибѣ лѣса, на краю залива, увидѣлъ я замокъ съ четырьмя толстыми башнями, увѣянными желѣзными шарами, и его куполь, покрытый снѣгомъ, какъ голову старца, убѣленную сѣдинами.

Часъ спустя я уже былъ въ замкѣ, сидя подъ сводами обширной залы, въ широкихъ кожаныхъ креслахъ, подобно шотландскому лорду. Большой огонь горѣлъ въ каминѣ; слуга поставилъ на дубовый массивный столъ блюдо дичины и бутылку мадеры. Лошадь прибрана была въ конюшню; проводникъ расположился уже въ кухнѣ, и я благословлялъ отсутствующаго хозяина, который издали оказывалъ иностранцу патриархальное гостепрѣимство своихъ предковъ.

Вся эта зала, гдѣ я находился, какъ обитатель замка, имѣла видъ необыкновенный. Тяжелые обои, потемнѣвшіе отъ времени, покрывали стѣны. Желѣзные мечи, потускнѣвшіе отъ ржавчины, развѣшаны были по стѣнамъ. Здѣсь стоялъ деревянный шкафъ съ мраморною отдѣлкою, который служилъ нѣкогда туалетомъ какой-нибудь знатной дамы, но въ который съ давнихъ временъ не заперли ни дорогихъ лентъ, ни благовопія. Тамъ видны были съ серебряными колоннами часы, которыхъ маятникъ издавалъ жалобные и однообразные звуки. Сквозь окна, расположенныя въ глубинѣ обширныхъ амбразуръ, и покрытыя густымъ слоемъ льду, дневной свѣтъ едва проникалъ подъ эти возвышенныя своды. Одна половина залы исполнена была свѣта, другая погружена въ густой тѣни.

Разсматривая это древнее жилище, озаренное большими отливками свѣта и наполненное густыми тѣнями, я вообразилъ себя картины Рембрандта, а увидѣвъ вошедшаго управителя замка, въ ста-

ромъ сюртукѣ, въ шерстяной шляпѣ и съ связкою ключей въ рукѣ, я подумалъ, что вижу на самомъ дѣлѣ въ сновидѣніи главу изъ Вальтеръ-Скотта. Между тѣмъ, предметы болѣе новой эпохи составляли противоположность съ этими обломками минувшаго. Древняя постель закрыта была шелковыми занавѣсками изъ лѣонской матеріи. На темныхъ кожаныхъ обояхъ видны были тамъ и сямъ парижскія гравюры въ вызолоченныхъ рамахъ; а на дубовомъ столѣ стояли серебряные приборы, недавно вычеканенные, фарфоровыя тарелки и англійскія блестящія чашки. Новѣйшая образованность во всемъ своемъ изяществѣ соединилась здѣсь съ твореніемъ XVI вѣка. Замокъ, который принадлежалъ героямъ Тридцатилѣтней войны, нынѣ принадлежитъ графу Браге.

Исторія Скокlostера смѣшана съ самыми древними преданіями Швеціи. На одной изъ горъ, окружающихъ замокъ, жители этой страны совершали нѣкогда свои языческіе обряды. Среди ночнаго мрака, они зажигали большіе огни и дѣлали заклинанія, чтобы сохранить жатвы отъ града и стада отъ язвы. Нѣсколько далѣе, разбойники упландскіе построили себѣ крѣпость. Оттуда они устремлялись по водамъ озера, чтобы грабить прибрежныя хижины земледѣльцевъ и купческіе корабли. Тамъ, послѣ своихъ кровавыхъ походовъ, собирались они пить медъ изъ роговыхъ чашъ своихъ, пѣть любимыя бранныя пѣсни и рассказывать о своихъ подвигахъ. Подъ мрачными вѣтвями сосны еще видны развалины ихъ крѣпости, подобной гнѣзду ворона. Здѣсь, въ раскопанной землѣ находятъ оружіе, которое они погребали вмѣстѣ съ собою, чтобы, по совершеніи многихъ браней въ этомъ мірѣ, сражаться и въ другомъ. Вся исторія съвера, одинъ послѣ другаго, изображали дикіе нравы этихъ разбойническихъ племенъ.

Но между страшными воспоминаніями этой эпохи, не знавшей ни закона, ни ограниченія, можно встрѣтить кое-гдѣ меланхолическія страницы, принадлежащія поэтамъ. Такова, напримѣръ, прелестная сага Гуилауги. Это—повѣсть объ одной молодой женщинѣ, которая умираетъ, прижимая къ груди своей одежду того, котораго она любила. Таково преданіе о Сигурдѣ Рингѣ, изъ котораго шведскій поэтъ Стагнемусъ сдѣлалъ трагедію.

Сигурдъ былъ королемъ Швеціи. Во время одного публичнаго праздника, онъ увидѣлъ молодую прекрасную норвеженку, по имени Альфеоль; онъ влюбился въ нее и просилъ ее себѣ въ замужство. Но братья Альфеоли, находя его слишкомъ старымъ, въ этомъ ему отказали. Онъ объявляетъ за то Норвежцамъ войну и устремляется на нихъ съ своими войсками. Норвежцы, опасаясь быть побѣж-

денными, и не желая отдать ему Альфеоль, отравили ее. Сягурд сражается геройски, обращаетъ въ бѣгство своихъ противниковъ, потомъ спѣшитъ къ жилищу Альфеоли. Увидѣвъ ее полумертвую и простертую на полу, онъ не пролилъ ни одной слезы, не испустилъ ни одного вздоха. Онъ схватываетъ въ свои объятія юную Альфеоль, которой послѣдній взглядъ оживилъ его мужество и согрѣлъ его старость, потомъ уноситъ ее на свой корабль, кладетъ на корму и стремится по морямъ, пока буря не разразилась надъ его головою, и пока море не поглотило его вмѣстѣ съ его возлюбленною.

Съ христіанствомъ, монастыри заступили мѣсто крѣпостей Викинга. Въ Скокlostерѣ былъ женскій монастырь, который со славою существовалъ въ продолженіи трехъ вѣковъ. Во времена реформации, владѣнія его, увеличенныя многими приношеніями, присоединены были къ коронѣ. Карлъ IX отдалъ этотъ монастырь, съ его владѣніями, своему фельдмаршалу Герману Врангелю. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неустрашимыхъ воиновъ XVI вѣка, который пріобрѣталъ свои почести одну за другою на поляхъ битвы. Онъ хотѣлъ изъ Скокlostера сдѣлать себѣ убѣжище на все время старости, и потому построилъ себѣ смиренное жилище подлѣ церкви. Отсюда-то сынъ его Карлъ Густавъ отправился въ Тридцатилѣтнюю войну. Возвратившись изъ этого славнаго похода, онъ нашелъ, что домъ отца его слишкомъ малъ, и потому попросилъ у него позволенія выстроить другой. Отецъ, какъ говоритъ преданіе, отвѣчалъ ему на эту просьбу оплеухою. Карлъ преклонился предъ рукою, которая поразила его, поцѣловалъ эту руку, и гордый Германъ, тронутый такимъ смиреніемъ сына, позволилъ ему оставить прежнее жилище и воздвигнуть блистательнѣйшее. На другой день строители принялись за дѣло, и замокъ Карла воздвигся подлѣ дома отца его. Но онъ не долго наслаждался своимъ твореніемъ. Война призывала его въ Германію. Онъ отправился—и возвратился съ жезломъ фельдмаршальскимъ. Война вспыхнула въ Даніи; онъ принялъ начальство надъ флотомъ, управлялъ имъ какъ опытный морякъ, и получилъ за морскую битву дипломъ адмирала. Жизнь его была жизнью браней и славныхъ походовъ, жизнью война, прославленною дѣлами храбрости, не измѣнявшею ему никогда и увѣнчанной успѣхами и побѣдами. Начало такой его жизни при Густавѣ Адольфѣ, конецъ во время Карла XI. Въ вѣкъ браней онъ былъ щитомъ Швеціи и оплотомъ четырехъ царствованій. Онъ уже изнемогалъ отъ старости, болѣзней и ранъ, живя въ своихъ владѣніяхъ, въ Помераніи, когда Карлъ XI призвалъ его принять начальство надъ войскомъ,

которое должно было вступить въ курфиршество Бранденбургское. Онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы служить своему отечеству, но на этотъ разъ природа измѣнила его мужеству. Онъ долженъ былъ возвратиться въ свой Стекерскій замокъ, и вскорѣ умеръ, оставивъ послѣ себя славную память и великое имя. Это былъ, какъ говоритъ графъ Бонде въ своихъ анекдотахъ на исторію Швеціи, одинъ изъ величайшихъ генераловъ своего времени, мужъ души прямой и доблестной, любившій пышность и роскошь, болѣе привыкшій къ битвамъ на поляхъ брани, нежели къ интригамъ дворскимъ. Первый лавръ приобрѣлъ онъ подъ Лютценомъ; послѣдній—подъ Варшавою, въ сраженіи, которое продолжалось три дня, и во время котораго онъ начальствовалъ надъ лѣвымъ крыломъ шведскаго войска, между тѣмъ какъ правымъ крыломъ командовалъ самъ король Карлъ X.

Среди такихъ блистательныхъ подвиговъ, несчастіе постигло его своею желѣзною рукою. Онъ видѣлъ смерть своихъ пятерыхъ сыновей, одного вслѣдъ за другимъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ уже двадцать лѣтъ отъ роду. Это былъ прекрасный молодой человекъ,—надежда отца, который желалъ ему передать и свои достоинства и свою славу. Онъ умеръ, какъ и другіе его сыновья, и старый фельд-маршалъ преклонилъ колѣна предъ Богомъ. Онъ былъ въ то время, какъ онъ самъ говорилъ, побѣжденнымъ побѣдителемъ. Онъ плакалъ и молился. Въ тѣ времена религиозное чувство было живо и сильно во всѣхъ сердцахъ. Воины повергались на колѣна предъ начатіемъ битвы, и генералы поставляли въ трапезѣ храма завоеванные ими знамена (*).

Карлъ Врангель имѣлъ еще чѣтырехъ дочерей. Старшая вышла за-мужъ за сенатора Нильса Браге. Черезъ этотъ-то брачный союзъ замокъ Скокlostеръ сдѣлался собственностью этой фамиліи, одной изъ знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ фамилій на сѣверѣ. Рюдбекъ говоритъ въ своихъ историческихъ запискахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Atlantica*, что Браге значить брагманъ, *brāhman*, то-есть человекъ, привыкшій къ великимъ дѣяніямъ; и Саксонъ-Грамматикъ говоритъ, что Браги были въ сраженіи брагвальскомъ, которое въ 740 году далъ король шведскій Гаконъ Рингъ Гаральду Гильд-станду, королю датскому.

(*) Французскій писатель удивляется этому набожному обыкновенію средне-вѣковыхъ воиновъ, какъ будто въ нынѣшнія времена въ государствахъ, въ которыхъ не охлаждаетъ чувство вѣры христіанской, не такъ же поступаютъ воины. *Прим. перевод.*

Двѣ фамиліи этого имени прославились въ Швеціи и въ Даніи. Къ датской фамиліи принадлежитъ астрономъ Тихо-де-Браге; къ шведской—святая Бригитта, мать осьми дѣтей, и дочь ея святая Екатерина. Въ Скоклостерѣ сохраняется еще доселѣ рукопись откровенной или видѣній святой Бригитты;—первая книга этой мистической философіи есть та, которой преданъ въ послѣдствіи геній Іакова Бѣма и Сведенборга. Бригитта первая поручила своему духовнику сдѣлать переводъ Библіи на шведскій языкъ. Ей же принадлежитъ основаніе монастыря въ Вадстенѣ, при которомъ учреждено было вышнее училище въ такую эпоху, когда школы низшія находились только въ стѣнахъ монастырей. Она ходила на поклоненіе въ Сентъ-Яго де-Компостелло, въ Римъ и Іерусалимъ, принося вездѣ утѣшеніе народу, увѣщанія инокамъ и наставленія знатнымъ людямъ и князьямъ. Ея жизнь была символомъ всѣхъ благочестивыхъ помысловъ, свойственныхъ среднимъ вѣкамъ. «Будучи трехъ лѣтъ отъ роду»,—по сказанію легенды,—«сна не могла еще говорить. Мать ея начала опасаться, чтобы дочь ея не осталась нѣмою. Но она, въ одно утро пробудившись, вдругъ воспѣла хвалебныя пѣсни Богу. Будучи семи лѣтъ, она отличалась между своими сверстницами и подругами благочестіемъ, трудолюбіемъ».

Замокъ Скоклостеръ, облагоустроенный двумя могущественными фамиліями Врангелей и Браговъ, есть обширное зданіе о четырехъ фасадахъ, водвинутое на холмъ и господствующее надъ озеромъ. Онъ построенъ во вкусъ простой архитектуры, но имѣетъ величественный видъ. Въ срединѣ его находится четырехугольный дворъ, подобный дворамъ монастырей. Вокругъ него обведена широкая галлерей, поддерживаемая арками. Крыльцо украшено восемью колоннами изъ итальянскаго мрамора, что составляетъ удивительную рѣдкость на сѣверѣ. Королева Христина подарила ихъ своему фельдмаршалу Врангелю. Карлъ XI, рѣшившись присоединить къ коронѣ владѣнія, дарованныя предками его шведскому дворянству, хотѣлъ отнять эти восемь колоннъ, и владѣлецъ долженъ былъ заплатить 18,000 голл. гульд., или 36,000 слиш. Фран., чтобы ихъ удержать за собою.

Внутренность покоевъ доселѣ сохранила тотъ видъ богатства и величія, которыми отличаются всѣ вельможескія зданія среднихъ вѣковъ. Тамъ вы видите кавалерскія залы, высокія и длинныя;—потолки, обремененныя украшеніями разнаго рода; паркеты, сдѣланные со всѣмъ изяществомъ; створчатыя двери, отличающіяся позолотою и рѣзбою; драгоцѣнные обои, покрывающіе стѣны. Эти

залы потеряли свою первоначальную свѣжесть. Во многихъ мѣстахъ стѣнная позолота стирается, живопись потолковъ портится и цвѣтъ шпалеръ начинаетъ блѣднѣть. Но эти древнія зданія и ихъ украшенія, потерявшія свой блескъ въ теченіе вѣковъ, уподобляются той мужественной красотѣ челоуѣка, которой время сообщаетъ характеръ болѣе важный, отнимая у нея румянецъ юности. Четыре огромныя башни замка и большая часть залъ заключаютъ въ себѣ одни предметы искусствъ и наукъ. Не достойно ли удивленія, что въ глуши шведской провинціи, въ уединенномъ жилищѣ, окруженномъ лѣсами, находится историческій арсеналь королевства, музей Тридцатилѣтней войны.

Карль Врангель собралъ въ Скокlostеръ все то, что онъ приобрѣлъ во время своихъ походовъ, а графы де-Браги увеличили его коллекцію. Здѣсь можно найдти древніе мечи Скандинавовъ, кинжалы съ длинными клинками, тяжелыя двуручныя сабли, желѣзныя латы средневѣковыхъ рыцарей и шлемы съ пружинами. Здѣсь можно видѣть болѣе тысячи двухъ-сотъ оружій всѣхъ вѣковъ и всѣхъ видовъ, отъ ружья турецкаго паши съ золотомъ насѣчкою до мѣднаго карабина Шведовъ XVI столѣтія, отъ древняго самострѣла на колесѣ до пистолета съ рукояткою изъ слоновой кости, который королева Христина носила въ своей маленькой женской рукѣ. Сами короли обогатили этотъ военный музей. Карль X положилъ тамъ свой острый мечъ, на которомъ онъ, какъ истинный воинъ, считающій дни своей жизни числомъ сраженій, велѣлъ вырѣзать календарь; Карль XII оставилъ здѣсь шпагу, которую онъ имѣлъ во время войны въ Германіи. Тамъ хранится щитъ Карла Пятаго и желѣзная рука рыцаря, твою, можетъ быть, храбрый Гётцъ Берлингенскій!

Въ одной изъ залъ, смѣжныхъ съ этою галлереею, текерскій владѣлецъ Скокlostера велѣлъ изобразить фрескомъ главныя эпохи военной и политической жизни своего короля. Это есть произведеніе хорошаго вкуса, которое дѣлаетъ честь какъ подавшему планъ, такъ и исполнителю его.

Библіотека и собраніе рукописей составляютъ двѣ другія сокровищницы замка. Это есть одна изъ самыхъ любопытныхъ и самыхъ богатыхъ коллекцій, какія только существуютъ въ Швеціи. Тамъ 22,000 томовъ лучшихъ произведеній и весьма многія нецѣненныя рѣдкости библіографическія, именно: четыре тома Атлантиковъ, которыхъ только и есть пять экземпляровъ. Собраніе рукописей заключаетъ корреспонденцію фельдмаршала Врангеля во время

Тридцатилѣтней войны, сотни автографовъ писемъ шведскихъ королей, сенаторовъ, генераловъ, и множество неизданныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Шведскаго королевства во времена XVI и XVII столѣтій. Между этими шведскими твореніями, хранится также французскій переводъ Квинта Курція. Эта великолѣпная рукопись, въ листъ на пергаментъ, украшена арабесками, виньетками и большими рисунками въ началѣ каждой главы. Переводъ написанъ безъ означенія года, но онъ посвященъ Карлу VIII (Простому), въ то время, когда онъ занятъ былъ покореніемъ жителей г. Льежа. Такимъ образомъ, онъ, какъ должно полагать, написанъ около 1475 или 1476 года, и принадлежалъ, вѣроятно, тому, кому переводчикъ посвятилъ его, потому-что еще видны заглавныя буквы имени принца, вырѣзанныя на мѣдныхъ углахъ, украшающихъ крышку. Можно полагать, что Маргарита Бургундская принесла эту книгу въ Фландрію, или въ Германію, а во время Тридцатилѣтней войны эта книга перешла въ Швецію. Г. Сантъ-Андеръ, въ твореніи своемъ о книгохранилищѣ или библіотекѣ герцоговъ бургундскихъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ этой рукописи. «Если бы я могъ посоветоваться съ ученымъ моимъ соотечественникомъ Вейссомъ, я увѣренъ, что онъ изъяснилъ бы мнѣ всю исторію этой рукописи; но какъ онъ находится за пять-сотъ лѣтъ отъ меня, то я и принужденъ сознаться въ своемъ невѣжествѣ», говоритъ при этомъ случаѣ авторъ.

Графъ Магнусъ де-Браге есть одинъ изъ тѣхъ вельможъ, которые содѣйствовали къ обогащенію этой библіотеки. Онъ самъ сдѣлалъ каталогъ печатныхъ книгъ, а г. Шредеръ, профессоръ университета, составилъ каталогъ рукописей. Важныя обязанности, которыя возложены на его сына, не препятствуютъ ему обращать на свои литературныя сокровища все вниманіе, какого они заслуживаютъ, и со всею вѣжливостью открывать къ нимъ доступъ для тѣхъ, кто ими интересуется. Всѣ путешественники, посѣщающіе Скокlostеръ, оставляя его, уносятъ съ собою какое нибудь пріятное чувство, или какою-нибудь память признательности. Дары сердца наследственны въ фамиліи Браговъ, такъ же, какъ и дары мужества и ума.

Въ Скокlostерѣ есть еще богатая картинная галлерей. Она заключаетъ портреты многихъ знаменитыхъ иностранцевъ и большей части великихъ мужей временъ Густава Адольфа, Христины и ея преемниковъ. Большая часть этихъ портретовъ написана еще при жизни тѣхъ лицъ, которыя на нихъ изображены. Эти историческіе памятники хранятся вмѣстѣ съ памятниками, заключающимися въ

библіотекъ. Но при самомъ входѣ моемъ въ залу, я началъ отыскивать взорами между портретами одного: именно, портрета прекрасной Эббы или Еввы Браге, которую Густавъ Адольфъ хотѣлъ сдѣлать королевою Швеціи. Но я нашелъ только медальонъ, хранящійся въ футлярѣ изъ слоновой кости, написанный очень грубо, испорченный временемъ, и сверхъ того, обезображенный чьею-то неловкою рукою, и картину во весь ростъ, на которой она представлена въ черномъ платьѣ съ бѣлокурыми волосами, съ угасающимъ взоромъ, съ наморщеннымъ челою, какъ истинная погребальная элегія послѣ днѣнрамба юности.

Исторія рассказываетъ довольно коротко повѣсть о жизни этой прекрасной Еввы. Но народное преданіе, которое рѣдко пропускаетъ безъ вниманія столь нѣжныя и столь прелестныя картины, овладѣло холоднымъ разказомъ шведскихъ лѣтописей и сдѣлало изъ него одинъ изъ любимыхъ романовъ. Вдова государственнаго канцлера Браге, почувствовавъ приближеніе смерти, просила королеву, мать Густава Адольфа, принять подъ свое покровительство единственную дочь свою, ея маленькую Эббу, которая была тогда еще трехъ лѣтъ. Королева обѣщала исполнить ея просьбу, и лишь только графиня, мать Эббы, умерла, она взяла къ себѣ юную дочь ея во дворецъ и приказала воспитывать ея на своихъ глазахъ.

Эбба выросла при сынѣ ея Густавѣ Адольфѣ, который полтора годами только былъ старше ея, и они полюбили другъ друга. Сначала это была только привязанность брата и сестры, на которую королева смотрѣла съ улыбкою; но юность привела и любовь. Четырнадцать лѣтъ Густавъ Адольфъ долженъ былъ отправиться на островъ Эландъ; со слезами разставаясь онъ съ прелестною Эббою, умоляя ея, чтобъ она его не забывала.

Оснадцати лѣтъ будучи провозглашенъ королемъ, Густавъ Адольфъ съ радостію возвратился въ Стокгольмъ и подарилъ Эббѣ обручальное кольцо, искренно обѣщаясь ей вступить съ нею въ бракъ. Обѣщаніе это подтверждается свидѣтельствомъ многихъ историковъ и, между прочими, свидѣтельствомъ Гейера, которыя не позволяютъ сомнѣваться въ этомъ обѣщаніи короля. Впрочемъ, известно, что фамилія Браге, будучи изъ древнихъ временъ соединена родствомъ съ фамиліею королевскою, была достойна этого союза. Іоакимъ Браге былъ женатъ на сестрѣ Густава Вазы. Но обѣщаніе короля такъ обрадовало Эббу, что она, въ минуты сладостныхъ и нѣжныхъ мечтаній, написала на стеклѣ замка слѣдующіе два стиха. разумѣется, на шведскомъ языкѣ:

Jag ar fornoid med licken min,
Och tacka Gud för nådan sin.

Это значить почти то же, что и слѣдующіе два стиха на другомъ языкѣ:

Довольна я моею судьбой,
Творца благодарю съ мольбой.

Но королева, мать короля Густава Адольфа, начала уже смотреть съ безпокойствомъ на развитіе этой страсти сына и воспитанницы, страсти столь свободной и столь чистосердечной и искренней. Касательно сына своего она имѣла планы честолюбивыя. Она хотѣла, чтобы ея сынъ женился на иностранной принцессѣ, и поэтому, прочитавъ надпись Эббы, королева написала подъ нею такъ же два слѣдующихъ стиха:

Det ena du vill, det andra du scall,
Sa plagar mast gô i sodana fall.

Смысль этихъ стиховъ, хотя не въ точности, но означаетъ почти слѣдующее:

Ты хочешь одного, другаго жди себя;
Желанія всегда противны злой судьбѣ.

Спустя нѣсколько времени, Густавъ Адольфъ долженъ былъ отправиться для отраженія Христіерна IV, который сдѣлалъ нападеніе на Швецію. Съ тяжкою грустью онъ разстался съ графиней Эббою. Но королева рѣшилась воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы навсегда отдалить отъ него Эббу. Когда она искала вокругъ себя челоуѣка, который былъ бы достоинъ сдѣлаться мужемъ ея питомицы и былъ бы въ состояніи внушить ей къ себѣ уваженіе, тогда прибылъ въ Стокгольмъ графъ Іаковъ Понтусъ Делагарди. Это былъ потомокъ того доблестнаго кавалера Лангедокскаго, который изъ французской службы перешелъ въ датскую, былъ взятъ въ плѣнъ Шведами, и изъ плѣнника ихъ сдѣлался другомъ Эрика XIV и любимцемъ Іоанна III. Графъ Понтусъ только-что возвратился изъ путешествія въ чужіе краи. Онъ былъ молодъ, прекрасенъ, любезенъ. Королева предложила ему руку Эббы. Она желала, чтобы Делагарди, женившись на ней, удалилъ ее отъ Густава Адольфа навсегда. Сначала онъ отказывался, зная страсть Густава. Но королева настаивала, говоря, что она беретъ его подъ свое покровительство, и отвѣчаетъ за все, что можетъ случиться, — и графъ, который не могъ смотрѣть равнодушно на

дивныя качества Эббы, наконецъ принялъ съ радостію предложеніе королевы.

Самымъ труднымъ дѣломъ было получить согласіе Эббы. Когда она узнала намѣреніе графа, она заплакала, потому—что она любила страстно Густава Адольфа. Она прежде хотѣла оказать сопротивленіе просьбѣ, которая была не что иное, какъ приказаніе, но потомъ попросила отсрочки. Однако все было бесполезно: Королева не хотѣла сдѣлать никакой уступки, и бѣдная Эбба, одна среди двора королевскаго, гдѣ все, кажется, соединилось противъ нея, отказалась отъ своей участи и должна была выйти за графа Делагарди. Вотъ что говоритъ Исторія. Романическая хроника присовокупляетъ, что когда Эбба должна была уступить волю королевы, она послала курьера къ Густаву Адольфу, чтобы уведомить его о томъ, что случилось. Потомъ она велѣла вести себя какъ можно медленнѣе въ залу, гдѣ она должна была принять брачное благословеніе; и едва-только она перемѣнила брачное кольцо, Густавъ Адольфъ, прибывшій съ границъ Швеціи, явился, утомленный и покрытый пылью. «Ты опоздалъ, сказала ему королева: бракъ совершенъ,—Эбба принадлежитъ графу Делагарди.» Народное преданіе говоритъ, что королева принудила Эббу обручиться и вступить въ бракъ въ одинъ и тотъ же день. Дѣло въ томъ, что она обручена была съ графомъ Делагарди 11 ноября 1617 г., а бракосочетаніе ея совершено спустя семь мѣсяцевъ.

Въ разныхъ автографическихъ сборникахъ сохранились многія трогательныя страницы той нѣжной переписки, которую вели между собою Густавъ Адольфъ и Эбба, когда они были удалены одинъ отъ другаго. Въ рукописи, хранящейся въ Скокlostеръ, находятся элегіи, написанныя на шведскомъ языкѣ Густавомъ Адольфомъ и Эббою другъ къ другу. Эти элегіи представляютъ выраженіе чувствъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ кроткихъ и самыхъ безкорыстныхъ. Ихъ взаимное сочувствіе выразилось даже въ самомъ однообразіи идеи и сильной страсти, которыя влекли ихъ одного къ другому. Оба они жаждутъ той минуты, когда они могутъ свидѣться другъ съ другомъ, когда встрѣтятъ взаимную улыбку. Непритворность, простота чувства—господствуетъ въ элегіяхъ. Особенно трогательно окончаніе элегіи Эббы, гдѣ она, вѣроятно ожидая безпрестанно рѣшительной минуты относительно брака съ Понтусомъ Делагарди, требуемаго королевою, вмѣсто обѣщаннаго королемъ Густавомъ Адольфомъ, призываетъ его самыми чувствительными словами для спасенія себя отъ тяжелой власти судьбы и

отъ неумолимой воли королевы, своей воспитательницы. когда ея возлюбленный принцъ былъ разлученъ съ нею необходимыми обстоятельствами государства, или, можетъ быть, вмѣстѣ и интригами королевскаго двора. Въ этихъ словахъ видна уже почти безнадежность ея страсти.

Не менѣе нѣжности заключаетъ въ себѣ и элегія Густава Адольфа. Изъ нея видно, какъ тяжело для него было переносить разлуку съ Эббою. Замѣтно также, что онъ и при важныхъ дѣлахъ государственныхъ ни на минуту не могъ забыть о своей Эббѣ, что онъ находилъ время для заочной бесѣды съ нею при занятіяхъ совсѣмъ другаго свойства. Можно также полагать, что Густавъ Адольфъ упреждалъ Эббу въ выраженія и передачи тѣхъ нѣжныхъ чувствованій, которыя непрестанно увлекали къ ней его сердце, когда воображеніе, во время разлуки съ нею, представляло ему всю прелесть и все счастье свиданія, окружая Эббу всѣми цвѣтами красоты и юности. Вотъ слабый переводъ, или, лучше, слабое подражаніе его элегіи:

Какъ поведу, печальный, рѣчь?
 Изобразю ль мои мечтанья?
 Могу ли въ слово я облечь
 Мою тоску, мои страданья?
 Когда во снѣ и на яву
 Одно мнѣ видится видѣнье,
 И какъ къ нему я ни зову,—
 Оно безмолвно въ отдаленъ.
 Напрасно въ воздухъ нѣмомъ
 Мой вздохъ дрожащій пронесется,
 Оно обратнымъ чередомъ
 На тяжкій вздохъ не отзовется.
 И я даю вопросъ себѣ:
 Иль ожиданіе напрасно?
 И неужель въ мой судьбъ
 Нѣтъ ни одной минуты ясной?
 Ужели для меня чужда
 Преподаетъ навѣкъ земная радость?
 Ужель не знать мнѣ никогда,
 Что значить счастья, жизни сладость?
 Ужели багатый миръ
 Навѣкъ отъ сердца удаленъ,
 И безмятежность—мой кумиръ?

Подъ тяжкихъ рокомъ преклонилса?
 Чтобы воскреснуть къ жизни вновь,
 Нужна одна твоя улыбка;
 Но... ты ужель мою любовь
 Считаешь горькою ошибкой?...
 Ты мнѣ улыбки не даришь,
 Душѣ моеѣ, какъ лучъ, отрадой:
 Звѣздой прелестною, но хладной
 Воображенію блестяшь.

Но видно, что Эбба не была такъ равнодушна къ Густаву Адольфу, какъ онъ воображалъ себя въ минуты сомнѣній въ удавленіи отъ нея; видно, что она, такъ же, какъ и онъ, каждую минуту помышляла о немъ, во время своей съ нимъ разлуки, и что она не холодною, но пламенною и яркою звѣздою—сопутницею желала быть герою Тридцатилѣтней войны, въ которой онъ, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того, сражаясь за вѣру, палъ геройскою смертію, на отдаленныхъ отъ Швеціи поляхъ Лютцена (1632 г.),—когда Эбба отвѣчала ему на чувства, изображенныя въ его элегіи, также элегію, исполненною еще, кажется, большей страсти и вѣжливѣйшихъ чувствованій. Вотъ ея слабая копія. Она была, вѣроятно, послѣднимъ изліяніемъ вѣжной души Эббы, исторгнутымъ изъ глубины ея горькою настойчивостью и ужасною для Эббы поспѣшностью королевы, когда ей угрожала уже минута брака съ гр. Делагарди, и когда она, увлеченная негодованіемъ и страстью, рѣшилась въ послѣдній разъ прибѣгнуть, хотя напрасно, къ защитѣ молодого короля противъ упорной его матери.

Вотъ эта элегія Эббы:

Могу ли я ту горестъ описать,
 Которая мнѣ душу сокрушаетъ?
 Могу ли я словами передать
 Мою печаль, что сердце раздвѣрстать?
 И на-яву, и въ сумракъ ночномъ,
 Когда мой взоръ и вѣжды утомлены
 Закроются на мигъ тревожнымъ сномъ,
 Твой образъ мнѣ, прекрасный и безцвѣтный,
 Какъ путнику прелестная звѣзда,
 Вдали блестя и будто призываетъ
 Улыбкою своей меня туда,
 Гдѣ счастье—любовь не измѣняется....
 Но образъ твой исчезнетъ предо мною, —

Исполнить мнѣ грудь тяжкое томленье;
 Унывшая, покнута тобой,
 Не нахожу нигдѣ я утѣшенья...
 Но все я жду,—и скорбь, и сердца крикъ
 Лишь вздохами напрасно заглушаю,
 Не возвращу веселья ни на мигъ,
 И вновь въ душѣ спокойствіе теряю.
 Чтобъ воскресить мнѣ снова жизнь мою
 И миръ душъ отрадный, безмятежный,
 Я только жду и у небесъ молю
 Одной твоей улыбки кроткой, нежной...
 Напрасно жду, улыбки нѣтъ твоей,—
 И жизнь моя уныло пробѣгаетъ;
 Когда гляжу на рядъ печальныхъ дней,
 То сердце мнѣ одна лишь грусть терзаетъ...
 Печальный рокъ!.. и Небесамъ, и мнѣ
 Твоя любовь пріятна и угодна,
 Но намъ хранить лишь сердца въ глубинѣ
 Осталось ее въ тоскѣ безплодной...
 И не найти въ душѣ мнѣ столько силъ,
 Чтобъ перенести печальную разлуку:
 Съ тобою быть я не имѣю крылъ, —
 Ты поспѣши свою подать мнѣ руку!
 А дни бѣгутъ, и счастья ни на часъ
 Мнѣ не видать, быть можетъ, въ жизни болѣ:
 Не Небесамъ, не мнѣ, но чуждой волѣ
 Разлукой погубить угодно насъ...

Москва. 1854 года.

Д. СЕРГИЕВСКІЙ.

ВАТТО.

(Статья Арсена-Гуссе.)

Во Франціи, въ продолженіи двухъ вѣковъ, поэзія и живопись шли дружно рука объ руку по пути, проложенному людьми гениальными, украшая себя то лаврами, то розами, являясь то строгими и величавыми, то рѣзвыми и улыбающимися. Величіе, сила и грація преобладаютъ въ нихъ. Пуссенъ, Лесюэръ, Шампанъ и Лебрень, хорошо гармонируютъ съ Корнелемъ, Мольеромъ, Буалю и Расинемъ. Ла-Фонтену же нѣтъ подобнаго: онъ былъ поэтъ-живописецъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи и величіе и наивность исчезаютъ. Вольтеръ, котораго можно назвать поэтомъ только по его легкой граціи, родился въ одно время съ Ватто. Тотъ же огонь и то же своенравіе. Въ концѣ столѣтія являются Грѣзъ и Флоріанъ; вскорѣ Давидъ и Прудонъ вступаютъ въ благородное соперничество съ Маріей-Жозефомъ Шенье и Андреемъ Шенье. Въ наше время, когда есть сотни поэтовъ, блуждающихъ наудачу, есть также и сотни живописцевъ, идущихъ безъ цѣли. Они схватываютъ вдохновеніе въ лучахъ солнца, въ дуновеніи вѣтерка, въ благоуханіи цвѣтовъ; живописцы и поэты вдохновляются тѣмъ и другимъ съ одинаковой любовью.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи Фонтенель поддерживалъ удивительно любопытный парадоксъ насчетъ вдохновенія; по мнѣнію его, вдохновеніе — барометръ, безпрестанно измѣняющійся, восходящій до гениальности, но и падающій иногда до совершенной пошлости, смотря по времени. Фонтенель утверждаетъ, что всѣ гении его вѣка были освѣщены огненными лучами солнца, что они росли подъ безоблачнымъ небомъ, украшеннымъ изрѣдка великолѣпными бурями; онъ прибавляетъ, что въ началѣ восемнадцатаго вѣка небо было прозрачнѣе, солнце сіяло ярче, и розъ было больше. Никогда еще не было столько цвѣтовъ во Франціи, никогда еще легкой вѣтерокъ не разносилъ въ воздухъ такихъ благоуханій. Это было волшебство; всѣ улыбались; французская любезность сдѣлалась кокетливѣе, и для передачи ея требовалось болѣе яркихъ красокъ.

Ватто угадалъ свой вѣкъ, или даже, можетъ быть, восемнадцатое столѣтіе было копіей Ватто. Прекрасная Луиза Орлеанская, въ своихъ роскошныхъ праздникахъ, подражала его картинамъ.

Антуанъ Ватто, Французъ, или Фламандецъ, какъ вамъ угодно, родился въ Валансьенѣ, когда этотъ городъ принадлежалъ, попеременно, то Франціи, то Нидерландамъ. Это было въ царство-

ваніе Людовика XIV. Но не смотря на туманный климатъ Фландріи, пиво, табачный дымъ и созерцаніе ярмарокъ, онъ сдѣлался чисто парижскимъ живописцемъ, воспроизводителемъ волокитства, щегольства и любовныхъ похожденій, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ живописной Фландріи. Онъ родился въ 1684 году, въ то время, когда французскій король бомбардировалъ Люксембургъ. Его семейство было небогато. Пробывъ нѣкоторое время въ школѣ, онъ вышелъ, пріобрѣтя тамъ очень мало познаній, и писалъ и читалъ всегда съ большимъ трудомъ; но не въ этомъ состояла его наука. Въ семействѣ ихъ были живописцы, и между прочими его двоюродный дѣдъ, который умеръ въ Антверпенѣ, не оставивъ послѣ себя ничего. Поэтому отецъ Ваттò не уважалъ живопися; впрочемъ, онъ былъ изъ тѣхъ, которые оставляютъ людей и обстоятельства на произволъ судьбы. Антуана оставили въ покоѣ; онъ же родился художникомъ гениальнымъ. Первымъ его учителемъ былъ случай, величайшій изъ всѣхъ учителей. Отецъ его жилъ въ верхнемъ этажѣ дома, выходившемъ на улицу; Ваттò сидѣлъ чаще у окна, нежели за книгой: онъ любилъ смотрѣть на живыя, разнообразныя уличныя сцены; то любовался свѣженькой фламандской крестьянкой, гнавшей на рынокъ своего осла, то вниманіе его было устремлено на хорошенькихъ сосѣдокъ, игравшихъ въ воляжъ, впродолженіе прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ. Крестьянки и молодья дѣвушки живо рисовались въ юномъ воображеніи школьника, — онъ уже восхищался безпечной наивностью однѣхъ, и живой граціей другихъ. Онъ также имѣлъ на примѣтъ одну изъ рѣзвыхъ сосѣдокъ, какія есть вездѣ; но для него самое привлекательное зрѣлище представляли странствующія труппы фигляровъ, или сельскихъ комедіантовъ. Случалось, что въ праздничные дни, продавцы эликсира, гадальщицы, — вожаки медвѣдей и укротители гремучихъ змѣй, останавливались передъ его окномъ: они были увѣрены въ постоянномъ зрителѣ. Ваттò впадалъ въ глубокую задумчивость при видѣ Жили и Коломбины на уличныхъ подмосткахъ; ничто не могло его оторвать, даже его молоденькая сосѣдка, отъ этого пріятнаго зрѣлища. Онъ улыбался смѣшному кокетству Изабеллы, и хохоталъ до упаду, слушая забавныя шутки паяца. Часто видѣли его сидящимъ на окнѣ, со спущенными ногами на улицу, съ склоненной головой — и онъ съ жадностію слѣдилъ за каждымъ словомъ, за малѣйшимъ жестомъ фигляровъ; чего бы не далъ онъ тогда за то, чтобы быть товарищемъ Коломбины. Но это счастье существовало не для него. Коломбина сходила съ подмостокъ, Жиль дѣлался прежнимъ шуткомъ, театръ исчезалъ, а Ваттò все еще смотрѣлъ, и становился все задум-

чивъ: друзья его уходили, а главное, уходили безъ него, въ своихъ газовыхъ платьяхъ, въ шарфахъ съ золотой бахромой, съ своими серебряными кружевами, шелковыми панталонами и забавными шутками. «Они очень счастливы, говорилъ онъ про себя, они весело будутъ странствовать по свѣту, вездѣ на открытомъ воздухѣ будутъ давать свои представленія, безъ слезъ и безъ заботъ.» Ваттò смотрѣлъ на Божій миръ глазами двѣнадцати-лѣтняго мальчика и не замѣчалъ, что подъ улыбкой Изабеллы скрываются слезы. Онъ и впоследствии видѣлъ миръ въ томъ же свѣтѣ; его взоръ, ослѣпленный яркими красками и оригинальными очерками какой-нибудь представлявшейся ему сцены, не старался проникать въ глубину души дѣйствующихъ лицъ. Это недостатокъ его времени. Рисуя оперныхъ красавицъ и дриадъ, что ему было за дѣло до сердца, чувствъ и слезъ?...

Когда комедианты уходили, онъ рисовалъ карандашемъ, на поляхъ книги, которую держалъ въ рукахъ, фигуру шута, удивленіе остановившагося зѣваки, одну изъ смѣшныхъ сценъ уличнаго театра. Часто онъ запирался въ своей комнатѣ съ книгой, и отецъ, застававшій его задумчивымъ и грустнымъ, вообразилъ, что онъ предается изученію философіи; но вскорѣ открылось, что Антуанъ любилъ свое in-folio не за текстъ, а за бѣлую бумагу. Онъ отнесъ книгу жившему въ городѣ живописцу. Этотъ живописецъ, какъ ни мало смыслилъ въ искусствѣ, однако былъ пораженъ оригинальной граціей нѣкоторыхъ фигуръ Ваттò, и просилъ отдать его къ нему. Въ мастерской живописца, Ваттò, не смотря на серьезныя занятія, не позабылъ и того, что зналъ прежде. Изъ этой мастерской онъ перешелъ въ другую, которая болѣе была ему по вкусу; въ ней миология играла важную роль, и Ваттò попалъ на свой настоящій путь.

Ему не было еще двадцати лѣтъ, когда онъ отправился въ Парижъ. Опера, бывшая въ то время въ полномъ блескѣ, сзывала къ себѣ всѣхъ искусныхъ живописцевъ. Сцена представила обширное поприще огненной кисти Ваттò; онъ рисовалъ озера, горы, каскады, лѣса; ничто его не останавливало и не пугало. Онъ мало по малу привыкъ и освоился въ этой клѣткѣ веселыхъ, прыгающихъ и поющихъ птичекъ. Мамзель ла-Монтань, танцовщица, позволила ему, неизвѣстному пачкуну, фламандцу, снять съ себя портретъ.

Когда окончены были новыя декорации, онъ оставилъ оперу вмѣстѣ съ своимъ учителемъ. Жилло, великій творецъ фавновъ и наядъ, вскорѣ опять занялъ мѣсто декоратора. Учитель Ваттò возвратился въ

Валансьенъ, а онъ остался въ Парижѣ, рѣшившись предаться на произволь судьбы. Отъ декораций оперы онъ перешелъ къ иконописцу, который во множествѣ писалъ образа для парижскихъ и провинціальныхъ церквей; но тутъ онъ постоянно мечталъ объ оперѣ, гдѣ могъ дать волю своей причудливой фантазіи.

Ваттò рѣшился идти къ Жилло. «Грущу объ оперѣ, сказалъ онъ, которая меня приводила въ восторгъ; вельзя ли мнѣ, по вашей милости, вернуться къ милымъ моимъ надамъ и сатирамъ?» Онъ боялся отказа; но Жилло скоро разсѣялъ его сомнѣнія. «Ты умный малый, сказалъ онъ ему, о тебѣ еще до сихъ поръ помнятъ въ оперѣ. Милости просимъ. Если у тебя нѣтъ квартиры, приходи жить ко мнѣ. Я готовъ раздѣлить съ тобой пополамъ и мое вино и мои кисти.»

На оперной сценѣ, Ваттò опять нашелъ свои прелестныя, причудливыя фигуры. Языческіе боги и полубоги оживлялись подъ его фантастической, живой, волшебной кистью.

Изъ оперы онъ перешелъ въ Люксанбургъ, куда призывалъ его Клодъ Одранъ, бывшій въ то время знаменитѣйшимъ орнаментистомъ; но когда между фестонами и гирляндами необходимо было помѣстить какую-нибудь фигуру, въ такомъ случаѣ Одранъ не былъ въ состояніи ничего сдѣлать; онъ вспомнилъ о Ваттò и очень основательно заключилъ, что въ этомъ случаѣ онъ будетъ ему хорошимъ помощникомъ. Ваттò между украшеніями набросалъ нѣсколько аллегорическихъ фигуръ: Купидона, Силену, Діаны, грацій, музыки, живописи, поэзии. Не смотря на эти легкія, мастерскія произведенія, у него не было ни денегъ, ни извѣстности, но все-таки его положеніе теперь было гораздо лучше: онъ жилъ во дворцѣ, обѣдалъ каждый день, и по вечерамъ ходилъ гулять съ своимъ другомъ Жилло; а въ Люксанбургѣ онъ имѣлъ передъ глазами произведенія Рубенса и Ванъ-Дейка. «Опера испортила меня, говаривалъ онъ самъ себѣ: у меня былъ геній фламандской школы; моя кисть еще до сихъ поръ сохранила его оттѣнки; но у меня ужъ нѣтъ прежней простоты рисунка. У меня ужасная страсть выказывать умъ и остроу во всѣхъ моихъ произведеніяхъ, даже въ пейзажахъ. Я такъ часто рисовалъ трехъ грацій, что теперь не въ состояніи хорошо написать женщину.» Вотъ что говорилъ онъ, смотря на произведенія великихъ мастеровъ; но когда взглядъ его падалъ на собственныя картины, онъ улыбался съ гордостью очаровательнымъ, причудливымъ фигурамъ своей оригинальной кисти. «Кто знаетъ? восторгалъ онъ, кто знаетъ?»

Онъ началъ чувствовать тоску по родицѣ; ему захотѣлось опять увидѣть крутыя кровли домовъ Валансьена, родительскій домъ,

домашній очагъ, у котораго мать убаяюкивала его; поле, застѣнное рѣпой, гдѣ въ послѣдній разъ на прощаньи, обнялъ его отецъ: высокую мельницу, которая издали, привѣтливо, махала ему крыломъ. Онъ отправился въ одноколѣкъ, и вскорѣ нашелъ въ добромъ здоровьѣ всѣхъ своихъ друзей; даже старая мельница стояла на прежнемъ мѣстѣ, и весело привѣтствовала его своими длинными крыльями. «Я хочу жить на родинѣ», проговорилъ онъ, жадно вдыхая въ себя родной воздухъ. Перецѣлювавъ всѣхъ, даже новую служанку, которая, не выдавъ его никогда, тоже плакала отъ радости, Ваттѣ положилъ связку хвороста въ каминъ, хотя это было въ самый жаркій іюльскій день. «Ты съ ума сходишь», сказалъ ему отецъ. — «Оставь, прервала мать его, нашъ дядя имѣлъ и не такія причуды.» Ваттѣ развелъ огонь, посадилъ мать въ старыя кресла, надѣлъ очки на носъ отцу, далъ зажженную лучину маленькой сестрѣ, и попросилъ служанку поставить кофейникъ на огонь; въ это время и кошка, по обыкновенію, стала вертѣться у очага. — «Превосходно, сказалъ Ваттѣ; но я и такъ никогда бы не забылъ этого.» — «Онъ помѣшался», сказалъ съ безпокойствомъ отецъ. — «Нѣтъ, нѣтъ», — поспѣшно прибавила мать; она поняла сына, и улыбалась съ нѣжностью, когда всѣ услыли по своимъ мѣстамъ. Ваттѣ еще разъ окинулъ взоромъ эту патриархальную картину, живо напоминавшую ему его дѣтство; прѣжняя, добрая улыбка, немного грустная, какъ воспоминаніе озарила его блѣдное лицо. — «Да, все такъ; вотъ пылающій каминъ, отецъ съ книгой въ рукахъ, мать, которая съ нѣжностью смотритъ на своихъ дѣтей, служанка, убирающая комнату, солнце, лучи котораго весело проникаютъ въ этотъ уютный уголокъ, кипящій кофейникъ, старые часы; да, все такъ, какъ и прежде; я нашелъ истинную картину моей жизни!» — «Однако, говорилъ онъ на другой день, чтожь значить, что мнѣ чего-то недостаетъ въ этой картинѣ? Недостаетъ моего пятнадцати-лѣтняго сердца. Я потерялъ сердечную простоту, и позволилъ свѣтскому шуму и славѣ преобладать въ немъ. Оно также безпокойно и взволновано, какъ и самый Парижъ: ничто не можетъ усмирить его. Мое поприще ужъ не здѣсь; я умру тутъ отъ скуки, меньше чѣмъ въ шесть недѣль.»

Нѣсколько дней спустя, онъ отправился обратно въ Парижъ, напутствуемый слезами и благословіями. Въ минуту отъѣзда, мать его, убитая и слабая, проговорила едва слышнымъ голосомъ: «Прощай, мой другъ, прощай: я предчувствую, что ты не увидишь меня больше. Ты бы написалъ мой портретъ.» — «Онъ тутъ, сказалъ Ваттѣ, приложивъ руку къ сердцу. Но возвращеніи въ Парижъ, я

безъ труда напишу его.» Сказавъ эти слова, онъ уѣхалъ. По мѣрѣ того, какъ онъ сталъ удаляться отъ роднаго города, когда и самая высокая колокольня и послѣдняя мельница скрылись отъ его взоровъ, когда наконецъ цвѣтушія и богатые поля Фландріи, мало по малу, оставались назадъ, невыразимая тоска сдавила его сердце, передъ глазами его безпрестанно носилось грустное и страдающее лицо матери. — «Бѣдная женщина скоро умретъ!» думалъ онъ съ горестью. Однако Ваттò умеръ прежде своей матери.

Онъ воротился къ Орану, и принялся опять рисовать фантастическія фигуры, между гирляндами и арабесками. Свободные часы онъ посвящалъ болѣе серьезному труду; онъ готовилъ картину для преміи, объявленной академіей. Эту картину всѣ видѣли и знаютъ: это *Поклоненіе въ Цитеръ*, что-то волшебное въ искусствѣ живописи. Академія увѣнчала Ваттò; она сдѣлала еще болѣе: дала ему званіе академика. Ваттò, бывшій до того времени въ бѣдности и неизвѣстности, вскорѣ приобрѣлъ славу и богатство. Онъ сдѣлался моднымъ живописцемъ, но только въ мужскомъ кругу; женщины никогда не были на его сторонѣ, можетъ быть потому, что женскія фигуры, помѣщенные въ его картинахъ, отнимали у нихъ много прелести, а можетъ быть и потому, что онъ былъ нелюдимъ. Лицо его совершенно противорѣчило его гению. У него были грубыя черты, блѣдное лицо и угрюмый характеръ. Онъ очень рѣдко бывалъ въ свѣтскомъ обществѣ, и потому не былъ особенно ловокъ и говорливъ. Онъ не могъ имѣть успѣха между женщинами; за то въ числѣ молодыхъ людей было у него множество почитателей.

Наконецъ, въ первый разъ въ жизни, онъ обзавелся мебелью и собственной квартирой; онъ давно мечталъ объ этомъ счастьѣ; но оно превратилось для него въ величайшее бѣдствіе. Квартира его, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ всѣхъ любопытныхъ и праздныхъ людей. Всякій просилъ написать ему картину, а нѣкоторые даже свои портреты. Вскорѣ, измученный этими посѣщеніями, онъ вынужденъ былъ просить гостепріимства, на этотъ разъ, у Крозата. Это былъ человекъ благороднаго происхожденія, но очень плохой живописецъ, имѣвшій картинную галерею; всѣ посѣтителіи просили показывать имъ Ваттò, какъ самую интересную и любопытную вещь во всей галереѣ. Бѣдный живописецъ былъ наконецъ принужденъ удалиться изъ дома Крозата, и поселиться у своего друга Шевалье де-Влежеля, который вполнѣдствіи былъ директоромъ Римской академіи. Въ своемъ новомъ жилищѣ, Ваттò имѣлъ хотя немного свободнаго времени.

Безпрестанная борьба съ нищетою и свѣдающая жажда славы понемногу истощили его слабую, пламенную, нервическую натуру. Онъ все болѣе и болѣе впадалъ въ мизантропію, и искалъ уединенія; изъ меланхолика онъ сдѣлался ипохондрикомъ; онъ ни къ чему не имѣлъ влеченія, однако же и въ это время его картины блестяли всей легкой граціей и небрежной веселостію его удивительнаго таланта. Для развлеченія онъ отправился въ замокъ де Шантильи, къ принцу де Кондѣ, рисовать аллегоріями фантазіи регента. Онъ возвратился въ Парижъ, — еще въ болѣе грустномъ расположеніи духа. Откуда происходила его упорная грусть — никто бы не могъ рѣшить этого. Это не была тоска по родинѣ, ни даже несчастная любовь; онъ не испытывалъ ничего подобнаго. Его тоска не имѣла причины, и потому была неизлечима. Онъ обожалъ Мольера, плакалъ на его представленіяхъ, и смѣялся надъ тѣми, кто проливалъ слезы въ трагедіяхъ Расина. Въ Ножанѣ на Марнѣ жилъ его старый другъ; онъ поѣхалъ къ нему мѣсяца на полтора, чтобы отдохнуть, и нашель, что фигура его могла служить ему превосходной моделью для шута. Имѣя безпрестанно ее передъ глазами, онъ не могъ удержаться, чтобъ не набросать нѣсколькихъ смѣшныхъ абрисовъ. Въ это время появились его лучшіе паяцы и Пьеррѣ. Тамъ онъ нарисовалъ своего *Доктора въ хомутъ*. У него сдѣлался сплинъ; ему хотѣлось путешествовать, и онъ избралъ Англію мѣстомъ своего развлеченія. Этимъ онъ нанесъ себѣ послѣдній ударъ; изъ Англіи онъ воротился еще болѣе угрюмый, блѣдный; ему все надоѣло — даже живопись, бывшая нѣкогда его единственной отрадой.

До этихъ поръ у Ваттѣ были кописты, но не было учениковъ. По возвращеніи его изъ Лондона, къ нему явился молодой человекъ, наружность котораго походила на дворянъ въ его *Блестящихъ Праздникахъ*; его звали Николаемъ Ланрѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бесплоднаго ученія, Ланрѣ обратился къ Ваттѣ, съ просьбой, чтобы тотъ давалъ ему уроки. Ваттѣ заставилъ его рисовать при себѣ, и видя, что Ланрѣ употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы скопировать его, выхватилъ у него кисть, сломалъ ее, и сказалъ молодому живописцу: — «Такъ-какъ вы больше ничего не умѣете, то я постараюсь быть вамъ полезнымъ чѣмъ-нибудь другимъ».

Они были въ Ножанѣ. Ваттѣ повелъ Ланрѣ въ поле, и долго молчалъ; наконецъ, видя, что Ланрѣ стоялъ въ изумленіи, и казался совершенно равнодушенъ къ красотамъ природы, онъ ему сказалъ: «Вы истинный парижанинъ, любезный Ланрѣ; вы не обращаете вни-

манія на то, что васъ окружаетъ. Двухъ часовъ слишкомъ достаточно. чтобы изучить любую изъ моихъ картинъ; картины, которыя надо созерцать, вотъ онѣ! Если вы не можете понимать ихъ, то вы навсегда останетесь рисовальщикомъ вѣровъ и другихъ бездѣлокъ. Мои картины—мастерскія произведенія. я это знаю.—но что же значить копія съ нихъ? Неужели эта невыразимо пріятная и нѣжная даль, эта маленькая колокольня, которая такъ весело блеститъ на солнцѣ, этотъ дальній лугъ, окаймляющій озеро—не очаровываютъ вашей души? Любезный другъ, всмотритесь хорошенько! снимая съ природы, вы схватите ея душу, силу, жизнь; копируя мои произведенія, вы будете копировать мертвую природу. Никто не знаетъ, сколько времени провелъ я въ созерцаніи бѣгущихъ облаковъ, ручьевъ, фонтановъ и шелестящихъ листьевъ; я уже не говорю о времени, употребленномъ на изученіе лицъ и улыбокъ женщинъ; но въ этомъ отношеніи, прибавилъ Ваттò съ улыбкой, было много потеряннаго времени, — это совсѣмъ другая исторія.»

Съ этого дня открылись глаза Ланрè на искусство; уроки Ваттò были такъ хороши, что ученикъ вскорѣ сдѣлалъ почти такъ же извѣстенъ, какъ и его учитель, если не болѣе. При первомъ взглядѣ, въ его картинахъ было то же волшебство; но для опытныхъ глазъ, Ваттò далеко оставлялъ за собою Ланрè. Но такъ какъ Ланрè часто посѣщалъ высшее общество, былъ очень не дурень собой, уменъ, то заставилъ почти забыть о мизантропѣ Ваттò.

Ваттò надоѣло все, даже жизнь, но только не слава: когда онъ увидѣлъ, что слава его переходитъ къ Ланрè, когда онъ почувствовалъ вокругъ себя холодное одиночество, онъ сталъ упрекать въ этомъ своего ученика, сдѣлался завистливъ, и наконецъ тоска его имѣла причину, основаніе. Однажды утромъ, прогуливаясь по набережной, онъ увидѣлъ у продавца картину, выставленную въ окнѣ, сельскую сцену Ланрè. Возлѣ окна толпилось множество людей, и всѣ наперерывъ кричали: *какая прелестная картина, сколько ума и граціи, какія волшебныя краски, Ваттò превзошелъ самъ себя.* Бѣдный живописецъ удалился, пораженный въ самое сердце.

Онъ бросилъ свѣтъ, удалился въ Ножанъ, и поселился возлѣ своего добраго друга, священника, въ Пулэнъ-Жали, въ загородномъ домѣ пріятеля своего же Февра.

Съ тѣхъ поръ онъ не былъ въ Парижѣ. Въ одну изъ послѣднихъ поѣздокъ, онъ расписалъ потолокъ лавки друга своего Жерсена, продавца картинъ, на мосту Нотръ-Дамъ. Если вѣрить совре-

менникамъ, то этотъ потолокъ былъ одно изъ мастерскихъ произведеній Ваттò. Онъ видимо слабѣлъ съ каждымъ днемъ; его часто видали блуждающимъ безъ цѣли, на берегахъ Марны. Наконецъ, томимый жаждой славы и терзаемый порывами своего генія, который, вмѣсто того чтобы одушевлять, разрушалъ его, онъ слегъ въ постель, и болѣе уже не вставалъ. Кончина его была трогательна и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшна. Въ одно и то же утро онъ исповѣдывался, и завѣщалъ свои долги, потому—что кромѣ долговъ у него ничего не было, четыремъ своимъ друзьямъ: де Жольену, Гаранжеру, Генэну и Жерсену. Это были достойные люди; они, какъ истинные друзья, приняли наследство знаменитаго живописца. Госпожа де Ламберъ, жившая во время смерти Ваттò въ Ножанъ, рассказываетъ о немъ слѣдующее: въ послѣднюю минуту воспоминаніе о родинѣ и семействѣ оживило его сердце. «*Неблагодарный!* воскликнулъ онъ, у меня было столько потеряннаго времени, а я не собрался написать портретъ моей матери. Къ дѣлу, за работу!» — И воображая, что рисуетъ, онъ началъ въ воздухѣ чертить указательнымъ пальцемъ портретъ своей матери.

Онъ умеръ на чужихъ рукахъ, и былъ похороненъ на чуждомъ кладбищѣ. За нѣсколько дней до своей смерти онъ сказалъ: «Грустно быть похоронену на этомъ кладбищѣ: я не увижу тамъ ни одной знакомой души.»

Ваттò, преимущественно, находятъ живописцемъ любви и остроумія, живописцемъ *Блестящихъ Праздниковъ*. Онъ вполне схватилъ всѣ тайны природы; это волшебникъ, показывающій ихъ сквозь радужную призму; онъ былъ самый кокетливый и кроткій, самый тонкій и улыбающійся изъ всѣхъ живописцевъ восемнадцатаго столѣтія. Кисть его была игрива, и рисунокъ имѣлъ необыкновенную пріятность; въ краскахъ его много огня, блеску и свѣжести. Его картины поражаютъ глаза зрителя своимъ волшебнымъ обманомъ; въ нихъ есть безграничная даль, объемъ которой уляжется подъ женской рукой, бездна тѣни и солнечнаго свѣта. Картины его чрезвычайно разнообразны: кромѣ сельскихъ маскарадовъ и блестящихъ праздниковъ, онъ нарисовалъ *Солдатскій привалъ*; картина эта не уступаетъ лучшимъ картинамъ Вувермана; *Времена года*, *Гадальщицы* и пр.; различныя бездѣлки, какъ напримѣръ въ *Замкѣ ла Мюэттъ*, или остроумныя каррикатуры, какъ въ *Замкѣ де Шантильи*. Однажды онъ рѣшился заняться серьезной живописью, и написалъ *Пресвятую Дѣву съ Божественнымъ Младенцемъ*, достойную кисти Ванъ-Дейка.

Ваттò любилъ только актрисъ. Любовь для него была устарѣ-
 лый купидонъ древнихъ, богъ удовольствія и вѣлкости. Ваттò
 не виноватъ: это было общее направленіе и убѣжденіе его вѣка.

Для чего же требовать отъ роскошной долины, наполненной
 цвѣтами и солнечнымъ свѣтомъ, могущихъ дубовъ и горныхъ вер-
 шинъ? Будемъ любить Ваттò съ его прелестной, обманчивой мечтой.
 Впрочемъ, онъ не такъ невѣренъ, какъ съ перваго взгляда кажется;
 его фигуры всегда имѣютъ скрытый смыслъ. Не ищите въ нихъ
 добродушія простаго гражданина, ни гордой и благородной осанки
 мыслителей и воиновъ, ни сельской простоты и наивности поселянъ.
 Онъ представляетъ актеровъ всѣхъ родовъ, актеровъ на театрѣ, и
 актеровъ въ обыкновенной жизни. Видя вездѣ блестящіе праздники,
 гдѣ веселились вельможи и прелестныя маркизы, Ваттò, не забо-
 тясь ни о чемъ, рисовалъ эти праздники, гдѣ развивался его очаро-
 вательный геній во всемъ блескѣ волшебныхъ красокъ своихъ.

Но почти во всѣхъ его картинахъ, вдали, виднѣется коло-
 кольня, обняющая кладбище, — и эта колокольня, всегда фламанд-
 скаго стиля, высокая, легкая, остроконечная — воспоминаніе его
 милой родины.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Церковныя распри во Франціи. — Рауссе-Бульбонъ и его книга. — Дѣль разважки. — Опять новый годъ. — Кукла въ тысячу франковъ. — Удовольствіе дарить. — Шутка въ пользу бѣдныхъ. — Мелкая монета любви. — Окно въ область мечты. — Беликодушіе Императрицы Екатерины II-й. — Комедія, драматическая шутка и беркинада. — Еще слово о столахъ. — Вклады на постройку католическихъ церквей въ Болгаріи. — Паденіе министерства талантовъ въ Англіи. — Способныя неспособности. — Сардинское подкрѣпленіе выморозкамъ крымской арміи.

Жизнь внутренняя, ограниченная тѣснымъ кругомъ семейнаго быта и трудовъ изъ-за вещественныхъ выгодъ, не имѣла бы большаго значенія, если бы подъ этою спокойною наружностью не крылись волненія духа: религіозныя, нравственныя и умственныя, проявляющіяся отъ времени до времени въ соответственныхъ, своеобразныхъ событіяхъ. Рѣзкій примѣръ этому видимъ теперь во Франціи. Впечатлительныя умы Французовъ, и безъ того уже бывшіе въ сильномъ броженіи, взволнованы новымъ обстоятельствомъ. Глава Римско-католической Церкви призналъ догматомъ вѣры одно изъ свободныхъ вѣрованій этой Церкви, вѣрованіе, освященное своею всеобщностью и давностью. Это нововведеніе породило много толковъ, много жаркихъ преній, которые могутъ имѣть важныя, рѣшительныя послѣдствія. Вотъ что говорятъ во Франціи толковщики каждой новой идеи, cadaго новаго событія: «Его святѣйшество худо выбрало время для этого нововведенія. Онъ долженъ былъ понять, какъ опасно посягать на неизмѣнность какого бы то ни было вѣрованія; какъ опасно преобразовать въ догматъ свободное вѣрованіе, хотя бы и всемірное, какъ бы доказывая тѣмъ неполноту въ самомъ символѣ католическаго исповѣданія, не замѣченную въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Не значить ли это поколебать самую вѣру?» Все эти вопросы должны были предстать предъ мыслію первосвященника Католической Церкви, и онъ долженъ былъ подумать, что вопросы эти, возникшіе такъ внезапно, возбуждали такія жаркія пренія быть можетъ потому, что они связаны съ другимъ, отдѣльнымъ движеніемъ, проявляющимся въ наше время, съ страннымъ усиленіемъ мигнній и страстей придать преобладающій ходъ самымъ абсолютнымъ ученіямъ. Владыка западной Церкви долженъ былъ предвидѣть,

★

что это нововведение бросить съмена раздора въ католическое духовенство и раздѣлить его на двѣ хоругви: на поборниковъ за аппенинскихъ и галликанскихъ; что оно породитъ эту борьбу, которая вызвала уже изъ уединенія престарѣлаго Клозеля де-Монталь (M. gr Clausel de Montals), прежняго епископа шартрскаго, который донесъ намъ, что во Франціи и Италіи распространяются *хитрыя козни* противъ католицизма. Въ брошюркѣ своей, подъ заглавіемъ: *Coup d'oeil sur la constitution de la religion catholique et sur l'etat present de cette religion dans notre France*, епископъ Клозель де-Монталь возстае съ неимовѣрнымъ рвеніемъ противъ распространителей новаго ученія, покушающихся, какъ онъ говоритъ, низвергнуть церковныя преданія Франціи, преслѣдующихъ мнѣнія, освященныя обычаемъ и древностію, пытающихся все преобразовать, даже до самой одежды французскаго духовенства. Отвергая галликанскія повѣрья, придавая Галликанской Церкви новое направленіе, надобно сообразить, продолжаетъ епископъ, что Церковь эта создавалась подъ охраною тѣхъ самыхъ повѣрій, которыя теперь отвергаются; что въ первобытномъ положеніи своемъ она была уже такъ сильна, что самая революція, обезоруженная, остановилась предъ нею. Нынѣшняя реакція совершилась въ ущербъ свободы вѣрованій и свободы мнѣній. Остается разгадать, выиграютъ ли исповданіе и Церковь въ тѣхъ опасныхъ путяхъ, по которымъ преобразователи повели ихъ.

Кто бы ожидалъ въ наше время богословскихъ раздоровъ во Франціи? Кто можетъ предвидѣть послѣдствія? Ни въ какой странѣ идеи и мнѣнія не воплощаются такъ быстро въ партіи, какъ во Франціи, и нигдѣ религіозныя и нравственныя вѣрованія не сливаются такъ скоро съ вѣрованіями политическими. Все вѣрованія Галликанской Церкви неизбѣжно принимали политическій характеръ. Кто знаетъ, куда поведутъ легко увлекающихся Французовъ ихъ теперешнія религіозныя распри?—Посмотримъ.... и поговоримъ о чемъ-другомъ.

Литературъ суждено, въ неисчислимомъ разнообразіи своихъ проявленій, касаться всего, проникать во все области воображенія и мысли, и бросать свой особый свѣтъ на яркія уже и безъ того стороны общественной жизни. Въ этомъ литературномъ движеніи появляются иногда книги, тѣсно связанныя съ некоторыми драматическими эпизодами дѣйствительности. Къ разряду такихъ книгъ принадлежитъ несомнѣнно рассказъ графа Гастона Раусе-Бульбонъ (Raousset-Boulbon), подъ заглавіемъ: *Обращеніе (Une Conversion)* Страшная участь и этого сочиненія и его автора! Публика забыла.

уже эту книгу, когда трагическая смерть графа опять вывела на светъ его *Обращеніе*. Спутаннымъ пасмомъ выпрямась жизнь этого чловѣка, — а въ немъ были начала мужественной, рыцарской натуры. Въ прежнія времена, гр. Раусе-Бульбонъ былъ бы замѣчательнымъ предводителемъ, или однимъ изъ предприимчивыхъ людей, стремящихся за счастьемъ въ далекія страны свѣта; — въ наше время онъ вынужденъ былъ вести жизнь чуждую его личности, волноваться несбыточными мечтами, провиняться противъ общественныхъ законовъ, и, наконецъ, умереть разстрѣляннымъ. Прелесть неизвѣстнаго, блескъ быстрыхъ обогащеній увлекли его въ Мексику. Разъ случилось ему, на походъ въ Сонору, разбить съ горстью отважныхъ воиновъ многочисленный отрядъ мексиканской арміи. Этотъ подвигъ выдвинулъ его на первый планъ военной картины того времени. Новое правленіе генерала Санта-Анна старалось привлечь графа Раусе-Бульбонъ въ Мексику, или чтобы сойтись съ нимъ, или чтобы обмануть и усыпить его энергическую дѣятельность.

Гр. Раусе-Бульбонъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ этого государства, и былъ тамъ предметомъ общаго любопытства. Предлагали множество проектовъ, задумывали устроить въ громадныхъ размѣрахъ поселеніе, предполагали сформировать легионъ чужеземцевъ и ввѣрить начальство надъ нимъ графу, и кончили тѣмъ, что предложили ему чинъ полковника въ рядахъ мексиканскихъ войскъ. Каково было ему выслушать это предложеніе, когда онъ надвигаясь былъ главнокомандующимъ, и, можетъ быть, мечталъ о покореніи Мексики! Онъ увхаль, съ клятвою Аннибала въ душѣ, съ замысломъ кровавой мести, обдумывая новую экспедицію, которую онъ полагалъ поддержать народнымъ движеніемъ. Но онъ возвратился, чтобы попасться въ пльнъ въ первомъ сраженіи подъ Гваймою, будучи покинутъ своими, тогда-какъ онъ не хотѣлъ покинуть ихъ, имѣя возможность спастись бѣгствомъ. Онъ умеръ съ мужественною простотою чловѣка, достойнаго лучшей участи, принимая эту смерть, какъ искупленіе худо направленной жизни, и просилъ только дозволить ему умереть кончиною христіанина и воина. Въ рассказѣ *La Conversion* виднѣтъ какъ бы отблескъ этой странной натуры, вмѣшанной въ странный эпизодъ нашего времени. Въ этой книгѣ нтъ затѣйливой драмы, но въ личностяхъ есть столько правды, столько жизни, что онѣ невольно поражаютъ. Герой повѣсти—Робертъ Ланжеше, послѣ бурной, истомленной страстями жизни, жемитса и обращается на путь истинный. Авторъ рисовалъ, кажется, себя въ этой личности; но какая разница въ развязкѣ, придуманной

воображеніемъ, и этой другой, такъ противоположной развязкѣ, приготовленной дѣйствительностію! Грустно!... о другомъ, о другомъ!...

На этотъ разъ *другое* будетъ въ другой разъ новый годъ въ Парижѣ. Въ прошломъ номерѣ мы говорили о томъ, чего Парижъ не дѣлалъ на этотъ новый годъ; надобно же сказать, что Парижъ дѣлалъ въ это новогодье. Извольте прислушаться.

Въ Парижѣ гостили недавно три казни египетскія: *зараза, голодъ и война*. Двѣ первыя уже отправились оттуда, но какъ бы сожалѣя о разлукѣ съ парижанами, оставили неограниченное полномочіе своей третьей подругѣ, хорошо ознакомленной съ правами и обязанностями своихъ всегдашнихъ сопутниковъ. Эта-то гостыя и мѣшала парижанамъ веселиться; но не помѣшала продавцамъ подарковъ на новый годъ (*etrennes*) взять порядочную дань съ жителей столицы, у которыхъ, благодаря отсутствію баловъ и другихъ увеселеній, скопилась деньга, а привычка мотать осталась прежняя. Двѣ *новогодной* торговля шли прекрасно. Погода благопріятствовала пѣшеходному движенію жителей, и въ продолженіи восьми дней на бульварахъ и торговыхъ улицахъ тѣнилась толпа людей, вышедшихъ изъ дома съ полнымъ кошелькомъ и пустыми руками, и возвращающихся обыкновенно съ пустымъ кошелькомъ и часто не совсмѣ съ полными руками. И не мудрено. Повѣрите ли, что въ числѣ *etrennes* были куклы по 1,000 франковъ! Какъ много надобно любить маменьку, чтобы подарить малыгѣ-дочкѣ такую куклу! — Съ 1848 года, бывшая тогда въ ходу, *система бережливости* проникла и въ этотъ мотовской обычай, и расчетливые *этреныры*, минуя магазины съ дорогими вещами, начали запасаться рождественскими подарками въ кондитерскихъ лавкахъ. Конфекты замѣнились драгоценными камнями и разорительными бездѣлушками, которые волшебное мастерство парижскихъ ремесленныхъ художниковъ громоздитъ на этажерки модныхъ будуаровъ. Теперь эта *дорогая* привычка воскресла, любезность и тщеславіе давнихъ Французовъ снова заразили общество, и магазины изящныхъ пустяковъ были въ этомъ году расхищены такъ же скоро, какъ если бы они были поставлены въ дремучемъ лѣсу или на большой дорогѣ.

«*C'est un grand art, que de savoir donner*», сказалъ кто-то изъ новѣйшихъ моралистовъ Франціи; *c'est aussi un bien grand plaisir*, прибавимъ мы. Посмотрите на этого добряка, который выходитъ изъ дому съ полнымъ кошелькомъ, или туго набитымъ бумажникомъ. Передъ выходомъ онъ составилъ маленькій списокъ. Онъ знаетъ на память, *par coeur*, вкусы и прихоти своихъ друзей, и идетъ отыскивать подарки, которые доставятъ имъ *сердечное* удовольствіе.

Онъ переходитъ изъ магазина въ магазинъ, выбираетъ, не заботясь о цѣнѣ, озабоченный только желаніемъ правиться, обязать, исполнить чью-либо причотъ, не по средствамъ убыточную, осуществить тайную мечту, разгадать несознаваемую, невинную зависть. И въ этомъ уже таится сладкая забота, сердечное наслажденіе. Неужели не весело доброму сердцу слѣдить за три мѣсяца впередъ за чужою мыслию, вывѣдывать склонности, разгадывать желанія, и, когда наступитъ урочный день, явиться съ осуществленною мечтою въ рукахъ, и видѣть, какъ вспыхнетъ румянцемъ прекрасное лице милой женщины, слышать, какъ сердечно она скажетъ: «*Благодарю васъ! Какое догадливое у васъ вниманіе; — но кто же сказалъ вамъ?*» и улыбка признательности поблагодарить васъ за сметливую любезность; а чтобы заслужить эту благодарность, нужно имѣть только доброе сердце и нѣкоторую наблюдательность. Не вѣсмы же думать какъ одинъ изъ современныхъ философовъ, котораго спросили: чтѣ онъ ставитъ выше: удовольствіе *давать* или удовольствіе *принимать*? Онъ отвѣчалъ: Удовольствіе *давать* продолжительнѣе, потому-что кто *дастъ*, тотъ не скоро это забываетъ. — Чтѣ за радость жить съ такимъ холоднымъ взглядомъ на жизнь!

Все чтѣ кстати — хорошо. У насъ есть анекдотъ, — онъ будетъ къ мѣсту въ рассказъ о магазинныхъ новостяхъ на новый годъ.

Вы знаете Вивье? Это знаменитый коринистъ, *un fameux cor*, и прекрасный композиторъ садоныхъ пьесъ для фортепьяно. Кромѣ того, г. Вивье человекъ умный, добрый, любезный, весельчакъ, нѣсколько проказникъ и дорогой собесѣдникъ во всякомъ обществѣ. За веселость друзья прозвали его: *un drôle de cor...*

Въ первые дни прошлаго 1854 года, г. Вивье, слоняясь по улицамъ, замѣтилъ въ одной изъ временныхъ лавочекъ, воздвигаемыхъ на это время по бульварамъ, искусно сдѣланнаго оленя, который притворялся бронзовымъ. Мы говоримъ — *притворялся*, потому-что олень былъ вовсе не бронзовый, а алебастровый, покрытый тонкимъ слоемъ мѣди, благодаря новому открытію, которое называютъ гальванизмомъ, гальванопластикомъ. и Богъ еще знаетъ какъ; словомъ, благодаря этой металлической лжи, этому бѣдствію, насланному на добросовѣстныхъ ваятелей нашимъ спекулятивнымъ вѣкомъ, который, между прочимъ, изобрѣлъ и другія бѣдствія, какъ-то: холеру, сумасбродныя идеи, каучукъ и гутта-перчу. Г. Вивье, отъ нечего-двѣять, купилъ за 25 су оленя, положилъ его въ карманъ, и пошелъ далѣе. Проходи мимо магазина съ бронзовыми вещами, онъ, также отъ нечего-двѣять, зашелъ туда и началъ разсматривать *тарелки*, эти милыя вещи, въ которыхъ осмысленное искусство,

лаская взоръ, пытается доставить наслаждение и уму. Въ магазинъ было много покупателей; прикащики были заняты. Неугомонная страсть проказить шепнула Вивье странную мысль. Онъ незамѣтно вынимаетъ своего оленя изъ кармана и ставитъ между бронзовыми пресс-папье, въ видѣ слоновъ, собакъ, змѣй, птицъ и проч., потомъ обходить кругомъ столъ, на которомъ былъ разставленъ этотъ бронзовый зверинецъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, подходя къ своему оленю, спрашиваетъ цѣну. «Двадцать восемь франковъ», отвѣчаетъ хозяинъ; «это произведение одного изъ нашихъ замѣчательныхъ художниковъ.» — Не спорю, отвѣчалъ г. Вивье, но вы взяли за плохое ремесло. Полиція надзираетъ за поддѣльной мѣрой и фальшивымъ вѣсомъ, — не худо было бы, если бы она присматривала и за продавцами, которые берутъ такіе барыши, какъ вы. Вашъ олень не стоить и 28 су, — вы просите 28 франковъ. Во ста шагахъ отъ васъ, въ бульварной лавочкѣ, точно такой олень продается, и вѣроятно не въ убытокъ, по двадцати пяти су.

— Милостивый государь... эта шутка....

— Я не шучу; пошлите со мною вашего сидѣльца, и вы увидите.

— Я держу десять луддоровъ пари, что это невозможно.

— Я принимаю пари — въ пользу бѣдныхъ.

Г. Вивье отправился съ прикащикомъ на бульваръ, и чрезъ пять минутъ возвратился съ оленемъ, купленнымъ за двадцать пять су. Оленей сличилъ, и хозяинъ магазина вынужденъ былъ сознаться, что невозможно отличить одного отъ другаго.

— А десять луддоровъ, отозвался кто-то изъ покупателей.

— Я увѣренъ, промолвилъ г. Вивье, что хозяинъ отошлетъ ихъ въ контору комитета вспомошествованій.

Г. Вивье ушелъ, а хозяинъ магазина, какъ слышно, сбавилъ цѣну съ товара.

Возвратимся къ подаркамъ на новый годъ; въ некоторомъ отношеніи, это славный, право, обычай. Но угождать прихотямъ милой женщины — это внимательность скорѣе къ себѣ, чѣмъ къ ней. Тутъ главный дѣятель — своекорыстіе. Тутъ подарокъ, вниманіе, заботливость, предупрежденіе желаній — цѣна признательной улыбки, приветнаго взора, пожатія руки, этой мелкой монеты любви, которую мы покупаемъ по цѣнѣ драгоценныхъ нумизматовъ. Въ какую несмѣтную цѣну обошлась бы страстная любовь женщины, если бы пришлось скупить въ разницу каждое проявленіе этого чувства. Размѣняйте на мелочь самую непылкую, самую непродолжительную любовь, и предъ вами разсыплется такое множество нѣжныхъ взглядовъ, улыбокъ, вздоховъ, значительныхъ фразъ, намековъ, полупризнаній, *des*

dous abandons (въ русскомъ любовномъ словарѣ этого изреченія нѣтъ), сердечныхъ ласкъ, которымъ нѣтъ названія ни на какомъ языкѣ, — наконецъ, этихъ несомнѣнныхъ доказательствъ страсти, которыя выражаются не звуками; — вы увидите такую пропасть любовной мелочи, что если бы вамъ пришлось платить за каждую изъ этихъ сестерцій чувства хотя полушками преданности и самоотверженія, не стало бы и грандисоновскаго сердечнаго капитала на это дорогое пріобрѣтеніе. Къ счастью, въ свѣтъ это дѣлается иначе. Въ разницу покупаются только два, три, много пять признаковъ любви, такъ, на пробу, — остальные пріобрѣтаются гуртомъ; и если за полную коллекцію этихъ признаковъ, за любовь страстную, беззавѣтную, придется заплатить цѣлымъ состояніемъ, душевнымъ спокойствіемъ, прежнимъ счастіемъ, доброю славою, цѣлою будущностію, — право, не дорого, судя по дороговизнѣ отдѣльныхъ выраженій страсти.

И такъ, угождать женщинъ — не диво; но порадовать кого-нибудь изъ одного удовольствія сдѣлать доброе дѣло — побужденіе благородное, высокое. Расскажемъ недавній примѣръ.

Одинъ изъ современныхъ литераторовъ Франціи досталъ случайно прекрасную картину Діаза: роскошный ландшафтъ съ голубою далью, съ тою очаровательною, воздушною перспективою, въ которую взоръ такъ глубоко погружается, и которая наводитъ мечту о другихъ далекихъ сторонахъ, вѣчно цвѣтущихъ, вѣчно юныхъ. Картина стояла передъ самымъ рабочимъ столикомъ литератора; онъ такъ часто, такъ сердечно любовался ею.

Къ новому году молодой человѣкъ не умѣлъ свести итогъ расхода съ приходомъ. У него были долги и долги не только ростовщикамъ, но и людямъ, обязавшимъ его по расположенію. Какой-то купецъ предложилъ литератору тысячу франковъ за картину Діаза. Дѣлать было нечего, — молодой человѣкъ беретъ деньги и спѣшитъ расплатиться съ кредиторами и закупить неизбѣжные подарки на новый годъ. Возвратясь домой, грустно было ему смотрѣть на пустое мѣсто, гдѣ висѣла картина. Напрасно переставлялъ онъ свой рабочій столикъ, напрасно группировалъ въ иномъ порядкѣ милыя бездѣлушки, необходимыя украшенія рабочаго стола артиста, образчикъ его вкусовъ и склонностей; предъ нимъ уже не было любимой картины, этого окна въ область мечты, въ которое онъ такъ часто заглядывался. Грустно становилось ему, какъ въ первые дни разлуки съ любимицею души, и осиротѣвшая мысль лѣтнво брела подъ бойкимъ перомъ его. Въ день новаго года отправился онъ развозить свои подарки, и возвратился домой съ пустыми руками—

и съ пустыми карманами. Войдя въ кабинетъ, онъ остоябенгль отъ удивленія,—картина Дяза, его любимая картина, висла на своемъ мѣстѣ.

Начались разспросы. Картина принесена въ его отсутствіе незнакомымъ человѣкомъ, а лакей литератора, полагая, что ее прислалъ господинъ его, повѣсилъ ее на прежнее мѣсто. Молодой человѣкъ бѣжитъ къ купцу, которому онъ продалъ картину, и узнаеть, что накануне приходилъ въ лавку пожилой человѣкъ, удивился, увидя этотъ пейзажъ Дяза, разспросилъ, какимъ образомъ попалъ онъ въ лавку, купилъ его и унесъ съ собою. Купецъ не зналъ больше ничего.

Этотъ поступокъ, не только великодушный, но и чрезвычайно деликатный, припоминаеть милостивое вниманіе Императрицы Екатерины II къ Дидеро. Дидеро былъ бѣденъ. Если ему что оставалось отъ расходовъ на необходимыя жизненныя потребности, онъ покупалъ книги. Въ нѣсколько лѣтъ скопилась порядочная библіотека. Между тѣмъ, дочь философа подростала и воспитаніе ея требовало новыхъ расходовъ, а средствъ не было. Въ 1765 году, Дидеро рѣшился продать для этой надобности свою библіотеку. Иванъ Ивановичъ Бецкій возвратился тогда изъ Парижа въ Петербургъ. Онъ разсказалъ Императрицѣ этотъ случай, въ числѣ своихъ дорожныхъ походовъ. Государыня немедленно повелѣла своему посланнику въ Парижъ купить библіотеку Дидеро, не съ условіемъ, чтобы книги оставались у философа впредь до востребованія, и чтобы онъ принялъ на себя обязанность библіотекаря съ назначеннымъ ему жалованьемъ. Сколько великодушія и деликатности въ этомъ поступкѣ. Великая Императрица не ограничилась этимъ: въ 1767 году она довершила благое дѣло. Дидеро, по непростительной ошибкѣ какого-то чиновника, не получилъ предназначеннаго ему Ея Величествомъ содержанія; Государыня повелѣла своему посланнику выдать энциклопедисту Дидеро слѣдующее ему жалованье за пятьдесятъ лѣтъ впередъ, присовокупляя, что по истеченіи этого срока будутъ приняты надлежащія мѣры къ его удовлетворенію. Какъ не почтять душевнымъ удивленіемъ эту несравненную черту высокой души мудрой Государыни? Дидеро было тогда 53 года отъ роду; по истеченіи срока ему было бы за сто. Философъ, о которомъ говорили, что онъ плохой эконоомъ огромнаго умственнаго богатства, умеръ семидесяти одного года отъ роду. Екатерина скончалась двѣнадцать лѣтъ спустя. Книги достались въ наслѣдство дочери Дидеро. Императрица никогда ихъ не требовала.

Въ Парижъ выходитъ новый журналъ: *Figaro*, родъ *Charivari*; мы послѣ поговоримъ о немъ. Тамъ появилась также новая аристо-

кратическая комедія: *Les Parisiens*; о ней также послѣ. Расскажемъ теперь содержаніе двухъ пьесъ, о которыхъ мы упомянули въ прошломъ номерѣ, и еще одной, о которой не говорили.

Въ театрѣ *Gymnase* давали три прекрасныя пьесы, одна вслѣдъ за другою: *Une Berquinade*, подъ заглавіемъ *Сопутникъ* (*Le Compagnon de voyage*), г-на Эрне Серре; драматическую шутку г-жи Эмиль Жирарденъ: *Шляпа часовщика* (*Le Chapeau de l'horloger*), и комедию г-на Дюмануара: *Школа агнцевъ* (*L'Ecole des agneaux*).

Беркинада (*) *Сопутникъ*—пьеса незатѣйливая, какъ видно изъ прозванія. Дѣйствіе происходитъ гдѣ вамъ угодно: въ глуши провинціи, въ конторѣ нотариуса. Зрѣлая дѣва Бланшъ-Эрминь въ хлопотахъ. Она задумала отправить свою племянницу въ Брюссель, къ богатому родственнику, чтобы, въ случаѣ его смерти, приневолить въ свою пользу его *последнюю волю*. Но вотъ бѣда: племянницѣ шестнадцать лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ опасно путешествовать безъ провожатата. Опасно съ провожатымъ, скажутъ другіе, но театрѣ *Gymnase* этого не скажетъ: въ немъ чистота нравовъ безукоризненная.

Нотариусъ — законный совѣтникъ въ всѣхъ казусныхъ дѣлахъ; на этомъ основаніи, дѣвица Бланшъ-Эрминь обратилась къ нотариусу Дюрантену, всегдашнему ея оракулу.—За провожатымъ дѣло не станеть, отвѣчалъ старый законникъ. Братъ мой ѣдетъ на дняхъ въ Петербургъ; мы поручимъ ему вашу племянницу — вотъ ей и сопутникъ. Ведь вамъ только того и надобно?

— Да чего же больше, почтенный другъ.

— Ну, такъ и дѣлу конецъ.

Приходить братъ. Смиреница взглянула на него изъ-подлюбы, — онъ ей приглянулся.—Мы скоро ѣдемъ? спросила она молодого человека. — Куда, сударыня? — А въ Брюссель; вѣдь мы туда отправляемся.—Да мнѣ туда не по дорогѣ: я ѣду въ Константинополь.— Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный молодой человекъ попалъ въ наставники къ странствующему англичанину, у котораго, какъ обыкновенно у Англичанъ водится, цѣлая дюжина дѣтей. Посмотрѣвъ, однако, попристальнѣе на милую племянницу, новѣй менторъ восклицаетъ:—Да что же въ самомъ дѣлѣ я за дуракъ? пускай чадолюбивая маменька отправляется съ своимъ выводкомъ куда ей угодно, я ей не товарищъ. Я заверну по пути въ Брюссель, и пусть ждетъ она меня въ Царьградѣ до скончанія свѣта.—Нѣтъ, это невозможно, возразила сорока-шести-лѣтняя тетуська, испугавшись молодости сопутника,

(*) Слово беркинада происходитъ отъ названія известнаго сочинителя *Berquin*, писавшаго повѣсти, сказки и драматическія пьесы для дѣтей. *Переводчикъ.*

это невозможно. Я думала, что вы... что вы брать... вашего брата. — Родной, родной братъ, сударыня, спросите у него. — Такъ, но, видите, ему шестьдесятъ лѣтъ, а вамъ нѣтъ и тридцати; воля ваша, а это не годится, никуда не годится. — Да чѣмъ же я виноватъ, что я молодъ? — Вы ни въ чѣмъ не виноваты, *М-г Нестор*, прошептала, краснѣя, юная Гортензія. — После этихъ словъ, сами согласитесь, одно спасеніе—женитьба, чѣмъ болѣе, что простодушная дѣвушка обмолвилась въ самомъ принятъ строгой нравственности—въ театрѣ *Gympase*. По рукавъ, да и къ звнцу. За нотариусомъ не посылать—свадебный контрактъ мигомъ поспѣеть—и двѣ концы.

Нѣтъ, не конецъ, господа; надобно полагать, что дѣвица Бланшъ, устроивъ судьбу племянницы, позаботится и о ея тетушкѣ. Ей 46, ея сердечному другу 64—тѣ же цифры, только въ обратномъ порядкѣ. Чѣмъ не пара?

Эта маленькая эклога — не прогрессъ въ драматической литературѣ, но *пьеска миленькая, забавленькая, невиненькая* — и то хорошо!

Шутка г-жи Жирарденъ — припадокъ смѣха въ одномъ дѣйствіи. Не ищите въ этой пьесѣ повести, интриги — ни того ни другаго тамъ нѣтъ. Г-жа Жирарденъ не заботится о такихъ мелочахъ. Зачѣмъ ей интрига? Она выбрала комическое *положеніе*, разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ и развиваетъ до крайнихъ предѣловъ. Смѣхъ рассказывать трудно. — Въ слезахъ всегда есть драма; въ смѣхѣ часто одна картина, а мертвая буква не передастъ красокъ. Но нечего дѣлать, попытаемся.

Ходъ пьесы тѣсно связанъ съ ходомъ столовыхъ часовъ. Амедей, лакей по званію, и родной братъ всѣхъ театральныхъ *Жокрисовъ* по-призванію, убираетъ комнату. — У Амедея, въ противоположность всѣмъ на свѣтѣ лакеямъ, одинъ недостатокъ — неукротимая страсть къ опрятности. Кроме того, онъ не очень ловокъ. Когда онъ начнетъ смѣтать пыль, — горе запыленному предмету: Амедей или уронитъ его, или на мѣств изломаетъ. Страсть къ чистотѣ привлекла его къ часамъ на каминѣ и совлекла часы съ каминна на полъ. Причина бѣды—страсть къ чистотѣ; но г. Гонзалесъ, баринъ Амедея, не довольствуется такими причинами. Онъ испанецъ, принявшій французское подданство, но, какъ выражается Амедей, не довольно еще офранцузившійся. Это любимые часы Гонзалеса, съ двумя бронзовыми горлицами на верху. Г. Гонзалесъ недавно женился, а въ медовый мѣсяцъ кто не охотникъ до горлицъ? Чтѣ дѣлать бѣдному Амедею?—Пришлось послать за часовщикомъ, чтобы починить часы, покуда строгій господинъ не замѣтилъ бѣдственныхъ

последствій излишней опрятности. Пришелъ часовщикъ, осмотрѣвъ часы, и рѣшилъ, что ему необходимо взять ихъ дня на два съ собою; но только-что онъ понесъ ихъ къ двери, раздался звонокъ, и едва Амедей успѣлъ втолкнуть часовщика въ комнату барыни и вынуть ключъ изъ дверей, какъ вошелъ Гонзалесъ. По свирѣпому виду гидаляго можно догадаться, что ожидаетъ провинившагося слугу. Испанецъ сморщилъ брови, встряхнулъ гривую и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ плавный левъ въ клеткѣ. Амедей старается успокоить своего господина, прислуживаясь ему и говоря затѣйливую плоскости, довольно, впрочемъ, смѣшныя; но Гонзалесъ не слушаетъ краснобая. До того ли ему. Онъ ревнуетъ, онъ получилъ безымянное письмо, въ которомъ его увѣряютъ, что жена его обманываетъ. Тутъ есть минута страшнаго душевнаго волненія, минута страдальческаго отчаянія, художественно изображенная авторомъ. Болзвевный вопль растерзаннаго сердца заглушаетъ на мгновеніе непрерывный смѣхъ пьесы. Жокрисъ-Амедей смиренно сходитъ на второй планъ картины;— на первый выступаетъ Жокрисъ-Гонзалесъ.

— Гдѣ барыня? спрашиваетъ онъ гробовымъ голосомъ.

— Не могу знать.

— Дома?

— Нѣтъ-съ, изволили выѣхать.

— И ключа нѣтъ въ двери. Гдѣ ключъ?

— Онъ взяли ключъ съ собой, отвѣчаетъ съ безстыдствомъ Амедей, шупая ключъ въ своемъ карманѣ.

— А эта шляпа? завопилъ Гонзалесъ, увидя шляпу часовщика.— Чья это шляпа?

— Шляпа.... шляпа барынина.

— Бездѣльники!

— Нѣтъ-съ, не барынина, — виновать-съ, помилуйте; шляпа нянькина.... моя.... нѣтъ, ваша-съ. Да вы шутите, баринъ? какая же шляпа? здѣсь нѣтъ никакой шляпы.

Въ самомъ дѣлѣ шляпы уже не было. Амедей ловко подхватилъ ее и бросилъ въ сосѣдную комнату.

Гонзалесъ задушилъ бы несчастнаго, если бы въ это время не вошелъ его родственникъ донъ Родригъ, — умъ холодный, скептический, насмѣшникъ; роль вводная, но бойко очертанная и не безъ занимательности. Этотъ безчувственный человекъ находилъ удовольствіе мучить бѣднаго Гонзалеса. Онъ подливаетъ масло въ пламя, растравляетъ свѣжія раны солью своихъ насмѣшекъ, придаетъ догадкамъ форму дѣйствительности, доводитъ сомнѣнія до убѣжденій.

Онъ былъ также жевать, но, проникнутый цинизмомъ французскихъ супруговъ прошедшаго вѣка, онъ принялъ, какъ втрое, извѣстный парадоксъ:

Quand on le sait, c'est peu de chose,
Quand on l'ignore..... ce n'est rien.

Доведя Гонзалеса до отчаянія, д. Родригъ изложилъ передъ удивленнымъ партеромъ такую *теорію возмездій*, отъ которой волосъ сталъ дыбомъ на головѣ *правовѣрныхъ* супруговъ. Есть случаи, говоритъ донъ Родригъ, когда незначительная потеря доставляетъ огромныя выгоды... Семейное спокойствіе сохраняется ненарушимо, столь заботливо приравнено къ вкусу добраго мужа, онъ самъ окруженъ самымъ обязательнымъ вниманіемъ! Эту мысль широко разработалъ покойный Бальзакъ (когда еще былъ холостымъ); г-жа Жирарденъ воспользовалась ею по-своему. Въ ея воззрѣніяхъ столько колкости, рѣчь ея такъ остра, что перо ея недаромъ прозвали кинжаломъ. Человѣкъ безпристрастный, читая г-жу Жирарденъ, всегда остается недовольнымъ собою. Она безпощадно пропикаетъ въ самую глубину сердца, она твердо изучила жизнь; скальпель изслѣдованія не дрогнетъ въ рукѣ ея, какъ не дрожитъ въ рукѣ опытнаго прозектора. Она хладнокровно распластываетъ мускуль, шевелитъ нервъ и заставляетъ трепетать его. Она знаетъ что хочетъ сказать, и говоритъ это съ невыразимою определенностію выраженія и съ неподражаемою твердostí голоса. Только добро какъ будто не такъ ей по душѣ, какъ зло; въ ея улыбкѣ есть какая-то странная горечь, и грустно становится, что въ ней такъ мало сочувствія къ человѣку. Эти упреки вызваны убійственными рѣчами д. Родрига.

Д. Родригъ уходитъ, захвативъ было ошибкою не свою шляпу; отыскавъ свою, онъ указываетъ Гонзалесу шляпу часовщика, со взоромъ обиднаго сожалѣнія.

Господинъ и слуга остаются съ глазу на глазъ.

— Признайся, мошенникъ!

— Они... онъ... я, сударь....

— Они, онъ—постой, я развлжу тебѣ языкъ! Гдѣ они? говори, не то убью.

— Они, сударь.... Они у него.—Онъ продержитъ ихъ только до завтра.

Это послѣдняя шутка въ пьесѣ. Г-жа Жирарденъ, зная, что и веселость можетъ наскутить, разсудила прекратить эти уморительныя сцены. Г-жа Гонзалесъ входитъ съ кускомъ новой ленты въ рукахъ и съ светлою, непритворною улыбкой честной женщины, которая нигдѣ не гостила до завтра. Супруги немощно объясня-

ются, много цѣлуются, платятъ часовщику и, главное, отдають ему шляпу. За тѣмъ пьесъ конецъ, потому-что все *дѣло въ шляпѣ*.

Комедія въ стихахъ г-на Дюмануара: *L'Ecole des agneaux*, носитъ на себѣ печать замѣчательнаго таланта,

Communi carmen non triviale moneta.

Въ ней много весьма удачныхъ комическихъ положеній.

Г-ну Вернель, въ раздѣлѣ судьбы, досталось на долю: тридцать лѣтъ отъ роду и тридцать тысячъ годоваго дохода. Онъ кротокъ и смиренъ, какъ всѣ счастливыя на свѣтѣ! Вдругъ характеръ его измѣняется: взоръ его становится холоденъ, какъ взоръ дипломата, — рѣчь язвительна, какъ рѣчь журнальнаго рецензента. Чтѣ съ нимъ стало, спросите вы? Бездѣлица!... Онъ повѣрилъ улыбкѣ женщины, улыбкѣ предательской какъ волны моря, и счастье его погубю, какъ погибають въ волнахъ моря безумныя надежды отважнаго пловца.

«O Woman! frailty is thy name...»

Это сказалъ старикъ Шекспиръ и говорили многіе, не лучше его знавшіе женщину.

Какъ бы то ни было, г. Вернель, возненавидя людей и жизнь за любовную неудачу, вмѣсто того, чтобы запереться отшельникомъ въ какой-нибудь деревнѣ, вздумалъ сдѣлаться журналистомъ; а какъ мѣста сотрудинокъ почти вѣсегда заняты, онъ рѣшился основать новый журналъ, подъ названіемъ самой лдовитой змѣи: *Aspic*. Кличка пришлась по шерсти. Никогда эта шильская гадина не являла такъ лдовито, не свистала такъ пронзительно, какъ явилъ и свистала ея совѣтникъ, журналъ г-на Вернеля. За то, надобно сознаться, вся околица трепетала предъ жаломъ неумолимаго редактора; его боялись даже въ деревняхъ, куда маленькіе журналы и не доходятъ. Это былъ бичъ грѣшнаго челоѣчества.

Въ одно доброе утро, г. Вернель попалъ въ олицетворенную идиллію, къ удалившемуся отъ торговли негоціанту, который мирно жилъ въ благопріобрѣтенномъ замкѣ, съ доброю женою и съ шестнадцати-лѣтнею красавицею — дочерью. У юной Луціи есть женихъ, молодой челоѣкъ, чрезвычайно бѣлокурый, чрезвычайно влюбленный и смиренный какъ агнецъ. Г. Вернель принимаетъ олимпійскую позу, вооружается громоноснымъ взоромъ, и рѣчи, полныя хулы, укора и язвительныхъ насмѣшекъ, неукротимымъ потокомъ подились изъ устъ его. — Хозяева не устояли противъ могущества такого краснорѣчія. Они испугались своего гостя, не знаютъ какъ угодить ему, не смѣють ни въ чемъ отказать. Ему предлагаютъ провести лѣто въ замкѣ. Тамъ онъ будетъ писать свои

сатиры и свои эпиграммы подъ сѣнью вековыхъ деревьевъ, подъ любовную пѣснь оловья. Ему отводятъ павильонъ, гдѣ жилъ бѣдливый, добрый Бланше, гдѣ онъ такъ, сладко грезилъ, — когда не спалъ. Наконецъ, Вернею готовы отдать даже невесту Бланше, милую, прекрасную Луцилю. — Развѣ можно въ чемъ-либо отказать такому опасному чловѣку, какъ *Aspic*. Бланше вознегодовалъ и — *сгрызъ свое сердце*. Выраженіе это уже слишкомъ сильно, пересолено, какъ говорится по-русски, но его выдумалъ не г. Дюмануаръ: вы найдете эту метафору въ Гомерѣ, а Египтяне сплошь да рядомъ ее употребляли.

Возвратимся къ г-ну *Аспиду*; кажется, такъ зовутъ по-русски эту злую змью. Вернелъ только пріодѣлся зминою чешуею: въ душѣ онъ чловѣкъ предобрый. Онъ даетъ приданое, цѣлѣстаетъ и женить деревенскую молодежь. У Аспида наворачиваются слезы на его зеленыхъ глазахъ, когда онъ подумаетъ о вѣчно милой ему обманщицѣ; когда онъ, сообразивъ обстоятельства, начинаетъ догадываться, что она только показала ему невѣрною, а на самомъ дѣлѣ никогда ему не измѣняла, что онъ разсѣянность ея приналъ за холодность; когда г. Вернелъ начнетъ обо всемъ этомъ размысливать, онъ становится превосходнѣйшимъ въ свѣтѣ чловѣкомъ, то-есть самымъ влюбленнымъ изъ всѣхъ влюбленныхъ.

Бланше также вдругъ измѣнился. Видя на опытѣ, какъ успешно идутъ дѣла людей *не смиренныхъ*, онъ накинудъ львиную кожу на смиренную шкурку агнца, заревѣлъ, оскалилъ зубы, настрашалъ своего будущаго тестя, перепугалъ тещу и не пощадилъ и самой Луцили, и наконецъ этой уловкѣ снова пріобрѣлъ вліяніе на семейство своей невесты, вліяніе, утраченное смиреніемъ и излишнею добротою. Не даромъ люди говорятъ: простота хуже воровства.

Наконецъ дѣло объясняется. Поддѣльный левъ и поддѣльный аспидъ опять становятся предобрими людьми, и пѣса кончается, по принятому обычаю, тремя или четырьмя свадьбами по любви.

Эта простенькая канва вышита самыми затѣливыми арабесками. Детали прекрасны, ума много, чувства еще больше. Пѣса г-на Дюмануаръ имѣла заслуженный успѣхъ.

Н. П.—ИИ

Еще слово о столахъ. Прованское повѣріе.

Во Франціи, съ давняго времени, существуетъ гаданье, которое въ XVII вѣкѣ называли: *гаданье посредствомъ рѣшета*. Есть сильныя причины полагать, что это дѣйствіе, о которомъ, между прочимъ, упоминается въ Жилбазѣ, гдѣ сказано, что маркиза де Шавесъ призвала колдуна, который этимъ занимался, — имѣть

большое сходство съ движущимися столами, и вотъ на чемъ основывается это мнѣніе.

Въ некоторыхъ мѣстностяхъ южной Франціи и въ особенности въ селеніи Эйрагъ (въ департаментѣ Устьеъ Роны) существуетъ суевѣрный обычай, означаемый выраженіемъ: *faire vira lon cruveru*, что значитъ, слово въ слово: *вертѣть рѣшето*. Случится ли гдѣ покража, дѣвушки тотчасъ собираются вокругъ стола, на которомъ поставлено рѣшето, и подносятъ къ нему коонецъ большихъ ножницъ, которыми стригутъ ренейникъ. По прошествіи известнаго времени, рѣшето начинаетъ вертѣться и указываетъ на особу, виновную въ покражѣ. Какимъ образомъ? Сообщающій эти подробности не могъ узнать этого, потому-что, при немъ, пропажа длинной серебряной цѣпочки, на которой дѣвушки вѣшаютъ ножницы, произвела смѣненіе во всѣхъ работницахъ магазина, гдѣ собирали ренейникъ, — и виновный скрылся ночью съ похищенною вещію, показавъ такимъ образомъ больше вѣры въ гаданіе, нежели нравственности. Опытъ не могъ быть произведенъ; но довѣренность къ нему жительницъ Эйрага была такъ сильна, что она непременно должна имѣть какое-нибудь основаніе.

Наканувъ того дня, некоторые умники напрасно старались доказать, что рѣшето не можетъ придти въ движеніе само-собою; четыре дѣвушки только и твердили, какъ Галлей: *viro, viro!* (вертится! вертится!) Ясно, что это феноменъ, сходный съ движеніемъ столовъ. Но къ какому способу прибѣгала черная, или бѣлая магія, чтобы произвести въ рѣшето кругообразное движеніе? Вотъ до чего любопытно было бы дойти.

Впрочемъ, подобный обычай существуетъ въ Италіи и Испаніи, и, какъ кажется, это суевѣріе ведетъ свое начало изъ Греціи. У Эллиновъ, къ числу различныхъ способовъ гаданія принадлежить коскинноманія или гаданіе рѣшетомъ, которое, — говорятъ новѣйшіе писатели, — оборачивали на остріе, или привѣшивали на нитку; но это изъясненіе легко можетъ быть одною догадкою, — по крайней мѣрѣ, въ провансальскомъ гаданіи ни слова не упоминается о висящемъ рѣшетѣ, но говорится только о кругообразномъ его движеніи.

Изъ Вены пишутъ (Allg. Zeitung, 11 февраля), что тамошнее общество св. Северіана обнаруговало воззваніе о собраніи пособій на построеніе католическихъ церквей въ Болгаріи. Католическіе приходы въ Болгаріи ограничиваются (!!) слѣдующими мѣстами: Малковше съ Тульчею, Транзевица, Лашиниъ, Овеча, Беллине. На первый случай, должны быть выстроены каменные церкви въ

Транзевигъ и Беллине, гдѣ теперь находятся только деревянныя здавія, для чего и возлагается надежда на щедрость австрійскихъ католиковъ.»

Заклучимъ заграничныя извѣстія воспоминаніемъ объ упавшемъ англійскомъ министерствѣ: не далѣе какъ за два года оно вступило въ управленіе и тотчасъ получило названіе *министерства талантовъ, способностей*. Это были передовые, умвѣйшіе, геніальные люди изъ всѣхъ почти партій. Журналы и газеты всѣхъ партій были согласны въ этомъ приговорѣ. Французскія и нѣмецкія газеты слѣдовали за англійскими. И въ самомъ дѣлѣ, собраніе такихъ людей, какъ Руссель, Грагамъ, Гладстонъ, Абердинъ, Пальмерстонъ, Молесвортъ, друзья Пила, внушало всеобщее уваженіе. Лучше и выше ничего не могла представить Англія. Каждый изъ этихъ министровъ могъ быть первенствующимъ министромъ и управлять государствомъ. Таково было общее мнѣніе. И что же!— это геніальное министерство падаетъ теперь подъ ударами большинства въ 157 голосовъ, повторившихъ за г. Ребокомъ, что этому министерству нельзя уже идти далѣе по своему «пути *нелъжества, неспособности, безсилія*.»

Министерство пало. Основывается другое. Что же: — три четверти прежняго министерства, или даже болѣе, занимаютъ мѣста въ новомъ министерствѣ! Объясните это явленіе. Принимали эти лица участіе въ дѣйствіяхъ прежняго кабинета, или нѣтъ? Принимали. А если принимали и оказались неспособными, то почему же они сдѣлаются способными въ новомъ кабинетѣ? Изъ-за чего же былъ шумъ? Ясно, что шумъ имѣлъ другую цель: не министерство переменить, а удалить двухъ-трехъ человекъ, — которая цель и достигнута. Но не стыдно ли обманывать такъ явно и грубо? Не стыдно ли такую ложь избирать предлогомъ нападенія и осужденія? Министры отставляемые говорятъ: Мы выходимъ изъ министерства съ поднятою головою. Мы сдѣлали все, что могли! Первый министр, графъ Абердинъ, сохраняетъ уваженіе народа, и проч. Вступающій военный министръ управлялъ уже нѣсколько разъ военнымъ министерствомъ, то-есть приводилъ въ дѣйствіе ту систему, которая оказалась совершенно неудобною! Но Богъ съ нами, съ этими кознями, которыхъ мы вполне, можетъ быть, и понять не можемъ. Для насъ занимательно только то, что первымъ министромъ сдѣлался главный ревнитель войны, который жаждетъ войны, во что бы то ни стало, и будетъ вести ее изъ всѣхъ силъ. Съ другой стороны, 15 тысячъ Сардинцевъ, отправляющихся въ Крымъ, удостовѣряютъ во враждебномъ расположеніи соседней страны.

Ж. П.

Экспедиція Англичанъ въ Японію, 1798 г.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ замѣчательное сочиненіе о Японіи г. Эд. Фрессине. Издатель сообщаетъ намъ слѣдующее извлеченіе изъ книги, наполненной любопытными и занимательными фактами.

«Въ началѣ октября 1808 г., въ виду Нангазаки показался европейскій корабль. Голландцы думали, что это одинъ изъ ихъ кораблей, котораго прибытіе было замедлено присутствіемъ передъ Батавією морскихъ англійскихъ силъ. Слѣдуя принятому обычаю, г. Дёффъ, тогдашній правитель факторіи, долженъ былъ отправиться на корабль, развѣдать, какой онъ націи, за-чѣмъ пришелъ, и донести о томъ японскому губернатору Нангазаки; но онъ за болѣзнію не могъ этого исполнить и назначилъ на свое мѣсто двухъ чиновниковъ факторіи. Къ вечеру, корабль бросилъ якорь на обыкновенномъ мѣстѣ. Онъ ничѣмъ не отличался отъ кораблей голландскаго флота. Каково же было удивленіе г. Дёффа, когда толмачи въ страшномъ волненіи пришли донести ему, что чиновники его захвачены въ плѣнъ! Эти господа, вообразивъ себя, что готовятся свидѣться съ соотечественниками, въ своей радости и нетерпѣннн опередили шлюпку японскихъ чиновниковъ, которымъ поручено осматривать приходящія иностранныя суда. Корабль выслалъ имъ на встрѣчу шлюпку. Но у гребцовъ подъ одеждою были спрятаны сабли. Они овладѣли голландцами и увлекли ихъ съ собою.

«При этомъ видѣ, баньосы и толмачи, слѣдовавшіе въ другой шлюпкѣ въ недалекомъ разстояніи, не будучи въ состояніи освободить своихъ товарищей, должны были возвратиться на берегъ.

«Это обстоятельство убѣдило г. Дёффа, что корабль точно англійскій, и что онъ присвоилъ себѣ батавскій флагъ. Въ то время, какъ онъ пряталъ въ безопасное мѣсто паспорта японскаго императора и нѣкоторыя драгоценности, ему доложили, что губернаторъ города, въ страшномъ гнѣвѣ, выгналъ своихъ чиновниковъ и запретилъ имъ казаться къ себѣ на глаза, прежде, чѣмъ они возвратятъ изъ плѣна двухъ голландцевъ.

«Правитель колоніи, съ которымъ онъ совѣтовался о средствахъ выручить его соотечественниковъ, отвѣчалъ, что онъ напишетъ къ англичанамъ, которые, по законамъ войны, не имѣютъ права удерживать голландскихъ чиновниковъ. Между тѣмъ, провесся слухъ, что вокругъ острова Дезима, на которомъ находится факторія, снуютъ вооруженныя шлюпки; г. Дёффъ счелъ за нужное удалиться въ Нангазаки.

«Въ городѣ все было въ смятеніи. Лишь только губернаторъ завидѣвъ г. Десса, какъ закричалъ ему: «Начальники! не бойся, я заставлю возвратитъ тебѣ голландцевъ». Дѣйствительно, со всѣхъ сторонъ двлали приготовления къ защитѣ и даже къ завладѣнію кораблемъ. Но въ казармахъ императорской гвардіи, гдѣ одинъ изъ его вассаловъ, князь Фидзень, обязанъ постоянно содержать гарнизонъ изъ 1000 человекъ, оказалось на лицо только 60. Всѣ офицеры были въ отлучкѣ. Губернаторъ страшно перепугался и съ этой минуты считалъ себя погибшимъ. Къ 11-ти часамъ вечера, правитель получалъ отъ одного изъ своихъ чиновниковъ слѣдующую записку: «Корабль изъ Бенгаліи; имя капитана Пелью; онъ требуетъ припасовъ и воды.»

«Около полуночи, первый секретарь губернатора позвалъ Десса къ себѣ: — «Начальникъ, сказалъ онъ, поручилъ мнѣ выручить голландцевъ». — Чтò же вы думаете дѣлать? — «Вотъ мой планъ: я стану требовать ихъ у капитана. Если онъ откажется ихъ выдать, я убью его и потомъ зарвжусь.»

«На силу, и то при помощи губернатора, Десса уговорилъ его оставить его отчаянное намѣреніе.

«Болѣе искусный планъ губернатора состоялъ въ томъ, чтобы удержать корабль до тѣхъ поръ, пока соберутся суда и войска окрестныхъ князей. Къ 9-ти часамъ, на корабль подняли британскій флагъ. Японцы пришли въ оборонительное положеніе. Они размѣстили войска и на островѣ Дезимъ. Но все эти приготовления не обошлись безъ замѣшательства, какъ и должно было ожидать у народа, который въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ сряду жилъ въ глубокомъ мирѣ. Начальники баньсовъ, не смѣя явиться къ губернатору безъ захваченныхъ голландцевъ, не отъѣзжали отъ корабля, тщетно стараясь склонить капитана освободитъ плѣнныхъ. Наконецъ, въ четыре часа вечеромъ, одинъ изъ чиновниковъ, бухгалтеръ Гозманнъ, возвратился къ правителю колоніи. Вотъ что онъ разсказывалъ: тотчасъ по вступленіи на корабль ихъ привели къ капитану, молодому человеку лѣтъ осмьнадцати или девятнадцати, который сталъ ихъ допрашивать, есть ли въ Японіи голландскіе корабли, и, на отрицательный отвѣтъ, назвалъ ихъ лгунами и сказалъ, что самъ отправится повѣритъ ихъ донесенія. Къ счастью, слова ихъ оказались справедливыми. На другой день онъ послалъ Гозманна на берегъ съ слѣдующею запискою: «Если Гозманнъ, до наступленія ночи, не привезетъ мнѣ припасовъ и воды, то я сожгу японскіе корабли и китайскія джонки, стоящія въ гавани.» Сверхъ того, онъ взялъ съ

него слово воротиться на корабль, угрожая въ противномъ случаѣ повѣсить его товарища.

«Губернаторъ пришелъ въ страшную ярость при чтеніи этого письма; однакожъ, посоветовавшись съ правителемъ факторіи, рѣшился послать требуемые припасы и воду, но въ маломъ количествѣ, въ надеждѣ удержать англичанъ въ гавани. Послѣ того голландцы были отпущены на берегъ.

«Теперь у губернатора оставалась одна забота — не выпускать англійскаго корабля. Каждому губернатору Нангазаки предписывается, въ случаѣ, если чужеземный корабль позволить себѣ какіе-нибудь насильственные поступки у береговъ Японіи, удерживать его до тѣхъ поръ, пока императоръ рѣшитъ его участь. Ночью губернаторъ снова совѣтовался съ голландцами, какимъ образомъ привести это приказаніе въ исполненіе. Г. Дефъ полагалъ, что Японцы не довольно сильны, чтобы дѣйствовать открыто противъ вооруженнаго фрегата. Его мнѣніе было: стараться продлить время въ переговорахъ, а между тѣмъ, собрать какъ можно болѣе лодокъ, нагруженныхъ камнями, и загородить узкій проливъ между Пепенбергомъ и Каваями, гдѣ два корабля съ трудомъ могутъ пройти рядомъ. Начальникъ гавани, присутствовавшій при совѣщаніи, доказалъ чертежемъ, что эта мысль удобоисполнима, и получилъ приказаніе собрать лодки.

«Имъ пришло въ голову также другое средство замедлить отъздъ *Фазтона* (имя корабля), а именно, послать къ англичанамъ комиссію баньосовъ, которые, подъ предлогомъ, что не приходило и, вѣроятно, уже нынѣшнимъ годомъ не придетъ кораблей изъ Индіи, стануть убѣждать англичанъ войти съ ними въ торговые сдѣлки.

«Лишь только баньосы отправились, въ городъ вступили войска князя Омура, который предложилъ сжечь англійскіе корабли, посредствомъ трехъ-сотъ лодокъ, нагруженныхъ соломкою и тростникомъ. Самъ онъ вызывался быть начальникомъ предпріятія.

«Но между тѣмъ какъ происходили совѣщанія объ этомъ новомъ способѣ нападенія, и прежде нежели баньосы до него доѣхали, корабль, пользуясь поднявшимся попутнымъ вѣтромъ, распустилъ паруса и вышелъ изъ гавани.

«Все было кончено. Голландцы возвратились въ Дезиму. Губернаторъ, противъ воли сдѣлавшійся виновнымъ въ ослушаніи правительству, предвидя свою участь и спасая (вслѣдствіе японскихъ

понятій) честь своей фамилии, распоролъ себѣ животъ, черезъ полчаса послѣ ухода правителя факторіи. Начальники императорской гвардіи, хотя они были подданные князя Фидзена, послѣдовали этому примѣру. Самъ князь подвергся стодневному заключенію за неисправность офицеровъ.

«Сынъ нагазакскаго губернатора, невинный въ происшедшемъ, вышелъ въ люди и получилъ при дворѣ значительное мѣсто. Сверхъ того, князь Фидзень, опасаясь, чтобы впослѣдствіи не приписали ему плачевной смерти этого чиновника, выпросилъ у правительства позволеніе подарить наследнику его двѣ тысячи *кобанговъ*. Правительство не только согласилось на его просьбу, но и *позволило* повторять этотъ подарокъ ежегодно, до тѣхъ поръ, пока новое повелѣніе правительства не прекратитъ эту обязанность. Такъ-какъ позволеніе это равнялось приказанію, то князь и до сего времени производить пенсію потомкамъ губернатора.»

М О Д Ы .

Баски до сихъ поръ еще въ большомъ употребленіи и, какъ кажется, долго еще не будутъ оставлены. Эта форма лифа, въ самомъ дѣлѣ, очень граціозна. Самые модные рукава называются à la tulipe; они гладки сверху, а внизу оканчиваются двумя широкими воланами, образующими какъ бы двойной рукавъ, и вырѣзанными большими и глубокими фестонами въ видѣ лепестка тюльпана. На шелковыхъ платьяхъ такіе рукава вышиваются въ фестонахъ чернымъ стеклярусомъ.

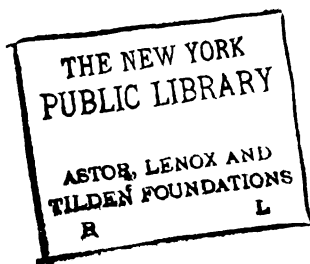
Изъ мантилій: тальмы, шубки и бурнусы, съ небольшими измѣненіями въ формѣ и отдѣлкѣ, но подъ другими названіями, будутъ въ модѣ. Сорти-де-балъ остались тѣ же: въ видѣ восточныхъ бурнусовъ для дамъ, и въ видѣ кардиналовъ или длинныхъ пелеринъ для дѣвицъ. Самые нарядныя дѣлаются изъ бѣлаго атласу, съ лебяжьей опушкой. Эти пелерины, которыя накидываютъ при входѣ на балъ или въ концертъ, завязываются спереди бантомъ широкихъ бѣлыхъ лентъ.

Бальные наряды были нынѣшній годъ великолѣпны до plus ultra. Богатыя матеріи, блонды, золото, брилліанты — вотъ ихъ элементы. Всѣ французскіе журналы говорятъ о костюмѣ одной американской львицы, въ которомъ появилась она на балу въ *Hôtel de ville*, и которымъ поставила въ тупикъ всѣхъ парижскихъ львицъ, не знающихъ себѣ соперницъ по части туалета. Костюмъ этотъ состоялъ изъ бѣлаго платья муару-антикъ, почти исчезающаго подъ двѣнадцатью рядами бахрамы, составленной изъ марабу бѣлыхъ, пунцовыхъ и золотыхъ, расположенныхъ кистями. Сорти-де-балъ, въ видѣ тальмы, былъ сдѣланъ весь изъ бѣлыхъ перьевъ, между которыми мѣстами, въ видѣ мушекъ, пропущены были золотыя и пунцовыя. — Жаль, что мы не знаемъ подробно головнаго убора; вѣроятно и онъ, какъ и остальныя части туалета, отличался такимъ же couleur locale.

Приготовлений къ веснѣ еще нѣтъ, а следовательно нѣтъ и ничего новаго. Самая глухая пора для моды. Теперь опишемъ очень изящный туалетъ для концерта, какъ болѣе другихъ приличный времени: платье тюлевое бѣлое, въ двѣ юбки, фестонированныя большими фестонами бѣлымъ шелкомъ; верхняя юбка поднята бантомъ бархатныхъ сризovýchъ лентъ; такіе же банты украшаютъ драпированный лифъ и рукава; на головѣ камъ-пень изъ цвѣтовъ пунцовой фуксiи. Сорти-де-балъ бѣлаго бархату на сризовомъ плюшѣ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

Подвѣнечный нарядъ: — платье муаровое, отделанное кружевомъ и бахромой; вуаль тюлевый. — Нарядъ для визита: — платье шелковое; мантилья бархатная, обшитая мѣхомъ; шляпа атласная, убранныя блондами и перьями.

Печататьъ позволено. Москва. Февраля 18 дня, 1855 г.

Цензоръ В. Флеровъ.

Въ типографіяхъ: А. Степановой и В. Готье.

С 5
55.
FB

FEB 21 1962

